adventure
sf_etc

Клайв
Касслер

Циклоп

У США есть тайна, неизвестная даже президенту. Уже много лет секретное общество патриотов, включающее политиков, промышленников и ученых, работает над проектом невиданного масштаба: автономным поселением на Луне. Увы, но опасаясь внутренних угроз вроде предательства или некомпетентного руководства, они проморгали угрозу внешнюю. СССР стало известно о нарушающей международные соглашения лунной колонии – к тому же американцы уничтожили советский пилотируемый зонд. Вот-вот разразится настоящая война в космосе, от которой один шаг до новой мировой войны на Земле. Кто может остановить назревающий конфликт? Только непобедимый Дирк Питт, который ради такого дела готов даже отвлечься от поиска сокровищ Эльдорадо…

ru
en

А.
В.
Максимлюк

sf_history

Clive
Cussler

Cyclops

en

Инквизитор
http://fantasy-worlds.org/
admin@fantasy-worlds.org

OOoFBTools-3.2 (ExportToFB21), FictionBook Editor Release 2.6
02.07.2021
http://fantasy-worlds.org/lib/id32144/
http://fantasy-worlds.org
045AAB3D-6132-419B-88A7-2A68BA3C5E2E

1.0

1.0 – создание файла (Инквизитор).

Клайв Касслер «Циклоп»
Э
Москва
2016
978-5-699-86447-8

Клайв Касслер
Циклоп

Пролог

9 марта 1918 года

Карибское море

Циклопу оставалось жить меньше часа. Через сорок восемь минут судно станет общей могилой для трехсот девяти пассажиров и членов команды.

Трагедию ничто не предвещало. Словно в насмешку, море было гладким и пустым, а небо – кристально чистым. Даже чайки, преследовавшие судно несколько недель, парили вокруг с ленивым безразличием, будто теплая погода притупила остроту их инстинктов.

Легкий юго-восточный бриз едва шевелил американский флаг на корме. В половине четвертого утра большинство пассажиров и не занятых вахтой членов экипажа еще спало. Остальные, неспособные забыться сном в такую гнетущую жару, навеянную пассатами, стояли на верхней палубе и, перегнувшись через борт, наблюдали, как нос корабля с шумом рассекал высокие волны. Океан казался безмятежным, но в его глубинах уже нарастали могучие силы стихии.

В рубке «Циклопа» лейтенант Джон Черч задумчиво смотрел куда-то вдаль через большой круглый иллюминатор. Это было единственное, что он мог делать, чтобы не заснуть, ведь ему досталась «собачья вахта» – с полуночи до четырех утра. Черч мельком отметил, что волны стали подниматься выше, но, пока они оставались широкими и пологими, причин для снижения скорости он не видел.

Основательно нагруженный рудовоз даже при попутном течении медленно тащился со скоростью всего девять узлов. Ходовая часть судна нуждалась в капитальном ремонте, оно оставалось на ходу лишь благодаря единственному рабочему двигателю левого борта. Вскоре после того, как корабль покинул Рио-де-Жанейро, двигатель правого борта сломался, и старший механик доложил, что до Балтимора его никак не починить.

Лейтенант прошел трудный путь от матроса до офицера. Он был худым, преждевременно поседевшим мужчиной, через пару месяцев ему должно было стукнуть тридцать. Черч служил на многих кораблях и уже четырежды совершал кругосветное плавание, однако «Циклоп» был самой странной посудиной, с которой ему довелось иметь дело за все двенадцать лет на флоте. Это было его первое плавание на восьмилетием судне, и странности начались с самого отплытия.

После выхода из порта один из моряков выпал за борт прямо под левый гребной винт, раскромсавший беднягу на куски. Затем случилось столкновение с крейсером «Рэли», в результате оба судна получили незначительные повреждения. На гауптвахте корабля сидели пять арестантов. Одного из них, обвиняемого в жестоком убийстве сослуживца по кораблю, везли в морскую тюрьму в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир. Заходя в гавань Рио-де-Жанейро, корабль едва не налетел на риф. Старший помощник обвинил капитана в отклонении от курса, в том, что это могло погубить судно, а тот, разгневавшись, арестовал помощника и посадил в карцер. И, вдобавок ко всему, команда постоянно роптала, правый двигатель барахлил, а капитан все время напивался до беспамятства. Подытожив все печальные происшествия, Черч не мог избавиться от чувства, что настоящая катастрофа еще впереди.

Тяжелые шаги за спиной прервали его мрачные размышления. Он обернулся и застыл, когда в дверь рубки вошел капитан.

Капитан-лейтенант Джордж Уорли был вылитым пиратом из книги «Остров сокровищ», не хватало лишь повязки на глазу и деревянной ноги. Своим видом он напоминал быка. Шея практически отсутствовала, казалось, что массивная голова вырастала прямо из плеч. Ни у кого раньше Черч не видел таких огромных рук – длинных и толстых, как бревна. Капитан никогда не был строгим приверженцем морского устава, поэтому позволял себе являться на мостик в домашних шлепанцах, котелке и одних кальсонах. Черч видел его одетым по форме лишь один раз, когда «Циклоп» стоял в порту и Уорли понадобилось сойти на берег по служебным делам.

Пробурчав что-то вместо приветствия, вошедший человек подошел к барометру и постучал по нему мясистым пальцем. Затем посмотрел на стрелку прибора и кивнул.

– Неплохо, – произнес капитан с легким немецким акцентом. – Хороший прогноз на следующие двадцать четыре часа. Надеюсь, нам повезет, и океан будет гладким как шелк. Хотя возле мыса Хаттерас мы вполне можем попасть в передрягу.

– Там любым кораблям опасно проходить, – заметил лейтенант.

Уорли прошел в штурманскую рубку и взглянул на начерченную карандашом линию, обозначающую курс и примерные координаты «Циклопа».

– Взять курс на пять градусов к северу, – сказал он, вернувшись в рулевую рубку. – Мы обогнем Большую Багамскую банку.

– Но мы уже в двадцати милях к западу от главного фарватера, – возразил Черч.

– У меня есть свои причины избегать судоходных путей, – грубо отрезал Уорли.

Лейтенант просто кивнул рулевому, и «Циклоп» сменил курс. После маневра судно развернулось левым бортом к волне. Началась сильная качка.

– Не то чтобы я сильно беспокоился, – сказал Черч, – но волны становятся круче.

– Не редкость для этих вод, – ответил капитан. – Мы приближаемся к району, где северное экваториальное течение встречается с Гольфстримом. Бывает, океан остается ровным, как высохшее озеро в пустыне, а иногда мне доводилось видеть, как под киль подкатывают волны высотой двадцать футов.

Черч хотел что-то сказать, но запнулся на полуслове и прислушался. Его внимание привлек доносившийся в рубку скрежет металла о металл. Уорли не подал виду, что слышит что-то необычное, однако Черч подошел к задней перегородке и выглянул, чтобы осмотреть длинную грузовую палубу «Циклопа».

Для своего времени корабль был достаточно большим, общей длиной от носа до кормы пятьсот сорок два фута и шириной шестьдесят пять футов. Он был построен в Филадельфии в 1910 году и использовался в качестве вспомогательного судна Атлантического военно-морского флота. Семь вместительных трюмов могли перевозить десять с половиной тысяч тонн угля, но в этот раз их загрузили одиннадцатью тысячами тонн марганца. Грузовая марка судна находилась на добрый фут под водой. Черч считал, что корабль опасно перегружен.

Выглянув на палубу, лейтенант окинул взглядом выступающие из сумрака двадцать четыре грузовых крана для погрузки угля, их гигантские ковши в штормовую погоду были закреплены. Но он разглядел и кое-что еще.

В средней части судна палуба как будто приподнималась и опускалась, изгибаясь в такт прокатывающим под килем волнам.

– О боже, – пробормотал мужчина, – море сгибает корабль. Уорли даже не взглянул.

– Не о чем беспокоиться, сынок. «Циклоп» привык к небольшим встряскам.

– Я никогда не видел, чтобы корабль так гнулся, – не унимался Черч.

Капитан опустился на большое плетеное кресло, которое специально для таких случаев держал на мостике, и закинул ноги на нактоуз.
– Сынок, не волнуйся о старине «Циклопе». Он будет бороздить моря еще много лет после того, как мы с тобой покинем этот мир.
Такая беспечность не успокоила моряка. Пожалуй, даже наоборот, его тревога усилилась. Сменившись с вахты и передав командование другому офицеру, Черч покинул капитанский мостик и направился в радиорубку, чтобы выпить чашечку кофе с дежурным оператором.
Спаркс поднял голову и посмотрел на вошедшего:
– Доброе утро, лейтенант.
– Есть какие-нибудь новости с ближайших судов?
Спаркс стащил наушник с одного уха.
– Простите?
Черч повторил вопрос.
– Ну, пара радистов с торговых судов обмениваются шахматными ходами.
– Присоединился к ним и ты бы для разнообразия.
– Я играю в шашки, – ответил оператор.
– Эти два «торговца» далеко?
– Их сигналы слабые… Думаю, они от нас где-то в доброй сотне миль.
Черч сел на стул верхом, сложил руки на спинке и положил на них подбородок.
– Свяжитесь с ними и спросите, что там у них с погодой.
Спаркс беспомощно пожал плечами:
– Не могу.
– Барахлят передатчики?
– Работают безотказно, как молоденькая шлюха из Гаваны.
– Тогда в чем дело?
– Распоряжение капитана Уорли, – ответил Спаркс. – Когда мы вышли из Рио, он вызвал меня к себе в каюту и запретил передавать сообщения без его команды, пока не доберемся до Балтимора.
– Он назвал причину?
– Нет, сэр.
– Очень странно.
– Думаю, это из-за той важной шишки, которую мы взяли пассажиром в Рио.
– Ты о генеральном консуле?
– По крайней мере, я получил приказ уже после того, как он попал на борт.
Спаркс замолчал и надвинул наушники. Затем начал записывать входящее сообщение на лист бумаги. Через минуту повернулся и мрачно сказал:
– Сигнал бедствия.
Черч приподнялся:
– Где именно?
– Двадцать миль к северу от Ангильи.
Лейтенант мысленно подсчитал.
– Около пятидесяти миль от нашего курса. Что еще?
– Название судна – «Кроган Касл». Разбит нос. Надпалубные сооружения сильно повреждены. Судно дало течь. Просят срочной помощи.
– Разбит нос? – озадаченно переспросил собеседник. – Из-за чего?
– Они не сообщили.
Черч направился к двери.
– Я доложу капитану. Передайте на «Кроган Касл», что мы несемся на всех парах.
Спаркс болезненно поморщился:
– Простите, сэр. Не могу.
– Выполняйте! – скомандовал Черч. – Беру ответственность на себя.
Он развернулся и побежал по проходу, затем поднялся по лестнице в рулевую рубку. Уорли все еще сидел в плетеном кресле, покачиваясь в такт движениям судна. Сдвинув очки на самый кончик носа, капитан читал истрепанный журнал «Либерти».
– Радист поймал сигнал SOS, – сообщил Черч. – Около пятидесяти миль от нас. Я приказал передать, что мы меняем курс и идем на помощь.

Сидевший вдруг выпучил глаза, стремительно вскочил из кресла и крепко схватил оторопевшего лейтенанта за плечи.
– Вы что, рехнулись? – проревел он. – Черт возьми, кто дал вам право отменять мои приказы?
Плечи Черча отозвались болью. Капитан сжимал их мертвой хваткой, его невероятно сильные пальцы впивались в тело как клещи.
– Ради всего святого, капитан, мы же не можем пройти мимо судна, терпящего бедствие.
– Если я так сказал, значит, можем!
Вспышка Уорли поразила Черча. Мужчина таращился на всех красными, косящими в сторону глазами, от него разило перегаром.
– А как же главное морское правило? – упорствовал Черч. – Мы должны прийти на помощь.
– Они тонут?
– В сообщении сказано, что судно дало течь.
Уорли оттолкнул лейтенанта.
– Ну и черт с ними… Пусть эти недоноски откачивают воду, пока кто-нибудь другой не вытащит их из дерьма.
Обстановка в рубке накалилась до предела, рулевой и дежурный безмолвно наблюдали, как мужчины прожигали друг друга немигающими взглядами. Вся злость от их размолвок, копившаяся последние несколько недель, готовилась выплеснуться наружу.
Вахтенный офицер двинулся к ним, намереваясь вмешаться, но Уорли перевел на него взгляд и прорычал:
– Не лезь не в свое дело, следи лучше за штурвалом!
Черч потер отдавленные плечи и посмотрел на капитана:
– Я протестую против вашего отказа ответить на сигнал SOS и требую, чтоб это было записано в судовом журнале.
– Я предупреждаю…
– И еще в журнале необходимо отметить, что вы запретили радисту посылать сообщения.
– Вы перешли всякие границы, уважаемый, – холодно сказал Уорли, его губы сжались в тонкую линию, по лицу катился пот. – Считайте, что вы сами себя отправили под арест.
– Да хоть всех офицеров здесь арестуйте, – огрызнулся Черч, выходя из себя, – и будете вести этот проклятый корабль в одиночку.
Не успел капитан ответить, как «Циклоп» внезапно рухнул вниз с высокого гребня волны. Благодаря инстинктам, отточенным годами службы на флоте, все моряки в рубке мгновенно схватились за ближайшие надежно закрепленные предметы, чтобы сохранить равновесие. Корпус корабля застонал от напряжения, послышался громкий скрежет.
– Матерь божья! – дрогнувшим от страха голосом вскрикнул рулевой.
– Молчать! – взревел Уорли, как только «Циклоп» выпрямился. – Мое судно переживало встряски и похлеще.
Вспышка внезапного озарения пронзила Черча.
– «Кроган Касл», корабль, который послал сигнал бедствия… У него разбит нос и повреждены надпалубные конструкции.
Уорли уставился на него:
– И что?
– Неужели вы не понимаете? Скорее всего, их накрыло гигантской волной.
– Вы несете полный бред! Убирайтесь в свою каюту! Я не хочу видеть вашу рожу, пока мы не пристанем к берегу.
Черч помедлил, сжав кулаки. Затем расслабил их, когда понял, что дальнейший спор – бессмысленная трата времени. Не говоря ни слова, он развернулся и вышел из рубки.
Лейтенант поднялся на палубу и осмотрелся. Море казалось обманчиво спокойным. Волны были теперь не больше десяти футов и уже не перехлестывали через борт корабля. Он прошел на корму и увидел, что паровые трубы, приводящие в действие лебедки и прочее дополнительное оборудование, трутся о фальшборт, когда судно поднимается и опускается на больших пологих волнах.
Потом мужчина спустился в трюм и проверил два хранилища руды, подсвечивая фонариком подпорки и балки, удерживавшие груз при качке. Хоть они и поскрипывали от напряжения, но держались крепко и выглядели безопасно. Никаких признаков смещения руды он не заметил.

Тем не менее усталость не могла заглушить беспокойство. Черчу пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не отправиться в уютную койку, ему так хотелось предаться сну, выбросив из головы все приключившиеся невзгоды. Он обошел все, вплоть до машинного отделения, чтобы убедиться, что в нижних трюмах нет воды. Но худшие опасения не подтвердились, поэтому веру Уорли в «Циклоп» можно было признать обоснованной.

Когда моряк шел к кают-компании, намереваясь все-таки выпить чашечку кофе, приоткрылась дверь одной из кают. На пороге стоял Альфред Готшалк, генеральный консул США в Бразилии. Он разговаривал с кем-то внутри каюты. Черч бросил взгляд через его плечо и увидел корабельного доктора, склонившегося над человеком в койке. Лицо пациента выглядело усталым и пожелтевшим, его моложавые черты слабо сочетались с густыми седыми волосами. В широко раскрытых глазах Черч увидел страх, порожденный пережитыми бедами и страданиями. Эти глаза повидали многое. Еще одно звено в цепи странных совпадений, которые отмечали плавание «Циклопа».

Черч вспомнил, как перед отплытием из Рио-де-Жанейро, когда он нес вахту, на причал выехало несколько автомобилей. С пассажирского места одной из машин вышел генеральный консул и приказал погрузить на корабль его чемоданы и саквояжи. После чего внимательно оглядел судно – от округлой и изящной, как бокал для шампанского, кормы до громоздкого вертикального носа. Консул оказался маленьким, толстеньким и весьма комичным с виду, но от него неуловимо веяло алчностью и жаждой власти. Его пепельные волосы были коротко подстрижены на прусский манер, а узкие брови гармонировали с тонкими усиками.

Следом подъехала карета «Скорой помощи». Черч смотрел, как на корабль из нее перенесли на носилках человека, но разглядеть его как следует было невозможно из-за москитной сетки, закрывавшей лицо. Скорее всего, человек на носилках был кем-то из окружения Готшалка, но тот большим вниманием удостоил не его, а грузовик «Мак» на цепной передаче, подъехавший последним.

Консул с волнением наблюдал, как грузовой стрелой из машины на судно поднимали большой продолговатый ящик и опускали в передний грузовой отсек. Будто по команде появился Уорли и распорядился задраить люк. После этого капитан поприветствовал Готшалка и сопроводил в каюту. Почти сразу же отдали швартовы, и корабль покинул гавань.

Консул обернулся и увидел остановившегося в проходе Черча. Он вышел из каюты и закрыл за собой дверь, прищурившись с подозрением:

– Могу я вам чем-то помочь, лейтенант… м-м…

– Черч, сэр. Я как раз закончил осмотр корабля и направлялся в кают-компанию выпить чашечку кофе. Не хотели бы вы присоединиться?

На лице консула мелькнуло едва заметное облегчение, и он улыбнулся:

– Почему бы и нет? Я не могу долго спать, всего несколько часов – и я снова на ногах. Мою жену это выводит из себя.

– Она осталась в Рио?

– Нет, я отправил ее домой в Мэриленд. Моя миссия в Бразилии выполнена. Надеюсь, я проведу остаток времени на государственной службе уже в Вашингтоне.

Моряк заметил, что Готшалк нервничал. Его взгляд беспокойно метался по проходу, он постоянно прикладывал к узким губам льняной носовой платок и наконец взял Черча за руку.

– Прежде чем выпить кофе, лейтенант, не будете ли вы столь любезны проводить меня в грузовой отсек?

Лейтенант глянул на него:

– Конечно, сэр, как пожелаете.

– Благодарю вас, – сказал мужчина. – Мне нужно забрать кое-что из моего багажа.

Даже если такая просьба и показалась ему странной, то Черч не подал виду, просто кивнул и направился к носовой части судна, а маленький толстячок засеменил за ним следом. Они поднялись на палубу и направились вдоль перехода, тянущегося от кормовых рубок к носовому кубрику, под надстройкой моста, поднятой на похожих на сваи стальных стойках необычной конструкции. Ходовые огни, подвешенные между двумя передними опорами для подъема угля, отбрасывали жуткий свет, блестевший на волнах.

Остановившись, Черч отдраил люк и жестом пригласил мужчину спускаться по лестнице, осветив ему путь фонариком. Когда они спустились в грузовой отсек, Черч нашел выключатель, щелкнул им, и помещение залил мертвенно-желтый свет.

Готшалк обошел Черча и двинулся прямо к ящику, перевитому цепями, концы которых были прикреплены висячими замками к вделанным в палубу болтам с петлями. Консул постоял там несколько мгновений, на его лице застыло благоговейное выражение. Казалось, что его мысли витают где-то далеко, в другом времени и другом пространстве.
Лейтенант впервые видел этот ящик вблизи. На толстых деревянных стенках не было никаких обозначений. Черч прикинул его размеры на глазок: примерно девять футов в длину, три в высоту и четыре в ширину. Вес определить не представлялось возможным, но содержимое точно было тяжелым. Он вспомнил, как сильно натянулись тросы лебедки, когда ящик поднимали на борт. Наконец любопытство прорвалось через маску равнодушия, и он спросил:
– Не возражаете, если я спрошу, что там внутри?
Готшалк ответил, не отрывая взгляд от ящика:
– Археологический артефакт, мы везем его для музея.
– Ценный, наверное? – поинтересовался Черч.
Готшалк промолчал. Его внимание привлек край крышки. Он надел очки, принялся изучать крышку и неожиданно замер, словно пораженный громом.
– Его открывали!
– Не может быть, – возразил лейтенант. – Он так крепко скован цепями, железные звенья даже врезались в древесину, вот тут, по краям.
– Но посмотрите, – сказал консул, указывая пальцем. – Здесь на крышке следы взлома.
– Может быть, его поцарапали, когда закрепляли?
– Когда я два дня назад осматривал его, царапин еще не было, – твердо заявил Готшалк. – Кто-то из вашей команды пытался его вскрыть.
– Вы накручиваете себя. Кому мог понадобиться старинный артефакт, который наверняка весит не меньше двух тонн? Да и разве у кого-то, кроме вас, есть ключ от замков?
Готшалк рухнул на колени и дернул один из замков. Скоба осталась в руке. Она оказалась не железной, а деревянной. Консул помертвел от ужаса. Как загипнотизированный, он медленно поднялся, окинул взглядом грузовой отсек и произнес одно лишь слово:
– Занона…
Дальнейшее походило на оживший кошмар. Шестьдесят секунд непрерывного ужаса. Генерального консула прикончили так неожиданно, что потрясенный Черч не успел двинуться с места. Он даже не сразу осознал, что стал свидетелем убийства.
Из тени на крышку ящика выпрыгнула фигура. Незнакомец был в форме военно-морского флота, но прямые черные волосы, широкие скулы, необычайно темные глаза и невыразительный взгляд выдавали его расовую принадлежность.
Южноамериканский индеец бесшумно вонзил копье в грудь Готшалка, наконечник почти на фут вышел из спины, между лопатками. Генеральный консул упал не сразу. Он повернул голову и уставился на Черча широко распахнутыми глазами. Попытался что-то сказать, но вместо слов раздался отвратительный булькающий кашель, губы и подбородок залила кровь. Когда он пошатнулся, индеец уперся ногой ему в грудь и вытащил копье.
Лейтенант видел убийцу впервые. Индеец не мог быть членом экипажа «Циклопа», скорее всего, он пробрался на судно тайком. Его смуглое лицо ничего не выражало – ни злости, ни гнева. Он бесшумно спрыгнул с ящика, небрежно сжимая копье в руке.
Но Черч успел приготовиться к опасности. Он ловко уклонился от нападения и швырнул металлический фонарик в лицо индейцу. С глухим стуком фонарик попал врагу точно в челюсть, сломав ее и выбив несколько зубов. Моряк ударил индейца кулаком в горло. Копье упало на палубу. Черч поднял его и занес над головой.
Внезапно судно словно взбесилось, мир перевернулся вверх дном, и мужчина еле успел поймать равновесие, когда палуба накренилась под углом шестьдесят градусов. Чудом удерживаясь на ногах, он съехал вниз, к носовой переборке. Неподвижное тело убийцы подкатилось к его ногам. Беспомощный Черч с ужасом смотрел, как оторвались замки и ящик заскользил вниз. Смяв тело индейца, он пригвоздил ноги лейтенанта к стальной переборке. От удара крышка наполовину слетела, открыв содержимое.
Моряк ошеломленно уставился внутрь. Невероятное зрелище, представшее его взору под мерцающим светом лампы, стало последним, что он увидел за оставшиеся секунды жизни.
Из рулевой рубки капитану Уорли представилась еще более жуткая картина. Казалось, что «Циклоп» внезапно понесся в пропасть. Нос корабля резко опустился вниз, в кипящую бездну, а

палуба взмыла ввысь, вынырнув из воды на поверхность. Лопасти винта неистово резали воздух. Ходовые огни «Циклопа» отразились в бурлящей черной стене, которая взметнулась впереди, закрывая звезды.
Из грузовых трюмов раздался чудовищный грохот, корабль затрясло от носа до кормы, как во время землетрясения. Уорли не успел подать сигнал тревоги, эта мысль лишь мелькнула у него в голове. Опоры, удерживавшие груз, сломались, и марганцевая руда, сместившись к носу, еще сильнее потянула «Циклоп» под воду.
Застыв на месте, рулевой наблюдал с мостика, как огромная стена воды, высотой с десятиэтажное здание, неслась к кораблю со скоростью горной лавины. Гребень исполинской волны навис над палубой и обрушился вниз. Миллионы тонн воды яростно рухнули на переднюю часть корабля, сминая нос и надстройку. Двери капитанского мостика сорвало с петель, и стихия ворвалась в рубку. Капитан схватился за перила, парализованный страхом. Он не мог поверить в неизбежное.
Волна поглотила весь корабль. Носовую часть судна своротило набок, стальные балки сложились, киль треснул. Тяжелые листы обшивки смялись, словно бумага. Немыслимая тяжесть воды заставляла корабль погружаться все быстрее. Лопасти гребного винта снова начали черпать воду, но это лишь ускорило конец и повлекло судно прямо в пучину. Выровняться «Циклоп» так и не сумел.
Корабль опускался все глубже и глубже, пока его поврежденный корпус вместе с людьми, заточенными внутри, не опустился на морское дно, взметнув облака песка. Встревоженные чайки стали последними свидетелями рокового плавания.

«Проспертир»

10 октября 1989 года

Ки-Уэст, Флорида

Дирижабль неподвижно парил в тропическом воздухе, спокойно и непринужденно, словно рыбина в аквариуме. Тыкаясь носом в желтую причальную мачту, он изящно балансировал на единственном колесе. Это был видавший виды старый дирижабль – некогда серебристая обшивка корпуса сморщилась, выцвела и покрылась пятнами. Гондола управления, подвешенная под брюхом дирижабля, была устаревшей конструкции, в форме ладьи; ее стеклянные окна пожелтели за долгие годы службы. Единственным современным элементом в конструкции дирижабля казалась пара двигателей Райт «Циклон» мощностью по 200 лошадиных сил каждый, тщательно отреставрированные до безупречного состояния. Газонепроницаемая оболочка этого дирижабля была изготовлена не из покрытого резиной полиэфира, как у его младших собратьев, парящих в небе над футбольными стадионами, а из листового алюминия с заклепками на герметике. Двенадцать кольцевидных шпангоутов, которые были опорой этой конструкции, выделялись на корпусе подобно рыбьему скелету. Сигарообразная оболочка длиной полторы сотни футов вмещала двести тысяч кубических футов гелия, и если не было встречного ветра, воздушное судно могло нестись сквозь облака со скоростью до шестидесяти двух миль в час. Первоначально это был дирижабль ZMC-2 – второй цеппелин с металлической оболочкой. Его построили в 1929 году в Детройте и передали на службу военно-морскому флоту США. В отличие от большинства дирижаблей с четырьмя огромными стабилизаторами, оперение ZMC-2 состояло из восьми небольших стабилизаторов на конусовидном хвосте. Он был очень прогрессивным для своего времени кораблем и служил в ВМФ верой и правдой до 1942 года, пока его не разобрали и не забыли.
Сорок восемь лет ZMC-2 пылился в заброшенном ангаре на расформированной военно-морской авиабазе близ флоридского городка Ки-Уэста. А в 1988 году правительство продало эту

территорию финансовой корпорации, возглавляемой богатым издателем Рэймондом Лебароном. Он намеревался устроить на ее месте курорт.
Оставив корпоративную штаб-квартиру в Чикаго, Лебарон отправился осматривать новоприобретенную военно-морскую базу, где наткнулся на покрытые пылью и окислами остатки ZMC-2. Его заинтересовал старинный дирижабль, и он решил, что такую штуку можно будет использовать для рекламы. Издатель велел реконструировать старинный воздухоплавательный аппарат, восстановить двигатели и написать на боку серебристой обшивки огромными красными буквами новое название – «Проспертир», в честь одноименного делового журнала, основы его финансовой империи.
Лебарон научился летать на «Проспертире», освоил все тонкости управления необычным судном и знал, как обеспечить безопасный полет при любых погодных условиях. На дирижабле не было автопилота, поэтому приходилось вручную снижать высоту при сильных порывах ветра и снова поднимать судно выше в воздух, когда погода утихомиривалась. Изначально близкая к нейтральной подъемная сила существенно менялась под влиянием природных условий. После даже небольшого дождя на огромной поверхности обшивки оседали каплями сотни фунтов воды, отчего дирижаблю было гораздо тяжелее подниматься, а в потоках сухого воздуха с северо-запада он быстрее обычного набирал высоту, поэтому пилоту приходилось постоянно следить за курсом.
Лебарон не на шутку увлекся воздухоплаванием. Радость от предугадывания капризов старого газового баллона и борьбы с прихотями аэродинамики намного превышала удовольствие от полетов на любом из пяти реактивных самолетов, принадлежащих его корпорации. При каждой удобной возможности он старался улизнуть пораньше из зала заседаний в Ки-Уэст, чтобы попутешествовать на дирижабле над островами Карибского бассейна. Довольно скоро парящий в небе «Проспертир» стал привычной картиной для жителей Багамских островов. Один из местных рабочих, трудившийся на плантации сахарного тростника, увидев дирижабль в небе, назвал его «маленьким поросенком, бегущим задом наперед».
Впрочем, Лебарон, как и большинство других успешных предпринимателей и представителей правящей элиты, отличался беспокойным складом ума и постоянно придумывал какие-нибудь новые проекты. Не прошло и года, как его интерес к дирижаблю начал угасать. Он уделял старинному воздушному судну все меньше и меньше внимания.
Однажды вечером в прибрежном баре издатель встретил старого морского волка по имени Бак Цезарь, главу мелкой спасательной компании с высокопарным названием «Экзотик артефакт венчерз инкорпорейтед».
Во время разговора, протекавшего под несколько порций рома со льдом, Цезарь произнес слово, которое вот уже пять тысяч лет превращало мудрецов в безумцев и, возможно, принесло больше горя, чем половина войн, – «сокровища».
Наслушавшись баек Цезаря о золоте и серебре в трюмах испанских галеонов, покоящихся на дне Карибского моря среди кораллов, даже такой рассудительный финансист и предприниматель с тонким деловым чутьем, как Лебарон, не смог устоять перед азартом. Ударив по рукам, они договорились о партнерстве.

После этого интерес Лебарона к «Проспертиру» снова ожил. Лучшую смотровую площадку для поиска мест старинных кораблекрушений, чем дирижабль, сложно было представить. Самолет слишком быстр для аэрофотосъемки, а у вертолета ограничено время полета, да и ветер из-под лопастей пускает рябь по поверхности воды, ухудшая видимость. Дирижабль же может не спеша плавать по воздуху в течение целых двух дней. С высоты четыреста футов и при спокойном, чистом море человек с хорошим зрением способен разглядеть прямые линии затонувших рукотворных объектов на глубине до ста футов.
Восходящее солнце медленно поднималось над Флоридским проливом, озаряя десяток рабочих аэродромной команды, осматривающих «Проспертир» перед полетом. На утренней росе, окропившей корпус, солнечные блики переливались всеми цветами радуги, как на мыльных пузырях. Дирижабль располагался посредине бетонной взлетно-посадочной полосы, потрескавшейся и заросшей сорняками. Легкий ветерок, навеваемый приливом, раскручивал его вокруг причальной мачты, пока воздушное судно не уткнулось в нее округлым носом.
Почти все рабочие были молодые и загорелые, одетые в разномастные шорты, плавки или обрезанные джинсы. Они без особого интереса проводили взглядами длинный лимузин

«Кадиллак». Он проехал мимо и остановился возле большого автофургона, где одновременно располагались ремонтная мастерская дирижабля, кабинет начальника аэродромной команды и пульт радиосвязи.
Водитель открыл заднюю дверь, и из машины выбрался Лебарон, а следом – Бак Цезарь с рулоном морских карт под мышкой, который сразу же направился к гондоле дирижабля.
Издатель в свои шестьдесят пять лет выглядел довольно бодрым и подтянутым и смотрел на окружающих сверху вниз, что было вполне естественно при росте около двух метров. У него были светло-карие глаза, тщательно расчесанные седые волосы и глубокий взгляд человека, всегда продумывающего свои действия на несколько шагов вперед.
Он наклонился к машине и сказал несколько слов привлекательной женщине, сидящей внутри. Потом легко поцеловал ее в щеку, закрыл дверцу и зашагал к «Проспертиру».
Начальник аэродромной команды, одетый в аккуратный белый халат, вышел навстречу и пожал издателю руку.
– Топливные баки заправлены. Проверка дирижабля закончена.
– Как подъемная сила?
– Я думаю, надо делать поправку на добавочные пятьсот фунтов из-за влажности.
Лебарон задумчиво кивнул.
– Днем потеплеет, и «Проспертир» станет легче.
– Управление должно стать более чувствительным. На подъемных тросах появилась ржавчина, поэтому я их заменил.
– А какая ожидается погода?
– Почти весь день будет низкая рассеянная облачность. Вероятность дождя небольшая. При отбытии придется преодолевать встречный ветер с юго-востока скоростью пять миль в час.
– Значит, назад полетим при попутном. Что ж, неплохо.
– Радиочастота та же, что и в прошлый полет?
– Да, мы будем сообщать о нашем состоянии и координатах по обычной голосовой связи каждые полчаса. Если найдем что-то интересное, дадим кодированный сигнал.
Начальник кивнул:
– Все понял.
Ничего больше не сказав, Лебарон поднялся в гондолу и сел в кресло пилота. К нему присоединился второй пилот, Джо Кавилья, шестидесятилетний замкнутый мужчина с печальными глазами, открывавший рот, только чтобы зевнуть или чихнуть. Его семья эмигрировала в Америку из Бразилии, когда ему было шестнадцать лет, после этого он служил на флоте, где управлял воздухоплавательными судами до 1964 года, пока не был списан в запас последний дирижабль. Однажды Кавилья просто явился к Лебарону и настолько впечатлил того своим мастерством и знаниями о цеппелинах, что сразу же получил место пилота.
Третьим членом экипажа был Бак Цезарь. На его немолодом лице с мягкими очертаниями и грубой кожей моряка постоянно блуждала легкая улыбка, но взгляд был цепким, а тело крепким, как у боксера. Сгорбившись над маленьким столиком, он рассматривал морские карты и размечал квадратами сектор возле Багамского канала.
Лебарон запустил двигатели, и из выхлопных труб повалил голубоватый дым. Рабочие из аэродромной команды сняли с гондолы несколько мешков с песком, уменьшая балласт. Один из них поднял повыше ветроуказатель на длинном шесте, похожий на сачок для ловли бабочек, чтобы издатель отметил точное направление ветра.
Мужчина махнул рукой, подавая сигнал начальнику аэродромной команды. С причального колеса сняли деревянный якорь, и нос дирижабля отошел от мачты, а затем рабочие отпустили канаты, удерживавшие переднюю часть судна. Когда воздушный корабль освободился от канатов и оторвался от мачты, Лебарон прибавил двигателям оборотов и повернул большой штурвал рулей высоты, располагавшийся рядом с его пилотским креслом. «Проспертир», похожий на космический корабль из телесериала, гордо поднял нос под углом пятьдесят градусов и медленно поплыл в небо.
Аэродромная команда долго глядела вслед огромному дирижаблю. Он постепенно исчезал из виду, уплывая все дальше над сине-зелеными водами пролива. Потом внимание рабочих переключилось на лимузин и женский силуэт за затемненными стеклами.
Джесси Лебарон разделяла страсть мужа к путешествиям и приключениям, но она была светской женщиной и предпочитала организовывать благотворительные балы или собирать

пожертвования в какой-нибудь фонд, а не тратить время на поиски сомнительных сокровищ. Она была яркой и энергичной, у нее в запасе имелась дюжина улыбок, подходящих для любого случая, и, хотя даме уже полгода как исполнилось пятьдесят, выглядела она лет на тридцать семь, не больше. Тело Джесси слегка располнело, но еще оставалось упругим, кожа на лице была молочно-кремовой и гладкой, а проседь в волосах она и не пыталась скрыть. У нее были удивительно живые и выразительные большие темные глаза, без малейшего намека на застывший взгляд, какой обычно бывает после пластических операций.

Когда дирижабль пропал из виду, женщина проговорила в телефон лимузина:

– Анджело, отвези меня назад в отель, пожалуйста.

Шофер, хмурый кубинец с чеканным лицом, будто срисованным с почтовой марки, двумя пальцами коснулся фуражки и кивнул.

Аэродромная команда молча наблюдала, как длинный «Кадиллак» развернулся и уехал через заброшенные ворота бывшей военно-морской базы. А потом кто-то предложил сыграть в волейбол. Немедля расчертили границы площадки и повесили сетку. Поделившись на команды, рабочие начали перебрасывать мяч над сеткой, коротая время ожидания.

Начальник аэродромной команды вместе с радистом сидел под кондиционером в фургоне и записывал сообщения с дирижабля. Лебарон добросовестно выходил на связь каждые тридцать минут, задерживаясь не более чем на несколько секунд, и передавал сводки, описывая примерные координаты дирижабля, малейшие изменения в погоде и суда, проплывающие далеко внизу.

В половине третьего сообщения приходить перестали. Радист пытался установить связь с «Проспертиром», но все было тщетно. Пять часов вечера – никаких вестей с дирижабля. Уставшие рабочие прекратили игру и столпились возле дверей радиорубки, беспокойство нарастало. В шесть вечера, так и не обнаружив следов дирижабля над морем, начальник персонала вызвал береговую охрану.

Однако никто не знал и даже не подозревал, что исчезновение Рэймонда Лебарона и его друзей будет намного более таинственным, чем любая охота за сокровищами.

Десять дней спустя президент Соединенных Штатов ехал в своем лимузине, глядя в окно на проносящиеся мимо пейзажи и лениво постукивая пальцами по колену. Мимо проносились живописные усадьбы штата Мэриленд, где на берегах реки Потомак паслись лошади. Президент отрешенно смотрел, как лоснились под солнцем спины породистых скакунов, гулявших по пастбищу. Все его мысли были заняты недавними странными событиями, во многом благодаря которым он и оказался в Белом доме.

Будучи вице-президентом, он принес присягу на высший руководящий пост страны, после того как его предшественник был вынужден уйти в отставку из-за внезапно обнаруженного у него психического заболевания. К счастью, журналисты не начали полномасштабное расследование этих событий. Само собой, они брали многочисленные интервью у помощников президента, лидеров конгресса и самих психиатров, но не обнаружили ничего похожего на интригу или заговор. Бывший президент покинул Вашингтон и вернулся на свою ферму в Нью-Мексико, не потеряв ни капли уважения общественности, и только единицы знали всю правду, но хранили молчание.

Новый глава государства был энергичным мужчиной, ростом чуть более метра восьмидесяти сантиметров и весом девяносто килограммов. У него было грубоватое скуластое лицо. Когда он задумывался, его брови выразительно морщились, а внимательные серые глаза оставались обманчиво прозрачными. Его седые волосы всегда были аккуратно подстрижены и зачесаны на правую сторону, как у банкиров из Канзаса.

Президент не отличался ни красотой, ни броским внешним видом, но его стиль и обаяние привлекали окружающих. Даже будучи профессиональным политиком, к правительственной системе он относился несколько наивно, сравнивая ее со спортивной командой и считая себя тренером, которого призвали исправить положение прямо в разгар игры. Его ценили за то, что он был легким на подъем и хорошим организатором. Он обставил кабинет книжными шкафами и окружил себя одаренными политиками, старавшимися работать в тесном контакте с конгрессом. При этом не стал тянуть в правительство своих знакомых, если знал, что они думают только о том, как набить собственный кошелек.

Пока президент задумчиво разглядывал местные пейзажи, водитель из секретной службы притормозил и свернул с северной Риверроуд к большим каменным воротам, обнесенным белой изгородью. Из сторожки вышли облаченный в форму охранник и агент секретной службы в неизменных черных очках и деловом костюме. Они заглянули в машину и кивнули в знак приветствия. Агент проговорил в маленькую рацию, пристегнутую к запястью на манер часов:
– Босс прибыл.
Лимузин проехал по усаженной деревьями аллее Конгрешнел Кантри Клаба, мимо теннисных кортов, занятых членами клуба и их женами, и остановился среди колонн крытой галереи клубного дома.
Элмер Хоскинс, представитель президента, подошел к машине и открыл заднюю дверь:
– Отличная погода для гольфа, господин президент.
– Моя игра хуже не станет, даже если нас засыплет снегом, – улыбнулся президент.
– Жаль, что при минус тридцати нельзя играть.
– Согласен. – Президент последовал за Хоскинсом в обход клуба к магазину для гольфистов. – Кстати, после того как я занял место в Овальном кабинете, я добавил к счету пять дополнительных ударов.
– Вполне неплохой результат, учитывая, что вы играете раз в неделю.
– Да, в последнее время мне все тяжелее думать об игре.
К ним подошел главный тренер клуба, и они пожали руки.
– Ваши клюшки у Реджи, он ждет на стартовой площадке.
Президент кивнул, они сели в гольф-кар и поехали вокруг большого пруда по одному из самых протяженных полей для гольфа в стране. Реджи Салазар, невысокий худощавый латиноамериканец, стоял, опираясь грудью на огромную кожаную сумку с клюшками.

Щуплая фигура Салазара кого угодно могла ввести в заблуждение. На самом деле он, словно маленький горный мул, был способен без устали, и даже не вспотев, таскать сумку весом более двадцати килограммов ко всем восемнадцати лункам поочередно. Еще тринадцатилетним мальчишкой он перешел границу Калифорнии в тридцати милях от Сан-Диего, причем на руках он нес больную мать, а к спине у него была привязана трехлетняя сестра. После того как в 1985 году нелегальным эмигрантам разрешили остаться в стране, он начал работать на полях для гольфа и зарекомендовал себя на профессиональных соревнованиях как первоклассный кедди
[1]
. Он превосходно чувствовал ритм игры и мог безошибочно подобрать идеальную клюшку для каждого удара. К тому же Салазар был очень умен, любил рассуждать на философские темы, а его метким изречениям позавидовал бы даже сам Кэйси Стенгел. Президент познакомился с ним на одном из турниров пять лет назад, и с тех пор они стали хорошими друзьями.

Салазар всегда был одет как простой фермер: джинсы, клетчатая рубашка, армейские берцы и широкополая соломенная шляпа, какую обычно носят владельцы ранчо. Спутать его с кем-то было трудно.
– Салют, господин президент, – поприветствовал он с акцентом, сверкая темно-карими глазами. – Пойдем пешком или покатим на гольф-каре?
Президент пожал протянутую Салазаром руку.
– Полагаю, нужно немного размяться, так что пока пешком, а поедем, наверное, когда загоним мяч хотя бы в половину лунок.

Он замахнулся клюшкой и ударил, мяч взлетел по высокой дуге и упал в полутораста метрах от границы фервея
[2]
. После первого же удара с ти
[3]
все мысли о политике мгновенно улетучились, и он начал обдумывать, как лучше пробить в следующий раз.

Президент играл в тишине до тех пор, пока легким паттом
[4]
не закатил мяч в лунку, уложившись в нужное количество ударов. Только тогда он позволил себе расслабиться и передал паттер
[5]
Салазару.

– Что скажешь, Реджи, с чем бы нам стоило разобраться на Капитолийском холме?
– Слишком много черных муравьев, – широко усмехнулся Салазар.
– Каких черных муравьев?
– Таких, которые носят черные костюмы и ведут себя как полные идиоты. Только и могут, что бумажки перебирать и языками трепать. Я бы вообще издал такой закон, который запретил бы им собираться вместе чаще чем раз в год. Хоть проблем меньше было бы.
Президент рассмеялся.
– Думаю, примерно двести миллионов избирателей согласились бы с тобой.
Они двинулись дальше; впереди на почтительном расстоянии ехали два агента секретной службы на гольф-каре, и еще примерно с десяток агентов бродило по всему полю. Шутливые беседы продолжались, игра у президента явно задалась. Вскоре он закатил мяч в девятую лунку, увеличив счет до тридцати девяти. Он решил отпраздновать этот небольшой триумф.
– Давай устроим перерывчик перед тем, как пройдем оставшуюся половину. Я не прочь отметить такое событие бутылочкой пива. Ты со мной?
– Нет, спасибо, сэр. Я пока счищу с клюшек грязь и траву.
Президент протянул ему паттер.
– Дело твое. Но я настаиваю, чтоб ты выпил со мной, когда мы закончим игру, после восемнадцатой лунки.
На лице мужчины засияла улыбка.
– Почту за честь, господин президент, – откликнулся он и побежал к домику кедди.
Двадцать минут спустя, переговорив по телефону с одним из депутатов конгресса и осушив бутылочку «Курса», президент вышел из клуба и вернулся к Салазару. Тот сидел в гольф-каре на десятом поле, низко надвинув на глаза свою соломенную шляпу. Его руки покоились на руле, теперь на них были кожаные рабочие перчатки.
– Ну что, давай посмотрим, смогу ли я выбить восемьдесят очков, – сказал президент, его глаза блестели в предвкушении хорошей игры.
Салазар ничего не ответил, молча повернув руль.
Президент взял клюшку и с недоумением осмотрел ее.
– Но следующая лунка короткая. Тебе не кажется, что деревянная клюшка номер три сюда больше подходит?
Соломенная шляпа так и не поднялась, скрывая лицо Салазара, когда он молча покачал головой.
– Ну, тебе лучше знать, – согласился президент.
Он подошел к мячу, взял клюшку поудобнее, отвел руки за спину, начиная размах, и элегантно ударил, но под конец удара движение получилось смазанным. Мяч пролетел высоко над фервеем и приземлился на значительном расстоянии от грина.
Озадаченный и раздосадованный, президент поднял подставку для мяча и забрался на сиденье гольф-кара.
– Я впервые вижу, чтобы ты ошибся с выбором клюшки.
Кедди ничего не ответил. Он нажал на педаль и направил гольф-кар к десятому грину. На половине пути по фервею он протянул руку и положил на приборную панель перед президентом маленький пакет.
– Принес с собой закуску, чтобы не проголодаться? – добродушно пошутил президент.
– Нет, сэр, это взрывчатка.
Глава государства раздраженно нахмурил брови:
– Не смешно, Реджи…
Слова застряли у него в горле, когда соломенная шляпа приподнялась, открыв лицо, и он осознал, что смотрит прямо в темносиние глаза незнакомого человека.

– Пожалуйста, опустите руки, – спокойно начал незнакомец. – Я прекрасно знаю, какие сигналы вы подаете охране в случае опасности.
Президент будто одеревенел на сиденье, он не мог поверить в происходящее. Зато поймал себя на мысли, что любопытство терзает его больше, чем страх. У него не находилось слов, чтобы заговорить первым, и он все никак не мог оторвать глаз от пакета.
– Как глупо, – наконец выдавил глава государства. – Вы даже не успеете порадоваться моей смерти.
– Это не убийство. Вы не пострадаете, если будете делать то, что я скажу. Договорились?
– У вас хорошая выдержка, мистер.
Незнакомец пропустил его слова мимо ушей и продолжил говорить тоном школьного учителя, зачитывающего классу правила поведения:
– Перед вами бомба осколочного типа, если она взорвется, то изрешетит плоть вместе с костями на расстоянии до двадцати метров. Не пытайтесь предупредить телохранителей, у меня на запястье закреплен электронный детонатор, и я не премину им воспользоваться. Будьте благоразумны и продолжайте игру, будто ничего особенного не произошло.
Незнакомец остановил электромобиль в нескольких футах от мяча, вышел на траву и осторожно глянул на агентов секретных служб, с интересом рассматривавших лес вокруг, что его вполне удовлетворило. Затем достал сумку и вытащил металлическую клюшку номер шесть.
– А в гольфе вы ни черта не смыслите, честно говоря, – колко подметил президент, стараясь не терять самообладания. – Мне нужна клюшка для подсечки. Подайте металлическую, номер девять.
Злоумышленник покорно исполнил просьбу и подождал, пока президент выведет мяч на грин и закатит в лунку с помощью паттера. Когда они отправились к следующей площадке, глава государства смог внимательнее рассмотреть сидящего рядом незнакомца.
Несколько прядей седых волос, выбивавшихся из-под соломенной шляпы, и глубокие морщины вокруг глаза указывали на то, что этому человеку уже под шестьдесят. Худощавым, точнее, даже поджарым телосложением и узкими бедрами он был очень схож с Реджи Салазаром, но ростом был повыше примерно на семь-восемь сантиметров. Черты лица тонкие, и в них присутствовало что-то неуловимо скандинавское. Речь его была правильной, а хладнокровие и широко расправленные плечи свидетельствовали о том, что он властный и неуступчивый человек, но пока что незнакомец не демонстрировал никаких намеков на жестокость или злобу.
– У меня есть дурацкое предположение, – спокойно заметил президент. – Вы все это устроили только затем, чтобы поговорить со мной.
– Не такое уж и дурацкое. Вы весьма сообразительны. Впрочем, я и не ожидал другого от человека, обладающего такой властью.
– Кто вы такой, черт возьми?
– Можете называть меня Джо. Я утолю ваше любопытство, как только мы доберемся до стартовой площадки. Там есть туалет.
Он замолчал, вытащил из-под рубашки папку и положил на сиденье рядом с президентом.
– Откройте и бегло просмотрите. У вас не больше восьми минут. Если задержитесь там дольше, телохранители могут что-то заподозрить. Сами понимаете, что за этим последует.
Электромобиль медленно снизил скорость и остановился. Не говоря ни слова, президент вошел в туалет, присел на унитаз и начал читать. Ровно через восемь минут он вышел, на лице его отражалась крайняя степень замешательства.
– Глупые сказки.
– Вовсе не сказки.
– Неужели вы так тщательно все провернули и добрались до меня только затем, чтобы дать мне прочесть научно-фантастические комиксы?
– Они не фантастические.
– Но в папке ведь полный бред.
– Колония Джерси существует, – терпеливо промолвил Джо.
– Да, конечно, и Атлантида тоже существует.
Собеседник иронично усмехнулся:
– Теперь вы посвящены в то, о чем знает очень узкий круг людей. Вы всего лишь второй президент, оповещенный о проекте. Советую продолжать играть, пока я ввожу вас в курс дела.

У нас мало времени, поэтому перейду к самому главному. В принципе, вам и не обязательно знать все подробности.
– Сначала ответьте на один вопрос.
– Хорошо.
– Что с Реджи Салазаром?
– Мирно спит в домике кедди.
– Вы сильно пожалеете, если это неправда.
– Какую клюшку? – демонстративно громко спросил Джо.
– Это короткая лунка. Достаньте металлическую, номер четыре.
Президент, почти не целясь, размахнулся, но мяч полетел в верном направлении, прокатился и замер всего лишь в трех метрах от лунки. Он вернул клюшку и сел в гольф-кар, приготовившись слушать.
– В общем, так… – Джо повел электромобиль к грину. – В 1963 году, за два месяца до своей смерти, президент Кеннеди встретился с группой из девяти мужчин в своем доме в Хайаннис-Порте. Они предложили ему поучаствовать в секретном прогрессивном проекте, который будет развиваться параллельно за кулисами молодой на то время программы освоения космоса. Эти люди называли себя «внутренним ядром», и среди них числились гениальные молодые ученые, корпоративные бизнесмены, инженеры и политики, каждый из которых добился выдающихся успехов в своих областях. Кеннеди понравился их замысел, он даже создал особое правительственное агентство, оно было прикрытием для «откачки» средств из федеральных налогов на проект под кодовым названием «Колония Джерси». Бизнесмены сделали проект привлекательным, создав фонд, по масштабам в точности соответствовавший правительственному. В неприметных зданиях, как правило старых складах, разбросанных по всей стране, создавались исследовательские центры. На начальной стадии удалось сэкономить миллионы долларов и избежать внимания общественности, достроив когда-то заброшенный огромный исследовательский центр.
– Как эта операция до сих пор держится в секрете? – спросил президент. – Не могло ведь обойтись без утечек.
Джо пожал плечами:
– Все просто. У научно-исследовательских команд были свои собственные проекты прикрытия. Все работали в разных местах. Старый трюк: одни не знали, чем занимаются другие. Оборудование сдавалось в аренду мелким компаниям. Это было нетрудно осуществить. Сложнее всего было работать прямо под носом НАСА, чтобы их люди ни о чем не догадались. Для этого работающие на нас армейские офицеры были внедрены в космические центры на мысе Канаверал и в Хьюстоне и еще один – в Пентагон, чтобы сбить с толку любые проверки, способные помешать проекту.
– Выходит, министерство обороны ничего об этом не знает? Джо улыбнулся:
– Это как раз было проще простого. Один из членов «внутреннего ядра» – высокопоставленный штабной офицер, его имя для вас не имеет никакого значения. Он без проблем хоронил военные миссии в лабиринтах Пентагона одну за другой.
Рассказчик умолк, когда они остановились возле мяча. Президент ударил по мячу в очередной раз, уже даже не глядя на лунку. Он вернулся в гольф-кар, сел и повернулся к Джо:
– Разве возможно так просто обвести НАСА вокруг пальца?
– Я же объяснил вам, что один из руководителей Национальной администрации – человек «внутреннего ядра». Он тоже считал, что постоянная база на Луне даст больше возможностей, чем несколько краткосрочных полетов на поверхность спутника Земли. Но еще он понимал, что НАСА будет не под силу выполнить две сложные дорогостоящие программы одновременно, поэтому и поддержал «Колонию Джерси». Проект разрабатывался в строжайшей секретности, поэтому Белый дом, конгресс или армия не смогли бы помешать. Как показало время, это было мудро.
– Получается, что Америка уже прочно укрепилась на Луне?
Мужчина торжественно кивнул:
– Верно, господин президент.
Глава государства никак не мог себе вообразить всю масштабность происходящего.
– У меня в голове не укладывается, что такой огромный проект мог целых двадцать шесть лет тайно разрабатываться за спиной всех служб безопасности.

Джо окинул взглядом фервей.
– На самом деле у меня месяц уйдет только на то, чтобы рассказать обо всех проблемах, неудачах и трагедиях, с которыми мы столкнулись. Представьте, как трудно было осуществить научные и инженерные прорывы в разработке генераторной станции, турбины которой работают на жидком азоте, или в создании аппарата, производящего кислород. Как нелегко было разработать метод по восстановлению водорода, чтобы искусственно создавать воду. Сколько понадобилось затрат на материалы и оборудование, перевезенные на орбиту частными космическими агентствами, спонсированными «внутренним ядром». Сколько проблем было со строительством космического буксира – на нем предполагалось все это переправить с орбиты Земли в колонию Джерси.
– И как вы провернули такое практически под носом у нашей космической программы?
– Под видом огромных спутников связи скрываются базы с космическими буксирами, и в каждом во внутренней капсуле находится человек. Целых десять лет ушло на то, чтобы их разработать и придумать, как обеспечить им связь между собой и одной из наших заброшенных космических лабораторий, используемых в качестве базы для сборки транспортных средств. Кроме того, был совершен огромный шаг вперед в разработке легкого и эффективного двигателя. Он умеет вырабатывать электричество на основе солнечной радиации и использует кислород в качестве топлива. Иными словами, мы провели большую работу.
Он замолчал, выжидая, пока президент в очередной раз ударит по мячу.
– Дальше нужно было все это довершить, собрать систему жизнеобеспечения, компоненты которой вместе с запасами были отправлены сперва на орбиту, а затем уже со всем остальным их, буквально как на буксире, переправили на заранее выбранное место на Луне. Даже старые, заброшенные советские орбитальные лаборатории и весь полезный космический мусор стянули к колонии Джерси. Изначально в этой операции не было ничего лишнего, ведь все понимали – это первопроходческий шаг для землян, самое важное событие эволюции с момента, когда на Земле триста миллионов лет назад зародилась жизнь. И, слава богу, у нас получилось. Пока мы с вами сейчас сидим и разговариваем, десять человек живут и работают в совершенно чужой среде в двухстах сорока тысячах миль от нас.
Когда Джо говорил, его глаза становились все шире и горели все ярче, будто мужчину охватывало нечто вроде религиозного пыла. Затем его взгляд снова стал серьезным, и он посмотрел на часы.
– Нам нужно поторопиться, чтобы ваша охрана не начала интересоваться, почему мы отстаем. В общем, я рассказал вам суть. Теперь постараюсь ответить на ваши вопросы, пока вы будете доигрывать.
Президент благоговейно уставился на него.
– Господи Иисусе, – простонал он, – в голове не укладывается.
– Прошу прощения за то, что мне пришлось столько всего вам выложить, – без промедления сказал Джо. – Но это было необходимо.
– А где именно на Луне находится колония Джерси?
– Изучив фотографии, полученные во время выполнения программы «Аполлон», и съемки со спутников Луны, мы обнаружили гейзер, выбрасывающий пар, в вулканической области на южном полушарии обратной стороны Луны. Более подробный анализ показал, что там есть большая пещера. Она идеально подходила для размещения первых установок.
– Вы сказали, что там сейчас находятся десять человек?
– Да.
– И они там без ротаций, бессменно?
– Без замен.
– Боже мой, значит, люди, создавшие этот проект, находятся в космосе уже шесть лет.
– Так и есть, – признал Джо. – Один умер, но туда отправились еще семеро, чтобы расширить базу для поддержания жизни.
– А как же их семьи?
– Все они одиноки. Они знали, на что идут, и согласились рискнуть.
– Еще вы сказали, что я только второй президент, который узнал о проекте.
– Верно.
– Я считаю, что проворачивать такой проект за спиной глав правительства – это плевок в лицо существующему укладу.

Темно-синие глаза Джо зажглись еще ярче. Он сурово посмотрел на главу государства.
– Президенты – прежде всего политики. Голоса теперь ценятся дороже, чем сокровища. Никсон мог использовать колонию Джерси как дымовую завесу, чтобы отвлечь внимание от Уотергейта. То же самое мог сделать и Картер после провальной операции по спасению заложников в Иране. Рейган мог использовать данный проект для улучшения своей репутации в господстве над русскими. И было бы гораздо хуже, если бы о нем узнали конгресс и всякие партийные политики; они бы начали свои дебаты, рассуждая, что «Колония» ни к чему хорошему не приведет, а деньги нужно потратить на улучшение боеспособности страны или на прокорм бедняков. Господин президент, я люблю свою страну и считаю себя патриотом получше большинства нашего населения, но я потерял всю веру в правительство.
– Вы крали деньги налогоплательщиков.
– Научный прогресс компенсирует финансовые потери. Не забывайте, что половину денег вложили частные лица и их корпорации, и, стоит добавить, они не думали о прибыли или личной выгоде. Думаю, те, кто вкладывает деньги в проекты министерства обороны и космические программы, не могут похвастать таким же бескорыстием.
Президент не стал спорить. Он без промедления поставил мяч на подставку и пробил в сторону «зеленой лужайки».
– Если вы так не доверяете президентам, – с горечью начал он, – тогда почему вы вдруг свалились мне как снег на голову?
– У нас могут быть проблемы. – Джо высунул из папки фотографию и поднял ее перед глазами. – Через свои источники мы достали снимок, сделанный с самолета-разведчика военно-воздушных сил во время обзорных полетов над Кубой.
Президент уже понял, что ему не имеет смысла расспрашивать подробности о том, как снимок оказался в руках Джо.
– И что вам нужно от меня?
– Взгляните на территорию над северным побережьем острова ниже Флорида-Кис.
Президент достал очки из кармана рубашки и всмотрелся в изображение.
– Похоже на дирижабль «Гудъер».
– Нет, это «Проспертир», старый дирижабль, принадлежащий Рэймонду Лебарону.
– Я думал, он исчез на Карибах две недели назад.
– Десять дней назад, если быть точным. Вместе с самим дирижаблем и еще двумя членами экипажа.
– Значит, фотография была снята до того, как он исчез?
– Нет, снимок был сделан всего восемь часов назад.
– Тогда Лебарон жив.
– Хотелось бы думать, но все наши попытки связаться с «Проспертиром» по радио остались безответными.
– Разве Лебарон как-то связан с проектом «Колония Джерси»?
– Он был членом «внутреннего ядра».
Президент наклонился поближе.
– А вы, Джо? Вы один из первых девяти человек, придумавших проект, да?
Джо не ответил. Президент и не ждал ответа, ничуть не сомневаясь в правильности своего предположения.
Довольный, он откинулся на спинку сиденья и расслабился.
– Хорошо, так в чем же дело?
– Советский Союз разработал новую транспортную ракету и через десять дней собирается отправить ее в космос для посадки на Луну. Она в шесть раз больше и тяжелее ракет, на каких летали наши астронавты со времен программы «Аполлон». Вы должны знать об этом из докладов ЦРУ.
– Да, я читал об их лунной миссии, – согласился президент.
– Также вы должны знать, что за два последних года они отправили три беспилотных зонда на орбиту Луны, чтобы сфотографировать и обследовать места для посадки. Последний, третий зонд упал на поверхность Луны. У второго сломался двигатель, и его топливо воспламенилось. А вот первый полет был проведен успешно, по крайней мере вначале. Зонд облетел Луну двенадцать раз. Потом что-то пошло не так. После возвращения на орбиту Земли при входе в атмосферу до него перестали доходить команды. Следующие восемнадцать месяцев советский

центр управления пытался осторожно посадить его. Мы не знаем, удалось ли им получить снимки. В конце концов у них получилось запустить тормозные двигатели, но вместо Сибири их ракета «Селен-4» приземлилась в Карибском море.
– Я все еще не понимаю, при чем здесь Лебарон.
– Он отправился на поиски советской ракеты.
На лице президента мелькнула тень сомнения.
– По данным ЦРУ, русские выловили свой космический корабль у берегов Кубы.
– Это «утка». Они даже разыграли целое представление, как достают корабль, но на самом деле они его так и не нашли.
– Ваши люди знают, где он?
– Да, мы знаем точное место.
– Вы хотите опередить русских всего из-за нескольких снимков Луны? Есть тысячи фотографий, доступных всем.
– Все они сделаны до того, как мы создали колонию Джерси. Изучив снимки, русские узнают, что она существует.
– И чем грозит раскрытие проекта?
– Я считаю, что если Кремль узнает правду, то при первом же полете на Луну СССР постарается захватить колонию и использовать в своих целях.
– Мне что-то не верится, что Кремль перестроит всю свою космическую программу только для того, чтобы помешать нам.
– Не забывайте, господин президент, что наш проект все еще засекречен. Никто не станет обвинять русских, если они присвоят себе то, о чем никто и не знает.
– Это только предположение, – перебил президент.
Глаза Джо снова загорелись.
– Не важно! Наши астронавты первыми ступили на поверхность Луны. Мы первыми сделали ее своей колонией. Луна – наша, и мы должны бороться за нее.
– Но ведь на дворе не четырнадцатый век. – Президент был потрясен. – Мы не имеем права брать в руки оружие и отгонять от Луны Советский Союз, да и любую другую страну. Организация Объединенных Наций постановила, что у всех стран есть равные права на территорию на Луне и других планетах.
– А прислушивался бы Кремль к правилам ООН, если бы был на нашем месте? Я думаю, что нет.
Джо развернулся и достал из сумки клюшку.
– Восемнадцатая лунка. Игра подходит к концу.
Президент установил мяч поудобнее и закатил его в лунку с двадцати футов.
– Я бы остановил вас, – холодно сказал он.
– Как? НАСА не готово отправлять морпехов на Луну. Вы и ваши предшественники были настолько слепы, что зациклились на одних только орбитальных космических станциях.
– Я не могу оставаться в стороне и позволить вам начать войну в космосе, которая потом может продолжиться на Земле.
– У вас нет выбора.
– Вы можете ошибаться насчет русских.
– Хотелось бы надеяться, – сказал Джо. – Но я подозреваю, что они уже убили Рэймонда Лебарона.
– Это должно меня убедить?
– Если случится худшее, то вы хотя бы будете в курсе событий и сможете подготовиться к дальнейшему кошмару.
– А если, предположим, мои охранники арестуют вас как сумасшедшего убийцу, а затем мы раскроем миру правду о колонии Джерси?
– Арестуйте меня – и Реджи Салазар умрет. Расскажете о проекте – и все закулисные махинации, подлости, обманы и ложь, ах да, еще и убийства, конечно же, которые были совершены с того самого момента, как вы приняли присягу в сенате, выплывут на свет. Вы вылетите из Белого дома с еще более скандальной репутацией, чем Никсон, конечно, при условии, что доживете до этого.
– Вы пытаетесь меня шантажировать? – Если до этого президент еще сдерживал себя, то теперь он кипел от злости. – Жизнь Салазара будет небольшой ценой за сохранение президентства.

– Через две недели вы сможете рассказать миру о проекте «Колония Джерси» и станете большим политическим героем. Фанфары, барабанная дробь, понимаете меня? Две недели – и вы всем покажете доказательства величайших достижений науки нашей страны.
– Почему именно после этого времени?
– Потому что мы собираемся забрать нашу изначальную команду из колонии Джерси и вернуть на Землю со всеми накопившимися за двадцать лет результатами исследований – отчетами о метеорологических и лунных зондах, бесчисленными фотографиями и видеозаписями создания первой человеческой планетарной цивилизации, научными результатами тысяч биологических, химических и атмосферных экспериментов. Первый этап проекта завершен. Мечта «внутреннего ядра» сбылась. Теперь колония Джерси будет принадлежать народу Соединенных Штатов Америки.
Президент задумчиво повертел клюшку в руках, затем спросил:
– Кто вы?
– Попытайтесь вспомнить. Мы были знакомы друг с другом много лет назад.
– Как я смогу связаться с вами?
– Я устрою еще одну встречу, когда возникнет необходимость. Мужчина засунул клюшки в сумку и пошел по узкой тропинке в сторону клуба. Но внезапно остановился и развернулся:
– Кстати, я обманул вас. Это не взрывчатка, а коробка с новыми мячами для гольфа – подарок «внутреннего ядра».
Глава государства с раздражением посмотрел на него:
– Будь ты проклят, Джо!
– О, и еще… поздравляю вас.
– С чем?
Джо протянул карточку с результатами.
– Я следил за игрой. Вы набрали семьдесят девять очков.

Узкая доска виндсерфа изящно скользила по бурной поверхности воды, как стрела сквозь туман. Его грациозная форма была необычайно красивой и позволяла развить огромную скорость на волнах. Наверное, это была самая простая конструкция из всех парусников: сердцевина из жесткого пенопласта в литой оболочке из гладкого полиэтилена, для легкости и гибкости – вот и вся доска. В кормовой части доски располагался небольшой плавник, помогающий держать курс, а более длинный шверт
[6]
уходил в воду почти посередине, чтобы доску не уносило ветром в сторону.

Ветер прижимал треугольный фиолетовый парус с широкой бирюзовой полосой к алюминиевой мачте, прикрепленной к доске шарниром. Овальную трубчатую ручку, или гик, огибающую мачту и парус, крепко сжимали длинные худощавые руки с огрубевшей кожей и мозолями на ладонях.
Дирк Питт устал. Устал даже сильнее, чем его изнуренный мозг был в состоянии осознать. Мышцы рук и ног будто налились свинцом, при каждом маневре все сильнее отдавало болью в спине и плечах. За прошедший час он уже не менее трех раз с огромным трудом поборол в себе желание выплыть на ближайший пляж и растянуться на песке.
Сквозь прозрачное окно в парусе Дирк рассмотрел оранжевый буй, отмечающий конец марафонской гонки длиной в тридцать миль вокруг залива Бискейн к маяку Кейп Флорида на Ки-Бискейн. Он осторожно занял самую удобную позицию, чтобы обойти буй по аккуратной дуге. Решив сделать поворот фордевинд, самый красивый маневр в виндсерфинге, он проскользнул вперед в плотном потоке других серферов, откинулся назад и направил нос доски на новый курс. Взявшись за мачту, Питт перебросил парус вокруг нее с наветренной стороны, поменял положение ног и выпустил гик. Потом повернул трепещущий парус, поймал ветер и в ту же секунду снова подхватил гик. Подталкиваемый свежим северным ветром скоростью в двадцать узлов, серф все быстрее несся по беспокойным волнам и вскоре разогнался почти до тридцати миль в час.

Мужчина слегка удивился, увидев, что в группе из сорока одного гонщика, большинство из которых были моложе его лет на пятнадцать, он идет третьим и отстает от лидера всего на двадцать ярдов.

Разноцветные паруса эскадры виндсерферов переливались на сине-зеленой воде будто радуга. Уже виднелся финиш возле маяка. Питт внимательно следил за идущим впереди гонщиком, готовясь пойти на обгон. Но прежде чем он попытался обойти его, соперник неожиданно упал, недооценив высоту волны. Теперь Дирк шел вторым, и до финиша оставалось не больше полумили.

И вдруг в безоблачном небе пронеслась зловещая тень, и мужчина услышал шум винтового двигателя летательного аппарата где-то вверху и слева. Он поднял голову и вытаращил глаза в изумлении.

Не более чем в сотне ярдов от него с неба опускался дирижабль, закрывая диск солнца, будто во время затмения. Его огромный нос был направлен наперерез курсу флотилии виндсерферов. Казалось, судном никто не управляет. Лопасти двух винтов едва вращались, но сильный ветер довольно быстро нес гигантскую сигару по воздуху. Серфингисты беспомощно наблюдали, как незваный гость пересекает им путь.

Гондола ударилась о волны, и дирижабль подскочил обратно вверх, футов на пять над водой, прямо перед лидером гонки серфингистов. Не успевая развернуться, молодой парень – лет семнадцати, не больше – спрыгнул с доски в воду за мгновение до того, как правый винт дирижабля в куски искромсал мачту и парус его серфа.

Питт ловко заложил крутой вираж и пошел параллельным курсом с неистовым дирижаблем. Краем глаза он заметил название, написанное на боку судна громадными красными буквами – «Проспертир». Дверь гондолы была распахнута, но никакого движения внутри не наблюдалось. Дирк крикнул, но его голос заглушили шум двигателей и свист ветра. Незадачливый цеппелин несся по морю, куда ему вздумается.

Внезапно Питта кольнуло предчувствие беды. «Проспертир» мчался к берегу и уже был всего в четверти мили от широких террас отеля «Сонеста Бич». Дирижабль, который по весу был легче воздуха, вряд ли мог сильно повредить крепкое здание отеля, но если его топливные баки воспламенятся, от пожара наверняка пострадает множество постояльцев, мирно дремлющих в номерах или ужинающих во дворике внизу.

Превозмогая усталость, спортсмен снова развернул серф и направился к огромному носу воздушного корабля. Гондола металась среди волн, и вдруг винт брызнул соленой водой прямо ему в глаза. Все стало мутным, мужчина едва не потерял равновесие. Он присел на доске пониже и направил серф наперерез дирижаблю. Толпы любителей позагорать возбужденно махали руками и показывали пальцами на необычное зрелище, быстро приближавшееся к пляжу отеля.

Питт должен был рассчитать прыжок идеально, он знал, что второй попытки не будет. Если ошибется – винт разрубит его тело на мелкие куски. Закружилась голова. Силы были почти на исходе. Ему показалось, что мышцы перестали реагировать на приказы мозга. Когда серф проходил под носом дирижабля, он приготовился.

А потом прыгнул.

Он смог ухватиться за один из тросов на носу «Проспертира», но начал соскальзывать по мокрой поверхности, сдирая кожу с пальцев и ладоней. В отчаянии Дирк перебросил ногу через трос и держался, напрягая последние остатки сил. Под весом его тела нос дирижабля накренился и опустился под воду. Лихорадочно перебирая руками по канату, Питт полез наверх, пока не вынырнул из воды. Потом какое-то время судорожно выплевывал морскую воду и хватал ртом воздух. Из преследователя он превратился в пленника.

Одной массы тела явно не хватало, чтобы остановить воздушного монстра, даже ветер тормозил дирижабль намного сильнее. Когда ноги коснулись дна, мужчина уже собирался выпустить из рук канат. Но дирижабль бросал его вверх-вниз, будто на американских горках. Через мгновение Питт уже ехал на спине по теплому песку пляжа. С трудом повернув голову, он увидел, что низкое ограждение отеля было уже в сотне метров от него и стремительно придвигалось все ближе.

«Боже мой, неужели конец… – подумал пленник „Проспертира“. – Всего через несколько секунд дирижабль врежется в отель и, возможно, взорвется. А может быть, и не только.

Вертящиеся винты расколются при ударе, и металлические обломки лопастей полетят в объятую страхом толпу, как шрапнель».
– Помогите мне! Помогите же, ради бога! – заорал Питт.
Толпящиеся на пляже люди застыли с раскрытыми ртами, словно дети, зачарованные невероятным зрелищем. Внезапно навстречу дирижаблю выбежали две молодые девушки и парень, на ходу хватая буксирные тросы. Следом за ними с места сорвался спасатель, а за ним – грузная пожилая женщина. И тогда оцепенение спало, и два десятка зевак ринулись вперед, выстраиваясь в ряд друг за другом. Это выглядело так, будто племя полуголых туземцев соревновалось с разъяренным бронтозавром в перетягивании каната.
Упираясь босыми ногами в песок и оставляя глубокие борозды, люди боролись с массивным дирижаблем, упрямо тащившим их за собой через пляж. Люди тянули за тросы, закрепленные на носу, и развернули корпус дирижабля на 180 градусов. Теперь на отель надвигался гигантский ребристый хвост. Колесо в нижней части гондолы обломало кусты, высаженные по верху ограды отеля, а винты крутились всего в нескольких дюймах над бетонной стеной и молотили по кустам, сбивая ветки и листья.
Сильный порыв ветра с моря вытолкнул «Проспертир» во внутренний дворик и понес кормой к пятому этажу отеля. Во все стороны полетели зонты и столики. Канаты вырвались из рук, и людей охватило ощущение беспомощности. Казалось, что битва проиграна.
Дирк с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, подбежал к ближайшей пальме. В последней отчаянной попытке он обмотал свой канат вокруг стройного ствола, лихорадочно молясь, чтобы дерево не сломалось от напряжения.
Провисший трос резко натянулся. Пятидесятифутовая пальма задрожала, качнулась и на несколько секунд согнулась. Толпа затаила дыхание. И тогда пальма мучительно медленно выпрямилась. Ее короткие корни выдержали испытание на прочность, дирижабль остановился всего в шести футах от восточной стены отеля.
Послышались радостные крики и аплодисменты двух сотен людей. Женщины прыгали и смеялись, а мужчины громко вопили, в восторге подняв руки вверх. Наверное, еще ни одна победившая команда не слышала в свою честь столько бурных оваций. Подбежавшие охранники отеля отводили зрителей подальше от все еще вращающихся винтов.
Мокрый Питт, покрытый песком, стоял невдалеке и пытался отдышаться, его исцарапанные канатом руки жгло от боли. Впервые глядя на «Проспертир» в спокойной обстановке, он был очарован его старинной конструкцией. Было очевидно, что именно эта модель воздушного судна стала прообразом современных дирижаблей «Гудьер».
Дирк обошел разбросанные стулья и столы во дворике и влез в гондолу. Экипаж дирижабля по-прежнему находился в своих креслах, не двигаясь и не издавая ни звука. Мужчина склонился над пилотом, нашел тумблер зажигания и выключил его. Двигатели еще раз или два громко чихнули и замолкли, винты несколько раз провернулись, а потом остановились.
Наступила гробовая тишина.
Питт поморщился и осмотрел гондолу. Внутри не виднелось никаких следов повреждений, казалось, что все механизмы и пульт управления работали исправно. Но его больше поразило обилие приборов на дирижабле. Здесь было все для подводной поисковой экспедиции: градиометры для поиска железа, эхолокатор бокового обзора, профилометр твердого дна.
Дирк не замечал любопытных лиц, заглядывающих в открытую дверь гондолы, не слышал монотонного воя приближающихся сирен. Он чувствовал себя отрешенным и каким-то растерянным. В жарком, влажном воздухе витал смрад гниющих человеческих тел, вызывая тошноту и страх.
Один из членов экипажа сидел, склонившись над маленьким столиком и положив голову на руки, как будто спал. Одежда мертвеца была влажной и покрытой пятнами. Питт коснулся его плеча и легонько толкнул. Плоть оказалась не упругой, а податливой и мягкой, как тесто.
Несмотря на жару, Питта внезапно пробрал озноб, хотя по всему телу ручейками струился пот. Он перевел взгляд на сидящих за штурвалом – ужасная картина! По лицам ползало множество мух, разложение до неузнаваемости обезобразило пилотов. Кожа слезала клочьями, словно на прорванных волдырях или ожогах. Челюсти отвисли, губы и языки распухли и засохли. Глаза были открыты, мутные зрачки смотрели в никуда. Руки с посиневшими ногтями все еще лежали на штурвалах. В безжизненных телах не осталось ферментов, сдерживающих размножение

бактерий, и микроорганизмы образовали в кишечнике газы, нелепо раздув мертвецам животы. Высокая температура и влажность в тропиках значительно ускорили процесс гниения. Прилетевший из ниоткуда «Проспертир» был могилой, полной гниющих трупов. Жуткий экипаж оказался заключенным внутри дирижабля, словно в склепе, так и не выполнив свою призрачную миссию.

Под ослепительным светом в прозекторской на столе для обследования лежал обнаженный труп чернокожей женщины. Тело отлично сохранилось, на нем не было заметно никаких повреждений. Опытный патологоанатом даже при беглом осмотре по степени трупного окоченения легко мог определить, что женщина была мертва не более семи часов. Ей было где-то около двадцати пяти – тридцати лет. Наверное, когда-то на нее засматривались мужчины, но сейчас ее тело выглядело истощенным и обезображенным из-за многолетнего употребления наркотиков.

Судмедэксперт округа Дейд, доктор Кельвин Руни, не особо горел желанием делать вскрытие. В Майами ежедневно кто-то умирает, так что ему и его сотрудникам было чем заняться, и сам он предпочитал работать над более сложными и загадочными случаями. Заурядные случаи смерти от передозировки наркотиков его мало интересовали. Однако труп был найден лежащим на лужайке перед домом окружного комиссара, поэтому проведение следственной экспертизы не могли доверить рядовому сотруднику.

Накинув синий халат (он терпеть не мог стандартный белый), Руни, выросший во Флориде, ветеран армии США и выпускник Гарвардской медицинской школы, вставил новую кассету в карманный диктофон и сухо описал общее состояние трупа.

Он взял скальпель и, нагнувшись над телом, начал разрезать кожу от подбородка до паха. Проведя разрез до грудной полости, Руни внезапно остановился и, щурясь сквозь толстые линзы очков в роговой оправе, наклонился еще ближе. В течение следующих пятнадцати минут он извлек сердце и внимательно исследовал его, продолжая говорить в диктофон.

Под конец обследования в прозекторскую вошел шериф Тайлер Суэтт. Он был среднего телосложения, слегка сутулился, а задумчивое лицо казалось одновременно и меланхоличным, и мужественным. Благодаря своей проницательности и аналитическому складу ума он пользовался уважением у сослуживцев.

Он окинул труп невыразительным взглядом и кивком поприветствовал Руни.

– Новый жмурик?

– Женщина, найденная во дворе окружного комиссара, – ответил доктор.

– Очередной передоз?

– Увы, нет, на этот раз убийство. Да, ее определенно убили. Я нашел три прокола в сердце.

– Ножом для колки льда?

– Судя по всему, так и есть.

Суэтт уставился на маленького лысеющего главного судмедэксперта, который больше походил на приходского священника.

– Им не провести вас, док.

– Что же привело грозу всех преступников в наши экспертноаналитические палаты? – дружелюбно спросил Руни. – Вы явились навестить мертвых бедняков из трущоб?

– Нет, сегодня я с опознанием прибыл к птицам более высокого полета.

– Значит, вас интересуют тела с дирижабля, – догадался Руни. Суэтт кивнул.

– Госпожа Лебарон приехала, чтобы осмотреть останки.

– Я бы не советовал. То, что осталось от ее мужа, – далеко не лучшая картина для тех, кто видит трупы не каждый день.

– Я пытался сказать ей, что достаточно будет опознать его вещи, но она настаивала. Даже привезла с собой консультанта из канцелярии губернатора.

– И где они?

– Ждут в приемной морга.

– А журналисты?

– Там целая армия телерепортеров и корреспондентов из газет, вьются вокруг, как мухи. Я приказал помощникам не пускать их дальше вестибюля.

– Мир удивительно устроен, – философски заметил Руни. – Такой знаменитости, как Рэймонд Лебарон, достаются лучшие полосы на первых страницах, а об этой бедняжке упомянут лишь в последней колонке, рядом с дешевой рекламой.
Он вздохнул, снял халат и бросил на стул.
– Давайте разберемся с вашим делом побыстрее. У меня сегодня еще два вскрытия.
Пока они разговаривали, начался тропический ливень, и за окном загрохотали раскаты грома. Руни надел спортивную куртку, застегнул ее и поправил галстук. Они вместе вышли из помещения. Суэтт задумчиво разглядывал рисунок на ковре под ногами.
– Есть какие-то мысли по поводу причины смерти Лебарона? – спросил шериф.
– Пока не могу сказать ничего определенного. Результаты обычного лабораторного исследования оказались неинформативными. Я собираюсь провести дополнительно несколько тестов. Слишком много нестыковок. Должен признать, это настоящая головоломка.
– Так что, вообще никаких догадок?
– В официальных документах я бы точно пока ничего не писал. Проблема вот в чем: разложение трупа произошло слишком быстро. Я никогда не видел, чтобы ткани так быстро распадались, разве что только один раз, в 1974 году.
Прежде чем Суэтт успел расспросить Руни о том случае, они подошли к двери приемной и вошли. Помощник губернатора, скользкий тип в костюме-тройке, вскочил им навстречу. Руни он сразу показался полным идиотом, хотя еще и рта не успел раскрыть.
– Не могли бы мы начать побыстрее? Госпоже Лебарон тяжело здесь находиться, и она хочет вернуться в отель как можно скорее.
– Сочувствую ей, – произнес шериф, намеренно растягивая слова, – но полагаю, что государственный служащий должен и без моих подсказок помнить о том, что есть определенные правила, которым все должны следовать.
– Должен вам напомнить о том, что губернатор ждет от вашего отдела полной отдачи. Горе вдовы необходимо облегчить.
Руни восхитился железным спокойствием Суэтта. Шериф просто обошел консультанта, словно мусор на тротуаре.
– А вот наш главный судмедэксперт, доктор Руни. Он будет помогать при опознании.
Не похоже, что Джесси Лебарон было здесь очень уж тяжело. Она сидела на оранжевом пластиковом стуле, высоко подняв голову и властно поглядывая по сторонам. И все же Руни почувствовал ее слабость, скрывающуюся за показным спокойствием и хладнокровием. За годы работы для него стало привычным делом проводить опознания трупов близкими людьми. Он проходил через такое испытание сотни раз, поэтому мягким сочувствующим тоном сказал заученную фразу:
– Госпожа Лебарон, я знаю, каково вам сейчас, и постараюсь не сделать вам хуже. Но сперва хотел бы разъяснить, что по законам нашего штата и округа достаточно будет опознать личные вещи покойного супруга. Далее, все, что вы сможете вспомнить об особых приметах во внешности вашего мужа: будь то шрамы, рубцы, особенности зубного аппарата, переломы или деформации в скелете, перенесенные оперативные вмешательства – все это поможет нам в опознании. И последнее: настоятельно советую вам не смотреть на останки. Черты лица еще узнаваемы, но разложение сделало свое дело. Будет лучше помнить господина Лебарона таким, каким он был при жизни, чем таким, каков он сейчас, в морге.
– Спасибо, доктор Руни, – ответила Джесси. – Я очень благодарна вам за заботу, но должна быть уверена, что муж действительно мертв.
Руни печально кивнул, затем указал на рабочий стол, где лежали одежда, бумажник, часы и прочие личные вещи.
– Вы уже опознали вещи господина Лебарона?
– Да, я перебрала их.
– Значит, вы подтверждаете, что они точно принадлежали ему?
– Да, без сомнений… бумажник… и прочее. Часы – подарок от меня на первую годовщину свадьбы.
Руни подошел к столу и взял часы.
– Золотые «Картье» на золотом браслете, с римскими цифрами, выложенными из… Это ведь бриллианты, верно?
– Да, редкая разновидность черного алмаза, соответствующего его знаку зодиака.

– Апрель, стало быть.
Она кивнула.
– Кроме личных вещей вашего супруга, госпожа Лебарон, не узнаете ли вы какие-нибудь из этих вещей, которые могли принадлежать Баку Цезарю или Джозефу Кавилье?
– Не могу ничего сказать об их украшениях, но точно уверена, что такая одежда была на Баке и Джо, когда я видела их в последний раз.
– К сожалению, следователям не удалось найти ближайших родственников Цезаря и Кавильи, – вступил в разговор Суэтт. – Вы бы очень помогли нам, если бы подсказали, что из вещей принадлежало Баку, а что Джозефу.
Джесси Лебарон ненадолго задумалась.
– Я не уверена… Кажется, джинсовые шорты и рубашка в цветочек были на Баке. А другие вещи тогда, вероятно, были на Джо Кавилье. – Она немного помолчала. – Теперь я могу увидеть тело моего мужа?
– Я не убедил вас? – сочувственно спросил Руни.
– Настаиваю.
– Лучше делайте то, о чем просит госпожа Лебарон, – вмешался помощник губернатора, стоявший до этого молча.
Руни посмотрел на Суэтта и обреченно пожал плечами.
– Тогда следуйте за мной, пожалуйста. Останки хранятся в холодильной камере.
Все покорно пошли за доктором к толстой двери с маленьким окошком на уровне глаз и молча ждали, пока он откроет тяжелую задвижку. Изнутри повеяло прохладой, и Джесси вздрогнула, когда доктор пригласил их войти. Появился дежурный и подвел их к одной из квадратных дверец в стене. Он открыл дверцу, выдвинул стол из нержавеющей стали и отошел в сторону.
Руни взялся рукой за край простыни, накрывающей труп, и замялся. Эту часть своей работы он особенно ненавидел. Как правило, человеческие реакции при опознании тела близкого можно разделить на четыре группы: одних начинает тошнить, другие теряют сознание, у третьих начинается истерика. А есть и те, кто стоит с каменным лицом и не выказывает никаких чувств. Последние особо интересовали доктора. Руни готов был расстаться со своей месячной зарплатой, чтобы узнать, какие мысли витают у них в головах в эту секунду.
Он поднял простыню.
Помощник губернатора бросил один лишь взгляд на труп, жалко застонал и без чувств рухнул на руки шерифу. Ужасающие последствия разложения предстали во всем своем отвратительном виде.
Но реакция Джесси поразила Руни. Дама долгим внимательным взглядом осмотрела чудовищные, обезображенные гниением останки, лежащие на столе. Она глубоко втянула в себя воздух, тело заметно напряглось. Затем подняла глаза и спокойным, ровным голосом произнесла:
– Это не мой муж!
– Вы совершенно уверены? – мягко спросил Руни.
– Взгляните сами, – монотонно проговорила она. – У него были не такие волосы. И черты лица. У Рэймонда было угловатое лицо. А здесь круглое.
– Разложение плоти обычно искажает черты лица, – объяснил доктор.
– Но посмотрите на зубы.
Мужчина нагнулся над головой трупа.
– А что с ними?
– На них пломбы серебристого цвета.
– Не понимаю.
– У мужа были золотые.
Руни даже и не думал с ней спорить. Несомненно, такой обеспеченный человек, как Лебарон, не стал бы себе ставить дешевые пломбы.
– Но ведь часы, одежда… вы же признали, что они принадлежали ему.
– Ну и что с того! – гневно крикнула она. – Этот ужасный труп – не Рэймонд Лебарон.
Руни был озадачен ее яростью. Пока он стоял в растерянности, не в состоянии произнести что-либо, госпожа Лебарон выбежала из холодильной камеры. Шериф передал помощника губернатора с рук на руки дежурному морга и повернулся к судмедэксперту:
– Да что тут, черт возьми, происходит?

Доктор покачал головой:
– Сам не знаю.
– Мне кажется, то, что она увидела, шокировало ее. Затем у нее случилась истерика, и дама начала нести чушь. Вы лучше меня знаете, что большинство людей не могут принять смерть любимого человека. Вот она и не смогла поверить своим глазам.
– Это была не истерика.
Суэтт непонимающе посмотрел на него:
– А как это тогда назвать?
– Актерская игра.
– С чего вы взяли?
– Часы, – ответил Руни. – Один из моих сотрудников раньше подрабатывал ювелиром, чтобы платить за обучение в медицинской школе. И он сразу заметил, что эти дорогие часы «Картье», которые госпожа Лебарон подарила своему мужу на юбилей, на самом деле подделка, одна из дешевых фальшивок, какие нелегально производят в Тайване или Мексике.
– Зачем женщине, способной выписать чек на миллион долларов, дарить мужу дешевую подделку?
– Рэймонд Лебарон далеко не профан, когда дело касается стиля и вкуса. Он бы наверняка распознал подделку. Меня интересует другое: почему он продолжал носить часы, зная, что они – фальшивые?
– Значит, вы думаете, что дама разыграла перед нами представление и солгала на опознании?
– Чутье подсказывает мне, что вдова знала, чего ожидать, – ответил Руни. – Готов поспорить на свой новый «Мерседес-Бенц», что генетическое исследование, отчет стоматолога и результаты слепка с отпечатками пальцев, отправленных мной в лабораторию ФБР, покажут, что она права.
Доктор повернулся к трупу и уставился на него.
– На столе не Рэймонд Лебарон.

Детектив Гарри Виктор, ведущий следователь департамента полиции округа Дейд, сидел, откинувшись на спинку вращающегося стула, и изучал фотографии гондолы «Проспертира». Спустя несколько минут он поднял очки без оправы на высокий лоб с залысинами в светлой шевелюре и потер глаза.
Виктор был человеком аккуратным, все раскладывал по своим местам в алфавитном и номерном порядке. Он был единственным полицейским за всю историю отдела, искренне любившим составлять отчеты. Пока большинство мужчин на выходных смотрели спортивные трансляции по телевизору или отдыхали возле плавательных бассейнов, почитывая детективные романы Рекса Бернса, Виктор пересматривал материалы нераскрытых дел. Он был неутомимым трудягой. Но ему больше нравилось самостоятельно увязывать все концы и доводить расследование до завершения, нежели выбивать признания из преступников.
Дело «Проспертира» отличалось от всех других, попадавшихся ему за восемнадцать лет на службе. Да и вообще трудно назвать типичным делом для полицейского расследования, когда с неба падает старинный дирижабль с тремя трупами внутри. Никаких зацепок. В морге не нашли никаких следов на телах, которые могли бы подсказать, где экипаж пропадал полторы недели.
Когда он снова опустил очки на глаза и принялся изучать фотографии, зазвонил телефон.
Детектив поднял трубку и задумчиво ответил:
– Да?
– Пришел свидетель давать показания, – послышался голос секретарши.
– Пусть заходит.
Он закрыл папку с фотографиями и положил на металлический стол. Там не было никаких вещей, кроме телефона и таблички с именем следователя. Держа трубку возле уха, детектив перегнулся в кресле и посмотрел в противоположный угол просторного отдела убийств, на дверь, выходящую в коридор.
На пороге появилась секретарша в форме и указала рукой в направлении Виктора. Высокий мужчина кивком поблагодарил ее и подошел. Детектив жестом пригласил его присесть на стул напротив, делая вид, будто разговаривает по телефону. Он использовал эту старую уловку при допросах, когда нужно было улучить минутку, чтобы присмотреться к подозреваемому или свидетелю и понять, что он собой представляет, а самое главное – проследить за его привычками и поведением, что могло помочь при допросе.

Сидящему напротив Виктора человеку было около тридцати семи – тридцати восьми лет, ростом он был под метр девяносто, весил около восьмидесяти пяти килограммов, у него были волнистые черные волосы без намека на седину и кожа, загорелая от круглогодичного пребывания на солнце. У посетителя были темные густые брови, прямой узкий нос, тонкие губы с уголками, загнутыми в легкую, но уверенную улыбку. Он был одет в голубую спортивную куртку, кремово-желтую рубашку-поло с открытым воротником и светло-серые брюки. Чувствовалось, что у него хороший вкус – одежда не слишком дорогая, но стильная, куплена скорее в «Саксе», чем в брендовых мужских магазинах. Он не курил, судя по тому, что из карманов не выпирала сигаретная пачка. Свидетель сложил руки в локтях, что говорило о спокойствии и даже в некоторой мере о безразличии, сами кисти рук были узкие, длинные и обветренные. Колец и других украшений не было, только старые водонепроницаемые часы с оранжевым циферблатом на тяжелом браслете из нержавеющей стали.
Он вел себя не так, как другие. Все, кто сидел на этом стуле, заметно нервничали. Некоторые прятали волнение под маской высокомерия, другие беспокойно осматривались, глядели в окна, на картины на стенах, наблюдали за другими следователями, постоянно ерзая на стуле и закидывая ноги одна на другую. Впервые детектив почувствовал себя не в своей тарелке. Уловка не сработала.
Посетитель не проявлял вообще никаких эмоций. Со скромным интересом он смотрел на Виктора невероятно зелеными глазами, будто гипнотизировал его. Потом, изучив полицейского и не найдя ничего интересного, принялся рассматривать стену позади него. После чего взгляд свидетеля опустился на телефон.
– Обычно в департаментах полиции пользуются системой связи «Горизонт», – сказал он ровным тоном. – Если пытаетесь поговорить с кем-то, то нажмите вот ту кнопочку.
Виктор посмотрел на телефон. Так и есть, одна из четырех кнопок горела, но не была нажата.
– А вы внимательны, господин…?
– Питт. Дирк Питт. Имею честь разговаривать с детективом Виктором? У нас была назначена встреча.
– Да, это я. – Он положил трубку на место и продолжил: – Вы тот человек, который первым пробрался в гондолу дирижабля «Проспертир»?
– Верно.
– Спасибо, что согласились прийти сюда в воскресенье, да еще и в такую рань. Буду очень признателен, если поможете прояснить несколько вопросов.
– Пустяки. Это надолго?
– Двадцать минут, может быть, полчаса. Куда-то торопитесь?
– Через два часа у меня самолет в Вашингтон.
Полицейский кивнул:
– Тогда у нас достаточно времени. – Он открыл ящик и достал диктофон. – Давайте перейдем в более уединенное место.
Он повел Питта по длинному коридору к маленькой комнате для допросов. Внутри не было ничего лишнего: стол, два стула и пепельница. Виктор присел и вставил в диктофон новую кассету.
– Не будете возражать, если я запишу наш разговор на пленку? Из меня ужасный стенографист, никто из секретарей не может разобрать мой почерк.
Посетитель пожал плечами, соглашаясь.
Виктор поставил диктофон на середину стола и нажал на кнопку записи.
– Ваше имя?
– Дирк Питт.
– Среднее имя?
– Эрик.
– Адрес?
– Аэропорт-плейс, номер 266, Вашингтон Ди-Си, 20001.
– Номер телефона, по какому можно будет с вами связаться? Дирк продиктовал Виктору телефонный номер своего офиса.
– Чем занимаетесь?
– Директор специальных программ Национального управления подводных исследований.
– Можете описать то, что произошло 20 октября?

Питт рассказал Виктору о том, как заметил неуправляемый дирижабль во время марафонской гонки на виндсерфах, о своем сумасшедшем прыжке на канат дирижабля и о едва не случившейся катастрофе, которую чудом удалось предотвратить в последние секунды. Закончил он рассказ на том, как пробрался в гондолу.
– Вы касались там чего-либо?
– Только выключателей зажигания и двигателя. Еще трогал за плечо труп, сидевший возле столика штурмана.
– И все?
– Я мог оставить свои отпечатки только на лестнице дирижабля.
– И еще на спинке сиденья второго пилота, – самодовольно улыбнулся Виктор. – Очевидно, когда вы наклонились, чтобы выключить двигатели.
– Быстро вы их обнаружили. В следующий раз буду надевать резиновые перчатки.
– Это заслуга ФБР.
– Надо признать, они хорошо делают свою работу.
– Вы что-нибудь взяли оттуда?
Питт бросил на Виктора резкий взгляд.
– Нет.
– А мог кто-нибудь войти и что-нибудь трогать?
Свидетель покачал головой.
– После того как я вышел, охранники отеля оцепили гондолу. Следующим, кто туда зашел, был человек в форме полицейского.
– Что вы делали после этого?
– Я заплатил спасателю, чтобы он сплавал и нашел мой серф. У него был небольшой пикап, он согласился отвезти меня в отель, где я остановился с друзьями.
– В Майами?
– В Корал-Гейблз.
– Не возражаете, если я спрошу, что вы делали в городе?
– Я закончил морскую исследовательскую миссию для НУПИ и решил взять недельный отпуск.
– Вы опознали тела?
– Нет, конечно же. Я бы и собственного отца в таком виде узнать не смог.
– Может, есть хотя бы какие-нибудь предположения?
– Думаю, один из них – Рэймонд Лебарон.
– Вы слышали ранее об исчезновении «Проспертира»?
– О его исчезновении передавали по всем каналам, печатали в газетах. Только отшельник мог об этом не знать.
– У вас есть какие-нибудь предположения, где дирижабль и его экипаж пропадали в течение десяти дней?
– Без понятия.
– Может, есть какая-то, пусть даже самая безумная, теория? – упорствовал Виктор.
– Ну, например, дирижабль мог принять участие в гениальнейшем рекламном трюке, пиаре издательской империи Лебарона.
В глазах Виктора появился интерес.
– Продолжайте.
– А может, богачи сделали умнейший ход, чтобы манипулировать ценами акций конгломерата Лебарона. Можно было продать пакеты акций, чтобы потом, когда он исчезнет, а цены упадут, выкупить их по дешевке. А когда произойдет его «воскрешение» – цены опять поднимутся и можно будет снова продать акции втридорога.
– И какой, по-вашему, была причина смерти?
– Тут моя фантазия отказывает.
– Почему?
– Спросите судмедэксперта.
– Но я спрашиваю вас.
– Наверное, они сожрали испорченную рыбу на том необитаемом острове, где просидели все время, – устав от игры в догадки, сказал Питт. – Откуда мне знать? Если вам нужен красивый сюжет, лучше наймите сценариста.
Интерес в глазах Виктора погас. Он откинулся на кресле и удрученно вздохнул.

– Я уже было подумал, что вы знаете о чем-то, что сможет помочь нам распутать загадку. Но ваша теория оказалась пустышкой, как и все остальные.
– Я почему-то не удивлен, – ухмыльнулся Питт.
– Откуда вы знали, что нужно нажимать, чтобы выключить двигатель? – спросил Виктор, направляя разговор в другое русло.
– После полетов на двадцати разных самолетах во время службы в ВВС и в гражданской жизни я кое-чему научился.
Виктора, казалось, полностью удовлетворил такой ответ.
– Еще один вопрос, господин Питт. Когда вы впервые заметили дирижабль, с какого направления он прилетел?
– Он дрейфовал по ветру с северо-востока.
Виктор протянул руку и выключил диктофон.
– Все. Я смогу с вами связаться по номеру телефона вашего офиса в течение дня?
– Если меня не будет на месте, мой секретарь сообщит, где меня найти.
– Спасибо за помощь.
– Боюсь, что ничем особенным я не помог, – сказал Питт.
– Мы должны соединить все нити. На нас оказывают большое давление, ведь Лебарон был важным лицом. Должно быть, это самое странное дело, с которым когда-либо сталкивался наш отдел.
– Я вам не завидую. – Свидетель взглянул на часы и поднялся со стула. – Мне пора в аэропорт.
Виктор встал и потянулся через стол, они пожали друг другу руки.
– Если у вас появится еще какой-нибудь сюжетец, звоните мне. Я люблю хорошую фантастику.
Дирк остановился у дверей и обернулся с ехидным выражением на лице:
– Вам нужны зацепки, детектив? Тогда обдумайте еще такую штуку. Дирижаблю нужен гелий, чтобы взлететь. Чтобы поднять в воздух такую старинную махину, как «Проспертир», понадобится пара сотен тысяч кубических фунтов газа. И примерно за неделю утечки гелия будут такими, что дирижабль опустится на землю. Улавливаете?
– Смотря к чему вы ведете.
– Дирижабль мог появиться в Майами только в том случае, если за сорок восемь часов до того опытный экипаж пополнил запасы гелия.
Виктор выглядел так, будто собирался перекреститься.
– Что отсюда следует?
– То, что вам нужно поискать по окрестностям станции, которые могли перекачать двести тысяч кубических футов гелия.
Питт развернулся к двери и ушел.

– Ненавижу лодки, – проворчал Руни. – Я не умею плавать, вообще не могу даже держаться на воде. Ненавижу плавать! Мне становится плохо, даже когда я смотрю в окошко на дверце стиральной машинки.
Шериф Суэтт передал ему двойной мартини:
– Держите, это вам поможет.
Доктор печально посмотрел на залив и осушил полстакана разом.
– Надеюсь, что хоть в открытый океан не будем выходить.
– Не будем. Просто неспешно прокатимся на катере вокруг залива.
Суэтт заскочил в переднюю кабину своего белого рыбацкого катера и запустил двигатель. Дизельный двигатель с турбиной мощностью 260 лошадиных сил гулко зарокотал на корме, палуба начала вибрировать под ногами. Мужчина отвязал причальный канат, катер отошел от пирса и направился к Бискайскому заливу, лавируя в лабиринте пришвартованных яхт.
Когда катер прошел мимо буйков, Руни решил выпить еще стаканчик.
– Где у вас хранится выпивка?
– В передней кабине. Угощайтесь. Там же в медном водолазном шлеме лежит лед.
Через минуту доктор вышел из кабины и спросил:
– Зачем это все, Тайлер? Сегодня же воскресенье. Вы не могли вытащить меня из моей берлоги в самый разгар захватывающего матча, просто чтобы показать, как выглядит Майами-Бич с корабля.
– Да. Я слышал, что прошлой ночью вы закончили отчет о телах с дирижабля.

– Если точно, то в три часа утра.
– Я подумал, может быть, вы захотите мне что-нибудь рассказать?
– Боже правый, Тайлер, неужели это настолько важно, что вы не могли подождать до утра?
– Час назад позвонил какой-то федерал из Вашингтона. – Суэтт помолчал, ослабляя дроссель.
– Сказал, что он из внутренней разведки, о которой я никогда не слышал. Не буду утомлять вас подробностями нашего с ним малоприятного разговора. Никогда не мог понять, почему северяне принимают нас за дурачков. В общем, он потребовал, чтобы мы передали тела федеральным властям.
– Каким еще федеральным властям?
– Он отказался называть их. И увильнул от ответа, когда я настаивал.
Руни заинтересовался:
– Он не сказал, зачем им тела?
– По его словам, это вопрос безопасности.
– Вы ему, конечно, отказали?
– Сказал, что подумаю.
Благодаря такому повороту событий и алкоголю доктор на время забыл о своей боязни воды. Он присмотрелся к плавным очертаниям катера из стеклопластика. Они находились во втором офисе шерифа, временно поставленном на службу в качестве резервного патрульного корабля, хотя чаще его использовали для поездок на рыбалку с чиновниками из штата и округа.
– Как вы его назвали? – спросил Руни.
– Кого?
– Корабль.
– «Саузерн Комфорт». Тридцать пять футов длиной, скорость пятнадцать узлов. Его построили в Австралии. Фирма «Стеберкрафт».
– Что касается дела Лебарона, – произнес доктор, потягивая мартини, – вы собираетесь отдать его?
– Была такая мысль, – улыбнулся Суэтт. – У нас никаких подозреваемых. Смерть до сих пор освещают во всех передовицах. Журналисты делают из трагедии цирк. Начиная с губернатора, каждый пытается оказывать давление на мою задницу. И к тому же есть большая вероятность, что преступление было совершено вообще не в моей юрисдикции. Конечно же, имеется огромное искушение передать столь тяжелый случай в Вашингтон. Но все-таки я слишком упрям, потому что мне кажется, что мы можем раскрыть дело.
– Хорошо, но чего вы хотите от меня?
Шериф оторвался от штурвала и в упор посмотрел на Руни:
– Хочу, чтобы вы рассказали мне, что написали в отчете.
– То, что я откопал, только сильнее все запутает.
Суэтт замедлил ход, пропуская небольшой парусник с четырьмя подростками, идущий наперерез их курсу, и потом продолжил:
– И все-таки.
– Давайте я начну с конца, согласны?
– Давайте.
– Меня поразила одна деталь. С подобным я сталкивался лет пятнадцать назад, когда расследовал странное дело о смерти женщины. На веранде дома обнаружили тело дамы, сидящей в кресле. Ее муж сказал, что они выпивали всю ночь и он пошел спать, ожидая, что она присоединится к нему. Проснувшись утром, супруг нашел ее на том же месте, где и оставил. Как и ночью, жена сидела в кресле на террасе, но теперь была мертва. У нее были все признаки естественной смерти, никаких следов насилия или отравления, в крови нашли только алкоголь. Внутренние органы были здоровыми. Раньше у нее не было серьезных заболеваний или нарушений. И в сорок лет у нее сохранилось тело двадцатипятилетней девушки. Это меня вконец запутало. Но затем факты начали складываться. Посмертный цианоз – изменение цвета кожи в результате нарушения кровообращения – обычно должен быть синеватого цвета. Ее цианоз был вишнево-розовым, что означало смерть от цианида, угарного газа или переохлаждения. Также я обнаружил кровоизлияние в поджелудочную железу. Методом исключения я отбросил варианты с цианидом и угарным газом. Ну и последним элементом в головоломке стал род занятий ее мужа. Конечно, мои доказательства были не очень сильны, но их хватило, чтобы судья засадил его на пятьдесят лет.

– Кем работал муж? – спросил Суэтт.
– Он развозил замороженные продукты по магазинам на грузовике. Очень тонкий план. Супруг напоил ее до потери сознания. Потом затащил в грузовик, который по ночам и выходным стоял у него дома, включил холодильную установку и подождал, пока она окоченеет. Когда бедная женщина испустила последний вздох, он посадил ее назад в кресло и отправился спать.
Шериф непонимающе посмотрел на него:
– Вы не сказали, что люди, найденные в дирижабле, умерли от переохлаждения.
– Именно это я и подозреваю.
– Уверены?
– Примерно на восемь баллов по десятибалльной шкале.
– Знаете, как такое предположение звучит со стороны?
– Догадываюсь, что, по меньшей мере, странно.
– Трое мужчин исчезают над Карибским морем в тридцатиградусную жару и умирают от переохлаждения? – спросил Суэтт сам себя. – Совсем не верится, док. Отсутствует даже какой-нибудь грузовичок для замороженных продуктов, способный вызвать такие подозрения.
– Надо сказать, в деле с дирижаблем вообще сложно чему-то верить.
– Что вы имеете в виду?
– Звонок из ФБР. Если Джесси Лебарон сказала правду и в морге не ее муж, значит, остальные двое тоже не Бак Цезарь и Джозеф Кавилья.
– Боже, – вздохнул Суэтт. – Кто же они тогда?
– Об их отпечатках пальцев у ФБР нет никаких сведений. Возможно, иностранцы.
– Вы что-нибудь откопали, что может помочь нам установить их личности?
– Могу назвать их рост и вес, показать рентгеновские снимки их зубов и назвать прижизненные нарушения в скелете. Их печени пережили огромные дозы всех трех классов спиртных напитков. Легкие говорят о том, что они были заядлыми курильщиками, а судя по зубам и кончикам пальцев, курили они сигареты без фильтра. Еще они любили плотно покушать. Последний раз они ели черный хлеб, различные фрукты и свеклу. Обоим было примерно чуть больше тридцати, одному, может, сорок или чуть больше. Их физическое состояние было выше среднего. Кроме того, могу сказать вам еще одну вещь, которая может помочь опознать их.
– Говорите.
– Но если моя догадка верна, то Лебарон, Цезарь и Кавилья снова будут считаться пропавшими.
Прежде чем Суэтт успел что-то сказать, из динамика корабельного радио раздался женский голос, вызывавший позывной его катера. Шериф ответил и переключился на другой радиоканал согласно инструкции.
– Извините, придется ненадолго прерваться, – сказал он Руни. – Срочный вызов с берега.
Доктор кивнул и отправился в кабину, чтобы налить себе еще выпивки. Приятное ощущение тепла пробежало по телу, он немного постоял, чтобы оно дошло до головы. Когда мужчина вернулся в рубку, Суэтт уже повесил трубку, его лицо покраснело от гнева.
– Грязные сволочи! – выругался он.
– Что-то случилось? – спросил Руни.
– Они стащили трупы, – прорычал Суэтт, ударяя по штурвалу кулаком. – Проклятые федералы приехали в морг и изъяли тела погибших на дирижабле.
– Но они же должны были сначала пройти юридические процедуры, – усомнился Руни.
– Шесть человек в штатском и два федеральных маршала заявились с необходимыми документами, погрузили мертвецов в алюминиевые контейнеры со льдом и увезли на вертолете военно-морского флота США.
– Когда?
– Десять минут назад. Гарри Виктор, главный следователь по данному делу, сказал, что, пока он отлучался в туалет, они обыскали его стол в отделе убийств и стащили все файлы.
– А что с моим отчетом о вскрытии?
– Его тоже забрали.
Настроение Руни поднялось из-за ударившего в голову алкоголя.
– Ничего страшного, давайте посмотрим с другой стороны. Теперь вся ответственность с вас снята.
Суэтт понемногу успокаивался.

– Не могу сказать, что они сделали мне хуже, но их метод ведения дел меня окончательно взбесил.
– Могу вас немного утешить, – пробормотал доктор. У него начались проблемы с координацией. – Кое-чего дядя Сэм точно не сможет разобрать до конца.
– Что именно?
– Я не все указал в отчете. Один из результатов обследования был слишком противоречив, чтобы вписывать его в документ, и слишком безумен, чтобы говорить о нем за пределами сумасшедшего дома.
– О чем вы? – Шериф стал терять терпение.
– О причине смерти.
– Вы же сказали, что они умерли из-за переохлаждения.
– Правильно, но кое-чего недоговорил. Как вы могли заметить, я не указал время смерти. – Язык Руни начал заплетаться.
– Наверное, за несколько дней до того, как дирижабль упал.
– О, нет. Бедные ребята окоченели уже очень давно.
– Когда именно?
– Год или два назад.
Суэтт недоверчиво посмотрел на собеседника. Но судмедэксперт лишь улыбался, как гиена. Он продолжал улыбаться даже после того, как осел на край лодки и его стошнило.
Дирк Питт жил не в доме на пригородной улице и не в квартире многоэтажки с видом на верхушки густых зарослей деревьев Вашингтона. Возле его жилья не было двориков соседей с визжащими детьми и лающими собаками. Его дом был не домом в прямом смысле этого слова. Дирк жил в старом самолетном ангаре, расположенном в дальнем углу международного аэропорта столицы.
Со стороны здание выглядело заброшенным и пустынным. Земля вокруг него заросла травой, старая краска на гофрированных стенах потрескалась. Единственным признаком, что здесь мог кто-то обитать, был ряд окон под огромной изогнутой крышей. Хоть они и были испачканными и покрытыми пылью, но ни одно окно не было разбито, как в других заброшенных постройках.
Питт поблагодарил ремонтника аэропорта, подвезшего его от терминалов. Оглянувшись, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает, он вынул из кармана пальто маленький передатчик и произнес в него несколько голосовых команд. Они отключали систему безопасности, охранявшую ангар, и открывали боковую дверь, которая выглядела так, будто ее не открывали уже десятки лет.
Он вошел в здание и ступил на полированный бетонный пол. Изнутри на него смотрели фары тридцати блестящих классических автомобилей, старый аэроплан и вагон, изготовленный в начале века. Он приостановился и с умилением посмотрел на шасси спортивного купе французского «Тальбот-Лаго», чью реконструкцию он недавно начал. Машина была практически уничтожена в результате взрыва, но Питт был полон решимости вернуть скрюченной груде металла ее первоначальную элегантность и красоту.
Он потащил чемодан и рюкзак с одеждой по винтовой лестнице к жилому помещению, расположенному наверху, у дальней стены ангара. Часы показывали 14.15, но разум и тело настолько устали, что ему казалось, время уже около полуночи. Распаковав вещи, Дирк решил несколько часов поработать над «Тальбот-Лаго», а затем принять душ. Он надел старый комбинезон и уже потянулся к ящику с инструментами, как вдруг раздался громкий звонок. Он достал из глубокого кармана беспроводной телефон.
– Алло?
– Пригласите к телефону господина Питта, пожалуйста, – произнес женский голос.
– Я вас слушаю.
– Секундочку.
Прождав около двух минут, он положил телефон и начал восстанавливать систему зажигания «Тальбота». Через пять минут звонок прозвучал снова. Питт нажал на кнопку, но ничего не сказал.
– Вы еще здесь, сэр?
– Да, – равнодушно ответил мужчина, зажав телефон между плечом и ухом и продолжая копаться в машине.
– Я Сандра Кабо, личный секретарь госпожи Джесси Лебарон. Я говорю с Дирком Питтом?

Дирк не любил людей, которые не коммутируют свои звонки сами.
– Да.
– Госпожа Лебарон хочет с вами встретиться. Вы сможете подъехать к ее дому к четырем часам?
– Она поторопилась назначить время.
– Прошу прощения?
– Извините, мисс Кабо, но мне нужно починить машину. Если бы госпожа Лебарон подъехала ко мне, тогда мы могли бы поговорить.
– Боюсь, что не сможет. У нее в оранжерее вечером состоится официальная вечеринка, где будет присутствовать государственный секретарь штата. Вырваться вряд ли получится.
– Что ж, тогда в другой раз.
Наступила тишина, потом мисс Кабо сказала:
– Вы не понимаете.
– Да, вы правы, не понимаю.
– Фамилия Лебарон вам ни о чем не говорит?
– Примерно как и Шагнэсти, Квагмир или Смит, – весело солгал Питт.
Она удивленно молчала несколько секунд.
– Господин Лебарон…
– Ладно, давайте серьезно, без шуток, – перебил ее Питт. – Я хорошо знаю, кто такой Рэймонд Лебарон. И не буду тратить наше время: о его таинственном исчезновении и смерти ничего нового я вам сказать не смогу. Передайте вдове мои соболезнования. Вот и все, что я могу сказать.
Кабо глубоко вздохнула.
– Пожалуйста, господин Питт, она была бы очень признательна, если бы встретилась с вами.
Дирк представил, как на другом конце телефона секретарша, стиснув зубы, произнесла слово «пожалуйста».
– Ладно, – ответил он. – Думаю, я смогу подъехать. Какой у нее адрес?
К ее голосу снова вернулось высокомерие:
– Я отправлю шофера, чтобы он забрал вас.
– Если вам все равно, то я бы лучше добрался на своей машине. У меня в лимузинах разыгрывается клаустрофобия.
– Хорошо, если вы так настаиваете, – сухо сказала она. – Дом в конце улицы Бэйкон-Драйв в Грейт Фоллс Эстейтс.
– Я посмотрю по карте.
– Хорошо, на какой машине вы будете?
– Зачем вам?
– Чтобы предупредить охрану у ворот.
Питт немного поколебался и задержал взгляд на машине, припаркованной у главных ворот ангара.
– Я буду на старом кабриолете.
– Старом?
– Да, 1951 года выпуска.
– Когда прибудете, припаркуйтесь, пожалуйста, на стоянке у дома прислуги. Это справа от дороги.
– Вам когда-нибудь было стыдно за то, что вы указываете людям, что им делать?
– У меня нет причин чего-либо стыдиться, господин Питт. Мы будем ждать вас к четырем.
– Надеюсь, наша встреча произойдет до того, как прибудут гости? – с сарказмом спросил Питт. – Я бы не хотел никого смущать видом своей старой машинки.
– Не волнуйтесь, – раздраженно ответила она. – Вечеринка назначена на восемь вечера. До свидания.
После того как Сандра Кабо повесила трубку, мужчина подошел к кабриолету и несколько минут рассматривал его. Он поднял доску с пола под задним сиденьем и подключил провода к аккумулятору. Затем вернулся к «Тальбот-Лаго» и продолжил дальше чинить зажигание.
Ровно в восемь тридцать охранник парадных ворот поместья Лебаронов встретил молодую пару на желтом «Феррари», проверил их имена в списке и пригласил проезжать дальше. Следующим

подъехал лимузин «Крайслер» с главным советником президента Дэниелом Фосеттом и его женой.
Охранник привык к экзотическим машинам и их знаменитым пассажирам. Он зевнул и скучающе потянулся, подняв руки над головой. И вдруг руки застыли в воздухе, а рот захлопнулся – к воротам подъезжал самый крупный автомобиль, какой он когда-либо видел. Автомобиль казался истинным монстром, почти двадцать два фута от заднего бампера до переднего, и весом наверняка не меньше трех тонн. Капот и двери были окрашены в серебристо-серый, а крылья – в темно-бордовый цвет. Крыша кабриолета была полностью скрыта из виду, когда находилась в сложенном состоянии. Очертания корпуса были гладкими и элегантными, машина казалась лучшим примером безупречного мастерства ее изготовителя, редко где можно встретить такое.
– Вот это машина, – наконец-то произнес охранник. – Как она называется?
– «Даймлер», – ответил Питт.
– Судя по названию, британская?
– Так и есть.
Охранник восхищенно покачал головой и посмотрел в список гостей.
– Ваше имя, пожалуйста.
– Питт.
– Не вижу здесь вашего имени. Вы получали приглашение?
– У нас с госпожой Лебарон была запланирована встреча ранее.
Охранник зашел в сторожку и проверил расписание.
– Да, сэр, вам было назначено на четыре часа.
– Когда я позвонил ей и предупредил, что опоздаю, она пригласила меня на вечеринку.
– Ну, если она вас ожидала, – сказал охранник, все еще пожирая взглядом «Даймлер», – тогда, думаю, все в порядке. Приятного вечера.
Питт поблагодарил его кивком и повел огромную машину вверх по извилистой дорожке к особняку Лебаронов. Главное здание возвышалось над теннисным кортом и бассейном на небольшом холме. Архитектура была вполне обычной для здешних мест – трехэтажное кирпичное здание в старинном стиле, с белыми каменными колоннами, которые поддерживали крышу над широким парадным крыльцом. Крылья дома уходили в обе стороны от центрального корпуса. Справа несколько хвойных деревьев заслоняли гараж и пристройку, где, по предположению Дирка, жила прислуга. Слева и напротив особняка располагалось громадное застекленное строение. Внутри его мерцал свет хрустальных люстр. Вокруг двадцати или более обеденных столов расцветали экзотические цветы и кустарники, а небольшой оркестр играл на сцене под водопадом. Питт был весьма впечатлен. В этот свежий октябрьский вечер место для вечеринки было выбрано идеально. Оригинальности Рэймонду Лебарону было не занимать.
Гость подкатил на «Даймлере» к фасаду оранжереи, где с благоговейным выражением лица, словно плотник, уставившийся на красное дерево, стоял парковщик в ливрее.
Когда Питт вышел из машины и поправил смокинг, он заметил, что толпа, собравшаяся за прозрачной стенкой оранжереи, вовсю глазеет и показывает пальцами на его автомобиль. Он пояснил парковщику, как переключать передачи в кабриолете, и вошел в стеклянные двери.
Оркестр играл легкую музыку Джона Барри – много струнных и мало духовых. У входа стояла женщина, элегантно одетая по последнему писку дизайнерской моды, и приветствовала гостей. Без сомнения, это была Джесси Лебарон. Холодное спокойствие, воплощение изящества и стиля, она являлась живым доказательством того, что женщины могут быть красивыми и после пятидесяти. На ней блестела серебристого цвета туника, украшенная зелеными бусинами, а ноги скрывала узкая и длинная бархатная юбка.
Питт подошел к ней и чуть поклонился.
– Добрый вечер, – сказал он, сверкнув обаятельной улыбкой.
– Какой потрясающий автомобиль, как он называется? – спросила Джесси, выглядывая в дверной проем.
– Это «Даймлер» с восьмицилиндровым двигателем общим объемом 5,4 литра и кузовом хупер.
Она мило улыбнулась и протянула руку:
– Спасибо, что пришли, господин… – она запнулась, с любопытством глядя на него. – Простите, не припомню, где мы раньше встречались.
– Мы никогда раньше друг друга не видели, – ответил он. – Меня зовут Питт, Дирк Питт.

Ее глубокий голос, чуть хрипловатый, с оттенком чувственной грубости, показался ему весьма приятным.
Черные глаза Джесси холодно уставились на мужчину.
– Вы пришли на четыре с половиной часа позже, чем мы договаривались. Вы всегда так опаздываете?
– Нет, госпожа Лебарон. Наоборот, я очень тщательно спланировал свой приезд.
– Вы не приглашены на вечеринку, – спокойно сказала она. – Поэтому вам нужно уйти.
– Жаль, – мрачно ответил Питт. – Мне редко приходится надевать смокинг.
На лице дамы мелькнула тень презрения. Она повернулась к женщине в больших очках, стоящей за ее спиной. Питт догадался, что это была ее секретарь Сандра Кабо.
– Найди Анджело и попроси его показать выход этому джентльмену.
Зеленые глаза Питта озорно заблестели.
– Кажется, у меня талант раздражать людей. Вы хотите, чтобы я сам мирно ушел отсюда или чтобы разыгралась неприятная сцена?
– Пожалуй, лучше уйдите сами.
– Тогда зачем вы хотели встретиться со мной?
– Дело касалось моего мужа.
– Я его даже не знал. Ничего нового о его смерти я вам не мог сказать.
– Рэймонд не мертв, – твердо сказала она.
– Когда я увидел его в дирижабле, мне так не показалось.
– Вы видели не его.
Дирк промолчал, недоверчиво глядя на нее.
– Не верите?
– В общем-то, мне все равно.
– Я надеялась на вашу помощь.
– Не очень-то искренне вы умеете просить о помощи.
– Это официальный благотворительный вечер, господин Питт. Вы не должны здесь быть. Перенесем встречу на завтра.
Собеседник решил скрыть свое раздражение, переведя разговор в нужное русло. Он резко спросил:
– Куда направлялся ваш муж в тот день, когда исчез?
– На поиски сокровищ Эльдорадо, – нервно ответила она, оглядываясь на гостей. – Он верил, что они затонули вместе с кораблем, который назывался «Циклоп».
Перед тем как тот успел что-нибудь сказать, Кабо привела Анджело, кубинского шофера.
– До свидания, господин Питт, – сухо попрощалась Джесси и повернулась, чтобы поприветствовать новых гостей.
Мужчина пожал плечами и подал руку Анджело:
– Давайте вы выведете меня со всеми почестями.
Затем обратился к даме:
– И последнее, госпожа Лебарон. У меня нет никаких общих дел с людьми, которые так со мной себя ведут. Поэтому забудьте мой телефон.
После чего Питт позволил Анджело сопроводить его к выходу из оранжереи, где стоял «Даймлер». Хозяйка наблюдала, как большой автомобиль исчез в ночи. Тогда она вернулась к гостям.
Когда дама подошла, Дуглас Оутс, государственный секретарь, оторвался от разговора с советником президента Дэниелом Фосеттом.
– Потрясающе, Джесси.
– Да, и вправду. В Вашингтоне давно не было вечеринок с таким размахом, – вторил ему Фосетт.
Глаза Джесси блеснули, губы изогнулись в теплой улыбке.
– Благодарю вас, джентльмены.
Оутс указал взглядом в сторону двери:
– Мне показалось или это Дирка Питта только что выставили за дверь?
Джесси посмотрела на него в упор.
– Вы знаете его? – удивилась она.

– Конечно. Питт – второй человек в НУПИ. Это тот парень, что поднял «Титаник» для министерства обороны.
– И спас жизнь президента в Луизиане, – добавил Фосетт.
Джесси заметно побледнела.
– Я и понятия не имела.
– Надеюсь, вы его не разозлили, – сказал чиновник.
– Возможно, я была немного груба с ним, – признала она.
– Вы ведь интересовались добычей нефти на морском шельфе у Сан-Диего, не так ли?
– Да. Сейсмические исследования показали, что там видимо-невидимо неиспользованных запасов. Одна из наших компаний рассчитывает получить права на бурение, уже налажены некоторые связи. А почему вы спрашиваете?
– Разве вам не известно, кто возглавляет комитет сената по добыче нефти на государственных землях?
– Конечно, это… Сейчас вспомню… – Голос Джесси затих, а самообладание будто растаяло.
– Отец Дирка, – закончил за нее Оутс. – Сенатор Калифорнии, Джордж Питт. Без его поддержки и благосклонности НУПИ к появлению возможных экологических проблем вам будет непросто добыть права на бурение.
– Кажется, теперь ваши налаженные связи по данному вопросу могут потерять свою ценность, – иронически сказал Фосетт.
Спустя полчаса Питт припарковал «Даймлер» перед высоким зданием из солнцезащитного стекла, где располагался штаб НУПИ. Он прошел через пост охраны и поднялся на лифте на десятый этаж. Когда двери открылись, он вышел в огромный электронный лабиринт средств связи и информации морского агентства.
Из-за подковообразного стола, под завязку заставленного компьютерной техникой, на него с улыбкой поднял глаза Хирам Йегер.
– Надо же, Дирк. Так разоделся и не нашел лучшего места, куда пойти?
– Хозяйка вечеринки решила объявить меня персоной нон грата и вышвырнула за борт.
– Я ее знаю?
Теперь уже улыбка появилась на лице Питта. Он посмотрел на Йегера. Компьютерный гений был похож на хиппи из начала семидесятых годов. Его длинные светлые волосы были собраны в хвост, а плохо подстриженная борода всегда выглядела неряшливо. Наряд Йегера и для работы, и для обычной жизни всегда был одинаков – джинсовые куртка и брюки, заправленные в потрепанные ковбойские сапоги.
– Не могу представить, в каких социальных кругах ты мог бы пересечься с Джесси Лебарон, – сказал Питт.
Йегер присвистнул:
– Ничего себе, тебя только что выперла сама Джесси Лебарон? Мужик, да ты просто герой для всех угнетенных и отвергнутых!
– Ты сейчас в настроении, чтобы кое-что раскопать?
– Про нее?
– Про него.
– Про ее мужа? Того типа, который исчез?
– Его зовут Рэймонд Лебарон.
– Еще одно мутное дельце?
– Можешь называть как хочешь.
– Дирк, – сказал мужчина, глядя на него поверх старомодных очков, – ты чертовски любопытный засранец, поэтому я тебя и люблю. Я, значит, тут не покладая рук работаю над созданием глобальной компьютерной сети мирового класса, накапливаю архивы морской науки и истории, а стоит мне только выдохнуть, и ты уже тут как тут – изъявляешь желание использовать плоды моих трудов для своих мутных целей. И знаешь, почему я постоянно иду тебе навстречу? Все просто – я еще больший авантюрист, чем ты. Говори, насколько глубоко надо копать про него?
– До самых глубин его прошлого. Узнай, откуда он сам, как нажил финансовую базу для своей империи.
– Рэймонд Лебарон хорошо скрывал свою личную жизнь. Он мог замести все следы.
– Я понимаю, но верю в твои умения вытаскивать скелеты из шкафов.

Йегер задумчиво кивнул.
– Так, судовая компания в Бугенвилле. Тут у него были небольшие махинации, если их можно так назвать, несколько месяцев назад.
– Что еще?
– А чем конкретно ты интересуешься?
– Корабль «Циклоп». Можешь выложить всю его историю?
– Раз плюнуть. Что-нибудь еще?
– Пока все, – ответил Питт.
Йегер посмотрел на него:
– Дружище, что произошло? Не верится, что ты занялся Лебароном только из-за того, что тебя выгнали со светской вечеринки. Меня, например, выгоняли даже из самых дешевых заведений города. И я это нормально воспринимаю.
Мужчина засмеялся:
– Ничего личного. Мне просто интересно. Джесси Лебарон кое-что сказала о странном исчезновении мужа, что меня очень поразило.
– Я читал о том случае в «Вашингтон пост». Там была статья, где тебя упоминают как героя, спасшего дирижабль Лебарона с помощью всего лишь каната и пальмы. Так в чем подвох?
– Она твердо сказала, что ее мужа не было среди мертвецов, найденных в гондоле.
Собеседник сделал непонимающее выражение лица.
– Бред какой-то! Если старик Лебарон улетал на дирижабле, значит, когда он приземлился, он должен быть в нем.
– Скорбящая вдова так не думает.
– Считаешь, она ищет какую-то выгоду, финансовую, например, или связанную со страховкой?
– Может, да, а может, и нет. Но есть большая вероятность того, что НУЛИ придется расследовать эту тайну.
– А у нас уже будет хоть какая-то информация.
– Вот именно.
– Каким образом здесь фигурирует «Циклоп»?
– Дама сказала, что, когда Лебарон исчез, он именно его и искал.
Йегер поднялся со стула.
– Хорошо, давай начнем. Пока я создам программу поиска, посмотри, что у нас есть о корабле в файлах данных.
Он провел Питта в маленький зал с большим монитором на дальней стене и посадил за клавиатуру. Затем наклонился и нажал несколько кнопок.
– Мы установили новую систему на прошлой неделе. Теперь сюда подключен речевой синтезатор.
– Интересно, говорящий компьютер, – сказал Дирк.
– Да, он понимает более десяти тысяч голосовых команд, может отвечать и даже поддерживать разговор. Только голос немного странный. Помнишь, в фильме «Космическая Одиссея 2001» есть гигантский бортовой компьютер ХЭЛ? Вот такой же голос, как у него. Но ты привыкнешь. Мы зовем его Хоуп 1.
– Хоуп?
– Да, мы надеемся, что он сможет найти правильные ответы.
– Забавно.
– В общем, если нужна будет помощь, я у себя за столом главного терминала. Чтобы позвонить, возьмешь телефон и наберешь четыре-семь.
Питт посмотрел на голубовато-серый экран. Он осторожно взял микрофон и сказал:
– Хоуп, меня зовут Дирк. Ты готов кое-что поискать для меня?
Он почувствовал себя идиотом, словно только что попытался познакомиться с деревом.
– Привет, Дирк, – неясно ответил голос, слегка смахивающий на женский и как будто исходящий из губной гармошки. – Готов получить ваши указания.
Дирк глубоко вздохнул и решительно сказал:
'Hope – надежда (англ.).
– Хоуп, я хочу, чтобы ты рассказал мне о корабле, который называется «Циклоп».
Прошло пять секунд, и компьютер ответил:

– Задайте более конкретные параметры поиска. В моей базе данных содержится информация о пяти различных кораблях под названием «Циклоп».
– На том, что я ищу, были сокровища.
– Прошу прощения, но ни в одной из деклараций о грузе не указаны какие-либо сокровища.
– Прошу прощения? – Питт все никак не мог поверить, что разговаривает с машиной. – Если можно на секунду отвлечься, Хоуп, позволь сказать тебе, что ты самый гениальный и понимающий компьютер.
– Спасибо за комплимент, Дирк. Если вам интересно, я еще могу создавать различные звуковые эффекты, имитировать голоса животных, петь, хоть и не очень хорошо, и выговаривать слово «суперархиэкстраультрамегаграндиозно», даже если я не запрограммирован на то, чтобы раскрыть его точное значение. Может, вы хотите, чтобы я произнес это слово задом наперед?
Мужчина засмеялся:
– Давай как-нибудь в другой раз. Что касается «Циклопа», то судно, которое мне нужно, скорее всего, затонуло где-то в Карибском море.
– Остается два. Небольшой пароход, который сел на мель в Монтего-Бей на Ямайке 5 мая 1968 года, и рудовоз – корабль, транспортирующий уголь или руду, – американского флота, пропавший без вести между 5 и 10 февраля в 1918 году.
«Рэймонд Лебарон не стал бы лететь на поиски корабля, севшего на мель в оживленной гавани всего двадцать лет назад, – рассудил Питт. – Значит, он услышал какую-то байку про рудовоз военно-морского флота США, ведь это исчезновение называют одной из самых таинственных загадок мифического Бермудского треугольника».
– Ищем рудовоз американского флота, – сказал компьютеру Питт.
– Если вы хотите, чтобы я распечатал для вас данную информацию, нажмите кнопку управления на клавиатуре и буквы «ПТ». Кроме того, если вы взглянете на экран, то увидите, что я спроектировал на него все доступные фотографии.
Дирк последовал указаниям Хоупа, и принтер начал распечатывать, а на экране и в самом деле появилась фотография «Циклопа», стоящего на якоре в неизвестном порту.
Несмотря на то что корпус корабля, от старомодного вертикального носа до округлой и изящной, как бокал шампанского, кормы был грациозным, его надстройка выглядела как будто сделанной из детского конструктора на тяп-ляп. Нагромождение подъемных кранов, опутанных множеством кабелей и окруженных мачтами-распорками, уходило ввысь посередине корабля, словно мертвый лес. Длинная рубка располагалась вдоль кормовой части судна над машинным отделением, ее крыша была украшена двумя дымовыми трубами и несколькими высокими вентиляционными трубами. Спереди над главной палубой возвышалась, сверкая рядом иллюминаторов, открытая к корме рулевая рубка, похожая на туалетный столик на четырех ножках. Две высокие мачты с перекладиной, торчащие над мостиком, были похожи на футбольные ворота. Судно казалось неуклюжим гадким утенком, которому никогда не суждено было стать лебедем.
Но Питта поразило другое. Хотя сначала это не бросалось в глаза, но он пригляделся и заметил, что, как ни странно, на фотографии не было видно ни одного члена экипажа. Будто судно было заброшено.
Дирк оторвал взгляд от монитора и посмотрел на распечатанный лист бумаги с данными о корабле:
«Спуск на воду: 7 мая 1910 года компанией „Судостроители Уильям Крампом и сыновья“ в Филадельфии.
Вместимость в тоннах: 19 360.
Длина: 542 фута (в то время больше, чем у линкоров).
Ширина: 65 футов.
Осадка: 27 футов 8 дюймов.
Скорость: 15 узлов (на 3 узла быстрее, чем суда типа „Либерти“ времен Второй мировой войны).
Вооружение: четыре 4-дюймовых орудия.
Экипаж: 246.
Капитан: Д. У. Уорли, вспомогательная военно-морская служба».

Питт отметил, что Уорли был капитаном «Циклопа» с самого начала, от спуска корабля на воду и до самого исчезновения. Он откинулся на стуле и напряженно задумался, изучая фотографию корабля.
– Есть еще какие-нибудь фото рудовоза? – спросил он у Хоупа.
– Три фотоснимка с такого же ракурса, один со стороны кормы и четыре фотографии членов экипажа.
– Давай посмотрим на фотографии экипажа.
Монитор на миг погас, и вскоре на нем появилось изображение человека, стоящего возле борта судна за руку с маленькой девочкой.
– Капитан Уорли с дочерью, – объяснил Хоуп.
Очень крупный лысеющий мужчина с аккуратно подстриженными усами и мощными руками, одетый в черный костюм, галстук небрежно выбился из-под пиджака, обувь начищена до блеска. Он пристально смотрел в камеру, сделавшую этот снимок семьдесят пять лет назад. Маленькая девочка со светлыми волосами стояла возле него, одетая в сарафан до колен и небольшую шляпку, и держала в руках что-то похожее на грубую куклу, по форме напоминающую бутылку.
– Его настоящее имя – Йоган Вихман, – не дожидаясь команды, сообщил Хоуп. – Он родился в Германии и незаконно иммигрировал в Соединенные Штаты, проникнув на торговое судно в Сан-Франциско в 1878 году. Как ему удалось фальсифицировать информацию о себе, неизвестно. Во время командования «Циклопом» он жил вместе с женой и дочерью в Норфолке, штат Вирджиния.
– Есть вероятность того, что он мог работать на немцев в 1918 году?
– Никаких доказательств этого нет. Вам нужен отчет военно-морских исследований трагедии?
– Просто распечатай их, я позже изучу.
– На следующей фотографии лейтенант Дэвид Форбс, помощник капитана, – сказал Хоуп.
Форбс стоял в парадной форме рядом с легковым автомобилем «Кадиллак» 1916 года. У него было лицо, похожее на морду гончей собаки, длинный узкий нос и светлые глаза, цвет которых было невозможно определить на черно-белой фотографии. Щеки гладко выбриты, брови изгибались дугой, а зубы слегка выдавались вперед.
– Что он был за человек? – спросил Питт.
– Его репутация служащего военно-морского флота была безупречной, пока Уорли не посадил его в карцер за неподчинение.
– За что?
– Капитан изменил курс корабля, составленный лейтенантом Форбсом, и корабль едва не потерпел крушение на входе в Рио. Когда Форбс спросил, зачем Уорли это сделал, тот разгневался и посадил его в карцер.
– Форбс по-прежнему отбывал наказание во время последнего рейса?
– Да.
– Кто следующий?
– Лейтенант Джон Черч, второй помощник.
На фотографии появился небольшой, довольно хрупкого сложения человек в гражданской одежде, сидящий за столом в ресторане. Его лицо выглядело уставшим, как у фермера после долгой работы в поле, но, судя по блестящим темным глазам, у него был легкий характер. Седеющие волосы были зачесаны назад над широким лбом и маленькими ушами.
– Он кажется старше остальных, – заметил Питт.
– На самом деле ему тогда исполнилось только двадцать девять, – сказал Хоуп. – Он поступил на службу в военно-морской флот в шестнадцать лет и уверенно поднимался вверх по карьерной лестнице.
– У него возникали какие-нибудь проблемы с Уорли?
– В файлах нет ничего об этом.
На последнем снимке двое мужчин стояли по стойке «смирно» в зале суда. На их лицах не было никаких признаков испуга, во всяком случае, они казались мрачными и глядели вызывающе. Тот, кто стоял слева, был высоким и стройным, с сильными мускулистыми руками. Другой своими размерами и формой тела больше походил на медведя.
– Фотография сделана во время военно-морского суда над кочегаром первого класса Джеймсом Кокером и кочегаром второго класса Барни Дево за убийство кочегара третьего класса Оскара

Стюарта. Все трое были на борту американского крейсера «Питтсбург». Кокер, который слева, приговорен к смертной казни через повешение, приговор был приведен в исполнение в Бразилии. Дево, который справа, получил от пятидесяти до девяноста девяти лет заключения в военно-морской тюрьме в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир.
– Как они связаны с «Циклопом»? – спросил Питт.
– «Питтсбург» стоял в Рио-де-Жанейро, когда произошло убийство. Когда капитан Уорли вошел в порт, ему поручили перевезти Дево и четырех других заключенных в Соединенные Штаты на «Циклопе».
– И они были на борту до конца?
– Да.
– Больше нет других фотографий экипажа?
– Они могут быть в семейных альбомах или других частных источниках, но в моей библиотеке больше ничего нет.
– Расскажи о событиях, происходивших во время исчезновения.
– Устно рассказать или распечатать?
– Ты можешь одновременно рассказывать и печатать?
– Прошу прощения, я могу выполнять такие действия только последовательно. С чего вы бы хотели начать?
– Расскажи устно.
– Хорошо. Подождите несколько секунд, пока я соберу данные.
Питта начало клонить в сон. Сегодня был долгий и утомительный день. Он воспользовался перерывом, чтобы позвонить Йегеру и попросить чашечку кофе.
– Ну что, поладили с Хоупом?
– Я уже начал забывать, что он компьютер, а не человек, – ответил Дирк.
– Смотри, наслушавшись его голоса, не начни фантазировать о несуществующем теле.
– Я еще не дошел до этой стадии.
– Если знать его – невозможно в него не влюбиться.
– Как у тебя дела с Лебароном?
– Пока что подтверждается то, чего я и боялся, – сказал Йегер. – Он очень хорошо скрывал свое прошлое. Пока что нет ничего конкретного, кроме данных до того момента, как он стал богачом с Уолл-стрит.
– Совсем ничего интересного?
– Совсем. Он из достаточно обеспеченной семьи. Его отец – владелец сети хозяйственных магазинов. Мне кажется, что Рэймонд не очень-то ладил с ним. С тех пор как он стал финансовым магнатом, больше ни в одной из его газетных биографий нет никаких упоминаний о семье.
– Ты узнал, как он сколотил свое первое состояние?
– Здесь все очень туманно. В середине пятидесятых он со своим партнером Кронбергом держал компанию, занимающуюся спасением кораблей. Кажется, они с трудом сводили концы с концами и в итоге разошлись. Через два года Рэймонд занялся журналом.
– И «Проспертиром»?
– Точно.
– Есть что-нибудь о его близких?
– Очень мало, – ответил Йегер. – Кстати, Джесси – его вторая жена. Первую звали Хиллари. Она умерла несколько лет назад. Больше про нее ничего не известно.
– Продолжай искать.
Питт положил телефон, и Хоуп сказал:
– Все готово, собраны данные о последнем злополучном рейсе «Циклопа».
Дирк уставился на монитор и прочитал:
«Корабль вышел в море из Рио-де-Жанейро 16 февраля 1918 года, направляясь в Балтимор, штат Мэриленд. На борту находился обычный экипаж из 15 офицеров и 231 моряка; 57 человек с крейсера „Питтсбург“, которых везли на военную базу в Норфолке для переназначения; 5 заключенных, среди которых был Дево; и американский генеральный консул в Рио Альфред Л. Мореан Готшалк, который возвращался в Вашингтон. В трюмах корабля находилось 11 тысяч тонн марганцевой руды.

После недолгой остановки в порту Байя, чтобы забрать почту, 4 марта судно совершило незапланированную остановку. При входе в бухту Карлайл на Барбадосских островах „Циклоп“ бросил якорь. Здесь Уорли поднял на борт еще несколько тонн угля и дополнительной провизии, которые, по его утверждению, были необходимы, чтобы продолжить плавание в Балтимор. Позже было признано, что это могло привести к перегрузке судна. После того как корабль исчез в море, американский консул в Барбадосе сообщил о подозрительных слухах, касающихся необычного поведения Уорли, странных событиях на борту и возможном мятеже. Последний раз „Циклоп“ с командой видели 4 марта 1918 года, когда корабль отчалил из Барбадоса».
– Больше не было никаких контактов с кораблем? – спросил Питт.
– Двадцать четыре часа спустя от грузового судна «Кроган Касл» поступило сообщение, что нос корабля разбит огромной волной, – произнес Хоуп. – На радиосигнал о помощи ответил «Циклоп». Рудовоз сообщил свой номер и отправил последнее сообщение: «Мы в пятидесяти милях к югу от вас и несемся на всех парах».
– И больше ничего?
– Это все.
– «Кроган Касл» дал свои координаты?
– Да, двадцать три градуса и тридцать минут северной широты, семьдесят девять градусов и двадцать одна минута западной долготы. Получается, что судно находилось в двадцати милях к юго-востоку от мелких коралловых рифов Ангильи.
– «Кроган Касл» тоже исчез?
– Нет, записи говорят, что они смогли малым ходом дойти к Гаване.
– Нашли какие-нибудь обломки «Циклопа»?
– Обширный поиск военно-морского флота ни к чему не привел.
Питт помолчал. В зал вошел Йегер, поставил на стол чашку кофе и молча вышел. Дирк сделал несколько глотков и попросил Хоупа снова показать фотографии «Циклопа». Корабль появился на экране монитора, мужчина принялся задумчиво его рассматривать.
Вскоре он взял телефон, набрал номер и стал ждать. Цифровые часы компьютера показывали уже 11.55, но на звонок ответил радостный и веселый голос:
– Дирк! – прокричал из трубки доктор Рафаэль О’Мира. – Как у вас дела? Вы чертовски вовремя позвонили мне. Я только утром вернулся домой с раскопок в Коста-Рике.
– Привезли очередной грузовик черепков?
– Нет, всего лишь обнаружили богатейшую на сегодняшний день сокровищницу произведений искусства доколумбовой эпохи. Удивительные предметы, некоторые из них были созданы триста лет до нашей эры.
– Жаль, что они не достанутся лично вам.
– Все мои находки отправятся в национальный музей Коста-Рики.
– Вы щедрый человек, Рафаэль.
– Бросьте, Дирк, это же не пожертвования. Правительство страны, в которой я сделал находки, будет хранить артефакты в качестве национального достояния. Но не буду попусту забивать вам мозги своими старыми допотопными реликвиями. Чему обязан вашим звонком?
– Мне нужны ваши знания о сокровищах.
– Ну, вы, конечно, должны знать, – голос О’Миры вмиг стал более серьезным, – что сокровища – непристойное слово для каждого уважающего себя археолога.
– Каждый из нас несет свое бремя, – сказал Питт. – Мы сможем встретиться и чего-нибудь выпить?
– Сейчас? Знаете, который теперь час?
– Я знаю, что вы – «сова» и ложитесь поздно. Просто немного расслабимся. Где-нибудь недалеко от вашего дома.
– Может быть, в ресторане «Олд Энглерз-Инн» на бульваре Макартура?
– Хорошо.
– Вы можете сказать мне, какие сокровища вас интересуют?
– Те, о которых мечтает каждый.
– Ух ты, это какие же?
– Расскажу при встрече.

Питт положил трубку и снова посмотрел на фотографию «Циклопа». Корабль казался жутко одиноким. Дирка все сильнее интересовало, какие же секреты он унес с собой в водную могилу.
– Стоит ли мне поискать дополнительные данные? – спросил Хоуп, прерывая затянувшуюся тишину. – Или на этом вы хотите закончить?
– Я думаю, можно прекратить, – ответил он. – Спасибо, Хоуп. Искренне обнимаю тебя.
– Благодарен за комплимент, Дирк. Но я физически не способен обменяться с вами объятиями.
– Это не отменяет того, что ты теперь дорог моему сердцу.
– Приходите ко мне за помощью в любое время.
Питт засмеялся:
– Спокойной ночи, Хоуп.
– Спокойной ночи, Дирк.
«Жаль, что он не живой», – мечтательно подумал Питт.
– «Джек Дэниелс», пожалуйста, – весело сказал Рафаэль О’Мира. – И давайте сразу двойной. Лучшее средство, чтобы очистить мозги от всякого мусора.
– Вы долго были в Коста-Рике? – спросил Питт.
– Три месяца. Дождь шел все время.
– Джин «Бомбей» со льдом, взболтать, – заказал Дирк официантке.
– Получается, вы тоже затесались в жадные ряды морских стервятников, – сказал О’Мира сквозь густую бороду, покрывающую его лицо от самого носа, как у Габби Хейза. – Дирк Питт – охотник за сокровищами. Никогда даже представить себе такого не мог.
– У меня чисто академический интерес.
– Конечно, все так говорят. Послушайте мой совет и потом забудьте его. В морских глубинах всегда будет укрыто больше добра, чем людям будет суждено добыть оттуда. Количество успешных экспедиций за последние восемьдесят лет я могу пересчитать по пальцам всего одной руки. Приключения, азарт, богатства – это все миф, выдумка.
– Согласен.
О’Мира сдвинул брови, похожие на колючую проволоку.
– Так что же вы хотите узнать?
– Вы знаете, кто такой Рэймонд Лебарон?
– Богатый и безрассудный старина Рэймонд, финансовый гений, который издает журнал «Проспертир»?
– Именно. Пару недель назад он исчез на дирижабле где-то вблизи Багамских островов.
– Как такое возможно в наше время, чтобы кто-то исчез на дирижабле среди белого дня?
– Он каким-то образом умудрился. Вы могли услышать об этом в новостях или прочитать в газетах.
Рафаэль покачал головой:
– Я уже девяносто дней не смотрел телевизор и не читал газет.
Им принесли выпивку, и Питт кратко поведал о странных обстоятельствах, окружающих тайну. Посетители начали расходиться по домам, оставляя Питта и доктора почти наедине.
– Значит, вы думаете, что Лебарон, опьяненный жаждой наживы, погрузился на старый цеппелин и отправился на поиски затонувшего корабля?
– Так говорит его жена.
– Как назывался корабль?
– «Циклоп».
– Я, кажется, знаю, что за «Циклоп». Рудовоз военно-морского флота, затонувший семьдесят один год назад. Но что-то не припомню, чтоб где-то говорилось, будто судно перевозило какие-либо богатства.
– Вероятно, Лебарон думал иначе.
– Про какие же богатства он думал?
– Эльдорадо.
– Вы шутите?
– Я повторяю то, что сам слышал.
О’Мира долго молчал, отрешенно уставившись в сторону.
– El Hombre Dorado, – наконец произнес он. – Что в переводе с испанского значит «золотой человек» или «позолоченный человек». Эта легенда – многие называют ее проклятием – будоражила людские умы четыре с половиной века.

– Есть в ней хотя бы часть правды? – спросил Питт.
– Все легенды основаны на настоящих фактах, но впоследствии их приукрашивают и превращают в красивую сказку. Точно так же произошло и с нашей историей. Феномен Эльдорадо в том, что толпы авантюристов без раздумий срывались в погоню за сокровищем, которая стала самой продолжительной в истории. Тысячи людей погибли, так и не увидев даже блеска золота.
– Расскажите, как возник этот миф.
Официантка принесла очередные порции джина «Бомбей» и «Джек Дэниелс». К удивлению Питта, Рафаэль для начала решил выпить стакан воды. Затем археолог устроился поудобнее и начал рассказ:
– Испанские конкистадоры первыми услышали слухи о золотом человеке, правителе невероятно богатого царства где-то в горных джунглях к востоку от Анд. Рассказывали, что он жил в спрятанном от людских глаз городе из золота с изумрудными улицами, и охраняли его жестокие красавицы-амазонки. Волшебник из страны Оз казался нищим по сравнению с ним. Конечно же, слухи сильно преувеличивали действительность. На самом деле таких «эльдорадо» было несколько – так называли правителей, которые поклонялись божеству, жившему в озере Гуатавита в Колумбии. Когда новый правитель племенного царства проходил коронацию, его тело обмазывали смолой, а затем покрывали золотым песком. Вот так он и превращался в эльдорадо, золотого повелителя. После этого он заходил на плот, усыпанный золотом и драгоценными камнями, и плыл к середине озера, чтобы сбросить все богатства в воду как пожертвование неизвестному нам божеству.
– Сокровища когда-нибудь находили?
– Было несколько попыток осушить озеро, но ни одна не увенчалась успехом. А в 1965 году правительство Колумбии и вовсе объявило, что теперь Гуатавита представляет собой исключительно культурный интерес, и запретило все операции по поиску сокровищ. Это было ударом для тех, кто считал, что на дне озера покоится от ста до трехсот миллионов долларов.
– А как же золотой город?
– Его так никогда и не нашли, – сказал О’Мира, подзывая официантку. – Многие искали и многие из них погибли. Никола Федерман, Амброзий Эхингер, Себастьян де Белалькасар, Гонсало и Эрман Хименес де Кесада – все они мечтали найти Эльдорадо, но вместо этого обрели лишь проклятия. Сэр Уолтер Рэли тоже в их числе. После второй неудачной экспедиции король Иаков приказал обезглавить его. Таким образом, сказочный город Эльдорадо и его несметные богатства так и остались мифом.
– Постойте, но ведь сокровища на дне озера действительно есть.
– Отчасти верно, – начал объяснять собеседник. – Но это мелочи, а главный приз, сама золотая жила, путь к которой в мечтах всех конкистадоров указывала радуга, не найдена и по сей день. Ее даже никто не видел своими глазами, если не считать двух случаев. Лишь один монах, которому после долгих блужданий по джунглям удалось выйти к испанскому поселению на реке Ориноко в 1675 году, смог описать ее. За неделю до своей смерти он рассказал, что был участником португальской экспедиции, отправившейся на поиски алмазных рудников. Из восьмидесяти человек ему единственному удалось выжить. Он твердил, что они наткнулись на заброшенный город, окруженный высокими скалами и охраняемый племенем, называвшим себя «занонас». Участники экспедиции три месяца прожили в их городе, но вскоре один за другим начали умирать. Они слишком поздно осознали, что у индейцев занонас были совсем не такие дружественные намерения, как показалось на первый взгляд. Они были людоедами и постепенно отравляли португальцев, а затем съедали их. Лишь одному этому монаху удалось сбежать от них. Он рассказывал про огромные храмы и сооружения, непонятные надписи на стенах и, конечно, о легендарных богатствах, что видел там, воодушевив других охотников за сокровищами отправиться в путь навстречу своей гибели.
– А что насчет настоящего золотого человека? – продолжал размышления Питт. – Кажется, нашли статую.
– Но, возможно, прогадали с полом, – ответил О’Мира.
– С полом?
– La Mujer Dorada – золотая женщина. Если сократить – просто Ла Дорада. Таким словом сначала называли человека и обряд, позже так называли город, а затем, наконец, целую империю. С годами это слово превратилось в термин, который означает любое место, где есть

источник большой наживы. Не при феминистках будь сказано, но миф про золотого человека закрепился в умах людей, в то время как версия про золотую женщину напрочь забыта в веках. Выпьем еще по чуть-чуть?
– Нет, спасибо. Я все до сих пор свою порцию не допил.
Рафаэль заказал еще «Джека Дэниелса».
– Как бы то ни было, все знают историю Тадж-Махала, как монгольский падишах возвел роскошный мавзолей в память о своей жене. Схожая история произошла и с одним южноамериканским правителем еще до времен, когда Колумб открыл Америку. Его имя не сохранилось, но сама легенда гласит, что у него тоже была возлюбленная, одна из сотен придворных женщин. Однажды произошло какое-то небесное явление. Возможно, это было затмение, а может, появилась комета Галлея. И тогда жрецы велели правителю принести эту женщину в жертву, чтобы умилостивить разгневавшихся богов. В общем, ее принесли в жертву, во время пышного обряда сердце извлекли у нее из груди…
– Я думал, только у ацтеков были такие обряды, когда вынимали сердце.
– Отнюдь, в те времена не одни лишь ацтеки совершали подобные жертвоприношения. После обряда правитель созвал всех мастеров-рукодельников и приказал построить статую по подобию возлюбленной, чтобы вознести ее ближе к богам.
– Монах описывал эту статую?
– В самых мельчайших подробностях. Если верить его истории, она была сделана в виде обнаженной девушки и возвышалась на пьедестале из розового кварца почти на шесть футов. Она была сплошь золотой. Господи, если так и было на самом деле, значит, она весила не меньше тонны. А в груди, где должно находиться сердце, был вставлен огромный рубин, размером примерно в тысячу двести карат.
– Я, конечно, не эксперт в этом вопросе, – сказал Питт, – но насколько знаю, рубин – самый ценный из всех драгоценных камней, даже тридцать карат – большая редкость. Тысячу двести карат просто что-то невообразимое.
– Но слушай дальше, – продолжил О’Мира. – Вся голова статуи была сделана из одного гигантского резного изумруда безупречного глубокого сине-зеленого цвета. Не берусь угадать ее вес в каратах, но, должно быть, не меньше тридцати фунтов.
– Если учесть еще и волосы статуи, так вообще выходит больше сорока.
– Назовите мне самый крупный изумруд, о котором вы слышали.
Питт задумался.
– Все они весят не более десяти фунтов.
– Попробуйте представить эту статую, стоящую где-нибудь в главном холле Вашингтонского музея естественной истории, – мечтательно сказал О’Мира.
– Я могу только удивляться ее стоимости.
– Можно с уверенностью сказать, что она бесценна.
– Вы вроде бы говорили, что был еще один случай, когда кто-то мог видеть статую? – напомнил Питт.
– Полковник Ральф Морхаус Сиглер, исследователь старой закалки. Будучи инженером в английской армии, он обошел империю вдоль и поперек, охраняя границы и возводя крепости в Африке и Индии. Он был прекрасно образованным геологом и даже время своего отпуска всегда тратил на работу. Сиглер был или очень талантливым, или невероятно везучим, но ему удалось найти огромные залежи хромовой руды в Южной Африке и несколько жил с драгоценными камнями в Индокитае. Он разбогател, да только не успел насладиться богатством. Когда немецкий кайзер вошел во Францию, Сиглер получил приказ отправляться на западный фронт, строить укрепления.
– Получается, после войны он уже не смог поехать в Южную Америку?
– Смог. Летом 1916 года он сошел на берег в Джорджтауне, в тогдашней Британской Гвиане. Кажется, некоторым важным шишкам из британского казначейства пришло в голову отправить по всему миру экспедиции, чтобы найти золотые рудники для финансирования войны. Сиглера отозвали с фронта и послали в Южную Америку, изучать местность.
– Как думаете, он мог знать историю португальского монаха? – спросил Питт.
– В его дневниках или документах нет никаких намеков, что он мог знать про затерянный в джунглях город. Парня вообще не интересовали погони за сокровищами. Он был предан своей работе. Исторические артефакты никогда не увлекали его. Дирк, вы голодны?

– Вообще-то да, если подумать. Меня сегодня прокатили с ужином.
– Для ужина, конечно, уже немного поздновато, но если мы хорошо попросим, думаю, нам принесут какие-нибудь закуски.
О’Мира снова подозвал официантку и заказал креветок с коктейльным соусом.
– Креветки – именно то, что нужно, – сказал Питт.
– Я могу есть этих маленьких чертиков хоть каждый день, – согласился О’Мира. – Так, на чем мы остановились?
– На том, как Сиглер нашел Ла Дораду.
– Ах да. Сформировав группу из двадцати человек, большинство из которых были британскими солдатами, исследователь отправился в неизведанные дебри. Месяцами о нем не было ни слуху ни духу. Англичане заподозрили неладное и отправили вслед за ним несколько поисковых групп, но ни одна из них не нашла следов пропавших. В конце концов, почти два года спустя, американские рабочие, инспектирующие железную дорогу, наткнулись на Сиглера в пятистах милях к северо-востоку от Рио-де-Жанейро. С ним никого не было, он единственный остался в живых.
– Кажется, это довольно далеко от Британской Гвианы.
– Почти в двух тысячах миль от его точки высадки, если считать по прямой.
– В каком состоянии его нашли?
– По словам рабочих, он был скорее мертв, чем жив. Они привезли мужчину в больницу в небольшой деревеньке и отправили сообщение в ближайшее американское консульство. Через несколько недель из Рио прибыла спасательная группа.
– Американская или британская?
– Вот здесь есть небольшая странность, – ответил О’Мира. – Британское консульство утверждало, что им ни разу не сообщали о том, что Сиглера нашли. Ходили слухи, что на встречу с ним прилетал сам американский генеральный консул. Как бы то ни было, Сиглер снова пропал из поля зрения. Говорили, что он сбежал из больницы и отправился обратно в джунгли.
– Не понимаю, зачем ему нужно было бежать от цивилизации после двух лет ада, – сказал Питт.
– Кто знает? – пожал плечами Рафаэль.
– Перед тем как Сиглер снова исчез, он что-нибудь рассказывал о своей экспедиции?
– Он бредил большую часть времени. Свидетели говорили, что исследователь все время что-то бормотал об огромном городе, окруженном высокими отвесными скалами и джунглями. Его рассказы были во многом схожи с историей португальского монаха. Он даже набросал рисунок золотой женщины, благо его сохранила медсестра и сейчас он находится в национальной библиотеке Бразилии. Кстати, я видел этот рисунок, когда занимался своим проектом. Реальная статуя должна быть потрясающей.
– Значит, она до сих пор захоронена где-то в джунглях.
– Не все так просто, – вздохнул О’Мира. – Сиглер твердил, что он и его люди похитили статую и протащили ее с собой двадцать миль к реке, отбиваясь от индейцев занонас. Они построили плот, подняли на него Ла Дораду и поплыли. Их оставалось всего трое. Позже еще один умер от ранений, а второй утонул на речных порогах.
Питт был увлечен рассказом приятеля, но он так вымотался, что ему с трудом удавалось держать глаза открытыми.
– Тогда следующий вопрос: куда же Сиглер дел золотую женщину?
– Если бы я только знал, – ответил Рафаэль.
– Он не оставил никаких зацепок?
– Он говорил медсестре, что плот развалился и статуя упала в реку в сотне ярдов от того места, где его нашли железнодорожные инспекторы. Но не обнадеживайте себя понапрасну. Он бормотал много всякой чепухи. Золотоискатели годами обходили эту реку с металлодетекторами, да все безрезультатно.
Питт взболтнул кубики льда в стакане. Он все понял. Теперь он знал, что случилось с Ральфом Морхаусом Сиглером и Ла Дорадой.
– Американский генеральный консул был последним, кто видел Сиглера в живых?
– Точно нельзя сказать, но многие говорят, что да.
– Дайте-ка я продолжу за вас. Это происходило в январе-феврале 1918 года, так?
О’Мира удивленно кивнул.

– А генерального консула звали Альфред Готшалк, и через несколько недель он погиб на «Циклопе», верно?
– Вы и про это знаете? – Рафаэль непонимающе уставился на него.
– Я думаю, Готшалк слышал о задании Сиглера от коллег из британского консульства. Когда железнодорожные инспекторы сообщили ему, что Сиглер жив, он не стал об этом никому говорить и сам отправился в больницу, чтобы допросить исследователя раньше англичан и выудить какую-нибудь полезную информацию для правительства своей страны. То, что ему удалось узнать, заставило его забыть обо всех моральных устоях. Готшалк решил присвоить себе драгоценную находку. Он сумел найти золотую статую в реке и поднять из воды, а потом перевез ее и Сиглера в Рио-де-Жанейро. Консул постарался замести следы, подкупив всех, кто мог рассказать о Сиглере, а если мои предположения верны, то еще он убил людей, которые помогали ему доставать статую из реки. Затем воспользовался связями с командованием военно-морского флота, чтобы перетащить исследователя и статую на борт «Циклопа».
В глазах О'Миры все сильнее разгоралось любопытство.
– Вы же не можете знать наверняка.
– Зачем же тогда Лебарон отправился искать Ла Дораду?
– Интересное предположение, но все же вы не учли кое-чего. Почему Готшалк просто не убил Сиглера, после того как нашел статую? Зачем ему было оставлять англичанина в живых?
– Все просто. Золотая лихорадка поразила генерального консула до мозга костей. Вслед за Ла Дорадой он захотел найти весь изумрудный город. А Сиглер был единственным, кто мог привести его туда.
– Мне нравится ход ваших мыслей, Дирк. Без еще одной порции выпивки нам не обойтись.
– Уже поздно, бар закрывается. Я думаю, они хотят, чтобы мы ушли сами, так что давайте поможем им и разойдемся по домам.
Собеседник приуныл.
– Есть в жизни индейцев одна хорошая вещь: нет строгого распорядка дня и часов работы.
Он осушил стакан последним глотком.
– Ну, что думаете делать дальше?
– Ничего серьезного, – улыбнулся Питт. – Собираюсь найти «Циклопа».

Президент был «жаворонком». Обычно он просыпался в шесть утра и тридцать минут делал зарядку, затем принимал душ и завтракал. Еще со времен медового месяца с женой он привык осторожно вставать с постели и тихо одеваться, чтобы не разбудить ее. В отличие от него, она ложилась поздно, и ей тяжело было вставать раньше половины восьмого.
Он надел спортивный костюм и взял из шкафа в соседней комнате небольшую кожаную папку. Затем нежно поцеловал в щеку спящую жену и спустился в тренажерный зал Белого дома под западной террасой.
В просторном помещении с различными тренажерами никого не было, кроме крепкого мужчины. Он толкал от груди штангу, лежа на скамье, и стонал при каждом подъеме, как женщина во время родов. Пот градом катился из-под густых светлых волос, остриженных под короткий «ежик». Огромный живот тоже был покрыт растительностью, как руки и ноги, крепкие и массивные, словно ветви дерева. Он походил на циркового борца, лучшие годы которого уже прошли.
– Доброе утро, Айра, – поздоровался президент. – Рад, что ты пришел.
Крупный мужчина положил штангу на крючки над головой, поднялся со скамьи и пожал президенту руку:
– Рад тебя видеть, Винс.
Президент улыбнулся.
«Ни поклона, ни раболепия, ни „добрый день, господин президент“ в ответ. Неисправимый и бескомпромиссный Айра Хаген. Старому агенту секретной службы палец в рот не клади – всю руку оттяпает», – подумал он.
– Надеюсь, ты не против, что нам пришлось встретиться вот так?
Хриплый смех Хагена эхом отразился от стен тренажерного зала.
– Мне приходилось получать распоряжения в местах похуже.
– Как идет ресторанный бизнес?

– Прибыль неплохо выросла с тех пор, как мы перешли с заморских деликатесов на непритязательную американскую еду. Прежде расходы на продукты были колоссальными. Двадцать блюд с дорогими приправами и зеленью не окупали вложенных денег. Поэтому теперь мы специализируемся только на пяти основных блюдах, каких не подают в ресторанах классом повыше: ветчина, курица, тушеная рыба, жаркое и мясной рулет.
– Судя по всему, у вас много посетителей, – заметил президент. – Последний раз я ел хороший мясной рулет еще в детстве.
– Сейчас отбоя от клиентов нет, тем более что мы подходим к их обслуживанию с энтузиазмом и стараемся сохранить уютную атмосферу. Мои официанты носят смокинги, на столах стоят свечи, все очень стильно. Даже еду мы раскладываем на тарелках так, чтобы она выглядела как на картинке. Самое главное преимущество – едоки быстрее расправляются с пищей, поэтому и заказов больше.
– То есть, даже получая хороший доход с вин и выпивки, вы все равно пытаетесь продавать еду, верно?
Хаген снова рассмеялся.
– А ты все тот же, Винс. Меня не волнует, что о тебе говорят журналисты. Когда перестанешь быть политиканом, сразу приходи ко мне и вместе откроем сеть забегаловок.
– Не скучаешь по уголовным расследованиям?
– Ну, бывает.
– Ты был лучшим агентом департамента юстиции под прикрытием, пока не умерла Марта, – сказал президент.
– Перспектива собирать улики на разных подонков для правительства уже не будит во мне такого энтузиазма, как раньше. Опять же, вместо того чтобы воспитывать дочерей, мне приходилось все время разъезжать по рабочим делам и неделями не бывать дома.
– Кстати, как поживают девочки?
– Просто прекрасно. Ты же знаешь, все три твои племянницы удачно вышли замуж и подарили мне пятерых внучат.
– Жаль, что Марта не смогла их увидеть. Я всегда любил ее больше других четырех моих сестер и двух братьев.
– Ты ведь попросил меня прилететь сюда из Денвера на самолете военно-воздушных сил не для того, чтобы просто посудачить о былых временах, – сказал Хаген. – Что случилось?
– Надеюсь, ты хватку не потерял?
– А ты случайно на велосипеде не разучился ездить?
Теперь уже рассмеялся президент:
– Дурацкий вопрос.
– Может, мои мышцы и одряхлели, но мозг по-прежнему работает на полную катушку.
Глава государства бросил ему папку:
– Ознакомься, а я пока пройду пару километров на беговой дорожке.
Хаген вытер полотенцем вспотевший лоб и уселся на велотренажер, угрожая согнуть раму своим весом. Он раскрыл кожаную папку и неотрывно читал, пока президент вышагивал свои два с половиной километра.

– Ну, что думаешь? – наконец спросил президент.
Хаген пожал плечами, продолжая читать.
– Неплохой сценарий для какого-нибудь блокбастера. Подпольное финансирование, безупречная секретность, шпионаж огромных масштабов, тайная база на Луне. Такой истории позавидовал бы сам Герберт Уэллс.
– Думаешь, выдумка?
– Скажем так, я хотел бы верить, как любой добросовестный налогоплательщик. Данная информация выставляет сотрудников нашей разведки слепыми и глухими недоумками. Однако, если это все же выдумка, где мотив?
– Кроме мысли, что перед нами очередная грандиозная схема обмана правительства, мне больше ничего не приходит в голову.
– Позволь мне дочитать. Последняя бумага написана от руки.
– Там мои воспоминания тех событий, что произошли на поле для гольфа. Прости, что написано таким корявым почерком, я все еще не научился печатать.

Хаген вопросительно поднял на него глаза:
– Ты что, никому не сказал о том, что произошло, даже совету безопасности?
– Может быть, я превращаюсь в параноика, но Джо проскользнул мимо службы безопасности незаметно, словно лиса сквозь дырявый забор скотного двора. Он говорил, что члены «внутреннего ядра» занимают высокие должности в НАСА и Пентагоне. Я не сомневаюсь, что их люди есть и среди моих спецслужб, и среди сотрудников Белого дома.
Хаген внимательно изучил письмо президента о встрече с незнакомцем на поле для гольфа, время от времени возвращаясь к записям о колонии Джерси. Наконец он встал с велосипедного тренажера и пересел на скамью, глядя на президента.
– На фото видно человека, сидящего рядом с тобой в гольф-каре. Это и есть Джо?
– Да. Когда я вышел из клуба, мне на глаза попался журналист из «Вашингтон пост», он снимал на камеру, как я играю в гольф. Вот я и попросил его оказать услугу и отправить фотографии в Белый дом, чтобы я мог подписать их и подарить моему кедди.
– Это вовремя пришло тебе в голову, – Хаген внимательно осмотрел фотографию и отложил в сторону. – Что я должен сделать для тебя, Винс?
– Раскопать имена членов «внутреннего ядра».
– И все? Тебе не нужна информация или доказательства существования проекта «Колония Джерси»?
– Когда я узнаю, кто они такие, то сам схвачу их и допрошу, – решительным голосом сказал президент. – И тогда посмотрим, как далеко они могут засунуть свои щупальца.
– Если тебе интересно мое мнение, то я каждого из этих ребят наградил бы медалью.
– Может быть, так и сделаю, – холодно улыбнулся президент. – Но не раньше, чем остановлю их и предотвращу кровавую битву за Луну.
– Тебе придется смотреть в оба. Ты больше не можешь доверять никому из разведывательных служб, теперь я буду твоим частным агентом разведки.
– Да.
– Когда крайний срок?
– Экипаж космического корабля русских высадится на Луне через девять дней. Каждый час приближает нас к стычке между их космонавтами и нашими лунными колонистами, что может превратиться в космический конфликт, остановить который не сможет никто. Нужно убедить «внутреннее ядро» отступить. Мне нужно добраться до них хотя бы за сутки до того, как там приземлятся русские.
– За восемь дней будет непросто найти девять человек.
Президент беспомощно пожал плечами:
– Придется потрудиться.
– Боюсь, одного лишь документа, подтверждающего, что я твой зять, недостаточно, чтобы пройти юридические и бюрократические препятствия. Мне нужно железное прикрытие.
– Я позабочусь об этом. Удостоверение альфа-два должно открыть перед тобой большинство дверей.
– Неплохо, – сказал Хаген. – Даже у вице-президента только альфа-три.
– Я дам тебе номер безопасной телефонной линии. Звони и днем и ночью. Понял?
– Понял.
– Есть вопросы?
– Рэймонд Лебарон жив или мертв?
– Пока что неизвестно. Его жена заявила, что тело, найденное в дирижабле, не принадлежит супругу. И, кажется, была права. Я попросил директора ФБР Сэма Эммета забрать останки из Майами-Дейд, штат Флорида. Сейчас они находятся в военном госпитале имени Уолтера Рида, над ними проводят экспертизу.
– Я могу увидеть отчет судмедэксперта?
Президент изумленно покачал головой.
– Ты никогда не упускал мелочей, да, Айра?
– Возможно, там как раз что-нибудь и есть.
– Достану тебе копию.
– И еще нужны результаты лабораторных анализов из госпиталя.
– Их тоже предоставлю.

Хаген затолкал бумаги назад в портфель, оставив в руках фотографию, сделанную на поле для гольфа. Он всматривался в нее уже раз четвертый.
– Надеюсь, ты понимаешь, что Рэймонда Лебарона могут так и не найти.
– Я думал об этом.
– Сначала было девять негритят. Потом их стало восемь… потом семь.
– Семь?
Хаген поднес снимок к глазам президента.
– Разве ты не узнаешь его?
– Нет, честно говоря. Кстати, он говорил, что много лет назад мы знали друг друга.
– Вспомни нашу университетскую бейсбольную команду. Ты тогда играл на первой базе, я был левым полевым, а Леонард Хадсон был кэтчером.
– Хадсон? – недоверчиво выдохнул глава государства. – Ты думаешь, что Джо это именно он? Не может быть, Лео был толстяком, не меньше двухсот фунтов весил.
– Он начал вести здоровый образ жизни, бегать по утрам. Шестьдесят фунтов скинул, между прочим. Ты никогда не скучал по нашей старой шайке. А я до сих пор слежу за ними. Помнишь их? Лео всегда был мозговитым парнем, сколько наград получил за свои научные проекты. С отличием окончив Стэнфордский университет, он стал директором национальной физической лаборатории имени Харви Паттендена в Орегоне, разрабатывал и запускал ракетно-космические системы еще до того, как об этом начали задумываться другие.
– Достань его, Айра. Хадсон – ключ к остальным.
– Только мне нужна лопата.
– Он что, закопан?
– Мертв и похоронен.
– Когда?
– Еще в 1965 году. Его самолет упал в реку Колумбия.
– Тогда кто же Джо?
– Леонард Хадсон.
– Но ты же сказал…
– Его тело не нашли. Хитро, не так ли?
– Мерзавец инсценировал смерть, чтобы уйти в подполье и управлять проектом «Колония Джерси», – осенило президента.
– Блестящий план, если подумать. Кто бы мог заподозрить, что он может быть связан с секретным проектом. Он может назваться любым именем, если захочет. Он теперь никто, но может сделать намного больше, чем обычный налогоплательщик, чье имя, особые приметы и привычки записаны в тысячах компьютеров.
Затянувшуюся тишину нарушил мрачный голос президента:
– Найди его, Айра. Найди и притащи Хадсона ко мне до того, как все полетит в тартарары.
Госсекретарь Дуглас Оутс изучал сквозь стекла очков последнюю страницу письма из тридцати листов. Он внимательно вчитывался в каждый пункт, стараясь уловить скрытый смысл между строк. Наконец мужчина взглянул на своего заместителя Виктора Уайкоффа:
– Кажется, это не подделка.
– Наши специалисты думают так же, – сказал Уайкофф. – Бессодержательное красноречие, бессвязные слова, разрозненные предложения, все как обычно.
– Фидель пишет, что у него все в порядке, – спокойно сказал Оутс. – Но то, как он это написал, беспокоит меня. Такое впечатление, будто он умоляет.
– Не думаю. Кажется, он пытается подчеркнуть строжайшую секретность изрядной долей срочности.
– Последствия его плана могут быть ошеломляющими.
– Мои сотрудники досконально изучили письмо, – сказал Уайкофф. – Кастро не заинтересован обманывать нас.
– Но вы же сами сказали, что документ прошел длинный путь, прежде чем попасть в наши руки.
Уайкофф кивнул.
– Звучит безумно, но два курьера, доставившие письмо в наш офис в Майами, заявили, что тайно пересекли границу между Кубой и США на дирижабле.

Сквозь двойную линзу стереоскопа Анастас Рыков видел пустынные горы и темные хребты лунных кратеров. Перед взглядом советского геофизика пустынный лунный пейзаж разворачивался в трех проекциях и окрашивался в яркие цвета. С высоты в тридцать четыре мили все детали изображения были поразительно четкими. Ясно виднелись даже отдельные камни величиной меньше дюйма.

Рыков плотно прижал голову к подушке стереоскопа, изучая подборку фотографий, которые он медленно проворачивал под линзой на двух широких барабанах. Он был похож на режиссера, монтирующего фильм, только в более удобных условиях. Он останавливал вращение барабанов и приближал любую область на снимке, нажимая кнопки на небольшом пульте управления. Фотографии были сделаны новейшими приборами с русского корабля, летавшего на Луну. Зеркальные сканеры отражали лунную поверхность через призму, раскладывая изображение на спектральные волны, оцифрованные в 263 различных оттенках серого, из черного на значении 263 преобразующиеся в белый на нуле. Потом компьютер космического корабля соединял элементы изображения в единую сеть на плотной ленте. После того как орбитальный космический корабль отправил данные, они были откорректированы лазером в негативный черно-белый цвет с голубыми, красными и зелеными волнами. Затем компьютер усиливал яркость и распечатывал их на двух соединенных лентах фотографической бумаги. При этом картинки накладывались одна на другую для создания стереоскопического эффекта.

Рыков поднял очки и потер покрасневшие глаза. Он взглянул на часы. Без трех минут полночь. Девять суток подряд он корпел над аппаратом, обследуя вершины и впадины поверхности Луны, лишь несколько раз прерываясь на короткий сон. Геофизик поправил очки и запустил пальцы в густые заросли сальных черных волос, отстраненно сознавая, что не мылся и не переодевался с самого начала работы над проектом.

Мужчина усилием воли отогнал усталость и снова вернулся к работе, начав рассматривать небольшую площадку вулканического происхождения на дальней стороне Луны. Оставалось всего два дюйма ленты, а потом она неожиданно заканчивалась. Начальство не сообщило, почему снимок так внезапно обрывался, но ученый решил, что просто при сканировании произошел сбой.

Поверхность Луны казалась изрытой и морщинистой, как прыщавая кожа под увеличительным стеклом, и больше отдавала в орехово-коричневый цвет, чем в серый. Метеориты изрешетили ее кратерами, словно шрамами.

Быстро проглядывая фотографии, уставший Рыков едва не пропустил кое-что необычное. Геофизик вернул изображение назад и увеличил область на краю крутого хребта, возвышающегося над маленьким кратером. Взгляд четко сфокусировался на трех крошечных объектах.

Увиденное поразило его. Рыков поднял голову и глубоко вздохнул, пытаясь избавиться от окутавшего мозг тумана. Затем снова склонился над стереоскопом.

Наваждение не пропало. Правда, третий объект был скалой – но в двух других он отчетливо разглядел человеческие фигуры.

Мужчина оторопел от увиденного. У него затряслись руки, внутри все похолодело. Потрясенный геофизик убрал голову с подушки стереоскопа, подошел к столу и открыл маленький блокнот с телефонными номерами советского военно-космического командования. Перед тем как дозвониться, он дважды набирал неверный номер.

В телефоне раздался нетрезвый голос:

– Что случилось?

– Это генерал Максим Есенин?

– Да, кто звонит?

– Мы раньше не встречались. Меня зовут Анастас Рыков. Я геофизик из космического лунного проекта.

Командующий советскими военно-космическими программами даже не попытался скрыть раздражение поздним звонком Рыкова:

– Какого черта вы звоните мне ночью?

Ученый знал, что переступает грань дозволенного, но без колебаний выпалил в телефон:

– Когда я изучал снимки с «Селена-4», то наткнулся на кое-что совершенно невероятное. Думаю, вы должны узнать первым.

– Рыков, вы пьяны?

– Нет, генерал. Я жутко устал, но по-сибирски трезв.
– Если вы не дурак, то должны понимать, что у вас будут большие проблемы из-за того, что не доложили как следует своему прямому начальству, а позвонили сразу мне.
– Дело слишком важное, чтобы ставить в известность тех, у кого нет ваших полномочий.
– Идите проспитесь и утром не будете таким наглым, – сказал командующий. – Я сделаю вам одолжение и забуду о звонке. Спокойной ночи.
– Подождите! – закричал Рыков, забывая обо всем. – Если вы положите трубку, мне не останется ничего другого, как обратиться сразу к Владимиру Полевому.
Восклицание геофизика Есенин встретил холодным молчанием. Наконец он ответил:
– Думаете, что у начальника службы государственной безопасности найдется время выслушивать бред сумасшедшего?
– Когда он посмотрит в мое досье, то сразу поймет, что я уважаемый член партии и ученый, а совсем не безумец.
– Да неужели? – Раздражение Есенина сменилось любопытством. Он решил дать Рыкову выговориться. – Ладно, слушаю вас. Что же может быть настолько жизненно важным для Родины-матери, что вы решили звонить сразу мне?
Ученый попытался взять себя в руки.
– Я нашел доказательства того, что на Луне кто-то есть.

Спустя сорок пять минут генерал Есенин вошел в лабораторию фото-анализов геофизического космического центра. Краснолицый генерал был большим и крепким мужчиной, одетым в измятый мундир со сверкающими медалями. Волосы были пепельно-седыми, а взгляд – твердым и неуступчивым. Он тихо подошел, слегка подав голову вперед, будто высматривая добычу.
– Вы Рыков? – без прелюдий спросил он.
– Да, – коротко, но твердо ответил тот.
Несколько секунд они смотрели друг на друга, даже не думая о рукопожатии. Наконец Рыков откашлялся и указал рукой на стереоскоп.
– Подойдите сюда, генерал. Пожалуйста, положите голову на кожаную подушку и посмотрите в окуляр.
Есенин склонился над окуляром и спросил:
– Что я должен увидеть?
– Присмотритесь к небольшой области, которую я обвел.
Генерал прислонился к подушке и невозмутимо заглянул в окуляр. Целую минуту он неотрывно смотрел в стереоскоп, на миг удивленно поднял глаза и потом снова склонился над окуляром. Наконец он медленно поднялся и уставился на Рыкова, не скрывая своего изумления.
– Это не обман зрения? – недоверчиво спросил он.
– Нет, генерал. То, что вы только что увидели, – правда. Две человеческие фигуры в скафандрах наводят какой-то прибор на «Селен-4».
Есенин не мог поверить в то, что сам увидел.
– Невероятно! Откуда здесь взялись люди?
Рыков растерянно пожал плечами:
– Не знаю. Они либо астронавты США, либо инопланетяне.
– Я не верю в фантастические сказки.
– Неужели американцы отправили своих людей на Луну без того, чтобы не осветить такое событие во всех мировых новостях? И почему о нем не узнала наша разведка?
– Можно предположить, что они оставили там людей во время программы «Аполлон», для сбора информации. Если только такое вообще могло быть.
– Их последний известный полет на Луну состоялся в 1972 году, на корабле «Аполлон-17», – напомнил Рыков. – Человек не может семнадцать лет подряд прожить в суровых лунных условиях без пополнения запасов.
– У меня нет других идей, – огрызнулся Есенин.
Он вернулся к стереоскопу и начал пристально всматриваться в фигуры людей, стоящих в кратере. Свет солнца, находящегося справа, отбрасывал их тени в обратную сторону. На них были белые скафандры и шлемы с темно-зелеными стеклами. Такой дизайн космического

скафандра был Есенину незнаком. Он четко видел их следы, ведущие в кромешную темноту в тени у края кратера.
– Я знаю, что вы ищете, генерал, – сказал Рыков, – но я уже осмотрел все, что только можно, и не увидел никаких следов космического корабля.
– Может быть, они спустились туда сверху?
– Там обрыв более тысячи футов.
– Я не знаю, как такое возможно, – произнес генерал.
– Взгляните поближе на прибор, который они направляют на «Селен-4». Похоже на большую камеру с очень длинным объективом.
– Нет, – возразил Есенин, – в этом уж я разбираюсь. Это не камера, а оружие.
– Какой-нибудь лазер?
– Ну, не настолько продвинутое оружие. Мне кажется, они держат ручную зенитную установку американского производства. Похоже на «Лариат-40». Наводится на цель лучом, зона поражения – десять миль на Земле, а в разреженной лунной атмосфере и того больше. Поступила на вооружение в НАТО около шести лет назад. Кажется, ваша теория про инопланетян отпадает.
По коже Рыкова пробежали мурашки.
– Во время космических полетов каждый лишний миллиметр свободного пространства в ракете драгоценен. Зачем брать на Луну громоздкую и ненужную там зенитную установку?
– Видимо, космонавты видели в ней надобность. Они использовали ее против «Селена-4».
Геофизик задумался.
– Тогда понятно, почему сканеры перестали работать уже через минуту. Они повредили их…
– …выстрелом из зенитки, – закончил за него Есенин.
– Нам еще повезло, что сканеры смогли оцифровать и передать данные, перед тем как их разнесли.
– Жаль, что экипаж корабля был не настолько удачлив.
Рыков вопросительно уставился на генерала, будто был не уверен, что расслышал его правильно.
– Разве «Селен-4» был не беспилотником?
Генерал вытащил изысканный золотой портсигар из кармана пальто, достал сигарету и прикурил от зажигалки, встроенной в крышку. Затем засунул портсигар в нагрудный карман.
– Ну да, «Селен-4» был беспилотным.
– Но вы же только что сказали…
Есенин холодно улыбнулся:
– Я ничего не сказал.
Ученый понял намек. Он слишком дорожил своим положением, чтобы продолжать развивать эту тему, и в ответ просто кивнул.
– Мне составлять отчет по тому, что мы видели сегодня ночью? – спросил Рыков.
– Завтра к 10.00 оригинал должен быть у меня на столе. Без копий. И, товарищ Рыков, можете считать, что вы только что узнали государственную тайну совершенной секретности. Прошу отнестись к ней со всей серьезностью.
– Кроме вас, о загадочных снимках больше никто не узнает, генерал.
– Вот и отлично. Между прочим, это большая честь для вас.
Рыков даже не задумывался о возможных наградах, он все еще светился от гордости за проделанную работу.
Есенин вернулся к стереоскопу, увеличивая изображения людей, вторгшихся на Луну.
– Значит, фантастические звездные войны уже начались, – пробормотал он себе иод нос. – И Америка нанесла первый удар.

Питт старался выкинуть из головы все мысли о полноценном обеде, доставая из ящика стола небольшой батончик мюсли. Разорвав обертку и смахнув крошки в мусорную корзину, он снова сосредоточился на огромной морской карте, разложенной по всему столу. Для того чтобы карта не сворачивалась, он разложил по ее углам блокнот и две энциклопедии по историческим кораблекрушениям, открытые на главах, посвященных «Циклопу». Большую часть карты охватывали Старый Багамский канал, с юга окруженный архипелагом Камагуэй, группа разбросанных у побережья Кубы островов и Большая Багамская банка на севере. В верхнем

левом углу карты располагались коралловые рифы Кай Сал, юго-восточная часть которых входила в состав Ангильских коралловых рифов.
Он откинулся на спинку стула и откусил от батончика. Затем снова наклонился над столом, заточил карандаш и взял в руки циркуль. Поставив его опорную ножку на шкалу внизу карты, он отмерил двадцать морских миль и аккуратно поставил карандашом точку на Ангильских рифах. Затем начертил короткую дугу на пятьдесят миль к юго-востоку. Верхнюю точку назвал «Кроган Каслом», а нижнюю дугу – «Циклопом» и рядом поставил знак вопроса.
«„Циклоп“ затонул где-то выше дуги, – про себя рассуждал он. – Все сходится, если учесть положение грузового судна в момент подачи сигнала бедствия и расстояние, какое „Циклоп“ указал в отчете».
Вот только путешествие Рэймонда Лебарона в общую картину совершенно не вписывалось. Опираясь на свой опыт в поисках затонувших кораблей, Питт был убежден, что Лебарон сотни раз проводил те же самые расчеты, что и он, только ко всему прочему брал в расчет скорость течения, погодные условия в день исчезновения корабля и предполагаемую скорость рудовоза военно-морского флота. Но вывод у них должен был получиться одинаковым. «Циклоп» наверняка затонул на расстоянии двести шестьдесят саженей на самой середине канала, уйдя под воду на полторы тысячи футов. На такой глубине корабль могли заметить только рыбы.
Мужчина расслабился на кресле, рассматривая пометки на карте. А что, если Лебарон узнал что-то, чего не знали другие, что тогда он мог искать? Определенно не «Циклоп» и уж точно не из дирижабля. Для этой цели намного лучше подошел бы корабль с хорошим боковым обзором или подводная лодка.
Кроме того, основная область поиска была всего в двадцати милях от Кубы. Вряд ли это место подходило для неспешного, плавного полета на дирижабле, ведь был огромный риск превратиться в отличную мишень для канонерских лодок Кастро.
Питт медленно жевал мюсли, размышляя, что же он мог упустить в путешествии Рэймонда Лебарона, когда его настольный телефон запищал. Он нажал на кнопку ответа:
– Да?
– Это Сэндекер. Ты можешь подойти в мой офис?
– Через пять минут буду, адмирал.
– А лучше через две.
Адмирал Джеймс Сэндекер был директором Национального агентства подводных и морских исследований. Ему уже под шестьдесят лет, он невелик ростом, худощав и жилист, но крепко сложен, словно носил броню под одеждой. Прямые волосы и яркая рыжая бородка его словно скопированы с полотен Ван Дейка. Адмирал был ярым приверженцем здорового образа жизни и физкультуры. За свою карьеру на службе в военно-морском флоте он отличался не тактикой ведения морских боев, а трезвым подходом к делу и эффективностью. И хотя нельзя сказать, чтобы он был популярной фигурой в светских кругах Вашингтона, но политики всегда уважали его за честность и безукоризненное исполнение своих обязанностей.
Адмирал встретил Питта скупым кивком и указал на женщину, сидящую в кожаном кресле в дальнем углу комнаты.
– Дирк, полагаю, ты уже знаком с госпожой Джесси Лебарон.
Она подняла на него глаза и обаятельно улыбнулась. Питт отвесил легкий поклон и пожал ей руку.
– К сожалению, – безразлично ответил он, – я предпочел бы забыть о том, что знаю госпожу Лебарон.
Брови Сэндекера угрожающе сошлись вместе:
– Я чего-то не знаю?
– Это моя вина, – вступила в разговор Джесси, глядя в холодные глаза Питта. – Прошлым вечером я была излишне груба с мистером Питтом. Надеюсь, он примет извинения и простит мне плохие манеры.
– Бросьте, госпожа Лебарон, можно и без формальностей. Мы же с вами можем считаться старыми приятелями, так что я не буду возражать, если вы будете звать меня просто Дирк. Что касается извинений, то они недорого стоят.
– Я хотела нанять вас, – ответила она, не обращая внимания на насмешку.
Он ошеломленно перевел взгляд на Сэндекера.
– Странно, а я думал, что работаю для НУПИ.

– Адмирал Сэндекер любезно согласился отпустить вас на несколько дней. Конечно, при условии, что вы сами будете не против, – добавила она.
– Для чего вы хотите нанять меня?
– Чтобы найти моего мужа.
– Ничего не получится.
– Могу я спросить, почему?
– У меня есть другие проекты.
– Вы не хотите на меня работать, потому что я женщина, да?
– Ваш пол не имеет никакого значения. Просто я не работаю на тех, кого не уважаю.
Наступило неловкое молчание. Питт повернулся к адмиралу. Тот неодобрительно скривил губы, но его глаза шаловливо поблескивали. Кажется, старый озорник наслаждался тем, что происходило.
– Думаю, у вас сложилось неправильное мнение обо мне, Дирк. – Лицо Джесси зарделось, хотя взгляд оставался твердым, как кристалл.
– Да будет вам! – вмешался Сэндекер. – Я объявляю перемирие. В честь чего предлагаю закатить торжественный обед.
Питт и Джесси еще несколько долгих секунд смотрели друг на друга. Затем губы мистера Дирка медленно расползлись в широкой заразительной улыбке.
– Согласен, при условии, что его оплачу я.
Неожиданно для самой себя жена Лебарона тоже улыбнулась.
– Не заставляйте меня смущаться. Давайте заплатим пополам?
– Решено.
– Значит, пришла пора ударить по рукам, – деловым тоном сказал Сэндекер. – Дирк, до твоего прихода мы с Джесси обсуждали исчезновение господина Лебарона.
Питт посмотрел на даму:
– Вы до сих пор считаете, что тела на дирижабле принадлежат не вашему мужу и его экипажу?
Джесси покачала головой:
– Это не их тела.
– Я видел их. Мне показалось, что от них осталось слишком мало, чтобы суметь опознать, кому они принадлежали.
– Тот труп в морге был более мускулистым, чем Рэймонд, – объяснила Джесси. – И на нем была подделка часов «Картье». Дешевая копия, сделанная в Тайване. А я дарила мужу дорогие подлинные часы на нашу первую годовщину.
– Я лично сделал несколько звонков, – добавил Сэндекер. – Судмедэксперт из Майами подтвердил ее слова. Физические характеристики тел в морге не соответствуют описаниям трех мужчин, отправившихся в путешествие на «Проспертире».
Питт перевел взгляд с Сэндекера на Джесси Лебарон, осознавая, что его вовлекают в то, чего он бы хотел избежать, – в любом деле, где проводятся серьезные исследования с точными расчетами и строгой дисциплиной, не место эмоциям.
– Предположим, что тела и одежду поменяли местами, – сказал Питт, – а украшения заменили на подделку. Госпожа Лебарон, вы знаете зачем?
– Я теряюсь в догадках.
– А знаете ли вы, что с тех пор, как дирижабль исчез и снова объявился в Ки-Бискейн, в нем неоднократно пополнялись запасы гелия?
Чтобы хоть чем-нибудь занять руки, она открыла сумочку, достала носовой платок и изящно приложила к носу.
– Сразу после того, как полиция разрешила доступ к «Проспертиру», начальник обслуживающего персонала дирижабля моего мужа осмотрел каждый дюйм внутри. У меня есть его доклад; если хотите, я покажу. Хочу сказать, вы очень проницательны. Он отметил, что газовая оболочка действительно пополнялась. Только не гелием, а водородом.
Питт удивленно посмотрел на нее:
– Водородом? На дирижаблях не использовали водород с тех самых пор, как сгорел «Гинденбург».
– Забудь, – сказал Сэндекер. – Газовая оболочка «Проспертира» пополнялась гелием.
– Так в чем дело? – осторожно спросил Питт.
Сэндекер строго посмотрел на него:

– Я слышал, что ты хочешь найти «Циклопа».
– Я этого и не скрывал, – ответил Питт.
– Ты должен искать его самостоятельно, без помощи со стороны персонала и оборудования НУПИ. Конгресс съест меня живьем, если там узнают, что я помогаю тебе в охоте за сокровищами.
– Я в курсе.
– Ты выслушаешь еще одно предложение?
– Я весь внимание.
– Скажу прямо, ты окажешь мне большую услугу, если наш разговор останется только между нами. Если о нем кто-то узнает, все накроется медным тазом. Договорились?
– Как скажете.
– В следующем месяце ты назначен проводить исследования глубин Берингова моря у Алеутских островов. Тебя подменит Джек Харрис из отдела исследований в области глубоководных океанских разработок. Чтобы избежать ненужных вопросов, не привлекать лишнего внимания и увернуться от бюрократической возни, мы разорвем все твои связи с НУПИ. Ты отправляешься в отпуск до тех пор, пока не найдешь Рэймонда Лебарона.
– Найти Рэймонда Лебарона, – саркастично повторил Питт. – Проще простого. За две недели его уже и след простыл, и с каждым часом найти пропавшего будет все сложнее. Мы не знаем, почему он исчез, у нас нет никаких зацепок, никаких догадок, кто и как мог такое провернуть. Будет преуменьшением сказать, что его отыскать невозможно.
– Ты можешь хотя бы попытаться? – раздраженно спросил Сэндекер.
Питт опустил взгляд на тиковый пол в кабинете адмирала, представляя себе тропическое море, расположенное за две тысячи миль отсюда. Он не любил связываться с загадками, если не мог предположить, откуда начинать ее распутывать. Но адмирал знал, что он примет вызов. Дирк никогда не мог устоять перед погоней за неизвестным.
– Если я возьмусь за дело, мне понадобится лучшая научная команда НУПИ, чтобы укомплектовать первоклассное научно-исследовательское судно. Мне нужны будут средства и политическое влияние для поддержки. А в случае неприятностей может понадобиться помощь военных.
– Дирк, мои руки связаны. Я ничем не могу тебе помочь.
– Что?
– Ты все прекрасно расслышал. Нужно, чтобы поиски велись без лишнего шума. Тебе придется обойтись без помощи нашей организации.
– Вы понимаете, о чем просите меня? Вы хотите, чтобы я в одиночку сделал то, чего не удалось выполнить половине военно-морского флота, военно-воздушным силам и береговой охране, вместе взятым? Почему они не смогли найти стопятидесятифутовый дирижабль – черт их дери, – пока он сам не грохнулся мне на голову? Хотите, чтобы я отправился на поиски на каноэ и тыкал в воду ивовой палочкой, надеясь что-нибудь обнаружить?
– Кажется, нужно лететь по последнему известному курсу «Проспертира», – терпеливо объяснил Сэндекер.
Питт медленно опустился на офисный диван.
– Плана безумнее я еще не слышал, – сказал он и недоверчиво повернулся к Джесси: – Вы тоже поддерживаете такую идею?
– Я сделаю все возможное, чтобы найти мужа, – спокойно сказала она.
– Дурдом какой-то, – вздохнул Дирк. Он встал и начал взад-вперед ходить по комнате, заламывая руки. – Почему такая секретность? Ваш муж был важным человеком, знаменитостью, общался с такими же богатыми и известными людьми и высшими государственными чиновниками, был финансовым гуру для руководителей всех крупных корпораций. Да ответьте же мне, какого черта я должен быть единственным человеком, который будет его искать?
– Дирк, – мягко сказал Сэндекер, – финансовая империя Рэймонда Лебарона охватывает тысячи людей. Из-за того, что он числится в списке пропавших без вести, будущее империи неясно. Никто не может доказать, жив ли он или мертв. Правительство отменило все дальнейшие поиски, потому что военные поисковоспасательные группы – к слову, на них было потрачено более пяти миллионов долларов – так и не смогли найти никакого следа, ни хотя бы намека, где он мог пропасть. Озабоченные бюджетом страны конгрессмены последнюю шкуру сдерут с

того, кто решит потратить государственные деньги на новую бесплодную попытку найти Лебарона.
– А как же бизнесмены и деловые партнеры, поддержавшие издателя?
– Многие крупные бизнесмены уважали его, но в то же время большинство из них были в пух и прах разнесены в передовицах его газет. Они и жалкого гроша не потратят на поиски. А что касается людей из окружения пропавшего, то многим выгодна смерть этого человека.
– Вот поэтому Джесси и пришла к нам, – произнес Питт, глядя на нее.
Она чуть улыбнулась:
– Не стану отрицать. Конечно, большая часть имущества мужа пойдет на благотворительность или будет отдана в наследство другим членам семьи. Но и я получу весьма значительную долю.
– Госпожа, у вас же есть собственная яхта. Почему бы вам просто не нанять экипаж исследователей, чтобы они нашли вашего супруга?
– Есть причины, почему данному делу нельзя придавать широкую огласку. Вам не нужно их знать. Мы с адмиралом думаем, что есть шанс, хоть и очень небольшой, что втроем мы сможем без лишнего шума восстановить маршрут «Проспертира», пойти по его следу и узнать, что случилось с Рэймондом.
– Ради чего? – спросил Питт. – Первые поисковые группы уже прочесали все острова и рифы, где дирижабль мог заправляться. Мы без толку потратим время на то, что уже сделали до нас.
– Они могли что-то упустить.
– Может быть, Кубу?
Сэндекер покачал головой:
– Кастро бы заявил, что Лебарон проник на кубинскую территорию по поручению ЦРУ, и не забыл бы щегольнуть перед миром захваченным дирижаблем. Нет, должен быть другой ответ.
Дирк подошел к окну в углу комнаты и бросил тоскливый взгляд на флотилию небольших парусных лодок, участвующих в регате по реке Анакостия. Они наперегонки мчались к финишным буйкам, их белоснежные паруса блестели на фоне темно-зеленой воды.
– Откуда нам знать, где искать? – не оборачиваясь, спросил он. – Область поиска огромна, она простирается на тысячи квадратных миль. У нас уйдет несколько недель на то, чтобы обшарить всю местность.
– У меня есть все записи и карты мужа, – сказала Джесси.
– Он оставил их вам?
– Нет, их нашли на дирижабле.
Питт молча наблюдал за парусниками, скрестив руки на груди. Мужчина пытался понять причины исчезновения, распутать интригу, подсчитать шансы на успех. Он попробовал все разложить по полочкам у себя в голове.
– Когда приступаем? – наконец спросил он.
– Завтра с восходом солнца, – ответил Сэндекер.
– Вы все еще считаете, что я подходящий кандидат для этой увеселительной прогулки?
– Без сомнений, – решительно сказала Джесси.
– Я хочу взять в команду двух моих старых приятелей. Они оба работают в НУПИ. Либо берем их, либо я отказываюсь.
Лицо Сэндекера мрачно посерьезнело:
– Я же уже объяснил…
– Адмирал, вы хотите, чтобы я добрался до Марса, даже не подбросив меня до Луны. Мы с вами дружим уже достаточно долго, чтобы вы поняли, что я не берусь исполнять непродуманные идеи. Просто дайте мне взять с собой в отпуск еще двоих людей. Мне без разницы, как вы это сделаете.
Сэндекер не выглядел ни сердитым, ни даже раздраженным. Если в стране и был человек, способный решить неразрешимую загадку, то им был именно Питт. Карта адмирала оказалась бита, поэтому он поддался.
– Хорошо, – спокойно ответил он. – Я выполню твою просьбу.
– Тогда позвольте сказать еще кое-что.
– Давай, – напрягся Сэндекер.
Питт повернулся с мрачной улыбкой. Потом перевел взгляд с Джесси на адмирала, пожал плечами и сказал:
– Я никогда не летал на дирижабле.

– Мне кажется, вы пытаетесь что-то провернуть за моей спиной, – откровенно сказал Сэм Эмметт, начальник Федерального бюро расследований.
Президент посмотрел на него из-за стола в Овальном кабинете и мягко улыбнулся:
– Ты совершенно прав, Сэм. Именно это я и делаю.
– Я буду очень благодарен вам, если вы будете говорить со мной начистоту.
– Не беспокойся. Это никоим образом не зависит от моего удовлетворения твоей работой и работой ФБР.
– Тогда почему вы не можете мне все рассказать? – спросил Эмметт, стараясь скрыть негодование.
– Во-первых, дело касается международных отношений.
– Тогда необходимо уведомить Мартина Брогана из ЦРУ.
– Я не говорил с Мартином. Можешь поверить на слово.
– Ладно, а что во-вторых?
Президент не собирался поддаваться.
– Это уже мое дело.
Эмметт застыл.
– Если президент хочет моей отставки…
– Ничего подобного, – отрезал глава государства. – Ты самый способный и ответственный работник, которому можно доверить возглавлять бюро расследований. Ты блистательно выполняешь свою работу, и я всегда был одним из твоих самых ярых сторонников. Однако, если хочешь собрать вещички и бросить работу, обидевшись на то, что твою профпригодность якобы поставили под сомнение, – тогда вперед. Докажи мне, что это не так.
– Но если вы не хотите мне доверять…
– Погоди минуту, Сэм. Давай сейчас не будем говорить друг другу то, за что завтра придется извиняться. Я не ставлю под сомнение твою преданность или честность. Никто не собирается тебя одурачить. Дело не имеет никакого отношения к криминалу или шпионажу и не касается ни ФБР, ни других спецслужб. Суть в том, что мне очень нужна твоя поддержка, хотя бы в течение следующей недели. Согласен?
Эмметт на время успокоился. Он пожал плечами и уступил:
– Ваша взяла, господин президент. Будь что будет. Я с вами. Президент глубоко вздохнул:
– Обещаю, что не подведу тебя.
– Я ценю это.
– Хорошо. Тогда давай начнем сначала. Ты узнал что-нибудь о трупах из Флориды?
Напряжение спало с лица Эмметта, и он облегченно выдохнул. Открыв чемодан, мужчина достал папку в кожаном переплете и передал президенту.
– Здесь подробный отчет из лаборатории патологической анатомии имени Уолтера Рида. Данное исследование очень сильно помогло нам в опознании тел.
Президент удивленно посмотрел на него:
– Вы их опознали?
– Анализ состава борщовой пасты расставил все по своим местам.
– Что вы имеете в виду?
– Помните, судмедэксперт округа Дейд зафиксировал смерть от переохлаждения?
– Да.
– В общем, борщ в тюбиках – противнейший продукт, который выдают российским космонавтам. В желудках всех трех трупов были найдены его остатки.
– Ты имеешь в виду, что Рэймонда Лебарона и прочих членов экипажа кто-то заменил на трех погибших советских космонавтов?
Эмметт кивнул.
– Мы смогли установить их имена с помощью советского дезертира, бывшего хирурга космической программы русских. Он несколько раз их осматривал.
– Когда он дезертировал?
– Он перешел на нашу сторону в августе 1987 года.
– Чуть больше двух лет назад.

– Верно, – подтвердил Эмметт. – Вот имена космонавтов – Сергей Зощенко, Александр Юденич и Иван Ронский. Юденич был новичком, но зато Зощенко и Ронский – настоящие ветераны с двумя космическими полетами за спиной.
– Я тебе свою годовую зарплату отдам, если объяснишь мне, каким образом они попали в треклятый дирижабль.
– К сожалению, пока не могу сказать. На тот момент только четверо русских находились в космосе на орбитальной станции «Салют-9». Но люди НАСА, следящие за космонавтами, говорят, что с ними все в порядке.
Президент кивнул.
– Значит, нужно исключить тех советских космонавтов, которые находились в космосе, а рассматривать только тех, кто остался на Земле.
– Все не так просто, – продолжил Эмметт. – В заключении врачей из отдела судебно-медицинской патологии лаборатории имени Уолтера Рида говорится, что, вероятнее всего, трое мужчин до смерти замерзли, когда находились в космосе.
Президент удивленно поднял брови:
– У них есть доказательства?
– Нет, но, по их словам, имеется несколько факторов, указывающих на возможность подобного. Например, все та же борщовая паста и анализы другой сублимированной пищи, которые потребляли советские космонавты. Или физиологические признаки того, что мужчины дышали воздухом с высоким содержанием кислорода и провели значительное время в состоянии невесомости.
– Уже не первый раз русские отправляют своих людей в космос и не могут потом их вернуть. Может быть, космонавты годами плавали в космосе и упали на Землю только пару недель назад после того, как их корабль сошел с орбиты.
– Я знаю только о двух случаях, закончившихся летальным исходом для русских, – сказал Эмметт. – В первый раз погиб космонавт, чей корабль запутался в стропах парашюта при входе в атмосферу и упал в Сибири на скорости пятисот миль в час. Во втором случае при утечке кислорода из-за неисправного люка погибли еще трое членов экипажа.
– Это только те трагедии, которые они не смогли скрыть, – возразил президент. – В ЦРУ зафиксировали около тридцати смертей их космонавтов с начала космических исследований. И девять тел все еще плавают в космосе. Но мы должны делать вид, будто не знаем об этом, чтобы не вскрыть наши источники в разведке.
– Понятно, мы знаем, но делаем вид, что не знаем.
– Именно.
– И это снова возвращает нас к трем космонавтам, трупы которых лежат у нас в Вашингтоне. – Эмметт раскрыл чемодан, лежащий на его коленях.
– И к сотне вопросов, начиная с главного: откуда они взялись?
– Я провел несколько проверок в центре управления действиями командования воздушно-космической обороны. Технологи сказали, что, если не брать во внимание их орбитальные станции, единственным советским космическим кораблем, способным долговременно поддерживать жизнеобеспечение экипажа, были лунные зонды «Селен».
При слове «лунные» в голове президента что-то щелкнуло.
– И что там с ними?
– Три отправились в космос, но ни один не вернулся. Ребята из командования воздушно-космической обороны считают, что для Советов очень нетипично три раза подряд провалить обычные полеты на орбиту Луны.
– На борту были люди?
– Думаю, да, – сказал Эмметт. – Советы погрязли во лжи. Как вы уже говорили, они почти никогда не признают свои космические провалы. И в строгом порядке продолжают тайно наращивать силы для посадки на Луну.
– Ладно, если мы рассмотрим теорию, что три трупа – бывший экипаж корабля «Селен», тогда как они попали на Землю? Они же не могли как ни в чем не бывало приземлиться где-то в степях Казахстана.
– Я думаю, скорее где-то в районе Кубы.

– Куба. – Два слога медленно сорвались с губ президента. Затем он покачал головой: – Ну уж нет, русские никогда бы не допустили, чтобы их национальные герои, живые или мертвые, попали в чьи-либо чужие руки.
– Может быть, они не знали?
Глава государства ошеломленно посмотрел на собеседника:
– Не знали?
– В общем, скажем так, их космический корабль потерял управление и рухнул около Кубы при входе в атмосферу. Примерно в то же время туда на дирижабле отправляется Рэймонд Лебарон на поиски корабля с сокровищами, где его и захватывают кубинцы. Затем, по каким-то непонятным причинам, кубинцы меняют Лебарона и его экипаж на трех мертвых космонавтов и отправляют воздушный корабль назад во Флориду.
– Ты понимаешь, как нелепо это звучит?
Мужчина засмеялся:
– Конечно, понимаю, но ничего лучше мне на ум не приходит.
Президент откинулся назад и уставился на богато украшенный орнаментом потолок.
– Знаешь, кажется, ты прав.
Эмметт улыбнулся:
– В каком смысле?
– Все сходится. Предположим, что таким образом Фидель Кастро пытается что-то нам сообщить.
– Если так и есть, то он выбрал весьма странный способ, чтобы передать нам свое сообщение.
Президент взял ручку и начал что-то черкать в блокноте.
– Фидель никогда не был мастером дипломатических тонкостей.
– Прикажете продолжать расследование? – спросил Эмметт.
– Нет, – коротко ответил президент.
– Вы все еще будете держать меня в неведении по данному делу?
– Это не внутреннее расследование министерства юстиции, Сэм. Большое спасибо за твою помощь, но ты уже узнал об этом гораздо больше, чем следовало.
Мужчина захлопнул чемодан и встал.
– Могу я задать вам один щепетильный вопрос?
– Задавай.
– Мы наконец-то обнаружили хоть какую-то, пусть даже самую минимальную, возможность того, что Рэймонд Лебарон похищен кубинцами. Почему даже теперь президент США все еще предпочитает держать информацию при себе и запрещает следственным органам продолжать расследование?
– Хороший вопрос, Сэм. Возможно, через пару дней мы оба будем знать ответ.
Спустя несколько минут после того, как Эмметт покинул Овальный кабинет, глава государства развернулся на кресле и уставился в окно. У него пересохло во рту, а подмышки вспотели. Его не отпускало предчувствие, что между колонией Джерси и неудачами советских лунных зондов есть связь.
Айра Хаген остановил арендованный автомобиль у ворот охраны и показал удостоверение личности, выданное президентом. Охранник позвонил в приемную национальной физической лаборатории имени Харви Паттендена и затем разрешил ему проезжать.
Он покатил к стоянке и нашел свободное место, медленно пробираясь сквозь гущу разноцветных машин. Лабораторию окружали высаженные группами хвойные деревья и зеленый газон, где лежали покрытые мхом камни. Здание выглядело как типичный технологический центр, какие можно встретить во многих городах страны. Современную архитектуру кирпичного здания подчеркивали закругленные углы и обилие больших бронзовых стекол.
Привлекательная секретарша, сидящая за подковообразным столом, подняла голову и улыбнулась посетителю:
– Чем могу помочь?
– Томас Джадж, к доктору Муни.
Она привычно подняла телефонную трубку и кивнула:
– Хорошо, мистер Джадж. Пожалуйста, пройдите в центр охраны за моей спиной. Они скажут, куда дальше.

– Перед тем как я пройду, можно мне воспользоваться туалетом?
– Конечно, – ответила она, указывая пальцем. – Дверь справа, под фреской.
Хаген поблагодарил ее и прошел под огромным рисунком футуристического космического корабля, парящего между призрачными иссиня-зелеными планетами. Он вошел в кабинку, запер дверь и присел на унитаз. Открыв чемодан, мужчина вытащил желтый блокнот и раскрыл на середине. После этого в верхней части страницы сделал несколько записей и зарисовок систем безопасности, замеченных при входе в здание. Хороший агент, работающий под прикрытием, никогда не делает записей на бумаге, но Хаген мог позволить себе расслабиться, зная, что президент выручит, если что-то пойдет не так.
Через несколько минут он вышел из туалета и открыл дверь в комнату со стеклянными стенами. Там четверо охранников в форме всматривались в двадцать огромных телевизионных экранов, вмонтированных в стену. Один из них встал и подошел к стойке.
– Сэр?
– У меня назначена встреча с доктором Муни.
Охранник достал список посетителей.
– Да, сэр, вы, должно быть, Томас Джадж. Могу увидеть ваше удостоверение?
Хаген передал ему водительские права и правительственное удостоверение. Охранник вежливо попросил его распахнуть чемодан и после беглого осмотра закрыл, жестом показал, где расписаться, и дал гостю пластиковый пропуск, какой закрепляют на груди.
– Кабинет доктора Муни находится прямо в конце коридора за двойными дверьми.
Проходя по коридору, Хаген остановился, чтобы надеть очки и рассмотреть бронзовые таблички на стене, на каждой из которых приводилась информация о людях, имеющих отношение к лаборатории. Одна из табличек была посвящена доктору Харви Паттендену, основателю лаборатории, на ней приводился краткий перечень его достижений в области физики. Но Хагена интересовала другая табличка, где было написано:

Памяти
доктора Леонарда Хадсона
(1926–1965)
Ваш творческий дар
всегда был вдохновением для нас.

«Не особо оригинально», – подумал Айра, мысленно отдавая Хадсону должное за безукоризненно, даже в мелочах, исполненную роль мертвеца.
Он вошел в прихожую и тепло улыбнулся секретарше, серьезной пожилой женщине в темно-синем костюме мужского покроя.
– Мистер Джадж, входите, пожалуйста. Доктор Муни ожидает вас.
– Благодарю.
Эрлу Дж. Муни было тридцать шесть, но выглядел он моложе, чем ожидал Хаген, изучив биографию этого человека. Его прошлое было удивительно схоже с историей Хадсона – он тоже отличался неординарным умом, у него была такая же высокая успеваемость, да еще и в том же университете. Толстый паренек сбросил вес и стал директором лаборатории имени Паттендена. Зеленые глаза выглядывали из-под грозных бровей, а густые усы делали ученого похожим на Панчо Вилью 1. Он был одет в белый свитер и синие джинсы, что наводило на мысль, что Муни не такой уж и педант, как кажется.
Он вышел из-за стола, заваленного бумагами, тетрадями и пустыми бутылками из-под пепси, и пожал гостю руку.
– Присаживайтесь и рассказывайте, чем могу вам помочь, мистер Джадж.
Хаген уселся в кресло и сказал:
– Как я уже говорил вам по телефону, я из Центрального финансового управления, и мне было приказано проверить ваши системы бухгалтерского счета и провести аудиторскую ревизию финансовых расходов.
– Кто вам приказал?
– Сенатор Генри Кальтенбах.
– Надеюсь, он не подозревает лабораторию имени Паттендена в мошенничестве, – осторожно сказал Муни.

– Не беспокойтесь. Вы же знаете сенатора, он любит устраивать проверки, чтобы узнавать, куда уходят бюджетные деньги. Такая «охота на ведьм» – отличная реклама для его предвыборной кампании. Между нами говоря, многие мои сотрудники желают ему провалиться под землю, чтобы он перестал посылать нас гоняться за собственным хвостом. Хотя должен отдать сенатору должное: мы обнаружили несколько нарушений в других аналитических центрах вроде вашего.
Муни немедля поправил его:
– Мы привыкли именоваться научно-исследовательским центром.
– Да-да, конечно. В общем, нам приходится делать выборочные проверки.
– Вы должны понимать, что наша работа строго засекречена.
– Разработка ядерных ракетных технологий и ядерного оружия третьего поколения, мощность которого фокусируется в лучах с узкой диаграммой направленности, распространяющихся со скоростью света и способных поражать цели далеко в космосе. Вы об этом?
Юдин из лидеров повстанцев во время Мексиканской революции 1910–1917 гг.
Ученый подозрительно уставился на Хагена:
– Вы очень хорошо проинформированы.
Тот пожал плечами:
– Начальник ввел меня в курс дела. Я бухгалтер, а не физик, доктор. Мой мозг не способен мыслить абстрактно. В старшей школе я несколько раз заваливал экзамены по алгебре. Ваши данные в безопасности. Моя работа заключается в том, чтобы помогать честным налогоплательщикам сполна возвращать их деньги из финансируемых правительством программ.
– Чем могу вам помочь?
– Я хотел бы поговорить с вашим главным бухгалтером и персоналом управления. И с персоналом, работающим с финансовыми документами. Через две недели из Вашингтона прибудет моя аудиторская группа. Я был бы очень благодарен, если бы вы проложили наш маршрут поближе к отделам, где ведется бухгалтерский учет.
– Можете рассчитывать на наше полное сотрудничество. Естественно, я дам указания службе безопасности, чтобы вашей группе предоставили полный допуск.
– Разумеется.
– Я лично пройду с вами и познакомлю с нашим главным бухгалтером и персоналом службы бухгалтерского учета.
– И еще кое-что, – сказал Хаген. – Вы работаете после окончания рабочих смен?
Муни улыбнулся:
– В отличие от обычных офисных работников, которые трудятся с девяти до пяти, у физиков и инженеров нет установленного рабочего графика. Многие из нас работают круглосуточно. Мне часто приходится работать больше тридцати часов подряд, без перерыва. Поэтому мы сами устанавливаем себе скользящий график по компьютеру.
– Вас устроит, если я сейчас проведу предварительную проверку примерно, скажем, до десяти часов вечера?
– Конечно, не вижу никаких проблем, – согласился Муни. – Если захотите перекусить, у нас на нижнем этаже работает круглосуточное кафе-закусочная. Охранник проведет вас.
– И держите меня подальше от мест, где вы храните секретную информацию, – засмеялся Хаген.
– Думаю, вы знакомы с системами безопасности в подобных лабораториях?
– Конечно, – признал гость. – Если бы мне платили по центу за каждый час, когда я проводил аудит в различных отделах Пентагона, я бы уже давно разбогател.
– Тогда проходите за мной.
Ученый встал и направился к двери.
– Утолите мое любопытство, – сказал Айра, оставаясь в кресле. – Я многое слышал о Харви Паттендене. Он вроде бы работал с Робертом Годдардом…
– Так и есть, доктор Паттенден изобрел несколько ранних ракетных двигателей.
– Но вот про Леонарда Хадсона я совсем ничего не знаю.
– Довольно умный малый был, – сказал Муни. – Он разработал большинство из наших космических кораблей, перед тем как их построили и отправили в космос. Никто не знает, каких еще успехов он мог бы достичь, если бы не погиб в самом своем расцвете сил.

– Что произошло?
– Авиакатастрофа. Он летел на семинар к доктору Гуннару Эриксену в Сиэтл. Самолет взорвался в воздухе и упал в реку Колумбия.
– А что за доктор Эриксен?
– Он был великим мыслителем и, возможно, самым блестящим астрофизиком, какого когда-либо видел свет.
В голове Хагена зазвучал тревожный звоночек.
– Он занимался чем-то конкретным?
– Да, работал над геолунной синоптической морфологией для индустриализации человечества.
– Можете перевести на нормальный язык, если не сложно?
– Конечно, – засмеялся Муни. – Эриксен был одержим мечтой построить колонию землян на Луне.

Десять часов спустя, в два часа ночи, в Москве четверо мужчин собрались у камина в небольшой гостиной Кремля. Комната была погружена в мрачную полутьму. Сигаретный дым смешивался с дымом сигары.

Президент СССР Георгий Антонов
[7]
задумчиво смотрел на языки пламени. После легкого обеда он сменил пиджак на старый рыбацкий свитер. Он сидел, сняв обувь и положив ноги в одних носках на украшенный вышивкой пуфик.

Рядом стояли глава КГБ Владимир Полевой и начальник управления советскими космическими программами Сергей Корнилов, одетые в темные шерстяные костюмы, пошитые в Лондоне на заказ, а возле них в мундире, украшенном орденами, сидел генерал Есенин.
Полевой положил на низкий столик отчет с фотографиями и изумленно покачал головой:
– Не понимаю, как они провернули это все без утечки информации.
– Такой колоссальный прогресс кажется невозможным, – согласился Корнилов. – Пока своими глазами не увижу – ни за что не поверю.
– Все доказательства ясно видны на фотографиях, – сказал Есенин. – Отчет Рыкова не оставляет никаких сомнений. Просто подробно изучите его. Четко видно, что две человеческие фигуры, стоящие в лунном кратере, – реальны. Это не мираж, отброшенный тенью, и не ошибка системы сканирования. Они и вправду стояли там.
– Их скафандры не такие, как у американских астронавтов, – возразил Корнилов. – Да и шлемы другие.
– Не буду спорить по пустякам, – сказал Есенин. – Но то, что у них в руках оружие, не вызывает сомнений. Я могу с уверенностью сказать, что они держат пусковую установку зенитных ракет американского производства.
– А где тогда их космический корабль? – упорствовал Корнилов. – Где луноход? Они же не могли материализоваться из ниоткуда.
– Я разделяю ваши сомнения, – сказал Полевой. – Такого не может быть, чтобы американцы отправили на Луну людей и припасы и об этом не узнали наши разведывательные спецслужбы. Наши станции слежения узнали бы о любых странных передвижениях в космосе.
– Меня больше удивляет, – сказал Антонов, – почему американцы никогда не объявляли миру о своих столь значительных достижениях. Разве им выгодно сохранять это в тайне?
Корнилов кивнул:
– Мы находим все больше фактов, противоречащих докладу Рыкова.
– Вы недооцениваете одну важную вещь, – ровным тоном произнес Есенин. – «Селен-4» исчез сразу после того, как его сканеры засняли людей на фото. Я думаю, что наш космический зонд был поврежден выстрелом ракеты, которая пробила корпус корабля и нарушила герметичность внутри, что и привело к гибели наших космонавтов.
Полевой удивленно посмотрел на него:
– Что вы сказали о космонавтах?
Есенин и Корнилов озадаченно переглянулись.
– О некоторых вещах не знает даже КГБ, – сказал генерал.

Полевой уставился прямо в глаза Корнилову:
– «Селен-4» был пилотируемым?
– Как и «Селен-5», и «Селен-6». На каждом корабле находилось по трое космонавтов.
Глава КГБ повернулся к Антонову, спокойно попыхивающему гаванской сигарой:
– Вы знали об этом?
Президент утвердительно кивнул:
– Да, конечно, меня уведомили. Но вы должны помнить, Владимир, что не все вопросы, касающиеся космических программ, подпадают под компетенцию органов государственной безопасности.
– Почему-то, когда ваш драгоценный лунный зонд упал и исчез в Вест-Индии, никто из вас не побрезговал прийти ко мне за помощью, – сердито сказал Полевой.
– Непредвиденное обстоятельство, – спокойно объяснил генерал. – После возвращения «Селена-4» с Луны при входе в атмосферу Земли мы потеряли управление – лунный зонд вышел из-под контроля, и наше космическое командование списало его как утерянный. Спустя приблизительно полтора года его полета по орбите была сделана еще одна попытка восстановить контроль над ним. Системы управления ответили, но успешно произвести посадку не удалось. «Селен-4» упал в десяти тысячах миль от места посадки. Необходимо было сохранить в тайне новость о гибели наших героев-космонавтов, вот поэтому нам и потребовалась помощь КГБ.
– Сколько космонавтов погибло? – спросил Полевой.
– Без жертв на благо будущего Советского Союза было не обойтись, – негромко ответил Антонов.
– Вернее сказать, чтобы скрыть промахи нашей космической программы, – с горечью сказал Полевой.
– Отставить споры, – приказал президент. – «Селен-4» сделал огромный вклад, прежде чем потонул в Карибском море.
– Причем его еще можно найти, – добавил Полевой.
– Верно, – подтвердил Есенин. – Но мы достали данные корабля о Луне. Это являлось главной целью миссии.
– Вам не кажется, что американские системы наблюдения за космосом должны были отследить падение корабля и определить место приземления? Если бы они хотели достать космический корабль из-под воды, они бы уже перепрятали его на свои базы.
– Конечно, они отследили, куда упал корабль, – ответил генерал. – Но у их разведывательных спецслужб не было оснований предполагать, что «Селен-4» – нечто большее, чем научный зонд для исследования далекого космоса, запрограммированный на приземление в водах Кубы.
– В вашей тщательно продуманной теории есть прореха, – возразил Полевой. – Через несколько дней после падения с орбиты «Селена-4» спасательные службы Соединенных Штатов провели тщательные морские и воздушные поиски пропавшего капиталиста Рэймонда Лебарона в том же самом районе, где должен был упасть корабль. Подозреваю, что на самом деле они собирались искать не пропавшего гражданина, а именно наш космический корабль.
– Я читал ваш доклад об исчезновении Лебарона, – сказал Корнилов. – И не согласен с вашими выводами. Я нигде не заметил, чтобы они проводили подводные поиски. А саму спасательную миссию вскоре отменили. В американской прессе пишут, что Лебарон и его экипаж до сих пор числятся пропавшими без вести. Никто уже не надеется, что они живы. Этот случай – просто совпадение, ничего более.
– Тогда мы все должны согласиться с тем, что «Селен-4» вместе с космонавтами лежит где-то на дне моря. – Антонов выпустил кольцо дыма изо рта и продолжил: – Тем не менее главные вопросы все еще открыты. Допускаем ли мы возможность того, что у американцев есть база на Луне? И если допускаем, то что будем делать дальше?
– Я полагаю, что база существует, – убежденно сказал Есенин.
– Мы не можем сбрасывать со счетов саму возможность, – согласился Полевой.
Антонов перевел взгляд на Корнилова:
– Сергей, а вы как считаете?
– Наша первая программа пилотируемого корабля под названием «Селен-8» с высадкой на Луну планируется к запуску через семь дней, – вдумчиво ответил он. – Мы не можем отменить ее, как в тот раз, когда американцы обогнали нас с программой «Аполлон». Из-за того, что наше

правительство тогда не захотело быть вторым в космической гонке, мы поджали хвосты и свернули проект. Хотя я считаю, что ставить политику и идеологию выше научных достижений – огромная ошибка. Теперь у нас есть проверенная тяжелая ракета-носитель, способная разместить всю межпланетную станцию с экипажем из восьми человек на лунной поверхности. В плане пропаганды и военных перспектив наше преимущество неизмеримо. Если мы собираемся добиться постоянного превосходства в космосе и одолеть американцев в борьбе за Марс, то должны идти до конца. Я считаю, что нужно отдать приказ «Селену-8» высадиться недалеко от того кратера и уничтожить американских астронавтов.
– Полностью согласен с Корниловым, – поддержал Есенин. – Факты говорят сами за себя. Американцы проявляют откровенную агрессию к нам в космосе. Судя по этим фотографиям, они уже уничтожили один из наших космических кораблей вместе с его экипажем. Боюсь, что космонавтов «Селена-5» и «Селена-6» постигла та же участь. Скорей всего, американцы вознамерились сделать Луну своей колонией. Если они увидят, что на Луну высаживаются космонавты с красными звездами на груди, то сразу же постараются убить их.
После его слов наступила мертвая тишина. Никто не торопился высказывать свои мысли. Наконец Полевой прервал молчание:
– Значит, вы и Корнилов предлагаете первыми атаковать американцев?
– Да, – ответил генерал. – Подумайте, что может произойти. Захватив американскую лунную базу и присвоив их научные технологии, мы продвинем нашу космическую программу на десяток лет вперед.
– Я уверен, что Белый дом сразу же запустит пропагандистскую кампанию и выставит нас перед всем миром в виде агрессора, как было в инциденте с южнокорейским «Боингом», – возразил Полевой.
– Они не будут поднимать шум, – заверил его Есенин. – Как они могут заявить о захвате чего-то, о чьем существовании никто не знал?
– Генерал прав, – признал Антонов.
– Но вы должны понимать, что из-за нас может начаться космическая война, – предупредил Полевой.
– Первый удар Соединенные Штаты уже нанесли. Отомстить им – наш священный долг.
Есенин повернулся к Антонову:
– В любом случае решение за вами.
Президент СССР снова перевел взгляд на огонь. Затем затушил сигару о пепельницу и с удивлением заметил, как дрожат руки. Его лицо, обычно румяное, побледнело. Реакция была понятна всем. Его внутренние демоны вытесняли ангелов добра. Он понимал, что должен сказать свое слово, остальное станет заботой других людей. Глава государства не мог так просто позволить империалистам плюнуть в лицо его Отчизне. Спустя несколько мгновений, показавшихся всем чрезвычайно долгими, президент повернулся, устало кивнул и торжественно произнес:
– Ради Родины! Ради партии! Приказываю вооружить космонавтов и уничтожить американцев.

Выслушав длинный инструктаж и проведя три утомительные беседы с доктором Муни, Хаген сидел в маленьком кабинете, лихорадочно набивая цифры на счетной машинке. В отличие от ученых, помешанных на компьютерах, и инженеров, сходивших с ума по цифровым калькуляторам, бухгалтеры оказались старомодными людьми. Они по-прежнему предпочитали работать на традиционных счетных машинках с огромными кнопками и перфорированной бумагой.
Главный бухгалтер был сертифицированным специалистом высшей квалификации, окончившим факультет экономики и предпринимательства в Техасском университете, и бывшим служащим ВМС. Чтобы лишний раз потешить свое самолюбие, он развесил награды и фотографии кораблей, где ему приходилось служить, на самых видных местах дубовых стен своего кабинета. Айра сразу уловил беспокойство в его глазах, хотя другой реакции от управляющего финансами компании, на встречу к которому явился аудитор, он и не ждал. Когда Хаген попросил разрешения на проверку записей телефонных звонков за последние три года, никто и не думал ему возражать. Хоть весь его опыт работы бухгалтером в министерстве юстиции и ограничивался фотографированием бухгалтерских ведомостей в глухую ночь, он хорошо выучил счетоводческий жаргон и не мог проколоться. Вряд ли кто-либо, кто заходил в

кабинет и видел, как он строчит заметки и внимательно изучает листы бумаги, мог усомниться, что видит перед собой матерого профи.
Цифры, напечатанные на бумаге, он брал с потолка. А вот записи были схемой коридоров с отмеченными местами, где установлены камеры наблюдения, от входа и до самого кабинета Муни. Немного ниже мужчина выписал два имени и напротив них составил колонки с обозначениями. Рэймонд Лебарон и Леонард Хадсон. Теперь он знал еще и третье имя – Гуннар Эриксен.
Айра был уверен, что Эриксен инсценировал свою смерть, как и Хадсон, чтобы посвятить остаток жизни работе над проектом «Колония Джерси». Он знал, что они оба не могли оборвать все связи с лабораторией имени Паттендена. Такую мощную организацию с большим количеством талантливых молодых ученых просто нельзя было не использовать для своих целей. Где-то здесь должна была скрываться потайная база «внутреннего ядра».
Записи телефонных звонков трех тысяч работников умещались в нескольких картонных коробках. Придраться было не к чему. Все, кто пользовался телефоном для деловых или личных целей, должны были заполнять дневник вызовов. Тем не менее Хаген не собирался проверять каждый звонок, это могло занять несколько недель. Его интересовали только звонки доктора Муни. Особенно совершенные на дальние расстояния.
Хаген не был экстрасенсом. Более того, он знал многих людей, способных находить нестыковки гораздо точнее, чем он. Но глаз и чутье редко его подводили.
Он переписал шесть номеров, по которым Муни звонил более одного раза за последние три месяца. Два из них были записаны как личные звонки, остальные четыре были деловыми. Все они не вызывали особых подозрений, но других способов выйти на след прочих членов «внутреннего ядра» Хаген пока не придумал.
Не нарушая установленных правил, он снял телефонную трубку, набрал оператора лаборатории имени Паттендена и попросил соединить его с открытой линией, пообещав записать все свои звонки. Час был поздним, а большинство номеров начинались с кода городов Среднего Запада или Восточного побережья. Абоненты запросто могли положить трубку из-за того, что часовые пояса различались, а значит, там было на два-три часа позднее, но, несмотря на это, Хаген начал диктовать номер.
– Сентенниальская служба поддержки, – устало ответил мужской голос.
– Здравствуйте, вы еще работаете?
– Нет, офис закрыт. Вы позвонили в круглосуточное бюро приема заказов.
– Меня зовут Джадж, я из федерального правительства. – Хаген решил назваться чужим именем на случай прослушки. – Мы проводим аудит физической лаборатории имени Паттендена в Бенде, штат Орегон.
– Перезвоните завтра утром, когда мы откроемся.
– Хорошо. Только скажите мне, чем занимается сентенниальская служба поддержки?
– Продажей записывающих устройств и запчастей для них.
– Записывающих устройств? Для чего?
– В основном для бизнеса. Например, видеокамеры для записи заседаний, лабораторных испытаний или для служб безопасности. Диктофоны для секретарей. Ну и тому подобное.
– Сколько у вас сотрудников?
– Около дюжины.
– Большое спасибо, вы очень помогли, – сказал Хаген. – И еще кое-что. Вы часто получаете заказы от лаборатории имени Паттендена?
– Не очень. Каждую пару месяцев они покупают у нас видеокамеры или запчасти к ним.
– Еще раз спасибо. До свидания.
Хаген вычеркнул номер из списка и продолжил. На следующие два звонка откликались автоответчики – сперва химической лаборатории Университета Брандейса в Уолтеме, затем неопознанного офиса национального научного фонда в Вашингтоне. Следующие два номера он решил оставить на утро и набрал номер, отмеченный как личный вызов.
– Алло?
Хаген посмотрел на имя в списке вызовов Муни.
– Доктор Дональд Фримонт?
– Да, я слушаю.
Хаген представился.

– Что вас интересует, мистер Джадж? – Голос Фримонта, казалось, принадлежал пожилому человеку.
– Я делаю выборочную проверку дальних звонков. За последние девяносто дней вам звонили из лаборатории имени Паттендена? – притворно спросил Хаген, поглядывая на даты звонков.
– Что? А, да, звонил доктор Эрл Муни. Он был моим студентом в Стэнфорде. Я ушел на пенсию пять лет назад, но мы до сих пор поддерживаем связь.
– А у вас случайно не было студента по имени Леонард Хадсон?
– Леонард Хадсон, повторил он, будто пытаясь вспомнить. – Я встречался с ним пару раз. Хотя он и не учился в моем классе. Это было давно, еще до моей работы в Стэнфорде. Когда он был студентом, я преподавал в университете Южной Каролины.
– Спасибо, доктор. Больше не буду вас задерживать.
– Ничего страшного. Рад был помочь.
Хаген вычеркнул четвертый номер. Следующим был Энсон Джонс. Он не ответил сразу, но Хаген набрал еще раз, не собираясь сдаваться. И в этот раз удача его не подвела.
– Алло?
– Господин Джонс, меня зовут Джадж.
– Как?
– Томас Джадж. Я из федерального правительства, мы проводим аудиторскую проверку в физической лаборатории имени Паттендена.
– Не знаю никакого Паттендена. Вы ошиблись номером.
– Имя доктора Эрла Муни вам о чем-нибудь говорит?
– Никогда о таком не слышал.
– Он вам звонил три раза за последние шестьдесят дней.
– Какая-то ошибка.
– Вы Энсон Джонс, код города – триста три, телефонный номер – пятьсот сорок семь.
– Нет, вы ошиблись номером.
– Перед тем как вы положите трубку, я должен передать сообщение.
– Какое еще сообщение?
Айра сделал паузу, затем резко проговорил:
– Скажите Лео, что Гуннар требует денег за дирижабль. Поняли?
На пару мгновений его собеседник замолк.
– Это розыгрыш?
– До свидания, господин Джонс.
Он попал в цель.
Чтобы перестраховаться, Хаген набрал последний номер, на который отозвался автоответчик брокерской фирмы. Дело в шляпе.
Восторг – вот что он чувствовал. После того как он добавил очередную запись в заметки, ему стало еще веселее. Муни не был членом «внутреннего ядра», ио поддерживал связь… с одним из офицеров, подчиненных высшему командованию.
Мужчина набрал чикагский номер и подождал. После четырех гудков ответил приятный женский голос:
– Дрейк-отель.
– Меня зовут Томас Джадж, я хочу забронировать номер на завтрашнюю ночь.
– Секундочку, я соединю вас с приемной.
Хаген повторил заказ. Портье попросил номер кредитной карты, с которой будет оплачена комната, и Айра продиктовал телефон Энсона Джонса.
– Ваш заказ принят, сэр.
– Спасибо.
Сколько там уже времени? Он взглянул на часы – без восьми минут полночь. Он закрыл чемодан и накинул пальто. После этого вытащил из кармана зажигалку и щелкнул ею. Затем из нагрудного кармана вынул тонкий металлический стержень со стоматологическим зеркальцем на конце.
Он подошел к двери, остановился на пороге и, зажав чемодан между колен, уставился в зеркальце на коридор. Никого. Хаген навел зеркало на камеру в дальнем конце коридора, слегка высунул зажигалку за дверь и снова щелкнул кремнем.

Экран одного из мониторов внутри помещения охраны за вестибюлем внезапно начал снежить. Охранник начал удивленно проверять сигнал.
– Что-то случилось с двенадцатым монитором, – сказал он.
Его начальник вышел из-за стола и уставился в экран.
– Помехи. Умники из отдела электрофизики опять что-то затеяли.
Неожиданно помехи прекратились, но через мгновение появились на другом экране.
– Интересно, – сказал начальник. – Я никогда не видел, чтоб помехи ходили у нас по экранам.
Через несколько секунд экран снова заработал как нужно, показывая пустой коридор. Двое охранников посмотрели друг на друга и пожали плечами.
Мужчина убрал миниатюрный генератор электромагнитных помех, как только вошел в кабинет Муни и закрыл за собой дверь. Он тихо подошел к окну и задернул шторы. Надев тонкие резиновые перчатки, Хаген включил свет.
Он был непревзойденным мастером, когда дело касалось обыска. Он не стал возиться с наиболее очевидными местами, выдвигать ящики, копаться в документах, адресных книгах или телефонных справочниках. Он направился прямиком к книжной полке и менее чем за семь минут нашел то, что искал.
Возможно, Муни был одним из самых лучших физиков в стране, но информацию прятать не умел. Внутри книги Горация Делисо «Вся правда о небесной механике» был спрятан маленький блокнот. Записи в нем были зашифрованы в виде уравнений. Для Хагена это был темный лес, но он не стушевался. Обычно в таких ситуациях он фотографировал страницы и затем клал документ на место, но в этот раз просто засунул блокнот в карман, понимая, что расшифровывать записи прямо здесь нет времени.
Когда Айра подошел к помещению охраны, охранники все еще таращили глаза на экраны.
– Разрешите выйти? – улыбнулся Хаген.
Начальник охраны подошел с непонимающим выражением лица:
– Вы только что вышли из бухгалтерии?
– Да.
– Мы не видели вас на экранах.
– Даже не знаю, что сказать, – с невинным видом ответил Хаген. – Я вышел из двери, прошел по коридору и оказался тут.
– Вы заметили что-нибудь необычное?
– Нет. Разве что свет пару раз мерцал и немного тускнел.
Охранник кивнул:
– Думаю, электрофизики снова шалят с приборами.
Мужчина вышел на улицу в безоблачную ночь, тихонько напевая себе под нос.

«Циклоп»

25 октября 1989 года

Ки-Уэст, Флорида

Питт лежал на холодном цементе взлетно-посадочной полосы, глядя вверх, на «Проспертир». Солнце поднялось над горизонтом и медленно окутало потрепанный корпус дирижабля нежно-оранжевым покрывалом теплого света. Обшивка воздушного судна выглядела зловеще – или, может быть, у Дирка просто разыгралось воображение, но дирижабль показался ему неприкаянным алюминиевым призраком.
Большую часть полета из Вашингтона в Ки-Уэст он не спал, погрузившись в изучение карт Бака Цезаря с изображением Старого Багамского канала и прослеживая по ним тщательно размеченный маршрут Рэймонда Лебарона. Он закрыл глаза, пытаясь представить ясную

картину приключений «Проспертира». Если дирижабль пополнил запасы гелия не на корабле, что крайне маловероятно, тогда на пути Лебарона оставался лишь один вариант – Куба.
Питта мучила мысль, которую он все никак не мог отогнать. Часть картины становилась яснее и прозрачней, чем больше он о ней думал. И наконец стала кристально ясной.
Полет Лебарона был фикцией.
За густым туманом всей этой истории скрывался рациональный и логический вывод.
Обдумывая, в каком направлении следует копать дальше, он почувствовал на себе чью-то тень.
– Ну и ну, – произнес знакомый голос. – Кажется, Белоснежка снова попалась на старую уловку с отравленным яблоком.
– Либо он в зимней спячке. – Питт узнал и второй голос.
Он открыл глаза и, прикрываясь от солнца рукой, уставился на пару ухмыляющихся лиц. Тот, который пониже, выпячивал грудь колесом и поигрывал мускулами, у него были черные кучерявые волосы и такое мощное телосложение, будто на завтрак он ел кирпичи. Это был Эл Джордино, старый приятель и помощник Питта.
Эл наклонился, схватил протянутую руку и привел мистера Дирка в стоячее положение с легкостью уборщика, поднявшего с газона пустую банку из-под пива.
– Время отправления – через двенадцать минут.
– Наш безымянный пилот уже прибыл? – спросил Питт.
– Нет, мужик, – покачал головой тот, что был немного выше и гораздо худощавее Джордино. – Даже и близко не пробегал.
Толстые стекла очков еще сильнее увеличивали голубые глаза смотрящего на него Руди Ганна. Он был похож на постоянно недоедающего помощника счетовода, откладывающего все свои сбережения на покупку золотых часов. Однако внешность была обманчива. Ганн организовывал и проводил в жизнь многочисленные океанографические научные проекты НУПИ. Пока адмирал Сэндекер вел споры с конгрессом и федеральными чиновниками, Ганн присматривал за ежедневными операциями агентства. Для Питта выпросить у Сэндекера себе в помощники Ганна и Джордино было огромным триумфом.
– Если мы хотим уложиться в то же время отправления, что и Лебарон, нам придется подниматься в воздух без пилота, – беззаботно сказал Джордино.
– Думаю, справимся, – сказал Питт. – Кто-нибудь читал инструкции по управлению дирижаблем?
Эл кивнул.
– Обычно требуется пятьдесят часов обучения и практики, чтобы получить лицензию. Выучить основы управления было не так уж и трудно, но, чтобы освоить умение держать этот надувной член ровно, когда подует ветер, мне потребуется практика.
Дирк не смог не рассмеяться в ответ на красочное описание Джордино.
– Вы погрузили оборудование на борт?
– Погрузили и закрепили, – заверил Ганн.
– Ну что, тогда отправляемся!
Когда они подходили к «Проспертиру», начальник аэродромной команды, который провожал в путешествие Лебарона, спускался по лестнице из гондолы дирижабля. Он сказал несколько слов одному из работников и помахал им рукой, приветствуя.
– Дирижабль готов к полету, джентльмены.
– Наши погодные условия совпадают с условиями его предыдущего взлета? – спросил Питт.
– Господин Лебарон летел против встречного юго-восточного ветра скоростью пять миль в час. Вам придется лететь против ветра скоростью восемь миль в час, нужно будет это учитывать. Над Теркс и Кайкос движется поздний ураган. Метеорологи назвали его «Маленькой Евой», потому что его размер в диаметре не превышает шестидесяти миль. Прогнозисты думают, что он движется на север, к Каролине. Если вы повернете назад не позднее четырнадцати часов, то «Маленькая Ева» подарит вам хороший попутный ветер и быстро доставит вас домой.
– А если мы этого не сделаем?
– Не сделаете чего?
– Не повернем назад, когда пройдет четырнадцать часов.
Начальник аэродромной команды ехидно улыбнулся:

– Я бы не советовал вам отправляться навстречу тропическому шторму, где ветер несется со скоростью пятьдесят миль в час. Особенно учитывая, что вы летите на дирижабле, которому уже лет шестьдесят.
– Убедительно, – признал Питт.
– Если учесть встречный ветер, – сказал Ганн, – то мы едва успеем добраться до зоны поиска к десяти с половиной. У нас почти не останется времени, чтобы там осмотреться.
– Да, – подтвердил Джордино, – просто будем придерживаться маршрута Лебарона.
– Как-то просто звучит, – пробурчал Дирк себе под нос. – Слишком просто.
В ту минуту, когда трое коллег по НУПИ собирались подняться на борт, к дирижаблю подъехал лимузин Лебаронов. Из машины вышел Анджело и аккуратно открыл заднюю дверь. Внутри показалась Джесси, в дизайнерском костюме «сафари», с повязанными ярким шарфом волосами в стиле тридцатых годов, что делало ее похожей на туристку. Под рукой дама несла замшевую полетную сумку.
– Все готово? – бойко спросила она, проскальзывая мимо них по лестнице в гондолу.
Ганн мрачно посмотрел на Питта:
– Ты не говорил нам, что мы собираемся на пикник.
– Я и сам только что об этом узнал, – ответил Питт, уставившись на Джесси, развернувшуюся к ним в дверном проеме.
– Прошу прощения, – сказала она. – Я забыла упомянуть, что ваш пилот – это я.
На лицах Джордино и Ганна застыло такое выражение, будто они проглотили живого кальмара. Питт, наоборот, развеселился. Он сказал:
– В каком смысле?
– Рэймонд научил меня летать на «Проспертире», – отозвалась она. – Я провела за штурвалом уже больше восьмидесяти часов, и у меня есть лицензия.
– Давайте без шуточек, – Питт был заинтригован.
Джордино не почувствовал в ее словах ни капли юмора.
– Госпожа Лебарон, а нырять вы умеете?
– В воду? Или вы имеете в виду нырять с парашютом? Я могу и то, и другое.
– Мы не можем взять с собой женщину, – решительно произнес Ганн.
– Госпожа Лебарон, прошу вас, – вмешался начальник аэродромной команды. – Мы не знаем, что случилось с вашим мужем. Это может быть опасно.
– Значит, так: мы будем связываться с вами по тому же принципу, что и Рэймонд, – громко сказала она, не обращая внимания на его слова. – Если обнаружим что-нибудь интересное – передадим вам голосовое сообщение. Шифроваться не будем.
– Просто смешно, – возразил Ганн.
Питт пожал плечами:
– Ну, даже не знаю. Я за то, чтобы взять ее.
– Ты что, серьезно?
– Почему бы и нет? – с язвительной усмешкой ответил Дирк. – Я за равноправие. У нее есть такое же право покончить с собой, как и у нас.
Аэродромная команда в гробовой тишине наблюдала, как старый дирижабль поднимается навстречу солнцу. Внезапно он начал резко снижаться. Все застыли на месте от испуга, когда посадочное колесо коснулось гребня волны. Но затем воздушный корабль медленно выпрямился и начал снова подниматься.
Кто-то взволнованно прокричал:
– Взлетай, малыш, взлетай!
«Проспертир» судорожно поднимался на несколько футов до тех пор, пока не достиг безопасной высоты. Аэродромная команда напряженно наблюдала за дирижаблем, пока тот не превратился в крошечную темную точку и не исчез за горизонтом. Когда «Проспертир» пропал из поля зрения, испуганные рабочие еще несколько минут тихо стояли на месте. Теперь никто не осмелился предложить скоротать время за игрой в волейбол. Один за другим они влезли в фургон и столпились вокруг радио, отчего кондиционер пришлось включить на полную мощность.
Первое сообщение пришло ровно в семь. Питт объяснил встряску в начале полета. Оказалось, что вес груза, который Джордино и Ганн разместили на борту, привел к небольшой перегрузке и Джесси пытается справиться с потерей высоты.

Вплоть до двух часов Питт держал частоту открытой и продолжал докладывать о своих наблюдениях, точно так же, как Лебарон во время своего полета.
Начальник аэродромной команды подвинул к себе микрофон:
– Проспертир, говорит Бабулин дом. Прием.
– Слушаю вас, Бабуля.
– Сообщите последние координаты по спутнику «ВИКОР».
– Вас понял. Показатели «ВИКОРа» – Н3608 на Т8090.
Начальник персонала сразу же нанес координаты на карту.
– Проспертир, хорошо двигаетесь. Свяжемся, когда вы будете в пяти милях к югу от мелководья Гуинчо на Багамской банке. Прием.
– Вас понял, Бабуля.
– Что с ветром?
– Судя по гребням волн, я бы сказал, что ветер усилился до шести баллов по шкале Бофорта.
– Слушайте меня, Проспертир. Поступило новое сообщение от береговой охраны об урагане «Маленькая Ева». Она в два раза увеличила скорость и повернула на восток. Объявлено штормовое предупреждение на юге Багам. Если ураган будет придерживаться текущего курса, то дойдет до восточного побережья Кубы примерно к вечеру. Повторяю, «Маленькая Ева» повернула на восток и движется в вашем направлении. На сегодня хватит, Проспертир, поворачивайте домой.
– Будет сделано, Бабуля. Меняю курс на Кис.
Следующие полчаса Питт молчал. В 14.35 начальник аэродромной команды снова попытался установить связь.
– Проспертир, выйдите на связь. Прием.
Нет ответа.
– Выйдите на связь, Проспертир. Я Бабулин дом. Как меня слышно?
Тишина.
Душный воздух внутри фургона внезапно показался холодным, оцепеневших от страха рабочих охватило предчувствие беды. Секунды медленно таяли, а минуты казались вечностью, пока начальник отчаянно пытался связаться с дирижаблем.
Но «Проспертир» не отвечал.
Начальник аэродромной команды швырнул микрофон на стол и начал проталкиваться к двери через толпу потрясенных рабочих. Он подбежал к лимузину и судорожным рывком открыл заднюю дверь.
– Они пропали! Мы потеряли их, как Лебарона!
Одиноко сидящий мужчина на заднем сиденье ответил простым кивком.
– Продолжайте попытки связаться с ними, – тихо сказал он.
Когда начальник персонала аэродромной команды поспешил назад к грузовику, адмирал Джеймс Сэндекер достал из стеклянного ящичка телефонную трубку и сделал вызов:
– Господин президент!
– Слушаю вас, адмирал.
– Они пропали.
– Понял. Поставлю в известность адмирала Клайда Монфорта из карибской объединенной оперативной группы. Он уже поднял корабли и самолеты по тревоге около Багам. Как только я повешу трубку, я сразу же прикажу ему начинать поисково-спасательную операцию.
– Пожалуйста, попросите Монфорта действовать как можно быстрее. Мне доложили, что в той области, где исчез «Проспертир», сейчас бушует ураган.
– Адмирал, возвращайтесь в Вашингтон и не беспокойтесь. Ваши люди и госпожа Лебарон будут обнаружены в течение нескольких часов.
– Постараюсь зарядиться вашим оптимизмом, господин президент. Спасибо.
Сэндекер свято верил в одну-единственную догму: никогда не верь слову политикана. Поэтому он сделал еще один звонок:
– Это адмирал Джеймс Сэндекер. Мне нужно поговорить с адмиралом Монфортом.
– Секундочку, сэр.
– Джим, это правда ты?
– Приветствую, Клайд. Рад снова слышать твой голос.
– Черт возьми, прошло уже почти два года. Что-то случилось?

– Скажи, тебя оповестили о спасательной операции на Багамах?
– Где ты такое услышал?
– Слухи.
– Какая-то «утка»! Почти все наши карибские войска сейчас проводят десантные учения на Ямайке.
– Неужели?
– Нужно продемонстрировать наш военный потенциал Советам и кубинцам. Пытаемся вывести Кастро из равновесия, пусть он думает, что мы готовим вторжение со дня на день.
– А на самом деле?
– Чего ради? Куба – лучшая рекламная кампания экономического упадка коммунизма. И, кроме того, пусть лучше Советский Союз смывает в унитаз Кастро двенадцать миллионов долларов в день, чем мы.
– Ты не получал никаких приказов следить за дирижаблем, который вылетел из Кис сегодня утром?
На другом конце линии наступила зловещая тишина.
– Наверное, мне не следует говорить тебе об этом, Джим, но я действительно получал устный приказ о дирижабле. Мне было приказано увести наши корабли и самолеты подальше от Багамских банок и включить глушилки всех средств связи в этом районе.
– Приказ пришел прямо из Белого дома?
– Не искушай судьбу, Джим.
– Спасибо, что сказал мне правду, Клайд.
– Не благодари. Давай увидимся, когда ты будешь в Вашингтоне.
– Буду ждать этого.
Сэндекер повесил трубку, его лицо покраснело от гнева, в глазах полыхала ярость.
– Господи, помоги им, – пробормотал он сквозь стиснутые зубы. – Нас всех обвели вокруг пальца.

Гладкое лицо Джесси с высокими скулами было напряжено – ей нелегко давалась борьба с мощными порывами ветра и шквального дождя, осыпавшими дирижабль. Ее руки и запястья все сильнее уставали, ведь приходилось то и дело дергать переключатели передач и большой рычаг регулировки высоты. Из-за дополнительного веса дождевых капель стабильно удерживать нужный уровень высоты стало почти невозможным. Джесси чувствовала, как сердце начинает сковывать ледяной ужас.
– Нужно двигаться к суше, – дрогнувшим голосом произнесла она. – Я не могу больше держать нас в воздухе при такой турбулентности.
Питт посмотрел на нее:
– Ближайшая суша – Куба.
– Пусть лучше нас арестуют, чем мы умрем.
– Не сейчас, – ответил Питт со своего сиденья справа и позади нее. – Попытайтесь продержаться еще немного. Буря отнесет нас к Ки-Уэст.
– На дирижабле не работает радио, они не узнают, где нас искать, если мы грохнемся в море.
– Вам стоило подумать об этом до того, как вы пролили кофе на передатчик и электрика коротнула.
Она бросила на него гневный взгляд и подумала: «Господи, какой же он несносный!» Питт высунулся в окно по правому борту, небрежно глядя в бинокль на морские волны. Джордино выглядывал из окна по левую сторону, а Ганн пытался считать координаты с навигационного компьютера «ВИКОР» и перенести их на карту. Время от времени он спокойно поправлял пишущий элемент на градиометре Шонстедта, который с помощью магнитного напряжения определял железо. Казалось, никого из них троих происходящее особо не волновало.
– Вы не слышали, что я вам сказала? – раздраженно спросила она.
– Слышали, – ответил Питт.
– Я не могу управлять при таком ветре. Дирижабль слишком тяжелый. Мы должны сбросить балласт или приземлиться.
– Последний мешок с балластом мы сбросили час назад.
– Тогда нужно избавиться от всего этого хлама, что вы затащили на борт, – приказала она, указывая пальцем на небольшую горку алюминиевых коробок, прикрепленных к полу.

– Простите, но этот хлам, как вы его назвали, нам еще пригодится.
– Но мы теряем высоту!
– Постарайтесь сделать все, что сможете.
Джесси показала рукой на лобовое стекло:
– Остров по правому борту называется Кайо-Санта-Мария. А суша за ней – Куба. Я меняю курс на южный, испытаем нашу судьбу с кубинцами.
Питт повернулся к ней, его зеленые глаза сосредоточенно смотрели на нее.
– Вы сами захотели участвовать в нашей миссии, – резко сказал он. – Вы захотели быть одной из нас. Теперь держитесь.
– Пошевелите мозгами, – прошептала она. – Если мы попробуем продержаться в воздухе еще хотя бы полчаса, ураган разорвет нас на кусочки.
– Кажется, у меня кое-что есть, – прервал их Эл.
Дирк встал с сиденья и подошел к окну по левому борту.
– Куда смотреть?
Джордино показал.
– Мы только что прошли над ним. Примерно в двухстах ярдах у нас за кормой.
– Что-то большое, – взволнованно сказал Ганн. – Оставляемый им след не сходится с размером.
– Поворачивайте к порту, – приказал Питт даме. – Возвращайте нас назад тем же самым курсом.
Джесси не стала спорить. В какую-то секунду ее охватила жажда приключений, и страх отошел на второй план. Она дернула рычаги вперед и повела дирижабль к порту, используя ветер, чтобы развернуться на обратный курс. Из-за сильных порывов алюминиевый корпус дирижабля задрожал, а гондола принялась жутко раскачиваться. Вскоре тряска успокоилась, восемь хвостовых стабилизаторов снова заработали, и ветер начал бить сзади.
Внутри гондолы стало тихо, как в склепе. Ганн выпустил трос из блока считывания данных градиометра на четыре сотни футов под брюхо дирижабля, пока датчик не погрузился в беснующиеся волны. Затем снова вернулся к регистратору градиометра и подождал, пока пишущий элемент проведет на бумаге горизонтальную линию. После этого самописец дрогнул и заскользил туда-сюда, что-то нацарапывая.
– Приближаемся к цели, – объявил Ганн.
Джордино и Питт, не обращая внимания на порывы шквального ветра, высунулись из окон еще дальше. Сквозь беснующееся море и пенящиеся волны разглядеть морские глубины было очень непросто. Все это время Джесси отчаянно боролась с управлением, пытаясь успокоить тряску и выровнять дирижабль, похожий на кита, пробивающего себе путь через пороги реки Колорадо.
– Я вижу его! – внезапно закричал Питт. – Он лежит с севера на юг, около ста ярдов вправо.
Эл резво подбежал к противоположной стенке гондолы и уставился вниз.
– Да, я тоже вижу.
– Вы замечаете что-нибудь похожее на грузовые краны? – спросил Ганн.
– Я четко вижу очертания, но не могу разобрать детали. Похоже, объект лежит на глубине примерно восьмидесяти футов.
– А мне кажется, что целых девяноста, – сказал Питт.
– Это «Циклоп»? – тревожно спросила Джесси.
– Пока еще рано это утверждать. – Он повернулся к Ганну: – Определи наши координаты по «ВИКОРу».
– Я записал их, – сказал Ганн, когда закончил.
Питт кивнул Джесси:
– Ладно, пилот, давайте сделаем еще один заход. Теперь мы будем идти против ветра, поэтому постарайтесь пролететь прямо над целью.
– Да легче свинец в золото превратить, чем сделать это, – огрызнулась она.
Питт подошел и легонько поцеловал ее в щеку.
– Я верю в вас. Потерпите еще немного, и я дам вам передохнуть.
– Не нужно со мной нянчиться, – раздраженно сказала она, но в ее глазах зажегся теплый огонек, а напряженная линия губ смягчилась. – Просто скажите, когда нужно будет притормозить.
«Она очень своевольна», – подумал Питт.
Он впервые почувствовал зависть к Рэймонду Лебарону. Дирк вернулся в хвостовую часть дирижабля и положил руку на плечо Ганну:

– Попробуй вычислить его примерные размеры клинометром.
Ганн кивнул:
– Будет сделано.
– Если это и вправду «Циклоп», – весело сказал Джордино, – то ты просто везунчик!
– Немного удачи и трезвой оценки событий еще никому не мешало, – подтвердил Питт. – И вдобавок Рэймонд Лебарон и Бак Цезарь сами направили нас, куда было нужно. Меня беспокоит только один вопрос: почему «Циклоп» затонул там, где и близко не пролегают главные судоходные пути?
Джордино беспомощно помотал головой:
– Наверное, мы об этом никогда не узнаем.
– Приближаемся к цели, – прервала их Джесси.
Ганн настроил клинометр и начал определять размеры нечеткого силуэта корабля, уставившись в окуляр. Непонятно как, но ему удалось держать прибор ровно, пока дама мастерски сражалась с порывами ветра.
– Я не смогу точно установить ширину судна, непонятно – стоит оно прямо или лежит на боку, – сказал он, изучая калибровку.
– А общую длину? – спросил Питт.
– Пятьсот тридцать – пятьсот пятьдесят футов.
– Отлично, – с облегчением сказал Дирк. – «Циклоп» был длиной пятьсот сорок два фута.
– Если мы опустимся ниже, я смогу сказать точнее, – предложил Ганн.
– Давайте еще один разочек, Джесси! – громко окликнул ее Питт.
– Не думаю, что у нас получится – Она оторвала руки от штурвала и указала в окно: – Кажется, нас уже ждут.
Выражение ее лица было спокойным, даже слишком спокойным, в то время как мужчины пристально смотрели на вертолет, выплывающий из-за облаков в тысяче футов над дирижаблем. Он на несколько секунд завис в небе, словно ястреб, высматривающий голубя, затем начал приближаться, увеличиваясь в размерах, и полетел параллельно «Проспертиру». Сквозь бинокль можно было отчетливо увидеть мрачные лица пилотов и две пары рук, высунувших автоматы в открытую дверь.
– Они здесь не одни, – лаконично сказал Ганн, направив бинокль на кубинский артиллерийский катер.
Он покачивался на волнах примерно в четырех милях внизу и разбрасывал брызги.
Без лишних слов Джордино молча разорвал ремни, которыми крепились ящики, и начал торопливо выбрасывать на пол их содержимое. Ганн присоединился к нему, а Питт принялся устанавливать странную заслонку.
– Они показывают нам табличку на английском языке! – воскликнула Джесси.
– И что там написано? – не оборачиваясь, спросил Дирк.
– «Следуйте за нами и не вздумайте использовать радио», – прочитала она. – Что мне делать?
– Ну, мы и так не можем использовать радио, так что улыбнитесь и помашите им. Может быть, они не будут стрелять, если увидят, что вы женщина.
– Я бы на это не рассчитывал, – проворчал Джордино.
– И продолжайте парить над кораблем, – добавил Питт.
Джесси совсем не нравилось то, что происходило внутри гондолы. Ее лицо побледнело. Она сказала:
– Нам лучше делать то, что они говорят.
– Да пошли они! – проворчал Дирк.
Он расстегнул ее ремень безопасности и поднял из-за штурвала. Джордино подал ему пару воздушных баллонов, и Питт тотчас накинул лямки на плечи Джесси. Ганн дал ей маску, ласты и компенсатор плавучести.
– Быстрее, – приказал он. – Надевайте.
Сбитая с толку, она не сдвинулась с места.
– Что вы делаете?
– Я думал, вы понимаете, – сказал Питт. – Собираемся нырять.
– Что? – Черные, как у цыганки, глаза дамы широко раскрылись не столько от тревоги, сколько от удивления.

– Сейчас не время спорить, – спокойно сказал Питт. – Считайте, что это наш безумный план спасения. Так что делайте, что мы вам говорим, и ложитесь на пол за заслонкой.
Джордино с сомнением взглянул на заслонку толщиной в дюйм.
– Надеюсь, сработает. Я бы не хотел быть рядом в тот момент, когда пули попадут в баллон с воздухом.
– Без паники, – ответил Дирк, пока они втроем торопливо надевали водолазное снаряжение. – Здесь используется пластик повышенной прочности, его не пробьет и двадцатимиллиметровая пуля.
Под натиском ветра никем не управляемый дирижабль накренился набок и начал пикировать вниз. Все инстинктивно рухнули на пол и схватились за ближайшие опоры. Коробки, где лежало водолазное снаряжение, в беспорядке покатились по полу и врезались в сиденья пилотов.
Все сомнения отпали, о дальнейших переговорах не могло быть и речи. Командир кубинского вертолета приказал открыть огонь по цели, думая, что столь внезапное изменение в движении дирижабля вызвано попыткой побега. Правую стену «Проспертира» накрыло градом пуль, выпущенных с тридцати метров. Гондола мгновенно превратилась в решето. Старые желтоватые окна разлетелись по полу на осколки. Средства управления и панель приборов коротнули и взорвались, разом превратившись в груду бесполезного мусора и наполнив разрушенную кабину едким дымом.
Питт ничком лежал на Джесси, сверху на них повалились Ганн и Джордино, прислушиваясь к стуку пуль о пуленепробиваемую заслонку. Затем кубинцы решили сменить цель и начали стрелять по двигателям. Сокрушительный шквал пуль кромсал алюминиевую оболочку и разрывал на кусочки, которые уносило порывами ветра. Двигатели закашлялись и замолчали, из-под отстреленных головок цилиндров полились струи масла вперемешку с клубами черного дыма.
– Баки с топливом взорвутся! – сквозь грохот послышался крик Джесси.
– Не стоит беспокоиться! – прокричал ей в ухо Питт. – Кубинцы не используют зажигательные пули, а баки сделаны из плотного неопрена, пробоины в нем сразу же затягиваются.
Эл подполз к разорванным и сбившимся в кучу коробкам с оборудованием и вытащил из них то, что показалось Джесси трубчатым контейнером. Толкая этот предмет перед собой, он передвинул его на круто наклоненную палубу.
– Помощь нужна? – прокричал Питт.
– Если бы Руди подержал мне ноги… – Его голос затих.
Повторять дважды не понадобилось. Ганн зацепился ногами за распорку и крепко обхватил колени Джордино.
Дирижабль вконец взбесился. Полностью потеряв управление, он несся носом к морю под углом сорок градусов. Кубинцы изрешетили пулями оболочку, и подъемной силы у воздушного корабля почти не осталось. Он медленно, но верно начал опускаться к морю, пока кубинцы продолжали расстреливать его. Лопасти стабилизатора еще задевали облака, но старый «Проспертир» уже мучился в предсмертной агонии.
Но он не погибнет в одиночестве.
Джордино с трудом удалось открыть трубу, оттуда он вытащил портативную пусковую установку «М-72» и зарядил ее 66-миллиметровой ракетой. Двигаясь медленно и осторожно, мужчина поднял ствол смертоносного оружия, похожего на базуку, над разбитым окном левого борта и прицелился.
Удивленные люди в катере ясно видели, как зависший в одной миле от них вертолет внезапно превратился в огромную огненную фигуру, по форме напоминающую гриб. Словно раскат грома, прокатился над морем рокот взрыва, и с неба посыпался пылающий дождь раскаленного металла, который шипел и дымился, попадая в воду.
Дирижабль все еще болтался вверху, медленно разворачиваясь вокруг своей оси. Гелий вышел сквозь дыры в корпусе. Кольцевидные опоры внутри начали трещать и ломаться, как сухая древесина. Будто испуская последний вздох, верх «Проспертира» провалился вовнутрь, словно яичная скорлупа, и дирижабль упал в бурлящие волны.
Несколько секунд – и воздушный корабль был окончательно разрушен. Через двадцать секунд оба двигателя отломились, держащие гондолу траверсы оторвались, издавая скрежет, похожий

на вой сирены. Как хрупкая игрушка, выпавшая на тротуар из рук неуклюжего ребенка, оболочка разорвалась, и внутренний каркас в агонии заскрипел, распадаясь на части.
Гондола погружалась все глубже, вода хлынула внутрь через разбитые окна. Казалось, будто гигантская рука давила на дирижабль сверху, пока он, наконец, не исчез в пучине. Затем гондола разломилась и, будто падающий листок, неспешно пошла ко дну, утянув за собой спутанный клубок проводов и кабелей. Оторванные части дюралюминиевого корпуса хлопались в воду, словно пьяная летучая мышь в полете.
Стайка желтохвостых окуней бросилась в стороны за мгновение до того, как на морское дно опустилась груда обломков, оставшихся от дирижабля. При падении поднялись тучи песка. Затем настала гробовая тишина, нарушаемая лишь мягким бульканьем выходящего воздуха.
Кубинский катер сновал взад-вперед среди обломков по неспокойной поверхности моря, но ошеломленный экипаж не мог найти ни следа выживших людей. Только лужи топлива и масла растекались по бурным волнам.
Порывы ветра от приближающегося урагана возросли до восьми баллов. Волны уже достигали восемнадцати футов в высоту, поэтому продолжать поиски стало невозможно. У капитана катера не оставалось выбора, кроме как взять курс на ближайший безопасный порт Кубы и покинуть угрожающе бурлящее море.

Слабое глубинное течение медленно уносило прочь темные клубы песка, которые скрывали под собой остатки «Проспертира». Питт поднялся на четвереньки и осмотрел руины, оставшиеся от гондолы. Ганн прямо сидел на полу, прижавшись спиной к изогнутой переборке. Его левая лодыжка опухла до размеров кокоса, но он вдохнул воздух через мундштук и поднял руку, показывая пальцами знак «V»
[8]
.

Джордино упорно пытался принять вертикальное положение, осторожно прижимая руку к правой стороне груди. «В итоге наши. потери – одна сломанная лодыжка и, пожалуй, несколько ребер. Могло быть хуже», – подумал Дирк. Он склонился над Джесси и поднял ее голову. Сквозь стекло водолазной маски глаза женщины казались пустыми. Равномерное шипение регулятора и вздымающаяся грудь указывали на то, что дышит она нормально, может, лишь немного быстрее, чем обычно. Он провел пальцами по ее рукам и ногам, но не заметил следов переломов. Она казалась невредимой, если не брать во внимание черно-синие пятна, которые расцветут на местах ушибов на следующие сутки. Дама коснулась его руки и крепко сжала, чтобы заверить, что она в порядке.
Довольный Питт вернулся к своему телу. Все суставы поворачивались должным образом, мышцы работали, кажется, ничего не пострадало. Но все же ему тоже досталось. На лбу вскочила здоровенная багровая шишка, а шея сильно онемела. Дирк утешил себя тем, что ни у кого из них нет открытых ран. Одна царапинка могла бы устроить им второе свидание со смертью за сегодняшний день. Последнее, что им сейчас было нужно, так это нападение акул.
Перед Питтом возникла новая проблема – нужно было выбираться из гондолы. Вот только дверь основательно заклинило, хотя после пережитой аварии сложно было этому удивляться. Сидя на ягодицах, он ухватился руками за изогнутую раму и вскочил на ноги. Вскочил так резко, насколько это было возможно под давлением воды. Он представил себе, будто пытается передвигаться на дне огромной бутылки с клеем. С шестой попытки, когда пальцы на ногах и пятки уже начали отказывать, металлический затвор поддался, и дверь медленно распахнулась.
Джордино вынырнул первым, выпуская вокруг головы пузырьки из регулятора дыхания. Он отошел назад, уперся ногами в песок и, приготовившись к боли в груди, решительно рванулся в проем. Питт и Ганн медленно вытолкнули изнутри большой громоздкий сверток, который затем упал на песок. После этого передали Джордино восемь стальных баллонов со ста четырьмя кубическими футами воздуха.
В разрушенной гондоле Джесси, забыв об аварии, пыталась унять боль в ушах от давления воды. Она зажала нос и яростно фыркнула. После того как она повторила эту процедуру раз пять, боль исчезла, и от облегчения у дамы из глаз потекли слезы. Она впилась губами в мундштук регулятора и втянула полные легкие воздуха. «Великолепно было бы сейчас проснуться в уютной постели», – подумала Джесси. Кто-то тронул ее за руку. Другая рука,

крепкая и шершавая. Женщина подняла голову и сквозь маску увидела глаза Питта; ей почудилось, что они улыбались, глядя на нее. Он кивком попросил следовать за ним.
Дирк повел ее к выходу в огромную прозрачную бездну. Она посмотрела на пузырьки воздуха, которые с шипением кружились, уплывая вверх, к беспокойной поверхности моря. Несмотря на то что вверху бурлила вода, видимость на дне была отличной, почти на двести футов вдаль, и Джесси могла отчетливо разглядеть все развалины дирижабля, лежащие недалеко от гондолы. Только Ганна и Джордино нигде не было видно.
Питт жестом предложил подождать возле баллонов с воздухом и странного свертка. Он сверился с компасом на левом запястье и поплыл в голубую мглу. Джесси балансировала в невесомости, в глубине голова работала ясно, как никогда. Женщиной начало овладевать гнетущее чувство одиночества, но исчезло, как только она увидела возвращающегося Питта. Он жестом позвал ее плыть за ним, развернулся и медленно погреб вдаль. С трудом переставляя ноги сквозь толщу воды, спутница быстро догнала его.
Белое песчаное дно сменилось зарослями кораллов с живущими среди них необычными рыбами. Их живые яркие цвета немного смягчались за счет рассеяния частиц воды, притуплявшего красные, оранжевые и желтые цвета и оставлявшего только тусклые зеленый и голубой оттенки. Питт с Джесси размеренно гребли ластами, двигаясь на расстоянии вытянутой руки над чудесными и экзотическими подводными джунглями, пристально наблюдая за стайкой маленьких скалярий, фугу и рыб-бекасов. Эта забавная сцена напомнила Дирку, как во время парада в честь Дня благодарения в «Мэйси» дети, гуляющие по Бродвею, рассматривают огромных мультяшных персонажей в виде шариков.
Внезапно Джесси вцепилась пальцами в ногу Питта, повернула его назад и показала вверх. Всего в двадцати метрах от них лениво проплывала стая барракуд. На первый взгляд их было не меньше двух сотен, каждая длиной не менее четырех футов. Одна за другой они начали кружить вокруг водолазов, из любопытства выкатывая на них глаза-бусинки. Затем в мгновение ока уплыли вдаль и исчезли из виду, видимо решив, что люди недостойны большего внимания.
Когда Питт снова развернулся, он увидел, как из размытого голубого занавеса появился Руди Ганн. Он остановился и попросил их поторопиться. Тогда Дирк снова сложил «V» пальцами в знак успеха.
Смысл был понятен. Ганн энергично взмахнул ногой и стремительно начал подниматься под углом вверх, пока не заплыл на тридцатифутовую высоту над коралловым ковром. Питт и Джесси поспешили за ним.
Они преодолели почти сто ярдов, и Руди вдруг замедлился и перевел тело в вертикальное положение, указывая вперед побледневшей рукой и слегка согнув палец, напоминая своим видом старуху-смерть с косой.
Словно замок с привидениями, надвигавшийся на них из тумана Йоркширских болот, из водного мрака выступил зловещий и таинственный силуэт «Циклопа». Даже почудилось, что внутри его таится какая-то невыразимая сила.
Питту приходилось бывать во многих разных местах кораблекрушений, он был первым человеком, обнаружившим «Титаник», но, глядя на легендарный потерянный корабль-призрак, Дирк оцепенел в благоговейном трепете. Тот факт, что «Циклоп» стал могилой для более чем трехсот человек, только сгущал его мрачную ауру.
Затонувший корабль лежал на левом боку под углом около двадцати пяти градусов, повернувшись носом на север. Матушка-природа устелила его иловым покрывалом, а на самом незваном госте разместила жить своих подводных обитателей.
Корпус и надстройка корабля были покрыты морскими организмами всех мыслимых видов – губки, ракушки, разноцветные анемоны, пушистые морские папоротники и длинные водоросли грациозно раскачивались в потоках воды, словно руки танцоров. Удивительно, но корабль был почти не поврежден, если не брать во внимание искривленный нос и три сломанных подъемных крана для погрузки руды.
Вскоре они нашли Джордино, деловито счищавшего наросты на корпусе под перилами кормы. Когда они приблизились, он повернулся и показал результат своей работы. На корпусе выпуклыми буквами было написано имя корабля – «Циклоп».
Питт посмотрел на оранжевые водолазные часы «Докс». Казалось, что со времени падения дирижабля пролетела уже целая вечность, хотя на самом деле они выбрались из гондолы всего девять минут назад. Необходимо было следить за временем, чтобы успеть пополнить запасы

кислорода. Им еще предстояло обыскать затонувшее судно, и в запасных баллонах пока что было достаточно воздуха для декомпрессии. Но все же запасов было маловато.
Он проверил манометр Джесси, после чего перевел взгляд на ее глаза. Они были чистыми и яркими. Она медленно дышала в ровном ритме. Дама вскинула вверх большой палец и кокетливо подмигнула. В это мгновение она забыла о том, что совсем недавно им удалось вырваться из объятий смерти в «Проспертире».
Питт подмигнул в ответ. «Кажется, ей это нравится», – подумал он про себя.
Четверо водолазов обшарили корму и начали пробираться дальше к носовой части корабля, жестами подавая друг другу сигналы. Двери кормовой рубки сгнили, а палубу из тикового дерева проели черви. К чему ни прикоснешься, все было покрыто грязным ковром ила.

Гюйсшток
[9]
был совершенно голым, видимо, висевший на нем флаг Соединенных Штатов уже давно сгнил. Две кормовые пушки уставились пустыми жерлами назад, немые и заброшенные. Словно часовые, над обломками вентиляторных труб, швартовых кнехтов
[10]
и перил возвышались два близнеца-дымохода, а с заржавевших лебедок до сих пор свисали прогнившие мотки проволоки и кабелей. Каждый уголок развалин служил домом для колючих морских ежей, крабов и других морских обитателей.

Изучив фотографии «Циклопа», Дирк знал, что обыск кормовой части судна – пустая трата времени. Дымовые трубы располагались как раз над машинным отделением и каютами экипажа. Если статуя Ла Дорады была здесь, то, скорее всего, ее разместили в общем грузовом отсеке под мостиком и баком. Питт жестом показал остальным, чтобы продолжали поиски, двигаясь к носовой части.
Они медленно и осторожно проплыли по переходному мостику, простиравшемуся над искореженными люками для загрузки угля, обогнули огромные грейферные ковши и пробрались под проржавевшими деррик-кранами, которые тянулись вверх, к преломленным солнечным лучам. Несложно было понять, что «Циклоп» погиб быстро и мучительно. Гниющие остатки шлюпок навсегда приросли к шлюпбалкам, а надстройка выглядела так, будто ее смяли ударом гигантского кулака.
В сине-зеленой тьме медленно вырисовывался необычный прямоугольный силуэт мостика. Две опоры с правой стороны были выгнуты, но наклон корпуса налево компенсировал этот угол. Странная картина – в отличие от остальной части корабля, мостик стоял почти строго горизонтально.
Темнота за дверью рулевой рубки на другой стороне корабля выглядела зловеще. Питт включил водолазный фонарик и медленно заплыл внутрь, стараясь не слишком резко двигать ластами, чтобы не потревожить ил на палубе. Тусклый свет просочился сквозь покрытые слизью иллюминаторы на носовой переборке. Мужчина смахнул грязь со стекла корабельных часов. Потускневшие стрелки застыли на 12.21. Он также обратил внимание на большую вертикальную подставку для компаса. Внутрь прибора все еще не пробралась вода, и стрелка свободно плавала в керосине, указывая точно на магнитный север. Питт отметил, что курс корабля был триста сорок градусов.
По бокам полки, где обжилось семейство губок, становившихся ярко-красными при свете фонарика, стояли еще два прибора величиной от пола до самого потолка. Любопытный Дирк зашел с левой стороны и, стерев ил и водоросли, с трудом различил сквозь стекло слова-команды: «ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!», «СРЕДНИЙ ВПЕРЕД!», «МАЛЫЙ ВПЕРЕД!», «САМЫЙ МАЛЫЙ ВПЕРЕД!», «СТОП МАШИНА!» и «ЗАГЛУШИТЬ ДВИГАТЕЛИ!». Это был телеграф, передающий команды в машинное отделение. Дирк заметил, что медная стрелка указывала на «ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!». Он переплыл к телеграфу с правой стороны полки и вытер стекло. Стрелка показывала на команду «ЗАГЛУШИТЬ ДВИГАТЕЛИ!».
Джесси плыла примерно в восьми футах позади его. Внезапно она издала булькающий крик, отчего у мужчины на затылке волосы стали дыбом. Он мгновенно развернулся, испугавшись, что в нее вцепилась акула, но увидел, что женщина лихорадочно тычет пальцем на что-то, выступающее из ила.

На них смотрели пустые глазницы двух человеческих черепов, погруженных в ил до носовых отверстий. Питту начало казаться, что за ним кто-то наблюдает. Скелет еще одного матроса опирался о штурвал, костяная рука была зажата между рукоятями. Питт подумал, что один из скелетов мог быть останками злосчастного капитана Уорли.

Больше здесь не на что было смотреть, поэтому Питт повлек Джесси за собой к выходу из рулевой рубки и спустился вниз по трапу к каютам экипажа и пассажиров. Почти в то же время Ганн и Джордино исчезли в люке небольшого грузового отсека.

В этой части корабля ила оказалось не так много, его слои были не толще одного дюйма. В конце трапа начинался длинный коридор с маленькими отсеками по бокам. В каждом из них виднелись койки, фарфоровые раковины умывальников, разбросанные личные вещи и скелетные останки пассажиров. Вокруг плавало множество мертвецов, Питт вскоре сбился со счета. Он остановился и добавил кислорода в компенсатор плавучести, чтобы тело легче удерживалось в горизонтальном положении. Малейшее движение ластами у дна взбалтывало воду и поднимало вверх большие тучи мутного ила.

Питт положил руку на плечо Джесси и посветил фонариком в маленькое помещение с ванной и двумя туалетами. Он вопросительно поднял брови. Она улыбнулась через мундштук и смешно покачала головой, давая отрицательный ответ.

Дирк случайно задел кнопкой выключения фонарика паропровод, проложенный по потолку, и свет сразу же погас. В темноте воцарилась полная тишина, такая гнетущая и тягостная, будто их упрятали в гроб и захлопнули крышку. Питт не особо горел желанием плыть дальше в непроглядной тьме могилы, имя которой «Циклоп», поэтому снова включил фонарик, осветив яркую желто-красную ораву губок, обосновавшуюся на потолке коридора.

Вскоре стало очевидно, что здесь не найти никаких следов статуи Ла Дорады. Они проплыли назад через мрачный коридор и вынырнули на палубу у полубака. Джордино, ожидающий их возле люка, пригласил следовать за ним в приоткрытую дверь. Питт протиснулся вовнутрь, лязгнув металлическим баллоном о дверную раму, и провалился вниз по прогнившей лестнице. Он проплыл через помещение, похожее на багажно-грузовой отсек, поднимая ввысь гнилой мусор, и направился к неземному свету водолазного фонарика Ганна. Он проплыл над бесформенной грудой костей. Челюсти черепа были широко открыты, словно застыли в крике ужаса.

Ганн внимательно осматривал содержимое большого прогнившего грузового ящика. Между ящиком и стенкой были зажаты жуткие останки двух мужчин.

На миг сердце Питта забилось быстрее обычного. Он ожидал увидеть самый бесценный морской клад, ярко прорисованный в воображении. Но Ганн поднял голову, и Дирк увидел в его глазах только разочарование.

Ящик был пуст.

Однако обыск грузового отсека, на который они уже не возлагали особых надежд, неожиданно закончился поразительной находкой. В темном углу, словно брошенная резиновая кукла, лежало тело в глубоководном водолазном костюме. Его руки были вытянуты в разные стороны, а штанины заправлены в тяжелые ботинки на высокой подошве, как у Франкенштейна. Голову и шею закрывали грязный водолазный шлем из меди и нагрудник. Будто мертвые серые змеи, на полу в связке валялись водолазный шланг и телефонный кабель водолаза. Они были разорваны примерно в шести футах от соединения со шлемом.

Судя по слою ила и слизи на водолазном костюме, он пролежал здесь много лет. Питт вытащил нож из правого ботинка и попытался ослабить гайку, крепившую лицевое стекло шлема. Поначалу она поддавалась слабо, но вскоре он уже мог выкрутить ее пальцами. Мужчина снял лицевое стекло и направил свет фонаря вовнутрь. Резиновый костюм и надежный шлем сберегли тело от разрушительной морской воды, на голове и до сего времени сохранились волосы и остатки плоти.

Питт и его команда оказались не первыми, кто успел исследовать ужасные тайны «Циклопа». Кто-то уже побывал на корабле и ушел отсюда, забрав главное сокровище – Ла Дораду.

Дирк посмотрел на свои старые часы «Докс» и высчитал время остановок для декомпрессии. Для надежности он накинул по дополнительной минуте к каждой остановке, чтобы не допустить выхода пузырьков газа из их крови и тканей и предотвратить боли в конечностях и суставах.

После того как они покинули «Циклоп», им пришлось заменить почти пустые баллоны кислорода на резервные запасы, спрятанные рядом с гондолой, и подниматься вверх на поверхность. Через несколько футов Ганн и Джордино добавили воздуха в компенсаторы плавучести, чтобы поддерживать нужную глубину, перетаскивая за собой в руках громоздкий сверток.
В водянистом мраке под ними исчезал «Циклоп», покинутый и обреченный на забвение. Пройдет еще несколько десятилетий, и его дряхлые стены обвалятся, а спустя столетие беспокойное морское дно укроет жалкие останки корабля пеленой ила, оставив на нем только несколько кораллов, напоминающих цветы на могиле.
Вода на поверхности моря над ними сильно взбаламутилась. На следующей остановке для декомпрессии они почувствовали приближаюхциеся толчки громадных волн и начали держаться поближе друг к другу. Они уже не могли позволить себе остановку на двадцатифутовой глубине. Запасы кислорода заканчивались, поэтому малейшие задержки могли привести к смерти. Выбора не было, оставалось только выбираться на поверхность и бороться с бурей.
Джесси выглядела спокойной и уверенной. Питт сообразил, что она не подозревает, что их ждет наверху. Больше всего ей сейчас хотелось просто увидеть небо над головой.
Дирк последний раз сверился с часами и поднял вверх большой палец. Они начали подниматься друг за другом, Джесси держалась за ногу мужчины, остальные тянули сверток следом. Свет становился все ярче, и когда Питт поднял голову, то всего в нескольких футах над собой неожиданно увидел пену от волн.
Он выплыл на поверхность прямо в ложбине волны, и его подняло огромной покатой стеной зеленоватой воды над гребнем с такой легкостью, будто он был резиновой игрушкой. Ветер свистел в ушах, море стегало по щекам плетью из брызг. Мужчина задрал на лоб маску и заморгал. По небу с востока над серо-зеленым морем надвигались черные как уголь кучевые облака. Шторм приближался с ужасающей скоростью. Он будто перепрыгивал из одной части горизонта на другую.
Джесси вынырнула рядом и сразу же уставилась на приближавшиеся черные тучи широко раскрытыми от испуга глазами. Дама выплюнула мундштук и прокричала:
– Что это?
– Ураган, – громко ответил Питт. – Он приближается быстрее, чем мы думали.
– Боже мой! – . всхлипнула она.
– Снимите пояс и отстегните баллоны с кислородом, – попросил он.
Просить остальных не пришлось. Они уже сбросили водолазные принадлежности и принялись разрывать сверток. Тучи сошлись над головами, погрузив их в бесцветную сумеречную тьму. Жестоким силам природы удалось застать их врасплох. Ветер завыл в два раза сильнее, разбрасывая морскую пену, поднимая брызги и взбивая волны.
Внезапно сверток, который они с таким упорством тащили с собой весь путь от «Проспертира», превратился в надувную лодку с компактным мотором в водонепроницаемом пластиковом корпусе, мощностью двадцать лошадиных сил. Джордино и Ганн забрались в нее и сорвали крышку мотора. Свирепый ветер мгновенно унес лодку вдаль от Питта и Джесси. Расстояние между ними угрожающе увеличивалось.
– Якорь! – взревел Питт. – Сбросьте якорь!
Приятель едва расслышал уносимый ветром вопль Питта. Он стянул брезент с конусообразного мешка возле противоположного борта лодки, внутри которого лежал стальной обруч. Поспешно намотав трос на кнехт, он выбросил его в воду с носа. Как только якорь зацепился, нос лодки развернулся против ветра, и она замедлилась.
Пока Джордино возился с мотором, Ганн кинул трос мистеру Дирку, тот обвязал им женщину под руками, и они поплыли к лодке, уворачиваясь от волн. Маску сорвало с головы, и соленые брызги начали хлестать прямо в глаза. Когда Питт увидел, что море уносит лодку быстрее, чем он плывет, то постарался удвоить усилия.
Мускулистые руки Джордино потянулись вниз и схватили запястья Джесси; он затащил ее в лодку так легко, будто она весила не больше, чем десятифунтовый морской окунь. Питт щурил глаза, глядя сквозь узкие щелочки. Ничего не замечая, он почувствовал, как трос упал ему на плечо. Он смог разглядеть только ухмыляющееся лицо Джордино. Тот склонился над бортом и

наматывал трос. Через несколько секунд Питт уже лежал на дне раскачивающейся лодки, тяжело дыша и протирая глаза от соли.
– Опоздай я немного, и трос не достал бы до тебя! – прокричал Джордино.
– Ну так ты где-то там развлекался, вот и подоспел только к самой последней минуте! – криком ответил Питт.
Услышав дерзкий ответ товарища, Эл картинно закатил глаза и вернулся к мотору.
Теперь им угрожала другая опасность. Любая более-менее крупная волна могла перевернуть лодку, пока мотор не был заведен. Чтобы хотя бы на время уменьшить эту угрозу, Питт и Ганн выбросили за борт мешки с балластом.
Сила ветра все возрастала, словно в кошмарном сне. Вихри хватали их за волосы, били по телам, а морские брызги врезались в кожу. Маленькая надувная лодка сгибалась под давлением чудовищных волн и вертелась под порывами ветра, но все же ей удавалось не опрокинуться.
Питт встал на колени на жесткое резиновое дно лодки, сжимая трос в правой руке, и повернулся спиной к ветру. Затем вытянул вверх левую руку. Этот старый морской прием всегда работал в Северном полушарии. Его левая рука должна была указывать точно в самый центр бури.
Он определил, что лодка находится немного в стороне от центра. Но все же относительного спокойствия, чтобы немного восстановить силы, ждать не следовало. Основное око бури проходило не менее чем в сорока милях к северо-западу. Худшее было еще впереди.
Прямо над ними прокатилась волна, потом еще одна – ударив одна за другой, они могли бы переломить пополам более крупное и крепкое судно. Но небольшая и упругая надувная лодка несколько раз крутанулась и снова выровнялась, как игривый морской котик. Им повезло, что удалось удержаться и никого не смыло за борт.
Наконец-то Эл сумел завести мотор, о чем он сразу жестами сообщил остальным. Завывания ветра оказались настолько сильны, что за ними невозможно было услышать рокот мотора. Питт и Ганн торопливо подняли из моря якорь и мешки с балластом.
Дирк сложил руки рупором и прокричал в ухо приятелю:
– Плыви по ветру!
Отклониться в сторону от курса было невозможно. Сила ветра и волн снова развернула бы их. Двигаться носом вперед к урагану означало бы верную смерть. Единственная их возможность выжить – двигаться по пути наименьшего сопротивления. Джордино мрачно кивнул и нажал рычаг. Лодка резко развернулась и устремилась вперед по течению моря, которое становилось белым от брызг. Все, кроме Джордино, старались как можно плотнее прижаться к дну лодки. Тот сидел, одной рукой крепко сжимая страховочный трос, а другой управляя лодкой.
Свет дня медленно померк, уже через час наступала ночь. Воздух был настолько горячим и душным, что стало тяжело дышать. Из-за стены воды, поднятой ураганным ветром, дальше трехсот метров уже ничего не было видно. Питт позаимствовал водолазную маску Ганна и поднял голову над носом лодки. Ощущение было такое, что он стоит под Ниагарским водопадом и смотрит снизу вверх.
Джордино почувствовал, как подступает леденящее чувство безысходности, когда ураган вокруг завыл на полную мощность. То, что им до сих пор удавалось выжить, само по себе было огромным чудом. Он отчаянно сражался с бурным морем, пытаясь укрыть их оазис от волн и не зная, на что надеяться. Постоянно переключая рычаги, он старался проплывать за высокими гребнями волн, каждые несколько секунд с опаской оглядываясь на широкие впадины, преследовавшие их позади.
Эл знал, что от смерти их отделяют минуты, максимум – час, если сильно повезет. Проще было развернуть лодку поперек и сдаться воле природы. Он мельком глянул вниз и увидел широкую ободряющую улыбку Питта. Если этот человек, с которым они дружили на протяжении почти тридцати лет, и чувствовал приближающуюся смерть, он совершенно не подавал виду. Дирк весело махнул ему рукой и снова начал выглядывать вперед над носом лодки. Джордино горел желанием узнать, что же он там высматривает.
Питт присматривался к волнам. Они поднимались все выше и круче, ветер гонял белых пенных барашков с вершин во впадины. Дирк оценил расстояние между гребнями и заметил, что они скучивались вместе, словно строй марширующей колонны, и замедляли лодку.
Дно подступало все ближе. Большие волны швыряли их на мелководье.
Питт изо всех сил напрягал глаза, чтобы увидеть, что находится за водным занавесом впереди. Постепенно он начал различать очертания темных силуэтов. Волны бились о черные скалы и

откатывались назад в море белой пеной. Вода подскакивала ввысь, когда волны прилива сталкивались с волнами, откатывающимися от скал. Затем, когда прибой на мгновение утих, он заметил невысокий риф, торчащий из моря параллельно скалам, которые стеной стояли перед широким пляжем. «Должно быть, это кубинский остров Кайо-Санта-Мария», – подумал он.

В ту же секунду Питт осознал, что впереди их ждет новое кошмарное испытание – не разбиться об острые прибрежные скалы и не порваться в клочья на коралловых рифах. Он вытер соленые капли со стекла маски и вновь уставился вперед. И тогда наконец-то увидел единственную возможность выжить среди чудовищного водоворота.

Джордино тоже заметил ее – небольшую бухту между скалами. Он направил лодку туда, хотя и понимал, что добраться будет еще сложнее, чем отпустить штурвал и попробовать вдеть нитку в иголку во время такой сумасшедшей качки.

Всего за каких-то полминуты шторм и ветер отнесли их вперед на сотню ярдов. Возле рифа пена становилась грязной, а ветер так сильно резал глаза, что увидеть что-либо во тьме было совершенно невозможно. Лицо Джесси побледнело, она неподвижно лежала на дне лодки. На мгновение она встретилась глазами с Питтом, дама была вне себя от страха, но все еще доверяла ему. Его рука крепко обнимала ее талию.

Внезапно тяжелая морская волна нависла над ними, словно горная лавина. Винт за бортом выбивался из сил, борясь со стихией, но его рокот тонул в шуме прибоя. Ганн что-то прокричал, но никто не услышал его слов. Навесная волна накрыла лодку и с фантастической силой ударилась об нее. Питт увидел, как страховочный трос вырвался из рук мужчины и взмыл в небо, будто воздушный змей, сорвавшийся с привязи.

Волна протащила похороненную в морской пене лодку над рифом. Кораллы врезались в резиновый борт, выпуская воздух из камер. Даже тысячи лезвий не смогли бы сильнее исковеркать лодку. Плотное твердое дно закружилось в водовороте. Через мгновение они полностью ушли под воду. Затем маленькая надувная лодка снова всплыла на поверхности воды за рифом, и теперь всего пятьдесят ярдов воды отделяло их от мокрых и темных нависающих скал.

Ганн, задыхаясь, вынырнул всего в паре метров от них. Питт мгновенно нашел выход, схватив его за ремень компенсатора плавучести и затащив назад на борт. Но на второе скорое спасение нельзя было надеяться. Следующая волна пронеслась над рифом, ревя как дикое животное, убегающее от стихийного бедствия.

Джордино упорно цеплялся за мотор, тот все так же уверенно урчал, стараясь работать изо всех сил. Каждому было понятно, что их скромное суденышко разорвано в клочья. Оно держалось на поверхности воды только за счет воздуха, еще не успевшего покинуть камеры.

Они уже почти добрались до щели между скалами, когда их настигла волна. На огромной скорости она влетела во впадину и еще сильнее взмыла ввысь. Все быстрее и быстрее волна неслась к скалистой линии берега.

Питт поднял голову. Грозная стена воды склонилась над ними, вода бурлила, словно кипящий котел. Лодка подпрыгнула прямо перед волной, и на мгновение он подумал, что, возможно, высокий вал вынесет их на берег. Но волна внезапно свернулась и подалась вперед, врезаясь в скалы возле щели с сокрушительным громогласным звуком и выбрасывая пассажиров из разорванной лодки прямо в водоворот.

Вдалеке Дирк услышал крик Джесси. Этот вопль пронзил его помутившееся сознание, и мужчина изо всех сил заорал в ответ, но затем все померкло. Лодка с такой силой ударилась о воду, что мотор оторвался и вылетел на пляж.

Больше Питт ничего не помнил. Черный водоворот обхватил его, и он ушел под воду.

Человек, который был движущей силой колонии Джерси, лежал на офисном диване внутри тайной штаб-квартиры проекта. Он прикрыл глаза и раздумывал о встрече с президентом на поле для гольфа.

Леонард Хадсон превосходно знал, что президент не будет смирно сидеть и ждать их нового спонтанного свидания. Глава государства был очень напористым человеком, он никогда не оставлял ничего на волю случая. Хотя источники Хадсона в Белом доме и спецслужбах не сообщали ему о каких-либо признаках расследования, он был уверен, что президент мог догадаться, как проникнуть в недра «внутреннего ядра».

Он предполагал, что ловушки президента уже расставлены.

В дверь мягко постучала секретарша и затем вошла в комнату:
– Извините, если помешала, но господин Штейнмец уже на связи и хочет поговорить с вами.
– Подойду через минуту.
Привести мысли в порядок для Хадсона было так же легко, как и завязать шнурки. Словно компьютер, он решал одну задачу за другой. Он мог легко соединиться с товарищем, хотя тот находился на расстоянии четырехсот километров от Земли.
Эли Штейнмец был отличным инженером, он мог найти техническое решение любой проблемы, а затем реализовать его своими же руками. Именно его талант к импровизации и был главной причиной, почему Хадсон решил сделать его руководителем колонии Джерси. Окончив Калифорнийский технологический институт с дипломом магистра, он поступил в Массачусетский технологический институт, а впоследствии руководил строительными проектами в половине стран мира, даже в России.
Когда «внутреннее ядро» предложило Штейнмецу построить первое человеческое поселение на Луне, он взял целую неделю на размышления, чтобы сопоставить блестящую идею с реальными возможностями воплотить в жизнь такой проект. Наконец ученый принял предложение, но только добавив несколько условий.
Он, и только он, мог набирать команду людей, которые отправятся жить на Луну. Эли решил не задействовать ни лучших американских астронавтов, ни даже пилотов. Все космические полеты должны были управляться компьютерами с Земли. На базу должны отправиться только те, чей род деятельности был там жизненно необходим. Первыми тремя людьми, отправленными на Луну, не считая самого Штейнмеца, были инженеры по солнечной энергетике и инженеры-строители. Спустя месяц к ним добавились доктор-биолог, геохимический инженер и ученый-садовод. Потом руководитель отобрал остальных ученых и специалистов с нужными ему навыками и знаниями.
Сначала его считали слишком старым для полета. Ему было пятьдесят три года, когда он ступил на Луну, а теперь исполнилось пятьдесят девять. Но Хадсон и другие члены «внутреннего ядра» ни разу не пожалели о своем выборе, посчитав, что в таком деле возраст сполна компенсируется опытом.
Теперь Хадсон через монитор смотрел на собеседника, держащего в руках бутылку с разрисованной этикеткой. В отличие от других колонистов, лицо Штейнмеца всегда было гладко выбритым, а голова совершенно лысой. Его кожа немного потемнела, дополняя аспидно-черный цвет глаз. Несмотря на то что руководитель колонии был американским евреем в пятом поколении, он мог бы спокойно пройти через мусульманскую мечеть, не обратив на себя ни малейшего внимания.
– Ну, как насчет нескольких глотков для уверенности? – спросил Штейнмец. – Лунное «Шато Шардоне» 1989 года. Оно, конечно, не сильно выдержанное. Винограда хватило всего на четыре бутылки. Мы могли бы еще год хранить его в теплицах, чтобы оно выдержалось, но терпение лопнуло.
– Я смотрю, ты даже закупорил себе личную бутылочку, – заметил Хадсон.
– Да, наш пробный химический завод работает на полную. Мы решили увеличить производительность и можем теперь переработать почти две тонны лунной почвы в двести фунтов смеси металла или пятьсот фунтов стекла за пятнадцать дней.
Штейнмец сидел за длинным широким столом посреди небольшой пещеры. На нем была легкая хлопчатобумажная рубашка и шорты.
– Круто выглядишь. Удобно, наверное? – сказал Хадсон.
– Удобство – первая потребность космонавтов после приземления, – улыбнулся Штейнмец. – Забыл, что ли?
– Помню! Хочется прежде всего закрыть вход в пещеру и герметизировать ее, чтобы можно было работать в уюте, не надевая скафандры.
– Ты не можешь представить, какое это облегчение – восемь месяцев проходить в проклятых скафандрах, а затем сменить их на нормальную одежду.
– Мерфи, следящий за температурой ваших тел, сказал, что стены пещеры увеличивают скорость поглощения тепла. Он предложил, чтобы, когда все выйдут, на полградуса повернуть рычаг солнечных коллекторов.
– Я подумаю над этим.
Хадсон помолчал.

– Осталось недолго, Эли.
– Многое изменилось, пока меня не было на Земле?
– Все по-старому, только больше смога, пробок и людей. Штейнмец засмеялся:
– Пытаешься уговорить меня остаться здесь на второй срок, да, Лео?
– Даже и не мечтай. Когда ты вернешься к нам, то станешь самым авторитетным ученым со времен Линдберга.
– Нужно будет не забыть перетащить все записи на корабль за двадцать четыре часа до отлета.
– Надеюсь, тебе не придет на ум откупорить лунное вино до возвращения.
– К сожалению, мы собираемся закатить прощальную вечеринку, и у нас будет достаточно времени для распития спиртных напитков.
Хадсон отбросил попытки зайти издалека и решил сказать напрямую:
– Вам придется иметь дело с русскими перед отлетом, – монотонно произнес он.
– Мы это уже проходили, – твердо ответил Штейнмец. – Но я сомневаюсь, что они высадятся на расстоянии ближе двух тысяч миль от колонии Джерси.
– Тогда найдите их и уничтожьте. У вас есть оружие и нужное снаряжение для такой задачи. Их ученые безоружны. Они даже не подозревают, что на них могут напасть люди, уже находящиеся на Луне.
– Мы с парнями с радостью защитим наше гнездо, но не думаю, что нападать на безоружных и безобидных людей – хорошая идея.
– Послушай, Эли, – разочарованно сказал Хадсон. – От них исходит вполне серьезная угроза. Если Советы узнают о существовании колонии Джерси, то сразу начнут планировать вторжение. Когда вы отправитесь на Землю за менее чем через двадцать четыре часа после того, как на Луну высадятся русские, колония будет пустовать и станет легкой добычей для них.
– Я все прекрасно понимаю, как и ты, – резко ответил Штейнмец, – и ненавижу эту ситуацию еще сильнее. Самое печальное – мы не можем отложить наш отлет. Мы и так уже перешли все пределы. Я не могу заставлять других торчать здесь еще шесть месяцев, или год, или пока твои приятели не вызовут нам другой корабль и он не заберет нас на Землю. Можем списать все это на невезение. Или на то, что о графике высадки русских мы узнали слишком поздно, чтобы отменить отлет.
– Луна принадлежит нам по праву, – сердито возразил Хадсон. – Американцы первыми ступили на ее поверхность, первыми колонизировали ее. Ради бога, скажи, Эли, почему мы должны так просто отдать ее охочим до чужого добра коммунякам?
– Черт возьми, Лео, Луны хватит для всех. Кроме того, здесь далеко не рай. За пределами этой пещеры температура днем и ночью может достигать двухсот пятидесяти градусов по Цельсию. Думаю, даже если мы построим здесь казино с азартными играми, никакого толку не будет. Слушай, если советские космонавты и проникнут в колонию, они ничего толком не узнают. Мы заберем с собой на Землю все накопленные сведения. А то, что нельзя забрать, можно уничтожить…
– Не будь идиотом. Зачем уничтожать то, что могут позже использовать следующие колонисты, которые приедут туда насовсем? Им нужно будет знать как можно больше.
В экране Штейнмец легко мог увидеть, как покраснело от ярости лицо Хадсона, находившегося от него на расстоянии в 240 тысяч миль.
– Я обозначил свою позицию, Лео. Если потребуется, мы защитим колонию Джерси, но не рассчитывай, что мы отправимся убивать ни в чем не повинных космонавтов. Одно дело – выстрелить в беспилотный космический зонд, и совсем другое – убить таких же людей, как и мы, за то, что они просто высадятся на Луну. Они имеют на это полное право.
После его слов наступило неловкое молчание. Впрочем, ничего другого от Штейнмеца Хадсон и не ожидал. Руководитель вовсе не был трусом. Хадсон много раз слышал о его спорах и драках. Штейнмеца можно было сбить с ног и изрядно повалять по полу, но когда он поднимался, то продолжал биться еще более яростно, будто в него вселился десяток дьяволов. Невозможно было упомнить все истории, в которых он избивал посетителей грязных трущобных кабаков.
Хадсон решил прервать тишину:
– А вдруг советские космонавты совершат посадку в пределах пятидесяти миль? Хоть тогда ты поймешь, что они намерены прибрать к своим рукам колонию Джерси?
Собеседник заерзал в каменном кресле, не желая уступать.

– Вот подождем – и увидим.
– Еще никто никогда не выигрывал сражение, отсиживаясь в обороне, – убеждал Хадсон. – Давай договоримся: если они высадятся в этих пределах и будут двигаться к колонии, то вы без промедления атакуете их.
Штейнмец склонил лысую голову в знак согласия.
– Раз уж ты настаиваешь, то у меня нет выбора.
– Ставки слишком высоки, – сказал Хадсон. – У тебя и так не будет выбора.

Туман в голове Питта постепенно рассеялся, и одно за другим начали пробуждаться чувства, включаясь последовательно, словно лампочки в контактной сети. Он изо всех сил напрягся, чтобы открыть глаза и осмотреться. Добрых полминуты мужчина рассматривал сморщившуюся от долгого пребывания в воде левую руку, затем перевел взгляд на оранжевый циферблат водолазных часов, будто видел их впервые.
В сумеречном полумраке люминесцентные стрелки часов показывали 6.34. Прошло всего два часа с тех пор, как они выбрались из разрушенной гондолы. А казалось, что все это произошло в какой-то другой, прошлой жизни.
Над морем по-прежнему ревел ветер, несшийся, словно скорый поезд, а за спиной слышался шум волн вперемешку с шелестом дождя. Он попытался подняться на колени, но ноги словно увязли в цементе. Стало ясно, что прибой наполовину занес их песком.
Питт пролежал так еще несколько секунд, собираясь с силами и наблюдая, как море выбрасывает на пляж потрепанные обломки плавучего мусора. По обе стороны от него, словно многоэтажные дома, вздымались огромные валуны. Когда сознание вернулось, он подумал, что Джордино все-таки смог спасти их, ему удалось направить лодку в узкий просвет в скалистой гряде.
Спустя несколько мгновений сквозь вой бури он расслышал слабый голос Джесси. Питт вытащил ноги из песка, привстал на колени, шатаясь под порывами ветра, и прочистил горло и нос от морской воды.
Спотыкаясь и падая на жгучий песок, он пополз на зов и вскоре нашел измученную Джесси. Мокрые волосы тяжело спадали ей на плечи, а на коленях женщины покоилась голова Ганна. Она рассеянно обернулась, заметила Дирка и с облегчением вздохнула:
– Питт, слава богу. – Ее голос потонул в шуме бури.
Мужчина протянул руки и ободряюще обнял спутницу. Затем перевел взгляд на Ганна, лежавшего в полубессознательном состоянии. Сломанная лодыжка распухла до размеров футбольного мяча. На голове сияла жуткая рана, а тело в нескольких местах было изрезано кораллами, однако он был жив и дышал ровно и глубоко.
Питт прикрыл глаза ладонью, словно козырьком, и осмотрел пляж. Джордино нигде не было видно. Сначала Дирк отказывался верить своим глазам. Он молча застыл, но вскоре пошел в сторону моря, отчаянно вглядываясь в кромешную темноту. Мужчина мельком увидел оранжевый проблеск в водовороте затихающих волн и догадался, что в воде все еще барахтается каркас их разорванной надувной лодки. Море отбрасывало его приливом, раскачивало, а затем снова толкало к берегу следующей волной.
Дирк вошел в воду по бедра, не обращая внимания на волны, закручивавшиеся вокруг него. Он нырнул под обломки лодки и начал шарить под ними, словно слепой. Пальцы нащупали лишь куски ткани. Чтобы окончательно убедиться, что там не осталось никаких следов друга, Питт схватил лодку и потащил к берегу.
Внезапно сзади образовалась большая волна и ударила его в спину. Каким-то образом ему удалось сохранить равновесие и вытолкнуть лодку на мелководье. Когда морская пена растворилась в воде, он увидел пару ног, торчащих из-под лодки. Потрясенный Питт не мог поверить очевидному и упрямо отказывался признавать, что Эл мог погибнуть. Забыв об урагане, он поднял остатки лодки и увидел тело Джордино. Оно плавало в воде в вертикальном положении, голова была втиснута в надувную камеру. Надежда сразу же вернулась к Питту, а следом пробудился и оптимизм.
Джордино должен был выжить.
Дирк снял камеру с его головы и склонился над лицом друга, втайне боясь увидеть на нем безжизненную бледность. Но оно было румяным, а грудь вздымалась, вдыхая воздух. Хоть

мелко и отрывисто, но он дышал. Маленького мускулистого итальянца спасло только то, что его голова застряла в камере с воздухом.
Внезапно Питт почувствовал, что полностью изнурен, буквально до мозга костей. Силы и мысли покинули его. Он устало покачнулся, ветер словно пытался его согнуть. Только твердая решимость спасти остальных помогла ему не сдаться и на этот раз. Двигаясь медленно и скованно из-за множества порезов и синяков, он обхватил Эла и поднял на руки. Сто семьдесят пять фунтов Джордино показались ему целой тонной.
Ганн уже пришел в себя, они с Джесси сидели, тесно прижавшись друг к другу. Он вопросительно посмотрел на Питта. Тот шел к ним, борясь с ветром и тяжестью тела Джордино.
– Нужно найти, где спрятаться от ветра! – прокричал Питт хрипловатым после соленой воды голосом. – Вы можете идти?
– Я помогу ему! – крикнула в ответ Джесси.
Она обхватила талию Ганна руками, уперлась ногами в песок и помогла приподняться мужчине. Еле дыша от тяжести, Дирк направился к пальмам, окружающим пляж. Каждые двадцать футов он оглядывался назад. Непонятно каким образом Джесси была единственной, кому удалось не потерять водолазную маску, поэтому только она могла смотреть вперед широко раскрытыми глазами, не опасаясь, что ветер засыплет глаза песком. Она несла на себе половину веса Ганна, который отважно ковылял рядом, прищурив глаза от жгучего песка и подволакивая жутко распухшую ногу.
Они кое-как добрались до деревьев, но укрыться там от урагана не удалось. Ветер сгибал пальмы почти до земли, их листья разлетались, словно куски картона из-под измельчителя. Кокосы отрывались от гроздей и падали вниз, будто пушечные ядра. Один из них задел плечо Питта, разодрав ничем не защищенную кожу своей шершавой кожурой. Казалось, они пересекали нейтральную полосу на фронте под артиллерийским обстрелом.
Дирк шел, низко пригнув голову, и щурился, глядя на землю прямо перед собой. Он врезался в ограждение из проволочной сетки так внезапно, что не сразу сообразил, что произошло. Спутники догнали его и остановились. Он посмотрел направо, потом налево, но не нашел, где можно пробраться за ограждение. О том, чтобы попробовать перелезть сверху, не могло быть и речи. По верхнему краю десятифутового забора вилась колючая проволока. Питт заметил небольшой фарфоровый изолятор и понял, что сетка, кроме всего прочего, еще и подключена к электричеству.
– Куда дальше? – крикнула Джесси.
– Веди нас! – прокричал мужчина ей в ухо. – Мне ничего не видно.
Она кивнула и, подхватив Ганна, повернула налево. Шатаясь, они шли впереди, и каждый шаг давался с трудом из-за безжалостного ветра.
За десять минут они преодолели всего пятьдесят ярдов. Питт не мог осилить больше. Руки сильно затекли, он боялся уронить Джордино. Дирк закрыл глаза и считал шаги, правым плечом прикасаясь к ограждению, которое, как он решил, было обесточено бурей.
Питт услышал, что Джесси что-то кричит, и приоткрыл один глаз. Дама энергично указывала рукой куда-то вперед. Он опустился на колени, положил Джордино на землю и посмотрел. Безумный ветер выкорчевал пальму, поднял ее над землей, словно копье, и швырнул на забор, повалив его на песок.
Ужасно быстро небо потемнело, и наступила непроглядная ночь. Почти на ощупь, как слепцы, они перелезли через поваленный забор, шатаясь, падая и изо всех сил заставляя себя снова подниматься и не сдаваться. Джесси храбро продолжала вести всех вперед. Питт взвалил Джордино на плечо и ухватился за ремень водолазного костюма Ганна, не столько для поддержки, сколько из опасения потерять товарища.
Они прошли еще сотню ярдов. Затем еще столько же. А потом вдруг женщина со своим спутником буквально провалились под землю, словно их поглотила трясина. Питт отпустил Ганна и рухнул на спину, кряхтя от веса Эла, приземлившегося ему на грудь, из-за чего стало трудно дышать. Дирк выполз из-под Джордино и протянул руку вперед в темноту, но так ничего и не нащупал.
Джесси и Ганн скатились вниз по крутому восьмифутовому склону прямо в овраг. Питт сумел разглядеть их неясные силуэты, распластавшиеся друг на друге внизу.
– Вы целы? – спросил он.

– Мы уже столько натерпелись, что тяжело точно сказать. – Буря заглушала голос Ганна, но Питт почувствовал, что он произнес это сквозь стиснутые зубы.
– А Джесси?
– Я в порядке… Кажется.
– Вы сможете помочь мне спустить Джордино?
– Я попытаюсь.
– Спускай его вниз, – сказал Ганн. – Мы справимся.
Дирк подтащил Эла к краю склона и осторожно опустил его вниз за руки. Товарищи держали раненого за ноги, пока Питт сползал вниз, а затем снова подхватил тяжелого Джордино. Поудобнее положив его на землю, мужчина осмотрелся.
Овраг мог послужить убежищем от ураганного ветра. Здесь можно было больше не прикрываться от летящего по ветру песка, поэтому Питт наконец-то открыл глаза. По дну оврага проходила дорожка, сделанная из плотно слежавшихся измельченных ракушек. Казалось, что по ней мало кто ходил. Отсюда не было видно никаких проблесков огней, что, по мнению мистера Дирка, неудивительно, ведь перед бурей всех местных жителей явно эвакуировали подальше от берега.
Джесси с Ганном уже выбились из сил, они дышали отрывисто и коротко, громко хрипя. Дыхание Питта было быстрым и тяжелым, а сердце билось, словно паровой двигатель при полной нагрузке. Он поймал себя на мысли, что, несмотря на то, что они были полностью вымотаны и потрепаны, лежать в овраге, защищавшем их от бури, было райским наслаждением.
Спустя две минуты Эл начал стонать. Затем медленно сел и осмотрелся вокруг невидящими глазами.
– Господи Иисусе, что за темнота? – промычал он себе под нос, приходя в сознание.
Питт встал рядом с ним на колени и сказал:
– С возвращением на землю ходячих мертвецов.
Джордино протянул руку в темноту и ощупал лицо приятеля.
– Дирк?
– Собственной персоной.
– А где Джесси и Руди?
– Все здесь.
– Здесь – это где?
– Примерно в миле от берега. – Питт не стал ему объяснять, как они добрались до берега и оказались в овраге. – Об этом позже. Что у тебя болит?
– Все. В груди будто огнем жжет. Кажется, я вывихнул левое плечо и колено, а череп возле шеи ужасно пульсирует болью. – Он выругался. – Черт возьми, я всех подвел. Думал, что получится проскочить между скалами. Простите, я облажался.
– Поверишь, если я скажу тебе, что мы бы все отправились на морское дно кормить рыб, если бы не ты? – Питт улыбнулся, затем осторожно ощупал колено Джордино, думая, что у него разорваны сухожилия. После этого переключился на плечо. – Не знаю насчет твоих ребер, колена или дубового черепа, но плечо уж точно не на месте. Если ты в настроении, то я могу вернуть его куда нужно.
– Помнится, когда-то ты уже вправлял мне плечо, когда мы играли в футбол в школе. Врач нашей команды тогда такую бучу поднял. Мол, нужно было, чтобы он сам это сделал.
– Все потому, что он садист. – Питт обхватил руку Эла. – Готов?
– Давай, оторви ее.
Тот резко дернул, и сустав с громким хрустом стал на место. Джордино облегченно выдохнул.
Дирк немного порыскал в темноте возле дороги, нашел толстую сосновую палку и отдал ее Ганну в качестве костыля. Джесси придерживала своего спутника за руку, а Питт помог товарищу стать на здоровую ногу и обхватил вокруг талии.
На этот раз впереди шел Питт. Он наугад решил двигаться по дороге направо, держась рядом с высокой насыпью, укрывающей их от сильного натиска шторма. Теперь идти было легче. На дороге не было рыхлого песка, где увязали бы ноги, не было упавших деревьев, о которые можно было споткнуться, и даже струи дождя не хлестали их, потому что пролетали выше, над краем оврага. Они остались один на один с просторной и ровной дорогой, ведущей в кромешную темноту.

Примерно через час, по мнению Питта, друзья проковыляли около мили. Он собирался объявить привал, когда Джордино вдруг напрягся и остановился так резко, что выскользнул из рук друга и повалился на дорогу.
– Барбекю! – прокричал он. – Чувствуете? Кто-то жарит барбекю!
Питт принюхался и тоже почувствовал слабый аромат. Он поднял Эла и снова повел остальных вперед. Запах мяса, жаренного на углях, становился все ощутимее с каждым шагом. Пройдя полсотни ярдов, они наткнулись на большие железные ворота с решеткой в форме дельфинов. Стена, утыканная сверху кусками битого стекла, простиралась в темноту в обе стороны, но к ней была пристроена сторожка. Как и следовало ожидать, из-за бури она пустовала.
Ворота, уходящие в черное небо на добрых двенадцать футов, были заперты, но дверь сторожки оказалась открытой, поэтому Питт и остальные прошли через сторожку. Невдалеке от ворот дорога образовала круг прямо перед чем-то огромным, что в темноте показалось большим холмом. Подойдя ближе, они рассмотрели похожее на замок строение, крыша и три стены которого были облеплены землей и скрыты за пальмами и кустарниками. Фасад здания был полностью открыт для осмотра. На нем не было окон, только одна огромная дверь из красного дерева, мастерски вырезанная в форме рыбы.
– Напоминает затерянный египетский храм, – заметил Ганн.
– Если бы не вычурная дверь, – сказал Питт, – то я бы подумал, что это какой-то военный склад.
Джесси поправила их:
– Это землянка. Почва отлично спасает от плохой погоды и температуры. Она сделана по тому же принципу, что и дома из дерна, какие использовали раньше в американских прериях. Я знаю архитектора, занимающегося их проектированием.
– Кажется, она заброшена, – подметил Джордино.
Питт нажал на дверную ручку. Она поддалась. Мужчина слегка приоткрыл дверь. Откуда-то из темноты доносился аромат еды.
– Если бы она была заброшена, так бы не пахло, – произнес он.
Пол прихожей был вымощен плиткой в испанском стиле, помещение освещалось несколькими крупными свечами на высоких подставках. Стены из черного вулканического камня украшала лишь ужасная картина человека, висевшего над клыкастым ртом морского чудовища, похожего на змею. Они вошли внутрь, и Питт закрыл за собой дверь.
В помещении стояла мертвая тишина, слышен был только вой бури снаружи и их усталое дыхание.
– Кто-нибудь дома? – позвал Дирк.
Он еще дважды повторил вопрос, но ответа не было. Мрачный коридор манил пройти дальше, но Питт все никак не мог решиться. Он учуял еще один запах. Табачный дым. Еще более едкий, чем от сигар, какие курил адмирал Сэндекер. Питт не сильно разбирался в них, но знал, что дым у дорогих сигар намного более вонючий, чем у дешевых. Он предположил, что это был дым гаванских сигар высшего качества.
Мужчина повернулся к остальным:
– Что вы думаете?
– Разве у нас есть выбор? – удрученно спросил Джордино.
– Даже два, – ответил Питт. – Мы можем либо сами убраться отсюда, пока есть возможность, и продолжить борьбу со стихией. Возможно, когда ураган стихнет, сможем украсть лодку и сбежать назад во Флориду…
– Либо сдаться на милость кубинцам, – перебил Ганн.
– Все к этому идет.
Джесси покачала головой и бросила на него печальный взгляд.
– Нам нельзя уходить отсюда, – сказала она без тени страха. – Шторм не затихнет еще несколько дней, и никто из нас не готов к тому, чтобы продержаться там хотя бы четыре часа. Я думаю, нужно отдать наши судьбы в руки Кастро. В худшем случае посидим в тюрьме, пока Государственный департамент США не договорится о нашем освобождении.
Питт посмотрел на Ганна:
– Руди, что скажешь?
– Мы зажаты в угол, Дирк. Логика на стороне Джесси.
– Эл, а ты что думаешь?
Джордино пожал плечами:

– Дружище, если скажешь, я готов хоть вплавь отправляться обратно в Штаты.
Дирк знал, что он готов доказать свои слова делом.
– Будем честны, – продолжил Джордино, – нам долго не протянуть. Не хочу это говорить, но, кажется, нам лучше поднять белый флаг и сдаться.
Питт посмотрел на них и подумал, что о лучшей команде для таких приключений он и мечтать не мог. Не нужно быть предсказателем, чтобы понимать, что все складывается не лучшим образом.
– Ну, так уж и быть, – мрачно улыбнулся он. – Заглянем на вечеринку.
Они миновали коридор и вскоре прошли под аркой в огромную гостиную, отделанную в раннем испанском стиле. На гигантских настенных гобеленах красовались галеоны, дрейфующие под закатом солнца или беспомощно гонимые на рифы порывами штормового ветра. В меблировке чувствовалась склонность хозяина к морской тематике, комната освещалась старыми корабельными фонарями из меди и цветного стекла. В камине трещал огонь, поддерживая в помещении тепло.
В комнате не было ни души.
– Жуть, – прошептала Джесси. – У нашего хозяина ужасный вкус в декоре.
Питт поднял руку, призывая к тишине.
– Из той арки между рыцарскими доспехами раздаются голоса, – едва слышно сказал он.
Они зашли в другой коридор, слабо освещаемый свечами, расставленными через каждые десять футов. Смех и невнятные мужские и женские голоса доносились все громче. Проем арки на другом конце коридора был закрыт занавесом. Путники ненадолго остановились, затем отдернули занавес и вошли.
Они оказались в длинном обеденном зале, где за столами сидело около сорока человек, которые сразу же прервали разговор и уставились на Питта и его друзей благоговейным взглядом землян, встречающих первых космонавтов, вернувшихся из полета на орбиту.
Женщины были одеты в элегантные вечерние платья, половина мужчин носила смокинги, в то время как другая половина была облачена в военную форму. Прислуга стояла возле стола, застыв, словно на стоп-кадре фильма. Молчание было напряженным, будто натянутая струна. Такая сцена могла бы стать украшением для любой голливудской мелодрамы начала тридцатых годов.
Питт осознал, что они являли собой впечатляющее зрелище. Промокшие до нитки, в рваной одежде, синяках и ссадинах, со сломанными костями и порванными мышцами и волосами, облепившими голову, они были похожи на грязных крыс, вылезших из сточной канавы.
Дирк повернулся к Ганну и сказал:
– Как сказать «Простите за беспокойство» на испанском?
– Понятия не имею. Я учил французский.
Затем Питта осенило. Большинство военных были высокопоставленными советскими офицерами. Только один человек в форме, похоже, был кубинцем.
Зато Джесси оказалась в своей стихии. В глазах Питта она выглядела величественной, как королева, несмотря на то, что ее дизайнерский походный костюм превратился в рваные лохмотья.
– Среди вас найдется джентльмен, который предложит даме стул? – спросила она.
Прежде чем она дождалась ответа, в комнату ворвались десятеро человек с русскими автоматами и плотно окружили их. Военные с каменными лицами направляли оружие прямо в животы незваных гостей. Их взгляды отдавали холодом, а губы были сомкнуты в прямую линию. Питт не сомневался, что этим головорезам достаточно одной команды, чтобы открыть огонь.
Джордино, выглядевший так, будто его переехал мусоровоз, превозмогая боль, выпрямился во весь рост и посмотрел назад.
– Когда-нибудь видели столько радостных лиц? – непринужденно спросил он.

– Нет, – ответил приятель, улыбаясь. – Разве что на картинках битвы при Литтл-Бигхорне [11]
.

Джесси не слышала их. Будто под гипнозом, она плечами проложила себе дорогу между вооруженными охранниками и прошла во главу стола, пристально глядя на высокого седого мужчину, одетого в парадный вечерний костюм. Он потрясенно смотрел на нее, не веря своим глазам.
Она откинула назад мокрые спутанные волосы и сказала тихим властным голосом:
– Будь умницей, Рэймонд, налей жене бокальчик вина.

Хаген промчал девятнадцать миль к востоку от центра Колорадо-Спрингс по шоссе 94, пока не выехал на Энох-роуд. Затем повернул направо и подъехал к главному входу в Единый космический центр.
Двухмиллиардный проект был построен на шестистах сорока акрах земли, там работало около пяти тысяч военных и гражданских лиц, управляющих всеми военными космическими аппаратами, полетами многоразовых транспортных космических челноков и программами отслеживания спутников. Вокруг этого центра сосредоточилось все аэрокосмическое сообщество – словно грибы, выросли тысячи акров жилых комплексов, научных и промышленных парков, высокотехнологичных исследовательских и производственных предприятий, а также испытательных установок военно-воздушных сил. Всего десять лет назад здесь паслись небольшие стада коров, а теперь бывшее пастбище превратилось в столицу космонавтики всего мира.
Хаген показал пропуск, проехал на парковку и остановился напротив бокового входа в большое здание. Перед тем как выйти из машины, он открыл чемодан и вытащил потертый блокнот. Открыв страницу, где были написаны три имени, он вписал туда четвертое.

Рэймонд Лебарон… Местонахождение неизвестно.
Леонард Хадсон… То же самое.
Гуннар Эриксен… То же самое.
Генерал Кларк Фишер… Колорадо-Спрингс.

Звонком в отель Дрейк из лаборатории имени Паттендена Хаген дал знак своему старому другу из ФБР. Тот отследил номер Энсона Джонса и определил местожительство офицера на Питерсон Эир Форс Бейс за Колорадо-Спрингс. В доме проживал генерал-полковник Кларк Фишер, глава объединенного военнокосмического командования.
Представившись жене генерала инспектором по борьбе с вредителями, мужчина вошел в дом. К счастью, она посчитала, что его неожиданный приезд – это посланная небесами возможность побороть пауков, облюбовавших помещение. Он внимательно выслушал ее и пообещал справиться с пауками всеми методами, которые знал. Затем, пока она хлопотала на кухне с поваром, экспериментируя с новым рецептом креветок под абрикосовым соусом, Хаген начал собирать информацию о генерале.
В результате поисков выяснилась лишь одна вещь – Фишер идеально скрывал все данные о себе. Айра не смог найти в ящиках стола, файлах или скрытых тайниках ничего такого, что могло оказаться полезным для советских агентов или для него самого. Он решил дождаться, пока генерал вернется вечером домой, чтобы обыскать его кабинет в космическом центре.
Когда он выходил через заднюю дверь, миссис Фишер помахала ему рукой на прощание, разговаривая по телефону. Хаген ненадолго остановился и услышал, что она просит мужа по пути домой купить бутылку хереса.
Айра засунул блокнот обратно в чемодан, затем достал банку диетической колы и толстый сэндвич с колбасой и маринованными огурцами, завернутый в вощеную бумагу с рекламой деликатесов. Температура в Колорадо значительно упала, когда солнце зашло за Скалистые горы. Тень Пайкс Пика растянулась на равнинах, укрыв темной завесой безлесную местность.
Хагена мало интересовал красивый пейзаж за лобовым стеклом. Его беспокоило то, что он все еще не вычислил наверняка ни одного участника «внутреннего ядра». Три человека из списка продолжали числиться пропавшими без вести, и одному богу известно, куда они подевались. Четвертый оставался невиновным, пока не появились доказательства обратного. У него не было никаких достоверных фактов, только телефонный номер и предчувствие, что Фишер участвовал в подпольной организации проекта «Колония Джерси». Хагену нужно было точно убедиться в этом и, что самое важное, нащупать нить к следующим членам «внутреннего ядра».

Агент прервал размышления, его взгляд остановился на зеркале заднего вида. Мужчина в синей офицерской форме вышел через боковой выход, ему придержал дверь сержант первого класса или любого другого звания, какое мог получить рядовой военно-воздушных сил в эти дни. Офицер был высоким, атлетически сложенным, носил четыре звезды на погонах и был красив, как Грегори Пек. Сержант сопроводил его по тротуару к синему седану ВВС и открыл заднюю дверь.
Однако Хаген почему-то почувствовал тревогу. Он выпрямился и повернулся, чтобы выглянуть из бокового окна. Генерал наклонился, собираясь влезть на заднее сиденье автомобиля. В руках у него был чемодан. Вот оно. Вместо того чтобы нести чемодан за ручку, Фишер держал его под мышкой, прижимая к груди, словно мяч в американском футболе.
Айра отбросил прочь все сомнения, изменяя свой тщательно продуманный план прямо на ходу. Он решил действовать по ситуации, выкинув из головы кабинет Фишера. Если бы его внезапный порыв не оправдался, он мог бы вернуться сюда в любую минуту. Мужчина завел машину и проехал по стоянке вслед за автомобилем генерала.
Водитель генерала миновал перекресток и свернул на шоссе 94, проехав на желтый свет. Хаген притормозил, поджидая, пока проедут машины. Затем рванул на красный свет и гнал, пока не подъехал достаточно близко к синей машине военно-воздушных сил, чтобы рассмотреть лицо водителя в зеркале заднего вида. Он пристроился следом за автомобилем, проверяя, обратят ли на него внимание. Но никто не смотрел на него. Стало ясно, что сержант был не из числа тех осмотрительных служащих, которые всегда прикрывают себе спину. Поэтому Айра предположил, что у генеральского водителя, скорее всего, не было никаких навыков управления автомобилем в критических ситуациях или при возможной террористической атаке.
За поворотом показались огни торгового центра. Хаген бросил взгляд на спидометр. Сержант медленно тащился на пять миль в час ниже разрешенной скорости. Хаген перестроился в крайнюю полосу и обогнал их. Он слегка ускорился, а затем притормозил, поворачивая к торговому центру. Он надеялся, что генерал не забудет просьбу жены и что именно там находится один из магазинов со спиртным, куда должен заехать Фишер, чтобы купить хереса. Но автомобиль ВВС проехал поворот.
– Вот черт! – ругнулся Хаген себе под нос.
До него дошло, что любой военнослужащий купил бы спиртное на базе в магазинчике военно-торговой службы, где все стоит дешевле, чем в обычной розничной торговле.
Айре пришлось на несколько секунд задержаться, чтобы пропустить женщину, пытавшуюся задом выехать с парковочного места. Когда дорога освободилась, он дернулся вперед, сжигая резину об асфальт. К счастью, водитель Фишера остановился на красный свет на следующем перекрестке, поэтому Хаген сумел легко его догнать и снова перегнать.
Он вдавил педаль в пол, отъезжая как можно дальше. Через две мили он свернул на узкую дорогу, ведущую к воротам Питерсон Эир Форс Бейс. Мужчина показал пропуск полицейскому ВВС, стоящему неподвижно в белом шлеме, с такого же цвета шелковым шарфом на шее и черной кожаной кобурой на ремне, из нее виднелась рукоять револьвера с перламутровыми накладками.
– Не подскажете, где здесь гарнизонный магазин? – спросил Хаген.
Полицейский указал рукой на дорогу:
– По прямой, до второго знака «Стоп». Затем налево, к водонапорной башне. Там большое серое здание. Вы не спутаете.
Айра поблагодарил его и отъехал прямо из-под носа машины Фишера, которую без задержки пропустили через ворота. Не торопясь, он сбавил скорость и заехал на стоянку магазина, опережая Фишера всего на пятьдесят футов. Он остановился между джипом «Вагонер» и пикапом «Додж» с прицепом-кемпером, они отлично скрыли его машину. Агент вышел из-за руля, выключив свет, но не заглушив двигатель.
Машина генерала остановилась, и Хаген не торопясь подошел поближе, выжидая, пока Фишер выйдет из машины и пойдет покупать херес или поручит это дело сержанту.
Айра улыбнулся. Как же иначе, разумеется, генерал послал в магазин сержанта.
Хаген подошел к машине как раз в тот момент, когда сержант скрылся за дверью магазина. Он мельком осмотрел парковку, чтобы убедиться, что ни одна живая душа не наблюдала за ним, сидя в машине и сложа руки, затем еще раз бросил взгляд на магазин, где сержант шел с тележкой в глубь рядов с товарами. Мозг дал ему сигнал, что путь расчищен.

Без малейшего колебания или промедления Хаген вытащил из потайного кармана под мышкой куртки тяжелую резиновую дубинку, рывком распахнул заднюю дверь и коротко взмахнул рукой. Вместо приветствия Фишер получил резиновой дубинкой точно в челюсть.
Мужчина выхватил чемодан из рук генерала, захлопнул дверь и как ни в чем не бывало пошел к машине. Все это заняло не более четырех секунд.
Направляясь к главным воротам, он просчитал каждую минуту. Фишер придет в себя примерно минут через двадцать, может быть, через час. За пять минут сержант отыщет полку с хересом, оплатит покупку и вернется в машину. Пройдет еще несколько минут, сержант заметит, что генерал на заднем сиденье сидит без сознания, и только тогда поднимет тревогу.
Хаген был доволен. Прежде чем полиция ВВС узнает о случившемся, он выедет через главные ворота и будет уже на полпути в аэропорт Колорадо-Спрингс.
Вскоре после полуночи над Южным Колорадо пошел ранний снег. Сначала он таял, едва долетая до земли, но немного позже начал превращаться в лед, а затем и вовсе укрыл город белым одеялом. На востоке разбушевался ветер, и дорожный патруль Колорадо перекрыл движение на мелких проселочных дорогах из-за снега.
Айра сидел за столиком внутри небольшого самолета бизнес-класса без каких-либо опознавательных знаков, припаркованного в дальнем конце терминала аэропорта, и изучал содержимое чемодана генерала Фишера. В большинстве это были сверхсекретные материалы, касающиеся ежедневных операций космического центра. В одних документах он нашел информацию о полете космического транспортного корабля «Геттисберг», который всего два дня назад отправился в космос с военно-воздушной базы Ванденберг в Калифорнии. Его удивлению не было предела, когда среди важных документов ему вдруг попался порнографический журнал. Но самой важной находкой Хагена стал черный кожаный блокнот, где были записаны тридцать девять имен и телефонных номеров. Никаких адресов или заметок, только имена и номера, разбитые на три столбца. В первом было четырнадцать имен, во втором – семнадцать и в третьем – восемь.
Но ни одно из них не выглядело подозрительным. Это могли быть всего лишь номера друзей и партнеров Фишера. Когда он дочитал до третьего столбца, его глаза уже начинали закрываться от усталости.
Внезапно верхнее имя бросилось ему в глаза. Рядом не была указана фамилия, только имя. Взволнованный и обозленный на себя самого за то, что едва не упустил такую простую мелочь, столь примитивный шифр, что на него никто и не должен был обратить внимание, Хаген открыл собственный блокнот и добавил к трем уже имеющимся именам еще несколько.

Гуннар Монро / Эриксен
Ирвин Дюпюи
Леонард Мерфи / Хадсон
Дэниел Кляйн
Стив Ларсон
Рэй Сэмпсон / Лебарон
Дин Бигл
Клайд Уорд

Странно, восемь имен вместо девяти. Но затем Хаген покачал головой, удивляясь тому, что его мозг так медленно сообразил, что глупо было бы генералу Кларку Фишеру записывать свое имя в собственный же блокнот.
Мужчина был уже почти дома, но усталость заглушила все удовлетворение от сегодняшней удачи. Он провел на ногах больше двадцати двух часов подряд. Но авантюра с чемоданом генерала Фишера оправдала себя. Рассчитывая вычислить хотя бы одного члена «внутреннего ядра», он добыл пять новых имен. Теперь ему оставалось лишь проверить телефонные номера, и дело будет в кармане.
Но все же Хаген пытался выдавать желаемое за действительное. Нападение на генерала Кларка Фишера, звонки с телефона лаборатории имени Паттендена под именем Энсона Джонса – такие ошибки простительны только новичкам. Он убеждал себя, что совершил хитрый ход, который должен был заставить заговорщиков совершить ошибку и раскрыться. Но теперь осознал, что это не более чем самоуверенность, смешанная с изрядной долей глупости.

Фишер обязательно предупредит «внутреннее ядро», если еще этого не сделал. И Айра никак не сможет помешать. Что сделано, то сделано. Теперь у него не оставалось другого выбора, кроме как довести дело до конца.
Он отрешенно смотрел вдаль, когда в салон вошел пилот самолета:
– Простите, если отвлекаю вас, мистер Хаген, но пурга становится все сильнее. Диспетчер передал, что аэропорт скоро закроют. Если мы не взлетим прямо сейчас, то не сможем получить разрешение на отправление до завтрашнего полудня.
Айра кивнул:
– Тогда нет смысла торчать здесь.
– Можете назвать пункт назначения?
Пассажир помедлил с ответом, опустив взгляд на рукописные заметки в блокноте. Хадсона он решил оставить напоследок. Кроме того, у Эриксена, Хадсона и Дэниела Кляйна или у того, кто мог прикрываться его именем, были одинаковые телефонные коды штатов. Он дошел до номера Клайда Уорда и остановился на нем, потому что дом этого человека находился всего в нескольких сотнях миль к югу от Колорадо-Спрингс.
– Альбукерке, – наконец сказал он.
– Слушаюсь, сэр, – ответил пилот. – Пристегнитесь, пожалуйста, мы поднимаемся через пять минут.
Как только пилот ушел в кабину, Хаген разделся до шорт и развалился на мягкой койке. Когда колеса оторвались от заснеженной взлетно-посадочной полосы, он уже досматривал седьмой сон.

Глава администрации президента Дэн Фосетт внушал всем в Белом доме невыразимый страх. Он занимал одну из самых важных должностей в Вашингтоне, был хранителем святая святых. Через него проходил каждый документ и каждая записка, адресованные президенту. И никто, включая членов кабинета министров и лидеров конгресса, не мог пройти в Овальный кабинет без дозволения Фосетта.
Давно не было такого, чтобы какой-нибудь служащий возмущался, когда не получал разрешения. Поэтому Дэн не знал, как себя вести, когда встретился взглядом с горящими глазами адмирала Сэндекера, сидящего напротив. Глава администрации не мог припомнить, когда он последний раз видел, чтобы человек так кипел от гнева. Он чувствовал, что адмирал изо всех сил держится, чтобы не сорваться и не выплеснуть на него всю свою ярость.
– Простите, адмирал, – сказал Фосетт, – но график у президента сейчас очень плотный. Пока что я не могу назначить вам время.
– Пропустите меня! – потребовал Сэндекер сквозь плотно сжатые губы.
– Это невозможно, – твердо ответил Дэн.
Сэндекер медленно привстал, уперся руками в документы, рассыпанные по столу Фосетта, и склонился над ним в нескольких дюймах от его носа.
– Вы сейчас же пойдете и скажете этому сукиному сыну, что он только что убил троих моих лучших друзей, – прорычал он. – И если он немедленно не объяснит мне, зачем это было нужно, я пойду и соберу пресс-конференцию, где раскрою достаточно грязных тайн, которые поставят клеймо на всю его драгоценную администрацию до конца всего срока. Я достучался до вас, Дэн?
Фосетт был рассержен и одновременно ошеломлен напором адмирала.
– Вы разрушите собственную карьеру. Разве это того стоит?
– Кажется, до вас не дошло. Объясню еще раз. Президент виноват в гибели трех моих самых близких друзей. Одного из них вы знаете. Его имя – Дирк Питт. Если бы не он, президент бы давно кормил рыб на дне моря вместо того, чтобы сидеть в Белом доме. Теперь я хочу знать, за что погиб Питт. И если это будет стоить мне карьеры на посту директора НУПИ, тогда пусть так и будет, черт возьми.
Лицо Сэндекера пылало от гнева.
– Питт мертв? – удивленно сказал он. – Я не слышал…
– Сейчас же передайте президенту, что я здесь, – перебил его Сэндекер, в его голосе чувствовалась сталь. – Он меня примет.
Печальная новость так поразила Фосетта, что он замялся.
– Я сообщу президенту о судьбе Питта, – медленно проговорил он.

– Да бросьте! Раз уж я знаю об этом, так он тем более. У нас одни и те же источники в разведке.
– Мне нужно время, чтобы выяснить, что произошло, – сказал Дэн.
– У вас нет времени, – с каменным выражением лица произнес Сэндекер. – Законопроект президента о ядерной энергии будет вынесен на голосование до завтрашнего заседания сената. Подумайте, что может произойти, если сенатор Джордж Питт узнает, что президент причастен к убийству его сына. Думаю, вам не нужно объяснять, что случится, когда сенатор перестанет поддерживать президента и станет на сторону оппозиции.
Фосетт был достаточно сообразительным, чтобы осознать надвигающуюся угрозу. Он оттолкнулся от стола, сомкнул руки в замок и несколько секунд смотрел на них. Затем встал и направился к приемной.
– Пойдемте со мной, адмирал. У президента сейчас встреча с министром обороны Джессом Симмонсом. Должно быть, они уже заканчивают.
Оставив Сэндекера ждать снаружи, мужчина вошел в Овальный кабинет, извинился и прошептал несколько слов президенту. Спустя две минуты Фосетт проводил из кабинета Джесса Симмонса, обменявшегося приветствием с адмиралом, и пригласил Сэндекера войти.
Президент вышел из-за стола и пожал адмиралу руку. Его лицо не выражало никаких эмоций, он держался свободно и раскрепощенно, умными глазами глядя на разгоряченного посетителя, прожигающего его взглядом.
Он повернулся к Фосетту:
– Не могли бы вы нас извинить, Дэн? Я бы хотел поговорить с адмиралом Сэндекером наедине.
Не говоря ни слова, глава администрации вышел и закрыл за собой дверь. Президент указал рукой на кресло и улыбнулся:
– Почему бы нам не присесть и не расслабиться?
– Я лучше постою, – сказал Сэндекер.
– Как пожелаете.
Президент уселся в мягкое кресло и закинул ногу на ногу.
– Сожалею насчет Питта и остальных, – сразу сказал он. – Никто не думал, что так получится.
– Не будете ли вы любезны объяснить мне, что вообще происходит?
– Ответьте на один вопрос, адмирал. Вы бы согласились помочь мне, когда я просил вас о содействии в отправке экипажа на дирижабле, если бы знали, что это выйдет далеко за рамки поисков пропавшего человека?
– Только в том случае, если бы вы четко разъяснили, почему я должен вас поддержать.
– А поверили бы вы мне, если бы я сказал, что поиски мужа госпожой Лебарон являлись частью сложного плана, который должен был открыть прямую линию связи между мной и Фиделем Кастро?
Сэндекер уставился на президента и моментально успокоился. Адмирал ни капли не боялся лидера нации. Он пережил многих президентов, видел, что они склонны к обычным человеческим слабостям. И ни одного из них не посадил бы в президентское кресло.
– Нет, господин президент, я не поверю этому, – сказал он саркастическим тоном. – Если память не изменяет мне, у вас есть очень одаренный государственный секретарь Дуглас Оутс, поддерживаемый государственным департаментом. Я бы сказал, что у них больше возможностей связаться с Кастро через уже налаженные дипломатические каналы.
Президент иронично улыбнулся:
– В такие времена переговоры между недружественными странами должны отличаться от обычных стандартов. Я думаю, вы понимаете.
– Понимаю.
– Вы стараетесь не иметь дел с политиками, государственными делами, общественными партиями Вашингтона и приближенными к ним людьми, не так ли, адмирал?
– Верно.
– Но если бы я отдал вам приказ, вы бы повиновались?
– Да, сэр, – без колебаний ответил собеседник. – Конечно, только если он не нарушает закон, Конституцию или моральные принципы.
Глава государства обдумал его ответ. Затем кивнул и снова указал рукой на кресло:
– Пожалуйста, адмирал. У меня не так много времени, но я кратко объясню вам, что происходит.
Он подождал, пока Сэндекер присел.

– Итак… Пять дней назад в наш государственный департамент из Гаваны был доставлен сверхсекретный документ, написанный самим Фиделем Кастро. В основном он предлагал наладить конструктивные отношения между Кубой и Америкой.
– Что тут такого? – спросил Сэндекер. – Он искал пути примирения еще с тех времен, когда президент Рейган вышвырнул его из Гранады.
– Так и есть, – признал президент. – До сих пор единственным соглашением, которого мы достигли за столом переговоров, был договор о введении миграционной квоты для кубинских диссидентов, переезжающих в Америку. Однако новое письмо совершенно озадачило меня. Кастро просит нашей помощи, чтобы сбросить с Кубы русский ошейник.
Сэндекер с недоверием посмотрел на него:
– Кастро одержим ненавистью к США. Да какого черта… Он все еще планирует вторжение! Не думаю, что его заставляют русские. Куба – их единственный плацдарм в Западном полушарии. Если бы на них что-то нашло и они в приступе маразма перестали оказывать кубинцам поддержку, остров тотчас потонул бы в экономическом болоте. Куба не в состоянии самостоятельно держаться на ногах, у нее недостаточно ресурсов. Я не поверю актерской игре Фиделя, даже если ему станет аплодировать сам Христос.
– Он непростой человек, – признал президент. – Но не стоит недооценивать его намерения. Советы сейчас погрязли в собственном экономическом болоте. Паранойя Кремля против всего остального мира подняла их военный бюджет до таких астрономических высот, какие они больше не могут себе позволить. Уровень жизни у них сейчас ниже, чем в любой другой промышленно развитой стране. Их сельскохозяйственные урожаи, промышленные достижения и показатели экспорта нефти упали ниже некуда. Они больше не в состоянии по-прежнему оказывать масштабную помощь странам Восточного блока. В случае с Кубой русские дошли до той точки, когда они многого требуют, но сами дать ничего не могут. Те времена, когда они могли позволить себе помогать Кубе миллиардами долларов, давать льготные кредиты и продавать оружие по дешевке, уже прошли. Дармовщина закончилась.
Сэндекер покачал головой:
– Но все же, будь я на месте Кастро, я бы не решился на такую сделку. Я не представляю себе, чтобы конгресс согласился выделить миллиарды долларов для финансирования Кубы. А двенадцать миллионов островитян не проживут без импортных товаров.
Президент посмотрел на часы на каминной полке.
– У меня есть всего пара минут. В любом случае больше всего Кастро боится не экономического хаоса или контрреволюции. Он опасается советского влияния, которое постепенно охватывает каждую сферу его полномочий. Люди из Москвы все ближе подбираются к тому, чтобы кубинское правительство и все ресурсы страны полностью перешли к ним в руки. Наконец-то Кастро осознал, что его друзья из Кремля понемногу крадут у него всю страну. Его брат Рауль был ошеломлен, когда узнал, что большая часть командного состава кубинских военных верой и правдой служат Советскому Союзу и даже не скрывают своих просоветских взглядов.
– Вот это удивительно. Кубинцы не любят русских. Да и вообще их жизненные приоритеты совершенно различаются.
– Конечно же, Куба никогда не собиралась становиться пешкой Кремля, но после революции тысячи кубинских студентов отправились учиться в русские университеты. Многие из них в России соблазнились возможностями и деньгами, вместо того чтобы вернуться на родину и до конца жизни честно трудиться на благо страны на работе, которую они могли ненавидеть или где им не светило никаких перспектив. Хитрецы, поставившие личное будущее выше патриотизма, отреклись от Кастро и тайно присягнули на верность Советскому Союзу. Но нужно отдать русским должное. Они выполнили обещания. Пользуясь влиянием на кубинское правительство, они смогли внедрить своих людей на важные посты.
– Кубинский народ до сих пор боготворит Кастро, – сказал Сэндекер. – Не понимаю, как они могут спокойно наблюдать за тем, как он прогибается под Москву.
Лицо президента посерьезнело.
– Есть большая вероятность того, что русские убьют братьев Кастро и свалят всю вину на ЦРУ. Это не так уж и тяжело провернуть, учитывая, что наше агентство уже предпринимало несколько попыток покушения на его жизнь в шестидесятые годы.

– А после этого Кремлю ничто не помешает войти в кубинское правительство и посадить там своих марионеток.
Глава государства кивнул.
– И мы снова возвращаемся к предложенному нам соглашению. Кастро не хочет, чтобы кто-то пронюхал о наших переговорах до того, как мы согласимся поддержать его замысел выбить русских из Карибского бассейна. К сожалению, после первого шага он не отвечает на сообщения от меня и Дуга Оутса.
– Похоже на старую политику кнута и пряника, чтобы раздразнить ваш аппетит.
– Мне тоже так кажется.
– Каким же образом Лебарон может иметь отношение ко всему этому?
– Совершенно случайным образом, но имеет, – сказал президент с иронией. – Вы же помните, с чего все начиналось. Издатель отправился на старинном дирижабле на поиски корабля с сокровищами. На самом деле у него была другая цель, но она не должна волновать НУПИ или лично вас. По иронии судьбы, Рауль Кастро находился в инспекционной поездке по военным штабам острова за пределами Гаваны, когда Лебарона засекли их прибрежные системы наблюдения. Он посчитал, что путешественник может оказаться ему полезен, поэтому приказал охране перехватить дирижабль и сопроводить его на аэродром вблизи города Карденас.
– Дайте-ка я продолжу, – сказал Сэндекер. – Кубинцы снова заправили дирижабль топливом, посадили на него своего посланца с американско-кубинским договором Кастро и снова подняли его в воздух, полагая, что ветры донесут его до США.
– Почти так все и было, – улыбаясь, признал президент. – Но было бы неблагоразумно надеяться лишь на ветер. На борт посадили пилота и близкого друга Фиделя вместе с документом. Они прилетели в Майами, спрыгнули в воду в нескольких милях от берега, а там их подобрала ожидающая яхта.
– Интересно, как же в гондоле оказались три мертвых тела? – продолжал допрос Сэндекер.
– Это пафосный ход Кастро, чтобы доказать серьезность их намерений. Правда, я не успел оценить его.
– Неужели русские ничего не заподозрили?
– Пока что нет. Отличные отношения с кубинцами мешают им раскрыть глаза на такую хитрость.
– Выходит, Рэймонд Лебарон живет и здравствует где-то на Кубе?
Президент развел руки в стороны:
– Могу только предполагать. Источники ЦРУ сообщили, что советская разведка потребовала допросить издателя. Вряд ли кубинцы могли отказать, а Лебарона с тех пор никто не видел.
– И вы даже не пытались договориться, чтобы пленника отпустили? – спросил Сэндекер.
– Ситуация и без того слишком деликатная, чтобы придавать ей еще большую огласку. Когда мы так близки к подписанию американско-кубинского соглашения, я не сомневаюсь, что Кастро позаботится, чтобы уберечь Лебарона от русских и передать его нам.
Президент замолк и снова посмотрел на каминные часы.
– Я опаздываю на конференцию с бюджетниками.
Он встал, подошел к дверям и обернулся к Сэндекеру:
– Я подпишу соглашение как можно скорее. Джесси Лебарон была введена в курс дела и должна передать наш ответ Кастро. План состоял в том, чтобы дирижабль вернулся снова с еще одним представителем семьи Лебарон на борту. Это должно было послужить Кастро сигналом, я сделал все в точности, как и он. Вы разминулись с Джессом Симмонсом на пути в кабинет. Он сообщил мне о фотографиях, сделанных нашей воздушной разведкой. Вместо того чтобы сопроводить дирижабль в Карденас, кубинский патрульный вертолет открыл по нему огонь. После этого по какой-то непонятной причине вертолет взорвался и вместе с дирижаблем упал в море. Я надеюсь, вы понимаете, адмирал, что я не мог послать вслед за ними спасателей, потому что не могу рисковать всей миссией. Я искренне сожалею о смерти Питта. Я обязан ему жизнью, но никогда не смогу вернуть свой долг. Нам остается лишь молиться, чтобы он, Джесси Лебарон и другие ваши друзья каким-то образом выжили.
– Никто не смог бы выжить после крушения в самый разгар урагана, – с укором сказал Сэндекер. – Простите меня, господин президент, но даже Микки-Маус спланировал бы эту операцию куда лучше вас.

На лице президента ясно читалась обида. Он хотел что-то сказать, но передумал и открыл дверь.
– Простите, опаздываю на конференцию.
Больше он ничего не сказал. Глава государства вышел из Овального кабинета, оставив адмирала одиноким и опустошенным.

Обогнув остров и направившись на северо-восток, к Мексиканскому заливу, ураган «Маленькая Ева» начал успокаиваться. Порывы ветра стихли до сорока миль в час, но понадобилось еще два дня, чтобы им на смену пришли нежные южные пассаты.
Кайо-Санта-Мария казалась совершенно необитаемой, словно там не было ни людей, ни животных. Десять лет назад Фидель Кастро по дружбе передал остров в дар союзникам-коммунистам. Новость о том, что эта территория теперь принадлежит России, стала для Белого дома пощечиной.
Местные жители были не добровольно, но без лишнего шума перемещены на материк, а на острове расположились инженерные подразделения ГРУ и военные силы КГБ, которые начали строительство сверхсекретных подземных сооружений. Работа велась в несколько этапов, и только под покровом темноты, под песком и пальмами медленно воздвигались строительные конструкции. Самолеты-разведчики ЦРУ постоянно следили за островом, но им не удавалось обнаружить каких-либо оборонительных сооружений или масштабных транспортных перевозок на грузовых кораблях или самолетах. Углубленная фотоэкспертиза показала не много – всего лишь несколько тропинок и разбитых грунтовых дорог, ведущих в никуда. Как обычно, за островом велась слежка, но ничего, что могло угрожать безопасности Соединенных Штатов, выявлено не было.
Где-то в глубине острова, обдуваемого ветрами, Питт проснулся в небольшом, идеально чистом помещении, на кровати с матрасом из гусиного пуха, под ярким светом. Он не мог вспомнить, спал ли еще когда-нибудь в своей жизни на перине, но подумал, что это весьма удобно, и мысленно пообещал себе купить такую же, если ему будет суждено вернуться в Вашингтон.
Если не принимать во внимание синяки и ссадины, боль в суставах и легкую пульсацию в висках, мужчина чувствовал себя неплохо. Он лежал и рассматривал серый потолок, пытаясь восстановить картину прошлой ночи. Джесси нашла мужа; охранники сопроводили Питта, Ганна и Джордино в лазарет, где русская женщина-врач с фигурой кегли для боулинга залатала их раны; затем баранье рагу в столовой, которое Дирк оценил на шесть баллов ниже этого же блюда, подаваемого в придорожных кафе в Восточном Техасе; и напоследок их заперли в помещении с туалетом, умывальником, кроватью и узким деревянным шкафом.
Сунув руки под простыню, он ощупал себя. Если не считать нескольких бинтов и марлевых повязок, он был абсолютно голый. Про себя он удивился, зачем доктору непременно нужно раздеть пациента, чтобы сделать ему всего лишь несколько перевязок. Питт опустил босые ноги на бетонный пол и присел, раздумывая о следующем действии. Надувшийся мочевой пузырь напомнил ему, что он все еще живой человек, поэтому Дирк подошел к комоду, жалея, что там не стоит чашечка кофе. Зато эти люди, кем бы они ни были, оставили на комоде его часы «Докс». Стрелки на циферблате показывали 11.55. Питт никогда не спал более девяти часов подряд, поэтому справедливо предположил, что это было утро следующего дня.
Через минуту он наклонился над умывальником и плеснул на лицо холодной воды. Единственное полотенце было грубым и почти не поглощало влагу. Он подошел к шкафу, открыл его и нашел рубашку цвета хаки, брюки на вешалке и пару сандалий. Прежде чем одеться, мужчина стянул повязки с нескольких ссадин, чесавшихся сильнее других, и размял суставы, наконец-то обретшие свободу движений. Одевшись, он попытался открыть тяжелую железную дверь. Она оказалась заперта, поэтому Питт постучал по крепкой металлической поверхности. Звуки ударов гулко разнеслись по комнате, отражаясь от голых бетонных стен.
Ему открыл парень в советской армейской форме, на вид не старше девятнадцати лет, и сразу же отступил назад, нацелив в грудь Питта автоматический пистолет размером с молоток.
Солдат жестом велел идти по длинному коридору налево, и пленник подчинился. Они прошли мимо нескольких таких же железных дверей, и Дирк подумал, что за любой из них может быть заперт Ганн или Джордино.
Они остановились у лифта, открытые двери которого придерживал охранник. Войдя внутрь, Питт почувствовал легкое давление на ноги, означавшее, что лифт движется вверх. Он взглянул

на индикатор лифта и отметил, что здесь было пять этажей. «Неплохо для землянки», – подумал он. Лифт остановился, и двери автоматически открылись.
Охранник вывел его в ковровый зал со сводчатым потолком. У двух боковых стен стояли шкафы, заставленные сотнями книг на английском языке. Преимущественно это были самые популярные книги современных американских писателей. Всю дальнюю стену закрывала огромная карта Северной Америки. Комната показалась Питту чьим-то личным кабинетом. На мраморной столешнице большого антикварного стола с резными ножками лежали последние выпуски газет «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Дневник Уолл-стрит» и «США сегодня». На столах, стоявших по обе стороны от входной двери, были стопками сложены технические журналы – «Компьютерные технологии», «Новости науки» и «Журнал ВВС». На толстом темно-красном ковре были равномерно расставлены шесть кресел, обтянутых зеленой кожей.
Охранник молча вернулся в лифт и уехал, оставив Питта стоять посреди пустой комнаты.
Дирк подумал, что, скорее всего, за ним сейчас наблюдают, словно за обезьянкой, посаженной в клетку. Он знал, что бесполезно осматривать стены, пытаясь найти видеокамеру. Не было никаких сомнений, что ее спрятали где-то в комнате, чтобы следить за его действиями и все записывать. Он решил проверить, как они отреагируют на такой фокус: закатив глаза и покачнувшись, словно пьяный, мужчина упал на ковер.
Не прошло и пятнадцати секунд, как распахнулась потайная дверь, чей контур полностью сливался с линиями широты и долготы гигантской настенной карты, и в комнату вошел невысокий подтянутый мужчина в хорошо подогнанной по фигуре советской униформе. Он склонился над Питтом и заглянул в его приоткрытые глаза.
– Вы меня слышите? – спросил он на английском языке.
– Да, – промычал Питт.
Русский подошел к столу и наклонил хрустальный графин над бокалом. Затем вернулся и приподнял голову Питта.
– Выпейте, – велел он.
– Что это?
– Крепкий коньяк «Курвуазье», – ответил русский офицер с безупречным американским акцентом. – Вы почувствуете себя лучше.
– Вообще я предпочитаю более ароматный и мягкий «Реми Мартен», – сказал Питт, беря в руки бокал. – Ваше здоровье!
Он маленькими глотками выпил спиртное, потом легко встал на ноги и сел в кресло.
Офицер довольно улыбнулся:
– Похоже, вы быстро идете на поправку, господин…
– Снодграсс. Элмер Снодграсс, из города Молин, штат Иллинойс.
– Приятно познакомиться с жителем Среднего Запада, – сказал русский, усевшись за стол. – Меня зовут Петр Великов.
– Генерал Великов, если я правильно помню русские знаки различия.
– Совершенно верно, – подтвердил Великов. – Вам налить еще коньяка?
Питт покачал головой, рассматривая человека, сидящего перед ним за столом. Ростом Великов был не выше одного метра семидесяти сантиметров и весил около шестидесяти килограммов, на вид ему было лет пятьдесят или около того. Несмотря на нарочитое дружелюбие, Питт все же ощущал в нем некую холодность. У русского были короткие черные волосы с легкой проседью на висках и залысинами над высоким лбом. Голубые глаза цветом напоминали высокогорные озера, а светлокожее лицо имело скорее классические римские, нежели славянские черты. Питт без труда представил его в тоге и с венком на голове – Великов мог бы позировать для скульпторов, ваявших бюст Юлия Цезаря.
– Надеюсь, вы не будете возражать, если я задам вам несколько вопросов? – вежливо спросил генерал.
– Пожалуйста. У меня на сегодня вроде никаких дел не запланировано. Так что я весь ваш.
В глазах Великова на мгновение блеснули льдинки, но тут же растаяли.
– Не могли бы вы рассказать, как оказались на Кайо-Санта-Мария?
Питт беспомощно развел руками:
– Не собираюсь тратить ваше время, поэтому буду говорить начистоту. Я президент Центрального разведывательного управления. Мы с коллегами по совету директоров подумали,

что это был бы неплохой рекламный ход – нанять и отправить сюда дирижабль, который раскидал бы по всей Кубе купоны на бесплатную туалетную бумагу. Мне сказали, что здесь у вас острый дефицит туалетной бумаги. К сожалению, кубинским военным не особо понравилась наша маркетинговая стратегия, и они подстрелили нас.
Генерал Великов бросил на Питта ровный, хотя и слегка раздраженный взгляд. Он надел на нос очки и взял со стола документ.
– Судя по вашему досье, мистер Питт – Дирк Питт, если я верно прочитал, – остроумие вам не чуждо.
– А там не написано, что я патологический лжец?
– Нет, но, по-моему, у вас получилась очень увлекательная история. Жаль, что вы не на нашей стороне.
– Я вас умоляю, генерал, ну какое будущее в Москве может иметь такой бунтарь, как я?
– Боюсь, что никакого.
– Благодарю вас за честность.
– Почему бы вам просто не рассказать мне правду?
– Вы все равно в нее не поверите.
– Почему не поверю?
– Если будете видеть руку ЦРУ под каждым камнем, как все коммунисты, тогда точно не поверите.
– Похоже, вы слишком плохого мнения о Советском Союзе.
– А вы сможете перечислить, что сделали ваши люди за последние семьдесят лет, чтобы вас считали хотя бы чуть более человечными? Я никогда не мог понять, почему до русских не доходит, что они стали посмешищем для всего мира. Ваша жалкая империя – самая величайшая шутка истории. Двадцать первый век уже не за горами, а русское правительство ведет себя так, будто они застряли в тридцатых годах.
Великов и глазом не моргнул, но Питт заметил, что его лицо слегка покраснело. Очевидно, генерал не привык выслушивать гневные лекции от человека, какого можно было считать врагом государства. Строгим взглядом судьи, на весах которого лежит жизнь убийцы, генерал всмотрелся в Дирка. Затем задумался.
– Я позабочусь о том, чтобы сказанное вами дошло до политбюро, – сухо сказал он. – А теперь, если вы уже закончили свою сказку, господин Питт, я бы хотел услышать, как вы попали сюда.
Пленник кивнул в сторону стола с графином:
– Вот теперь я бы от коньяка не отказался.
– Пожалуйста, угощайтесь.
Питт наполнил бокал до половины и вернулся в кресло.
– То, что я вам расскажу, – чистейшая правда. Поймите, мне нет смысла лгать. Насколько мне известно, я здесь не для того, чтобы выполнять задания для правительства моей страны. Понимаете меня, генерал?
– Понимаю.
– Наш разговор сейчас записывает спрятанный диктофон, верно?
Великов любезно кивнул:
– Так и есть.
После этого Питт подробно рассказал о том, как ему впервые пришлось иметь дело с неуправляемым дирижаблем, о встрече с Джесси Лебарон в кабинете адмирала Сэндекера, о последнем полете «Проспертира» и попытке спастись от урагана, когда они были на волосок от гибели. О том, как Джордино сбил патрульный вертолет, и об их плавании на «Циклоп» Дирк ни словом не обмолвился.
Великов не поднимал глаз, даже когда Питт закончил рассказ. Не меняя выражения лица, он просматривал досье. Со стороны казалось, будто генерал думал о чем-то своем и даже не слышал слов пленника.
Питт тоже умел играть в эту игру. Он поднял бокал со стола и встал с кресла. Глянув на передовицу газеты «Вашингтон пост», Дирк с легким удивлением заметил, что дата выхода на газете соответствовала нынешнему дню.
– Ваша система доставки работает просто превосходно.
– Что, простите?
– Газета была напечатана всего несколько часов назад.

– Пять часов назад, если точнее.
В пустом желудке Питта громко отозвался коньяк. После третьего глотка неловкое урчание в животе смолкло, и он пошел в наступление.
– Почему вы не отпустите Рэймонда Лебарона? – спросил Дирк.
– Сейчас он полноправный гость нашего дома.
– Но это не объясняет, почему тот факт, что он выжил, умалчивался около двух недель.
– А я и не должен вам ничего объяснять, мистер Питт.
– И почему же Лебарон присутствует на изысканных обедах в выходном костюме, в то время как мы с друзьями должны есть и одеваться как обычные заключенные?
– Потому что все именно так и есть, вы – обычные заключенные. Мистер Лебарон – богатый и влиятельный человек, разговоры с ним могут быть для нас весьма полезными. А вы можете нам доставлять только неудобства. Такой ответ удовлетворит ваше любопытство?
– Если честно, нет, – зевая, ответил Питт.
– Лучше расскажите, как вы уничтожили патрульный вертолет? – внезапно спросил Великов.
– Шапками забросали, – раздраженно огрызнулся Питт. – Чего еще можно ожидать от четверых обычных мирных граждан, среди которых одна женщина, летящих на сорокалетием дирижабле?
– Вертолеты просто так не взрываются.
– Может, в него попала молния, откуда мне знать?
– Если вы и вправду прибыли сюда искать мистера Лебарона и охотиться за сокровищами, тогда как вы объясните сообщение капитана патрульного катера, в котором говорится, что гондола была настолько разрушена пулями, что никто не смог бы выжить, однако за мгновение до того, как вертолет взорвался, капитан заметил, что из дирижабля вырвалась полоска света? При тщательном обыске на месте крушения не было найдено никаких следов оставшихся в живых людей. Тем не менее вы, словно по волшебству, добрались до острова в самый разгар урагана, причем именно в то время, когда патрули укрылись от ветра. Вам такая удача не кажется чуточку странной?
– А что же, по-вашему, случилось?
– Либо дирижаблем управляли дистанционно, либо пулеметчики с вертолета расстреляли кого-то другого. Я думаю, к берегу вас с миссис Лебарон доставила подводная лодка, но во время высадки вы налетели на скалы, отсюда и ваши раны.
– У вас неплохие творческие способности, генерал, но точность вас все еще подводит. Правильно вы описали только нашу высадку. И еще вы забыли самое важное – мотив. Зачем четырем безоружным, да еще и потерпевшим крушение, пытаться напасть на вас?
– Пока что у меня нет ответов, – обезоруживающе улыбнулся Великов.
– Но вы же намереваетесь их получить?
– Я не из тех, кто отступает после первой неудачи, мистер Питт. Хоть ваша история и кажется вымышленной, я не буду ее отметать.
Он нажал кнопку настольного телефона.
– Договорим позже.
– Когда вы собираетесь связаться с нашим правительством, чтобы они могли начать переговоры о нашем освобождении?
Великов снисходительно посмотрел на пленника:
– Прошу прощения. Я забыл вам сказать, что всего час назад мы уведомили ваше правительство о вашей судьбе.
– Значит, они уже знают, что мы живы?
– Нет, теперь они уверены, что вы мертвы.
До Питта не сразу дошел смысл слов Великова. Через несколько долгих секунд он начал осознавать. Дирк сжал зубы, впившись глазами в Великова.
– Что это значит, генерал?
– Все просто, – сказал русский так буднично, будто разговаривал с почтальоном. – Случайно или же преднамеренно, но вы натолкнулись на нашу самую важную военную базу за пределами Советского Союза. Мы не можем позволить вам уйти. После того как мы распутаем истинную цепочку событий, вы умрете.
Хаген выкроил немного времени, чтобы предаться любимому развлечению – еде – и насладиться мексиканским обедом: плоскими блинчиками с мясной начинкой и лепешками с яйцом, запивая это крепкой текилой. Он оплатил счет, вышел из ресторана и поехал по адресу,

где проживал Клайд Уорд. Его источники в телефонной компании определили, что номер из блокнота генерала Фишера принадлежал телефону-автомату, расположенному на автозаправочной станции. Айра посмотрел на часы. Ровно через шесть минут его пилот должен был набрать номер с телефона в самолете.
Автозаправочная станция находилась в промышленном районе вблизи железнодорожного парка. Станция работала в режиме самообслуживания, продавая топливо безвестной независимой компании. Он остановился возле заляпанной грязью красной бензоколонки и вставил шланг в топливный бак автомобиля, стараясь не поглядывать в сторону телефона-автомата в офисе станции.
Вскоре после посадки в аэропорту Альбукерке мужчина арендовал машину, после чего слил примерно половину бака топлива, чтобы, когда он подъехал на заправку, это выглядело бы естественно. Внутри бака забулькали пузырьки, затем он закрутил крышку и повесил шланг на место. Когда Хаген вошел в офис и начал возиться с бумажником, на стене зазвонил таксофон. Одинокий дежурный, накачивавший спущенное колесо, вытер руки о тряпку и снял трубку. Айра прислушался к его монологу.
– «Мэлс сервис»… Кто? Здесь нет никакого Клайда. Да, точно. Вы ошиблись номером… Да, номер тот, но я работаю здесь уже шесть лет и никогда не знал никакого Клайда.
Он повесил трубку, подошел к кассе и улыбнулся Хагену:
– На сколько вы заправлялись?
– На тридцать восемь литров.
– С вас тринадцать долларов и пятьдесят семь центов.
Пока дежурный искал двадцать центов для сдачи, Хаген осмотрел станцию. Он не мог не восхититься профессионализмом, с которым устроили эту декорацию-прикрытие, потому что вся эта станция была именно декорацией. Пол офиса и площадки для замены автомобильного масла не видел швабры уже несколько лет. С потолка свисала паутина, на инструментах было больше ржавчины, чем масла. К тому же и руки, и ногти дежурного не выглядели грязными. Единственное, что поразило Хагена, – здесь была установлена система наблюдения. Его наметанный глаз заметил едва различимые на фоне стены электрические проводки, не подсоединенные ни к каким обычным приборам обслуживания станции. Хотя «жучков» для прослушивания и камер Айра не увидел, он точно знал, что они здесь есть.
– Вы не могли бы мне помочь? – спросил он у дежурного, засунув сдачу в бумажник.
– Чем?
– У меня в двигателе какой-то странный шум. Вы не могли бы заглянуть под капот и сказать мне, в чем проблема?
– Конечно, секундочку. Это не сложно.
Хаген обратил внимание на дизайнерскую прическу дежурного и засомневался, что он когда-нибудь стригся у обычного местного парикмахера. Кроме этого, он заметил небольшую выпуклость у того под брюками, на правой голени чуть выше лодыжки.
Айра припарковался на дальней стороне второй бензоколонки от здания заправочной станции. Он завел двигатель и открыл защелку капота. Поставив ногу на передний бампер, дежурный наклонился над радиатором.
– Ничего не слышу.
– Подойдите сюда, – попросил Хаген. – Здесь лучше слышно.
Он стоял спиной к улице, бензоколонка, машина и открытый капот скрывали их от камер. Когда дежурный склонился над крылом автомобиля и прислонил голову к отсеку двигателя, Хаген резко выхватил свой пистолет из кобуры, висевшей на ремне за спиной, и ткнул дуло между его ягодиц.
– Тебе в задницу упирается ствол длиной два с половиной дюйма, триста сорок седьмого калибра, и он заряжен матчевыми пулями. Тебе все понятно?
Дежурный напрягся, но старался не показывать страха.
– Да, я тебя понял, дружище.
– Я надеюсь, ты знаешь, какую дыру могут проделать матчевые пули с такого близкого расстояния?
– Я знаю, на что способны матчевые пули.
– Отлично, тогда ты должен знать, что если я нажму на курок, то от твоей задницы до самых мозгов образуется ровный тоннель.

– Дружище, что тебе нужно?
– Куда же подевался твой фальшивый провинциальный акцент? – спросил Хаген.
– Он у меня то появляется, то исчезает.
Айра задрал свободной рукой штанину дежурного и достал оттуда небольшой автоматический пистолет «беретта» калибра 0,38 дюйма.
– Ладно, дружок, где же мне искать Клайда?
– Никогда о таком не слышал.
Хаген втиснул дуло пистолета ему между ягодиц с такой силой, что ткань брюк дежурного затрещала и он ахнул от боли.
– На кого ты работаешь? – выдохнул он.
– На «внутреннее ядро», – ответил Айра.
– Не может быть!
Хаген снова толкнул вперед ствол пистолета, слегка провернув его вверх. Лицо дежурного перекосилось, и он застонал, вся его нижняя часть тела горела от боли.
– Кто такой Клайд? – требовательно спросил Хаген.
– Клайд Бут, – сквозь зубы выдавил дежурный.
– Я тебя не слышу, дружок.
– Его зовут Клайд Бут.
– Расскажи мне о нем.
– Он гениален. Придумывает и изобретает научные штуки, которые используют в космосе. Разные секретные системы для правительства. Я точно не знаю, я всего лишь охранник.
– Где он?
– На заводе в десяти милях к западу от Санта-Фе. Называется «Кью-Би-Тех».
– Как расшифровывается «Кью-Би»?
– «Квотербек», – ответил дежурный. – Бут был игроком сборной Америки по футболу, играл за штат Аризона.
– Вы знали, что я появлюсь здесь?
– Нам приказали быть начеку, когда появится толстый мужчина.
– Сколько вас возле станции? – спросил Хаген.
– Еще трое. Один в эвакуаторе в том конце улицы, один на крыше склада за станцией, один в красном фургоне возле западного бара и какого-то ресторанчика.
– Почему они ничего не делают?
– Нам приказано только следить за вами.
Мужчина перестал давить на дежурного и засунул пистолет в кобуру. Затем высыпал на землю патроны из его пистолета и смел их ногой под машину.
– Ладно, – сказал он. – Теперь возвращайся назад к станции, только не беги.
Когда дежурный прошел половину пути к зданию станции, Хаген уже заворачивал за угол следующего квартала. Он сделал еще четыре поворота, чтобы объехать эвакуатор и фургон, а затем погнал машину прямиком в аэропорт.

Леонард Хадсон вышел из лифта, опустившего его в самое сердце штаб-квартиры колонии Джерси. В руках он держал зонтик, с которого стекали капли дождя, и причудливой формы чемоданчик из отполированного до блеска орехового дерева.
Он отвечал на приветствия сотрудников коротким кивком, не поворачивая голову в их сторону. Хадсон никогда не был нервным человеком, и редко можно было увидеть, как его терзают сомнения, однако сейчас он был обеспокоен. Сообщения от других членов «внутреннего ядра» вселяли опасения. Кто-то планомерно выслеживал каждого из них, одного за другим. Этот кто-то успешно находил бреши в их тщательно разработанных тайных операциях.
Теперь мечта о лунной базе, все разработки, планирование, жизни людей, деньги и усилия, затраченные на колонию Джерси, оказались под угрозой из-за неизвестного злоумышленника.
Он вошел в просторный, но скупо обставленный кабинет, где его уже ждал Гуннар Эриксен. Тот сидел на диване, держа в руках чашечку горячего кофе и покуривая изогнутую трубку. Его круглое лицо без единой морщины выглядело мрачным, глаза загадочно поблескивали. Он был одет небрежно, но очень стильно, в дорогую спортивную куртку из кашемира, бежевый свитер с треугольным вырезом ворота и подходящие по цвету шерстяные брюки. В эту минуту он был похож на торговца машинами «Ягуар» и «Феррари».

– Ты разговаривал с Фишером и Бутом? – спросил Хадсон, повесив зонтик и ставя чемодан возле стола.
– Разговаривал.
– Есть мысли, кто это может быть?
– Нет.
– Странно, почему он нигде не оставил отпечатков, – сказал мужчина, присаживаясь на диван рядом с доктором Эриксеном и наливая себе кофе из стеклянного кувшина.
Ученый выпустил к потолку струю дыма.
– Еще более странно, что его невозможно разглядеть ни на одной пленке, где он появлялся.
– Агент мог использовать какой-нибудь электронный прибор для искажения картинки на видеокамере.
– Он не похож на обычного частного детектива, – размышлял Эриксен. – Это профессионал высшего класса, у него есть солидная поддержка.
– Агент отлично ориентируется на местности, у него всегда есть все нужные удостоверения и пропуска. А та история, что он наплел доктору Муни насчет аудиторской проверки в главной бухгалтерии, была просто превосходной. Я бы и сам купился на нее.
– Что мы о нем знаем?
– У нас есть всего несколько его описаний, да и то они все слишком различаются во всех его характеристиках, кроме размеров. Все отметили, что он толстяк.
– Возможно, президент обратился в какие-то секретные спецслужбы, о которых не знаем даже мы.
– Если бы это было так, – засомневался Хадсон, – тогда за нами следили бы тучи тайных агентов. А этот, кажется, работает в одиночку.
– Ты не рассматриваешь возможность того, что президент мог тихонько нанять агента, отдаленного от правительственных структур? – спросил Эриксен.
– Я думал об этом, но сильно сомневаюсь. Наш друг из Белого дома внимательно следит за Овальным кабинетом. Он отмечает все звонки и всех, кто звонит, входит или выходит из исполнительного крыла. Конечно, у президента есть еще личная телефонная линия, но не думаю, что о таких делах он стал бы договариваться по телефону.
– Интересно, – сказал Эриксен. – Толстяк начал свое расследование именно там, где мы придумали колонию Джерси.
– Вот-вот, – подтвердил Хадсон. – Он обыскал кабинет Эрла Муни в лаборатории имени Паттендена, а затем отследил телефонный звонок генералу Фишеру и даже намекал, будто ты требуешь, чтобы я оплатил тебе самолет.
– Это очевидное указание на наши фиктивные смерти, – задумчиво сказал Эриксен. – Значит, он как-то сумел связать нас между собой.
– Затем агент объявился в Колорадо и напал на Фишера, вдобавок украв блокнот с фамилиями и телефонными номерами ведущих людей, работающих над проектом «Колония Джерси», среди которых есть и несколько человек «внутреннего ядра». После этого ему удалось уйти, когда мы пытались отловить его у Нью-Мексико. Нам повезло лишь в одном – один из наших агентов безопасности заметил, как в аэропорту Альбукерке приземлился частный самолет без опознавательных знаков, из которого вышел толстяк. А улетел он всего через два часа.
– Если он арендовал машину, значит, должен был пользоваться каким-то документом, удостоверяющим личность.
Хадсон покачал головой:
– Там нет ничего полезного. Он показывал водительские права и кредитную карточку на имя Джорджа Гудфлая из Нового Орлеана, но такого человека даже не существует.
Ученый вытряхнул пепел из трубки в стеклянную пепельницу.
– Странно, почему же он не поехал в Санта-Фе, чтобы попытаться помешать операции Клайда Бута?
– Думаю, агент занимается только шпионской деятельностью.
– В таком случае кто ему платит? Русские?
– Уж точно не КГБ, – сказал Хадсон. – Они бы не передавали зашифрованные сообщения по телефону и не передвигались бы по стране на частном самолете. Нет, этот человек вынужден действовать быстро. По-моему, на него давят сроки.
Эриксен опустил взгляд в чашку с кофе.

– Через пять дней русские планируют высадиться на Луну. Скорее всего, это и есть конец срока.
– Думаю, ты прав.
Эриксен посмотрел на него.
– Теперь хоть ты понимаешь, как опасно было втягивать в это дело президента? – сдержанно сказал он.
Хадсон медленно кивнул.
– Тогда мне казалось, что так будет лучше, – огорченно сказал он. – Хотелось верить, что он поможет обезопасить колонию Джерси от русских.
– Судя по твоему рассказу о вашей встрече, его не впечатлила идея битвы за Луну между нашими людьми и советскими космонавтами. Поэтому он вряд ли обрадуется, когда узнает, что Штейнмец уничтожил три советских корабля.
– Меня больше беспокоит другое, – сказал Хадсон. – Если глава государства на самом деле пытается вмешаться, то почему он поручил это дело только одному человеку, имея предостаточно спецслужб под рукой?
– Как только президент поверил в колонию Джерси, он осознал, что наши люди будут следить за каждым его шагом, что мы всегда сможем замести следы и скрыться от любого расследования. Должен признать, президент – мудрый человек. Он ввел в игру нового персонажа со стороны, которому удается проникать сквозь наши стены быстрее, чем мы успеваем это осознать.
– Но мы все еще можем направить его по ложному следу.
– Уже слишком поздно. Толстяк добыл блокнот Фишера, – сказал Эриксен. – Он знает, кто мы такие и где нас найти. Он очень опасен для нас. Начав с самого хвоста, он уже добирается до нашей головы. Лео, как только толстяк войдет в кабинет президента, тот сразу же постарается остановить войну за колонию Джерси между советскими космонавтами и нашими людьми.
– Ты намекаешь, что нужно избавиться от агента? – спросил Хадсон.
– Нет, – ответил Эриксен. – Лучше не злить президента. Нам нужно просто залечь на дно на ближайшие несколько дней.
– Но мы не знаем, где он окажется в следующий раз, – задумался Хадсон.
Эриксен неторопливо набил трубку табаком.
– Он начал охоту в Орегоне, оттуда перебрался в Колорадо, затем в Нью-Мексико. Я думаю, что следующая его цель – Техас. А точнее, офис нашего человека из НАСА в Хьюстоне.
Хадсон снял трубку телефона и начал набирать номер.
– Жаль, что я не смогу быть там, когда мы схватим этого ублюдка.

Следующие два часа Питт провел лежа на спине в кровати, прислушиваясь к хлопанью металлических дверей и к шагам в коридоре. Молодой охранник принес обед и ждал, пока Дирк ел, чтобы перед уходом убедиться, что ни один столовый прибор не пропал. На этот раз охранник был в лучшем расположении духа и пришел без оружия. Кроме того, он оставил дверь открытой, что дало Дирку возможность во время обеда осмотреть защелку.
Его удивлению не было предела, когда он увидел, что дверь запирается на обычный дверной засов, а не на надежную тяжелую щеколду. Это помещение явно было создано не для того, чтобы держать кого-то взаперти. Больше оно было похоже на чулан.
Питт положил ложку в тарелку с неприятно пахнущей тушеной рыбой и вернул ее в руки охраннику. Сейчас ему больше хотелось увидеть, как запирается дверь, чем доедать помои. Их, по его мнению, принесли специально, чтобы лишить его бодрости. Охранник вышел из помещения и закрыл железную дверь. Пленник навострил уши и услышал звук закрывающегося засова сразу после того, как дверь захлопнулась.
Он опустился на колени и, внимательно осмотрев щель между дверью и дверным косяком, определил, что ширина зазора составляет примерно три миллиметра. Затем Дирк начал рыскать по комнате, выискивая что-нибудь достаточно тонкое, чтобы просунуть в щель и отодвинуть засов.
Основание кровати под пуховой периной было сделано целиком из дерева и собрано на пазах, ничего металлического на нем не было. Носик крана на раковине был керамическим, водопроводные трубы и туалетный бачок также не могли принести никакой пользы. Зато со шкафом ему повезло. Дверные петли на нем отлично вошли бы в щель, только он никак не мог открутить удерживавшие их шурупы ногтями.

Питт все еще ломал голову над этой задачей, когда охранник вдруг распахнул дверь и стал на пороге. Несколько секунд его глаза настороженно осматривали комнату. Затем он указал пленнику на выход, провел его через лабиринт серых бетонных коридоров и остановился перед дверью, помеченной цифрой «шесть».
Охранник бесцеремонно втолкнул мужчину в небольшую квадратную комнату, где стоял отвратительный, тошнотворный запах. На цементном полу в центре комнаты находился сток. Пятна на стене зловеще перекликались с мрачным оттенком красного цвета, в какой она была выкрашена. Единственным освещением в комнате была тускло-желтая лампочка, свисающая с потолка. В таких наводящих тоску комнатах Питту еще бывать не доводилось.
Кроме дешевого и дряхлого деревянного кресла, мебели в комнате не было. Но в кресле сидел человек, на него Питт и уставился. Тот посмотрел в ответ ледяным взглядом. Дирк не мог точно определить рост незнакомца, но его грудь и плечи были настолько массивными, что казалось, будто перед ним сидел бодибилдер, который тысячи часов провел в спортзале, истекая потом и не жалея усилий. Голова была гладко выбритой, а лицо можно было бы назвать красивым, если бы не огромный уродливый нос, совершенно ему не подходящий. Он был одет только в резиновые сапоги и пляжные шорты. Его лицо показалось Питту знакомым, только бы убрать пышные бисмарковские усы.
Не поднимая глаз, здоровяк принялся зачитывать список преступлений, в которых обвинялся пленник. Нарушение кубинского воздушного пространства; уничтожение вертолета и убийство его экипажа; работа в качестве агента ЦРУ; нелегальное пересечение границы страны. Наконец, он пробубнил последнее обвинение в незаконном проникновении в запретную военную зону. Он разговаривал как коренной американец с легким западным акцентом.
– Ну, что скажете?
– Виновен во всех этих грехах.
Огромная рука протянула Питту лист бумаги и ручку.
– Раз вы признаете свою вину, тогда, пожалуйста, распишитесь здесь.
Дирк взял ручку, приложил бумагу к стене и подписал ее, не прочитав ни слова.
Следователь задумчиво посмотрел на подпись.
– Я думаю, вы сделали ошибку.
– Как так?
– Вас зовут не Бенедикт Арнольд.
Питт щелкнул пальцами:
– Точно, ей-богу. Им я был на прошлой неделе. На этой неделе я – Миллард Филлмор.
– Очень смешно.
– Поскольку генерал Великов уже сообщил американским властям о моей смерти, – серьезно сказал Питт, – то я не вижу никакого смысла признавать свою вину. Это все равно что вводить инъекцию пенициллина в скелет. Какой в этом толк?
– Страхование, пропагандистские цели, да и переговорам это тоже пойдет на пользу, – любезно ответил следователь. – Причин множество.
Он замолк, читая документ на столе.
– Генерал Великов предоставил мне ваше досье, там указано, что вы руководили проектом по подъему затонувшего судна «Эмпресс оф Айрленд» на реке Святого Лаврентия.
– Верно.
– По-моему, я тоже в этом участвовал.
Питт присмотрелся к нему. Ему казалось, что они уже встречались, но он ничего не мог вспомнить. Дирк покачал головой:
– Я не припоминаю, чтобы вы работали в моей команде. Как вас зовут?
– Фосс Глай, – медленно произнес он. – Я работал с канадцами, чтобы сорвать вашу операцию.
В голове Питта мгновенно возникла сцена на борту буксира, пришвартованного в одном из доков порта Римуски в Квебеке. Тогда он спас жизнь британскому тайному агенту, гаечным ключом ударив Глая по голове. С большим облегчением Дирк понял, что тот не мог видеть его в ту секунду, потому что он подошел со спины.
– Значит, мы не встречались лицом к лицу, – спокойно сказал Питт.
Он смотрел на Глая, ожидая, что тот узнает его, однако Фосс и глазом не моргнул.
– Наверное, нет.
– Что-то вас далековато от дома занесло.

Громила пожал большими плечами:
– Я работаю на тех, кто платит больше долларов за мои услуги.
– В данном случае денежная машина обеспечивает вас рублями.
– Превращенными в золото, – добавил Глай.
Он вздохнул, встал с кресла и потянулся. На упругой коже выступали вены. Когда он поднялся и вскинул глаза, его гладко обритая голова оказалась примерно на уровне подбородка Питта.
– Я бы с радостью продолжил нашу пустую болтовню о прошлом, Дирк, но вы должны ответить мне на несколько вопросов и поставить подпись под признанием вины.
– Мы поговорим на любую тему, которая вас интересует, только когда я буду уверен, что Лебаронам и моим друзьям ничего не угрожает.
Глай ничего не ответил, с безразличием глядя Питту в глаза.
Пленник едва успел предугадать удар и уклониться. Но Глай не растерялся. Вместо этого он медленно дотянулся рукой до ключицы Питта и сжал ее. Сначала сжимал легко, но затем ослабил хватку и резко сжал еще сильнее. По телу мистера Дирка прокатилась горячая волна обжигающей боли.
Питт схватился за запястье Глая обеими руками и попытался выскользнуть из стальной хватки, но с таким же успехом он мог бы попытаться вырвать с корнем из земли двадцатифутовый дуб. Он изо всех сил сжимал зубы, боясь сломать их. Сквозь взрыв фейерверков боли в голове Питт едва расслышал голос Глая:
– Ладно, Питт, до этого не должно было дойти. Просто скажи, кто стоит за вашим вторжением на остров и зачем им это нужно. Не понимаю, зачем проходить через боль, ты же не мазохист. Поверь мне, тебе не понравится, если будем продолжать в таком ключе. Расскажи генералу все, о чем он хочет знать. То, что ты скрываешь, все равно не изменит ход истории. Своим молчанием ты не спасешь тысячи жизней. Или ты хочешь, чтобы день за днем тебя избивали, ломали все кости, суставы, пока твое тело не превратится в студень? Именно это тебя и ждет, если не захочешь сотрудничать. Уяснил?
Как только Глай ослабил хватку, невероятная боль притупилась. Питт покачнулся на ногах, глядя на своего истязателя из-под полуопущенных век и массируя уродливый синяк, тут же налившийся на плече. Он понимал, что, даже если расскажет правду, ему все равно не поверят. Пытки будут продолжаться до тех пор, пока его силы не иссякнут до конца. Он вежливо спросил:
– Вы получаете премиальные за каждое выбитое из человека признание?
– Я не работаю по заказу, – усмехнулся Глай.
– Ваша взяла, – соглашаясь, сказал Питт. – У меня слишком низкий болевой порог. Вы хотите, чтобы я признался, вот только в чем? В покушении на Фиделя Кастро? Или думаете, что нас прислали, чтобы мы пропагандировали принципы демократии для ваших русских консультантов?
– Мне нужна правда.
– Я уже все рассказал генералу Великову.
– Да, ваш разговор записывался, я слышал его.
– Тогда вы знаете, что госпожа Лебарон, Эл Джордино, Руди Ганн и я пытались отыскать следы Рэймонда Лебарона, исчезнувшего во время поисков затонувшего корабля, где якобы остались сокровища. Вы видите тут какую-то угрозу?
– Генерал Великов считает, что эту историю вы используете в качестве прикрытия другой, более секретной миссии.
– Например?
– Попытка связаться с Кастро.
– Просто смешно. Разве правительства США и Кубы не способны договориться друг с другом без нашей помощи?
– Ганн все нам рассказал, – сказал Глай. – Вы должны были возглавить всю операцию, оказаться в кубинских водах, где их патрульный катер должен был вас подхватить и доставить на материк. Добравшись сюда, вы должны были передать важную информацию, которая касается отношений между США и Кубой.
Питт был искренне удивлен. Для него это было совершенно немыслимо.
– Настолько бредовой сказочки я еще не слышал.

– Тогда почему вы были вооружены и, кроме того, уничтожили кубинский патрульный вертолет?
– У нас не было никакого оружия, – соврал Питт. – Вертолет взорвался у нас на глазах совершенно внезапно. Я не знаю, почему так произошло.
– Тогда объясните, почему кубинская лодка не нашла выживших на месте крушения?
– Мы упали в воду. Было очень темно, море бесновалось. Они попросту могли не заметить нас.
– Тем не менее во время сумасшедшего урагана вам удалось проплыть шесть миль, держась рядом вчетвером, и целыми и невредимыми добраться до Кайо-Санта-Мария. Как такое возможно?
– Думаю, нам просто повезло.
– А теперь прислушайтесь к своим словам и подумайте, чья сказочка звучит бредовей?
Пленник не успел ответить. Глай без лишних слов размахнулся и опустил кулак возле левой почки Питта.
Боль и вспышка внезапного понимания взорвались внутри его одновременно. Падая в черный омут забытья, он пытался протянуть руку к Джесси, но она лишь смеялась в ответ на его усилия.
Глубокий, звучный голос что-то говорил ему в ухо. Слова доносились неясно и будто бы издалека. К краю кровати подобрались скорпионы и тыкали в него своими ядовитыми хвостами. Питт открыл глаза. Яркий флуоресцентный свет ослепил его, поэтому он снова прикрыл веки. Почувствовав на лице что-то мокрое, Дирк подумал, что его уносит под воду, и вскинул руки. Тогда голос раздался отчетливее где-то позади него:
– Ну-ну, приятель, расслабьтесь. Я просто протру вам лицо.
Питт снова открыл веки и увидел перед собой приятное и умное лицо пожилого седовласого человека с мягкими, обеспокоенными глазами. Незнакомец улыбнулся:
– Больно?
– Печет слегка.
– Хотите воды?
– Да, пожалуйста.
Мужчина встал, его голова почти касалась потолка. Он вытащил чашку из маленького холщового мешочка и наполнил водой из умывальника.
Питт схватился за бок и медленно привстал. Он почувствовал слабость и понял, что сильно проголодался. Когда он последний раз перекусывал? Затуманенный мозг отказывался вспоминать об этом. Поблагодарив старика, он взял из его рук чашку с водой и залпом выпил до дна. Затем поднял глаза на своего благодетеля:
– Богатый и безрассудный старина Рэймонд, я полагаю?
Лебарон натянуто улыбнулся:
– Мне не особо нравится, когда меня так называют.
– А вас не так-то и легко было найти.
– Жена рассказала, что вы спасли ей жизнь. Я хочу поблагодарить вас.
– Судя по словам генерала Великова, спасение – лишь небольшая отсрочка нашей смерти.
Улыбка исчезла с лица Лебарона.
– Что он сказал вам?
– «Вы все должны умереть». Так и сказал, слово в слово.
– Он объяснил почему?
– Как я понял, мы натолкнулись на самое секретное советское военное сооружение.
Лицо Лебарона стало задумчивым. Затем он сказал:
– Великов солгал. На самом деле это место было построено, чтобы перехватывать сообщения по радиолиниям микроволнового диапазона по всем США, но из-за быстрого развития прослушивающих спутников размещенные здесь установки устарели еще до того, как постройку завершили.
– Откуда вы знаете?
– Они позволили мне свободно выходить. Если бы остров был строго засекречен, то вряд ли меня выпустили бы из бункера. Я не видел ничего похожего на сложное оборудование связи или антенны. Кроме того, я подружился с несколькими приезжавшими на остров кубинцами, и из разговоров с ними мне удалось кое-что разузнать. В общем, теперь это место служит чем-то вроде укромного курорта для бизнесменов, сюда приезжают руководители крупных компаний,

чтобы обсуждать и планировать маркетинговую стратегию на предстоящий год. Именно здесь собираются высокопоставленные советские и кубинские чиновники, чтобы определить политический курс и военную стратегию.
Питт не мог сосредоточиться. Левая почка ужасно болела, хотелось спать. Шатаясь, он подошел к унитазу. Его моча была розового цвета, но крови было немного, поэтому он подумал, что могло быть и хуже.
– Лучше не будем продолжать наш разговор, – сказал Дирк. – Скорее всего, камера прослушивается.
Лебарон покачал головой:
– Нет, не думаю. Мы сейчас так глубоко под землей, что нет смысла оборудовать комнату максимальными средствами безопасности, все равно нам не выбраться. Я бы сравнил это место со старой французской исправительной колонией на Чертовом острове – оттуда тоже невозможно сбежать. Расстояние отсюда до собственно Кубы составляет более двадцати миль. Вода кишит акулами, а течение постоянно относит к морю. Ближайшая суша в другом направлении – это Багамы, в ста десяти милях к северо-востоку. Если вы думаете о побеге, советую забыть о нем.
Питт осторожно откинулся на спинку кровати.
– Вы видели остальных?
– Да.
– И как они?
– Джордино и Ганна поместили вместе в тридцати футах дальше по коридору. Из-за травм их еще не водили в комнату номер шесть. Пока что лечение проходит достаточно хорошо.
– А Джесси?
Лицо Лебарона слегка напряглось.
– Генерал Великов любезно предоставил нам комнату для почетных гостей. Нам даже разрешено обедать вместе с офицерами.
– Рад слышать, что вас обоих избавили от посещения комнаты номер шесть.
– Да, нам с Джесси повезло, что с нами обращаются по-человечески.
Тон, с которым Лебарон произнес это, казался неубедительным, слова прозвучали слишком монотонно, а в глазах ни на секунду не заиграла искорка. Он не был похож на человека, известного своей смелостью, жаждой к приключениям и яркими провалами в мире бизнеса и вне его. Питт подумал, что это совсем не тот энергичный человек, в чьих советах нуждались многие финансисты и мировые лидеры. Сейчас он больше походил на униженного фермера, лишенного земли каким-нибудь бессовестным банкиром.
– А что с Баком Цезарем и Джо Кавильей? – спросил Питт.
Издатель печально пожал плечами:
– Баку удалось ускользнуть от охранников во время прогулки на свежем воздухе, и он попытался уплыть, используя ствол поваленной пальмы в качестве плота. Его тело, а точнее, то, что не доели акулы, выбросило на пляж спустя три дня. Ну а Джо после нескольких сеансов в комнате номер шесть впал в кому и умер. Очень жаль. У него не было причин отказываться от сотрудничества с генералом Великовым.
– Вам никогда не приходилось встречаться с Фоссом Глаем?
– Нет, я был избавлен от этой участи. Почему? Да я и сам не знаю. Может быть, генерал Великов думает, что я представляю ценность для обмена.
– В общем, побывать у него повезло только мне, – мрачно сказал Питт.
– Я хотел бы помочь вам, но генерал даже не внял моим просьбам не трогать Джо. К вам он оказался так же безразличен, как и к нему.
Дирк отстраненно задумался о том, почему издатель все время упоминает воинское звание русского, называя того генералом Великовым, и не иначе.
– Не понимаю смысла такого жестокого допроса. Ради чего им нужно было убивать Кавилыо? Что они хотят услышать от меня?
– Правду, – коротко сказал Лебарон.
Питт резко взглянул на него:
– Правда в том, что я знаю, что вы с вашими приятелями отправились на поиски «Циклопа» и исчезли. Мы с вашей женой отправились искать место кораблекрушения в надежде, что там мы сможем узнать, что с вами случилось. Скажите мне, что из этого может показаться ложью.

Собеседник рукавом вытер со лба вновь выступивший пот.
– Нет смысла спорить со мной, я не тот, кто вам не верит. У русских такой менталитет – видеть ложь в каждом правдивом слове.
– Вы разговаривали с Джесси. Уверен, что она уже рассказала вам, как нам удалось найти «Циклоп» и попасть на остров.
Издатель заметно поморщился, когда услышал о «Циклопе». Питту показалось, что упоминание о корабле внезапно оттолкнуло от него старика. Он поднял холщовую сумку и постучал в дверь. Почти сразу она распахнулась, и Лебарон ушел.

Фосс Глай ждал Лебарона в комнате номер шесть. Он был похож на истинное порождение зла, ходячую машину для убийства, которой чужды жалость к страданиям и смерти. Он насквозь пропах запахом гниющего мяса.
Мужчина, содрогаясь от страха, подошел и молча передал ему в руки холщовый мешок. Глай запустил туда руку, достал небольшой диктофон и перемотал ленту. Несколько секунд он вслушивался в голоса, чтобы убедиться, что они отчетливо слышны.
– Он доверяет тебе? – спросил Глай.
– Да, он даже не пытался ничего скрывать.
– Он работает на ЦРУ?
– Уверен, что нет. Он оказался на острове совершенно случайно.
Глай вышел из-за стола и резко схватил дряхлую кожу на боку Лебарона, крепко сжал и начал проворачивать ее. Знаменитый издатель выпучил глаза, задыхаясь от боли, пронизавшей тело. Он медленно опустился на колени на бетонный пол.
Мучитель склонился над ним и уставился с застывшей ледяной ненавистью в глаза Лебарона.
– Хватит врать мне, сволочь, – грозно прорычал он, – или твоя милашка жена будет следующей, кого изуродуют!

Айра Хаген решил обхитрить Хадсона и Эриксена, миновав Хьюстон. В поездке туда не было необходимости. Компьютер на борту самолета и так сказал все, что было нужно. Отслеживание техасского номера телефона из блокнота генерала Фишера вывело его на кабинет директора службы управления полетов НАСА Ирвина Митчелла, он же Ирвин Дюпюи. Проверив другое имя из списка, Хаген выяснил, что Стив Ларсон – на самом деле Стив Буше, директор летно-исследовательского центра НАСА в Калифорнии.
Было девять негритят, осталось их четыре…
В записях Хагена о членах «внутреннего ядра» появились новые примечания:

Рэймонд Лебарон Последнее местоположение – Куба
Генерал Марк Фишер Колорадо-Спрингс.
Клайд Бут Альбукерке.
Ирвин Митчелл Хьюстон.
Стив Буше Калифорния.
Дин Бигл (?) Филадельфия (имя и местоположение не проверено).
Дэниел Кляйн (?) Вашингтон (то же самое).
Леонард Хадсон Мэриленд (местоположение не проверено).
Гуннар Эриксен Мэриленд (то же самое).

До конца срока оставалось всего сорок шесть часов. Хаген постоянно держал президента в курсе событий и предупредил его, что едва успеет завершить расследование в срок. Тем временем глава государства уже собрал команду из доверенных лиц, которые должны будут схватить членов «внутреннего ядра» и доставить их в указанное место, которое президент уточнит позже. Козырь Хагена был в том, что он вплотную подобрался к трем оставшимся именам из списка. Он готов был поспорить, что они все находились в тесной взаимосвязи.
Приземлившись на самолете в международном аэропорту Филадельфии, Айра решил изменить свой обычный план и не тратить время на аренду машины. Пилот заранее сделал звонок, поэтому, спустившись по трапу, агент увидел, что его уже ждет лимузин «Линкольн». Во время поездки длиной в двадцать четыре мили вдоль реки Скулкилл к Национальному историческому парку Вэлли Фордж он составлял доклад для президента и размышлял, как поскорее

обнаружить Хадсона и Эриксена. Их общий телефонный номер, как оказалось, принадлежал отключенному телефону в заброшенном доме под Вашингтоном.
Как только автомобиль проехал мимо парка, где разбивала лагерь армия Джорджа Вашингтона зимой 1777/78 года, Хаген закрыл чемодан. Многие деревья все еще были укрыты золотыми листьями, а холмы до сих пор не окрасились в коричневый цвет. Водитель свернул на дорогу, которая вилась вокруг нависающего над парком холма и была с обеих сторон обнесена старой каменной стеной.
Таверна «Конница и артиллерия» была построена в 1790 году на месте остановки дилижансов в качестве постоялого двора для колониальных путешественников. Ее окружали широкие лужайки и рощица тенистых деревьев. Живописное трехэтажное здание выделялось голубыми ставнями и величавым крыльцом. Таверна служила подлинным примером старых фермерских домов из белого камня, а на ее фасаде висела табличка, сообщавшая, что она занесена в Национальный реестр исторических мест.
Хаген вышел из лимузина, поднялся по ступенькам на крыльцо, где стояло старинное кресло-качалка, и прошел в прихожую, обставленную антикварной мебелью вокруг уютного камина, в котором потрескивали горящие поленья. В обеденном зале его пригласила к столу девушка, одетая в колониальный костюм.
– Дин уже здесь? – вскользь спросил Айра.
– Да, сэр, – бодро ответила она. – Сенатор на кухне. Хотите видеть его?
– Я буду очень признателен, если он уделит мне пару минут.
– Не желаете пока что взглянуть на меню?
– Да, пожалуйста.
Хаген просмотрел меню и нашел список старинных американских блюд весьма заманчивым. Но он был сейчас не в состоянии полностью предаться мыслям о еде. Агент не мог поверить, что Дин Бигл мог оказаться сенатором Дином Портером, который когда-то возглавлял влиятельную Комиссию по иностранным делам и был близок к тому, чтобы обогнать Джорджа Макговерна в предвыборной гонке за президентское кресло. Будучи членом сената почти тридцать лет, Портер оставил неизгладимый след в американской политике, перед тем как ушел в отставку всего два года назад.
Лысый мужчина лет восьмидесяти вышел из кухни через вращающуюся дверь, вытирая руки о край фартука. Невыразительное старческое лицо, сгорбленная фигура. Он подошел к столику Хагена и посмотрел на него, не меняя выражения лица:
– Хотели меня видеть?
Хаген встал.
– Сенатор Портер?
– Да.
– Меня зовут Айра Хаген. Я владелец сети ресторанов, специализирующихся на американских блюдах, но и близко не таких оригинальных, как ваши.
– Лео предупредил меня, что вы придете, – напрямик сказал Портер.
– Может быть, присядем?
– Вы останетесь на ужин, мистер Хаген?
– Планировал остаться.
– Тогда разрешите предложить вам бутылочку нашего вина собственного приготовления.
– Спасибо.
Сенатор подозвал официантку и сделал заказ. После этого повернулся к Хагену и посмотрел ему прямо в глаза:
– Скольких из нас вы вычислили?
– Вы шестой, – ответил Хаген.
– Хорошо, что вы решили не заезжать в Хьюстон. Лео просил наших парней оказать вам теплый прием.
– Сенатор, вы являлись членом «внутреннего ядра» с самого начала?
– Я вступил в дело в 1964 году, помогал налаживать подпольное финансирование.
– Восхищен вашей первоклассной работой.
– Я так понимаю, вы работаете на президента?
– Верно.
– Что он собирается делать с нами?

– Собирается раздать вам все награды, какие вы заслужили. Но главная его цель – остановить ваших людей, чтобы предотвратить войну за Луну.
Портер промолчал, пока служанка ставила на стол бутылку холодного белого вина. Он ловко вытащил пробку и налил вино в бокал. Сделав большой глоток, сенатор прополоскал вино во рту и кивнул:
– Неплохо.
Затем наполнил бокал агента.

> – Представьте, мистер Хаген, пятнадцать лет назад наше правительство совершило глупейшую ошибку, решив вовлечь наши космические технологии в безмозглую игру, которую назвали «рукопожатием в космосе». Если вы помните, тогда получила широкую огласку у общественности совместная русско-американская программа, когда наши астронавты с корабля «Аполлон» должны были объединиться с космонавтами корабля «Союз-19» и встретиться с ними на орбите. С самого начала я выступал против этого, но в то время был период ослабления напряжения между странами, поэтому мой голос оказался всего лишь гласом вопиющего в пустыне. Я не доверял русским тогда, не доверяю и сейчас. Вся их космическая программа держалась только на политической пропаганде, а на самом деле технических достижений у них было немного. А мы сами, своими же руками дали русским доступ к новейшим американским технологиям, которые на двадцать лет опережали их разработки. И даже после этого советская космическая техника оставалась полным дерьмом в сравнении с тем, что создали мы. Но на эти политические поддавки было спущено четыре миллиона долларов. То, что мы целовали задницу русским в то время, как они обдирали нас, в очередной раз доказывает фразу Барнума
> [12]
> , что на наш век простофиль хватит. И тогда я поклялся себе, что не допущу, чтобы такое случилось снова. Поэтому я больше не буду молчать и не позволю русским прибрать к рукам колонию Джерси. Если бы они превосходили нас технически, то не сомневаюсь, что они выкинули бы нас с Луны.

– Получается, вы согласны с Лео, что прибывших на Луну русских нужно уничтожить.
– Они сделают все, что в их силах, чтобы присвоить все научные победы нашей лунной базы. Посмотрите в лицо реальности, мистер Хаген. Вы ведь ни разу не слышали о том, чтобы наши тайные агенты скупали у русских их передовые технологии и контрабандой перевозили в Россию. Советы зависят от нашего прогресса, потому что они сами слишком глупы и близоруки, чтобы что-то создать своими руками.
– Должен заметить, русские у вас не в почете, – сказал Хаген.
– Возможно, если Кремль решит предпринять что-то, чтобы сделать мир лучше, и откажется от их любимого метода «разделяй и властвуй», тогда я поменяю мнение о них.
– Вы поможете мне найти Лео?
– Нет, – коротко ответил сенатор.
– Тогда «внутреннему ядру» остается лишь ждать, что решит президент.
– Для этого он вас и послал?
– Он надеялся, что я успею найти всех вас, пока еще есть время.
– Какое еще время?
– Через четыре дня советские космонавты впервые приземлятся на Луне. Если люди на колонии Джерси убьют их, то русское правительство будет чувствовать за собой полное право сбивать наши космические корабли и разрушать космические лаборатории.
Сенатор посмотрел на Хагена ледяным взглядом:
– Интересная гипотеза. По-моему, нужно просто подождать и самим все увидеть, разве нет?

Питт использовал застежку с ремешка часов в качестве отвертки, чтобы раскрутить болты, крепящие дверные петли на шкафу. Затем просунул петлю между дверным засовом и защелкой. Она вошла туда почти идеально. Теперь ему оставалось лишь дождаться, пока охранник принесет ужин.
Он зевнул и лег на кровать, задумавшись о Рэймонде Лебароне. Совсем не таким он представлял себе известного издателя-магната. Репутация Лебарона явно не оправдывала себя.

Он показался Питту слишком запуганным. Кроме того, миллионер ни разу не упомянул разговоры с Джесси, Алом и Руди, хотя они, несомненно, попросили бы его передать Дирку какие-нибудь ободряющие слова. Что-то в действиях Лебарона казалось ему очень подозрительным.
Он присел на кровати, как только услышал звук дверной защелки. Вошедший охранник держал в руках поднос. Взяв его из рук охранника, Питт поставил поднос себе на колени.
– Что за деликатесы ты принес мне сегодняшним вечером? – весело спросил пленник.
Охранник неприязненно скривил губы и равнодушно пожал плечами. Дирк не мог его винить. На подносе лежала небольшая буханка липкого безвкусного хлеба и тарелка с безобразной тушеной курицей.
Питт сильно проголодался, и, кроме того, ему было необходимо восстановить силы. Он кое-как проглотил пищу, едва подавив приступ тошноты. Наконец пленник вернул поднос охраннику, тот молча взял его и вышел в коридор, закрывая за собой дверь.
Дирк мгновенно спрыгнул с кровати, упал на колени и всунул одну из петель от шкафа между засовом и дверным косяком, мешая засову стать на место. В то же время он надавил на дверь плечом и подставил вторую петлю, чтобы сымитировать щелчок.
Услышав удаляющиеся шаги охранника, он ослабил давление на дверь, стянул с руки кусок бинта над порезом и привязал его поверх засова, чтобы дверь оставалась открытой.
Сняв сандалии и воткнув их себе за пояс, мужчина всунул бинт в щель и беззвучно выскользнул в пустой коридор, прижимаясь к стене. Охранников либо охранного оборудования нигде не было видно.
Для начала он собирался найти друзей и вместе спланировать побег, но уже через двадцать ярдов по коридору наткнулся на узкую и круглую шахту пожарного выхода с лестницей, ведущей наверх, в темноту. Он решил посмотреть, куда идет этот лаз. Подъем оказался бесконечно долгим, и пленник понял, что, скорее всего, лаз с лестницей ведет наружу, мимо верхних этажей подземного сооружения. В конце концов его руки коснулись деревянного люка над головой. Дирк уперся в него плечами и медленно надавил. Люк громко скрипнул и поддался.
Питт втянул в легкие побольше воздуха и замер. Прошло пять минут, но ничего не произошло, никто не поднял шума, а приподняв люк, он очутился на бетонном полу гаража, заставленного военными и строительными машинами. Помещение гаража было весьма просторным, восемьдесят футов в ширину, сто футов в длину и около пятнадцати футов до потолка, поддерживаемого рядом стальных балок. В гараже было темно, только в дальнем углу виднелся свет из окна небольшой караульной комнаты. Внутри за столом сидели двое русских в военной форме и играли в шахматы.
Питт выскользнул из люка и, прячась за припаркованными автомобилями, прокрался под окнами караульного помещения до выхода из гаража. До сих пор он не мог понять, почему побег из камеры заточения давался ему так легко, но первая сложность возникла именно тогда, когда он меньше всего этого ожидал. Ворота были под напряжением. Пройти через них, не потревожив шахматистов, было невозможно.
Двигаясь в темноте, он начал пробираться вдоль стен в поисках другого выхода, хотя и знал, что это безнадежное дело. Если здание находилось на поверхности, то у него могли быть только одни большие ворота для машин.
Питт полностью обошел гараж вдоль стен и вернулся на то же место, откуда начинал обход. Смутившись, он уже собирался сдаться, но, бросив взгляд на потолок, заметил наверху вентиляционное отверстие. Оно было достаточно большим, чтобы через него мог протиснуться человек.
Дирк бесшумно вскарабкался на крышу грузовика, поднял руки над головой и подтянулся на поперечной опорной балке. После этого медленно прополз тридцать футов к отдушине и выбрался наружу. Поток свежего, наполненного влагой воздуха придал ему сил. Похоже, порывы ураганного ветра начали успокаиваться и уже вряд ли достигали более двадцати миль в час. Тучи закрывали небо лишь в нескольких местах, а при свете месяца можно было кое-как осмотреться в радиусе ста метров.
Тут же появилась новая задача – нужно было перебраться через высокую стену, окружающую постройку. В сторожке у ворот кто-то находился, поэтому просто пройти мимо, как две ночи назад, не получится.

В конце концов удача в очередной раз пришла на помощь Питту. Он наткнулся на небольшой водоотвод, уходящий под стену. Нырнув в него, он тут же уперся в решетку из железных прутьев. К счастью, от жаркого и влажного тропического воздуха они сильно проржавели, и мужчина смог легко отогнуть прутья в стороны.
Спустя три минуты Дирк выбрался наружу и рывком перебежал через размытую дорогу в рощу пальмовых деревьев. Вокруг не было видно ни охранников, ни электронных камер слежения, а низкие кустарники надежно скрывали его силуэт, который невозможно было разглядеть на фоне светлого песка. Он бежал к берегу, пока перед ним снова не показался электрический забор.
Наконец беглец нашел то место, где забор был повален ураганом. Его уже успели починить, но по лежащей рядом пальме он сразу понял, что именно здесь они проходили в прошлый раз. Дирк упал на колени и начал выгребать песок из-под забора. Чем глубже он копал, тем больше песка засыпалось во впадину с другой стороны. Около часа ушло на то, чтобы выкопать достаточно глубокую яму и через нее перебраться за забор.
Плечи и почки нещадно ныли, и он вспотел так сильно, что из него можно было выжимать воду. Питт пытался вспомнить дорогу к месту, где они впервые выбрались на берег после столкновения со скалами. Но ничего из того, что он мог разглядеть при тусклом свете луны, не напоминало места, какие им довелось проходить во время урагана и с закрытыми глазами. Питт побродил по пляжу взад-вперед, рыская между скалами. Хотелось бросить все и просто упасть без сил, но внезапно его взгляд наткнулся на какой-то отблеск на песке. Он протянул руку и нащупал топливный бак от подвесного двигателя их надувной лодки. Приводной вал и винт лежали в песке примерно в тридцати метрах от воды. Он снова начал рыть влажный песок, пока не выкопал сам мотор. Затем подхватил его на плечо и пошел по берегу, подальше от постройки русских.
Дирк не имел ни малейшего представления, куда он шел и где ему прятать мотор. Его ноги все глубже погружались в песок, а шестидесятифунтовый двигатель отнимал последние силы. Каждые несколько сотен ярдов он останавливался, чтобы передохнуть.
Пройдя около двух миль, беглец вышел к заросшей сорняками дороге, извивающейся между несколькими рядами заброшенных домов, уже превратившихся в развалины. Большинство из них были дряхлыми лачужками, ютившимися вокруг небольшого залива. Питт догадался, что здесь когда-то была рыбацкая деревня. Это было одно из поселений, жителям которого было приказано перебираться на материк, когда сюда пришли русские.
Он с облегчением сбросил с плеч двигатель и начал рыскать в домах. Стены и крыши были сделаны из листов гофрированного железа и дерева. Уцелела лишь малая часть мебели. На берегу он нашел лодку, но не успел обрадоваться, как его надежды тут же рухнули. Дно лодки напрочь прогнило.
В голову Питту пришла мысль построить плот, но он сразу отбросил ее из-за того, что на это уйдет слишком много времени, да и не факт, что он сумел бы его смастерить в кромешной темноте и без инструментов. Даже если бы что-то вышло, плот не был бы надежен на такой бурной воде.
Светящиеся стрелки на его часах показывали 1.30. Если он собирался найти Джордино и Ганна, то пора было двигаться дальше. Дирк не знал, где достать топливо для двигателя, но у него не было времени, чтобы отправляться на поиски прямо сейчас. По его подсчетам, он сможет вернуться в камеру только не менее чем через час.
За развалинами одного из сараев он нашел старую чугунную ванну. Положив мотор рядом, мужчина перевернул ванну вверх дном. Затем закинул на нее несколько шин и сгнивших матрасов и, вооружившись пальмовой ветвью, отправился заметать следы на семьдесят пять футов назад.
Обратная дорога к гаражу оказалась намного проще, чем побег оттуда. Нужно было только не забыть разогнуть прутья решетки в водостоке. Только сейчас он вдруг с удивлением подумал, что вокруг такой секретной постройки должны были ходить патрули охраны, но тут же до него дошло, что над островом постоянно летают американские самолеты-шпионы с такими камерами, что на фотографиях, сделанных с высоты девяноста тысяч футов, можно было разглядеть надпись на мячике для гольфа.
Советы должны были понимать, что лучше пренебречь надежной охраной для того, чтобы создать иллюзию безлюдного заброшенного острова. Кубинские диссиденты, бежавшие от

правительства Кастро, конечно же, не обратили бы на это внимания, а изгнанные из страны кубинские военные в первую очередь сосредоточились бы на материке. Раз на остров никто не высаживается и отсюда никто не убегает, значит, русским просто незачем выставлять большое количество охранников.

Питт нырнул в вентиляционное отверстие и тихо прокрался через гараж назад к люку. В коридоре до сих пор было тихо. Он посмотрел на дверь в камеру и увидел, что бинт все еще на месте.

Теперь он собирался найти Ганна и Джордино. Но испытывать удачу ему больше не хотелось. Хоть и вряд ли их камера была заперта надежно, но Питт опасался, что кто-то появится в коридоре. Если заметят, что ему удалось выбраться из комнаты, то на надежде сбежать можно ставить крест. Он не сомневался, что в таком случае Великов и Глай запрут его куда подальше, если сразу не расправятся с ним.

Однако чутье подсказало Дирку, что рискнуть нужно именно сейчас. Другой такой возможности могло больше не выпасть. Каждый звук эхом отдавался от бетонных стен коридора, поэтому он смог бы услышать приближающиеся шаги, чтобы вовремя вернуться в камеру, если не зайдет слишком далеко.

Соседняя комната оказалась малярной кладовой. Он рылся в ней несколько минут, но не нашел ничего полезного. Следующие две комнаты были пусты. В третьей хранились инструменты водопроводчика. Затем он отпер следующую дверь и неожиданно для себя уставился в удивленные лица Ганна и Джордино. Он быстро проскользнул внутрь и осторожно прикрыл дверь, чтобы дверная задвижка не защелкнулась.

– Дирк! – воскликнул Джордино.

– Тише, – прошептал Питт.

– Как я рад тебя видеть, дружище!

– Вы проверили, комната не прослушивается?

– Сразу же, то есть через тридцать секунд после того, как нас заперли здесь, – ответил Ганн. – Все чисто.

В это мгновение Дирк разглядел темно-фиолетовые пятна синяков под глазами Джордино.

– Вижу, ты уже побывал у Фосса Глая в комнате номер шесть.

– У нас был очень интересный разговор. Хоть и довольно односторонний.

Питт перевел взгляд на Ганна, но не заметил никаких следов побоев.

– Ты в порядке?

– Он слишком умен, чтобы вышибать мне мозги, – натянуто улыбнулся товарищ. Затем указал пальцем на сломанную лодыжку. Гипса уже не было. – Он получал кайф, выкручивая мне ногу.

– А что с Джесси?

Ганн и Джордино мрачно переглянулись.

– Мы боимся, что худшее из всего, – сказал Ганн. – В тот же вечер мы с Алом слышали женские крики, когда выходили из лифта.

– В то время мы возвращались с допроса от этого гнусного ублюдка Великова.

– У них такая система, – объяснил Питт. – Сперва генерал пытается втереться нам в доверие, подманивая пряником, а затем отправляет на свидание с кнутом Глая.

Он сердито прошелся по маленькой комнате.

– Мы должны найти Джесси и убираться отсюда.

– Как? – спросил Джордино. – К нам заходил Лебарон и во время разговора подчеркнул, что с острова невозможно сбежать.

– Раз уж мне удалось выбраться отсюда, то я бы не стал так доверять безрассудному богачу Рэймонду, – едко заметил Питт. – Думаю, Глай крепко его отделал.

– Согласен.

Ганн повернулся на бок, удобнее положив сломанную лодыжку.

– Как ты собираешься сбежать с острова?

– Я нашел и спрятал мотор с нашей надувной лодки, на тот случай, если не удастся украсть новую.

– Что? – Джордино недоверчиво уставился на Питта. – Ты выходил наружу?

– Ну, я бы не назвал это прогулкой по парку, – ответил Питт. – Но уже составил маршрут побега к пляжу.

– Мы не сможем украсть лодку, – категорично сказал Ганн.

– Ты знаешь что-то, чего не знаю я?
– Пригодилось мое поверхностное знание русского языка. Я подслушал немало тюремных слухов от охранников. И еще у меня получилось подсмотреть несколько мелочей из документов Великова в его кабинете. Мне показалось интересным, что по ночам на остров выгружают запасы из подводной лодки.
– Для чего все так запутанно? – проворчал Джордино. – По-моему, перевозить обычными кораблями было бы намного быстрее.
– Для этого нужны портовые сооружения, а их отлично видно с воздуха, – пояснил Ганн. – Что бы здесь ни происходило, они очень стараются не привлекать к этому внимания.
– Мне тоже так кажется, – поддержал Питт. – Русские очень постарались, чтобы остров выглядел безлюдным.
– Неудивительно, что они так обалдели, когда мы вошли к ним прямо через парадную дверь, – задумчиво сказал Джордино. – Тогда я понимаю, к чему их допросы и пытки.
– А я все сильнее убеждаюсь, что нам нужно удрать отсюда – только это нас спасет.
– А потом предупредить наши спецслужбы, – добавил Ганн.
– Когда ты планируешь устроить побег? – спросил Джордино.
– Завтра ночью, сразу после того, как охранник принесет ужин. Ганн долго смотрел на Питта тяжелым взглядом и потом сказал:
– Ты должен бежать в одиночку, Дирк.
– Мы пришли вместе, вместе и уйдем.
Джордино покачал головой:
– Ты не сможешь тащить нас с Джесси на спине.
– Эл прав, – сказан Ганн. – Мы не в том состоянии, чтобы проползти хотя бы пятьдесят ярдов. Лучше мы останемся, чем пойдем с тобой и лишим тебя шансов на успех. Освободи Лебаронов, и гребите в Штаты что есть сил.
– Я не могу рисковать и довериться Рэймонду Лебарону. Наверняка он сдаст нас. Не верю его рассказам о том, что остров – всего лишь тайный курорт для бизнесменов.
Ганн недоуменно покачал головой:
– Первый раз вижу такой курорт, где распоряжаются военные, которые еще и пытают своих гостей.
– К черту Лебарона! – Глаза Джордино сузились от ярости. – Но ради бога, спаси Джесси до того, как этот сукин сын Глай убьет ее.
Питт был загнан в угол.
– Я не могу просто уйти и оставить вас двоих на верную смерть.
– Если ты этого не сделаешь, – серьезно сказал товарищ, – то умрем мы все, и больше никто не сможет рассказать, что происходит на этом проклятом острове.

Настроение было мрачным, но прошло уже довольно много времени, поэтому на душе стало не так тяжело. На утреннее мероприятие собралось не больше сотни людей. Несмотря на то что присутствовал сам президент, лишь один канал новостей направил съемочную группу освещать событие. Небольшая толпа тихо стояла в укромном уголке парка Рок Крик и дослушивала конец краткой речи президента:
– …и поэтому сегодня утром мы с вами собрались, чтобы отдать запоздалую дань уважения восьмистам американским солдатам, чье судно «Леопольдвилль» было подорвано торпедой в порту Шербур во Франции в канун Рождества 1944 года. Еще никогда таким трагедиям военного времени не было отказано в чести, которую они заслуживают. Еще никогда о таких трагедиях настолько не забывали.
Он замолк и кивнул в сторону памятника, накрытого покрывалом. Покров стянули, явив народу статую одинокого солдата, стоящего в решительной позе, с уверенным взглядом, одетого в шинель и при полном полевом снаряжении, с карабином «M 1», перекинутым через плечо. От бронзовой ростовой статуи военного, поднятого на волне, обвившей его за лодыжки, веяло величием.
После минуты аплодисментов глава государства – он, кстати, проходил военную службу в Корее, лейтенантом в артиллерийском подразделении морской пехоты – начал пожимать руки выжившим бойцам с «Леопольдвилля» и другим ветеранам дивизии Пантер. Приближаясь к лимузину Белого дома, он внезапно застыл, когда пожал руку десятому мужчине в ряду.

– Трогательная речь, господин президент, – послышался знакомый голос. – Мы можем поговорить наедине?
Губы Леонарда Хадсона расплылись в иронической улыбке. Теперь он совершенно не походил на кедди Реджи Салазара. В этот раз на его лице была дьявольская бородка, дополняющая густые седые волосы. Он был одет в шерстяной свитер с высоким воротником и твидовый пиджак. На ногах – фланелевые брюки темно-кофейного цвета и отполированные до блеска английские кожаные туфли. Он выглядел так, будто сошел с плаката, рекламирующего коньяк в журнале «Таун энд Кантри».
Президент повернулся к агенту секретной службы, стоявшему в футе от его локтя, и сказал:
– Этот человек будет сопровождать меня до Белого дома.
– Большая честь для меня, сэр, – сказал Хадсон.
Глава государства на секунду засмотрелся на него и решил продолжать игру. Его лицо расплылось в дружеской улыбке:
– Я ведь не могу упустить возможность обменяться байками со старым приятелем, не так ли, Джо?
Президентский кортеж свернул на Массачусетс-авеню, красными мигалками и сиреной разгоняя машины в час пик. Около двух минут никто не открывал рта. Наконец Хадсон сделал первый шаг:
– Вы вспомнили, где мы с вами встречались раньше?
– Нет, – солгал президент. – Совершенно не могу припомнить ваше лицо.
– Наверное, вы перевидали множество людей…
– Честно говоря, у меня были дела поважнее.
Хадсон перешел к игре в открытую:
– Такие, как бросить меня за решетку?
– Я бы скорее сказал – спустить в канализацию.
– Вы не паук, господин президент, а я – не муха. Если вы думаете, что я попал в ловушку, когда сел в ваш автомобиль, окруженный агентами спецслужб, то ошибаетесь. Не сомневайтесь, что я смогу выйти отсюда целым и невредимым.
– Снова старый трюк с фальшивой взрывчаткой?
– Не совсем. Настоящая пластиковая взрывчатка прикреплена под столом одного из четырехзвездочных ресторанов нашего города. Восемь минут назад сенатор Адриан Горман и госсекретарь Дуглас Оутс уселись за этот стол для официальной встречи за завтраком.
– Вы блефуете.
– Может быть, но если нет, задумайтесь, разве то, что вы схватите меня, стоит кучи смертей в переполненном ресторане?
– Что вы хотите на этот раз?
– Отзовите свою ищейку.
– Христа ради, объясните нормально.
– Прикажите Айре Хагену оставить меня в покое, пока он еще может дышать.
– Кому?
– Айре Хагену, вашему школьному товарищу, который работал в министерстве юстиции.
Президент невидящим взглядом посмотрел в окно, будто пытаясь вспомнить кого-то.
– Кажется, прошла уже целая жизнь с того момента, как я последний раз разговаривал с ним.
– Не нужно лгать, господин президент. Вы наняли его, чтобы вычислить членов «внутреннего ядра».
– Что? – Президент выглядел искренне удивленным. Затем он рассмеялся: – Вы забываете, кто я такой. Одним телефонным звонком я мог бы поставить на уши ФБР, ЦРУ и не менее пяти других разведывательных спецслужб, чтобы найти ваши задницы.
– Тогда почему же вы так не сделали?
– Потому что у меня было несколько встреч с научными консультантами и несколькими весьма уважаемыми людьми из нашей космической программы. И они единогласно пришли к выводу, что колония Джерси – несбыточная мечта. Вы рассказали мне занятную сказку, Джо, но она не более чем бред обманщика.
Хадсон попался на удочку.
– Клянусь богом, колония Джерси существует.
– Конечно, по моим расчетам, она находится где-то между страной Оз и Шангри-Ла.

– Поверьте мне, Винс, когда наши первые колонисты вернутся с Луны, вы сможете потрясти весь мир своим заявлением.
Президент пропустил мимо ушей, как Хадсон запанибратски назвал его по имени.
– На самом деле вам хотелось бы, чтобы я объявил русским войну за выдуманную лунную колонию. Мне интересно, для чего это вам? Может быть, вы какой-нибудь голливудский специалист по рекламе и пытаетесь раздуть ажиотаж перед выходом нового фильма про космос? Или всего лишь психически больной пациент, сбежавший из сумасшедшего дома?
Хадсон не сумел подавить вспышку ярости.
– Вы идиот! – рявкнул он. – Вы не сможете так просто отмахнуться от величайших научных достижений в истории.
– Ладно. – Президент поднял трубку автомобильного телефона: – Алло, остановите машину. Мой гость выходит.
За стеклянной перегородкой шофер из службы безопасности поднял руку и кивнул, показывая, что понял. Затем сообщил об остановке другим машинам в кортеже президента. Через минуту колонна свернула в тихий жилой переулок и остановилась у обочины.
Президент протянул руку и открыл дверь.
– До встречи, Джо. Не знаю, что вы там нафантазировали про Айру Хагена, но если я услышу о его смерти, то первым же делом отправлюсь в суд, чтобы дать показания о том, что вы угрожали его жизни. Конечно, до этого может не дойти, если вас казнят раньше за совершение массового убийства в шикарном ресторане.
В яростном оцепенении Хадсон начал медленно выходить из лимузина. Наполовину выйдя из машины, он замер.
– Вы делаете ужасную ошибку, – осуждающе сказал он.
– Это мне не впервой, – ответил президент, закрывая дверь.
Глава государства откинулся на спинку сиденья и самодовольно улыбнулся. Все сделал как нужно, подумал мужчина. Он смог вывести Хадсона из себя и заставить его расставлять баррикады не на тех улицах. Проницательный ход с переносом открытия памятника «Леопольдвиллю» на неделю раньше оправдал себя. Возможно, это было не очень удобно для ветеранов, которые должны были принять участие в мероприятии, зато он смог выиграть хоть какое-то время для Хагена.
Хадсон стоял на травянистой парковой дорожке и смотрел вслед уходящему вдаль кортежу президента, пока тот не исчез за следующим поворотом. Он был растерян и сбит с толку.
– Проклятый тупоголовый бюрократ! – проорал он в отчаянии.
Проходящая мимо женщина с собачкой неприязненно обернулась на него.
Рядом с Хадсоном остановился ничем не примечательный с виду фургон «Форд», и он забрался внутрь. Вокруг полированного стола из красного дерева были расставлены шикарные кожаные кресла. Двое мужчин, одетые в роскошные деловые костюмы, с надеждой смотрели на него, пока он устало опускался в кресло.
– Ну, как все прошло? – спросил один из них.
– Этот тупой ублюдок вышвырнул меня вон, – раздраженно ответил Хадсон. – Он сказал, что не видел Айру Хагена уже кучу лет, и, кажется, ему плевать на мои угрозы убить его и взорвать ресторан.
– Я не удивлен, – подал голос напряженный мужчина с квадратным красным лицом и крючковатым носом. – Этому парню самоуверенности не занимать.
Не вынимая пустую трубку изо рта, Гуннар Эриксен спросил:
– Что еще?
– Он уверен, что колония Джерси – обман.
– Он узнал тебя?
– Думаю, нет. Он все еще называет меня Джо.
– Возможно, притворяется, что не вспомнил.
– Он был очень убедителен.
Эриксен развернулся к мужчине с крючковатым носом:
– А тебе как кажется?
– Хаген – большая загадка. Я внимательно следил за президентом и не заметил между ними никаких контактов.

– А вам не кажется, что агента нанял кто-то из начальников разведывательного управления? – спросил Эриксен.
– Если так и есть, то точно не через обычные каналы связи. Единственный, с кем встречался президент из разведывательных структур, – Сэм Эмметт из ФБР. Я не смог достать отчет о встрече, но знаю, что она была связана с тремя телами, найденными в дирижабле Лебарона. Кроме этого, больше ничего такого не было.
– Нет, он точно должен был что-то предпринять. – Голос Хадсона звучал тихо, но уверенно. – Боюсь, мы недооценили его проницательность.
– В каком смысле?
– Он знал, что мы встретимся снова и я попрошу его убрать от нас Хагена.
– Что привело тебя к такому выводу? – спросил человек с крючковатым носом.
– Хаген, – ответил Хадсон. – Опытный агент, работающий под прикрытием, никогда не будет привлекать к себе лишнего внимания. Айра был одним из лучших. И он неспроста выдал себя тем звонком генералу Фишеру и маленьким свиданием лицом к лицу с сенатором Портером.
– Но тогда зачем президенту преследовать нас, если он не выдвигает никаких требований или условий? – спросил Эриксен.
Хадсон покачал головой:
– Это меня и пугает, Гуннар. Хоть убей, я не пойму, что он мог задумать.
Старый пыльный кемпер с номерами штата Джорджия ехал следом за «Фордом», держась на почтительном расстоянии и сливаясь с другими городскими автомобилями. Сзади в салоне за небольшим обеденным столиком с наушниками на голове и микрофоном сидел Айра Хаген и откупоривал бутылку вина «Мартин Рэй Каберне Совиньон». Вынув пробку, он поставил бутылку на столик и отрегулировал громкость голоса на приемнике, подключенном к деке катушечного магнитофона.
Затем сдвинул наушники на одно ухо.
– Теряем сигнал. Нужно немного приблизиться.
Водитель с поддельной растрепанной бородой и в бейсбольной кепке «Атланта Брэйвз», не оглядываясь, ответил:
– Нас подрезало такси, пришлось притормаживать. Мы нагоним их в следующем квартале.
– Держите их в поле зрения, пока они не остановятся.
– Что происходит? Это наркоторговцы?
– Ничего серьезного, – ответил Хаген. – Они подозреваются в организации подпольных покерных турниров.
– Подумаешь, – проворчал водитель, не поняв иронии.
– Не забывайте, азартные игры по-прежнему незаконны.
– Как и проституция и еще многие вещи, которые делают нашу жизнь веселее.
– Следите лучше за фургоном, – деловым тоном сказал агент. – Не позволяйте им отдаляться больше чем на квартал.
Из динамика протрещало:
– Говядина, я – Бифштекс.
– Я вас слышу, Бифштекс.
– Антрекот в зоне видимости, но я бы еще немного снизил высоту. Он сливается с автомобилями того же цвета, поэтому, если их закроют деревья или здания, мы рискуем его упустить.
Хаген высунул голову из заднего окна машины и посмотрел на летящий выше вертолет.
– На какой вы высоте?
– Над этой частью города предельная высота тринадцать сотен футов. Но есть и другие проблемы. Антрекот направляется к торговому центру «Капитолий». Полеты там запрещены.
– Бифштекс, будьте на приеме. Я достану вам разрешение.
Айра сделал звонок по автомобильному сотовому телефону и через минуту снова связался с пилотом вертолета:
– Бифштекс, я – Говядина. Вам разрешен полет на любой высоте над городом, главное, не поставить под угрозу жизни граждан. Как меня слышите?
– Судя по всему, вы очень влиятельный человек.
– Мой босс знает нужных людей. Не спускайте глаз с Антрекота.

Хаген откинул крышку дорогой корзинки с едой от «Аберкромби & Фитч», достал консервную банку с гусиной печенью и вскрыл ее. Налив себе вина, он вернулся к прослушиванию разговора мужчин в фургоне.
Он не сомневался, что среди них был Леонард Хадсон. Также в разговоре упомянули имя Гуннара Эриксена. Но вот кто был третьим, пока оставалось загадкой.
Хагена кто-то преследовал. Он вычислил уже восьмерых членов «внутреннего ядра», но девятый все еще оставался в тени. Мужчины в фургоне куда-то направлялись… но куда? Как выглядит то место, где находится штаб-квартира колонии Джерси? И что за дурацкое название – «Колония Джерси»? Что оно значит? Есть здесь какая-нибудь связь со штатом Нью-Джерси? Должно быть что-то, что объясняло бы, почему о создании лунной базы ничего не знали высшие правительственные чиновники. Во главе проекта стоял не Хадсон и не Эриксен, а кто-то намного более могущественный. Возможно, это и был тот последний недостающий человек из списка членов «внутреннего ядра».
– Бифштекс – Говядине. Антрекот повернул к северо-востоку на Род-Айленд-авеню.
– Вас понял, – ответил Хаген.
Он раскрыл на столе карту округов Колумбия и Мэриленд и начал карандашом проводить красную жирную линию между ними и округом Принс-Джорджес, продлевая ее дальше. Род-Айленд-авеню перетекала в шоссе US1, которое сворачивало на север, в сторону Балтимора.
– Есть предположения, куда они направляются? – спросил водитель.
– Ни малейших. Хотя… – Хаген замялся. – Мэрилендский университет. Не дальше двенадцати миль от центра Вашингтона. Хадсон и Эриксен точно остановятся недалеко от какого-нибудь учреждения, чтобы воспользоваться нужной научно-исследовательской базой.
Агент проговорил в микрофон:
– Бифштекс, не спускайте с них глаз. Верней всего, Антрекот направляется к университету.
– Вас понял, Говядина.
Спустя пять минут фургон свернул на шоссе и проехал через небольшой пригород Колледж-Парка. Еще через десять минут, примерно через милю, автомобиль подъехал к большому торговому центру, на обоих выездах которого располагались известные универмаги. Несколько акров парковки были вплотную заставлены автомобилями покупателей. Разговор внутри фургона прекратился. Этого Хаген не ожидал.
– Черт! – выругался он.
– Я – Бифштекс, – раздался голос пилота вертолета.
– Я вас слышу.
– Антрекот только что заехал под огромный навес перед главным. входом. Я их не вижу.
– Ждите, пока они снова не появятся, и опять садитесь им на хвост, – приказал Хаген. Он встал из-за стола и подошел к водителю. – Остановитесь рядом с ними.
– Не могу. Между нами шесть автомобилей.
– Кто-нибудь из машины выходил к магазинам?
– Тяжело увидеть что-то в такой толпе. Кажется, двое или трое вышли из фургона.
– Вы хорошо запомнили человека, какого они подобрали в городе? – спросил Хаген.
– Седые волосы и борода. Худощавый, ростом около 175 сантиметров. На нем был свитер с высоким воротником, твидовый пиджак и коричневые брюки. Да, я узнаю его, если увижу.
– Тогда езжайте вокруг парковки и поищите его. Должно быть, он и его приятели сменят машину. А я пока что зайду в торговый центр.
– Антрекот движется, – сообщил пилот.
– Следите за ним, Бифштекс. Я пока что прекращу связь.
– Вас понял.
Хаген выскочил из кемпера и сквозь толпу покупателей направился ко входу в торговый центр. Найти три иголки в стоге сена было бы куда легче. Он знал, как выглядит Хадсон, видел фотографии Гуннара Эриксена, но кто-то из них, если не оба, мог остаться в фургоне.
Айра отчаянно метался от одного магазина к другому, всматриваясь в лица мужчин, благо почти всегда они возвышались над головами женщин-покупательниц. Его раздражало, что это все происходило в выходной день. Утром буднего дня он мог бы пальнуть по магазину из пушки и ни в кого не попасть. Почти час прошел в бесплодных поисках, после чего он вышел наружу и остановился возле кемпера.
– Не нашли их? – спросил он, заранее зная ответ.

Водитель покачал головой:
– Я почти десять минут обходил парковку. Людей и машин слишком много, к тому же многие из них едут как зомби, когда ищут свободное место на стоянке. Те, за кем вы следите, без проблем могли уйти через другой выход и уехать, пока я был на этой стороне здания.
Хаген ударил по машине кулаком от отчаяния. Он подошел уже так близко, просто невероятно близко, и в итоге споткнулся на самом финише.

Для того чтобы уснуть, Питту пришлось залезть на шкаф и выкрутить яркую флуоресцентную лампочку. Он беспробудно спал до тех пор, пока охранник не принес ему завтрак. Он чувствовал себя бодро и с таким упоением набросился на густую кашу, словно она была его любимым блюдом. Охранник выглядел недовольным, когда заметил, что лампа погасла, но Питт только безучастно пожал плечами и продолжил поедать кашу.
Спустя два часа его сопроводили в кабинет генерала Великова. Как он и думал, Великов пытался применить тактику выжидания, долго не появляясь в комнате, чтобы сломить его дух. Господи, до чего же русские наивны. Дирку пришлось подыграть, расхаживая по кабинету и приняв обеспокоенный вид.
Сегодняшний день должен был стать решающим для Питта. Он был уверен, что сможет сбежать снова, но теперь опасался новых препятствий, какие могли возникнуть на пути. С другой стороны, он боялся и очередной встречи с Фоссом Глаем. После нее он, возможно, будет уже не в состоянии выбраться отсюда.
Откладывать и отступать больше нельзя. Этой же ночью ему нужно сбежать с острова.
Наконец в комнату вошел Великов и несколько секунд рассматривал Питта, прежде чем поздороваться. Генерал держался подчеркнуто холодно, его взгляд был упрямым и твердым. Кивком он приказал Питту сесть на жесткий стул, которого не было здесь во время их прошлой встречи. Когда он заговорил, его голос звучал угрожающе:
– Подпишете признание в том, что вы шпион?
– Только если это осчастливит вас.
– Если вы будете здесь острить, ничего хорошего не выйдет.
Внезапный порыв ярости пересилил здравый смысл, и Дирк не смог сдержать себя:
– Я не собираюсь любезничать с подонком, который пытает женщин.
Великов вскинул брови:
– Объяснитесь.
Питт повторил слова Ганна и Джордино, присвоив их себе.
– Любые звуки далеко разносятся по бетонным коридорам. Я слышал крики Джесси Лебарон.
– Неужели? – Привычным движением руки Великов пригладил волосы. – Вы должны понимать свою выгоду от сотрудничества с нами. Расскажете правду – и мне не придется доставлять неудобства вашим друзьям.
– Правду никто не скрывает. Дело в том, что вы сами зашли в тупик. Четыре человека рассказали одно и то же. И вам, такому профессиональному следователю, все еще кажется, что здесь что-то не так? Все четверо под пытками одинаково ответили на вопросы. Не умея анализировать факты, вы, как и все русские, продолжаете слепо верить в свои убеждения. Если я подпишу признание в шпионаже, вы потребуете поставить подпись под еще каким-нибудь преступлением против вашего драгоценного государства, а в итоге мне придется подписываться под каждым плевком на тротуар. Тактика русских проста, как их архитектура и самые изысканные блюда. Одно требование следует по пятам за другим. Для чего вам правда? Вы не признаете ее, даже когда она сама встанет у вас перед глазами и треснет по шарам.
Великов в молчаливом презрении уставился на Питта, как славянин на монгола.
– Снова предлагаю вам сотрудничество.
– Я обычный морской инженер и не знаю никаких военных тайн.
– Меня интересует, что вам известно об острове от начальства и как вы оказались здесь.
– Какой смысл что-то рассказывать? Вы уже ясно дали понять, что нам не жить.
– Возможно, смерть можно будет отсрочить.
– Без разницы. Мы уже сказали все, что знаем.
Великов побарабанил пальцами по столу.
– Вы по-прежнему утверждаете, что попали на Кайо-Санта-Мария случайно?
– Так и было.

– И ожидаете, что я поверю в эту чушь, что из всех островов и берегов Кубы госпожа Лебарон вдруг оказывается в том же месте, где живет и ее муж, хотя, по вашим словам, она даже не знала об этом?
– Честно говоря, я бы и сам с трудом поверил. Но именно так все и произошло.
Великов злобно посмотрел на пленника. Казалось, генерал чувствовал, что тот говорит правду, но не мог заставить себя принять ее.
– У меня уйма времени, господин Питт. Я уверен, что вы скрываете что-то очень важное. Вернемся к нашему разговору, когда вы не будете столь высокомерны.
Потянувшись к столу, он нажал кнопку, вызывающую охрану. На его лице появилась улыбка, но она совершенно не выражала удовольствия или веселья. Улыбка была грустной.

– Простите, что так внезапно, – сказал Фосс Глай. – Хотя, как показывает опыт, неожиданность дает более эффективные результаты, чем длительное выжидание.
Войдя в комнату номер шесть, Питт не успел сказать ни слова. Когда пленник переступил порог, Глай выскочил из-за приоткрытой двери и ударил его со спины чуть выше почки. Мужчина задыхался от боли и почти терял сознание, но ему удалось устоять на ногах.
– Так, мистер Дирк, теперь, когда я привлек ваше внимание, может быть, вы соизволите что-нибудь рассказать?
– Вам никто не говорил, что вы псих? – сквозь сжатые зубы выдавил Питт.
Пленник увидел, как сверху опускается кулак, подготовился и уклонился от удара. Отскочив к стене, он опустился на пол, изображая потерю сознания. Слизнув кровь с губ, Дирк почувствовал, как левая часть лица начала неметь. Он закрыл глаза и ничком распластался по полу. Находясь в лапах садиста, нужно было действовать осторожно, оценить реакцию Глая на его ответы и поведение и предугадать, когда и где будет нанесен следующий удар. Остановить жестокость было невозможно. Он лишь молился, чтобы пережить допрос, не получив серьезной травмы.
Фосс подошел к грязному умывальнику, набрал ведро воды и выплеснул на Питта.
– Ну же, Дирк. Насколько я знаю, вы можете держать удар намного лучше.
Тот с трудом поднялся на руки и на колени, отхаркивая кровь на бетонный пол, и убедительно застонал, едва не плача.
– Я не могу сказать вам больше, чем знаю, – пробормотал он.
Глай подхватил его на руки, словно маленького ребенка, и усадил на стул. Уголком глаза Питт заметил, что садист делает яростный замах правой рукой. Он как мог увернулся, приняв удар под висок чуть выше скулы. На несколько секунд его пронзило ужасной болью, после чего он снова попытался сымитировать потерю сознания.
Фосс выплеснул на его голову очередное ведро воды, и все началось заново. Глай склонился к лицу мужчины:
– На кого работаете?
Питт поднял руки и обхватил пульсирующую болью голову.
– Джесси Лебарон наняла меня, чтобы выяснить, что случилось с ее мужем.
– Вас высадили на подводной лодке.
– Мы летели на дирижабле от самого Флорида-Кис.
– Вы собирались прибыть сюда, чтобы собрать информацию и передать ее властям Кубы.
Питт нахмурился в замешательстве:
– Передать информацию властям? Я не понимаю, о чем вы говорите.
На этот раз Глай ударил Питта в солнечное сплетение, выбивая из легких каждый кубический сантиметр воздуха, после чего спокойно сел и стал наблюдать за реакцией.
Пленник согнулся, пытаясь восстановить дыхание. Ему казалось, что сердце не выдержит и остановится. Он сглотнул желчь в горле, почувствовал, как со лба капает пот, а легкие скручиваются в узел. Стены комнаты задрожали и поплыли перед глазами. В конце длинного тоннеля он видел улыбающуюся физиономию Глая.
– Каким было ваше задание, когда вы прибыли на Кайо-Санта-Мария?
– Не было заданий, – прохрипел Питт.
Тюремщик поднялся и подошел, чтобы нанести очередной удар. Питт, покачиваясь, встал на ноги, на мгновение отклонился и начал оседать на пол, опустив голову. Теперь он понял, кто

такой Глай. Он нашел его слабое место. Как и большинство садистов, мучитель был трусом. Он бы почувствовал себя не в своей тарелке и струхнул, если бы ему дали равный отпор.
Глай выгнулся, но внезапно замер в удивлении. Оттолкнувшись кулаком от пола и вывернув плечи, Питт выбросил правую руку, вложив в удар все силы, какие мог. Нос тюремщика хрустнул, затрещали хрящи и кости. Сразу же после этого последовали два быстрых удара слева, и Питт завершил комбинацию мощным хуком в корпус. Ему казалось, что он бьет в каменную стену Эмпайр-стейт-билдинг.
Любой другой человек после такого упал бы навзничь. Глай отшатнулся на несколько футов и остолбенел, его лицо медленно краснело от ярости. Из носа капала кровь, но, не обращая на нее внимания, он поднял над головой кулак и потряс им:
– Да я тебя за это убью, – пригрозил он.
– Засунь угрозы себе в задницу, – приглушенно ответил Питт.
Он схватил стул и швырнул через всю комнату. Противник, не особо напрягаясь, отбил его рукой в сторону. У Питта помутилось в глазах, и он почувствовал, как шея онемела от сильных ударов.
Глай схватился за раковину и буквально сорвал ее с водопроводных труб на стене, после чего занес над головой и, подскочив на три шага, бросил в пленника. Тот отпрыгнул в сторону. Раковина влетела в стену над ним с силой тяжелого сейфа, упавшего с небоскреба, но его прыжок все же был запоздалым на доли секунды. Он инстинктивно выставил руки навстречу падающим осколкам фарфора и железа.
Спасение Питта пришло из дверей. Задвижка щелкнула как раз в то мгновение, когда раковина разбилась о стену и разлетелась на осколки. Дирк рухнул в коридор под ноги изумленных охранников. К ноющему боку и голове добавились боли в паху и правой руке. Побледнев и изо всех сил стараясь оставаться в сознании, он поднялся на ноги, руками опираясь о стену.
Глай вытащил из двери застрявшие осколки раковины и уставился на Питта взглядом озверевшего убийцы.
– Ты покойник. Ты будешь умирать медленно, прочувствуешь каждую секунду своей смерти и станешь умолять, чтобы я завершил твои страдания. На следующей нашей встрече я переломаю тебе все кости и вырву сердце.
Питт ни капли не боялся его слов. Боль немного отошла, и он почувствовал прилив восторга. Он выжил. Хоть ему и пришлось пострадать, зато теперь путь был свободен.
– В следующий раз притащу с собой дубинку, – мстительно пообещал он.

Как только охранник помог Питту добраться до его комнаты, пленник сразу же заснул. Спустя три часа он открыл глаза. Пролежав еще несколько минут, мужчина подождал, пока его мозг снова начнет соображать. Тело и лицо покрылись многочисленными синяками и ушибами, но кости оставались целы. Он выжил.
Дирк сел и свесил ноги с койки, немного помедлив, чтобы прошло головокружение. Он поднялся на ноги и начал разминать суставы, стараясь восстановить подвижность. Волна слабости прокатилась по всему телу, но он заставил себя продолжить упражнение, не обращая на нее внимания, пока мышцы и суставы опять не стали гибкими.
Охранник принес обед. Когда он уходил, Питт снова ловко сжал замок: не зря он упорно оттачивал это движение до совершенства, чтобы случайно не испортить все дело. Он немного подождал, пока шаги и голоса за дверью стихнут, а затем вышел в коридор.
Драгоценной была каждая секунда. Ему предстояло сделать еще очень много, а времени до рассвета оставалось всего несколько часов. Он всей душой жалел, что не может позволить себе пойти попрощаться с Джордино и Ганном, ведь с каждой минутой промедления таяли его шансы на успех. Первым делом нужно было найти Джесси и вытащить ее.
Он нашел даму за пятой по счету дверью, которую попытался открыть. Она лежала на грязном одеяле, расстеленном на бетонном полу. На оголенном теле не было заметно следов избиения, но некогда красивое лицо очень сильно опухло и покрылось фиолетовыми синяками. Глай продемонстрировал зверскую жестокость, унизив ее и посягнув на самое дорогое, что есть у прекрасной женщины, – лицо.
Питт склонился над ней и нежно прижал ее голову к себе, хотя его глаза горели от ярости. Жажда мести жгла его изнутри. Как никогда раньше, его трясло от безумного желания расплаты. Сжав зубы, он осторожно тряхнул ее, чтобы разбудить.

– Джесси! Джесси, ты меня слышишь?
Когда она открыла глаза, ее губы задрожали.
– Дирк, – простонала она, – это ты?
– Да, я вытащу тебя отсюда.
– Как?
– Я нашел способ выбраться из бункера.
– Но мы же на острове. Рэймонд сказал, что сбежать отсюда невозможно.
– Я припрятал моторчик от надувной лодки неподалеку. Если получится построить небольшой плот…
– Нет! – категорически прошептала она.
Джесси попыталась сесть, гримаса боли исказила опухшее лицо. Он мягко сжал ее за плечи и опустил на пол.
– Не двигайся, – сказал он.
– Ты должен идти один, – возразила она.
– Я не оставлю тебя здесь.
Женщина слабо покачала головой:
– Нет. Если я пойду с тобой, то нас точно поймают.
– Прости, – решительно сказал Дирк. – Хочешь ты этого или нет, но ты идешь со мной.
– Неужели не понимаешь? – воскликнула она. – Ты наша единственная надежда на спасение. Если сможешь вернуться обратно в Штаты и рассказать президенту, что здесь происходит, то Великов будет вынужден оставить нас в живых.
– Что президент сможет сделать?
– Больше, чем ты думаешь.
– Тогда Великов был прав. Здесь и в самом деле есть какой-то заговор.
– Не трать время на догадки. Пожалуйста, иди. Если ты спасешься сам, то спасешь всех нас.
Внезапно Питт почувствовал, что восхищается Джесси. Сейчас она была похожа на выброшенную куклу, избитую и беспомощную, но он знал, что она была так же красива внешне, как и внутри, проявляя смелость и решительность. Он опустил голову и мягко поцеловал ее в распухшие и потрескавшиеся губы.
– У меня все получится, – уверенно сказал он. – Пообещай, что будешь держаться, пока я вернусь.
Она слабо улыбнулась:
– Ты сводишь меня с ума своими шутками. Ты не сможешь вернуться на Кубу.
– Вот увидишь, смогу.
– Удачи, – прошептала она. – Прости меня за то, что влезла в твою жизнь.
Дирк улыбался, но на его глаза наворачивались слезы.
– Именно это и нравится мужчинам в женщинах. С вами не заскучаешь.
Он снова поцеловал ее в лоб и развернулся к выходу, костяшки его загорелых кулаков заметно побелели.
Подъем по лестнице пожарного выхода отозвался болью в руках Питта. Когда он наконец достиг люка, то несколько секунд помедлил, восстанавливая силы, а затем откинул крышку в сторону и вынырнул в темноте гаража. Военные все еще убивали время за игрой в шахматы. Наверное, таким образом они каждую ночь скрашивали часы своего пребывания на посту. Они даже почти не выглядывали из окна на стоящие в гараже автомобили. Вряд ли что-то могло потревожить их. По всей видимости, это были даже не охранники, а обычные механики.
Дирк решил пройтись по гаражу среди верстаков, подставок для смазок, масел и полок с запчастями, грузовиков и строительных инструментов. В грузовиках Питт нашел несколько запасных девятнадцатилитровых канистр с топливом. Он легонько постучал по каждой, пока не нашел ту, которая была заполнена доверху. В остальных топлива оставалось примерно половина или даже меньше. Пошарив на полках, мужчина обнаружил резиновую трубу и перекачал топливо в пару канистр побольше. Он чувствовал, что сможет тащить две канистры примерно по тридцать восемь литров. Правда, их надо будет еще как-то протащить через вентиляционное отверстие на крыше.
Питт нашел буксирный трос на одной из стен и пропустил его концы через ручки канистр с топливом. Связав их между собой узлом, он поднялся между опорными балками. Наблюдая за

шахматистами, Дирк медленно, по одной, подтянул канистры наверх и протолкнул в вентиляционное отверстие.
Через пару минут он уже тащил их по двору к водоотводу, уходящему под стену. Вскоре Питт разогнул решетку и поспешил наружу.
Месяц плавал в чистом небе среди звезд. Чувствовалось легкое дуновение ветра, ночной воздух был прохладным. Дирк надеялся, что море сейчас тоже спокойное.
Ни с того ни с сего он решил пересечь дорогу с другой стороны. В этот раз времени ушло намного больше. Вскоре от тяжелых канистр руки заболели так сильно, что казалось, будто они сейчас оторвутся от суставов. Ноги вязли в мягком песке, пришлось останавливаться каждые двести ярдов, чтобы отдышаться и унять растущую боль в руках.
Внезапно мужчина зацепился за что-то ногой и растянулся на краю большой поляны, окруженной рощей пальм, которые росли так часто, что их толстые стволы почти соприкасались. Пошарив руками у земли, он обнаружил металлическую проволоку, почти невидимую на фоне песка.
Заинтересовавшись, беглец оставил канистры и осторожно пополз вокруг края поляны. Металлическая проволока поднималась вверх на два дюйма от земли и была протянута по всему диаметру. Центр немного прогибался, словно чаша. Он провел руками по стволам пальм, окружающих это место.
Они были поддельными. Стволы и ветви пальм были сделаны из алюминиевых труб, покрытых реалистичной оболочкой, изготовленной из ошкуренного пластика, и выкрашены в камуфляжный цвет. Здесь было более пятидесяти таких пальм для маскировки от американских самолетов-разведчиков и их всевидящих камер.
Вся эта вогнутая поляна представляла собой гигантскую тарелку телевизионной и радиоантенны, а фальшивые пальмы служили гидравлическими рычагами, они поднимали и опускали ее, регулируя наклон. Питт был ошеломлен своей случайной находкой. Теперь он знал, что под песками острова находился огромный коммуникационный центр.
Вот только для чего он был нужен?
У мистера Дирка не было времени на размышления. Сейчас он, как никогда, был полон решимости выбраться на свободу. Беглец продолжал передвигаться в сумраке. Деревня оказалась немного дальше, чем он думал. Когда мужчина наконец отыскал тот двор, где спрятал мотор под ванной, с него градом стекал пот и он тяжело дышал от усталости. Питт с облегчением уронил канистры на песок, упал на старый матрас и на час задремал.
Он не мог позволить себе тратить время, но короткий отдых здорово пошел на пользу. Мозг снова заработал на полную мощность, а значит, он сможет что-нибудь придумать. Почти сразу в голову пришла хорошая идея, кроме того, она была невероятно простой в исполнении. Дирк не мог понять, почему не подумал об этом раньше.
Питт отнес канистры вниз к лагуне, затем вернулся за мотором. Перебрав кучу мусора, нашел короткую доску, которая казалась не прогнившей. Последняя работа была самой трудной. «Нужда – мать всех изобретений», – повторял себе Питт.
Сорок пять минут спустя он перетащил старую ванну с дворика, где спал, вниз по дороге к самой кромке воды.
Используя доску в качестве поперечины, беглец прикрепил двигатель к задней стороне ванны. После этого вычистил топливный фильтр и продул трубки. Кусок олова, согнутый в конус, сгодился в качестве воронки, чтобы залить топливо в бак двигателя. Зажав пальцем нижнее отверстие, он также мог вычерпать импровизированной воронкой воду из ванны. Перед тем как заткнуть тряпкой слив ванны, он взял железный прут и отбил ее четыре ножки.
Ему пришлось двенадцать раз дергать за пусковой трос, прежде чем двигатель зашипел, прокашлялся и наконец заработал. Дирк зашел с ванной в воду и забрался в нее. На удивление, вес его тела и двух полных канистр только придал устойчивости самодельному судну. Он опустил вал гребного винта в воду и переключил рычаг в положение «Вперед».
Причудливая лодка медленно поплыла по лагуне в направлении главного русла. При лунном свете море казалось спокойным, самые большие волны поднимались на высоту не более двух футов. Питт сосредоточился на управлении. Он должен был постараться не напороться на большие волны и уйти как можно дальше от острова до восхода солнца.
Мужчина приглушил двигатель и сосчитал время между волнами. Девять мощных волн разбивались о ванну одна за другой, оставляя за собой длинный желоб, после которого только

приближалась десятая волна. Он включил двигатель на полную мощность и пересел в кормовую часть ванны. Следующая волна была низкой и разбилась прямо перед ним. Дирк направлял нос навстречу волнам, разбрызгивая пену и вспахивая их. Ванну качнуло, затем винт ударился о воду, и она перепрыгнула следующую волну прежде, чем та только начала сворачиваться.
Питт хрипло закричал, понимая, что ему удалось вырваться на свободу. Худшее осталось позади. Беглец знал, что его смогут обнаружить только по какой-нибудь нелепой случайности. Ванна была слишком мала, чтобы ее обнаружил радар. Он ослабил рычаг хода, чтобы меньше напрягать двигатель и тратить меньше топлива. Сунув руку в воду, мужчина определил, что разогнал судно примерно до четырех узлов. К утру он должен был покинуть кубинские воды.
Питт поднял взгляд к небесам, по звездам определил положение и взял курс на Багамский канал.

«Селен-8»

30 октября 1989 года

Казахстан, СССР

Сияя ярче, чем сибирское солнце, «Селен-8» поднимался в холодное голубое небо, перевозя на себе пилотируемую лунную станцию массой сто десять тонн. За мощной ракетой и четырьмя подвесными ускорителями, вырабатывающими четырнадцать миллионов фунтов тяги, тянулся хвост желто-оранжевого пламени длиной тысяча футов и шириной триста футов. Вокруг стартовой площадки кружился белый дым, а рев двигателей сотрясал окна домов на двенадцать миль вокруг. Сначала подъем проходил настолько медленно, что казалось, будто ракета просто зависла в небе. Но затем она набрала скорость и с ревом устремилась ввысь.
Президент СССР Антонов наблюдал за взлетом через большой бинокль, установленный на штатив за бронированным окном бункера. Сергей Корнилов и генерал Есенин стояли позади него, внимательно прислушиваясь к голосовой связи между космонавтами и центром управления полетом.
– Вдохновляющий вид, – взволнованно пробормотал Антонов.
– Запуск прошел как по учебнику, – сказал Корнилов. – Через четыре минуты они перейдут на вторую космическую скорость.
– Вы уверены, что все идет по плану?
– Да, товарищ президент. Все системы функционируют нормально. Они идут точно по графику.
Антонов смотрел на длинный язык пламени, пока он не исчез в небе. Только тогда мужчина вздохнул и отошел от бинокля.
– Ну что ж, товарищи, наше космическое представление должно полностью затмить следующий челночный рейс американцев к их новой орбитальной станции.
Есенин кивнул в знак согласия и приобнял за плечи Корнилова:
– Поздравляю, Сергей. Благодаря вам Советский Союз вырвался вперед в космической гонке.
– Я ничего особенного не сделал, – ответил Корнилов. – Нужно сказать спасибо механикам орбитального полета. В результате их работы нам удалось стартовать на несколько часов раньше.
Антонов завороженно смотрел на небо.
– Полагаю, американская разведка не успела разнюхать, что наши космонавты окажутся не совсем теми, кого они ожидают.
– Маскировка безупречна, – уверенно сказал Есенин. – Замена пятерых ученых в области космонавтики на специально обученных военных перед самым взлетом прошла гладко.
– Надеюсь, то же самое можно сказать о замене экспериментального оборудования на оружие, – сказал Корнилов. – Ученые, чей полет отменили, едва не подняли бунт. Инженеры, которые

должны были переконструировать лунную станцию, чтобы приспособить ее к большим весовым нагрузкам и оборудовать для размещения вооружения, тоже разозлены, что им не сказали о причине изменений, произошедших в последнюю минуту. Боюсь, что их недовольство вскоре станет известно общественности.
– Об этом даже беспокоиться не стоит, – засмеялся Есенин. – Руководящие органы американских космических программ ничего не будут подозревать до тех пор, пока связь с их драгоценной лунной базой не прервется.
– Кто командует штурмовым отрядом? – спросил Антонов.
– Майор Григорий Левченко. Лучший специалист по десантно-диверсионным операциям, успешно воевавший в Афганистане против боевиков. Я лично могу поручиться за него, он беззаветно предан Родине и отличный солдат.
Антонов задумчиво кивнул:
– Хороший выбор, генерал. Правда, задание найти лунную базу будет немного отличаться от операций в Афганистане.
– Я не сомневаюсь, что майор Левченко справится.
– Вы забываете об американских астронавтах, генерал, – сказал Корнилов.
– А что с ними?
– Как мы уже видели на фотографиях, у них тоже есть оружие. Я молюсь, чтобы они не оказались фанатиками, способными биться до последнего, чтобы защитить свою базу.
Есенин свысока улыбнулся:
– Вы молитесь кому? Если богу, то зря. Когда Левченко с парнями пойдет в атаку, то даже бог не спасет американцев. Результат предрешен. Ученые не смогут выстоять против профессиональных военных, обученных убивать людей.
– Я хочу сказать, что не нужно их недооценивать.
– Достаточно! – громко прервал их Антонов. – Я больше не хочу слушать пораженческие разговоры. У майора Левченко будет двойное преимущество: эффект неожиданности и лучшее вооружение. Менее чем через шестьдесят часов начнется первая настоящая космическая битва. И я уверен, что Советский Союз выйдет из нее победителем.
Владимир Полевой сидел за столом Вычислительного центра КГБ на площади Дзержинского в Москве, просматривая доклад генерала Великова. Он даже не оторвал взгляд, когда в кабинет вошел Лев Майский и без приглашения уселся в кресло. Лицо у гостя было самое обыкновенное, незапоминающееся, пустое и скучное, как и сам этот человек. Он был заместителем Полевого на посту начальника Первого главного управления, отделения КГБ по зарубежным операциям. Отношения у Майского и Полевого были весьма сдержанными, но они превосходно дополняли друг друга.
Наконец Полевой уставился на Майского:
– Я хотел бы услышать ваше объяснение.
– Мы не могли предвидеть появление Лебаронов, – кратко ответил мужчина.
– Это можно сказать в отношении госпожи Лебарон и ее команды охотников за сокровищами, но уж точно не о ее муже. Зачем Великов забрал его у кубинцев?
– В первую очередь потому, что Рэймонд Лебарон может быть полезной пешкой во время переговоров с Госдепартаментом США после того, как братья Кастро отойдут от дел.
– Его лучшие намерения могут испортить нам всю игру, – сказал Полевой.
– Великов уверяет меня, что Лебарон находится под очень строгой охраной и его вовсю кормят ложной информацией.
– Тем не менее все равно остается небольшая угроза того, что он узнает об истинном предназначении Кайо-Санта-Мария.
– Тогда его просто уничтожат.
– А Джесси Лебарон?
– Лично я думаю, что она и ее друзья пригодятся нам, когда нужно будет свалить на ЦРУ всю вину за запланированную катастрофу.
– Есть ли у Великова или у наших агентов в Вашингтоне какие-либо сведения о том, что американская разведка планирует проникновение на остров?
– Нет, – ответил Майский. – Допрос экипажа дирижабля не выявил никаких их связей с ЦРУ или военными структурами.

– Я не хочу, чтобы мы где-нибудь прокололись, – твердо сказал Полевой. – Мы слишком близки к успеху. Передайте Великову мои слова.
– Передам.
Послышался стук в дверь, и в кабинет вошла секретарша Полевого. Она молча протянула ему бумагу и вышла.
Внезапно лицо мужчины покраснело от ярости.
– Черт! Стоит заговорить о неприятностях, они тут как тут!
– Что случилось?
– Срочное сообщение от Великова. Один из заключенных сбежал.
Майский нервно заломил руки.
– Побег невозможен. На Кайо-Санта-Мария нет лодок, а если уж он совсем дурак, чтобы решиться уходить вплавь, то либо утонет, либо пойдет на корм акулам. Кто бы он там ни был, далеко пленник не сбежит.
– Его зовут Дирк Питт. По словам Великова, самый опасный из них всех.
– Опасный он или нет…
Полевой жестом велел ему замолчать и начал расхаживать туда-сюда по ковру, его лицо выглядело обеспокоенным.
– Нам не нужны неожиданные неприятности. Срок нашей кубинской авантюры подходит к концу через неделю.
Майский отрицательно покачал головой:
– Корабли не смогут добраться до Гаваны вовремя. Кроме того, мы не можем изменить время празднования. Фидель и высокопоставленные члены правительства будут у нас под рукой для официального выступления. Отсчет времени уже пошел. Изменить сроки нельзя. Либо мы прекращаем операцию «Ром и кола», либо продолжаем ее, как планировалось.
Полевой в нерешительности сжимал и разжимал кулаки.
– «Ром и кола» – что за идиотское название для операции такого масштаба.
– Кстати, вот еще одна причина продолжать. Наши дезинформаторы уже начали распространять слухи о плане ЦРУ по разрушению Кубы. Сама фраза «Ром и кола» – ну явно же словно придумана американцами. Ни одно иностранное правительство даже не подумает, что ее сочинили в Москве.
Полевой пожал плечами, соглашаясь.
– Это, конечно, очень хорошо, но я даже боюсь подумать о последствиях, если тот парень, Питт, каким-то чудом сможет живым вернуться в Соединенные Штаты.
– Он уже мертв, – решительно заявил Майский. – Я уверен в этом.

Президент вошел в кабинет Дэниела Фосетта и махнул рукой:
– Не поднимайтесь. Я просто хотел, чтоб вы знали, что я направляюсь наверх спокойно пообедать с женой.
– Не забывайте, что через сорок пять минут у нас назначена встреча с руководителями разведки и Дутом Оутсом, – напомнил Фосетт.
– Буду вовремя, обещаю.
Президент повернулся и поднялся на лифте на второй этаж Белого дома к жилым помещениям. Агент ждал его в апартаментах Линкольна.
– Выглядишь уставшим, Айра.
Хаген улыбнулся:
– Я в такое время обычно уже отхожу ко сну.
– На чем мы остановились?
– Я нашел всех девятерых членов «внутреннего ядра». О семерых из них у меня есть вся информация. Только Леонард Хадсон и Гуннар Эриксен остаются вне моих сетей.
– Ты все-таки не вышел на их след после торгового центра?
Агент призадумался.
– Нет, не получилось.
– Советская лунная станция была запущена в космос восемь часов назад, – сказал президент. – Я не могу медлить дольше. Вечером я отдам приказы схватить стольких членов «внутреннего ядра», скольких сможем.
– Вы прикажете армии или ФБР?

– Ни тем, ни другим. Такой чести удостоился мой старый приятель, который служит в морской пехоте. Я уже передал ему твой список имен и мест.
Глава государства замолчал и посмотрел на Хагена:
– Ты сказал, что выявил девятерых человек, но в докладе написано только восемь имен.
С кажущейся неохотой мужчина достал из кармана лист бумаги, сложенный пополам.
– Я не распространялся о последнем человеке, хотел до конца удостовериться. Распознаватель голосовых сигналов подтвердил мои подозрения.
Президент взял бумагу из рук Хагена, развернул ее и прочитал имя, написанное от руки. Он снял очки и устало протер стекла, как будто не мог поверить своим глазам. Затем сунул бумагу в карман.
– Я думал, что знаю обо всем наперед, но в его соучастие никогда бы не поверил.
– Не суди строго. Эти люди патриоты, а не предатели. Их единственное преступление – то, что они никому об этом не сказали. Возьмем, к примеру, Хадсона и Эриксена. Они притворялись мертвыми много лет. Подумай, сколько страданий это принесло их родным и близким. Наш народ никогда не сможет достойно отблагодарить их за их жертвы и вознаградить так, как они того заслуживают.
– Ты пытаешься читать мне нотации, Айра?
– Да, сэр, так и есть.
Президент вдруг начал понимать, в чем заключалась внутренняя борьба Хагена. Он понял, что сердце его друга не участвовало в последнем противостоянии. Верность агента находилась на краю пропасти.
– Ты что-то скрываешь от меня.
– Я не буду тебе врать, Винс.
– Ты знаешь, где скрываются Хадсон и Эриксен.
– Скажем так, я чертовски уверен в том, что знаю.
– Сможешь достать их?
– Да.
– Ты отличный парень.
– Когда и куда их привести?
– В Кэмп-Дэвид, – ответил президент. – В восемь часов завтрашнего утра.
– Я приведу их.
– Но остаться на нашей беседе я не смогу позволить тебе.
– Это было бы достойно с твоей стороны, Винс. Пусть это будет, так сказать, зуб за зуб. Ты должен разрешить мне присутствовать там до конца.
Президент обдумал его слова.
– Ты прав. По крайней мере, это самое меньшее, что я могу для тебя сделать.

Когда президент вместе с Дэном Фосеттом вошел в конференц-зал, директор ЦРУ Мартин Броган, начальник ФБР Сэм Эмметт и госсекретарь Дуглас Оутс поднялись на ноги.
– Пожалуйста, присаживайтесь, господа, – улыбаясь, сказал президент.
Через несколько минут светской беседы в дверь вошел Алан Мерсье, советник по национальной безопасности.
– Простите за опоздание, – сказал он, быстро присаживаясь в кресло. – Я даже не успел придумать хорошее оправдание.
– Зато честно, – засмеялся Броган. – Но как некрасиво.
Президент занес ручку над блокнотом.
– На чем мы остановились по кубинскому соглашению? – спросил он, глядя на Оутса.
– Пока мы не сможем начать тайные переговоры с Кастро, придется ждать.
– Есть ли хоть какая-то вероятность того, что Джесси Лебарон удалось передать ему наш ответ?
Броган покачал головой:
– Я очень сомневаюсь, что они вообще контактировали. Наши источники о ней ни слова не сообщали после того, как дирижабль был сбит. Скорей всего, она мертва.
– От Кастро нет ничего?
– Ничего.
– А что слышно из Кремля?

– Внутренние разногласия между Кастро и Антоновым скоро станут известны всему миру, – сказал Мерсье. – Наши люди из кубинского военного министерства передают, что Кастро собирается вывести своих солдат из Афганистана.
– Это и так было понятно, – сказал Фосетт. – Антонов не станет бездействовать и не позволит такому случиться.
Эмметт наклонился вперед и сложил руки на столе.
– Все возвращается на четыре года назад, когда Кастро отказался вернуть хотя бы символическую плату за десять миллиардов долларов, выданных ему Советским Союзом в кредит, постоянно перенося срок оплаты с шестидесятых годов. Он делал вид, что его загнали в экономическую яму, и должен был подчиниться, когда Антонов потребовал, чтобы Кастро послал своих солдат в Афганистан. Причем не просто несколько маленьких отрядов, а почти двадцать тысяч человек.
– ЦРУ удалось подсчитать их потери? – спросил президент, повернувшись к Брогану.
– По нашим данным, примерно тысяча шестьсот солдат погибли, две тысячи ранены и более пятисот пропали без вести.
– Боже мой! Больше, чем двадцать процентов.
– Есть еще одна причина, по которой кубинцы ненавидят русских, – продолжил Броган. – Кастро сейчас – словно утопающий между дырявым баркасом, чья команда целит в него из своих стволов, и роскошной яхтой, чьи пассажиры машут ему бутылками с шампанским. Если мы бросим кубинскому диктатору спасательный круг, люди из Кремля уничтожат его.
– Получается, они убьют его в любом случае, – добавил Эмметт.
– Знаем ли мы что-нибудь о том, как и когда произойдет убийство? – спросил президент.
Броган заерзал в кресле.
– Наши источники не смогли добыть эту информацию.
– Дело окружено высоким уровнем секретности, – сказал Мерсье. – Наши компьютеры не смогли расшифровать данные космических систем прослушивания, настроенных на эту работу. Нам известно всего лишь несколько кусочков, но по ним невозможно определить планы русских.
– Вам известно, кто виноват в этом? – спросил президент.
– Генерал Петр Великов из ГРУ считается непревзойденным специалистом по внедрению в правительства третьего мира и манипулированию ими. Именно он был зачинщиком нигерийского переворота два года назад. К счастью, марксистское правительство там долго не продержалось.
– Он работает в Гаване?
– Генерал скрытен, как сам дьявол, – ответил Броган. – Идеальный пример человека, которого не существует. Великов не появлялся на людях последние четыре года. Мы точно уверены, что он руководит всеми событиями откуда-то из подполья.
Глаза президента потемнели.
– Все, что у нас есть, это предположение, что Кремль планирует убить Фиделя и Рауля Кастро, обвинить в этом нас, а затем прибрать кубинское правительство к рукам, посадив туда советских марионеток, чтобы можно было управлять ими прямо из Москвы. Ну же, господа, я не могу принимать решения, опираясь лишь на предположения. Мне нужны факты.

> – Наше предположение как раз и основывается на известных фактах, – объяснил Броган. – У нас есть имена некоторых кубинцев. Они состоят на жалованье у Советов и спокойно ждут, когда власть перейдет к ним. Намерения Кремля убить Кастро полностью подтверждают правдивость нашей информации. Им удастся сделать ЦРУ козлом отпущения, ведь кубинский народ не забыл нашу операцию в заливе Свиней
> [13]
> или неуклюжие попытки агентства натравить на Фиделя мафию во время правления Кеннеди. Уверяю вас, господин президент, я бы уделил этому внимание в первую очередь. Шестьдесят агентов на территории Кубы и вне ее сосредоточены только на том, чтобы обнаружить Великова.

– А мы все еще не можем вступить в открытый диалог с Кастро, чтобы помочь друг другу.
– Нет, сэр, – ответил Оутс. – Он избегает любых контактов по официальным каналам.

– Разве он не понимает, что его время на исходе? – спросил президент.
– Фидель отрезан от внешнего мира, – объяснил госсекретарь. – С одной стороны, он чувствует себя в безопасности, потому что знает, как его боготворит большинство кубинцев. Не многие национальные лидеры могут похвастаться таким отношением народа – а народ Кастро относится к нему с трепетом и любовью. И все же, с другой стороны, он не может осознать всю серьезность угрозы советского гнета для его жизни и правления.
– Вы пытаетесь сказать, – произнес президент, – что, если нашей разведке не удастся совершить почти невозможное или кто-то из наших не сможет пробраться к Кастро, чтобы открыть ему глаза, нам остается просто сидеть и смотреть, как Куба задыхается под полным советским господством.
– Да, господин президент, – сказал Броган. – Именно это мы и пытаемся сказать.

Хаген снова проводил поиски. Он бродил по магазинам торгового центра, вскользь разглядывая товары. Запах жареного арахиса напомнил ему, что он до смерти проголодался. Агент остановился возле ярко раскрашенной тележки и купил пакетик жареных орешков кешью. Чтобы ненадолго дать отдых ногам, мужчина уселся на диванчик в магазине бытовой техники и стал смотреть на стену, сплошь увешанную двумя десятками телевизоров. На экранах был включен один и тот же канал, показывали повтор запуска челночного космического корабля «Геттисберг», состоявшегося в Калифорнии всего час назад. Более трехсот человек было отправлено в космос со времен первого полета «Геттисберга» в 1981 году, и никто, кроме разве что средств массовой информации, больше не обращал на них никакого внимания.
Хаген поднимался и спускался по этажам, иногда останавливаясь, чтобы поглазеть в большие окна на диск-жокея, который крутил пластинки для радиостанции торгового центра. Он пробирался через плотную толпу женщин-покупательниц, но сосредотачивался всякий раз, когда мимо проходил случайный мужчина. Большинство покупателей-мужчин, похоже, заходили в магазин во время обеденного перерыва и, только окинув взглядом витрины и стойки с товаром, обычно покупали первое, что попадалось им на глаза. В отличие от них, женщины долго бродили среди прилавков в слабой надежде отыскать что-то получше и по более низкой цене.
Айра обратил внимание на двух мужчин, поедавших большие сэндвичи в кафетерии. Сумки с покупками отсутствовали у них, и они не были одеты как работники магазинов. Облачение незнакомцев было примерно в том же стиле, что и у доктора Муни из лаборатории имени Паттендена.
Агент последовал за ними в большой универмаг. Мужчины спустились на эскалаторе на подвальный этаж, прошли через весь торговый зал, мимо прилавков, повернули в дальний коридор и исчезли за дверью с надписью «Только для персонала».
В голове Хагена прозвенел тревожный звонок. Он вернулся к прилавку с постельным бельем, снял пальто и положил карандаш за ухо. Затем подождал, пока продавец не занялся очередным клиентом, взял стопку простыней и направился назад, в дальний коридор.
Три двери вели в складские помещения, две – в уборные и еще одна была помечена надписью «Опасность! Высокое напряжение». Он распахнул последнюю дверь и скользнул внутрь.
Встревоженный охранник, сидевший за столом, поднял голову:
– Эй, вам нельзя сюда…
Прежде чем он договорил, агент швырнул груду простыней ему в лицо и приемом дзюдо срубил ударом в шею. За второй дверью обнаружилось еще двое охранников, но не прошло и четырех секунд, как Айра уложил и их. Он присел и резко обернулся, готовый отразить нападение новых противников.
Сотни пар глаз уставились на него в немом недоумении.
Неожиданно для себя Хаген оказался в огромном помещении, которое, казалось, уходило вдаль до бесконечности. От одной стены до другой сновали люди, здесь располагались офисы, компьютеры и средства связи. Несколько долгих секунд он стоял, не двигаясь, ошеломленный гигантскими размерами помещения. Затем шагнул вперед, схватил за руки испуганную секретаршу и поднял со стула.
– Леонард Хадсон! – рявкнул он. – Где его найти?
От страха ее глаза стали размером с блюдца. Она качнула головой вправо.
– К-каб-бинет с синей д-дверью, – заикаясь, выдавила она.

– Большое спасибо, – сказал он, широко улыбнувшись.
Хаген отпустил руки девушки и быстро зашагал мимо замерших в тишине работников. Он изобразил на лице самое злобное выражение, на какое был способен, как будто только и ждал, чтобы кто-то вмешался.
Но никто даже не попытался. Огромная толпа людей расступалась перед ним, словно Красное море перед Моисеем, когда он шел мимо них по главному проходу.
Агент подошел к синей двери, остановился и обернулся, разглядывая мозговой центр и главный узел связи программы «Колония Джерси». Он не мог не восхищаться Хадсоном. Это было безупречное прикрытие. Вряд ли кому-то пришло бы на ум искать тайную штаб-квартиру в торговом центре. Ученые, инженеры и секретари могли незаметно передвигаться среди покупателей, а их машины растворялись на парковке среди сотен других. Радиостанция также была гениальной идеей. Кто мог бы подумать, что они передают и принимают сообщения с Луны, прямо во время программы «Топ 40 песен месяца» для посетителей?
Хаген распахнул дверь и вошел в комнату, похожую на аппаратное помещение.
Хадсон и Эриксен сидели спиной к нему, уставившись в большой экран монитора на лицо лысого мужчины. Тот вдруг замолк на полуслове и сказал:
– Кто это сзади вас?
Агент кинул через плечо беглый взгляд.
– Привет, Айра, – произнес он ледяным голосом, под стать холодному взгляду. Хагену даже послышалось постукивание кубиков льда. – А я все ждал, когда вы появитесь.
– Проходите, – таким же холодным тоном сказал Эриксен. – Вы подоспели как раз вовремя, к разговору с нашим человеком на Луне.

Питт покинул кубинские воды и ушел далеко по основному судоходному морскому пути Багамского канала. Но на этом его удача иссякла. Единственный корабль, появившийся в поле зрения беглеца, не заметил его. Большой танкер под панамским флагом прошел мимо всего в какой-то миле. Дирк, как мог, приподнялся в ванне, опасаясь перевернуться, и махал рубашкой, но его крохотное суденышко осталось незамеченным.
Вахтенный матрос, даже стоя на мостике с биноклем и зная, где и когда должен появиться Питт, вряд ли увидел бы, как раскачивается, появляется и снова исчезает за волнами его ванна, на это не решился бы поставить ни один уважающий себя букмекер. Питт постепенно осознавал страшную правду – он был слишком маленькой точкой на горизонте, чтобы его кто-нибудь мог заметить.
Движения его становились все более вялыми. После почти двадцатичасового круиза по морю в тесной ванне он уже не чувствовал ног, а из-за постоянного трения ягодицами о твердую металлическую поверхность у него на заднице вскочили болезненные волдыри. Сверху нещадно палило тропическое солнце, но он и так уже загорел до черноты этим летом, поэтому возможность обгореть на солнце волновала его сейчас меньше всего.
Море оставалось спокойным, но все равно Дирк не мог расслабиться ни на секунду, постоянно прилагая усилия, чтобы ванна не перевернулась, и вычерпывая из нее воду. Все топливо, что было в канистрах, он залил в двигатель, после чего наполнил канистры водой для балласта. Двигателю оставалось работать всего каких-то пятнадцать-двадцать минут, прежде чем сгорят последние капли топлива. После этого все будет кончено. Неуправляемая ванна вскоре остановится и уйдет под воду.
Его разум затуманился – он не спал тридцать шесть часов. Питт изо всех сил старался не уснуть, управляя ванной и сморщенными от воды ладонями черпая из нее воду. После еще одного бесконечно долгого часа его глаза без надежды увидеть корабль скользнули по горизонту. Несколько акул врезались в дно медленно движущегося маленького судна. Одна из них подплыла слишком близко к гребному винту, и ошибка стоила ей отрубленного плавника. Питт отрешенно наблюдал эту картину. Ему в голову пришла бессмысленная идея броситься в воду и утонуть, чтобы тем самым лишить акул поживы, однако он вовремя осознал глупость такой мысли и отмел ее.
Ветер усиливался. Над головой пронесся мощный шквал с дождем, и в ванну набралось примерно на дюйм воды. Вода была отнюдь не самой чистой, но все же это лучше, чем ничего. Питт зачерпнул ее в ладони и, с удовольствием проглотив, сразу почувствовал себя более свежим.

Дирк посмотрел на мерцающий горизонт на западе. Через час должна была опуститься ночь. Последние огоньки надежды затухали вместе с заходящим солнцем. Даже если удастся как-то удерживаться на плаву, в темноте нельзя ничего разглядеть.
Он подумал, что очень недальновидно с его стороны было забыть украсть фонарик.
Внезапно мотор зафыркал, потом снова начал кашлять. Мужчина ослабил рычаг газа настолько, насколько хватило смелости, понимая, что через пару минут ему придется принять неизбежное. Беглец отогнал скверные мысли и решил бороться до конца, пока ему не откажут руки или пока маленькую беспомощную ванну не перевернет волной. Он решил опустошить одну из канистр, чтобы, когда ванна затонет, использовать ее как поплавок. Пока тело его слушается, он не сдастся.
Маленький моторчик, верно служивший до самого конца, кашлянул, затем еще раз – и замолк навсегда. Когда шум выхлопов растворился в ночи, Питт вдруг оказался в полной тишине. Он обреченно сидел в маленьком суденышке, дрейфующем по волнам безразличного моря под чистым безоблачным небом.
Ему удалось продержаться на плаву в сумерках еще около часа. Он так сильно устал и физически вымотался, что даже не заметил, что в пятистах ярдах впереди что-то двигалось по морю.
Коммандер Кермит Фултон отстранился от окуляра перископа с удивленным выражением на лице. Он посмотрел на старшего помощника, стоявшего в другом конце кабины управления торпедной подводной лодки «Денвер».
– Наши датчики ничего не засекли?
Помощник повторил вопрос в один из телефонов кабины управления.
– На радарах ничего нет, шкипер. Эхолот подавал короткий сигнал о каком-то небольшом шуме, но он прекратился минуту назад.
– Что могло издавать такой шум?
Старпом не нашелся сразу что ответить, поэтому капитану пришлось повторить вопрос.
– Приборы зафиксировали звук небольшого подвесного моторчика мощностью не более двадцати лошадиных сил.
– В воде что-то непонятное, – сказал Фултон. – Я хочу проверить, что это. Замедлите скорость до одной трети и возьмите на пять градусов левее.
Он снова прижался к окуляру перископа и увеличил масштаб. Когда он медленно отстранился, на его лице появилось выражение глубочайшего недоумения.
– Отдайте приказ всплывать на поверхность.
– Вы что-нибудь заметили? – спросил старпом.
Капитан молча кивнул.
Все, кто был в кабине управления, с нетерпением уставились на Фултона. Наконец старпом взял на себя инициативу и спросил:
– Вы нас не просветите, шкипер?
– Я думал, что за двадцать три года морской службы повидал уже все, что только можно, – ответил Фултон. – Но будь я проклят, если мне только что не привиделся человек, плывущий в ванне почти в ста милях от ближайшего берега.

После исчезновения дирижабля адмирал Сэндекер редко покидал свой кабинет. Он с головой погрузился в работу. Его родители, уже довольно пожилые люди, все еще были живы, как и брат с сестрой. Сэндекеру еще никогда не приходилось по-настоящему переживать смерть дорогих ему людей.
За годы службы в военно-морском флоте он всегда без остатка отдавался работе. У него практически не оставалось времени на романы с женщинами, да и близких друзей у адмирала было немного, в основном он сошелся со служащими военно-морского флота. Сэндекер окружил себя стеной, ограждавшей и от старших по званию, и от подчиненных, таким образом найдя золотую середину в отношениях с ними. Ему не было и пятидесяти лет, когда он дослужился до чина адмирала, но потом утратил всякий интерес к карьерной лестнице.
Когда конгресс одобрил его назначение на должность директора Национального управления подводных исследований, он снова вернулся к жизни. Мужчина сдружился с тремя совсем не похожими друг на друга людьми, они относились к нему с уважением не только из-за того, что он занимает такую высокую должность.

Испытания, выпавшие на долю НУПИ, сблизили их. Эл Джордино, энергичный экстраверт, который почему-то обожал участвовать в самых грязных проектах агентства и таскать у Сэндекера дорогие сигары. Руди Ганн, перфекционист по натуре и редкостный талант в организации проектов, он не смог бы нажить себе врагов, даже если бы попытался. И, конечно же, Питт, больше других делавший все для того, чтобы возродить творческий дух Сэндекера. Вскоре они стали близки, словно родные.
Легкое отношение мистера Дирка к жизни и саркастическое остроумие всегда сопровождали его, словно хвост кометы. Стоило Питту войти в комнату, как сразу наступало оживление. Как ни старался Сэндекер, ему не удавалось выкинуть прочь из головы эти воспоминания, чтобы освободить себя от прошлого. Он откинулся на спинку рабочего кресла, закрыл глаза и снова предался печальным мыслям, не в силах смириться с одновременной потерей всех троих своих друзей.
Размышления о Питте прервал моргнувший огонек на телефоне и приглушенный звонок по частной телефонной линии. Он на секунду потер виски и поднял трубку:
– Да?
– Джим, это ты? Мне пришлось обращаться к нашему общему приятелю в Пентагон, чтобы достать твой номер.
– Прости. Я немного не в себе, не могу узнать твой голос.
– Это Клайд. Клайд Монфорт.
Сэндекер напрягся.
– В чем дело, Клайд?
– Только что мне передали сообщение одной из наших торпедных подводных лодок, возвращающихся с десантных учений на Ямайке.
– Это как-то касается меня?
– Коммандер подводной лодки сообщает, что не более двадцати минут назад они подобрали потерпевшего крушение. Обычно наши атомные подводные лодки не берут на борт незнакомцев, но этот парень утверждает, что он работает на тебя, и сильно разозлился, когда капитан не разрешил ему передать сообщение.
– Питт!
– Верно, – ответил Монфорт. – Именно так он себя и назвал. Дирк Питт. А как ты догадался?
– Боже милостивый!
– Он из твоих?
– Да, да, можешь не сомневаться, – нетерпеливо проговорил Сэндекер. – А как там остальные?
– Кроме него, больше никого не было. Питт был один в ванне.
– Что ты сказал, повтори?
– Капитан клянется, что мужчина плыл в ванне с подвесным лодочным мотором.
Зная Питта, Сэндекер ни на секунду не усомнился в словах капитана.
– Когда ты сможешь выслать за ним вертолет и доставить его на ближайший аэродром, чтобы затем переправить в Вашингтон?
– Ты же знаешь, Джим, это невозможно. Я не могу выпустить его, пока подлодки не доберутся до базы в Чарльстоне.
– Не вешай трубку, Клайд. Я позвоню в Белый дом по другой линии и достану разрешение.
– У тебя есть такие полномочия? – недоверчиво спросил Монфорт.
– И не только такие.
– Можешь объяснить мне, что происходит, Джим?
– Просто поверь мне на слово. Тебе лучше в это не ввязываться.

Они собрались на званом обеде в Белом доме в честь турне премьер-министра Индии Раджива Ганди по Соединенным Штатам. Актеры и лидеры профсоюзов, спортсмены и миллиардеры, все они обменивались мнениями, спорили и сновали туда-сюда, собравшись здесь, словно соседи на воскресной вечеринке.
Бывшие президенты Рональд Рейган и Джимми Картер светски беседовали друг с другом, будто никогда и не покидали западное крыло Белого дома. В углу с цветами стоял госсекретарь Дуглас Оутс, обмениваясь военными историями с Генри Киссинджером, а перед камином стоял победитель Супер-Боула, квотербек команды «Хьюстон Ойлерз», без стеснения уставившись на грудь ведущей новостей на телеканале «Эй-би-си» Сандры Мэлоун.

Президент провозгласил тост в честь премьер-министра Ганди, после чего познакомил его с Чарльзом Мерфи, недавно летавшим в Антарктиду на воздушном шаре. К ним подошла супруга президента, взяла мужа за руку и потащила на танцевальную площадку парадного обеденного зала.
Один из работников Белого дома встретился взглядом с Дэном Фосеттом и кивнул в сторону двери. Фосетт подошел, выслушал его, затем приблизился к президенту:
– Прошу прощения, но только что прибыл курьер с законопроектом от конгресса, им нужна ваша подпись до полуночи.
Глава государства понимающе кивнул. Конечно же, это был не законопроект, нуждающийся в подписи, а шифр срочного сообщения. Он извинился перед женой и пошел по коридору к маленькому личному кабинету. Прежде чем снять трубку телефона, мужчина подождал, пока Фосетт прикроет дверь.
– Президент у телефона.
– Это адмирал Сэндекер, сэр.
– Я слушаю.
– У меня на другой линии висит командующий военно-морскими силами в зоне Карибского бассейна. Он только что сообщил, что одного из моих людей, которые исчезли вместе с Джесси Лебарон, спасла одна из наших подводных лодок.
– Узнали, кого именно?
– Дирка Питта.
– Либо он бессмертный, либо неимоверно везучий, – выдохнул президент с оттенком облегчения в голосе. – Когда он будет у нас?
– Адмирал Клайд Монфорт ждет на другой линии, пока я достану разрешение на его приоритетную транспортировку.
– Можете соединить меня с ним?
– Не вешайте трубку, сэр.
– Адмирал Монфорт, вы меня слышите? – спросил глава государства.
– Я вас слышу.
– Это президент. Вы узнали мой голос?
– Да, сэр, конечно.
– Я хочу, чтобы вы доставили Питта в Вашингтон так быстро, насколько возможно. Понятно?
– Вас понял. Думаю, реактивный самолет ВМС доставит его на авиабазу Эндрюс до рассвета.
– Держите это дело в секретности, адмирал. Отдайте приказ, чтобы подводная лодка не появлялась на поверхности, и посадите под арест на три дня пилотов и всех матросов, которые приближались к Питту ближе чем на сто ярдов.
Монфорт немного помолчал.
– Ваши приказы будут выполнены.
– Спасибо. Теперь соедините меня с адмиралом Сэндекером, пожалуйста.
– Я здесь, господин президент.
– Вы все слышали? Адмирал Монфорт доставит Питта в Эндрюс до рассвета.
– Я лично отправлюсь туда, чтобы встретить его.
– Хорошо. После этого берите вертолет и летите в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли. Мартин Броган с представителями моего офиса и Государственного департамента явится туда, чтобы выслушать его рассказ.
– Вряд ли он будет в состоянии что-нибудь рассказать.
– Пожалуй, вы правы, – устало сказал президент. – Я ожидаю слишком многого.
Он повесил трубку и тяжело вздохнул. Глава государства иногда до лучших времен откладывал претворение в жизнь внезапных мысленных озарений. Такую технику рано или поздно вынужден был освоить каждый президент. Уметь переключать свои мысли с проблемы на ежедневную рутину, а затем снова возвращаться к проблеме, словно по щелчку рубильника, было одним из требований его работы.
Фосетт отлично улавливал, в каком настроении находится президент, и терпеливо выжидал. Наконец он сказал:
– Мне кажется, что было бы неплохо, если бы я присутствовал при беседе с Питтом.
Собеседник грустно посмотрел на него:
– Тебе придется отправиться со мной в Кэмп-Дэвид на рассвете.

Фосетт выглядел озадаченным.
– Я ведь совсем ничего не понимаю в тех делах, что вы собираетесь решать в Кэмп-Дэвиде. Утром состоятся в основном только встречи с лидерами конгресса о предоставлении бюджета.
– Они все подождут. У меня на завтра запланирована встреча поважнее.
– Как ваш начальник штаба, могу ли я узнать, с кем?
– С группой людей, которые называют себя «внутренним ядром».
Глядя на президента, Фосетт медленно сжал губы.
– Я не понимаю.
– А должен понимать, Дэн. Ты ведь один из них.
Прежде чем ошеломленный советник смог что-либо ответить, президент вышел из кабинета и вернулся к торжественному обеду.

Толчок при соприкосновении шасси с посадочной полосой разбудил Питта. В небольшом окне двухмоторного реактивного самолета военно-морского флота виднелось все еще темное небо и первые оранжевые лучи, предвещающие новый день.
Из-за натертых о ванну волдырей сидеть было нестерпимо больно, поэтому ему пришлось уснуть, свернувшись на боку. Он чувствовал себя ужасно и сильно хотел выпить чего-то кроме фруктовых соков, которыми его неутомимо пичкал излишне заботливый врач на подводной лодке.
Он раздумывал о том, что сделает, если снова встретит Фосса Глая. Но любое дьявольское наказание, какое для него придумывал Питт, не казалось ему достаточным. Дирка не оставляли мысли о том, как Глай истязал Джесси, Джордино и Ганна. Он чувствовал себя виноватым из-за того, что сбежал из плена.
Вой реактивных двигателей затих окончательно, и дверь открылась. Спустившись вниз по трапу, он попал в объятия Сэндекера. Обычно они с адмиралом даже руки при встрече пожимали редко, поэтому это неожиданное проявление дружеской любви слегка удивило Питта.
– Правду говорят – фальшивая монета всегда возвращается, – прохрипел Сэндекер, пытаясь подобрать слова.
– Как по мне, пусть лучше возвращается, чем уходит с концами, – улыбаясь, ответил Питт.
Адмирал взял его под руку и повел к ожидающей их машине.
– Нас ждут в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, чтобы выслушать твой рассказ.
Питт внезапно остановился.
– Наши живы, – кратко сказал он.
– Живы? – ошеломленно спросил Сэндекер. – Все?
– Они в плену у русских, и их пытал американский дезертир.
Сэндекер непонимающе вскинул брови:
– Ты был на Кубе?
– На одном из отдаленных островов, – пояснил Питт. – Мы должны как можно скорее сообщить о моем спасении русским, чтобы остановить их…
– Успокойся, – прервал его Сэндекер. – Я не совсем понимаю тебя. Давай так: приедем в Лэнгли, и там ты расскажешь всю историю, как ты снова упал в море и выплыл с полными карманами рыбы.
Во время полета над городом начался дождь. Питт глядел сквозь лобовое стекло из плексигласа вдаль на 219 акров леса, обрамляющего приземистое строение из серого мрамора и бетона, служившее домом американской армии плаща и кинжала. С высоты оно казалось заброшенным, рядом не было видно ни единого человека. Даже парковка была заставлена машинами лишь на одну четверть. Единственным, что издалека он мог бы спутать с человеком, был памятник самому известному американскому шпиону, гордости нации, Натану Хейлу, который допустил лишь одну ошибку – позволил себя поймать, после чего его повесили.
На посадочной площадке их ждали два высокопоставленных чиновника с зонтиками. Они поспешили в здание, после чего Питта и Сэндекера провели в большой конференц-зал, там уже сидели шестеро мужчин и женщина. К ним подошел Мартин Броган, пожал Питту руку и познакомил его с присутствующими. Дирк кротко кивнул и сразу же забыл их имена.
– Слышал, вам выпало нелегкое приключение, – начал Броган.
– Обычным туристам я бы его точно не порекомендовал, – ответил Питт.

– Не желаете что-нибудь съесть или выпить? – любезно предложил Броган. – Чашечку кофе или коротенький перекус, может быть?
– Если бы вы могли достать бутылочку холодного пива…
– Конечно. – Мужчина поднял трубку телефона и что-то проговорил. – Через минуту будет здесь.
Конференц-зал был обустроен довольно убого, даже по стандартам обычного служебного помещения. Стены выкрашены в блеклый бежевый цвет, на полу такой же ковер, а мебель выглядела так, будто ее закупили в магазине уцененных товаров. Не было ни картин, ни каких-нибудь декораций, которые бы оживили помещение. Очевидно, этот зал предназначен исключительно для работы.
Питту предложили стул в конце стола, но он отказался. Его задница все еще была не пригодна для посиделок. Глаза всех, кто был в зале, уставились на него, и он почувствовал себя одним из экзотических животных в клетке зоопарка в самый разгар воскресного дня.
Директор ЦРУ Мартин Броган ободряюще улыбнулся ему.
– Пожалуйста, расскажите нам с самого начала все то, что слышали и наблюдали. Мы дословно запишем ваш доклад. После этого перейдем к вопросам и ответам. Вы согласны?
Принесли пиво. Дирк сделал большой глоток, расслабился и подробно рассказал о своем путешествии, начиная с отлета из Ки-Уэст и закончив на том, как он, не веря своим глазам, заметил подводную лодку, поднявшуюся из воды в нескольких ярдах от его тонущей ванны. Он не скрывал ничего, выложив даже самые незначительные подробности, какие только мог вспомнить. Его монолог длился почти полтора часа, но все слушали внимательно, не задавая вопросов и не смея его перебить. Когда Питт наконец закончил, он, устав стоять, присел на край стула и спокойно наблюдал, как остальные сверяют свои записи.
Броган объявил перерыв. Принесли аэрофотоснимки Кайо-Санта-Мария, досье на Великова и Глая и распечатанные копии транскрипта рассказа спасенного мужчины. После сорока минут изучения всех материалов Броган приступил к вопросам:
– Вы взяли с собой на дирижабль оружие. Зачем?
– Предполагаемым местом крушения «Циклопа» были кубинские воды. Поэтому мы решили, что целесообразно будет захватить с собой пуленепробиваемый щит и ракетную установку на случай, если понадобится защищаться.
– Вы, конечно, понимаете, что ваше необоснованное нападение на кубинский патрульный вертолет – нарушение государственной политики, – произнес человек, работающий в госдепартаменте, насколько мог припомнить Дирк.
– Я подчиняюсь более высшему закону, – с язвительной усмешкой ответил Питт.
– И что же это за закон?
– Закон Дикого Запада, хотя некоторые называют его инстинктом самосохранения. Кубинцы открыли огонь первыми и сделали, насколько я мог сосчитать, около тысячи выстрелов, прежде чем Эл Джордино уничтожил их.
Директор ЦРУ улыбнулся. Он узнал в Питте родственную Душу.
– Больше всего нас беспокоят ваши сведения о русской базе на острове. Вы сказали, что остров практически не охраняют.
– Снаружи я вообще не заметил охранников, кроме тех, что стояли у ворот постройки. Дороги и пляжи никто не патрулировал. Единственной их мерой безопасности был электрифицированный забор.
– Тогда понятно, почему на инфракрасных фотографиях не видно никаких признаков человеческой деятельности, – сказал аналитик, окидывая взглядом снимки.
– Не похоже на русских, – задумчиво добавил еще один сотрудник ЦРУ. – Они почти всегда делают одну и ту же ошибку, по которой мы раскрываем местоположение их секретных баз, – чрезмерное количество охранников.
– Не в этот раз, – сказал Питт. – Теперь они бросились в другую крайность, и за нее им придется расплатиться. Генерал Великов рассказал, что это самый засекреченный военный объект за пределами Советского Союза. И я понимаю, почему никто из вашего агентства до сих пор о нем ничего не знал.
– Признаюсь, похоже, что все это время нас водили за нос, – сказал Броган. – При условии, что ваш рассказ был правдивым.

Дирк уставился на Брогана холодным взглядом. Затем, превозмогая боль в измученном теле, поднялся с кресла и направился к двери.
– Ладно, пусть будет по-вашему. Я все сочинил. Спасибо за пиво.
– Могу я спросить, куда вы собираетесь идти?
– Собираюсь созвать свою пресс-конференцию, – ответил Питт. – Я теряю драгоценное время. Чем раньше все узнают о моем побеге и я потребую освобождения Лебаронов, Джордино и Ганна, тем скорее Великову придется забыть о пытках и казни моих друзей.
Наступила напряженная тишина. Никто из людей за переговорными столами не мог поверить, что Питт просто так возьмет и уйдет. Никто, кроме Сэндекера. Он сидел и улыбался, словно владелец футбольного клуба, досматривающий выигрышный матч.
– Вам лучше действовать сообща, Мартин. Только что вы выслушали доклад об удачной разведывательной операции высшего класса, и если никто из сидящих в зале не способен это признать, то я посоветовал бы вам сменить род деятельности.
Броган мог быть бестактным эгоистом, но дураком уж точно не был. Он мгновенно поднялся и остановил Питта в дверях.
– Простите старого ирландца. Когда работаешь тридцать лет на такой должности, трудно не стать скептиком. Прошу, помогите нам, давайте вместе распутаем эту головоломку. И потом обсудим, что мы можем сделать для ваших друзей и Лебаронов.
– Это будет стоить вам еще одной бутылочки пива, – ответил Питт.
Директор ЦРУ и все остальные рассмеялись. Таким образом, камень преткновения был раздроблен, и беседа продолжилась, причем в ней приняли участие все сидящие за столом.
– Узнаете? – спросил аналитик, показывая фотографию.
– Да, на фото генерал Петр Великов. Он безупречно говорит на английском с чистым американским акцентом. Чуть не забыл: у него есть мое досье, в том числе мой профиль личности.
Сэндекер перевел взгляд на Броган:
– Кажется, у Сэма Эмметта в отделе учета ФБР завелась крыса.
Тот саркастически улыбнулся:
– Сэм не обрадуется, когда узнает об этом.
– Мы могли бы написать книгу о подвигах Великова, – заметил грузный человек, сидящий перед Питтом. – Я буду вам очень благодарен, если вы опишете мне его манеры и поведение когда-нибудь при встрече.
– С радостью, – ответил Питт.
– Здесь изображен заплечных дел мастер, Фосс Глай?
Дирку показали вторую фотографию, и он кивнул.
– Сейчас он выглядит лет на десять старше, но я его узнаю.
– Американский наемник, родился в штате Аризона, – оповестил аналитик. – Вы сказали, что уже встречались с ним ранее?
– Да, во время операции по подъему «Императрицы Ирландии», при поисках Североамериканского договора. Может быть, вы слышали об этом.
Броган кивнул:
– Конечно же.
– Давайте вернемся к базе русских, – вмешалась женщина. – Сколько этажей в их постройке?
– Судя по кнопкам на лифте – пять. Все подземные.
– Не можете примерно описать размеры?
– Я побывал только в своей камере, коридоре, кабинете Великова и в автопарке. Ах да, в первый раз мы же попали внутрь через наземный вход, там все было оформлено в стиле испанских крепостей.
– Толщину стен можете назвать?
– Около двух футов.
– А качество постройки?
– Хорошее. Вода не протекает, да и я не заметил каких-нибудь трещин.
– Какие автомобили вы видели в автопарке?
– Два военных грузовика, остальное – строительные машины, бульдозер, экскаватор и подъемник.
Женщина оторвалась от записей:

– Простите, что последнее?
– Подъемник, – объяснил Питт. – Специальный грузовик со складывающейся платформой для работ на высоте. Может быть, вы видели такие на машинах для подрезки деревьев или у линейных монтеров.
– Примерные размеры зеркальной антенны?
– В темноте тяжело было определить. Приблизительно триста ярдов в длину и двести в ширину. Ее поднимают наверх гидравлические рычаги, замаскированные под пальмы.
– Антенна цельная или в виде сети?
– В виде сети.
– Вы заметили цепи, монтажные коробки, реле?
– Нет, но это не значит, что их там не было.
Броган слушал его ответы, не вмешиваясь. Тут он поднял руку и сказал человеку, корпящему над бумагами, согнувшись над столом:
– Что вы об этом думаете, Чарли?
– Не хватает технических деталей, чтобы понять их точные цели. У меня есть три варианта. Во-первых, это может быть подслушивающая станция, способная перехватывать телефонные звонки, радиосигналы и сигналы радаров по всей территории Соединенных Штатов. Во-вторых, это может быть объект, излучающий мощные радиопомехи, и он просто ждет своего часа, первого ядерного удара, к примеру, чтобы активироваться и нейтрализовать все наши жизненно важные военные и коммерческие связи. В-третьих, возможно, установка способна передавать нам ложную информацию по нашим же системам связи. Хуже всего, если размеры и сложная конструкция антенны позволяют ей выполнять все три функции сразу.
На скулах Брогана заиграли желваки. Глава ЦРУ был далеко не в восторге от того, что в менее чем двухстах милях от берегов Соединенных Штатов проводится столь масштабная шпионская операция.
– Если подтвердятся наши худшие опасения, что тогда?
– Лично я больше всего боюсь того, что их передовые электронные установки окажутся достаточно мощными, чтобы перехватывать телефонные и радиосигналы, а после этого задерживать сигнал, чтобы с помощью компьютерных синтезаторов нового поколения имитировать голоса звонящих и вести разговор от их имени. Вы бы очень удивились, если бы знали, как легко можно манипулировать вашими словами по телефону, а тот, кому вы звоните, даже не догадается, что говорит не с вами. К слову, наше Агентство национальной безопасности использует такое же оборудование на кораблях.
– Значит, русские догнали нас, – подытожил Броган.
– Возможно, их технологии пока что не настолько проработаны и обкатаны на практике, как наши, но вдруг они обошли нас и расширили возможности этих технологий до еще больших масштабов?
Женщина из ЦРУ повернулась к Питту:
– Вы сказали, что запасы на остров доставляют на подводной лодке?
– Со слов Рэймонда Лебарона, – сказал Питт. – Но я и сам не заметил на берегу чего-нибудь, похожего на пристань, хотя не так уж и много там видел.
Сэндекер крутил в руках одну из сигар, не зажигая ее. Затем направил один ее конец на Брогана:
– Кажется, Советы приложили небывалые усилия, чтобы сбить со следа твою разведку на Кубе, Мартин.
– Во время допроса я понял, что они боятся разоблачения, – сказал Питт. – Великов постоянно твердил, что мы агенты, состоящие у вас на зарплате.
– Ничего удивительного, – ответил глава ЦРУ. – Ваше появление там кого угодно могло повергнуть в шок.
– Дирк, не могли бы вы описать людей, находившихся на вечеринке в тот день, когда вы туда попали? – спросил мужчина в свитере в ромбик, похожий на ученого.
– По-моему, там было приблизительно полтора десятка женщин и двадцать пять или около того мужчин.
– Женщин?
– Да.
– Какого типажа? – спросила единственная женщина в зале.

Питту пришлось переспросить:
– В каком смысле?
– Ну, знаете, жены, просто приличные одинокие дамы или, может быть, проститутки? – серьезно спросила она.
– Точно не проститутки. Большинство было в военной форме, наверное, они из окружения Великова. У некоторых имелись обручальные кольца на пальцах, должно быть, они жены кубинских гражданских чиновников и военнослужащих, которые присутствовали там.
– О чем Великов думает, черт возьми? – пробурчал Броган себе под нос. – Зачем приглашать кубинцев с женами на сверхсекретную базу?
Сэндекер задумчиво смотрел на стол.
– А я понимаю… Возможно, Великов использует Кайо-Санта-Мария для чего-то еще, кроме электронного шпионажа.
– На что вы намекаете, Джим? – спросил Броган.
– Остров мог бы стать идеальным местом, откуда можно начать свержение правительства Кастро.
Потрясенный директор ЦРУ посмотрел на него:
– Почему вы так считаете?
– Президент ввел меня в курс дела, – с важным видом ответил Сэндекер.
– Я так и думал.
По Брогану было прекрасно видно, что такого он и предположить не мог.
– Слушайте, я, конечно, понимаю, что все это очень важно, – перебил их Дирк, – но каждая минута, которую мы тратим на разговоры, приближает Джесси, Эла и Руди к смерти. Я надеюсь, что ваши люди сделают все возможное, чтобы спасти их. Вы можете начать с послания русским сообщения о том, что вы в курсе насчет пленников, потому что я сбежал и все вам рассказал.
Требование Питта было встречено странной тишиной. Все, кроме Сэндекера, отвели от него свои взгляды. Сотрудники ЦРУ, казалось, вообще избегали его глаз в те секунды.
– Простите, – с каменным выражением лица произнес Броган. – Но я не думаю, что это был бы грамотный ход.
В глазах Сэндекера внезапно загорелся огонек ярости.
– Следите за словами, Мартин. Я понимаю, что у вас в голове сейчас развернулся сценарий в лучших традициях Макиавелли. Но позвольте предупредить вас, мой друг. Вы пригласили меня помочь, а я не из тех, кто бросает друзей в беде.
– В этой игре ставки очень высоки, – возразил Броган. – Для нас лучше всего пока что позволить Великову оставаться в тени.
– И пожертвовать несколькими жизнями ради вашей игры? – резко сказал Питт. – Ну уж нет.
– Пожалуйста, выслушайте меня, – терпеливо произнес Броган. – Я согласен вбросить в свет информацию, будто мы знаем, что Лебароны и ваши люди из НУПИ все еще живы. Далее, мы обвиним кубинцев в том, что они держат их под стражей в Гаване.
– Вы рассчитываете, что Великов клюнет на эту чепуху?
– Я не рассчитываю на то, что он клюнет. Он не кретин. Он заподозрит неладное и будет гадать, что еще мы можем знать об острове. Гадать – это все, что он может сделать. А мы еще сильнее замутим воду заявлением, будто у нас есть фотографическое доказательство того, что вашу надувную лодку выбросило на главный остров Кубы. Это должно снять напряжение с наших пленников и заставить Великова переключиться на другие проблемы. А вишенкой на торте станет новость о том, что тело Питта нашел один багамский рыбак.
– Что за чертовщину вы пытаетесь предложить? – недовольно спросил Сэндекер.
– Я пока что и сам это не обдумал, – признал Броган. – Но основная мысль заключается в том, чтобы Питт пробрался обратно на остров.
Как только беседа закончилась, Броган вернулся в его кабинет и поднял трубку телефона. Звонок прошел вне очереди, президент ответил почти сразу:
– Пожалуйста, побыстрее, Мартин. С минуты на минуту я уезжаю в Кэмп-Дэвид.
– Мы только что закончили допрос Питта.
– Он рассказал что-нибудь интересное?
– Питт совершил огромный разведывательный прорыв, его мы и обсуждали.
– Он узнал, где штаб-квартира Великова?

– Он привел нас прямо к их золотой жиле.
– Отличная работа. Твои люди могут начинать операцию по внедрению туда. Я думаю, что сейчас будет уместно принять более твердое решение.
– Вы имеете в виду нейтрализовать их угрозу, рассказав о ее существовании мировой прессе?
– Нет. Я имею в виду: нужно отправиться туда и уничтожить ее.

Сразу после прибытия в Кэмп-Дэвид президент решил позавтракать. Погода была теплой не по сезону, наступило бабье лето, поэтому он был одет в хлопковые брюки и в свитер с коротким рукавом.
Он сидел в большом кресле с подголовником, положив на колени несколько папок и изучая личные дела членов «внутреннего ядра». Прочитав последний документ, он закрыл глаза, обдумывая речь, которую должен сказать людям, ожидающим его в обеденном зале лагеря.
В кабинет вошел Хаген и тихо стоял, выжидая, пока президент откроет глаза.
– Все готово, ждем только тебя, Винс.
Президент медленно поднялся с кресла.
– Я готов.
Они ждали вокруг длинного обеденного стола, устроенного президентом. Охраны не было, впрочем, она и не требовалась. У этих почтенных людей не было ни малейшего намерения совершать преступления. Они уважительно встали на ноги, когда он вошел в комнату, но глава государства жестом попросил их садиться на места.
Их было восемь – генерал Фишер, Бут, Митчелл и Буше сидели за одной стороной стола, Эриксен, сенатор Портер и Дэн Фосетт – на другой. Хадсон сидел в дальнем конце, во главе стола. Отсутствовал только Рэймонд Лебарон.
Гости были одеты неофициально и расположились удобно, словно гольфисты в клубе. Они выглядели расслабленными, уверенными в себе и не проявляли никаких признаков напряжения.
– Доброе утро, господин президент, – с энтузиазмом поприветствовал сенатор Портер. – Чему мы обязаны такой честью – вашему столь загадочному приглашению?
Президент прокашлялся:
– Все вы знаете, почему я собрал вас здесь. Поэтому не будем ходить вокруг да около.
– Может быть, вы хотите наградить нас? – саркастично спросил Клайд Бут.
– Не от меня зависит, будет вам награда или нет, – холодно сказал президент.
– А от кого же? – грубо спросил Гуннар Эриксен.
– Я понимаю, к чему ведет президент, – сказал Хадсон. – Он хочет, чтобы мы позволили русским заполучить свою долю Луны.
– И кроме этого, я хочу, чтобы вы признались в совершении массового убийства.
Ситуация изменилась. Теперь они смотрели на президента глазами замороженных рыб.
Сенатор Портер оказался самым сообразительным и решил начать атаку первым:
– Убийство в лучших гангстерских традициях или капля яда в чашку чая, как в фильме «Мышьяк и старые кружева»? Могу ли я спросить, о каком убийстве вы говорите, господин президент?
– Пустяк: всего лишь об убийстве девятерых советских космонавтов.
– Это те, которые потерялись в начале союзных космических операций? – спросил Дэн Фосетт.
– Нет, – ответил президент. – Я о девяти убитых русских на лунных зондах «Селен».
Хадсон схватился за край стола и уставился на президента, словно его приковали к электрическому стулу.
– «Селены» были беспилотными.
– Русские хотели, чтобы весь мир так думал, но на каждом корабле было по три человека. Один из их экипажей сейчас находится в холодильных камерах в морге больницы имени Уолтера Рида. Если захотите, можете осмотреть останки.
Никто и не подумал о том, чтобы смотреть на них. Они считали себя сознательными гражданами, делавшими работу на благо своей страны. Вряд ли кто-то из них, глядя в зеркало, видел в отражении хладнокровного убийцу. Если сказать, что президенту удалось завладеть вниманием аудитории, это будет преуменьшением.
Хаген растерялся. Для него все сказанное выше было новостью.
– Если вы потерпите минутку, – продолжил президент, – я разложу по полочкам реальные факты и догадки. Начнем с того, что вы и ваши лунные колонисты добились невероятного

успеха. Я восхищаюсь вашим упорством и гениальностью, а в ближайшие недели вами будет восхищаться весь мир. Тем не менее вы непреднамеренно совершили ужасную ошибку, способную легко перечеркнуть все ваши достижения. В вашем рвении установить на Луне звездно-полосатый флаг вы закрыли глаза на международный космический договор, регулирующий деятельность всех стран на Луне. Он был ратифицирован США, СССР и еще тремя странами в 1984 году. После этого вы взяли на себя право объявить Луну своими суверенными владениями и, фигурально выражаясь, расставить на ней знаки: «Лица, вторгающиеся на данную территорию, будут застрелены». Вы нарушили договор тем, что каким-то образом попытались уничтожить три советских лунных зонда. Один из них, «Селен-4», смог вернуться на Землю, куда приземлился только через восемнадцать месяцев, когда удалось восстановить дистанционное управление этим зондом. Советские космические инженеры пытались посадить его в степях Казахстана, но корабль был поврежден, поэтому упал рядом с Кубой. Под видом охоты за сокровищами вы послали Рэймонда Лебарона разыскать корабль, прежде чем его найдут русские. Вы хотели уничтожить следы, свидетельствующие о том, что ущерб зонду был нанесен оружием ваших колонистов. Но кубинцы обставили и вас, и русских, первыми достав его с морских глубин. Вы не знали об этом до этой минуты, как не знают об этом и русские. Если только… – Президент прервался на полуслове. – Если только Рэймонд Лебарон под пытками не проговорился о колонии Джерси. Из достоверных источников я знаю, что он был схвачен кубинцами и передан советской военной разведке ГРУ.
– Рэймонд ничего не расскажет! – гневно воскликнул Хадсон.
– Он уже и не должен, – ответил президент. – Несколько часов назад аналитики разведывательной службы, которых я просил повторно проверить советские космические сигналы, полученные во время возвращения «Селена-4» в плотные слои атмосферы, обнаружили, что его данные о нахождении на лунной поверхности были переданы на наземную станцию слежения на острове Сокотра вблизи Йемена. Вы осознаете последствия, джентльмены?
– Мы понимаем, к чему вы клоните, – задумчиво проговорил генерал Фишер. – Возможно, у Советов есть наглядные доказательства существования колонии Джерси.
– Да, и если они догадались сделать из этого вывод, то должны были понять, что ваши люди стали причиной гибели «Селенов». Можете быть уверены, что они будут мстить. Но нет никаких звонков по горячей линии, никаких сообщений по дипломатическим каналам, никаких статей в газетах «Труд» и «Правда». Значит, битва за Луну будет держаться в тайне обеими сторонами. Когда вы все подытожите, господа, то поймете, что развязали войну, которую невозможно будет остановить.
Мужчины за столом были потрясены и загнаны в угол, они сидели разозленные и изумленные. Но злило их только одно – они и вправду ничего не знали. Несколько мгновений ушло на то, чтобы осмыслить ужасную правду.
– Вы знаете, какова вероятность мести русских? – спросил Фосетт.
– Поставьте себя на их место. Они знали об этом еще за неделю до того, как отправили в космос лунную станцию «Селен-8». Если бы я был на месте президента Антонова, то приказал бы преобразовать научно-исследовательскую миссию в военную операцию. Я почти не сомневаюсь, что, когда через двадцать часов «Селен-8» сядет на Луну, специальный отряд советских диверсантов окружит колонию Джерси и пойдет в атаку. А теперь скажите мне, сможет ли база защитить себя?
Генерал Фишер посмотрел на Хадсона, затем повернулся к президенту и пожал плечами:
– Не могу сказать. Мы никогда не рассматривали вероятность вооруженного нападения на колонию. Насколько я помню, у наших людей есть только два пистолета и ракетная установка.
– Кстати, когда ваши колонисты должны покинуть Луну?
– Они взлетают примерно через тридцать шесть часов, – ответил Хадсон.
– Любопытно, – сказал президент. – Как же они планируют вернуться в атмосферу Земли? Конечно же, их лунное транспортное средство не способно на такое путешествие.
Хадсон улыбнулся:
– Они вернутся космическим челноком на космодром Кеннеди на мысе Канаверал.
Президент вздохнул:
– «Геттисберг». Глупо было с моей стороны не подумать об этом. Он уже состыкован с нашей космической станцией.

– Ее экипаж пока ничего не знает, – сказал Стив Буше, человек из НАСА, – но как только они оправятся от шока, когда внезапно появятся колонисты на их транспортном средстве, то без сомнений возьмут с собой дополнительных пассажиров.
Президент замолчал и посмотрел на членов «внутреннего ядра», внезапно помрачнев.
– И вот теперь перед нами встает животрепещущий вопрос, господа. Выживут ли колонисты Джерси?

– Неужели вы думаете, что это сойдет вам с рук? – вопрошал Питт.
Отставной полковник морской пехоты США Рамон Клейст привстал на каблуки и почесал тростью зудящую спину.
– Если нам удастся вытащить всех ценой наших жизней, то да, я считаю, что миссия будет выполнена успешно.
– Операция слишком сложная, поэтому не может пройти безупречно, – возразил Питт. – Уничтожить базу и антенну, к тому же убив Великова и всех его солдат, – едва ли реально…
– Ваши наблюдения вместе с фотографиями, сделанными нашими самолетами-невидимками, подтверждают, что база слабо защищена.
– Сколько человек у вас в отряде? – спросил Дирк.
– Тридцать один, включая меня.
– Русские сразу же бросятся выяснять, кто разгромил их секретную базу. Вы лишь растревожите пчелиный улей.
– Это все часть плана, – успокоил его Клейст.
Полковник стоял, выпрямившись по струнке, цветастая рубашка грозилась лопнуть на груди. Лет ему примерно под шестьдесят. Он был смуглым уроженцем Аргентины, единственным ребенком бывшего офицера СС, бежавшего из Германии после войны, и дочери либерийского дипломата. Его отправили учиться в частную школу в Нью-Йорке, но он решил бросить обучение и сделать карьеру в морской пехоте.
– Я думал, что между ЦРУ и КГБ есть неписаное соглашение, чтобы они не трогали ваших агентов, если вы не трогаете их людей.
Клейст с улыбкой посмотрел на мистера Дирка:
– С чего вы взяли, что мы собираемся делать такую грязную работу?
Питт ничего не отвечал, ожидая, когда тот продолжит говорить.
– Миссия будет проводиться специальными силами службы безопасности Кубы, – объяснил полковник. – Эквивалент наших «Морских котиков» – подразделения специальных операций ВМС. А на самом деле это хорошо обученные эмигранты, переодетые в кубинский камуфляж. Даже их нижнее белье и носки будут отвечать требованиям кубинской формы. Оружие, наручные часы и другое оснащение – все советского производства. Кроме того, высадка планируется в кубинской части острова.
– Комар носа не подточит.
– Мы всегда стараемся готовиться тщательно.
– Вы будете руководить операцией?
Клейст улыбнулся:
– Нет, я слишком стар, чтобы преодолеть прибой на пляже. Штурмовую группу возглавит майор Анджело Кинтана. Вы встретите его в нашем лагере в Сан-Сальвадоре. Я буду наготове на ПТСН.
– Как вы сказали?
– «Подводный транспорт специального назначения», – ответил Клейст. – Судно, предназначенное именно для таких миссий. Многие даже не догадываются о его существовании. Думаю, это покажется вам интересным.
– Меня вряд ли можно назвать тренированным бойцом.
– Ваша задача заключается в том, чтобы провести группу к базе и показать им вентиляционное отверстие, через которое можно проникнуть в гараж. Затем вы вернетесь к берегу, где будете оставаться под прикрытием до завершения миссии.
– Вы знаете, когда планируется наш набег?
Клейст скривился:
– Мы предпочитаем называть это секретной операцией.
– Простите, но я никогда не читал заумный справочник по семантике.

– Высадка планируется на 02.00 через четыре дня.
– Через четыре дня мы можем не успеть спасти моих друзей.
Полковник выглядел искренне обеспокоенным.
– Мы уже, как могли, сжали сроки и донельзя ускорили тренировку наших солдат. Нам нужно время, чтобы все отточить и не оставить никаких просчетов. План должен быть выполнен безупречно, как компьютерная программа.
– Но от обычной человеческой ошибки ваш план не застрахован.
Дружеский тон Клейста сменился холодным.
– Обычную человеческую ошибку, мистер Питт, можете допустить только вы. Если исключить вмешательство высших сил, то успех или неудача этой миссии целиком и полностью будет зависеть от вас.
Сотрудники ЦРУ неукоснительно следовали распорядку. Питта переводили из одного кабинета в другой, проводя с ним беседы, с точностью секундомера. План по операции на Кайо-Санта-Мария дорабатывался со скоростью лесного пожара. Полковник Клейст провел Питту инструктаж буквально через три часа после того, как Мартин Броган закончил его допрашивать. Он пришел к выводу, что именно так и разрабатывались тысячи планов по действиям в чрезвычайных ситуациях при вторжении на Карибские острова и страны Центральной и Южной Америки. Компьютеризированные военные игры создавали множество сценариев на выбор. Экспертам по тайным операциям нужно было лишь выбрать программу, которая лучше всего подходила для миссии, а затем доработать.
Дирк прошел тщательный медицинский осмотр, прежде чем ему разрешили перекусить. Врач признал его здоровым, вколол смесь мощных витаминов и порекомендовал пораньше ложиться спать, пока мысли уставшего Питта окончательно не превратились в кашу.
Стройная женщина с высокими скулами и заплетенными в косу волосами, назначенная помогать ему, в нужное время провела мужчину в нужную комнату. Она представилась именем Элис, не назвав ни фамилию, ни звание. На ней была форма мягкого бежевого цвета поверх кружевной блузки. Дирк только подумал, что дама весьма привлекательна, как сразу же поймал себя на мысли, что представляет ее лежащей на атласных простынях.
– Мистер Броган устроил для вас стол в парадном обеденном зале, – сказала она голосом, идеально подходящим для экскурсовода. – Мы поедем на лифте.
Питт внезапно кое-что вспомнил.
– Я хотел бы воспользоваться телефоном.
– Простите, но это невозможно.
– Можно спросить, почему?
– Разве вы забыли, что все считают вас мертвым? – как ни в чем не бывало спросила Элис. – Один звонок другу или любовнице может сорвать всю операцию.
– Понятно, язык мой – враг мой, – цинично сказал Питт. – Послушайте, мне нужно кое-что узнать у человека, с которым я даже не знаком. Я назовусь фальшивым именем.
– К сожалению, это невозможно.
В уме Питта появилась картина поцарапанной граммофонной пластинки.
– Дайте позвонить, а то я сделаю какую-нибудь гадость.
Она вопросительно посмотрела на него:
– Например?
– Уйду домой, – просто сказал он.
– По приказу мистера Брогана вы покинете здание только тогда, когда придет пора отправляться на нашу базу в Сан-Сальвадоре. Нам придется надеть на вас смирительную рубашку еще до того, как вы найдете выход.
Дирк шел позади нее, когда они проходили по коридору. Тут он внезапно развернулся и проскользнул в двери прихожей без опознавательных табличек. Он спокойно прошел мимо испуганной секретарши и вошел в кабинет. Невысокий мужчина с короткими седыми волосами и сигаретой во рту, делающий пометки на графике, удивленно повернулся к нему.
Питт учтиво улыбнулся и сказал:
– Прошу прощения, можно воспользоваться вашим телефоном?
– Если вы работаете здесь, то должны знать, что пользоваться телефоном для своих личных нужд у нас запрещено.
– Тогда все в порядке, – сказал Дирк. – Я здесь не работаю.

– Вы не сможете набрать по внешней линии, – добавил седовласый.
– Сейчас все увидите.
Питт снял трубку телефона и попросил оператора связать его с кабинетом Мартина Брогана. Через несколько секунд на другой стороне провода послышался голос личного секретаря Брогана.
– Меня зовут Дирк Питт. Пожалуйста, сообщите мистеру Брогану, что если мне не позволят на минутку воспользоваться телефоном, то я тут все разнесу.
– Кто это?
– Я уже сказал вам.
Питт был упрям. Решительно не желая смириться с отказом, он еще двадцать минут ругался, кричал и действовал на нервы Брогану, пока тот не разрешил позвонить во внешний мир с условием, что Элис будет рядом и прослушает весь разговор.
Она провела его в небольшой кабинет и показала на телефон:
– Внутренний оператор поможет вам. Продиктуйте ей номер, и она соединит вас.
Питт проговорил в приемник:
– Оператор, как вас зовут?
– Дженни Мерфи, – ответил приятный голос.
– Дженни, начнем с Балтимора. Мне нужен номер компании «Вихокенское морское снаряжение».
– Секундочку. Я достану его для вас.
Дженни узнала номер в справочном бюро Балтимора и послала вызов.
Объяснив свою проблему четырем разным людям, Питт наконец связался со старшим сотрудником компании.
– Мое имя Боб Конде. Что я могу для вас сделать?
Питт перевел взгляд на Элис и подмигнул ей.
– Мистер Конде, меня зовут Джек Фармер. Я работаю в отделении федеральных археологических исследований, и мне удалось обнаружить старый водолазный шлем на месте кораблекрушения. Надеюсь, вы сможете его опознать.
– Постараюсь. Моя бабушка начала заниматься этим около восьмидесяти лет назад. Мы ведем учет всех проданных товаров. У вас есть серийный номер?
– Да, на табличке, прикрепленной к нагруднику, – Питт прикрыл глаза, пытаясь вспомнить, как выглядел шлем на трупе внутри «Циклопа». – Там было написано – компания «Вихокенское морское снаряжение инкорпорейтед, Марк V, серийный номер 58-67-К».
– Это стандартный водолазный шлем военно-морского флота, – без промедления ответил Конде. – Мы выпускаем их с 1916 года. Они изготовлены из сформованной меди с бронзовыми вставками. На них имеется по четыре герметичных стеклянных иллюминатора.
– Вы поставляете их военно-морскому флоту?
– От них приходило больше всего заказов. К слову, как и сейчас. «Марк V, модель 1» все еще пользуется спросом для определенных видов водолазных операций со шланговой подачей воздуха. Но этот шлем был продан гражданскому заказчику.
– Простите за вопрос, а как вы узнали?
– По серийному номеру. «58» – это год выпуска. «67» – порядковый номер, а «К» – значит, для коммерческой продажи. Другими словами, это шестьдесят седьмой по счету шлем, выпущенный нашей компанией в 1958 году и проданный коммерческой спасательной компании.
– Не могли бы вы как-нибудь порыться в бумагах и поискать, кто купил его?
– Это займет добрых полчаса. Мы не перебрасывали старые записи на компьютерные диски. Давайте я вам перезвоню.
Элис покачала головой.
– Правительство может себе позволить любые услуги телефонной связи, мистер Конде. Я пока что побуду на линии.
– Как вам удобно.
Конде оказался верным своему слову. Он снова подошел к телефону ровно через тридцать одну минуту.
– Мистер Фармер, один из моих бухгалтеров нашел то, что вы просили.
– Я слушаю.

– Шлем вместе с водолазным костюмом и аквалангом был продан частному лицу. Как ни странно, но я его знал. Его звали Ганс Кронберг. Дайвер старой закалки. Болел кессонной болезнью сильнее, чем все, кого я знал. Но даже тяжелые стадии болезни не останавливали его, и он продолжал нырять.
– Вы знаете, что с ним произошло?
– Насколько я помню, он приобрел снаряжение для спасательных работ где-то возле Кубы. Ходили слухи, что кессонка окончательно загнала его в могилу.
– Вы не помните, кто его нанял?
– Нет, это было слишком давно, – ответил Конде. – Думаю, он нашел себе партнера при деньгах. Ведь снаряжение Ганса было старым и изношенным. Его водолазный костюм весь был в заплатках. Он жил от зарплаты до зарплаты, которой едва хватало только для того, чтобы прокормить себя. И вот однажды он пришел сюда, чтобы потратить деньги на новое снаряжение.
– Спасибо за помощь, – сказал Питт.
– Не за что. Рад, что вы позвонили. Интересно, почему вы решили набрать меня. Могу я спросить, где вы нашли шлем?
– Возле Багам в старом затонувшем судне.
Представляя себе, что там произошло, Конде на несколько мгновений замолчал. Потом сказал:
– Получается, там Ганс и умер. Что ж, едва ли он предпочел бы встретить свою кончину, лежа в постели.
– Вы не подскажете, кто еще может помнить Ганса?
– Наверное, нет. Все тяжелые водолазы старых времен уже ушли в другой мир. Единственная, кто приходит мне на ум, это вдова Ганса. Она до сих пор присылает мне рождественские открытки. Сейчас она живет в доме престарелых.
– Вы знаете его название или адрес?
– В Лисберге, Вирджиния, если не ошибаюсь. Как он называется, я понятия не имею. А вот ее, кстати говоря, зовут Хильда.
– Спасибо, мистер Конде. Вы мне очень помогли.
– Если будете в Балтиморе, мистер Фармер, заглядывайте поздороваться. У меня теперь есть много времени, чтобы повспоминать о старых деньках, с тех пор как сыновья успешно сменили меня на должности руководителя компании.
– С радостью, – сказал Питт. – До свидания.
Мужчина прервал связь и позвонил Дженни Мерфи. Он попросил ее обзвонить дома престарелых Лисберга и найти тот, в котором проживала Хильда Кронберг.
– Для чего это вам? – потребовала объяснений Элис.
Дирк улыбнулся:
– Я ищу Эльдорадо.
– Очень смешно.
– В этом-то и беда ЦРУ, – колко подметил Питт. – Вы не понимаете шуток.

Грузовик «Форд» подъехал к Уинтропскому интернату для престарелых и остановился возле служебного входа. Грузовик был ярко-синий с цветочными рисунками по бокам. Надпись, тисненная золотыми буквами, гласила: «Дом цветов для матери».
– Пожалуйста, не тратьте здесь время зря, – нетерпеливо попросила Элис. – Вы должны быть в Сан-Сальвадоре через четыре часа.
– Постараюсь, – сказал Питт, выпрыгивая из грузовика в форме водителя и с букетом роз в руках.
– Не понимаю, как вам удалось уговорить мистера Брогана дать вам разрешение на эту поездку.
Перед тем как захлопнуть дверь, Дирк улыбнулся:
– Обычный шантаж и вымогательство.
Уинтропский интернат для престарелых был идеальным местом для беззаботной жизни на старости лет. Здесь было поле для гольфа на девять лунок, теплый крытый бассейн, отличная столовая и роскошные сады. Главный корпус больше напоминал пятизвездочный отель, чем серые дома отдыха.
Ветхим его уж точно не назовешь, как и подходящим для нищих стариков, подумал Питт. Очевидно, что Уинтропский интернат был так великолепно обставлен для богатых пожилых

людей. У него в голове не укладывалось, как вдова водолаза, который с трудом сводил концы с концами, могла себе позволить проживать в такой роскоши.
Он зашел через черный ход, подошел к стойке регистрации и показал цветы.
– Я принес доставку для миссис Хильды Кронберг.
Администратор интерната посмотрела на него и улыбнулась. Питт счел ее вполне привлекательной: длинные и блестящие темно-рыжие волосы, серо-голубые глаза на узком лице.
– Оставьте цветы на стойке, – нежным голосом сказала она. – Сиделка передаст их.
– Мне сказали доставить букет лично в руки, – сказал Питт. – И, кроме того, я должен устно поздравить даму.
Она кивнула и указала на дверь сбоку.
– Думаю, вы найдете миссис Кронберг у бассейна. Только не обещаю, что она сможет нормально поговорить с вами. Временами Хильда витает в облаках.
Дирк поблагодарил девушку, жалея, что даже не попытался пригласить ее на ужин. Он прошел в двери и спустился по лестнице. Застекленное помещение с бассейном было задумано в стиле гавайского сада с черной скалой и спадающим с нее водопадом.
Спросив у двух пожилых женщин, где ему искать Хильду Кронберг, он увидел даму, сидящую в инвалидной коляске возле бассейна. Она смотрела в воду, но ее разум блуждал где-то далеко.
– Миссис Кронберг?
Прикрыв глаза рукой, она подняла голову:
– Да?
– Меня зовут Дирк Питт. Можно задать вам несколько вопросов?
– Мистер Питт, правильно? – мягким голосом спросила она, окинув взглядом его форму и цветы. – Интересно, о чем хочет спросить у меня мальчик, доставляющий цветы?
То, что она назвала Питта «мальчиком», заставило его улыбнуться, и он вручил ей букет.
– Это касается вашего покойного мужа Ганса.
– Он с вами? – недоверчиво спросила она.
– Нет, я один.
Хильда была болезненно худощавой, а ее кожа почти прозрачной, словно папиросная бумага. Лицо покрывал толстый слой косметики, а волосы были умело выкрашены. Бриллиантовые кольца на ее пальцах стоили нескольких «Роллс-Ройсов». Дама выглядела лет на семьдесят пять, хотя Питту показалось, что на самом деле ей лет на пятнадцать меньше. Хильда Кронберг ждала смерти. Тем не менее, когда она улыбнулась при упоминании имени мужа, казалось, что ее глаза тоже улыбались.
– Вы выглядите слишком молодо, чтобы знать Ганса, – заметила она.
– Мистер Конде из компании «Вихокенское морское снаряжение» рассказал мне о нем.
– Боб Конде, конечно же. Они с Гансом были хорошими приятелями по покеру.
– Вы выходили замуж второй раз после его смерти?
– Да.
– Но тем не менее вы все еще носите его фамилию.
– Это долгая история, которую вам будет неинтересно слушать.
– Когда вы последний раз видели Ганса?
– В четверг, 10 декабря 1958 года. Я провожала его на пароход «Монтерей», направляющийся в Гавану. Ганс всегда преследовал свою мечту. Они с партнером как раз отправлялись на очередную охоту за сокровищами. Он клялся, что они найдут столько золота, что он сможет купить мне дом. К сожалению, он так и не вернулся.
– Вы помните, кто был его партнером?
Ее мягкое лицо вдруг нахмурилось:
– Что вам нужно, мистер Питт? Кто вас прислал?
– Я директор специальных программ Национального управления подводных исследований, – ответил он. – Во время обследования затонувшего корабля под названием «Циклоп» я обнаружил останки, по моему предположению, принадлежащие вашему мужу.
– Вы нашли Ганса? – удивилась она.
– Пока что точно не известно, но водолазный шлем на останках принадлежал ему.
– Ганс был хорошим человеком, – задумчиво сказала она. – Может быть, кормилец семьи из него был никудышный, но нам хорошо жилось вместе, пока… В общем, пока он не умер.

– Помните, вы спросили меня, не с ним ли я? – мягко напомнил мужчина.
– Это семейная тайна, мистер Питт. Со мной ничего не случится… Он охраняет меня. Мне не на что жаловаться. Я отрешилась от реального мира по собственному желанию… – Ее голос затих, взгляд устремился вдаль.
Питт попытался достучаться до нее, пока она не унеслась в страну грез.
– Он не говорил вам, что Ганса убили?
Глаза Хильды на мгновение вспыхнули, а потом она молча покачала головой.
Питт присел на колени рядом с ней и взял ее за руку.
– Его спасательный трос и воздушный шланг были перерезаны, когда он работал под водой.
Она заметно дрожала.
– Зачем вы говорите мне это?
– Потому что это правда, миссис Кронберг. Даю вам слово. Скорее всего, тот, кто работал с Гансом, убил его, чтобы забрать его долю найденных богатств.
Еще около минуты Хильда сидела в задумчивом смятении.
– Вы знаете о сокровище Ла Дорада, – наконец сказала она.
– Да, – ответил Питт. – Я знаю, как она оказалась на «Циклопе». И знаю, что Ганс и его партнер собирались достать ее.
Хильда принялась крутить на пальце одно из алмазных колец.
– В глубине души я всегда подозревала, что Рэй убил Ганса.
Дирк опешил. О таком он даже подумать не мог. Он осторожно проверил невероятную догадку, спросив:
– Думаете, Ганса убил Рэй Лебарон?
Дама кивнула.
Неожиданное открытие застало Питта врасплох, и ему потребовалось еще несколько мгновений, чтобы вернуться к разговору.
– Из-за сокровищ? – тихо спросил он.
– Нет. Из-за меня.
Она покачала головой.
Питт не отвечал, молча ожидая продолжения рассказа.
– Всякое бывает, – шепотом начала она. – В те дни я была молодой и красивой. Вы бы поверили, что когда-то я была симпатичной?
– Вы по-прежнему очень красивая.
– Думаю, очки вам не помешали бы, но спасибо за комплимент.
– Кроме того, вы сообразительная.
Она указала рукой в направлении главного корпуса.
– Они вам говорили, что я слегка чокнутая?
– Администратор намекнула, что вы немного не в себе.
– Иногда я люблю немного притворяться. Чтобы остальным приходилось гадать, что у меня на уме. – Ее глаза на мгновение сверкнули, затем она снова устремила свой взор в никуда. – Ганс был хорошим человеком, на семнадцать лет старше меня. Моя любовь к нему смешивалась с сочувствием, ведь он был калекой. Мы прожили в браке около трех лет, когда он впервые пригласил Рэя к нам на ужин. Вскоре все мы втроем близко сдружились, а мужчины решили организовать партнерство по поиску сокровищ в местах старых кораблекрушений, чтобы затем продавать их торговцам антиквариатом и коллекционерам. В те дни Рэй был красивым энергичным мужчиной, поэтому вскоре мы закрутили роман.
Она запнулась и посмотрела на Питта:
– Вы когда-нибудь любили двух женщин одновременно?
– Боюсь, что такого мне испытать не пришлось.
– Вот что странно – я не чувствовала за собой никакой вины. Обманывать Ганса стало для меня сродни захватывающей игре. Не потому, что я была бесчестной. Я прежде никогда не лгала близким людям, поэтому даже не задумывалась о раскаянии. Теперь я благодарю Бога за то, что он забрал Ганса прежде, чем ему открылась вся правда.
– Можете рассказать мне о сокровище Ла Дорада?
– После окончания Стэнфорда Рэй несколько лет рыскал по джунглям Бразилии в поисках золота. О Ла Дораде он впервые услышал от американского земельного инспектора. Я не помню всех подробностей, но друг семьи был уверен, что она находилась на борту «Циклопа»,

когда корабль пропал. Они вместе с Гансом два года носились по Карибскому бассейну с металлодетекторами, надеясь обнаружить признаки кораблекрушения. Наконец нашли затонувший корабль. Рэй занял денег у своей матери, чтобы купить водолазное снаряжение и небольшой спасательный катер. Он первым отправился на Кубу, чтобы начать операцию, пока Ганс заканчивал работу в Нью-Джерси.
– Вы получали сообщения или телефонные звонки от мужа после того, как он отплыл на «Монтерее»?
– Однажды он звонил мне с Кубы. Он лишь сказал, что они с Рэем на следующий день отправляются на место крушения корабля. Спустя две недели Лебарон вернулся и сказал мне, что Ганс погиб из-за декомпрессионного заболевания и похоронен в море.
– А сокровище?
– Рэй описал мне его как огромную золотую статую, – ответила она. – Ему удалось поднять ее на спасательный катер и доставить на Кубу.
Питт встал, потянулся и снова опустился на колени рядом с Хильдой.
– Странно, почему он не привез статую обратно в Штаты?
– Он боялся, что бразильцы, таможенники Флориды, федеральное правительство, морские археологи или другие охотники за сокровищами отберут Ла Дораду или начнут судиться из-за нее, и в итоге он останется с пустыми руками. Кроме того, Рэй не хотел отдавать государству миллионы долларов в качестве налога. В общем, кроме меня, он никому больше не рассказывал о своей находке.
– Что с ней случилось дальше?
– Он вынул из сердца статуи громадный рубин, распилил его на сотни мелких камней и продал по частям.
– Так Лебарон положил начало своей финансовой империи, – догадался Питт.
– Да, но прежде чем Рэй успел распилить изумрудную голову или переплавить золото, к власти пришел Кастро, и ему пришлось спрятать статую. Он никогда не говорил мне, куда спрятал ее.
– Значит, Ла Дорада все еще находится где-то на Кубе.
– Я уверена, что Рэй никогда не возвращался туда, чтобы забрать ее.
– Вы видели его после этого?
– О, ну конечно же, – весело сказала она. – Мы поженились.
– Получается, вы были первой миссис Лебарон? – пораженно спросил Питт.
– В течение тридцати трех лет.
– Но в документах указано, что его первую жену звали Хиллари и что она умерла несколько лет назад.
– Когда Рэй стал богатым, для солидности он предпочитал называть меня Хиллари, а не Хильдой. Когда я заболела, моя смерть стала удобным выходом для него – все бы стали его ненавидеть, если бы узнали, что он развелся с инвалидом. Таким образом, он похоронил Хиллари Лебарон, в то время как Хильда Кронберг доживает здесь последние деньки.
– Поразительно, какими жестокими бывают люди.
– Мой муж всегда был великодушным человеком, иногда даже сострадательным. Но каждый из нас жил своей жизнью. И я не против. Джесси иногда навещает меня.
– Вторая миссис Лебарон?
– Прелестная и заботливая женщина.
– Как она могла выйти за него замуж, если вы до сих пор живы?
Она улыбнулась:
– Рэй просчитался. Доктора сказали ему, что мне осталось жить всего несколько месяцев. Но я протянула еще семь лет.
– Выходит, что он двоеженец, убийца и вор.
Хильда не спорила.
– Рэй – сложный человек. Он берет гораздо больше, чем отдает.
– На вашем месте я бы распял его на ближайшем кресте.
– Слишком поздно, мистер Питт.
Она подняла голову, в ее глазах внезапно заиграл огонек.
– Но вы можете кое-что сделать для меня.
– Говорите.

– Найдите Ла Дораду! – пылко сказала она. – Найдите статую и подарите ее миру. Чтобы об этом знала вся общественность. Это ранит Рэя сильнее, чем потеря его журнала. Но что более важно – вы сделаете то, чего хотел Ганс.
Питт взял ее за руку и легонько сжал.
– Хильда, – мягко произнес он. – Я сделаю все, что смогу, обещаю.

Доктор Хадсон отрегулировал четкость изображения и приветственно кивнул появившемуся на экране человеку:
– Эли, тут кое-кто хочет поговорить с тобой.
– Всегда рад видеть новые лица, – бодро ответил Штейнмец.
Место Хадсона перед видеокамерой и монитором занял другой мужчина. Несколько мгновений он с восхищением смотрел на экран.
– Вы действительно на Луне? – наконец спросил он.
– Время для шоу, – приятно улыбаясь, сказал Штейнмец. Он вышел за экран, снял камеру со штатива и подошел к кварцевому окну, чтобы показать лунный пейзаж. – К сожалению, не смогу вам показать отсюда Землю, мы сейчас на другой стороне Луны.
– Я вам верю.
Штейнмец прикрепил камеру на место и снова встал перед ней. Он подался вперед и уставился в экран. Улыбка медленно сползла с его губ, на лице появился вопросительный взгляд.
– Вы тот, кем сейчас мне кажетесь?
– Вы узнаете меня?
– Судя по голосу и по картинке, мне кажется, что я говорю с президентом.
Теперь уже пришел черед президента улыбаться.
– Не думал, что вы узнаете меня, ведь, когда вы покинули Землю, я был сенатором, а вам на Луну газеты вряд ли доставляют.
– Когда орбита Луны находится в надлежащем положении относительно Земли, мы можем подключаться почти ко всем спутникам связи. Во время последнего перерыва наши люди смотрели последний фильм Пола Ньюмана на канале HBO. А когда транслируют новости CNN, мы все собираемся у экранов, как голодные собаки у кормушки.
– Колония Джерси – невероятное достижение. Наш народ всегда будет в долгу перед вами.
– Спасибо, господин президент, хотя меня удивило то, что Лео решил опередить события и обнародовать успех проекта до нашего возвращения на Землю. Это не по плану.
– Еще не было никакого публичного заявления, – сказал президент, посерьезнев. – Кроме вас и ваших колонистов, я единственный человек, не состоящий во «внутреннем ядре», который знает о вашем существовании. Кроме, может быть, русских.
Штейнмец уставился на него сквозь двести сорок тысяч миль.
– Как они могли узнать о колонии Джерси?
Президент замолчал и перевел взгляд на Хадсона, стоящего за объективом камеры. Доктор покачал головой.
– Из фотографий, сделанных лунными зондами «Селен», – ответил президент, умолчав о том, что корабль был пилотируемым. – Одному из них удалось передать данные в Советский Союз. Мы думаем, что на фотографиях была видна колония Джерси. Также есть основания думать, что русские подозревают вас в уничтожении их зондов с поверхности Луны.
В глазах Штейнмеца заиграла тревога.
– Вы думаете, что они собираются напасть на нас, да?
– Да, Эли, так и есть, – сказал президент. – «Селен-8», советская лунная станция, вошла на орбиту Луны три часа назад. Компьютеры НАСА просчитали, что они не стали садиться в безопасном месте на лицевой стороне Луны, а, вероятнее всего, собираются приземлиться на темной стороне, примерно в вашем районе. Очень рискованный ход, если только у них нет точных координат конечной цели.
– Колонии Джерси.
– На их лунном корабле находится семеро мужчин, – продолжил президент. – Таким воздушным судном должны управлять двое пилотов-инженеров. Значит, пятеро могут быть военными.
– Нас здесь десять человек, – сказал Штейнмец. – Двое будут противостоять одному, у нас неплохие шансы.

– Если не учитывать, что на их стороне огневая мощь и боевая подготовка. Эти люди – самая смертоносная команда, какую русские могли собрать.
– Довольно мрачная картина, господин президент. Что прикажете делать?
– Вы достигли гораздо большего, чем любой из нас был вправе ожидать. Но расклад сейчас совсем не в нашу пользу. Нужно уничтожить колонию и убираться оттуда до того, как прольется кровь. Я хочу, чтобы вы и ваши люди благополучно вернулись на Землю и получили награды, которых заслуживаете.
– Думаю, вы даже близко не представляете, как нам было тяжело построить ее.
– Чего бы вы ни достигли, это не стоит ваших жизней.
– Мы уже шесть лет живем, смирившись с возможностью умереть в любой момент, – медленно произнес Штейнмец. – Еще несколько часов не будут иметь никакого значения.
– Глупо отдавать свою жизнь зря, вам не выиграть битву, – стоял на своем глава государства.

– Вы говорите с человеком, потерявшим отца в битве за остров Уэйк
[14]
. Я посоветуюсь со своими, хотя результат мне известен заранее. Остальные ребята не станут спасаться бегством, если этого не сделаю я. Мы примем бой.

Президент чувствовал, что Штейнмеца невозможно переубедить, и в то же время гордился этим человеком.
– Какое оружие у вас есть? – устало спросил он.
– В нашем арсенале есть одна пусковая установка, к ней остался только последний снаряд, винтовка «M14 National Match» и спортивный пистолет двадцать второго калибра. Мы взяли их с собой на Луну для некоторых гравитационных экспериментов.
– У вас нет шансов, Эли, – грустно вздохнул президент. – Вы хоть понимаете это?
– Есть обстоятельства в нашу пользу.
– Какие?
– Русские – наши гости.
– И что?
– Значит, мы играем на своем поле, – хитро подметил Штейнмец. – А свое поле всегда дает кое-какие преимущества.

– Они приземлились! – воскликнул Сергей Корнилов, ударяя кулаком о ладонь. – «Селен-8» села на Луну!
Пол помещения, предназначенного для того, чтобы важные персоны могли наблюдать за испытаниями в советском центре управления полетами, задрожал от бурных аплодисментов и приветственных криков космических инженеров и ученых, собравшихся в общем зале внизу.
Президент Антонов поднял бокал шампанского:
– Во славу партии и Советского Союза!
Тост подхватили столпившиеся в помещении кремлевские чиновники и высокопоставленные военные.
– За первую ступеньку на нашем пути к Марсу, – добавил генерал Есенин.
– Да! Так держать! – ответил хор голосов. – За Марс!
Антонов поставил пустой бокал на поднос и повернулся к Есенину, его лицо внезапно стало серьезным.
– Когда майор Левченко доберется до лунной базы? – спросил он.
– Учитывая время на регулирование систем космического корабля, разведку местности и расстановку солдат перед боем… Я бы сказал, все это займет около четырех часов.
– На каком расстоянии от объекта они приземлились?
– «Селен-8» была запрограммирована на посадку за невысоким рядом холмов в менее чем трех километрах от того места, где «Селен-4» обнаружил астронавтов, – ответил генерал.
– Кажется, совсем близко, – произнес Антонов. – Если американцы заметили нашу посадку, то Левченко потерял возможность неожиданной атаки.
– Я почти не сомневаюсь, что они даже не понимают, во что вляпались.
– Вы совсем не волнуетесь?

– Наше преимущество состоит в опыте Левченко и превосходящей огневой мощи, товарищ президент. – Есенин был похож на тренера, который только что вывел своего боксера на ринг против однорукого бойца. – У американцев нет шансов.

Майор Григорий Левченко растянулся в мелкой серой пыли на поверхности Луны, уставившись в безграничную пустоту черного неба. В этом тихом призрачном пейзаже он находил сходство с бесплодной пустыней равнины Сейстан в Афганистане, в особенности песчаные равнины и выпуклые холмы. Хотя лунная поверхность и напоминала огромное море из гипса, но все равно она казалась необыкновенно знакомой.

Майор с трудом поборол приступ тошноты. И его самого, и весь экипаж сильно тошнило. У них совсем не было времени для подготовки к состоянию невесомости на Земле, в то время как у космонавтов программы «Союз» на это уходили недели и месяцы. Несколько часов инструктажа по управлению системами жизнеобеспечения лунных скафандров, краткая лекция об условиях, ждущих на Луне, и немного информации о примерном местоположении американской колонии – вот и вся подготовка.

Через скафандр он ощутил, как плечо сжала чья-то рука. Не поворачиваясь, майор проговорил во встроенный в шлем микрофон:

– Что у тебя?

Лейтенант Дмитрий Петров указал рукой на плоскую долину между покатыми стенами двух кратеров примерно на километр левее от них.

– Следы транспорта и отпечатки ног сходятся в тени под краем левого кратера. Я насчитал там три, может быть, четыре маленьких здания.

– Герметизированные теплицы, – сказал Левченко. Он установил квадратный бинокль на небольшой трехногий штатив и прислонился стеклом шлема к широкому окуляру. – Кажется, будто из наклонной стороны кратера выходит пар.

Он поточнее настроил фокусировку бинокля.

– Да, теперь четко видно. Где-то в скале есть вход, вероятно шлюз, через него можно проникнуть внутрь. Не вижу никаких следов жизни. Внешний периметр кажется пустынным.

– Они могут прятаться в засаде, – произнес Петров.

– А где здесь можно спрятаться? – спросил Левченко, осматривая окрестности. – Россыпь камней слишком мала, чтобы скрыть за собой людей. На местности не заметно никаких углублений, в которых можно залечь, и я не вижу никаких оборонительных сооружений. Астронавты в громоздких белых скафандрах выделялись бы на местности, словно снеговики на угольном поле. Нет, я думаю, они забаррикадировались внутри.

– Не очень умно с их стороны. Такой ход нам на руку.

– Не забывай, у них есть пусковая установка.

– Если мы рассредоточимся, то ее эффективность будет крайне мала.

– Так-то да, но здесь нет укрытий. Кроме того, мы не можем быть уверены, что у них нет другого оружия.

– Они могут очень тщательно охранять вход, – предположил собеседник.

– Нам приказано уничтожить их, никоим образом не повредив объект, – сказал Левченко. – Мы должны войти туда.

– Вижу движение! – воскликнул Петров.

Майор приник к биноклю. Из-за одной из теплиц показалось необычное открытое транспортное средство и начало двигаться в их направлении. Белый флаг, привязанный к антенне, безвольно свисал в безвоздушной атмосфере. Военный наблюдал, как луноход остановился в пятидесяти метрах от них и из него на лунную поверхность ступил человек.

– Интересно, – задумчиво проговорил Левченко. – Американцы хотят провести переговоры.

– Это может быть уловка, чтобы прощупать наши силы.

– Не думаю. Если бы они собирались сражаться с нами, то белый флаг не поднимали бы. Их разведка и наземные системы слежения предупредили о нашем прибытии, поэтому они должны знать, что превосходство на нашей стороне – и численное, и в огневой мощи. Американцы – капиталисты. Они всегда в первую очередь полагаются на деловой подход. Если у них нет шансов победить, они постараются хотя бы заключить сделку.

– Вы собираетесь говорить с ними? – спросил Петров.

– Поговорить не помешает. Кажется, он не вооружен. Возможно, америкосы согласятся отдать колонию в обмен на то, чтобы мы оставили их в живых.
– Нам приказано не брать пленных.
– Я помню, – напряженно сказал Левченко. – Решим этот вопрос, когда выполним задачу. Скажи парням, чтобы держали американца на прицеле. Если я подниму левую руку, открывайте огонь.
Он вручил свой автомат Петрову и легко поднялся на ноги. Его скафандр, винтовка и ранцевая система жизнеобеспечения с баллонами рециркулятора кислорода и рециркулятора воды для охлаждения добавляли лишних сто девяносто четыре фунта к весу тела Левченко, что в общей сумме составляло около трехсот шестидесяти земных фунтов. Но его лунный вес при этом был всего шестьдесят фунтов.
Майор направился к луноходу, чередуя шаги с прыжками, пытаясь подстроиться под лунную силу притяжения. Вскоре он подошел к луноходу и остановился в пяти метрах от него. Американский лунный колонист ждал его, беззаботно опираясь на переднее колесо. Когда мужчина приблизился, он выпрямился, опустился на колено и написал ряд цифр в свинцовой пыли поверхности Луны.
Левченко понял его замысел и настроил радиоприемник на указанную частоту. Затем кивнул.
– Как менья слишытэ? – спросил американец по-русски, сильно коверкая слова.
– Я знаю английский, – ответил майор.
– Отлично. Это убережет нас от каких-либо недоразумений. Меня зовут Эли Штейнмец.
– Вы руководитель лунной базы Соединенных Штатов?
– Да, я возглавляю проект.
– Майор Григорий Левченко, Советский Союз.
Штейнмец подошел поближе, и они неуклюже пожали друг другу руки.
– Кажется, у нас проблемы, майор.
– Нам не избежать конфликта.
– Вы можете просто развернуться и вернуться к вашему лунному аппарату, – сказал Штейнмец.
– У меня приказ, – твердым тоном заявил Левченко.
– Вы должны атаковать нас и захватить колонию?
– Да.
– Разве нет способа избежать кровопролития?
– Вы можете сдаться.
– Забавно, – ответил Штейнмец. – Я собирался предложить вам то же самое.
Левченко был уверен, что американец блефует, но по лицу за стеклом шлема было трудно что-либо прочитать. Русский видел в стекле лишь свое отражение.
– Вы должны понимать, что не выстоите против моих людей.
– Не спорю, если мы начнем перестрелку, то победа будет за вами, – согласился Штейнмец. – Но вы можете находиться за пределами своего десантного корабля всего несколько часов, после чего вам придется вернуться и перезарядить системы жизнеобеспечения. По-моему, вы уже использовали около двух часов.
– У нас еще достаточно времени, чтобы выполнить задачу, – уверенно сказал Левченко.
– Я должен предупредить вас, майор, что у нас есть секретное оружие. И можете мне поверить – ваши парни погибнут, да и вы вместе с ними.
– Слабенький блеф. Я ожидал большего от американского ученого.
– Я инженер. Это не то же самое, что ученый, – поправил Штейнмец.
– Как по мне, то все равно, – нетерпеливо сказал Левченко. Он был из таких военных, которые чувствовали себя не в своей тарелке при длительных переговорах. Он всегда стремился поскорее перейти к действию. – Продолжать разговор бесполезно. С вашей стороны было бы мудро вывести своих людей и сдать нам объект. Я гарантирую вашу безопасность до возвращения на Землю.
– Лжете, майор. Должны погибнуть либо ваши люди, либо мои. Вы не оставите в живых тех, кто сможет рассказать миру, что здесь произошло.
– Ошибаетесь, господин Штейнмец. Сдавайтесь, и мы отнесемся к вам по справедливости.
– Простите, но нет.
– Тогда пощады не будет.

– Ничего другого я и не ожидал, – мрачно сказал Штейнмец. – Если вы нападете, гибель людей будет на вашей совести.
Левченко рассердился не на шутку:
– Убийца девяти советских космонавтов еще будет читать мне нотации о человеческих жизнях?
Майор не мог этого видеть, но он был уверен, что почувствовал напряжение Штейнмеца. Не дожидаясь ответа, он развернулся и вприпрыжку направился прочь. Обернувшись через плечо, он заметил, что Штейнмец еще несколько секунд простоял на месте, после чего медленно забрался назад в луноход и поехал обратно к колонии, оставляя позади клубы серой пыли.
Русский сдержанно улыбнулся. Через два-три часа их миссия будет успешно выполнена.
Вернувшись к солдатам, он снова осмотрел скалистую местность вокруг лунной базы через бинокль. Наконец, убедившись, что за камнями не было затаившихся американских колонистов, Левченко дал приказ солдатам рассредоточиться по местности и наступать. Элитный советский штурмовой отряд двинулся в атаку, даже не подозревая, какая хитроумная ловушка Штейнмеца ждала их впереди.

Вернувшись ко входу в штаб-квартиру колонии Джерси, руководитель неторопливо припарковал луноход и медленно, едва переставляя ноги, вошел внутрь. Он специально мешкал, понимая, что Левченко следит в бинокль за каждым его движением. Оказавшись вне поля зрения русских, Штейнмец остановился у переходного шлюза, а затем быстро спрятался в небольшой боковой тоннель, который постепенно поднимался вверх по внутреннему склону кратера. Шагая по проходу, он поднимал небольшие облака пыли, мгновенно разлетавшиеся по узкому пространству тоннеля, поэтому ему приходилось постоянно вытирать стекло шлема, чтобы что-нибудь видеть.
Минуту спустя, пройдя пятьдесят шагов, он присел и пробрался через щель на узкую площадку, замаскированную большим куском серой ткани, по цвету идеально сливающейся с окружающей местностью. Рядом на животе лежал еще один человек в скафандре, уставившись в оптический прицел винтовки.
Колонист-геофизик Вилли Ши не замечал присутствия Штейнмеца, пока тот не опустился рядом с ним.
– По-моему, впечатления на них ты не произвел, – проговорил он с небольшим бостонским акцентом. – Славяне готовятся к нападению.
С высоты замаскированного наблюдательного пункта Штейнмецу было отлично видно, как майор Левченко и его люди начали перемещаться через долину. Они передвигались, словно охотники, преследующие добычу, даже не пытаясь забраться на возвышенности по бокам кратера. Рыхлая лунная почва наверняка замедлила бы продвижение, поэтому они зигзагами перепрыгивали по ровной поверхности, пролетая с каждым прыжком по тридцать или сорок футов и отталкиваясь от каждого возвышающегося над равниной выступа скалы или валуна. В их крутящиеся и переворачивающиеся в полете тела трудно было бы попасть даже самому меткому снайперу.
– Выстрели в десяти футах перед передним солдатом, – сказал Штейнмец. – Хочу посмотреть на реакцию.
– Если они прослушивают нашу частоту, то смогут предугадывать каждое наше действие, – возразил Ши.
– Они не успели вычислить нашу частоту, у них просто не было времени. Так что заткнись и стреляй.
Ши пожал плечами внутри лунного скафандра, снова взглянул в оптический прицел и нажал на спусковой крючок. Из-за того, что на Луне нет ветра, который переносил бы звуковые волны, выстрел оказался необыкновенно тихим.
Перед Левченко внезапно поднялся клуб пыли, и он мгновенно бросился на землю. Остальные солдаты последовали его примеру и уставились в прицелы автоматов, ожидая следующих выстрелов. Но их не последовало.
– Кто-нибудь видел, откуда стреляли? – спросил Левченко.
Все ответы были отрицательными.
– Они пристреливаются, – сказал сержант Иван Островский. Закаленный боевыми действиями в Афганистане, ветеран не мог поверить, что ему довелось вступить в бой на Луне. Он указал пальцем на землю в двухстах метрах впереди: – Что вы думаете о тех цветных камнях, майор?

Впервые Левченко заметил несколько ярко-оранжевых валунов.
– Сомневаюсь, что они расставлены там специально для нас, – сказал он. – Может быть, остались после какого-то эксперимента.
– По-моему, стреляли откуда-то сверху, – сказал Петров.
Левченко вытащил бинокль из поясной сумки, установил на штатив и осторожно осмотрел наклонные стены и гребень кратера. Солнце светилось белым светом, но без воздуха в его тусклом свечении почти невозможно было разглядеть в тени горной породы прячущихся американских астронавтов.
– Никого не видно, – наконец сказал он.
– Если они выжидают, пока мы зайдем глубже в расщелину, то у них, должно быть, мало боеприпасов.
– Еще через триста метров мы узнаем, какой прием они нам подготовили, – пробормотал Левченко. – Когда мы укроемся за теплицами, они не смогут нас видеть со стороны входа в пещеру.
Он приподнялся на одно колено и махнул рукой:
– Рассредоточиться и быть наготове.
Пятеро советских солдат вскочили на ноги и начали карабкаться вперед. Когда они добрались до оранжевых валунов, в песок перед ними ударила еще одна пуля, и они бросились на землю ничком, снова образовав кривую линию из белых скафандров. Шлемы поблескивали под яркими лучами солнца.
До теплиц оставалось около сотни метров, но борьба с тошнотой отнимала все силы. Хоть они и были выносливыми, как и подобает настоящим солдатам, но теперь им приходилось бороться не только с незнакомой окружающей средой, а еще и с космической болезнью. Левченко знал, что его бойцы будут держаться даже после того, как преодолеют пределы выносливости. Но если за следующий час им не удастся пробиться в колонию, то вряд ли они успеют вернуться к кораблю до того, как истощат ресурс системы жизнеобеспечения. Он дал бойцам еще минуту отдыха, а сам еще раз осмотрелся.
Левченко мастерски обнаруживал самые хитрые ловушки. Он трижды был на волосок от смерти, когда во время патрулирования попадал в засады афганских повстанцев, но остался в живых и сумел развить в себе способность предчувствовать опасность.
Сейчас майор не видел источника опасности, но в голове звенел тревожный колокол. Два выстрела не были похожи на беспорядочную стрельбу. Ему показалось, что пули попали именно туда, куда и хотели стрелки. Может быть, предупреждение? Нет, это должно быть что-то другое, размышлял Левченко. Возможно, какой-то сигнал?
Сковывающий движения скафандр и шлем раздражали его. Больше всего ему хотелось снова надеть удобное и привычное боевое снаряжение, хоть он и понимал, что обычная военная форма не убережет тело от высоких температур и космического излучения. Минимум четыре раза в его горле застревала желчь, и он давился ею, пока, наконец, не удавалось ее сглотнуть.
«Положение – хуже не придумаешь», – сердито подумал майор. Такой расклад ему категорически не нравился. На равнинной местности без каких-либо укрытий его бойцы представляли собой легкие цели. Он не знал, какое еще оружие, кроме ракетной установки, могло быть у американцев. Эти выстрелы были сделаны из стрелкового оружия малого калибра. Единственным, что утешало Левченко, была мысль, что колонисты, скорее всего, стреляли из винтовки или даже из пистолета. Если бы у американцев были автоматы, они бы расстреляли советских солдат еще до того, как те прошли последние сто метров. Но вот пусковая ракетная установка… Почему они до сих пор ею не воспользовались? Чего ждут?
И больше всего мужчину беспокоило полное отсутствие каких-либо передвижений со стороны колонистов. Теплицы, техника и маленькие лабораторные модули у входа в пещеру казались безлюдными.
– Не стрелять, если не видите врага, пока мы не доберемся до укрытия, – приказал Левченко. – Потом перегруппируемся и штурмом возьмем высоту изнутри.
Майор выждал, пока каждый из четырех бойцов подтвердил готовность, затем жестом приказал выполнять приказ.
Младший сержант Михаил Ющук находился в тридцати метрах и справа позади всех. Он встал и, пригнувшись, побежал вперед. Но, сделав всего несколько шагов, мужчина почувствовал, как почку прожгло, словно огнем. Внезапная вспышка боли тут же повторилась. Он протянул руку

под ранец жизнеобеспечения и схватился за поясницу. Перед глазами все поплыло, дыхание стало прерывистым, когда из скафандра начал выходить воздух. Ющук опустился на колени и молча уставился на руку. Перчатка окрасилась кровью, которая тут же, дымясь, сворачивалась под обжигающими солнечными лучами.
Сержант попытался предупредить Левченко, но не смог произнести ни слова. Он рухнул в серую пыль, успев смутно разглядеть человеческую фигуру в необычном скафандре, стоящую над ним с ножом в руке. Затем мир для него погрузился в вечный мрак.
С высоты тайного наблюдательного пункта Штейнмецу было отлично видно, как погиб русский. Он произнес несколько коротких команд в передатчик шлема:
– Так, Доусон, твоя цель в десяти футах слева и восьми футах впереди от тебя. Галлахер, твой человек в двадцати футах справа от тебя, движется вперед. Внимание, приготовиться, он движется прямо к Доусону. Так, убейте его.
Двое американцев приблизились к одному из космонавтов, который немного отстал от своих товарищей, и атаковали его.
– Двое мертвы, осталось трое, – пробормотал руководитель колонии себе под нос.
– Один у меня на прицеле, – сказал Ши. – Но я не уверен, что попаду, если он не остановится хоть на секунду.
– Выстрели еще раз, только ближе к ним, чтобы они снова попадали на землю. Затем не своди с него прицела. Если он заметит наших парней, то убьет их, они даже не успеют подступиться. Как только он повернет голову, прикончи его.
Тот молча прицелился из «М-14» и выстрелил. На этот раз пуля взрыхлила лунную пыль в трех футах перед ногами ведущего солдата.
– Купер! Снайдер! – рявкнул Штейнмец. – Ваш человек растянулся на земле в двадцати футах впереди и слева от вас. Убейте его, сейчас же!
Он замолчал, высматривая второго оставшегося русского солдата.
– Рассел, Перри, то же самое, в тридцати футах впереди. Скорее!
Третий боец советского штурмового отряда так и не узнал, от чего погиб. Он умер, прижимаясь к земле в поисках укрытия. Восемь колонистов брали русских сзади в клещи, в то время как те ожидали опасности только со стороны самой колонии.
Внезапно Штейнмец замер. Солдат, шедший за майором, развернулся как раз в ту секунду, когда Рассел и Перри бросились на него, как полузащитники, атакующие квотербека.
Поднявшись на ноги для последнего рывка к теплицам, лейтенант Петров заметил приближающиеся тени. Он инстинктивно развернулся на месте резким движением, и в этот же миг Рассел и Перри врезались в него. Такой хладнокровный профессионал, каким был Петров, должен был встретить их шквальным огнем. Но вместо этого он потратил лишнюю секунду, застыв в удивлении. Американцы появились прямо из лунной поверхности, словно призрачные демоны. Он успел выстрелить лишь раз, попав в плечо одному из нападавших. Затем блеснул нож.
Взгляд Левченко был прикован к колонии. Он даже не подозревал о резне, происходившей позади, пока не услышал задыхающийся голос Петрова. Майор резко повернулся и в ужасе замер.
Четверо его солдат безжизненно лежали на лунном песке. Восемь американских колонистов появились словно из ниоткуда и теперь быстро сужали кольцо вокруг него. В нем полыхнула внезапная вспышка ненависти, и он схватился за оружие.
В бедро вонзилась пуля, и Левченко упал на бок. Напрягшись от неожиданной боли, он выпустил двадцать пуль в нападавших. Большинство выстрелов пришлись в никуда, в лунную пустошь, но две пули попали в цель. Один из колонистов рухнул навзничь, другой упал на колени, схватившись за плечо.
После этого еще одна пуля разорвала майору шею. Он зажал спусковой крючок и опустошил весь магазин, однако ни один из его выстрелов ни в кого не попал. Без сил падая на землю, мужчина выругался.
– Проклятые американцы! – прокричал он в микрофон шлема.
Они были для него бесами, которые отказались играть по правилам. Майор перевалился на спину, уставившись на безликие силуэты скафандров, склонившихся над ним.
Вдруг они расступились, пропуская вперед одного из колонистов, который опустился на колени рядом с Левченко.

– Штейнмец? – хрипло спросил Левченко. – Вы меня слышите?
– Да, я на вашей частоте, – ответил Штейнмец. – Я вас слышу.
– Ваше секретное оружие… Как вам удалось сделать так, чтобы ваши люди появились возле нас из ниоткуда?
Американец понимал, что говорит с человеком, которому осталось жить всего несколько секунд.
– Все очень просто, мое секретное оружие – обычная лопата, – ответил он. – Раз уж мы все носим герметизированные лунные скафандры с автономными системами жизнеобеспечения, закопать себя в мягкую лунную почву не составило труда.
– Места были отмечены оранжевыми камнями?
– Да. А я с замаскированной платформы на склоне кратера направлял их действия, командуя, когда и где они должны были нападать на вас сзади.
– Я не хочу, чтобы меня похоронили здесь, – прошептал Левченко. – Скажите моему народу… скажите им, пусть когда-нибудь вернут нас домой.
Он прохрипел это тихо, но Штейнмец смог разобрать слова.
– Вы все вернетесь домой, – сказал он. – Я обещаю.

Генерал Есенин с мрачным лицом повернулся к президенту.
– Вы слышали? – сказал он сквозь стиснутые зубы. – Они погибли.
– Они погибли, – машинально повторил Антонов.
Последние слова Левченко эхом пронеслись по всей комнате.
– Двое членов экипажа, оставшихся на лунном корабле, передали это в наш центр космической связи, – объяснил Корнилов.
Глава государства отошел от окна с видом на рабочий зал центра управления полетами и тяжело опустился в кресло. Огромный, как медведь, он сейчас казался съежившимся и ослабевшим. Антонов опустил взгляд на руки и печально покачал головой.
– Ошибки планирования, – тихо сказал он. – Мы потеряли майора Левченко и его солдат, а взамен не получили ничего.
– У нас не было времени, чтобы лучше спланировать миссию, – неубедительно попытался оправдаться Есенин.
– В сложившихся обстоятельствах мы сделали все, что могли, – добавил Корнилов. – И в любом случае кое-чего мы достигли – первые советские люди ступили на Луну.
Но ни о каком торжестве не могло быть и речи. В голосе Антонова звучала тяжелая горечь поражения.
– Невероятное достижение американцев перекроет любые наши свершения, даже многократно усиленные пропагандой.
– Возможно, мы еще можем остановить их, – отчаянно предположил Есенин.
Начальник управления космическими программами посмотрел на генерала:
– Вы намекаете на то, чтобы послать туда более подготовленное воинское подразделение?
– Именно.
– А почему бы нам не подождать, пока они сами не вернутся?
Антонов встретился взглядом с Корниловым:
– Что вы предлагаете?
– Я говорил с Владимиром Полевым. Он сообщил, что центр прослушки ГРУ на Кубе перехватил и распознал голосовые и видеосигналы, переданные с американской лунной колонии на объект, расположенный за Вашингтоном. Курьер переправил нам копии сообщений. В одном из них сказано о запланированном отлете колонистов на Землю.
– Они собираются вернуться? – спросил Антонов.
– Да, – ответил Корнилов. – По словам Полевого, через сорок шесть часов они намерены добраться до американской космической станции, а затем на космическом челноке «Геттисберг» вернуться на космодром Кеннеди на мысе Канаверал.
Лицо Антонова засияло.
– Значит, мы все еще можем остановить их?
Есенин кивнул:

– Мы можем уничтожить их в открытом космосе до того, как они доберутся до космической станции. Американцы не смогут нам ничего предъявить, ведь мы в любой момент можем предать огласке все их преступления, совершенные против нас.
– Лучше оставить за собой шанс на возмездие как скрытое преимущество, – задумчиво предложил Корнилов.
– Какое преимущество?
Мужчина загадочно улыбнулся:
– У американцев есть такая поговорка: теперь мяч на нашей стороне. С этого момента они будут вынуждены прикрывать свою спину. Наверное, Белый дом и Госдепартамент США уже готовят ответ на наши ожидаемые обвинения. Я предлагаю действовать нестандартно и сохранять тишину вместо того, чтобы играть роль пострадавших. Вместо этого мы воспользуемся своим преимуществом и спровоцируем происшествие.
– О каком происшествии вы говорите? – с интересом спросил Антонов.
– Мы перехватим огромное количество данных, переправляемых на Землю лунными колонистами.
– Но каким же способом? – сомневаясь, спросил Есенин.
Улыбка пропала с лица Корнилова, и он стал предельно серьезным.
– Мы вынудим «Геттисберг» совершить аварийную посадку на Кубе.

«Геттисберг»

3 ноября 1989 года

Остров Сан-Сальвадор

Питт сходил с ума, не находя себе места от беспокойства. Два дня простоя были самыми мучительными в его жизни. Все занятия сводились ко сну, еде и тренировкам. Но до сих пор его не привлекали к участию в учениях. Ежечасно он проклинал полковника Клейста, который отвечал на все возмущения Питта стоическим равнодушием, терпеливо объясняя, что он не отправит кубинские спецподразделения на штурм Кайо-Санта-Мария, пока не сочтет их готовыми для операции. И нет, он не собирался менять график и ускорять работы.
Питт вымещал свою злость, совершая длинные заплывы к отдаленному рифу и забираясь на крутую скалу, оттуда было отлично видно море.
Сан-Сальвадор, самый маленький из Багамских островов, был известен бывалым морякам под названием Остров Уотлинга в честь помешанного на религии пирата. Он порол своих людей, если те не соблюдали священный день отдохновения. Ходило поверье, что остров был первой землей, куда ступил Христофор Колумб во время экспедиции в Новый Свет. Вряд ли кто-то из туристов, глядя на живописную гавань и пышные пейзажи вокруг голубых пресноводных озер, мог подумать, что среди этой красоты скрыт огромный военный полигон и системы ракетного наблюдения.
ЦРУ обозначило свои претензии на захолустный пляж на южном конце острова под названием Французский залив. Ни одна дорога не соединяла тайный учебный полигон с Кокберн Тауном и основным аэропортом. Добраться туда можно было, только лавируя между рифами на небольшом катере либо на вертолете.
Дирк встал незадолго до восхода солнца, предвещающего третий день пребывания на острове, совершил заплыв на полмили, после чего вернулся назад к берегу и понырял среди кораллов. Два часа спустя он вышел из теплой воды и растянулся на песке, глядя в морскую даль в направлении Кубы и коря себя за то, что не может помочь друзьям.
Внезапно его накрыла чья-то тень. Питт присел. Над ним стоял темнокожий мужчина в просторной хлопковой рубашке и шортах, с гладкими и черными волосами и огромными,

такими же черными усами. Незнакомец смотрел на него печальными глазами на обветренном лице. Он улыбнулся, едва шевельнув губами:
– Дирк?
– Да.
– Нас официально не представили друг другу. Я майор Анджело Кинтана.
Питт поднялся на ноги, и они обменялись рукопожатием.
– Вы будете руководить миссией?
Кинтана кивнул.
– Полковник Клейст сказал, что вы изрядно потрепали ему нервы.
– На Кайо-Санта-Мария остались мои друзья, их в любую минуту могут убить.
– У меня тоже на Кубе остались друзья. Только свою битву за жизнь они уже проиграли. Мои брат с отцом умерли в тюрьме только потому, что член местного комитета, который должен был денег моей семье, обвинил их в контрреволюционной деятельности. Я понимаю вас, как никто другой, так что не думайте, что вы такой один.
Питт не стал выражать соболезнования. Кинтана показался ему человеком, которого не останавливало никакое горе.
– До тех пор, пока у меня остается надежда, – твердо ответил он, – я не перестану пытаться их спасти.
Майор улыбнулся. Ему нравилось упорство, горевшее в глазах Питта. Он производил впечатление человека, которому можно было довериться в сложной ситуации. Сильный человек, не знающий слова «поражение».
– Значит, вы тот, кто совершил гениальный побег из штаб-квартиры Великова.
– Удача сыграла немаловажную роль.
– Как бы вы описали моральный дух солдат, охраняющих базу?
– Если вы имеете в виду психическое состояние, то я бы сказал, что им там донельзя скучно. Русские не привыкли к изнуряющей, влажной тропической жаре. В целом они мне показались вялыми.
– Сколько человек патрулирует остров?
– Я не видел ни одного.
– А сколько дежурит в караулке у ворот?
– Всего лишь двое.
– Хитрец этот Великов.
– Полагаю, вы уважаете его за то, что из-за него остров выглядит таким безлюдным.
– Правильно полагаете. Я ожидал, что он будет держать небольшую армию охранников, как это всегда делают Советы. Но мозг Великова работает не так, как у других русских. Он составляет план, как американец, вдается во все тонкости, как японец, и действует быстро и четко, как немец. Этот человек очень эффективен.
– Я уже слышал о нем.
– Мне сказали, что вы встречались.
– Беседовал с ним пару раз.
– И какое у вас осталось впечатление о нем?
– Он читает газету «Уолл-стрит джорнэл».
– И все?
– По-английски он говорит лучше, чем я. Его ногти чисты и аккуратно подстрижены. И если он прочел хотя бы половину книг и журналов из тех, что стоят на полках его библиотеки, то должен знать о США и наших налогоплательщиках больше, чем половина политиков, сидящих в Вашингтоне.
– Скорее всего, вы единственный уроженец Запада, когда-либо встречавшийся с ним лицом к лицу.
– Поверьте, это не доставило мне удовольствия.
Майор задумчиво копнул песок пальцами ног.
– Оставлять столь важную базу практически без охраны – словно приглашение для нас захватить ее.
– Не думаю, разве что Великов знает о том, что вы придете, – сказал Питт.
– Кубинские радиолокационные сети и российские спутники-шпионы могут заметить любой самолет или катер в пределах пятидесяти миль. Так что незаметное появление с воздуха или

высадка с моря невозможны. Но их системы обнаружения можно с легкостью обмануть, проникнув на остров под водой.
Кинтана замолк и ухмыльнулся:
– В вашем случае самодельный плот был слишком незначительным объектом, чтобы его заметили радиолокационные системы.
– Просто мне не хватило деталей, чтобы построить приличную океанскую яхту, – весело сказал Питт. Затем посерьезнел: – Но вы кое-что недооцениваете.
– Что именно?
– Проницательность Великова. Вы же сами сказали, что русский очень эффективен. Он не стал строить неприступную крепость, окруженную минными полями и бетонными бункерами, по одной простой причине – ему и не нужно было этого делать. Вы с полковником Клейстом неисправимые оптимисты, если думаете, что подводная лодка или ваш ПТСС, или как там вы его назвали, сможет обмануть системы безопасности Великова.
Кинтана нахмурился:
– Продолжайте.
– Подводные датчики, – объяснил Питт. – Генерал должен был окружить остров датчиками, закрепленными на морском дне, которые бы фиксировали движение корпуса подводной лодки в толще водной массы и вибрацию винтов.
– Наш ПТСН способен незаметно проникнуть сквозь такую систему.
– Только если морские инженеры Великова не разместили датчики в сотне ярдов друг от друга. Там только стайка рыб сможет проплыть. В гараже базы я видел грузовики. За десять минут Великов успеет поставить на уши все силы безопасности, и они порвут в клочья ваших людей еще до того, как те высунутся на берег. Советую вам и Клейсту внести поправки в программу ваших электронных военных игр.
Кинтана ничего не смог ему ответить. Его до мелочей продуманный план высадки на остров начал трещать по швам и рушиться прямо на глазах.
– Наши компьютеры должны были предусмотреть и эту возможность, – разочарованно сказал он.
– Они не могут придумать то, чему их не научили, – наставительно ответил Питт.
– Вы, конечно, понимаете, что в таком случае мы должны отменить операцию. Без момента неожиданности у нас не будет ни малейшей надежды на уничтожение базы и спасение госпожи Лебарон и остальных.
– Я не согласен.
– Вы думаете, что вы умнее наших боевых компьютеров?
– Мне удалось незамеченным бежать из Кайо-Санта-Мария. Я мог бы таким же образом провести туда ваших людей.
– Организовав ванную флотилию? – саркастично сказал Кинтана.
– Я придумал бы что-нибудь посовременнее.
Майор, задумавшись, посмотрел на Питта:
– У вас есть идея, как можно это провернуть?
– Разумеется, есть.
– И мы все еще сможем уложиться в график?
– Да.
– И добиться успеха?
– Могу выписать гарантийный талон, если это добавит вам уверенности.
Тон Дирка полностью убедил Кинтану. Он развернулся и зашагал к лагерю.
– Пойдемте, Питт. Пора ввести вас в курс дела.

Фидель Кастро, ссутулившись, сидел на рыболовном кресле и задумчиво глядел на воду под кормой своей сорокафутовой моторной яхты. Его плечи были напряжены, а руки в перчатках свободно сжимали тяжелое удилище из стекловолокна. Леска тянулась от огромной катушки во вспенивающиеся волны. Проплывавшая мимо барракуда сорвала с крючка приманку из мяса дельфина, но Кастро даже не заметил этого. Его мысли были заняты далеко не рыбалкой.
Его мускулистое тело, благодаря которому он заслужил титул лучшего атлета в колледже, с годами размякло и заплыло жиром. Кучерявые волосы и жесткая, как проволока, борода

поседели, но в темных глазах все еще ярко пылал революционный запал, как и тридцать лет назад, когда он высадился в горах Сьерра-Маэстра.
Одет мужчина был просто: бейсболка, плавательные шорты, старые кроссовки и солнцезащитные очки. Из угла рта свисал окурок затухшей гаванской сигары. Фидель повернулся, прикрыв глаза от яркого тропического солнца.
– Ты хочешь, чтобы я забросил идею интернационализма? – строго спросил он, повышая голос, чтобы перекричать глухой шум спаренного дизельного мотора. – Чтобы я отказался от нашей политики распространения кубинского влияния за рубежом? Этого ты хочешь?
Сидевший в шезлонге Рауль Кастро приподнял бутылку пива.
– Ну, не то чтобы отказаться, но хотя бы положить конец нашим обязательствам перед другими странами.
– Мой брат всегда был закоренелым революционером. Что же заставило тебя внезапно изменить курс?
– Времена меняются, – просто ответил Рауль.
Всегда державшийся холодно и отчужденно в общественных местах, Рауль Кастро был остроумен в приватной обстановке и очень похож на старшего брата. Его гладкие черные волосы были аккуратно и коротко подстрижены, на хитром лисьем лице блестели темные глаза-бусинки. Коротенькие усы над верхней губой заострялись и заканчивались точно над уголками рта.
Тыльной стороной ладони Фидель смахнул с бровей несколько капель пота.
– Я не могу поставить на этом крест после того, как потрачены огромные суммы денег и пролито столько крови. И как поступить с нашими товарищами в Африке и обеих Америках? Отправить их на убой, точно так же, как и наших солдат в Афганистане?
– Цена, которую Куба заплатила за участие в революционном движении, перевешивает все возможные выгоды. Да, у нас появились друзья в Анголе и Эфиопии. Но что они смогут сделать для нас в ответ? Мы оба знаем, что ничего. Пойми же, Фидель, мы наделали ошибок. И пусть я буду первым, кто признает свои. Но ради бога, давай обойдемся малой кровью и вернемся к созданию великой социалистической Кубы, которой будут завидовать все страны третьего мира. Мы добьемся большего, если заставим их следовать нашему примеру, а не будем проливать ради них кровь наших людей.
– Ты просишь меня отвернуться от наших принципов и чести. Брат прислонил прохладную бутылку к вспотевшему лбу.
– Давай посмотрим правде в глаза. Мы отбрасывали свои принципы и раньше, когда это было необходимо в интересах революции. Если в ближайшее время мы не сумеем переключиться и оживить нашу загнивающую экономику, то недовольство людей может привести к беспорядкам, несмотря на всю их любовь к тебе.
Фидель выплюнул окурок за борт и жестом попросил матроса принести еще одну сигарету.
– Конгресс США хотел бы, чтобы люди повернулись ко мне спиной.
– Конгресс беспокоит меня вполовину меньше, чем Кремль, – сказал Рауль. – Куда ни посмотри – кругом предатели, состоящие на службе у Антонова. Я не могу доверять даже собственным охранникам.
– Когда я приду к соглашению с президентом и договор между США и Кубой будет подписан, наши ненадежные советские товарищи волей-неволей ослабят давление.
– Как же вы можете договориться, если ты всегда отказываешься сесть с ним за стол переговоров?
Фидель помедлил с ответом, раскуривая новую сигару, принесенную матросом.
– Скорее всего, он уже понял, что мое предложение разорвать связи с Советским Союзом в обмен на американскую экономическую поддержку и открытый торговый союз было искренним. Если бы я всячески старался устроить с ним встречу, он бы выставил нам заоблачные условия. Пускай сам придумает, как к нам подступиться. Если он увидит, что мы не собираемся быть подстилкой для Белого дома, то умерит свои запросы.
– Президент еще сильнее захочет прийти к соглашению, когда узнает о дерзких посягательствах дружков Антонова на наше правительство.
Фидель поднял сигару и, бурно жестикулируя, объяснил:
– Именно поэтому я и сижу сложа руки, пустив все на самотек. Американцы всегда боялись иметь у себя под боком марионеточное советское государство, вот на этом мы и сыграем.

Рауль опустошил бутылку пива и выбросил за борт.
– Только не затяни с этим, брат, не то мы окажемся не у дел.
– Такого никогда не случится.
На лице Фиделя появилась уверенная улыбка.
– Я тот, на ком держится революция. Мне нужно лишь предстать перед людьми, разоблачить предателей и рассказать о советском заговоре, направленном на то, чтобы подорвать наш нерушимый суверенитет. А потом, как председатель Совета министров, ты объявишь о полном разрыве отношений с Кремлем. И вместо недовольства народ будет ликовать. Одним махом я решу проблему огромного долга Москве и сниму эмбарго на торговлю с США.
– Поскорее бы.
– Все произойдет во время моего выступления на праздновании Дня знаний.
Рауль сверился с календарем на часах.
– Через пять дней.
– Время подобрано идеально.
– Было бы лучше, если бы мы точно знали мнение президента о твоем предложении.
– Тогда я поручаю тебе связаться с Белым домом и договориться о встрече с его представителями во время празднования Дня знаний.
– Надеюсь, она состоится перед тем, как ты произнесешь речь.
– Конечно.
– Разве ты не испытываешь судьбу, откладывая все до последнего момента?
– Он согласится, – сказал Фидель, выпуская клуб дыма. – Можешь не сомневаться. Те три советских космонавта в качестве подарка докажут ему наши добрые намерения.
Рауль недовольно нахмурился:
– Мне кажется, он уже послал нам ответ.
Фидель повернулся и пристально посмотрел на него:
– Я об этом ничего не знаю.
– Я не говорил тебе об этом, потому что тогда это было всего лишь предположение, – нервно сказал Рауль. – Но я подозреваю, что президент отправил посланника на дирижабле Рэймонда Лебарона, который должен был проникнуть к нам незаметно для советской разведки.
– Господи Иисусе, ты имеешь в виду дирижабль, сбитый нашим патрульным вертолетом?
– Идиотский просчет, – признал Рауль. – Выживших не нашли.
Фидель пришел в замешательство:
– Тогда почему Госдепартамент обвиняет нас в том, что мы держим в заключении миссис Лебарон и ее экипаж?
– Без понятия.
– И почему я ничего не знал?
– Тебе посылали доклад, но, видимо, ты его не читал, как и многие другие. Ты стал не тем человеком, с которым можно легко связаться. И уже не так внимательно относишься к мелочам, как раньше.
Фидель яростно смотал удочку и расстегнул ремни на рыболовном кресле.
– Скажи капитану, пусть разворачивает катер в гавань.
– Что ты собираешься делать?
Брат широко улыбнулся, зажав сигару зубами.
– Охотиться на уток.
– Когда? Сегодня?
– Как только высадимся на берег, я собираюсь залечь на дно в моем загородном ранчо за пределами Гаваны, и ты поедешь со мной. Мы укроемся ото всех и до самого Дня знаний не будем отвечать на звонки и встречаться с кем-либо.
– Думаешь, будет мудро заставить президента ждать, спрятавшись от внутренней советской угрозы?
– Как это может навредить? Колеса международных отношений с американцами уже вращаются, словно колеса запряженной волами телеги. Его посланники мертвы, так что ему остается лишь смотреть в стену и ждать моего следующего шага. В свою очередь, возможность для русских сделать их ход еще не созрела.
Он легонько хлопнул брата по плечу:
– Выше нос! Что такого может случиться в ближайшие пять дней, с чем мы не справимся?

Рауль и сам задавался таким вопросом.
Вскоре после полуночи двери лифта раскрылись, и в кабинет к генералу Великову, застывшему возле стола, вошел Лев Майский.
Великов холодно поздоровался с ним:
– Товарищ Майский. Приятная неожиданность.
– Товарищ генерал.
– Могу я предложить вам чего-нибудь выпить?
– Терпеть не могу эту адскую влажность, – ответил Майский, вытерев лоб и увидев пот на пальцах. – Я бы не отказался от стаканчика холодной водки.
Великов снял трубку и отдал короткий приказ. Затем жестом указал гостю присаживаться.
– Чувствуйте себя как дома.
Заместитель начальника КГБ устало опустился в мягкое кожаное кресло и зевнул, вспомнив, что ему пришлось пересечь несколько часовых поясов.
– Прошу прощения за то, что вас не предупредили о моем приезде, генерал, но товарищ Полевой посчитал, что лучше не рисковать и не давать американскому Агентству национальной безопасности возможность перехватить ваши новые указания.
Великов привычным движением поднял бровь и вопросительно посмотрел на Майского:
– Новые указания?
– Да, пришло время для самой сложной операции.
– Надеюсь, глава КГБ не отдаст мне приказ отсрочить проект по убийству Кастро.
– Не беспокойтесь. На самом деле он просил меня передать вам, что корабли с необходимым для работы грузом прибудут в Гавану на полдня раньше, чем было запланировано.
Великов кивнул, явно обрадованный известием.
– Значит, тогда у нас будет дополнительное время.
– У вас возникали какие-либо проблемы? – спросил Майский.
– Все идет как по маслу.
– Все? – переспросил мужчина. – Товарищ Полевой был недоволен, когда узнал о побеге одного из ваших заключенных.
– Ему не стоит волноваться. Рыбак выловил из воды тело пропавшего без вести человека. Наша база по-прежнему в безопасности.
– А что с остальными? Вы же знаете, Госдепартамент требует от кубинского правительства освободить их.
– Обычный блеф, – ответил Великов. – У ЦРУ нет ни малейшего доказательства того, что они еще живы. То, что Вашингтон требует их освобождения у кубинцев, а не у нас, еще раз доказывает, что они просто тычут пальцем в небо.
– Вопрос в том, чего же они хотят добиться. – Майский замолк и вынул из нагрудного кармана платиновый мундштук. Он закурил длинную сигарету без фильтра и выдохнул дым в потолок. – Операции «Ром и кола» ничего не должно помешать.
– Кастро будет выступать, как и обещалось.
– Вы уверены, что он не поменяет свое решение в последний момент?
– Если, как говорят, история всегда повторяется, то мы на верном пути. «Эль хефе максимо» – верховный лидер Революции – еще никогда не упускал возможности выступить с речью.
– Может произойти что угодно: несчастный случай, болезнь, ураган.
– Не все подвластно человеку, но я не настроен на поражение.
В кабинет вошел охранник в советской военной форме, он принес охлажденную бутылку водки и стакан с кубиками льда на дне.
– Один стакан? Генерал, разве вы не присоединитесь ко мне?
– Возможно, позже глотну бренди.
Великов терпеливо ждал, пока Майский опустошит треть бутылки. Затем решил поторопить собеседника.
– Могу я попросить заместителя начальника Первого главного управления просветить меня насчет подробностей этой новой операции?
– Конечно, – дружелюбно ответил заместитель начальника КГБ. – Вы должны пустить в ход всю вашу электронику, чтобы посадить американский космический корабль на территорию Кубы.
– Мне не послышалось? – ошеломленно спросил Великов.

– Сам товарищ президент Антонов приказал вам взломать систему управления космического корабля «Геттисберг» во время его вхождения в слои атмосферы Земли над мысом Канаверал. Необходимо сделать так, чтобы он приземлился на нашем военном аэродроме в Санта-Клара.
Нахмурившись, озадаченный Великов уставился на Майского так, будто заместитель начальника КГБ сошел с ума.
– С вашего позволения, я бы сказал, что это самые безумные указания, которые я когда-либо получал.
– Тем не менее все это разработали наши космические ученые, – беззаботно сказал Майский. Он поставил ногу на большой портфель, какие обычно носят бухгалтеры. – Здесь вся нужная информация для программирования ваших компьютеров и обучения персонала.
– Мои люди – простые связисты. – В голосе Великова отчетливо прозвучала охватившая его растерянность. – Они же совсем ничего не понимают в космической динамике.
– Они и не должны ничего такого понимать. Компьютеры все сделают за них. Важнее всего, чтобы у вашего оборудования на острове хватило мощности заглушить команды космического центра в Хьюстоне и перехватить управление кораблем.
– Когда это должно произойти?
– По данным НАСА, «Геттисберг» войдет в атмосферу Земли примерно через двадцать девять часов.
Великов кивнул. Он быстро оправился от потрясения, к нему снова вернулось спокойствие и хладнокровие настоящего профессионала.
– Конечно, рассчитывайте на мое полное сотрудничество, но все же скажу, что обыкновенного чуда будет недостаточно, чтобы провернуть такое немыслимое дело.
Гость опрокинул еще один стакан водки и махом руки прогнал пессимизм генерала.
– Верьте не в чудо, а в мозги советских ученых и инженеров. Они-то и посадят самый технически совершенный космический аппарат американцев на взлетно-посадочную полосу на Кубе.

Джордино с сомнением уставился на тарелку, стоящую у него на коленях.
– Они все время кормили нас помоями, а тут вдруг подают антрекот и яйца. Я не доверяю этим ублюдкам. Наверное, они сдобрили еду мышьяком.
– Дешевый трюк, чтобы обнадежить нас перед тем, как снова устроить взбучку, – предположил Ганн, жадно вгрызаясь в мясо. – Но я закрою на это глаза.
– Отморозок из шестой комнаты уже третий день нас не беспокоит. Настораживает.
– А ты хотел бы снова сидеть тут со сломанными ребрами? – промямлил мужчина, проглатывая пищу.
Эл потыкал вилкой яичницу, потом не удержался и попробовал.
– Скорее всего, они хотят подсластить нам последние деньки, перед тем как убить.
– Надеюсь, что они и Джесси перестали тиранить.
– Такие садисты, как Глай, возбуждаются, когда бьют женщин.
– Ты никогда не думал, почему Великов ни разу не присутствовал во время боксерских допросов Глая?
– Типичный русский. Всю грязную работу скинул на иностранца. Или просто не выносит вида крови. Откуда мне знать?
Внезапно дверь распахнулась, и в комнату вошел Фосс Глай. Толстые отвисшие губы расплылись в улыбке, но зрачки глаз оставались глубокими, черными и пустыми.
– Наслаждаетесь обедом, джентльмены?
– Вы забыли подать вино, – презрительно сказал Джордино. – И я предпочитаю, когда бифштекс слабо прожарен.
Глай подошел ближе и наотмашь врезал кулаком в солнечное сплетение Джордино, прежде чем тот успел разгадать его намерения.
Эл охнул, все его тело содрогнулось, лицо стало мертвенно-бледным, и все же невероятным усилием он выдавил кривую улыбку. По заросшему щетиной подбородку из прокушенной губы сочилась кровь.
Оттолкнувшись одной рукой от койки, Ганн изо всех сил швырнул тарелку с едой в голову Глая. По лицу мучителя начали медленно стекать яйца, а недоеденный кусок мяса попал ему точно в рот.

– Идиотский поступок, – яростно прошипел садист. – Ты пожалеешь об этом.
Он наклонился к ногам Ганна, схватил его за сломанную лодыжку и резко вывернул ее, причиняя сильную боль.
Пленник сжал кулаки, в глазах от боли блеснули слезы, но он не издал ни звука. Глай отошел и уставился на него, словно удивляясь стойкости.
– А ты крепкий, несмотря на то, что коротышка.
– Вали в свою нору, подонок, – выдавил Джордино, все еще пытаясь отдышаться.
– До чего же упертые, – устало вздохнул Глай. На секунду его глаза стали задумчивыми, но затем в них снова вернулась черная пустота, и взгляд стал холодным и злобным, будто у каменной статуи. – Ты меня отвлек. Я пришел, чтобы рассказать вам новость о вашем друге Дирке Питте.
– Что с ним?
– Он пытался бежать и утонул.
– Ты лжешь! – прорычал Ганн.
– Его нашел багамский рыбак. Американское консульство уже опознало тело, вернее, то, что не доели акулы. – Глай смахнул с лица потеки яичного желтка, бросил себе под ноги кусок мяса с тарелки Джордино и растоптал его. – Приятного аппетита, джентльмены.
Он вышел из комнаты и запер за собой дверь.
Пленники несколько долгих секунд молча смотрели друг на друга, пока их не осенило, а на лице не появились широкие ухмылки, которые тут же сменились смехом.
– Он сделал это! – воскликнул Джордино, восторг поборол боль. – Дирк добрался домой!

Космическая станция «Коламбус» славилась своими эффектными экспериментами, такими, как разработка необычных медикаментов, выращивание чистых кристаллов для полупроводниковых компьютерных чипов и исследование гамма-излучения. Но главным назначением сорокатонной станции на краю последнего рубежа был ремонт и обслуживание спутников.
Джек Шерман, командир экипажа космической станции, помогал команде инженеров в цилиндрическом отсеке обслуживания перетащить спутник в ремонтную клеть, когда через центральный динамик раздался голос:
– Вы свободны, Джек?
– Слушаю вас.
– Можете подойти к командному отсеку?
– Что случилось?
– В наш канал связи вломился какой-то шутник.
– Дайте ему отбой.
– Вам лучше подойти к нам.
– Через пару минут буду.
Закрепив спутник и закрыв шлюз, Шерман снял скафандр и поставил сапоги в шкафчик. Затем, плавно скользя в невесомости, добрался до мозгового центра станции. Инженер по связи и радиоэлектронике приветствовал его коротким кивком.
– Послушайте.
Он наклонился к микрофону, установленному на панели управления.
– Представьтесь еще раз, пожалуйста.
После небольшой паузы из динамика донеслось:
– Коламбус, это колония Джерси. Мы просим разрешения стыковаться с вашей станцией.
Инженер повернулся к Шерману:
– Что вы думаете? По-моему, кто-то с Земли захотел подшутить.
Шерман наклонился над панелью:
– Колония Джерси, или как вы там себя называете, это закрытый канал НАСА. Вы создаете помехи космической связи. Будьте добры, отключитесь.
– Ни в коем случае, – послышался странный голос. – Наш лунный корабль встретится с вами через два часа. Пожалуйста, разрешите стыковку.
– Лунный – что? – Лицо Шермана исказил гнев. – Хьюстон, вы меня слышите?
– Я вас слышу, – раздался голос из звукового канала космического центра управления Хьюстона.

– Что вы об этом думаете?
– Мы пытаемся установить сигнал, Коламбус. Будьте на приеме.
– Не знаю, кто ты такой, приятель, но ты крупно влип, – со злостью сказал Шерман.
– Меня зовут Эли Штейнмец. Нам требуется медицинская помощь. У нас на борту двое раненых.
Шерман ударил кулаком по спинке кресла инженера.
– Что это за шутки?
– С кем я сейчас разговариваю? – спросил Штейнмец.
– Я Джек Шерман, командир станции Коламбус.
– Прошу прощения за внезапное вмешательство в ваш канал связи, Шерман, я думал, что вам уже сообщали о нашем прибытии.
Не успел Шерман ответить, как на связь вернулся Хьюстонский центр:
– Коламбус, их сигнал исходит не от Земли, повторяю, сигнал исходит не от Земли. Они находятся в космосе, где-то недалеко от вас.
– Ладно, ребята, это было очень смешно.
Директор НАСА по летным операциям прервал его:
– Это не шутка. Джек, я Ирвин Митчелл. Дайте команду принять Штейнмеца и его колонистов.
– Каких колонистов?
– Наконец-то я слышу голос кого-то из «внутреннего ядра»! – воскликнул Штейнмец. – На мгновение мне уже показалось, что нам придется ломиться через парадные ворота.
– Прости, Эли. Президент подумал, что лучше держать все в тайне, пока вы не доберетесь до Коламбуса.
– Мне кто-нибудь объяснит, что происходит? – раздраженно спросил Шерман.
– Эли все объяснит при встрече, – ответил Митчелл.
Затем он обратился к Штейнмецу:
– В каком состоянии твои раненые?
– Сейчас отдыхают, но одному понадобится серьезная операция. Пуля застряла недалеко от основания мозга.
– Вы все слышали, Джек, – сказал Митчелл. – Предупредите экипаж челнока. Они должны подготовиться к отлету.
– Будет сделано. – Голос Шермана казался спокойным и решительным, но он был слишком любознательным, чтобы так просто отправиться исполнять приказ. – Где хоть эта… колония Джерси находится?
– Вы поверили бы, если бы я ответил вам, что на Луне? – спросил Митчелл.
– Нет, – твердо сказал Шерман. – Дураку понятно, что не поверил бы.

Комнату Теодора Рузвельта в Западном крыле Белого дома когда-то называли рыбной комнатой за расставленные в ней аквариумы и рыбацкие трофеи Франклина Делано Рузвельта. Во время президентства Ричарда Никсона она была обставлена в стиле кабриоль и использовалась для служебных совещаний и редких пресс-конференций.
Стены и ковер отдавали светлыми и темными оттенками терракотового цвета. На восточной стене над резной деревянной полкой камина висела картина «Декларация независимости». Внимательно осмотрев южную стену комнаты, можно было заметить нарисованный Тадеушем Стыкой в Париже портрет Теодора Рузвельта, сидящего верхом на коне. Президент предпочитал проводить важные переговоры именно в этой комнате, а не в официальном зале кабинета министров, отчасти потому, что в ней не было окон.
Он находился во главе стола переговоров и что-то писал в блокноте. По левую руку от него был министр обороны Джесс Симмонс. Дальше за ним сидели директор ЦРУ Мартин Броган, Дэн Фосетт и Леонард Хадсон. Госсекретарь Дуглас Оутс сидел сразу справа от президента, за ним располагались советник по национальной безопасности Алан Мерсье и генерал военно-воздушных сил Алан Пост, который руководил военно-космической программой.
У Хадсона ушло более часа на рассказ людям президента об истории колонии Джерси. Сначала они сидели молча, не перебивая и поражаясь его повествованию. Но когда сдерживать любопытство стало невозможно, засыпали мужчину кучей вопросов. На них ему пришлось отвечать, пока президент не приказал подать в зал обед.

Восторженные комплименты Хадсону и работе «внутреннего ядра», последовавшие следом за возгласами удивления, понемногу стихли, когда рассказ дошел до инцидента с советскими космонавтами.
– Когда колонисты Джерси благополучно вернутся на мыс Канаверал, – сказал президент, – я смогу смягчить гнев Антонова, поделившись с ним частью данных о великих открытиях Штейнмеца и его команды.
– Почему мы должны с ними делиться? – возмутился Симмонс. – Они и так уже украли у нас достаточно технологий.
– Не стану отрицать их воровство, – ответил президент. – Но если бы я был на месте Антонова, то убийство четырнадцати наших астронавтов им бы просто так с рук не сошло.
– Поддерживаю вашу мысль, господин президент, – сказал госсекретарь Оутс. – Но если бы вы все-таки оказались на его месте, какие действия вы могли бы предпринять?
– Все просто, – перебил генерал Пост. – Если бы я был на месте Антонова, то приказал бы взорвать Коламбус.
– Отвратительное предположение, но не стоит сбрасывать его со счетов, – сказал Броган. – Советская верхушка может посчитать высшей справедливостью уничтожение нашей станции и всех людей на борту.
– Либо уничтожение челнока с экипажем, – добавил Пост.
Президент уставился на генерала:
– Можно ли как-нибудь защитить Коламбус и «Геттисберг»?
Пост слегка покачал головой:
– Рентгеновские лазерные системы защиты не будут работать в течение ближайших четырнадцати месяцев. Пока станция и челнок находятся в космосе, на них может напасть любой из 1400 советских спутников-перехватчиков «Космос». Мы сможем защитить «Геттисберг» только после того, как он войдет в атмосферу Земли.
Президент повернулся к Брогану:
– Мартин, что вы думаете?
– Я не думаю, что их цель Коламбус. В таком случае они рискуют подставить под ответный удар свою новую станцию «Салют-10». На самом деле они будут охотиться за челноком.
Пока мужчины переваривали собственные мысли, в комнате Рузвельта воцарилась ледяная тишина. Затем Хадсона озарило, и он постучал ручкой по поверхности стола.
– Мы кое о чем забыли, – протяжно сказал он.
– О чем? – спросил Фосетт.
– Об истинной цели их нападения на колонию Джерси.
Броган попытался продолжить его мысль:
– Сохранить лицо, уничтожив все следы наших достижений в космосе.
– Не уничтожив, а украв! – пылко воскликнул Хадсон. – Они собирались убить колонистов не из мести. Джесс Симмонс уже говорил об этом. Кремль считал, что крайне необходимо было сохранить базу в неприкосновенности, чтобы присвоить все технологии, данные и результаты работ, в которые мы вложили миллиарды долларов и двадцать пять лет труда. Именно это было их главной целью. И уж только потом месть.
– Логично, – сказал Оутс. – Вот только колонисты уже отправились на Землю, и колония Джерси теперь бесхозная.
– В течение двух недель туда прибудет наша следующая команда на межорбитальном буксире, – объяснил Хадсон.
– А как же те двое космонавтов, что остались в «Селене-8»? – спросил Симмонс. – Что им мешает просто зайти внутрь и завладеть заброшенной колонией?
– Прошу прощения, – сказал Хадсон. – Я забыл упомянуть, что Штейнмец доставил пятерых русских назад к их кораблю и погрузил на борт. Тогда он приказал выжившим взлетать и возвращаться на Землю, угрожая в противном случае размазать их по поверхности Луны последней оставшейся ракетой.
– Словно шериф на страже города, – восхищенно сказал Броган. – Не могу дождаться встречи с ним.
– Без потерь не обошлось, – тихо сказал Хадсон. – У Штейнмеца на борту двое тяжелораненых и один погибший.
– Как зовут погибшего? – спросил президент.

– Доктор Курт Перри, выдающийся биохимик.
Президент кивнул Фосетту:
– Нужно позаботиться, чтобы ему оказали должные проводы.
Наступила тишина. После этого Пост вернул разговор в нужное русло:
– Ладно, если Советам не удалось добраться до лунной базы, то что им остается?
– «Геттисберг», – ответил руководитель колонии. – Все еще остается вероятность, что русские попытаются перехватить бесценные научные данные.

– Перехватив челнок прямо во время полета? – саркастически спросил Симмонс. – Разве что Бак Роджерс
[15]
теперь на их стороне.

– Он им ни к чему, – парировал Хадсон. – Технически возможно отклонить челнок от курса, если запрограммировать системы управления полетом. Компьютеры легко можно обмануть, достаточно послать неверный сигнал на наружные элероны, микродвигатели и другую аппаратуру управления «Геттисберга». Существуют тысячи способов подкорректировать курс челнока на несколько градусов. В зависимости от расстояния до точки приземления челнок можно посадить в тысяче миль от космодрома Кеннеди на мысе Канаверал.
– Но ведь пилоты могут отменить системные настройки и перейти на ручное управление, – возразил Пост.
– Только если они будут уверены, что центр управления Хьюстона не следит за их возвращением.
– Разве такое возможно? – недоверчиво спросил президент.
Алан Мерсье кивнул:
– При условии, что у Советов где-то установлены передатчики, способные превысить мощность сигналов из Хьюстона и бортовой электроники челнока.
Президент с Броганом обменялись мрачными взглядами.
– Кайо-Санта-Мария, – печально констатировал директор ЦРУ.
– Остров к северу от Кубы, где расположены мощные передатчики и прослушивающие устройства, годные для такой работы, – объяснил остальным президент.
– Может быть, они не знают, что колонисты покинули Луну, – с надеждой предположил Фосетт.
– Знают, – ответил Хадсон. – Если они догадались направить прослушивающие спутники на колонию Джерси, то могли перехватывать каждый наш сигнал.
– Мы должны придумать план, чтобы нивелировать угрозу островных установок, – предложил Пост.
Броган улыбнулся:
– Так получилось, что мы уже работаем над этим.
Генерал усмехнулся в ответ:
– Если вы собираетесь сделать то, о чем я подумал, то меня лишь интересует, когда это случится.
– Говорят – это только слух, заметьте, – что кубинская группа войск сегодня примерно после полуночи собирается начать операцию по зачистке острова.
– А когда запланирован вылет челнока домой? – спросил Алан Мерсье.
– Завтра в пять, – ответил Пост.
– Это решает дело, – сказал президент. – Передайте командиру Коламбуса, чтобы он не выпускал «Геттисберг» с платформы станции, пока мы не сможем гарантировать челноку безопасное возвращение.
Все за столом казались довольными. Но не Хадсон. Он был похож на мальчика, чьего щенка только что забрал живодер.
– Хотел бы я, чтобы все было так просто, – пробормотал он себе под нос.

Великов и Майский стояли на балконе тремя этажами выше центра радиоперехвата и смотрели сверху на мужчин и женщин, работающих за сложными приемными устройствами. Двадцать четыре часа в сутки гигантские антенны на Кубе перехватывали гражданские телефонные

звонки и сигналы военных радиостанций по всем Соединенным Штатам Америки, передавая их на Кайо-Санта-Мария, где их расшифровывали и анализировали компьютеры.
– Отличная работа, генерал, – сказал Майский. – Доклады о вашей базе были даже слишком скромны.
– Ни дня не проходит, чтобы мы не продолжали расширять территорию, – гордо сказал Великов. – Кроме рабочего комплекса, у нас есть неплохая столовая и центр по физической подготовке с тренажерами и баней. У нас даже имеется комната отдыха и парикмахерская.
Майский поднял взгляд на два экрана, висевших на стенах, каждый размером десять на пятнадцать футов. На левом высвечивалось компьютерное меню, правый показывал различные данные и замысловатые графики.
– Ваши люди еще не обнаружили лунных колонистов?
Генерал кивнул и взял телефон. Глядя вниз на занятых делом работников, он сказал в телефон несколько слов. Диспетчер за пультом управления поднял взгляд и помахал рукой. Затем оба экрана потемнели, но через мгновение на них высветились новые данные.
– Здесь вся информация, – Великов указал на экран справа. – Мы можем отслеживать почти все сигналы, которые астронавты и центр управления в Хьюстоне передают друг другу. Как видите, лунный корабль колонистов три часа назад состыковался с космической станцией.
Майский зачарованно исследовал монитор взглядом. Он не мог свыкнуться с мыслью, что американская разведка тоже могла знать столько же, если не больше, о советских космических исследованиях.
– Их данные закодированы?
– Иногда, в основном военные. Обычно НАСА открыто общается с астронавтами. Как видите на дисплее данных, наземный центр управления Хьюстона приказал «Геттисбёргу» отложить отлет на завтрашнее утро.
– Меня это настораживает.
– Не вижу ничего подозрительного. Скорее всего, президенту понадобилось время, чтобы организовать масштабную пропагандистскую кампанию, восхваляющую очередной американский триумф.
– Или они узнали о наших намерениях… – Гость замолк и призадумался. В его глазах была заметна тревога, он нервно сжимал и разжимал пальцы.
Великов весело наблюдал за ним.
– Если это каким-то образом мешает вашим планам, я могу перебить частоту вещания Хьюстонского центра и отправить астронавтам ложную команду.
– Вы действительно можете это сделать?
– Могу.
– Сфальсифицировать приказ на отправление челнока со станции для последующего входа в атмосферу?
– Да.
– Сможете обмануть командиров станции и челнока так, чтобы они приняли ваш голос за голос их человека из НАСА?
– Они не почувствуют разницы. У наших компьютерных синтезаторов предостаточно записанных сигналов, чтобы идеально сымитировать голос, акцент и манеру разговора примерно двадцати различных работников НАСА.
– А что может помешать Хьюстонскому центру отменить приказ?
– Я смогу глушить их сигналы до тех пор, пока они уже не смогут остановить челнок. После этого, если те инструкции, что вы мне передали, верны, мы собьем настройки систем управления полетом и посадим челнок в Санта-Клара.
Майский еще несколько мгновений долго и пристально смотрел на Великова. Потом он сказал:
– Сделайте это.

Президент крепко спал, когда рядом с его постелью негромко зазвонил телефон. Он перевернулся на бок и посмотрел на светящийся циферблат наручных часов. Десять минут второго. После этого он ответил:
– Слушаю.
Послышался голос Дэна Фосетта:

– Простите, что разбудил вас, господин президент, но произошло кое-что, о чем вам следует знать.
– Я слушаю, что случилось?
– Мне только что звонил Ирвин Митчелл из НАСА. Он сказал, что «Геттисберг» отстыковался от Коламбуса и выходит на орбиту, чтобы войти в атмосферу Земли.
Президент сел, разбудив жену.
– Кто отдал приказ? – зло спросил он.
– Митчелл не знает. Вся связь между Хьюстоном и космической станцией прервана из-за каких-то странных помех.
– Тогда как он узнал об отлете челнока?
– Генерал Фишер организовал наблюдение и контролировал Коламбус из центра управления космическими полетами в Колорадо-Спрингс с тех пор, как Штейнмец покинул колонию Джерси. Камеры центра заметили, что «Геттисберг» покидает станцию. Фишер позвонил мне, как только ему доложили об этом.
Президент от разочарования ударил кулаком по матрасу:
– Твою ж мать!
– Я взял на себя ответственность и сообщил об этом Джессу Симмонсу. Он уже поднял в воздух две эскадрильи ВВС, чтобы защитить челнок, как только тот попадет в атмосферу, и сопроводить его к месту посадки.
– Сколько у нас времени до приземления «Геттисберга»?
– От подготовки к начальному этапу снижения и до приземления примерно два часа.
– За этим стоят русские.
– Несомненно, – согласился Фосетт. – Пока еще точно не известно, но по всем признакам источник, создающий Хьюстону радиопомехи, находится где-то на Кубе.
– Когда спецотряд Брогана начинает операцию на Кайо-Санта-Мария?
– В два часа.
– Кто командир?
– Секундочку, сейчас посмотрю имя во вчерашнем докладе ЦРУ. – Не прошло и тридцати секунд, как Фосетт вернулся на связь. – Операцией руководит морской полковник Рамон Клейст.
– Знакомое имя. Клейст был награжден Почетным орденом конгресса.
– Здесь что-то еще.
– Что?
– Их проводником будет Дирк Питт.
Президент удрученно вздохнул:
– Он и так сделал для нас слишком много. Его присутствие там обязательно?
– Кроме Питта, никто не сможет сделать это, – сказал Фосетт.
– Они успеют уничтожить центр, создающий помехи?
– Честно говоря, тут как карта ляжет.
– Передайте Джессу Симмонсу, чтобы он ждал в ситуационной комнате, – угрюмо сказал президент. – Если что-то пойдет не так, нам остается лишь взорвать «Геттисберг», чтобы его ценный груз не достался русским. Вы меня поняли, Дэн?
– Да, сэр. – Лицо Фосетта побледнело. – Я передам ему.

– Стоп машина! – приказал полковник Клейст. Он сверился с показаниями спутниковой системы навигации Navstar и поставил циркуль на расправленную карту. – Мы в семи милях от Кайо-Санта-Мария. ПТСН дальше не пойдет, мы не можем рисковать.
Майор Кинтана, облаченный в пятнистую полевую форму черно-серого цвета, уставился на желтую отметку на карте.
– Разворот к югу и высадка с кубинской стороны займут примерно сорок минут.
– Ветер слабый, скорость течения всего лишь два фута. Благо сегодня нет луны. Сегодняшняя ночь черна, хоть глаз выколи.
– В этом есть свои недостатки, – мрачно сказал Кинтана. – Насколько трудно будет заметить нас, настолько тяжело и нам будет разглядеть охранников. Как мне кажется, наша основная проблема – мы не знаем точных координат базы. Мы можем высадиться на берег в нескольких милях дальше, чем нужно.

Полковник повернулся и посмотрел на высокого внушительного мужчину, стоявшего прислонившись к переборке судна. Он был одет в точно такой же камуфляж, что и майор. Его пронзительные зеленые глаза встретились с взглядом Клейста.
– Вы все еще не определили точное местонахождение?
Питт выпрямился, улыбнулся своей самой беззаботной улыбкой и просто ответил:
– Нет.
– Вы не особо вселяете надежду, – язвительно подметил Кинтана.
– Может быть, зато я честен с вами.
– Мы сожалеем, что погодные условия в день вашего побега были не идеальными, – терпеливо сказал Клейст. – Но мы были бы очень признательны, если бы вы рассказали нам чуточку больше.
Улыбка исчезла с лица Дирка.
– Слушайте, я попал на берег острова, спасаясь от урагана, а убегал оттуда в самый разгар ночи. И оба раза это произошло совершенно не в том месте, где мы планировали приземлиться. Я не измерял расстояний и не догадался отметить свой путь хлебными крошками. Берег был равнинным, без холмов и заметных ручейков. Только пальмы, кустарники и песок. На антенну я наткнулся в полумиле к западу от деревушки. База в доброй миле вдали от того места. Когда мы найдем тропинку, база будет находиться по левую сторону. Это все, что я могу вспомнить.
Кинтана кивнул, смирившись.
– В сложившейся ситуации мы не вправе просить большего.
В кабину управления заглянул матрос в неряшливо обрезанных джинсах и футболке. Он молча протянул Клейсту записку с расшифрованным сообщением и ретировался.
– Не приведи господи, если пришел приказ об отмене операции, – раздосадованно сказал Питт.
– Совсем нет, – пробормотал Клейст. – Больше похоже на новый поворот.
Он перечитал сообщение, нахмурив обычно невозмутимое лицо. Он передал записку майору, тот, прочитав текст, сжал губы от досады и протянул ее Питту. В ней было написано:
КОСМИЧЕСКИЙ ЧЕЛНОК «ГЕТТИСБЕРГ» ПОКИНУЛ СТАНЦИЮ И ВЫХОДИТ НА ОРБИТУ ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ВХОДА В АТМОСФЕРУ ЗЕМЛИ. СВЯЗЬ С ЧЕЛНОКОМ ПОТЕРЯНА. ЭЛЕКТРОННАЯ АППАРАТУРА, КОТОРУЮ ВЫ ДОЛЖНЫ УНИЧТОЖИТЬ, СОЗДАЕТ ПОМЕХИ ДЛЯ НАШИХ КОМПЬЮТЕРОВ И ПЕРЕХВАТИЛА УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛНОКОМ. ОЖИДАЕМОЕ ВРЕМЯ ПРИЗЕМЛЕНИЯ – 03.40 НА КУБЕ. СКОРОСТЬ ДОСТИГЛА ПРЕДЕЛОВ. ЕСЛИ БАЗА НЕ БУДЕТ УНИЧТОЖЕНА ВОВРЕМЯ, ГРЯДЕТ НЕЧТО УЖАСНОЕ. УДАЧИ.
– Так любезно с их стороны предупреждать нас в последние минуты, – исподлобья проворчал Питт. – До 03.40 осталось менее двух часов.
Кинтана серьезно посмотрел на полковника:
– Советы и вправду могли проделать такое?
Клейст не слушал его. Он снова вернулся к карте и провел карандашом тонкую линию, изменяя курс к южному берегу Кайо-Санта-Мария.
– Где, по вашим предположениям, находится антенна?
Питт взял карандаш и поставил крошечную точку у самого основания хвоста похожего на сперматозоид острова.
– Примерно здесь.
– Хорошо. Мы снарядим вас маленьким водонепроницаемым передатчиком и радиоприемником. Я определю точную позицию на карте и введу данные в компьютер Navstar, затем буду следить за вашим положением и направлять вас.
– Вы будете не единственным, кто захочет следить за нами.
– Это, конечно же, небольшая авантюра, но только так можно сэкономить драгоценное время. Сначала вы должны уничтожить передатчик и прервать их радиосвязь с «Геттисбергом» и только потом пробиться внутрь базы и разрушить ее мозговой центр.
– Логично.
– Если вы согласны, – тихо сказал Клейст, – то я думаю, что вам следует идти, джентльмены.
Подводный транспортер специального назначения не походил ни на одну подводную лодку, какую Питт когда-либо видел. Судно было более трехсот футов в длину и имело форму зубила, повернутого боком. Горизонтальный клиновидный нос, сужаясь, переходил в почти квадратный

корпус судна, резко заканчивающийся обшитой досками кормой. Палуба надстроек была абсолютно гладкой, без каких-либо выступов.
За штурвалом никто не сидел. Судно было полностью автоматизировано при помощи атомной энергии, которая проворачивала спаренные винты или беззвучные насосы, они засасывали воду спереди и выталкивали ее через отверстия по бокам в случае необходимости.
Подводную лодку ПТСН специально разработали для ЦРУ, чтобы осуществлять тайные перевозки вооружений, шпионские миссии и рейды в тыл противника. Она могла не только погружаться на глубину восемьсот футов и при этом передвигаться со скоростью в пятьдесят узлов, но способна была и пришвартоваться к берегу, и десантировать двести человек с несколькими единицами транспорта.
ПТСН вынырнула на поверхность, широкая палуба возвышалась всего в паре футов над черной водой. Команда Кинтаны, состоявшая из кубинских эмигрантов, выбралась из люков и начала поспешно спускать на воду «Дэшеры».
Питт плавал на «Дэшере» во время отдыха на курорте в Мексике. Такие суда с водометными двигателями изготавливали во Франции для любителей активного отдыха на морских курортах. Эти морские спорткары, как их еще называли, были небольшими и выглядели как две прикрепленные параллельно торпеды. Пилот водного спорткара ложился так, что каждая нога была вытянута вдоль одного из парных корпусов, и управлял направлением движения с помощью руля, похожего на автомобильный. Питание шло от мощной аккумуляторной батареи. Ее хватало на то, чтобы толкать по спокойному морю легкое суденышко на реактивных водометных двигателях со скоростью в двадцать узлов в течение трех часов до следующей перезарядки.
После того как Дирк предложил плыть на «Дэшерах», чтобы их не засекли кубинские радары, Клейсту пришлось, не теряя времени, договариваться с заводом, чтобы закупить оборудование и переправить в Сан-Сальвадор в течение пятнадцати часов на самолетах ВВС.
Утренний морской воздух после легкого дождя был теплым. Солдаты запрыгивали в «Дэшеры», затем их протаскивали по мокрой палубе к низкому борту и спускали в море. В корму каждого спорткара были вмонтированы узконаправленные синие фонари, чтобы те, кто двигался позади, могли следовать за передними.
Несколько мгновений Питт всматривался во тьму, опустившуюся на Кайо-Санта-Мария, отчаянно надеясь, что еще не поздно спасти друзей. Над головой с жалобным криком пронеслась ранняя чайка, почти незаметная на фоне темного неба.
Кинтана схватил его за руку:
– Ты следующий. – Он застыл, всматриваясь во мрак. – А это что за чертовщина?
Его взгляд упал на деревянную дубину в руках Питта.
– Бейсбольная бита.
– Для чего? Вам же выдали «АК-74».
– Подарочек для моего друга.
Майор в недоумении покачал головой.
– Давайте начинать. Вы идете впереди. Я пойду последним и буду подгонять отстающих.
Питт кивнул, опустился в «Дэшер» и поправил крошечный наушник. Перед тем как экипаж подводной лодки спустил его на воду, к мистеру Дирку наклонился полковник Клейст и пожал руку.
– Приведите их к цели, – с напряжением в голосе сказал он.
Питт хладнокровно усмехнулся:
– Это я и собираюсь сделать.
И тогда его «Дэшер» оказался в воде. Он подвинул рычаг на среднюю скорость и отплыл подальше от подводной лодки. Оборачиваться и смотреть, плывут ли за ним остальные, не было никакого смысла, ведь он бы все равно их не разглядел. Свет исходил только лишь от звезд, но они были настолько тусклыми, что едва отражались в воде.
Мужчина увеличил скорость и взглянул на люминесцентный циферблат компаса, закрепленного на запястье. Он придерживался восточного направления, пока в наушнике не раздался голос Клейста:
– Держите на 270 градусов.
Питт немного повернул руль и десять миль шел по новому курсу, сохраняя скорость на несколько узлов меньше максимальной, чтобы позволить идущей позади команде нагнать его.

Дирк был уверен, что чувствительные подводные датчики отреагируют на появление их диверсионной группы, но рассчитывал, что русские проигнорируют такой незначительный сигнал, посчитав, что он вызван большой стаей рыб.
Далеко к югу, со стороны Кубы, примерно в четырех милях от них, зажегся прожектор патрульного катера и прогулялся по воде, словно коса, разрезающая ночь в поиске чужих кораблей. Тусклый отблеск света от далекого прожектора упал на диверсантов, но они находились слишком далеко и были слишком маленькими, чтобы их можно было заметить с такого расстояния.
Питт прослушал новое указание полковника и снова изменил курс, повернув на север. Вокруг было темно, как в подземелье, и ему оставалось лишь надеяться, что остальная команда из тридцати человек не выпускает его из виду. Раздвоенный нос «Дэшера» разбивал вздымающиеся волны, разбрасывая брызги прямо в лицо Питту. Облизывая губы, он чувствовал морскую соль.
Из-за легкого завихрения волн, разрезаемых «Дэшером», на воде то и дело мелькали блики, словно там плясала маленькая армада светлячков. Дирк уже слегка расслабился, но в наушнике снова послышался голос Клейста:
– Вы в двухстах ярдах от берега.
Мужчина сбросил скорость маленького судна и медленно и осторожно поплыл вперед. Затем полностью остановился, дрейфуя по течению. Он выжидал, напряженно устремив взгляд в темноту и прислушиваясь. Спустя пять минут впереди начали неясно вырисовываться мрачные и зловещие очертания Кайо-Санта-Мария. Внутренние воды острова были спокойны, Питт слышал лишь легкий плеск и шорох волн, омывающих пляж.
Он мягко нажал на педаль и пошел вперед на самой малой скорости, готовясь в любую секунду развернуться и рвануть обратно в море, если его заметят. Через несколько секунд «Дэшер» бесшумно скользнул на песок. Дирк немедля спрыгнул с него и оттащил свое небольшое судно через пляж в кусты под пальмами. Затем немного подождал. Кинтана и его люди вынырнули из мрака, словно призраки, и молча встали возле него плотным кругом неясных пятен на фоне ночи, благодаря небеса, что их ноги снова чувствуют под собой землю.

Чтобы подстраховаться от закона Мерфи
[16]
, майор выделил несколько драгоценных минут на повторные наставления каждому солдату и проверку их амуниции. Наконец успокоившись, он повернулся к Питту:

– После вас, амиго.
Дирк сверился с компасом и направился в глубь острова, немного отклоняясь влево, держа бейсбольную биту перед собой, словно слепец с тростью. Не успели они пройти и двухсот футов, как конец биты наткнулся на электрический забор. Проводник остановился так резко, что человек, идущий за ним, врезался ему в спину.
– Тише! – прошипел Питт. – Передайте остальным, что мы у забора.
Вперед вышли двое мужчин с лопатами и начали раскапывать мягкий песок. Через несколько мгновений была выкопана яма, достаточно глубокая, чтобы в нее мог пролезть небольшой осел.
Питт пошел первым. На секунду его посетила мысль, что они движутся в неправильном направлении. Дирк застыл, вдыхая воздух. Внезапно он понял, где они вышли.
– Мы слегка просчитались, – прошептал он Кинтане. – База расположена всего в нескольких сотнях ярдов слева от нас. Антенна находится в доброй миле отсюда в противоположном направлении.
– Как вы это поняли?
– Принюхайтесь. Я чувствую запах выхлопных газов от дизельных двигателей, запускающих генераторы.
Майор глубоко вдохнул.
– Вы правы. Запах доносится с северо-запада.
– Вот вам и задачка на время. Пройдет не меньше получаса, прежде чем ваши люди доберутся до антенны и разрушат ее.
– Тогда мы пойдем к постройке.

– Лучше будет пойти ва-банк. Пошлите к антенне ваших лучших бегунов, а остальные пойдут с нами к их центру управления.
Кинтана обдумывал решение не дольше секунды. Пройдя через ряд солдат, он отобрал пятерых. К Питту он вернулся с маленьким и незаметным солдатом, чья голова едва достигала мистеру Дирку до плеча.
– Вот сержант Лопес. Объясните ему, как пробраться к антенне.
Питт снял компас с запястья и протянул сержанту. Тот плохо понимал по-английски, поэтому Кинтане пришлось переводить. Однако маленький солдат схватывал на лету. Он без запинки повторил на испанском языке все слова Питта. Тогда Лопес улыбнулся, отдал короткий приказ своим людям и исчез в ночи.
Проводник и оставшиеся солдаты Кинтаны бегом двинулись вперед, один за другим. Погода начала ухудшаться. Звезды спрятались за облаками, а капли дождя барабанной дробью застучали по пальмовым листьям. Отряд пробирался среди деревьев, согнувшихся под яростными порывами ветра. Каждые сто ярдов кто-нибудь спотыкался и падал, но остальные помогали подняться. Вскоре дышать стало тяжелее, а пот стекал по телам, пропитывая камуфляж. Питт изо всех сил поддерживал быстрый темп, подбадривая себя мыслью, что чем быстрее они доберутся до базы, тем больше шансов у него будет найти Джесси, Джордино и Ганна живыми. Представляя, какие страдания им пришлось пережить из-за Фосса Глая, он совершенно забывал об усталости. Его мрачные размышления прервались, когда из кустов он выступил на дорогу.
Мужчина повернул налево, к постройке, и побежал прямо по дороге, даже не пытаясь скрываться, чтобы не тратить времени. Когда дорога стала казаться знакомой, Питт перешел на шаг и подозвал Кинтану. Почувствовав, как рука майора коснулась его плеча, Дирк указал рукой на тусклый свет, едва видимый за деревьями:
– Там сторожевая будка у ворот.
Майор похлопал его по спине и развернулся к солдатам, отошедшим подальше от света, чтобы дать им указания на испанском.
Питт не стал слушать. Он знал, что охранникам на воротах оставалось жить всего какую-то пару минут.
Дирк обогнул стену и забрался в знакомый водоотвод, с облегчением выдохнув, когда заметил, что прутья решетки по-прежнему согнуты. Солдаты пролезли следом за ним и прошмыгнули к вентиляционному отверстию над гаражом базы. Дальше Питт не должен был идти. По плану Клейста он должен был привести солдат Кинтаны к вентиляционному отверстию, и на этом его миссия заканчивалась. Выполнив задание, проводник должен был вернуться на пляж и в одиночестве дожидаться остальных, чтобы всем вместе покинуть остров, когда операция закончится.
Клейст мог бы и догадаться, что если Питт не оспаривает приказ, то это еще не значит, что он выполнит его как следует, но голова полковника была забита другими организационными проблемами, поэтому он ничего не заподозрил. А старый пройдоха Питт добросовестно составил план базы, играя роль образцового сотрудника.
Перед тем как Кинтана успел сообразить, что происходит, и остановить его, Дирк спрыгнул в вентиляционное отверстие на поперечную балку над припаркованными машинами и, забравшись в люк, ведущий вниз к комнатам, где держали заключенных, исчез в темноте.

Дэйв Юргенс, командир экипажа «Геттисберга», был слегка встревожен. Он разделял всеобщий восторг экипажа космической станции от неожиданного прибытия Штейнмеца и его людей с Луны. И не находил ничего подозрительного в том, что от него требовалось доставить колонистов на Землю, перетащив все их научные принадлежности в грузовой отсек челнока. Однако его насторожил внезапный приказ Хьюстонского центра управления совершить ночную посадку на мысе Канаверал. Просьба Юргенса подождать несколько часов до рассвета была встречена холодным отказом. Он не мог понять причин, по которым люди НАСА впервые за тридцать лет изменили своим принципам обязательной посадки в дневное время.
Он взглянул на пилота Карла Буркхарта, который считался признанным ветераном после двадцати лет работы в разных космических программах.
– На этот раз у нас не будет прекрасных видов на болота Флориды.
– Если видел одного крокодила, значит, видел их всех, – лаконично ответил пилот.

– Все наши пассажиры на местах?
– Как селедки в бочке.
– Компьютеры запрограммированы для входа в атмосферу?
– Все запущено и тикает.
Юргенс окинул взглядом три телевизионных экрана на главной панели. На первом отображалось состояние всех механических систем, а остальные два высвечивали информацию об управлении траекторией. Также там находился контроль направления движения. Вместе с Буркхартом они просмотрели инструкции по уходу с орбиты и порядок процедуры вхождения в атмосферу.
– Хьюстон, мы ждем вашей команды.
– Хорошо, Дон, – ответил наземный центр управления. – Вам разрешается сойти с орбиты.
– С глаз долой, из сердца вон, – сказал Юргенс. – Так, значит?
– Вас не понял, повторите.
– Когда я покинул Землю, меня звали Дэйв.
– Извините, Дэйв.
– Кто на линии? – спросил Юргенс, не в силах сдержать любопытство.
– Мерв Фоли. Вы не узнаете меня по тому, как звучно я произношу гласные?
– После всех наших веселых бесед вы даже не помните моего имени. Как вам не стыдно!
– Просто оговорился, – произнес знакомый голос Фоли. – Но нам лучше прервать нашу светскую беседу и вернуться к процедуре полета.
– Как скажете, Хьюстон. – Юргенс быстро нажал на рычаг селектора внутренней связи: – Готовы отправиться домой?
– Мы все с нетерпением этого ждем, – ответил Штейнмец.
В спартанском жилом отсеке под летной палубой и кабиной экипажа на каждом футе свободного пространства располагались инженеры челнока и колонисты Джерси. Шестидесятифутовый грузовой отсек позади них на две трети был загружен блоками с записями данных, геологическими образцами, папками с результатами более тысячи медицинских и химических опытов – весь золотой кладезь научных открытий, сделанных колонистами, на полное изучение которого ученым понадобится не меньше двух десятилетий. Кроме того, в грузовом отсеке лежало тело доктора Курта Перри.
«Геттисберг» плыл по космическим просторам со скоростью более пятнадцати тысяч узлов в час. Небольшие двигатели малой тяги работали исправно, выталкивая космический корабль с орбиты и переворачивая его носом вверх, подставляя термоизолированное брюхо под трение при входе в атмосферу. Когда челнок пролетал над Австралией, два рулевых двигателя стали работать прерывисто, чтобы уменьшить орбитальную скорость в двадцать пять раз, до скорости звука. Тридцать минут спустя они вошли в атмосферу Земли невдалеке от Гавайских островов. Едва плотность атмосферы возросла, пламя двигателей окрасило брюхо «Геттисберга» в яркий оранжевый цвет. Двигатели потеряли эффективность, воздушный руль для стабилизации и рули направления теперь держали корабль в земной атмосфере. Компьютеры управляли всем полетом. Юргенс и Буркхарт только следили за данными на экранах и за показателями состояния системы.
Внезапно в наушниках прозвучал предупреждающий звук и зажегся общий сигнал тревоги. Юргенс отреагировал мгновенно, нажав кнопку на клавиатуре компьютера, чтобы увидеть подробную информацию о проблеме, а его товарищ тем временем связался с наземным центром управления:
– Хьюстон, у нас сработала световая сигнализация.
– Мы не видим неполадок, «Геттисберг». Все системы работают исправно.
– Хьюстон, что-то происходит, – упорно повторил Буркхарт.
– Может быть, произошел сбой в компьютере.
– Не подтверждаю. Системы управления полетом и навигации в порядке.
– Я понял, в чем дело! – воскликнул Юргенс. – Похоже, мы отклоняемся от курса.
Спокойный голос оператора из космического центра имени Джонсона произнес:
– Вы идете точно по курсу. Как поняли?
– Вас понял, Фоли, но подождите минутку, я перейду на резервный компьютер.
– Хорошо, если это вас успокоит. Но все работает исправно.

Юргенс поспешно запросил навигационные данные на резервном компьютере. Не прошло и полминуты, как он снова связался с Хьюстоном:
– Мерв, здесь что-то не так. Даже резервный компьютер показывает, что мы опускаемся в четырехстах милях южнее и пятидесяти милях восточнее мыса Канаверал.
– Я вас умоляю, Дэйв, – усталым тоном сказал Фоли. – Все станции слежения показывают, что вы идете по курсу.
Юргенс посмотрел в боковое окно, но увидел внизу только черноту. Он выключил радиосвязь и повернулся к Буркхарту:
– Мне наплевать, что говорит Хьюстон, но мы точно сбились с курса. Кроме воды, я ничего внизу не вижу, а должен видеть огни маяков Калифорнийского полуострова.
– Ума не приложу, – беспокойно ерзая в кресле, ответил Буркхарт. – Что будем делать?
– Приготовимся перейти на ручное управление. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что Хьюстон собирается посадить нас прямо на Кубе.

– Они у нас на крючке, словно воздушный змей на веревочке, – по-волчьи оскалившись, сказал Майский.
Великов кивнул:
– Через три минуты «Геттисберг» пересечет точку невозврата.
– Невозврата?
– Они еще могут развернуться и направить челнок к космическому центру имени Кеннеди.
Майский нервно потер ладони.
– Когда американский космический челнок окажется в советских руках, это будет величайшей разведывательной операцией века.
– Американцы на колени встанут, умоляя, чтобы мы вернули челнок.
– Мы вернем их суперкорабль, в который они вложили уйму миллиардов долларов. Но перед этим наши космические инженеры обследуют и перефотографируют каждый его дюйм.
– Не стоит забывать и об огромном объеме информации, которую мы получаем от самих лунных колонистов, – напомнил ему Великов.
– Невероятный подвиг, генерал. Орден Ленина будет вашим.
– Цыплят по осени считают, товарищ Майский. Тяжело предсказать реакцию президента.
Майский пожал плечами:
– Если дойдет до переговоров, то ему придется играть по нашим правилам. По-моему, наша единственная проблема – кубинцы.
– О них не беспокойтесь. Генерал-полковник Колчак оцепил взлетно-посадочную полосу Санта-Клара, у него полторы тысячи советских солдат. А поскольку в командовании противовоздушной обороны Кубы работают наши консультанты, мы без проблем расчистили челноку путь к приземлению.
– Тогда он уже все равно что у нас в руках.
Великов кивнул:
– Думаю, теперь можно не сомневаться.
Президент сидел в халате за столом Овального кабинета, опустив подбородок и водрузив руки на подлокотники кресла. Его лицо казалось усталым и осунувшимся.
Внезапно он поднял глаза и сказал:
– Вы уверены, что Хьюстон не сможет связаться с «Геттисбергом»?
Мартин Броган кивнул:
– Так сказал Ирвин Митчелл из НАСА. Их сигнал глушится какими-то внешними помехами.
– Джесс Симмонс сейчас в Пентагоне?
– Он у нас на прямой линии, – ответил Дэн Фосетт.
Глава государства ненадолго запнулся; когда он продолжил говорить, его голос звучал не громче шепота:
– Тогда передайте ему, чтобы он приказал пилотам быть наготове.
Фосетт тяжело кивнул и снял трубку телефона.
– Есть известия от твоих людей, Мартин?
– Последнее сообщение было о том, что они высадились на берег, – растерянно сказал Броган. – Больше ничего.
Президент почувствовал, как испаряется его надежда.

– Боже мой, наше положение – хуже некуда.
Зазвонил один из четырех телефонов, и Фосетт схватил трубку:
– Да, да, он здесь. Да, передам ему. – Он положил трубку, нахмурившись. – Это Ирвин Митчелл. «Геттисберг» отклонился слишком далеко на юг, чтобы добраться до мыса Канаверал.
– Еще есть шансы, что челнок сядет на воду, – без энтузиазма сказал Броган.
– При условии, что их вовремя предупредят, – добавил Фосетт.
Президент покачал головой:
– Не выйдет. Их посадочная скорость более двухсот миль в час. Челнок просто разорвет на куски.
Наступило молчание, каждый пытался подобрать верные слова. Глава государства развернулся в кресле и с тяжестью на душе уставился в окно.
Через несколько мгновений он повернулся к мужчинам, окружившим его стол в ожидании:
– Прости меня, Господи, за то, что я подписал смертный приговор всем нашим героям.
Питт соскочил с лестницы и на всех парах побежал по коридору. Найдя камеру Джордино и Ганна, он схватил ручку двери и дернул ее с такой силой, что чуть не сорвал дверь с петель. Крошечная комната была пуста.
Шум выдал его. Из-за угла бокового прохода выбежал охранник и удивленно посмотрел на незнакомца. Эта секунда колебания спасла Дирка. Несмотря на то что оружие уже было направлено ему в грудь, Питт успел опустить биту на голову врага до того, как тот спустил курок. Он обхватил незадачливого охранника вокруг талии, не дав упасть на пол, и оттащил в камеру. Дирк опустил его на кровать и узнал того молодого русского, который сопровождал его в кабинет Великова. Дыхание парня оставалось ровным, поэтому Питт решил, что тот отделался максимум сотрясением места.
– Тебе повезло, мальчик. Я не стреляю в детей младше двадцати одного года.
Когда Кинтана только спустился по лестнице, Питт уже запер дверь камеры и стремглав побежал дальше. Он не думал о том, что нужно быть осторожным и не выдавать себя. Он бы не отказался обрушить свою биту на голову еще одного охранника. Добежав до двери камеры Джесси, он выбил ее ногой.
Там никого не было.
По его спине пробежали мурашки. Он снова рванул по коридору, пока не остановился у комнаты номер шесть, тоже пустой.
Страх тотчас сменился холодной, неуправляемой яростью. Питт вышел из себя, забыв о совести и морали, и, не в состоянии контролировать свой гнев, превратился в человека, которому стало плевать на опасность. Страх умереть перестал существовать для него.
Подбежал Кинтана и схватил его за руку:
– Черт тебя подери, возвращайся к пляжу! Тебе было приказано…
Он не договорил. Питт ткнул короткий ствол «АК-74» в живот майора и прижал его к стенке. Военному неоднократно приходилось смотреть в глаза смерти, но, видя холодное, буквально ледяное выражение лица Дирка и смертоносное равнодушие в его зеленых глазах, он понял, что стоит одной ногой в могиле.
Питт не сказал ни слова. Он убрал автомат, закинул биту на плечо и протиснулся между американских солдат. Внезапно он остановился на месте и развернулся.
– Лифт там, – тихо сказал он.
Кинтана жестом показал солдатам следовать за ним. Дирк бегло пересчитал их. Всего двадцать пять, считая и его самого. Он поспешил к лифту, чтобы подняться наверх. На их пути больше не встретилось ни одного охранника. Все коридоры были пусты.
– Если заключенные мертвы, – рассуждал Питт, – то Великову не было смысла оставлять на нижних этажах больше одного охранника.
Они приблизились к лифту, и Дирк уже собирался нажать кнопку «вверх», как вдруг зашумели механизмы. Он жестом приказал остальным прислониться к стене. Они выжидали, слушая, как лифт останавливается этажом выше. Внутри послышался шум голосов и отдаленный смех. Солдаты замерли, все, как один, всматриваясь в щель между дверями лифта.
Через десять секунд все кончилось. Двери открылись, и двое техников в белых халатах, вышедших из лифта, не издав ни звука, пали замертво. Питт был поражен хладнокровием, с которым солдаты Кинтаны проткнули ножами сердца техников. Ни у одного кубинца он не заметил в глазах ни капли раскаяния.

– Время решать, – сказал Питт. – В лифт поместится только десять человек.
– Остается всего четырнадцать минут до приземления космического челнока, – немедля сказал майор. – Мы должны найти и перерезать источник питания базы.
– Над нами четыре этажа. Кабинет Великова на самом верху. Там же и жилые комнаты. Выбирайте из других трех этажей.
– Выбирать наугад…
– Что еще остается делать? – ответил Питт. – Мы сейчас словно рыбы, плотно засунутые в бочку. Поэтому советую разделиться на три группы и взять по этажу. Так мы справимся намного быстрее.
– Звучит неплохо, – торопливо согласился Кинтана. – Мы зашли так далеко и до сих пор не встретили ни души. Вряд ли они будут ожидать гостей в одно и то же время в разных местах.
– Я с восемью солдатами поднимусь на второй этаж и пошлю лифт вниз за следующей группой, которая поднимется на третий этаж, и так далее.
– Хорошо. – Кинтана не стал тратить время на споры. Он поспешно отобрал восьмерых и приказал им следовать в лифт за Питтом. Как только двери закрылись, он прошипел: – И не вздумай погибнуть, будь ты неладен!
Подъем наверх казался бесконечно долгим. Солдаты старались не смотреть в глаза друг другу. Некоторые вытирали пот, скатывающийся по лицу, кто-то нервно почесывался. Но ни один из них не убирал палец с курка автомата.
Наконец лифт завис на месте и двери раскрылись. Кубинцы выскочили наружу в командное помещение, где располагалось около двадцати советских офицеров ГРУ и четыре женщины, тоже облаченные в военную форму. Большинство из них погибло прямо за столами от града пуль, даже не успев понять, что происходит. За несколько секунд кабинет превратился в бойню, залитую кровью и усеянную мертвыми телами и оторванными кусками плоти.
Питт не терял времени. Он нажал кнопку первого этажа на панели лифта и поднялся наверх, к кабинету Великова. Упершись спиной в переднюю стенку лифта и подняв автомат, он выглянул в открывшиеся двери. От того, что Дирк увидел, его охватил смешанный приступ восторга и свирепого гнева.
В кабинете полукругом сидели семь офицеров ГРУ, увлеченно наблюдая, как Фосс Глай выполняет свою садистскую работу. Казалось, что они совершенно не обращают внимания на приглушенные звуки выстрелов, доносившихся снизу. Заметив несколько опустошенных винных бутылок на полу, Питт рассудил, что именно алкоголь притупил их слух.
Руди Ганн лежал в стороне с лицом, разбитым едва ли не в кашу, отчаянно пытаясь с гордым презрением поднять голову. Один из офицеров направлял небольшой автоматический пистолет на залитого кровью Джордино, привязанного к металлическому стулу. Невысокий мускулистый итальянец сидел, прогнувшись вперед, головой почти касаясь коленей и медленно раскачивая ее из стороны в сторону, будто пытался развеять боль и восстановить зрение. Один из мужчин поднял ногу и двинул Джордино сбоку, сбив его на пол вместе со стулом. Рэймонд Лебарон сидел рядом и немного позади Глая. Некогда энергичный финансист был похож на человека, понемногу превращающегося в привидение, словно дух уже покинул его тело. Его глаза казались ослепшими, лицо не выражало никаких чувств. Глай замучил старика до такой степени, что тот превратился в прогнивший овощ.
Джесси Лебарон стояла на коленях в центре комнаты и непокорно смотрела на Глая. Ее волосы были коряво обстрижены покороче. Она сжимала покрывало, накинутое на плечи. На обнаженных руках и ногах были видны безобразные красные рубцы и темные синяки. Казалось, что ей уже ничего не приносит страданий, мозг женщины перестал воспринимать боль. Несмотря на свой жалкий вид, в эту секунду она казалась особенно красивой, трудно было не оценить ее спокойствие и стойкость.
Фосс и остальные обернулись к прибывшему лифту, но тут же вернулись к своему занятию, увидев, что внутри как будто никого нет.
Как только двери начали закрываться, Питт шагнул в кабинет, с безжалостным ледяным спокойствием поднимая «АК-74» на уровень глаз и открывая огонь.
Первые прицельные выстрелы пришлись в человека, который сбил Джордино на пол. Вторым пал обвешанный медалями офицер, сидевший перед Ганном, – с простреленной грудью он повалился спиной на шкаф. Третья и четвертая очереди повалили навзничь троих офицеров,

кучно сидевших бок о бок. Дирк перехватил автомат, беря на прицел Фосса Глая, но могучий перебежчик среагировал намного быстрее, чем остальные.
Громила рывком поставил Джесси на ноги и прикрылся ею, словно щитом. Питт на несколько мгновений замялся, и этого хватило седьмому русскому, лежавшему, упершись локтями в пол, чтобы схватить автомат и не целясь выстрелить.
Пуля попала в затворную раму автомата Питта, раздробив ее, и срикошетила в потолок. Дирк поднял перед глазами сломанное оружие и тут же отскочил в сторону, увидев вспышку второго выстрела. Дальше все происходило словно в замедленной съемке. Он даже успел разглядеть испуганное лицо русского, нажимающего на спусковой крючок в третий раз. За мгновение до этого сломанный «АК-74» Питта пролетел через всю комнату и врезался в висок офицера.
Сначала Питт подумал, что третий выстрел русского пришелся мимо, но затем почувствовал, как по шее из разорванного левого уха скатывается кровь. Он стоял, словно окаменев, но, когда Фосс грубо оттолкнул Джесси на ковер, ярость запылала с прежней силой.
На злобном лице Глая появилась дьявольская улыбка, будто он уже представлял худшее.
– Ты вернулся.
– Очень проницательно… для такого кретина, как ты.
– Во время нашей прошлой встречи я обещал тебе медленную смерть, – угрожающе сказал Глай. – Разве ты забыл?
– Нет, не забыл, – ответил американец. – Я даже вспомнил, что в ответ обещал прихватить дубинку.
Питт не сомневался, что Фосс может убить его одними лишь руками. И сознавал, что единственным его преимуществом, кроме биты, было отсутствие страха. Глай привык видеть своих жертв беспомощными, беззащитными и запуганными его грубой мощью. Губы Дирка изогнулись в такой же дьявольской улыбке, и он начал подкрадываться к Глаю, с кровожадным удовлетворением наблюдая растерянность в глазах врага.
Питт слегка присел, взмахнул битой, словно бейсболист, готовящийся к низкой подаче, и врезал сопернику в колено. Коленная чашечка Фосса хрустнула, и он крякнул от боли, но остался на ногах. В мгновение ока оправился от болевого шока и бросился на Питта. Тот встретил его боковым ударом по ребрам, отчего у Глая с мучительным вздохом сбилось дыхание. На секунду он остановился, с опаской смотря на американца и болезненно вдыхая воздух, схватившись за сломанные ребра.
Дирк отступил назад и опустил биту.
– Имя Брайана Шо тебе о чем-нибудь говорит? – спокойно спросил он.
Ненависть в глазах Глая медленно сменилась недоумением:
– Британский агент? Ты знал его?
– Шесть месяцев назад я спас ему жизнь на буксире на реке Святого Лаврентия. Помнишь? Ты едва не удавил его, но тут сзади подошел я и треснул тебе по голове гаечным ключом.
Дикий взгляд врага еще сильнее раззадорил Питта.
– Значит, вот кто помешал мне!
– Ты должен был узнать это перед смертью, – дьявольски улыбнулся мужчина.
– Скорее ты прочитал мне свою последнюю исповедь. – В голосе Глая не чувствовалось презрение или наглость, лишь простая вера в свои силы.
Не говоря дальше ни слова, Дирк с поднятой битой и Глай, волоча раненую ногу, начали расхаживать по кругу, словно два волка. В комнате наступила жуткая тишина. Ганн, изо всех сил превозмогая боль, потянулся к лежащему недалеко от него автомату, но Глай уголком глаза заметил движение и отбросил оружие ногой. Все еще привязанный к стулу Джордино безнадежно пытался выпутаться, а Джесси неподвижно лежала на полу, как зачарованная наблюдая за схваткой.
Питт шагнул вперед, намереваясь нанести удар, но нога вдруг скользнула в луже крови одного из убитых русских. Бита попала бы в голову Глаю, сумей Дирк устоять на ногах, но удар пришелся на шесть дюймов выше, чем надо. Враг рефлекторно выбросил руку и отразил удар огромным бицепсом.
Деревянная бита задрожала в руках Питта, словно он ударил ею о бампер автомобиля. Противник схватил конец биты свободной рукой и рванул ее, как тяжелоатлет. Питт решил до конца не выпускать биту из рук, поэтому его подбросило в воздух, словно маленького ребенка,

и откинуло через всю комнату в книжный шкаф, после чего он упал на пол вместе с посыпавшимися с полок книжными томами в кожаных переплетах.
В комнате наступила тишина, наполненная безнадежностью и разочарованием. Джесси и остальные никогда бы не подумали, что Питт сможет встать после такого столкновения со стеной. Даже Глай расслабился и не торопясь подошел к лежащему на полу телу, не скрывая радости от победы на свирепом лице и поджав губы в улыбке, представляя, как будет добивать Дирка.
Но тут он остановился, недоверчиво глядя, как Питт поднимается из-под завала книг, напоминая собой окруженного соперниками, ошеломленного и слегка сбитого с толку, но готового к дальнейшей схватке квотербека. Кроме поверженного, никто не понимал, что как раз книги и смягчили удар. Несмотря на адскую боль, он ничего себе не сломал и даже не вывихнул. Подняв биту, Питт бросился навстречу человеку-глыбе и изо всей силы ткнул тупым концом биты в насмешливое лицо.
Но он недооценил нечеловеческую мощь гиганта. Фосс уклонился от выпада и, отбив биту кулаком в сторону, воспользовался неосторожным маневром Питта, обхватив его спину Стальными руками. Питт яростно изогнулся и так сильно пнул коленом в пах противнику, что любой другой человек скрутился бы пополам. Но не Глай. Он негромко всхрапнул, моргнул и еще сильнее сжал Питта в медвежьих объятиях, намереваясь выдавить из него жизнь.
Враг не мигая, почти в упор смотрел Питту в глаза. На его лице не было заметно ни капли напряжения, губы словно сковала застывшая ухмылка. Мужчина оторвал Питта от земли, продолжая сжимать и ожидая увидеть на лице жертвы гримасу предсмертного ужаса.
Воздух покидал легкие Питта, он начал задыхаться. Комната поплыла перед глазами, боль обжигала грудь изнутри. Откуда-то издалека он слышал крики Джесси и Джордино, но не мог разобрать слова. Несмотря на боль, его голова оставалась ясной и прекрасно соображала. Он отказался принять смерть, вместо этого придумав простой способ, как обмануть ее.
Рука, держащая биту, была плотно зажата в тиски Глая, но вторая рука оставалась свободной. Перед глазами начал опускаться черный занавес. Поняв, что смерть уже на пороге, Питт совершил последнюю попытку выпутаться.
Он поднял руку над лицом Глая и вдавил палец в его глазное яблоко, на всю длину заталкивая его в глубь черепа и вкручивая в мозг.
Шок стер улыбку с лица врага, шок невероятной боли и непонимания. Все стало наполовину темным, и он инстинктивно разжал руки и поднял их к глазу, оглушая комнату ужасным ревом. Несмотря на страшную рану, Фосс остался стоять на ногах и принялся метаться по комнате, словно обезумевшее животное. Питт не мог поверить, что монстр все еще в сознании, и уже было подумал, что Глай несокрушим, но тот вдруг прервал крик, сменив его мучительными рыданиями.
Послышались три выстрела. Джесси спокойно и беспощадно спустила курок и выстрелила в пах Фоссу Глаю. Пули вошли в него, он, шатаясь, отшагнул назад, затем на несколько секунд замер в нелепой позе, будто был куклой-марионеткой, поддерживаемой на нитях откуда-то сверху. Наконец его ноги подкосились, и громила рухнул на пол, словно спиленное дерево. Черный глаз все еще оставался открытым, такой же злобный после смерти, каким был и при жизни.
Майор Гас Холлиман был напуган до смерти. За всю карьеру пилот ВВС провел в полетах почти триста часов, но впервые его невыносимо мучило сомнение – один из худших врагов пилотов. Отсутствие уверенности в себе, в своем самолете или наземном командовании всегда угрожало смертельным исходом.
Он не мог заставить себя поверить, что задание сбить космический челнок «Геттисберг» – не очередные сумасбродные учения, разработанные яйцеголовым генералом, помешанным на околовоенных забавах. «Это тренировка, – в десятый раз говорил он себе, – просто учебное задание, об этом мне скажут в последний момент».
Холлиман смотрел на звезды сквозь прозрачный фонарь ночного истребителя «F-15E» и задавался вопросом, смог бы он выполнить приказ и уничтожить настоящий космический челнок вместе с экипажем.
Его взгляд упал на приборную панель перед ним. Высота превышала пятьдесят тысяч футов. По приказу у него оставалось менее трех минут, чтобы приблизиться к стремительно снижающемуся челноку и пустить в него самонаводящуюся ракету «Модок». Он машинально представил себе весь процесс, надеясь, что дальше мыслей дело не зайдет.

– Видишь что-нибудь? – спросил он у жующего жевательную резинку оператора радара лейтенанта Реджиса Мерфи.
– Мы все еще за пределами досягаемости, – ответил тот. – Последним сообщением космический центр Колорадо уточнил, что челнок находится на высоте двадцать шесть миль и, замедляясь, снижается со скоростью примерно шесть тысяч. Через пять минут сорок секунд при скорости в тысячу двести он должен появиться в нашем секторе.
Майор повернулся назад, окинул взглядом черное небо и заметил тусклые огни двух самолетов, летящих вслед за ними.
– Лис-2, как меня слышно?
– Вас слышу, Лис-лидер.
– Лис-3?
– Слышим вас.
Холлиман почувствовал себя неуютно. Все было неправильно. Он не собирался посвящать свою жизнь защите страны, к тому же у него не было ни одной тренировки по уничтожению безоружного космического судна с невинными учеными на борту прямо в воздухе. Это все было чертовски неправильно.
– Центр Колорадо, вас вызывает Лис-лидер.
– Говорите, Лис-лидер.
– Прошу разрешения прекратить учения, прием.
Последовало долгое молчание.
– Майор Холлиман, на связи генерал Алан Пост. Как поняли? «А вот и тот яйцеголовый генерал», – подумал Холлиман.
– Да, генерал, вас слышу.
– Это не учения. Повторяю, не учения.
Холлиман не стал выбирать выражения.
– Сэр, вы хоть понимаете, о чем просите меня?
– Я не прошу вас, майор. Я даю вам прямой приказ сбить «Геттисберг» до того, как он приземлится на Кубе.
Когда Холлиман получил приказ подниматься в воздух, времени на полный инструктаж не оставалось. Он был озадачен внезапным приказом Поста.
– Простите за вопрос, генерал, но о вашем приказе знает высшее командование? Прием.
– Это прямой приказ Верховного главнокомандующего прямо из Белого дома, для вас достаточно?
– Да, сэр, – медленно сказал он. – Думаю, достаточно.
«Боже, – в отчаянии подумал майор, – теперь ничего не поделаешь, придется стрелять».

– Высота полета – двадцать две мили, до приземления осталось девять минут, – считал Юргенсу данные Буркхарт. – Огней маяков по правому борту не видно.
– Хьюстон, что происходит? – нахмурившись, спросил Юргенс. – Куда вы нас ведете, черт возьми?
– Сохраняйте спокойствие, – ответил невозмутимый голос летного диспетчера Фоли. – Вы отлично вышли на исполнительный старт. Просто ждите дальнейших указаний.
– Радар и навигационные показатели говорят, что мы идем на посадку прямо на Кубе. Пожалуйста, сверьте показания.
– В этом нет необходимости, «Геттисберг», вы заходите на посадку.
– Хьюстон, я не понимаю вас. Повторяю, где вы собираетесь нас посадить?
Ответа не последовало.
– Послушайте, – раздраженно сказал Юргенс, – в таком случае я переключаюсь на ручное управление.
– Запрещаем, Дэйв. Оставайтесь на автоуправлении. Все системы готовы к посадке.
Ученый тщетно сжимал кулаки.
– Почему? – требовательно спросил он. – Зачем вы это делаете?
Ответа не было.
Юргенс посмотрел на Буркхарта:

– Тормоз на полную. Мы переходим на УЭЗП

[17]
. Я собираюсь держать челнок в воздухе как можно дольше, пока они не дадут нам внятный ответ.

– Мы лишь отдалим неизбежное на пару минут, – сказал товарищ.
– Мы не можем просто сидеть сложа руки, будто все в порядке.
– Мы ничего не сможем сделать, – вздохнув, ответил Буркхарт. – Нам уже не изменить место посадки.

Настоящий Мерв Фоли сидел за пультом управления Хьюстонского центра управления, его захлестывала бессильная ярость. На бледном лице застыла гримаса недоверия. Он ударил кулаком по краю пульта.
– Мы теряем их, – безнадежно пробормотал он.
Ирвин Митчелл из «внутреннего ядра» стоял позади него.
– Техники делают все возможное, чтобы восстановить связь.
– Поздно! – взорвался Фоли. – Они заходят на посадку.
Он повернулся и схватил Митчелла за руку:
– Христа ради, Ирв, попросите президента, чтоб он дал им приземлиться. Оставьте шаттл русским, пусть они возьмут, что им нужно. Но во имя всего святого, не убивайте тех людей.
Митчелл отстраненно смотрел на данные на экране.
– Нет, так будет лучше, – сказал он дрогнувшим голосом.
– Лунные колонисты – это же ваши люди. После всего, чего они добились, после стольких лет борьбы за выживание в чужеродной среде вы не можете просто уничтожить их, когда они уже почти добрались домой.
– Вы не знаете их. Они бы никогда не допустили, чтоб результаты их усилий попали в руки правительству враждебной страны. Если бы мы с Эли Штейнмецем поменялись местами, он бы без колебаний превратил «Геттисберг» в горстку пепла.
Фоли несколько долгих мгновений смотрел на Ирвина. Затем повернулся назад и опустил голову на руки, не в силах смириться с горем.

Джесси подняла голову и пристально поглядела на Питта, ее кофейно-карие глаза затуманились, по синякам на щеках побежали слезы. Ей было не по себе из-за кучи убитых людей вокруг, но она чувствовала огромное облегчение от того, что теперь свободна. Дирк беззастенчиво обнял даму, ничего не говоря, и осторожно вынул пистолет из ее рук. Затем оставил жену Лебарона, наскоро перерезал веревки на Джордино, ободряюще похлопал Ганна по плечу и подошел к большой настенной карте.
Он постучал костяшками пальцев, оценивая толщину стены. Затем отошел и двинул ногой примерно в центр Индийского океана. Скрытая створка двери уступила, качнулась на петлях и ушла в стену.
– Скоро вернусь, – сказал мужчина и исчез в проходе.
Внутри было светло и все покрыто коврами. Он бросился вперед, вытянув перед собой оружие. В проходе было прохладно и свежо, но пот стекал с Питта еще сильнее, чем раньше. Он вытер лоб рукавом, на секунду прикрыв глаза, и это чуть не стоило ему жизни.
Как в старых немых фильмах Мака Сеннета, как раз в то мгновение, когда Дирк подошел к поперечному коридору, он лицом к лицу столкнулся с двумя охранниками, выходившими из-за угла.
Американец бросился между ними, столкнув их в стороны, развернулся и упал на пол. Эффект внезапности был на его стороне. Охранники и подумать не могли, что встретят врага возле кабинета Великова. В отличие от Питта. Из дула его автомата вылетело четыре пули, прежде чем пораженные охранники догадались схватиться за винтовки. Не успели они упасть, как Дирк был уже на ногах.
Еще две, может быть, три секунды – которые, казалось, тянулись целый час, – он с равнодушием смотрел на их безжизненные тела, удивляясь, что все произошло так быстро. Умственно и эмоционально он был истощен, но физически чувствовал себя превосходно. Мужчина вдохнул полные легкие воздуха, чтобы развеять туман в голове и подумать, какой из коридоров ведет к мозгу базы, где расположена вся электроника.

В боковых коридорах пол был бетонным, поэтому американец решил идти вперед по коврам. Пробежав всего пятьдесят футов, Питт снова обрел способность мыслить и начал проклинать себя за то, что не догадался подобрать винтовку одного из охранников. Он снял опустевший магазин автомата – в патроннике оставался лишь один патрон. Махнув рукой на свою ошибку, Дирк продолжил идти вперед.
Вскоре он увидел отблески света на стенах впереди и, услышав голоса, замедлил шаг. Затем тихо проскользнул к двери и с настороженностью мыши, опасливо выглядывающей из норки в поисках кота, заглянул в проем.
В пяти футах от себя Питт увидел перила балкона, возвышающегося над большим залом, битком набитым компьютерами и пультами управления, ровными рядами расставленными под двумя огромными экранами с данными на дисплее. Около десятка техников и инженеров сидели за машинами и следили за их работой, в то время как другие пять-шесть человек оживленно о чем-то переговаривались.
В конце зала стояли несколько охранников в форме, направив стволы винтовок в тяжелую металлическую дверь. Из-за нее доносились звуки беспорядочных автоматных очередей. Дирк понял, что Кинтана и его солдаты на подходе. Теперь он еще сильнее пожалел, что не прихватил винтовки убитых им охранников. В ту секунду, когда мужчина уже собирался развернуться и вернуться за ними, в зале прогремел оглушительный взрыв, в воздух поднялись тучи пыли, и обломки двери разлетелись во все стороны.
Не успела пыль рассеяться, как кубинцы пробрались в щель, озаряя помещение вспышками выстрелов. Первые трое тут же пали на месте, сраженные пулями охранников. Русские исчезли из виду, укрываясь от смертоносных автоматных очередей. Шум в зале с бетонными стенами стоял оглушающий, но Питт все равно слышал крики раненых. Почти все техники прятались за аппаратурой. Те, кто попытался оказать сопротивление, были безжалостно расстреляны на месте.
Американец осторожно продвинулся на балкон, прижимаясь спиной к стене. В тридцати футах от него стояли двое мужчин и пристально вглядывались в ужасную бойню внизу. Узнав в одном из них генерала Великова, Питт начал осторожно подкрадываться к ним. Ему удалось сделать лишь несколько шагов, прежде чем Великов вдруг отстранился от перил и повернулся. Пару мгновений он смотрел на Питта, потом глаза его расширились, когда он узнал сбежавшего пленника, а затем Великов неожиданно улыбнулся. Казалось, что у этого человека были железные нервы.
Питт поднял автомат и демонстративно прицелился.
С быстротой кошки Великов схватил второго мужчину и успел укрыться за ним за доли секунды до того, как Дирк спустил курок.
Пуля попала в грудь Льву Майскому. Заместитель начальника КГБ застыл, широко раскрыв глаза в изумлении, затем отшатнулся назад и упал вниз через перила.
Питт машинально нажал на курок еще раз, забыв, что патронов больше не осталось. В отчаянии он швырнул автомат в Великова, но тот легко отбил его рукой.
Русский покачал головой, на его лице читалось скорее любопытство, чем страх.
– Вы удивительный человек, Дирк.
Прежде чем тот успел ответить или стать у него на пути, генерал прошмыгнул в открытую дверь и захлопнул ее. Когда Питт бросился к двери, было уже поздно. Замок находился снаружи, и Великов быстро задвинул защелку. Выбить такую дверь было невозможно. Тяжелый болт плотно вошел в металлическую раму. Дирк поднял кулак, намереваясь ударить по двери, но передумал, развернулся и побежал по лестнице на этаж ниже.
Среди суматохи он пересек зал, переступая через тела, и подошел к Кинтане, выпускающему все пули из своего «АК-74» в ряд компьютеров.
– Бросьте это! – прокричал Питт в ухо майора, затем жестом указал на пульт управления радиооборудованием: – Если ваши люди еще не уничтожили антенну, дайте мне попытаться связаться с шаттлом.
Кинтана опустил автомат и посмотрел на мистера Дирка:
– Все подписано на русском языке. Справитесь?
– Никогда не узнаешь, пока не попробуешь. – Он уселся за пульт и окинул взглядом запутанное море огней и переключателей, подписанных на кириллице.
Военный наклонился над плечом Питта:

– Вы не успеете вовремя найти нужную частоту.
– Вы католик?
– Да. А что?
– Тогда помолитесь святым за души павших, и будем надеяться, что эта штуковина уже настроена на частоту челнока.
Он воткнул в ухо крошечный наушник и начал щелкать переключателями, пока не удалось принять сигнал. Затем мужчина поправил микрофон и произвольно нажал на один из переключателей, надеясь, что удастся включить передатчик.
– Здравствуйте, «Геттисберг», как меня слышите? Прием. – Затем он нажал на переключатель, который, по его предположению, должен был включить приемник.
В ответ тишина.
Он попробовал еще два переключателя.
– «Геттисберг», как слышно? Прием.
Дирк нажал на четвертый переключатель.
– «Геттисберг». «Геттисберг», пожалуйста, ответьте, – взмолился Питт. – Вы меня слышите? Прием.
Тишина. Затем вдруг послышалось:
– Это «Геттисберг». Кто вы, черт возьми? Прием.
Питт не ожидал услышать такой внезапный и отчетливый ответ, поэтому прошло около трех секунд, прежде чем он собрался с мыслями.
– Это не так важно, меня зовут Дирк Питт. Ради бога, «Геттисберг», отклоняйтесь от курса. Повторяю, отклоняйтесь от курса. Вы заходите на посадку на Кубе.
– Тоже мне новость, – сказал Юргенс. – Я могу продержать эту пташку в небе еще лишь пару минут, потом нам придется совершить посадку на ближайшей посадочной полосе. У нас нет выбора.
Питт ответил не сразу. Он закрыл глаза и задумался. Внезапно у него в голове что-то щелкнуло.
– «Геттисберг», вы сможете добраться до Майами?
– Никак нет. Прием.
– Попытайтесь изменить курс на военно-морскую авиабазу в Ки-Уэст. Она расположена на вершине Флорида-Кис.
– Вас поняли. Наши компьютеры показывают, что это в ста десяти милях к северу и немного к востоку от нас. Сомневаюсь, что нам удастся добраться туда. Прием.
– Лучше расшибиться о воду, чем попасть в руки русским.
– Вам легко говорить. У нас на борту больше десятка людей. Прием.
Питт несколько секунд боролся со своей совестью, решая, стоит ли брать на себя такую ответственность, но затем требовательно сказал:
– «Геттисберг», вы должны попытаться! Меняйте курс на Флорида-Кис.
Он не знал, что Юргенс уже решился не упускать единственную возможность приземлиться не на Кубе.
– Почему бы и нет? Нам нечего терять, кроме наших жизней и челночного корабля ценой в миллиард долларов. Пожелайте нам удачи.
– Когда мы прервемся, вы сможете восстановить связь с Хьюстоном, – сказал Питт. – Удачи, «Геттисберг». Желаю вам благополучно добраться домой. Конец связи.
Мужчина опустошенно повалился в кресло. В разрушенном зале стояла странная тишина, которую лишь подчеркивали негромкие стоны раненых. Он поднял глаза на Кинтану и чуть улыбнулся. Теперь миссия выполнена, подумал Питт, можно забрать друзей и вернуться домой. И вдруг он вспомнил о Ла Дораде.

Тихо скользящий по ночному небу «Геттисберг» был отличной целью. Хотя выключенные двигатели уже и не выпускали огонь через выхлопные трубы, навигационные огни освещали шаттл от носа до самого хвоста. Он находился всего в четверти мили впереди и немного ниже истребителя Холлимана. Было ясно, что теперь ничто не спасет челнок и его экипаж от погибели. Всего несколько секунд отделяли шаттл от огненной смерти.
Майор нажал несколько рычагов, готовясь к атаке. На дисплее данных на передней панели и лобовом стекле высветилась информация о скорости истребителя, навигационные параметры, а также состояние ракетных систем и огневых сигналов. Бортовой компьютер отслеживал

космический челнок. Холлиману оставалось лишь нажать на кнопку, чтобы пустить в него ракету.
– Центр управления Колорадо, я приблизился к цели.
– Лис-лидер, вас поняли. До приземления осталось четыре минуты. Начинайте атаку.
Холлимана терзала нерешительность. Он почувствовал такой прилив отвращения к ужасному поступку, который ему предстояло совершить, что на несколько мгновений не мог заставить себя сдвинуться с места. Он все еще лелеял слабую надежду того, что это было какой-то ужасной ошибкой и «Геттисберг», словно ошибочно приговоренный к смерти каторжник из старого фильма, будет в последнюю минуту спасен президентским указом, откладывающим исполнение приговора.
Выдающаяся карьера Холлимана в ВВС была завершена. Несмотря на то что он выполнял то, что ему было приказано, он навсегда будет заклеймен убийцей, взорвавшим «Геттисберг» и его экипаж прямо в небе. Еще никогда он не испытывал такого страха и гнева одновременно.
Он никак не мог смириться с тем, что на его участь выпало столь тяжелое испытание и судьба выбрала именно его на роль палача. Он тихо проклинал себе под нос политиков, которые выбрали такой путь решения данной проблемы, из-за них он вынужден был идти на это.
– Лис-лидер, повторите. Мы не разобрали ваше сообщение.
– Пустяки, Колорадо. Просто пустяки.
– Что за задержка? – спросил генерал Пост. – Немедленно начинайте атаку.
Холлиман занес палец над кнопкой огня.
– Прости меня, Господи, – прошептал он.
Внезапно цифры на дисплее данных начали меняться. Он бегло посмотрел на них, раздираемый любопытством. Затем перевел взгляд на шаттл. Казалось, что тот начал разворачиваться.
– Колорадо! – прокричал он в микрофон. – Это Лис-лидер. «Геттисберг» отклоняется от посадочного курса. Вы меня слышите? «Геттисберг» накренился влево и поворачивает на север.
– Вожак, мы вас слышим, – ответил Пост с облегчением в голосе. – Наш дисплей тоже показывает, что они меняют курс. Займите позицию и сопровождайте челнок. Тем ребятам понадобится моральная поддержка.
– С удовольствием, – облегченно сказал Холлиман. – С удовольствием.
В диспетчерской космического центра имени Джонсона стояла мертвая тишина. Не зная о страшной драме, разыгравшейся наверху, наземная команда из четырех операторов, растущей толпы ученых НАСА и администраторов погрузилась в мрачные размышления. Их сеть отслеживания вывела на экраны внезапный поворот челнока к северу, но это могло значить как небольшой крен, так и разворот «змейкой» перед заходом на посадку.
Затем абсолютно неожиданно молчание нарушил голос Юргенса:
– Хьюстон, это «Геттисберг». Как слышно? Прием.
Диспетчерская взорвалась бурными аплодисментами и овациями. Мерв Фоли сразу же произнес в микрофон:
– Я вас слышу, «Геттисберг». Добро пожаловать домой.
– Я говорю с настоящим Мервом Фоли?
– Если вы знаете другого такого, то надеюсь, что его поймают быстрее, чем он успеет наделать шороху под моим именем.
– Вы Фоли, все верно.
– Какое ваше положение, Дэйв? Прием.
– Вы разве не отслеживаете нас?
– С тех пор как покинули космическую станцию, все системы работали нормально, кроме связи и управления полетом.
– Тогда вы должны знать, что наша высота – сорок четыре тысячи футов, скорость – тысяча сто. Мы будем пытаться приземлиться на военно-морской авиабазе в Ки-Уэст. Прием.
Мерв напряженно посмотрел на Ирвина Митчелла.
Тот кивнул и легонько похлопал его по плечу:
– Давайте сделаем все возможное, чтобы помочь ребятам добраться домой.
– Они находятся в целых четырехстах милях от курсового диапазона, – уныло сказал Фоли. – Наше космическое судно весом сто тонн несется вниз со скоростью спуска десять тысяч футов в минуту на глиссаде, причем его крен в семь раз круче, чем у обычного самолета. Нам никогда не удастся этого сделать.

– Никогда не говори «никогда», – ответил Митчелл. – Теперь передайте им, что мы поддержим их. И постарайтесь говорить ободряюще.
– Ободряюще? – Фоли несколько секунд собирался с мыслями, затем нажал на кнопку передатчика: – Хорошо, Дэйв, мы уже работаем над тем, чтобы помочь вам добраться до Ки-Уэст. Вы идете на УЭЗП? Прием.
– Так точно. Мы делаем все возможное, чтобы сохранить высоту. Наша обычная схема захода на посадку должна быть удалена, чтобы увеличить пределы досягаемости. Прием.
– Вас понял. Мы поднимаем все воздушные и морские спасательные подразделения в районе.
– Предупредить флот о том, что мы заглянем на завтрак, может быть неплохой идеей.
– Так и сделаем, – сказал Фоли. – Будьте на связи.
Он обновил данные отслеживания на экране дисплея. «Геттисберг» опустился на тридцать девять тысяч пятьсот футов, а до конечной цели все еще оставалось восемьдесят миль.
Подошел директор службы управления полетов и уставился на параметры траектории полета на гигантском настенном экране. Он поправил наушники и связался с Юргенсом:
– Дэйв, это Ирвин Митчелл. Возвращайтесь на режим автопилота. Слышите меня? Прием.
– Я слышу, Ирв, но мне это не нравится.
– На данном этапе полета компьютеры справятся лучше. Вы можете перейти на ручное управление в десяти милях от точки приземления.
– Ладно, конец связи.
Фоли выжидающе посмотрел на Митчелла.
– Какие у них шансы? – спросил он.
Тот глубоко вздохнул:
– Хрупкие, как стекло.
– Думаешь, у них получится?
– Если ветер не начнет усиливаться, то остается призрачная надежда. Но если он начнет толкать их сбоку хотя бы со скоростью пять узлов, они точно сыграют в ящик.
В кабине пилотов «Геттисберга» не чувствовался страх. На него просто не было времени. Юргенс внимательно следил за траекторией снижения на экране дисплея. Он размял пальцы, словно пианист перед концертом, с нетерпением выжидая того момента, когда нужно будет перейти на ручное управление для последних посадочных маневров.
– Нас сопровождают, – сказал Буркхарт.
Впервые Юргенс оторвал взгляд от экрана и выглянул в окно. В двухстах ярдах рядом с ними летел истребитель «F-15». Он заметил, что пилот истребителя включил навигационные огни и покачал крыльями. Два других самолета, летящих следом, последовали его примеру. Юргенс отрегулировал рацию на диапазон частот военного назначения.
– Откуда вы взялись, ребята?
– Просто шатались по району в поисках девочек и вдруг заметили ваш летательный аппарат, – ответил Холлиман. – Мы можем вам чем-нибудь помочь? Прием.
– Буксировочный трос у вас есть? Прием.
– Мы его прошляпили.
– Ладно, спасибо за поддержку, конец связи.
Юргенс почувствовал облегчение. Если им не удастся долететь до Ки-Уэст и они рухнут в море, то по крайней мере рядом будут истребители, которые передадут спасателям их координаты. Пилот снова сосредоточился на показателях приборов навигации, нехотя задаваясь вопросом, почему Хьюстон до сих пор не связал их с военно-морской авиабазой в Ки-Уэст.

– Как, черт возьми, Ки-Уэст может быть обесточен? – прокричал Митчелл в лицо побледневшему инженеру с телефоном в руке. Не дожидаясь ответа, он схватил трубку: – С кем я разговариваю?
– Коммандер-лейтенант Редферн.
– Вы в полной мере осознаете всю серьезность ситуации?
– Я все понимаю, сэр, но мы ничего не сможем сделать. Сегодня вечером бензовоз снес столб линии электропередачи и обесточил весь участок.
– У вас же есть аварийные генераторы.

– Дизельные генераторы работали нормально только первые шесть часов, затем случилась какая-то механическая поломка. Сейчас идет работа над ее устранением, генератор снова заработает в течение часа.
– Слишком поздно, – отрезал Митчелл. – «Геттисберг» будет на месте через две минуты. Как вы сможете посадить их?
– Мы не сможем, – ответил коммандер. – Все наше оборудование обесточено.
– Тогда расставьте на взлетно-посадочной полосе машины, грузовики и все, что может освещать путь.
– Мы сделаем все возможное, сэр, но четырех человек, которые дежурят на аэродроме в это время суток, будет недостаточно. Мне очень жаль.
– Вы не единственный, кому жаль, – проворчал Митчелл и бросил трубку.

– По идее, мы уже должны видеть взлетно-посадочную полосу, – тревожно сказал Буркхарт. – Но я вижу только огни Ки-Уэст и никаких признаков авиабазы.
Впервые на лбу Юргенса выступили капли пота.
– Вдвойне странно, что с нами до сих пор не связался никто из их диспетчерской.
В это же мгновение послышался напряженный голос директора службы управления полетов:
– «Геттисберг», станция Ки-Уэст обесточена. Они постараются осветить взлетно-посадочную полосу фарами машин. Мы запрограммировали ваш заход на посадку с востока в западном направлении. Длина взлетно-посадочной полосы – семь тысяч футов. Если вы промахнетесь, то загремите прямиком в рай. Как слышите? Прием.
– Вас понял, центр. Мы слышим.
– Вы на высоте одиннадцать тысяч триста футов, Дэйв. Скорость – четыреста десять. До приземления одна минута десять секунд и шесть миль. Переходите на ручное управление. Прием.
– Вас понял, перехожу на ручное управление.
– Вы видите полосу?
– Пока что нет.

– Простите, что прерываем, «Геттисберг», – заговорил Холлиман, настроившийся на частоту НАСА. – Но я думаю, что мы с парнями можем сыграть роль олененка Рудольфа [18] для ваших саней. Мы пойдем вперед, чтобы осветить путь. Прием.

– Большое спасибо, дружище, – благодарно сказал Юргенс.
Истребители «F-15», ускорившись, обошли шаттл и направились к Ки-Уэст. Они выстроились в линию и включили посадочные огни. Сперва яркий свет упал на воду, затем фонари осветили соляной бассейн, после чего показалась взлетно-посадочная полоса авиабазы.
Лицо Юргенса было напряжено и сосредоточено. Челнок заходил на посадку, как и планировалось, но ему еще никогда не приходилось так парить в воздухе, словно на бумажном самолете. Буркхарт зачитывал скорость и высоту, поэтому его товарищ сосредоточился на управлении полетом.
– «Геттисберг», вы идете на триста футов ниже минимума, – произнес Фоли.

– Если я поднимусь хотя бы на дюйм, это вызовет помпаж [19].

Взлетно-посадочная полоса приближалась так медленно, словно находилась на расстоянии целой вечности. Челноку оставалось пройти всего четыре мили, но казалось, что целых сто. Юргенс верил в то, что сможет посадить шаттл. Он должен был посадить его. Каждой клеткой мозга мужчина думал лишь об управлении полетом.
– Скорость – триста двадцать, высота – тысяча шестьсот, три мили до посадочной полосы, – осипшим голосом произнес Буркхарт.

Теперь пилот различал внизу свет от фонарей и спасательного оборудования. Посадочные огни истребителей, летящих над ним, освещали бетонную дорогу длиной в полторы мили и двести футов в ширину.
Челнок стремительно уменьшал угол посадки. Юргенс выравнивал корабль так резко, насколько хватало смелости. Посадочные огни мерцали на береговой линии всего в девяноста футах внизу. Дождавшись последней секунды, он нажал на переключатель и выпустил шасси. Обычная процедура посадки требовала, чтобы колеса коснулись полосы не позже чем за две тысячи семьсот шестьдесят футов до ее конца, но Юргенс затаил дыхание, молясь, чтобы им вообще удалось попасть на нее.
Слепящий свет посадочных огней озарил морской песок, через секунду оставив его в темноте позади. Схватившись за сиденье, Буркхарт бубнил отсчет себе под нос:
– Скорость – двести пять. Основное шасси коснется земли через пять футов… три фута… два фута… один, есть контакт.
Четыре огромные шины основного шасси ударили по твердой поверхности, выпустив за собой клуб дыма от внезапного трения. Если бы пилот сверился с последними измерениями, то увидел бы, что челнок опустился вниз всего в сорока семи футах от начала полосы. Юргенс осторожно опустил нос корабля, чтобы колесо передней опоры шасси соприкоснулось с бетонной поверхностью полосы, а затем плавно нажал на обе педали тормоза. Челнок покатился по полосе, сбрасывая скорость, и остановился, когда впереди оставалось еще добрых тысяча футов.
– Получилось! – прокричал в радиоканале Холлиман.
– «Геттисберг» докладывает центру управления в Хьюстоне, – глубоко вздохнув, произнес Юргенс. – Колеса остановлены.
– Блестяще! Потрясающе! – прокричал Фоли.
– Поздравляем, Дэйв, – добавил Митчелл. – Никто другой не сделал бы это лучше вас.
Буркхарт повернулся к Юргенсу и, не говоря ни слова, поднял вверх большой палец.
В крови пилота все еще бурлил адреналин, подогревая радость победы при таких призрачных шансах на успех. Немного погодя мужчина устало задумался над тем, кто же такой Дирк Питт. Затем нажал на рычаг селектора внутренней связи:
– Мистер Штейнмец.
– Да, командир?
– Добро пожаловать на Землю. Мы дома.

Вернувшись в кабинет Великова, Питт окинул комнату быстрым взглядом. Его друзья, опустившись на колени, окружили Рэймонда Лебарона, растянувшегося на полу. Джесси сжимала его руку и что-то бормотала. Ганн увидел вошедшего и покачал головой.
– Что случилось? – непонимающе спросил Дирк.
– Он вскочил на ноги, пытаясь помочь тебе, и в него попала пуля, которая оцарапала тебе ухо, – ответил Джордино.
Перед тем как опуститься на колени, Питт несколько мгновений смотрел на лежащего смертельно раненного миллионера. В верхней части живота на одежде расплылось темное пятно малинового цвета. В глазах Рэймонда, устремленных на лицо жены, еще горела жизнь, но дыхание стало быстрым и отрывистым. Раненый попытался приподнять голову и что-то сказать ей, но сил не хватило, и он опустился назад.
Питт медленно встал на колено рядом с Джесси. Она повернулась к нему, по ее бледным щекам скатывались слезы. Он молча глянул в ответ. Дирк не знал, что сказать, его мозг отказывался подбирать слова.
– Рэймонд пытался спасти тебя, – хрипло сказала она. – Я знала, что они бы никогда не убили его. Знала, что в конце концов он вернется.
Лебарон прокашлялся странным скрежещущим кашлем. Он смотрел на Джесси, его глаза потускнели, лицо побледнело так, что на нем не осталось ни кровинки.
– Позаботься о Хильде, – прошептал он. – Я завещаю тебе все.
Прежде чем издатель успел что-то добавить, комната содрогнулась от взрывов внизу. Отряд Кинтаны начал разрушать электронное оборудование базы. Нужно было уходить и оставить Рэймонда Лебарона здесь.

Глядя на человека, умирающего перед ним на ковре, Питт думал о газетных историях и журнальных статьях, создавших ему образ решительного, влиятельного бизнесмена, который мог изменять судьбы не только руководителей гигантских корпораций, но и самых видных политиков Белого дома. Они создали миллионеру имидж эксперта по манипуляции финансовыми рынками всего мира; мстительного и хладнокровного человека, обанкротившего множество предприятий, лишившего тысячи их сотрудников средств к существованию. Питт читал об этом, но теперь видел перед собой всего лишь умирающего старика, пример человеческой слабости. Издатель соблазнил жену лучшего друга, а затем убил его, не пожелав делить сокровища. Питт не мог чувствовать жалость к такому человеку, не мог сопереживать ему.
Тонкая нить, отделяющая Лебарона от смерти, вот-вот должна была разорваться. Дирк наклонился к уху старого предпринимателя и прошептал:
– Ла Дорада. Что вы с ней сделали?
Лебарон поднял голову. Его глаза на мгновение блеснули, а помутневший разум в последний раз окунулся в прошлое. Он собрал последние силы для ответа, но голос прозвучал очень тихо – произнеся эти несколько слов, он умер.
– Что он сказал? – спросил Джордино.
– Я не совсем уверен, – ответил растерявшийся Питт. – Кажется, что надо искать на месте подмены.
Кубинцам, живущим недалеко от залива на основном острове, звук от взрывов показался раскатами далекого грома, поэтому никто не обратил на них внимания. Ни внезапно окрасившийся в красно-оранжевые цвета горизонт, ни столб пламени, уходящий в черное небо на сотни футов, не показались им чем-то необычным. Взрывы раздавались изнутри базы, поэтому наружу доносились лишь странные приглушенные звуки. Даже последующее разрушение огромной антенны осталось незамеченным.
Дирк помогал Джесси пробираться на пляж, следом шли Джордино и кубинцы, несущие Ганна на носилках. Кинтана догнал их и, позабыв об осторожности, посветил тонким, как карандаш, фонариком в лицо Питту.
– Вам бы ухо перевязать.
– Протяну как-нибудь, пока не доберемся до ПТСН.
– Мне пришлось оставить двоих солдат, они похоронены там, где теперь их уже никто не найдет. Но все равно нас сейчас больше, чем когда мы заходили туда. Некоторым из вас придется взять один «Дэшер» на двоих. Дирк, вы повезете госпожу Лебарон, мистера Ганна могу взять я. Сержант Лопес возьмет…
– Сержант поплывет один, – перебил Питт.
– Один?
– Мы тоже оставили там человека, – сказал Питт.
Кинтана торопливо осветил фонариком остальных.
– Рэймонда Лебарона?
– Он уже не придет.
Кинтана быстро пожал плечами, склонил голову перед вдовой и просто сказал:
– Сожалею.
Затем повернулся и начал отдавать солдатам распоряжения о возвращении на подводную лодку.
Питт покрепче прижал Джесси к себе и мягко сказал:
– Он просил тебя позаботиться о его первой жене Хильде. Она еще жива.
В темноте он не мог заметить удивления на ее лице, но почувствовал, как она напряглась.
– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросила она.
– Я встречался и разговаривал с ней несколько дней назад.
Казалось, ее устроил такой ответ, она даже не стала спрашивать, каким образом его занесло в дом престарелых.
– Мы с Рэймондом поженились, но лишь играли роли мужа и жены, ведь он никогда не забывал о Хильде и никогда не разводился с ней.
– Человек, любивший двух женщин…
– Но по-разному, каждую по-своему. Будучи ярым тигром в бизнесе и смиренным ягненком дома, Рэймонд совсем потерял голову, когда разум и тело Хильды начали разрушаться. Ему позарез нужна была женщина, на которую он мог бы опереться. Он воспользовался своим

влиянием, чтобы сфальсифицировать ее смерть и поселить в доме престарелых под фамилией бывшего мужа.
– И тогда наступил твой черед выйти на первый план. Ему не нравилось быть таким бесчувственным, но вряд ли он жалел об этом.
– Я уже стала частью его жизни, – не обижаясь, сказала она. – Я была одним из старших редакторов «Проспертира». Мы с Рэймондом любили друг друга много лет. Нам было хорошо вместе. Брачное предложение являлось в какой-то мере и бизнес-идеей; сперва он хотел сымитировать женитьбу, чтобы прикрыть тылы, но вскоре оно переросло в гораздо большее. Ты бы поверил этому?
– Не думаю, что вправе судить вас, – спокойно ответил Питт.
Кинтана вышел из тени и тронул его за плечо:
– Мы выдвигаемся. Я возьму радиоприемник и поплыву впереди.
Затем повернулся к Джесси и мягко сказал:
– Через час вы будете в безопасности. Как вы себя чувствуете, сможете еще немного продержаться?
– Все будет хорошо. Спасибо за беспокойство.
Солдаты уже протащили «Дэшеры» через пляж и спустили на воду. По команде Кинтаны все забрались в них и отчалили вдаль по черной воде. Теперь Питт шел последним, а майор возглавлял колонну, направляющуюся к ПТСН по указаниям полковника Клейста.
Остров мертвецов остался у них за спиной. Громадная база превратилась в большую кучу разломанных бетонных плит, провалившихся вовнутрь. Глубоко внизу, под выгоревшим коралловым песком, словно в потухшем жерле вулкана, тлели груды остатков электронного оборудования и изысканной мебели. Вдали валялись тысячи искореженных обломков гигантской антенны, не подлежащей восстановлению. Уже через несколько часов сотни советских солдат, возглавляемых агентами ГРУ, обыскали руины и территорию рядом в поисках следа врага, который устроил все эти разрушения. Но те куски тел и лоскуты одежды, что им удалось найти, указывали уж никак не на коварное ЦРУ, а скорее на хитрого Фиделя Кастро.
Питт не сводил глаз с тусклого синего фонаря идущего перед ним «Дэшера». Им пришлось плыть против течения, поэтому крошечное судно постоянно скатывалось в ложбины между волнами и раскачивалось на гребнях, словно на американских горках. Дополнительный вес Джесси замедлял передвижение их судна, поэтому Питт постоянно держал ногу на педали газа, чтобы не отстать.
Проплыв около мили, мужчина почувствовал, что Джесси убрала одну руку с его талии.
– Ты в порядке? – спросил он.
Вместо ответа он ощутил холодный ствол пистолета, уткнувшийся в грудь. Дирк медленно опустил голову и посмотрел вниз. Действительно, ее рука крепко прижимала к его грудной клетке черный девятимиллиметровый пистолет Макарова.
– Могу ли я спросить, что у тебя на уме? – искренне удивившись, произнес он.
– План поменялся, – ответила она низким и напряженным голосом. – Наша работа выполнена только наполовину.

Клейст расхаживал по палубе ПТСН, пока отряд штурмовиков Кинтаны поднимался на борт, затаскивал «Дэшеры» в большой люк и спешно спускал их вниз, в грузовой отсек. Кинтана кружил возле корабля, выжидая, пока никого не останется на воде. Только тогда он поднялся на нижнюю палубу.
– Как все прошло? – тревожно спросил Клейст.
– Как говорят на Бродвее, по канонам лучших боевиков. База полностью разрушена. Можете передать Лэнгли, что ГРУ теперь вне игры.
– Отличная работа, – сказал полковник. – Вас ждет солидное вознаграждение и длительный отпуск, любезно предоставленный Мартином Броганом.
– Питт заслуживает самой большой доли вознаграждения. Он провел нас прямо к их ядру, причем русские до последнего не знали о нас. Кроме того, именно он связался с шаттлом по радио и предупредил ученых.
– К сожалению, празднования с духовым оркестром для внештатных работников не предусмотрено, – задумавшись, сказал Клейст.

Затем спросил:
– А что с генералом Великовым?
– Мы предполагаем, что он погиб под завалами.
– Какие потери?
– Двое солдат.
Он немного помолчал, потом добавил:
– Еще мы потеряли Рэймонда Лебарона.
– Президент будет не слишком рад такой новости.
– На самом деле тут просто стечение обстоятельств. Он совершил очень смелую, но безрассудную попытку спасти жизнь Питту, за что и получил пулю.
– Значит, старый ублюдок все-таки запомнится остальным как герой. – Клейст шагнул к краю палубы и вгляделся в темноту. – А что с Питтом?
– Отделался мелкими царапинами, ничего серьезного.
– А госпожа Лебарон?
– Дать ей несколько дней отдыха и немного косметики, чтобы скрыть синяки, и она будет выглядеть как новенькая.
Полковник резко обернулся:
– А когда вы их видели в последний раз?
– Когда мы отплывали от берега. Она плыла на «Дэшере» Питта. Я шел на небольшой скорости, чтоб они не отстали.
Майор не видел, как в глазах Клейста отразился испуг и внезапное понимание того, что произошло что-то неладное.
– Питт и госпожа Лебарон не поднимались на борт.
– Не может быть! – тревожно сказал Кинтана. – Я поднимался последним.
– Никого из них не было, – возразил собеседник. – Они все еще где-то там. А Питт не взял с собой радиоприемник на пути обратно, так что мы не сможем указать им путь.
Кинтана ударил себя ладонью по лбу:
– Это моя вина. Я отвечал за них.
– Может, да, а может, нет. Если что-то произошло, например, если бы «Дэшер» Питта сломался, он бы позвал на помощь, и вы бы точно услышали его.
– Может быть, получится обнаружить его на радаре? – с надеждой предположил Кинтана.
Клейст сжал кулаки и ударил ими друг об друга.
– Нужно поторопиться. Опасно задерживаться здесь надолго.
Они поспешно спустились по трапу в кабину управления. Оператор радиолокатора сидел перед черным экраном. Когда два офицера стали по бокам от него, он поднял голову.
– Поднять антенну, – приказал Клейст.
– Но тогда нас может заметить любой радар на побережье Кубы, – возразил оператор.
– Поднять! – резко бросил командир.
Верхняя часть палубы раздвинулась, из нее на самую вершину мачты, выступающую в небо почти на пятьдесят футов, поднялась антенна. В кабине шесть пар глаз неотрывно смотрели на включающийся экран.
– Что мы ищем? – спросил оператор.
– Двух наших людей не хватает, – ответил Кинтана.
– Они слишком малы, чтобы отражаться на экране.
– А если усилить качество отображения на компьютере?
– Можно попробовать.
– Действуйте.
Через полминуты оператор покачал головой:
– В радиусе двух миль никого не видно.
– Увеличьте радиус до пяти.
– По-прежнему ничего.
– Тогда до десяти.
Однако вместо экрана радара оператор пристально уставился на дисплей компьютера.
– Так, я вижу крошечный объект в девяти милях к юго-западу, по курсу на двести двадцать два градуса.
– Скорее всего, они потерялись, – пробормотал Клейст.

Оператор покачал головой:
– Только если они слепые или полные идиоты. Небо ведь кристально чистое. Любой начинающий бойскаут знает, где расположена Полярная звезда.
Мужчины выпрямились и в немом изумлении уставились друг на друга, не понимая, как такое могло случиться. Клейст нашелся первым, чтобы задать неизбежный вопрос.
– Но зачем? – растерянно спросил он. – Зачем они сознательно направляются к Кубе?

«Эми Бигелоу»

6 ноября 1989 года

Северное побережье Кубы

Питт с Джесси уклонились от рыскавшего по прибрежным водам кубинского патрульного катера и были в тысяче ярдов от берега Кубы, когда в аккумуляторе «Дэшера» кончился заряд. Дирк вытащил пробки из спускных отверстий, и они поплыли прочь, не дожидаясь, пока крошечное спортивные судно исчезнет под водой и опустится на морское дно. Армейские берцы плотно облегали голени Питта, и внутрь могло просочиться совсем немного воды, поэтому он не стал их сбрасывать, отлично понимая, что они еще пригодятся на берегу.
Море оставалось теплым и спокойным. Стояло раннее утро, месяц скользнул за горизонт за два часа до того, как взошло солнце. Было уже достаточно светло, поэтому Питт мог легко держать Джесси в поле зрения. Она закашлялась, будто поперхнулась водой, но тут же без усилий восстановила дыхание.
– Умеешь плавать на спине? – спросил он.
– Да. – Женщина фыркнула, затем сплюнула воду и похвасталась: – На школьных соревнованиях я взяла третье место по штату.
– По какому?
– Вайоминг.
– Я не знал, что в Вайоминге есть бассейн.
– Остряк.
– Давай плыть к берегу, пока прилив не закончился.
– Скоро рассвет, – сказала она.
– Вот поэтому нам лучше добраться до берега и найти укрытие.
– А как же акулы?
– Они не завтракают до шести утра, – теряя терпение, сказал Питт. – Все, вперед, хватит разговоров.
Они перевернулись и поплыли на спине, отбрасывая руки назад и отталкиваясь ногами. Прилив подталкивал их к берегу со скоростью приблизительно в одну морскую милю, так что справились они быстро. Джесси оказалась хорошим пловцом. Она делала гребок за гребком, ничуть не отставая от Питта. Он поражался ее выносливости, вспоминая все муки, какие ей пришлось пережить за последние шесть дней, и чувствовал жалость к ней, понимая, насколько она истощена и какую боль сейчас испытывает. Но старался не снижать темп, чтобы скорее добраться до пляжа и найти место, где они будут в безопасности.
Она так и не рассказала ему, почему заставила его свернуть на Кубу, а Дирк не стал спрашивать. Не нужно было быть провидцем, чтобы понимать, что у нее была какая-то цель, выходящая за рамки простого безумия. У вдовы миллионера всегда было множество идей и достаточно упрямства, чтобы воплощать их в жизнь. Он мог бы легко разоружить ее, опрокинув «Дэшер» во время резкого разворота на гребне волны. К тому же мужчина был уверен, что она не спустила бы курок, даже если бы он отказался сворачивать.
Но для Питта такие выходки были обычным делом. Как в той песне: «Если взялся за дело, уж не прекословь, наш мир заставляет вращаться любовь». Вот только влюблен он не был – она

притягивала его, да, но не до такой степени, чтобы совсем потерять голову. Им руководил скорее не страстный порыв, а простое любопытство. Сделав хотя бы один шаг навстречу к неизвестности, он уже не мог устоять перед приключениями. Кроме того, его манили сокровища Ла Дорады. Подсказка Лебарона была слишком скудной, но он знал, что статуя все еще находится где-то на Кубе. Единственным недостатком нового приключения было то, что они легко могли погибнуть.
Питт перестал грести и нырнул, коснувшись дна, которое, как он и рассчитывал, оказалось всего в десяти футах под ними. Всплывая на поверхность, он случайно зацепил ногу Джесси. Она вскрикнула, представляя себе большого хищника с треугольным плавником, незрячими глазами и зубищами, которые напугали бы даже дантиста.
– Тихо! – прохрипел он. – Такой крик любой патруль в округе мили может услышать.
– О боже, это был ты! – испуганно простонала она.
– Тише, – пробормотал он ей почти в ухо. – Вода отлично разносит звуки. Давай немного передохнем и посмотрим, вдруг нас услышали.
Вместо ответа женщина легко коснулась рукой его плеча в знак согласия. Несколько минут они лежали на воде, вглядываясь в темноту. Тусклый лунный свет мягко освещал побережье Кубы, узкую полосу белого песка и мрачные тени вдали. В двух милях справа они видели мерцание фар машин, проезжающих по дороге недалеко от побережья. Яркие огни чуть дальше, милях в пяти, освещали небольшой портовый городок.
Питту не удалось обнаружить никого, кто мог бы заметить их. Он жестом предложил Джесси двигаться дальше и на этот раз поплыл брассом, чтобы глаза привыкли к темноте впереди. Все высоты и очертания, углы и контуры превращались во все более ясные силуэты по мере приближения к ним. Через пятьдесят ярдов он опустил ноги и коснулся песка. Дирк встал, вода была ему по грудь.
– Ты уже можешь подняться, – мягко сказал он.
После недолгой паузы она устало прошептала:
– Слава богу, руки уже словно свинцовые.
– Как только доберемся до отмели, приляжешь и расслабишься. А я в это время разведаю округу.
– Пожалуйста, будь осторожен.
– Не волнуйся, – широко улыбнулся он. – Я теперь в этом мастак. Это уже второй вражеский берег, на который мне пришлось высадиться за сегодня.
– Ты когда-нибудь можешь быть серьезным?
– Могу, когда того требуют обстоятельства. Вот сейчас, например. Дай мне пистолет.
Она замялась.
– Кажется, я его потеряла.
– Думаешь?
– Когда мы прыгнули в воду…
– Ты уронила его.
– Уронила, – невинно повторила она.
– Ты даже не представляешь, какая это радость – работать с тобой, – раздражительно сказал Питт.
Они молча проплыли оставшееся до берега расстояние, пока до дна не осталось всего несколько дюймов. Минуту Дирк неподвижно лежал на песке, затем резко, не говоря ни слова, вскочил на ноги, побежал по песку и исчез в тени.
Джесси изо всех сил старалась не уснуть. Тело онемело от усталости, и она обрадовалась, что вместе с этим исчезла и боль от ушибов, нанесенных ей кулаками Фосса Глая. Расслабляющие шлепки волн по почти не одетому телу убаюкивали, словно снотворное.
А потом она застыла, впившись пальцами в мокрый песок, сердце едва не выпрыгивало из груди.
Один из кустов на пляже в десяти, может, в двенадцати ярдах раздвинулся, от темноты отделился темный силуэт и подошел прямо к воде.
И это был не Питт.
Бледный свет луны озарил человека в военной форме и с винтовкой. Она лежала, словно парализованная, полностью осознавая свою беспомощность. Прижавшись к песку, женщина скользнула назад на дюйм вдаль от берега.

Когда темноту вдруг пронзил луч фонарика и начал скользить по воде, Джесси сжалась в безнадежной попытке сделаться меньше. Кубинский часовой водил фонариком из стороны в сторону, пристально рассматривая землю и подходя все ближе к ней. Дама робко осознала, что он идет по следам, оставшимся на песке. Она почувствовала бессильную злость на Питта за то, что бросил ее одну и оставил после себя следы, ведущие прямо к ней.
Кубинец уже был в десяти ярдах и увидел бы ее спину, если бы развернулся к ней. Но он не сводил луч фонаря со следов Питта, оставленных им после рывка по пляжу. Часовой отошел вправо и присел, направив фонарик на прибрежные кусты. Затем неожиданно повернулся налево, и фонарь осветил Джесси с головы до ног. Резкий свет ослепил ее.
На секунду кубинец остолбенел, затем свободной рукой схватил ствол автомата, перевешенного через плечо, и навел его прямо на Джесси. Она была слишком перепугана, чтобы что-то сказать, поэтому просто закрыла глаза, будто это должно было укрыть ее от ужаса и пуль.
Затем раздался глухой стук, сопровождаемый судорожным стоном. Выстрела не последовало. Наступила тишина, и она почувствовала, что фонарь больше не светит на нее. Джесси открыла глаза и смутно увидела пару ног, стоящих в воде по щиколотку. Подняв голову, женщина увидела за ними неподвижное тело кубинского часового, растянувшееся на песке.
Питт наклонился и нежно поднял спутницу на ноги. Он пригладил ее мокрые волосы и сказал:
– Кажется, стоит мне отвернуться, как ты тут же попадаешь в неприятности.
– Я уже подумала, что мне конец, – сказала она, как только сердце перестало бешено колотиться в груди.
– Это, наверное, далеко не первый раз, когда ты так думала, с тех пор как мы покинули Ки-Уэст.
– Нужно время, чтобы привыкнуть к страху смерти.
Питт поднял фонарик кубинца, прикрыл ладонью и принялся стаскивать с парня военную форму.
– Нам повезло, что негодяй оказался невысоким, примерно твоего роста. Его сапоги будут тебе великоваты, но уж лучше велики, чем малы.
– Он мертв?
– Нет, у него на черепе останется разве что небольшая трещина от камня. Через несколько часов придет в себя.
Когда Питт бросил ей форму кубинца, она сморщила нос:
– По-моему, он давно не купался.
– Простирни в море и надевай, – бодро сказал он. – И побыстрее. Сейчас не время строить из себя богачку-модницу. Часовой на следующем посту может насторожиться, почему этот не возвращается. Тогда подмога вместе с сержантом охраны не заставит себя ждать.
Пять минут спустя Джесси была в мокрой форме кубинского солдата патрульной охраны. Питт был прав, сапоги оказались на два размера больше, чем нужно. Она подобрала влажные волосы и аккуратно спрятала под фуражку. Когда Дирк вышел из-за деревьев и кустов с винтовкой кубинца и пальмовой ветвью в руках, она повернулась к нему.
– А что ты с ним сделал? – спросила она.
– Спрятал в кустах, – коротко сказал Питт. Он указал рукой на далекий луч света в четверти мили вниз по пляжу: – Смотри, уже идут. У нас нет времени. Нужно убираться.
Он небрежно подтолкнул ее к деревьям и пошел следом, заметая за собой следы пальмовой ветвью. Примерно через семьдесят ярдов он отшвырнул ветвь, и они поспешили в глубь дебрей, чтобы до рассвета уйти как можно дальше от пляжа.
Когда небо на востоке начало окрашиваться в оранжевый, они успели пройти пять миль. В темноте впереди показалось поле сахарного тростника, и они двинулись в обход, пока не наткнулись на асфальтированную двухполосную дорогу. С обеих сторон не было заметно фар машин. Они пошли дальше, не отходя друг от друга и прыгая в кусты всякий раз, когда показывалась проезжающая машина или грузовик. Питт заметил, что Джесси стала оступаться все чаще, ее дыхание начало сбиваться. Он остановился, накрыл фонарик платком и посветил даме в лицо. Не нужно было быть спортивным врачом, чтобы понять, что она выдохлась. Он приобнял спутницу за талию и помог дойти до крутого склона небольшого оврага.
– Восстанови дыхание, я сейчас вернусь.
Дирк спустился вниз по склону к пересохшему руслу маленького ручья, который вился вокруг небольшого холма, усеянного крупными камнями и поросшего мелкими соснами. Русло

проходило под автострадой по бетонной трубе трех футов в диаметре, а по другую сторону раскинулось огороженное пастбище. Питт вскарабкался обратно к дороге, молча взял Джесси за руку и, скользя и спотыкаясь, повел к высохшему ручью на дне оврага. Он посветил фонариком в водосточную трубу.
– Единственная свободная комната в городе, – как можно торжественнее сказал он.
Хоть это был и не пентхаус, но закругленное дно трубы было устлано целыми двумя дюймами песка, и места безопаснее было не сыскать. Если кубинские часовые все же напали на их след и вышли по нему на шоссе, они бы подумали, что высадившихся на берег людей забрала заранее подготовленная машина.
Каким-то образом им удалось удобно расположиться в тесной и темной трубе. Питт положил винтовку с фонариком недалеко от себя и наконец расслабился.
– Ладно, дамочка, – эхом раздался его голос. – Думаю, настало время объяснить мне, какого черта мы здесь делаем.
Но Джесси не ответила.
Забыв о мокрой неудобной форме, натруженных ногах и ноющих суставах, она свернулась клубком и крепко уснула.
– Мертвы? Они все мертвы? – свирепо переспросил президент СССР. – Вся база разрушена и в живых никого не осталось? Вообще?
Полевой понуро кивнул.
– Капитан подводной лодки, который обнаружил взрыв, и полковник силовых спецслужб, направленных на остров для расследования, не обнаружили ни одного живого человека. Они нашли тело моего главного заместителя, Льва Майского, но тело генерала Великова все еще не найдено.
– Пропали какие-нибудь секретные данные или документы?
Полевой не собирался класть голову на плаху и брать на себя ответственность за провал советской разведки. И так он уже был на волосок от того, чтобы потерять свою высокую должность, после чего он быстро превратился бы в позабытого всеми чиновника, отвечающего за работу каких-нибудь исправительно-трудовых лагерей.
– Перед смертельной схваткой штаб генерала уничтожил все секретные документы.
Антонов поверил его лжи.
– ЦРУ, – задумчиво вздохнул он. – Эта грязная провокация – дело их рук.
– Не думаю, что в этот раз получится обвинить во всем ЦРУ. Предварительные результаты указывают на то, что эту операцию провернули кубинцы.
– Невозможно, – отрезал Антонов. – Наши друзья из окружения Кастро заранее предупредили бы нас о любой готовящейся атаке на остров. Кроме того, такие дерзкие и отлично проработанные операции столь большого масштаба неподвластны уму латиноамериканцев.
– Возможно, но даже самые опытные разведчики сомневаются, что в ЦРУ могли прослышать о нашем радиоцентре на Кайо-Санта-Мария. Мы не заметили ни малейших признаков того, что они что-то подозревали. ЦРУ хорошо, но его люди не боги. Они не успели бы спланировать операцию, подготовиться и провести рейд всего через несколько часов после того, как челнок покинул космическую станцию, а затем внезапно свернул на Кубу по нашему запрограммированному курсу.
– Значит, мы потеряли и челнок?
– По данным космического центра имени Джонсона, он благополучно приземлился на Ки-Уэст.
– С американскими колонистами, – недовольно добавил глава государства.
– Да, они тоже были на борту.
Будучи слишком взбешенным, чтобы что-то сказать, несколько секунд Антонов просидел молча, закусив губу и немигающим взглядом уставившись в никуда.
– Как им это удалось? – наконец прорычал он. – Как они смогли в последнюю минуту вернуть свой драгоценный челнок?
– Дуракам везет, – ответил Полевой, снова придерживаясь коммунистической догмы перекладывать вину на кого-нибудь другого. – Хитрец Кастро спас их задницы.
Глаза Антонова вдруг впились в Полевого:
– Вы же так часто хвалились мне, товарищ директор, что братья Кастро даже в туалет сходить не могут без того, чтобы КГБ не узнал, сколько туалетной бумаги они использовали. А теперь

скажите, как же так получилось, что им удалось вступить в сговор с президентом Соединенных Штатов, а ваши агенты разведки об этом ничего не знали.
Полевой невольно вырыл яму сам себе и теперь, чтобы как-то выбраться из нее, попытался ловко сменить тему разговора:
– Операция «Ром и кола» все еще продолжается. Быть может, мы просчитались с челноком и упустили из рук богатый источник научных данных, но это приемлемые потери, если нам удастся установить тотальный контроль над Кубой.
Антонов посчитал слова Полевого справедливыми и проглотил наживку.
– Сомневаюсь. Без Великова, который должен был руководить операцией, наши шансы уменьшаются ровно вдвое.
– Генерал больше не играет столь важной роли в операции «Ром и кола». План выполнен на девяносто процентов. Корабли войдут в порт Гаваны завтра вечером, а речь Кастро запланирована только на следующее утро. Великов создал потрясающий задел для успеха. Слухи о новом плане ЦРУ убить Кастро уже разошлись по всему Новому Свету, и мы уже подготовили достаточно доказательств, чтобы уличить в убийстве американцев. Осталось всего лишь нажать на кнопку.
– Вы предупредили наших людей в Гаване и Сантьяго?
– Они готовы взять власть в свои руки и сформировать новое правительство, как только убийство состоится.
– И кто будет их следующим правителем?
– Алисия Кордеро.
У Антонова отвисла челюсть.
– Женщина? Вы серьезно? Вы назначили женщину управлять Кубой после смерти Фиделя Кастро?
– Это идеальный выбор, – твердо сказал Полевой. – Алисия является секретарем Центрального комитета и секретарем Государственного совета. И что самое важное – она близкая доверенная Кастро, кубинцы боготворят ее за успешные экономические программы ее семьи, а также за то, что она прекрасный оратор. У нее есть те же шарм и обаяние, что и у Фиделя. Верность дамы Советскому Союзу не вызывает сомнений, нового правителя полностью поддержит кубинская армия.
– Которая работает на нас.
– Принадлежит нам, – поправил Полевой.
– Значит, мы все еще в игре.
– Да, товарищ президент.
– А что потом? – спросил Антонов.
– Никарагуа, Перу, Чили. И, конечно же, Аргентина, – сказал Полевой, входя во вкус. – Только теперь без революций и кровавой партизанщины. Мы внедрим своих людей в их правительства и будем плести интриги изнутри, стараясь не привлекать внимания США. А когда они проснутся, будет слишком поздно. Южная и Центральная Америка уже окажется под крылом Советского Союза.
– А как же партия? – неодобрительным тоном сказал Антонов. – Полевой, вы что, забыли корни нашего коммунистического наследия?
– Партия – основа, на ней все создается. Мы не можем и дальше сковывать себя устаревшей марксистской философией, доказавшей свою несостоятельность за прошедшие сто лет. До начала двадцать первого века осталось одно десятилетие. Наступили дни трезвого реализма. Повторю ваши слова, товарищ президент: «Я предвижу эпоху нового социализма, которая сотрет ненавистный бич капитализма с лица Земли». Куба – первый шаг к нашей мечте о создании нового мирового сообщества, и во главе его будет стоять Кремль.
– А Фидель Кастро – единственная преграда.
– Да, – зловеще улыбнулся Полевой. – Но только на последние сорок восемь часов.

Президентский самолет поднялся со взлетной полосы авиабазы военно-воздушных сил «Эндрюс» и повернул на юг над знаменитыми холмами Вирджинии. Утреннее небо было голубым и чистым, если не считать нескольких разрозненных грозовых туч вдали. Полковник ВВС, управлявший «Боингом» во время правления трех предыдущих президентов, взял высоту

тридцать четыре тысячи футов над землей и объявил в микрофон время прибытия на мыс Канаверал.
– Завтрак, джентльмены? – предложил президент, кивая на небольшой обеденный отсек, недавно организованный в самолете. Над небольшим столиком по совету его жены повесили декоративный светильник «Тиффани», чтобы сделать обстановку более неофициальной. – Если кто-то желает отпраздновать успех, на камбузе есть шампанское.
– Я бы не отказался от чашки горячего черного кофе, – сказал Мартин Броган.
Он присел и, прежде чем задвинуть чемодан под столик, вынул из него папку.
Дэн Фосетт занял стул рядом с Броганом, Дуглас Оутс уже сидел напротив них возле президента. Сержант ВВС в белом мундире подал на стол любимый напиток президента – сок гуавы и кофе. Все сделали заказы и расслабились, ожидая, когда глава государства начнет разговор.
– Ну что же, – улыбнулся он. – Мы должны кое-что закончить до того, как приземлимся на мысе и поздравим остальных. Итак, давайте начнем. Дэн, введите нас в курс дела о состоянии «Геттисберга» и лунных колонистов.
– Я все утро разговаривал по телефону с сотрудниками НАСА, – с волнением в голосе произнес Фосетт. – Нам известно, что Дэйву Юргенсу небывалым чудом все же удалось посадить космический челнок в Ки-Уэст. Он проявил феноменальные навыки пилотирования. Морская авиабаза закрыта для автомобильного движения и всех воздушных рейсов. Ворота и заграждение находятся под усиленной охраной солдат морской пехоты. Президент приказал временно запретить журналистам освещать произошедшее, пока мы не объявим о существовании нашей новой лунной базы.
– Но журналисты поднимут шумиху сильнее, чем раненые стервятники, требуя, чтобы им объяснили, почему шаттл совершил незапланированную посадку так далеко от курса, – сказал Оутс.
– Само собой разумеется.
– Когда вы планируете сделать объявление о лунной базе? – спросил Броган.
– Через два дня, – ответил президент. – Нужно время, чтобы разобраться, какие могут быть последствия, и опросить Штейнмеца и его людей, прежде чем проинформировать СМИ.
– Если мы будем медлить дольше, – добавил Фосетт, – то кто-нибудь из корреспондентов Белого дома непременно узнает о нашем секрете.
– Где сейчас находятся лунные колонисты?
– Проходят медицинское обследование в медблоке космического центра Кеннеди, – ответил Фосетт. – Их доставили туда из Ки-Уэст вместе с экипажем Юргенса после того, как «Геттисберг» приземлился.
Броган посмотрел на Оутса:
– Что слышно из Кремля?
– Советы все еще молчат.
– Будет интересно посмотреть, как они отреагируют на то, ради чего послали своих сограждан на смерть.
– Антонов – старый хитрый медведь, – сказал президент. – Он не станет вступать с нами в пропагандистскую войну, обвиняя нас в убийстве русских космонавтов. Скорее всего, он вступит с нами в секретные переговоры и станет требовать поделиться добытыми научными данными в качестве компенсации.
– И вы собираетесь поделиться?
– Президент обязан сделать это по правилам дипломатии, – сказал Оутс.
Броган, как и Фосетт, выглядел потрясенным.
– Но данный вопрос даже не касается политики, – тихо сказал Броган. – Ни в одних правилах не написано, что мы должны раскрывать жизненно важные секреты нашей национальной обороны.
– Теперь роль плохих ребят играем мы, а не русские, – возразил Оутс. – Мы подошли вплотную к подписанию договора ОСВ-IV о запрете на размещение ядерного оружия в космосе. Если президент проигнорирует требования Антонова, советские переговорщики обязательно выкинут что-нибудь за несколько часов до подписания договора.
– Может быть, вы и правы, – сказал Фосетт. – Но каждый, кто причастен к успеху колонии Джерси, не за то боролся два десятилетия, чтобы просто взять и все сдать Кремлю.
До этого президент слушал их спор не прерывая. Но теперь поднял руку:

– Джентльмены, я не собираюсь им выкладывать все. Но у нас теперь есть огромное количество информации, которой мы можем поделиться с русскими и всем остальным миром в интересах человечества. Открытия в области медицины, геологии и астрономии должны быть свободно доступны каждому. Тем не менее вы можете быть спокойны. Я не собираюсь ставить под угрозу наши космические и оборонные программы. Все, что касается этих областей, останется в наших руках. Ясно?
Вошел стюард с дымящимися тарелками с яйцами, ветчиной и блинчиками, и в обеденном отсеке наступила тишина. Стюард наполнил чашки кофе. Как только он вышел в камбуз, президент глубоко вздохнул и посмотрел на стол перед Броганом.
– Вы не хотите есть, Мартин?
– Я обычно пропускаю завтрак, оставляю все на обед.
– Вы не представляете, какого удовольствия лишаетесь. Эти блинчики легкие как пух.
– Нет, спасибо. Я ограничусь кофе.
– Тогда, пока мы будем жевать, почему бы вам не рассказать нам об операции на Кайо-Санта-Мария.
Директор ЦРУ отхлебнул из чашки, открыл папку и пересказал содержимое докладов несколькими краткими фразами.
– Специальная боевая группа во главе с майором Анджело Кинтаной и под командованием полковника Рамона Клейста высадилась на остров в 02.00 сегодняшнего утра. В 04:30 советский источник радиопомех вместе с прослушивающей установкой, в том числе и антенной, а также всей живой силой противника были уничтожены. Нам очень повезло со временем, потому что последнее сообщение с предупреждением было отправлено «Геттисбергу» всего за несколько минут до того, как они должны были приземлиться на территории Кубы.
– Кто предупредил челнок? – прервал его Фосетт.
Броган посмотрел на него через стол и улыбнулся:
– Он назвался Дирком Питтом.
– Боже мой, этот парень везде успевает! – воскликнул президент.
– Джесси Лебарон и двое людей адмирала Сэндекера из НУПИ были спасены, – продолжил Броган. – Рэймонд Лебарон погиб.
– Об этом точно известно? – спросил президент.
– Да, сэр, имеются доказательства.
– Очень жаль. Он заслуживал признания за свой вклад в создание колонии Джерси.
– Тем не менее миссия окончена с большим успехом, – тихо сказал Броган. – Майор Кинтана раздобыл кучу материала для разведки, в том числе и последние советские секретные документы. Их доставили нам всего час назад. Сейчас материалы проверяют специалисты в штаб-квартире Лэнгли.
– Бойцов ждут награды, – сказал президент. – Ваши люди совершили невероятный подвиг.
– Возможно, вы не будете так поспешны с похвалой, когда услышите полную историю, господин президент.
– Хорошо, Мартин, продолжайте.
– Дирк Питт и Джесси Лебарон… – Броган запнулся и удрученно пожал плечами: – Они не вернулись на подводную лодку с майором Кинтаной и его людьми.
– Погибли на острове вместе с Рэймондом Лебароном?
– Нет, сэр. Они отплывали от берега вместе с остальными, но в какой-то момент свернули в сторону и направились к Кубе.
– К Кубе, – тихо повторил президент. Он посмотрел на Оутса и Фосетта, они с недоверием уставились на него в ответ. – Господи, Джесси все еще пытается доставить наш ответ по американско-кубинскому договору.
– Может ли так случиться, что ей удастся связаться с Кастро? – спросил Фосетт.
Броган с сомнением покачал головой:
– Остров кишит разными службами безопасности, полицией и милицией, прочесывающими каждую милю. Если им каким-то чудом и удалось пройти мимо береговых патрульных, их арестуют в первый же час пребывания на острове.
– Может быть, удачи Питта хватит на двоих, – с надеждой пробормотал Фосетт.
– Нет, – мрачно сказал президент, и в его голосе звучало беспокойство. – Скорее всего, он уже и так перебрал с удачей.

В небольшом кабинете штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли сидел, скрестив ноги на столе, главный эксперт-аналитик по документам Боб Торнберг и держал в руках недавно присланную из Сан-Сальвадора пачку бумаг. Выпуская голубые клубы дыма из трубки, он переводил русский текст. Быстро просмотрев первые три папки, мужчина раскрыл четвертую. Название заинтриговало его. Фраза звучала слишком по-американски. Это был план секретной операции, названной в честь алкогольного коктейля. Бегло проглядев документ до конца, он пораженно застыл и сидел так несколько минут, затем положил трубку в пепельницу, убрал ноги со стола и внимательно начал читать содержимое папки, отдельно разбирая каждое предложение и делая заметки в желтом блокноте.
Примерно через два часа Торнберг взял телефон и набрал внутренний номер. Ему ответила женщина, и он попросил ее связать его с заместителем директора.
– Эйлин, это Боб Торнберг. Генри свободен?
– Разговаривает по другой линии.
– Пусть перезвонит мне, как только сможет, дело очень срочное.
– Я скажу ему.
Торнберг дописал заметки и перечитывал документ в пятый раз, когда его прервал звонок телефона. Он вздохнул и поднял трубку.
– Боб, это Генри. Что ты хотел?
– Мы можем встретиться прямо сейчас? Я только что изучил часть документов, которые передала разведка после операции на Кайо-Санта-Мария.
– Есть что-то интересное?
– Скажем так, это просто бомба.
– Намекни, что там?
– Это касается Фиделя Кастро.
– Что-то нехорошее?
– Послезавтра он умрет.
Проснувшись, Питт посмотрел на часы. 12.18. Он чувствовал себя свежим, бодрым, и даже настроение можно было назвать довольно оптимистичным.
Едва подумав об этом, Дирк сразу же посчитал свое настроение обманчивым, а перспективы далеко не такими радужными. У него не было ни кубинских денег, ни документов. Он находился на территории коммунистической страны, причем не имея пи оправдания, зачем появился там, ни знакомых, с которыми можно было бы связаться. И кроме того, был одет в чужую военную форму. В таких обстоятельствах следовало бы считать себя счастливчиком, если его сегодня не пристрелят как шпиона.
Мужчина протянул руку и осторожно потряс Джесси за плечо. После этого выполз из водосточной трубы, с опаской огляделся и начал разминаться, чтобы разогреть затекшие мышцы.
Открыв глаза, дама медленно и лениво оторвалась от глубокого сна и постепенно вернулась к действительности. Извиваясь, она потянулась руками и ногами, словно кошка, и тихо застонала от боли, но тут же утешила себя мыслью, что это помогло разбудить ее разум.
Сперва в голову полезли всякие глупости – кого пригласить на следующую вечеринку, распланировать меню вместе с шеф-поваром, напомнить садовнику, чтобы подровнял живую изгородь возле дорожки, – но затем припомнился умирающий муж. Джесси всегда не совсем понимала, как ей удавалось жить и работать с ним в течение двадцати лет и не идти на поводу его капризов. Тем не менее она гораздо лучше других знала, что Рэймонд Лебарон – обычный человек, не лучше и не хуже остальных мужчин: он мог быть милосердным, мелочным, блестящим или безжалостным, когда того требовала ситуация.
Она крепко закрыла глаза, чтобы отогнать прочь воспоминания о его смерти. Подумай о ком-то или о чем-нибудь еще, сказала она себе. Подумай, как ты собираешься выживать следующие дни. Подумай о… Дирке Питте.
Кто он? Что за человек? Она посмотрела на него из водосточной трубы, как он наклоняется и изгибается, выполняя разминку, и впервые со дня их встречи почувствовала сексуальное влечение к нему. Это же смешно, рассуждала Джесси. Она была старше его, по меньшей мере, на пятнадцать лет. И кроме того, он ни разу не подавал виду, что желает ее, ни разу не намекал об этом и даже не пытался флиртовать. Питт был для нее загадкой, человеком, всегда

привлекающим женщин, но которого никогда нельзя заполучить или обмануть разными женскими уловками.
Из мира грез Джесси вытянул сам Дирк, подойдя к трубе и улыбнувшись:
– Как себя чувствуешь?
Она отвернулась.
– Как будто меня всю ночь избивали, но я готова к новому дню.
– К сожалению, похоже, что завтрака сегодня не будет. – Его слова эхом прокатились по трубе. – Обслуживание нашей гостиницы оставляет желать лучшего.
– Я бы все отдала за чашку кофе.
– На дорожных указателях в нескольких ярдах выше того места, где мы расположились на ночлег, написано, что до ближайшего города шесть километров.
– Который час?
– Без двадцати час.
– Прошло уже полдня, – сказала она, поднимаясь на четвереньки и выползая на свет. – Нам нужно идти.
– Стой на месте.
– Почему?
Вместо ответа мужчина развернулся и сел рядом с ней. Потом осторожно коснулся ее лица и поцеловал в губы.
Глаза Джесси широко распахнулись, затем она жадно поцеловала его в ответ. Через несколько долгих секунд ее спутник отстранился. Она выжидающе смотрела на мистера Дирка, но он больше ничего не делал, только сидел и глядел ей в глаза.
– Я хочу тебя, – сказала она.
– Да.
– Сейчас.
Питт притянул Джесси к себе, прижался к ней и снова поцеловал. Затем опять отстранился.
– Сначала о главном.
Она глянула на него испытующе:
– В каком смысле?
– Зачем ты заставила меня свернуть на Кубу?
– Ты умеешь найти подходящее время для таких вопросов.
– Мне еще не приходилось заниматься любовью в водосточной трубе.
– Что ты хочешь знать?
– Все.
– А если я не скажу тебе?
Он засмеялся.
– Тогда пожмем друг другу руки и разойдемся.
Несколько секунд она лежала, опершись на стену трубы и раздумывая, как далеко сможет уйти без него. Скорее всего, не дальше следующего города, а может быть, все закончится и раньше, при первой же встрече с полицейским или часовым. В свою очередь, Питт казался невероятно изобретательным человеком, что он уже не раз доказывал на деле. Вне всяких сомнений, она нуждалась в нем намного сильнее, чем он в ней.
Джесси пыталась подобрать верные слова, чтобы ее объяснение не звучало абсурдно. Наконец она бросила это дело и выпалила:
– Президент послал меня сюда на встречу с Фиделем Кастро. Темно-зеленые глаза Дирка с любопытством уставились на нее.
– Хорошее начало. Продолжение, надеюсь, не менее захватывающее.
Женщина глубоко вздохнула и продолжила.
Она рассказала о сообщении Фиделя Кастро с предложением заключить договор и о том, каким образом оно было доставлено мимо внимательных глаз советской разведки.
Рассказала о тайной встрече с президентом после неожиданного возвращения «Проспертира» и о его просьбе передать ответ Фиделю его же способом, отправившись на дирижабле по маршруту ее мужа.
Она призналась в том, что обманом использовала Питта, Джордино и Ганна в своих целях, заодно попросив прощения за то, что после нападения кубинского вертолета весь план пошел наперекосяк.

И напоследок поведала о растущем подозрении генерала Великова, что за их истинной целью попадания на остров стояли неудачные попытки связаться с Кастро, поэтому он и пытался выбить ответы методом пыток, отдав пленников на произвол Фосса Глая.
Питт слушал ее, не перебивая.
Она робко ждала ответа. Джесси боялась услышать, что Дирк скажет, когда узнает, что его использовали, обманывали и вводили в заблуждение и что его избивали и едва не убили несколько раз из-за миссии, о какой он даже ничего не знал. Она понимала, что теперь он был вправе просто придушить ее.
Джесси не знала, что сказать, кроме извинений.
Питт не стал душить ее. Он протянул руку и, когда вдова миллионера сжала ее, обнял даму.
– Выходит, ты одурачила меня по всем, статьям, – сказал он.
«Боже, какие же у него зеленые глаза!» – подумала она. Ей хотелось окунуться в них.
– Понимаю, что ты злишься на меня.
Он лишь молча обнял свою спутницу.
– Ну?
– Что ну?
– Скажи что-нибудь, – несмело произнесла она. – Ты что, не злишься?
Он расстегнул рубашку ее военной формы и нежно коснулся груди.
– К твоему счастью, я не злопамятен.
После этого они предались любви под гул машин, проезжавших по дороге наверху.

Джесси чувствовала необыкновенное спокойствие. Это теплое ощущение не покидало вдову еще несколько часов, пока они, не скрываясь, шли по краю дороги. Оно заменяло ей обезболивающее, заглушало страх и придавало уверенности. Питт выслушал ее и согласился помочь добраться до Кастро. И теперь, когда дама шла рядом с ним по какому-то захолустью на окраине Кубы, а он вел ее, словно не раз бывал здесь, Джесси чувствовала себя в полной безопасности и наслаждалась его близостью.
Питту удалось раздобыть несколько манго, ананас и два недозрелых помидора. Они съели их на ходу. Мимо проезжали автомобили, в основном грузовики с сахарным тростником и цитрусовыми фруктами. Лишь раз рядом с ними проехала военная машина с милицией. Джесси тогда напряглась и нервно опустила взгляд на свои крепко зашнурованные ботинки, а Питт взмахнул винтовкой и прокричал:
– Салют, амигос!
– Хорошо, что они не расслышали твои слова, – сказала она.
– Почему это? – с притворным негодованием спросил он.
– Твой испанский ужасен.
– На собачьих бегах в Тихуане меня всегда понимали.
– Здесь не поймут. Давай лучше я буду разговаривать.
– Ты думаешь, что говоришь на испанском лучше меня?
– Я разговариваю на нем, как на родном. Кстати, еще я свободно владею русским, французским и немецким.
– Ты все время поражаешь меня своими талантами, – искренне сказал Питт. – Великов знал, что ты говоришь по-русски?
– Если бы знал, мы бы все были уже мертвы.
Питт хотел что-то сказать и вдруг указал рукой вперед. На обочине извивающейся дороги стоял автомобиль. Над поднятым капотом склонился некто, опустив голову и плечи к отсеку двигателя.
Джесси замялась, но Дирк взял ее за руку и потянул за собой.
– Ты справишься, – мягко сказал он. – Не бойся. Мы оба одеты в военную форму, а моя так и вовсе принадлежит элитным десантным войскам.
– Что я должна сказать?
– Подыграй мне. И тогда, возможно, нас подвезут.
Прежде чем она успела возразить, водитель обернулся, услышав их шаги по гравию. Он был невысоким мужчиной лет пятидесяти с густыми черными волосами и смуглой кожей. Футболки на нем не было, он был одет только в шорты и сандалии. Люди в военной форме часто встречались на Кубе, поэтому он не обратил на нее никакого внимания.

– Здорово! – сверкнул он широкой улыбкой.
– Проблемы с двигателем? – по-испански спросила Джесси.
– Третий раз за этот месяц. – Он беспомощно пожал плечами. – Только что остановился.
– Вы знаете, где поломка?
Он поднял короткий проводок, прогнивший в трех местах и не обламывающийся лишь благодаря изоляции.
– Тянется от катушки зажигания к трамблеру.
– Нужно заменить его.
Он пожал плечами:
– Детали для таких старых машин, как эта, невозможно найти, должен вам сказать.
Джесси поняла свою ошибку и, очаровательно улыбаясь, постаралась обратиться к его мужественности:
– Я же всего лишь женщина. Что я могу понимать в механике?
– Ах, – любезно улыбнулся водитель, – зато вы очень красивы.
Питт не следил за их разговором. Он обошел вокруг машины, рассматривая ее. Затем склонился над капотом и мельком взглянул на двигатель. После этого выпрямился и отступил назад.
– Пятьдесят седьмой «Шевроле», – восхищенно сказал он по-английски. – Чертовски хороший автомобиль. Спроси, у него есть нож и немного изоленты?
От неожиданности у Джесси отвисла челюсть.
Водитель неуверенно смотрел на него, не зная, что делать. Потом спросил на ломаном английском:
– Вы не говорите по-испански?
– Верно, и что? – повысил голос Питт. – Вы впервые видите ирландца?
– Тогда почему ирландец одет в кубинскую военную форму?
– Майор Ирландской республиканской армии Пэдди О’Хара, прибыл на Кубу на временную службу в качестве милицейского консультанта.
Лицо кубинца озарилось, словно под вспышкой фотокамеры, и Дирк с радостью отметил, что тот был достаточно впечатлен.
– Эрберто Фигуэро, – сказал он, протягивая руку. – Я выучил английский несколько лет назад, когда здесь были американцы.
Питт пожал ее и кивнул на Джесси:
– Капрал Мария Лопес, мой помощник и провожатый. Кроме того, переводит остальным мой ломаный испанский.
Фигуэро опустил взгляд и заметил обручальное кольцо Джесси.
– Сеньора Лопес. – Он повернулся к Питту и со смешным акцентом спросил: – Она понимает по-английски?
– Немного, – ответил Дирк. – В общем, если вы дадите мне нож и немного изоленты, то машина снова поедет.
– Конечно-конечно, – отозвался кубинец.
Он достал из бардачка перочинный нож и нашел в багажнике чемоданчик с инструментами, где лежал небольшой моток изоленты.
Питт наклонился над двигателем, отрезал лишнюю длину провода от свечей зажигания и снова скрепил его концы, обмотав изолентой. Затем проделал то же самое с остальными частями провода, пока полностью не скрепил его от катушки зажигания до трамблера.
– Ну-ка, попытайтесь завести машину.
Фигуэро повернул ключ зажигания, и большой восьмицилиндровый двигатель объемом 4,6 литра дважды чихнул и затем хрипло зарычал.
– Великолепно! – радостно воскликнул мужчина. – Может, вас подвезти?
– А куда вы направляетесь?
– В Гавану. Я там живу. В Нуэвитасе у моей сестры умер муж, я ездил туда помочь с похоронами. Теперь еду домой.
Питт кивнул Джесси. Это был их счастливый день. Он представил себе карту Кубы и прикинул, что Гавана лежала примерно в двухстах милях к северо-востоку, если брать по прямой, а значит, до нее оставалось приблизительно триста миль, если ехать по извилистой дороге.
Он сел рядом с водителем, дама забралась на заднее сиденье.

– Спасибо вам, Эрберто. В нашем служебном автомобиле обнаружилась утечка масла, и двигатель заглох в двух милях позади отсюда. Мы ехали в тренировочный лагерь к востоку от Гаваны. Если вы высадите нас возле министерства обороны, позабочусь о том, чтобы вас отблагодарили за наше беспокойство.
Джесси в изумлении открыла рот и с отвращением уставилась на Питта. Он знал, что в эту секунду она назвала бы его самоуверенным придурком.
– Ваша неудача – везение для меня, – сказал Фигуэро, радуясь перспективе заработать несколько лишних песо.
Кубинец резко выехал на асфальт, пробуксовав на гравии, и, переключая передачи, вскоре разогнал «Шевроле» до вполне приличных семидесяти миль в час. Двигатель гудел ровно, но машина дребезжала в нескольких местах, а выхлопные газы просачивались сквозь ржавое дно в кабину.
Питт посмотрел в зеркало заднего вида на лицо спутницы. Казалось, она чувствовала себя не в своей тарелке. Конечно, лимузин был бы ей более по душе, весело подумал Питт. В это мгновение его любовь к старинным автомобилям заставила позабыть о любой опасности.
– Какой у вас пробег на ней? – спросил он.
– Более 680 тысяч километров, – ответил водитель.
– И она до сих пор хорошо бегает.
– Если бы янки отменили торговое эмбарго, я бы прикупил детали, чтобы продлить ей жизнь. Но ничто не вечно.
– У вас когда-нибудь были неприятности на КПП?
– Меня всегда пропускают.
– Должно быть, вы влиятельный человек. Чем занимаетесь в Гаване?
Фигуэро засмеялся:
– Я таксист.
Питт даже не пытался подавить улыбку. Все складывалось намного лучше, чем он надеялся. Он откинулся на спинку сиденья и расслабился, наслаждаясь пейзажем, словно турист. Он пробовал заставить себя думать о непонятной подсказке Лебарона о том, где следует искать Ла Дораду, но его постоянно сбивали с мысли угрызения совести.
Дирк знал, что скоро, где-то по дороге, ему придется ограбить Фигуэро – забрать те жалкие песо, какие у того были, и угнать такси. Американец лишь надеялся, что вдобавок к этому ему не придется убивать маленького дружелюбного кубинца.

Президент вернулся в Белый дом из космического центра Кеннеди поздно вечером и сразу же направился в Овальный кабинет. После тайной встречи со Штейнмецем и лунными колонистами, выслушав их полные энтузиазма отчеты об исследованиях, он пребывал в приподнятом расположении духа. Едва войдя в кабинет, глава государства тут же позабыл о сне, воодушевляясь мыслями о разработке новых космических задач.
Он уселся за большой стол и выдвинул нижний ящик. Достав оттуда коробку-хумидор из орехового дерева, президент вынул толстую сигару. Разворачивая целлофановую обертку, он на мгновение задержал взгляд на плотно скрученном темно-коричневом табачном листе и вдохнул пьянящий аромат. Это была сигара лучшей кубинской марки «Монтекристо», запрещенной для ввоза в Америку торговым эмбарго на кубинские товары.
Президенту повезло со старым школьным приятелем, который каждые два месяца отправлял ему целую коробку таких из Канады. Даже жена и ближайшие помощники не знали об этом. Он зажал пальцами один конец сигары и аккуратно поджег другой, как всегда задумываясь, какой бы шум подняла общественность, если бы узнала о его тайном и слегка незаконном развлечении.
Но сегодняшней ночью ему было наплевать. В последнее время его преследовал успех. Экономика держалась на уровне, а конгресс наконец решился одобрить жесткое сокращение бюджета и закон о фиксированном налоге. На международной арене наступил период обдумывания и переговоров, хотя бы временно, а его популярность, согласно опросам, поднялась на пять процентов. И теперь он собирался получить все политические выгоды, ставшие результатом успешных трудов его предшественников, как, например, сделал Никсон после успеха программы «Аполлон». Изумительный успех лунных колонистов станет ассоциироваться с высшим достижением именно его правления.

Следующая цель была укрепление репутации в отношениях с латиноамериканскими странами. Кастро уже приоткрыл дверь предложением договора. И теперь, если президенту удастся проскользнуть за порог этой двери прежде, чем она снова захлопнется, у него будет возможность подавить влияние марксистской идеологии на обоих Американских континентах. Тотчас он осознал, что на самом деле его перспективы казались весьма мрачными. Скорее всего, Питт и Джесси Лебарон уже либо расстреляны, либо арестованы. А если нет, то это был лишь вопрос времени и всего несколько часов отдаляли их от неизбежного. Ему оставалось только послать кого-то другого на Кубу для встречи с Кастро.
Вдруг зазвонил телефон.
– Да?
– Простите за беспокойство, господин президент, – раздался голос оператора Белого дома, – но вас вызывает мистер Броган и говорит, что ему нужно срочно поговорить с вами.
– Все в порядке. Пожалуйста, свяжите меня с ним.
Послышался негромкий щелчок, и директор ЦРУ произнес:
– Я вас разбудил?
– Нет, я еще не сплю. Что у вас там такого срочного, что не может подождать до завтрашнего совещания?
– Я нахожусь на авиабазе в Эндрюсе. Мой заместитель передал переведенный документ из Кайо-Санта-Мария. И в нем есть кое-что очень серьезное.
– Можете ввести меня в курс дела?
– Послезавтра русские собираются убить Кастро во время операции под кодовым названием «Ром и кола». Следом за этим должен последовать полный захват кубинского правительства советскими агентами.
Президент смотрел, как синий дым от гаванской сигары медленно кружится, поднимаясь к потолку.
– Они делают ход раньше, чем мы предполагали, – задумчиво сказал он. – Как они собираются устранить Кастро?
– Это самая безумная часть их плана, – ответил Броган. – ГРУ, правая рука КГБ, намеревается разбомбить город вместе с ним.
– Гавану?
– Чертовски приличный ее кусок.
– Боже мой, речь идет о ядерной бомбе?
– Если честно, в документе не указано, как это произойдет, но там написано, что в порт Гаваны на корабле будете провезено какое-то взрывчатое вещество, которое сровняет с землей все в округе на четыре квадратных мили.
Президент был встревожен, от его хорошего настроения не осталось и следа.
– В документе упоминается название корабля?
– Там указано, что будет три корабля, но нет ни одного названия.
– И когда произойдет взрыв?
– Во время празднования Дня знаний. Русские рассчитывают, что Кастро решит явиться туда без предупреждения, чтобы, как обычно, выступить со своей двухчасовой речью.
– Не могу поверить, что Антонов дал согласие на такую ужасную операцию. Почему бы просто не подослать к Кастро местных головорезов и не пристрелить его? Для чего ему брать на душу еще сотни тысяч невинных жертв?
– Кастро – культовая личность для кубинцев, – напомнил Броган. – Он может казаться нам всего лишь карикатурным коммунистом, но для них он как бог. Обычное убийство разожжет в народе пламенную злость на просоветские партии, которые придут ему на смену. Но главная наша беда – если им удастся обвинить в преступлении Соединенные Штаты, и ЦРУ в особенности, то их новые лидеры развернут антиамериканскую пропаганду, и люди непременно сплотятся вокруг нового правительства.
– Я все равно не могу понять такого бесчеловечного поступка.
– Я вас уверяю, господин президент, там все написано черным по белому. – Броган замолк, рассматривая страницу документа. – Вот что странно: тут очень мало сказано о самом взрыве, но едва ли не в подробностях составлен пошаговый список действий для создания пропаганды, обвиняющей нас. Здесь даже есть список имен просоветских политиков и должностей, которые

они будут занимать после захвата власти. Возможно, вам будет интересно узнать, что новым президентом станет Алисия Кордеро.
– Помоги нам, Господи. Она же в два раза фанатичнее Фиделя.
– В любом случае Советы будут в выигрыше, а мы многое потеряем.
Глава государства положил сигару в пепельницу и закрыл глаза. Проблемы никогда не заканчиваются, подумал он. Одна всегда порождает другую. Успехи правительства долго не длятся, а вот давление и критика не прекращаются никогда.
– Наш флот может помешать тем кораблям? – спросил он.
– Если верить графику, то два корабля уже прибыли в Гавану, – ответил Броган. – Третий может войти в гавань с часу на час. Я тоже подумал об этом, но хоть мы раньше и обошли русских на дюйм, теперь отстаем на целую милю.
– Нужно узнать названия тех кораблей.
– Наши люди уже проверяют все прибывающие в Гавану корабли. В течение часа мы будем знать их названия.
– Сейчас самое время для Кастро убраться подальше, – раздраженно сказал президент.
– Мы нашли его.
– Где?
– В его загородном доме. Он прервал все контакты с внешним миром. Даже его ближайшие помощники и советские важные шишки не могут добраться до него.
– У нас есть кто-нибудь, кто мог бы встретиться с ним лицом к лицу?
Броган хмыкнул:
– Никого.
– Тогда нам нужно кого-то послать туда.
– Если бы Кастро был в настроении для разговоров, то я бы мог назвать около десяти человек, состоящих у нас на зарплате, которых он пустил бы через ворота. Но сейчас дела обстоят по-другому.
Президент вертел сигару в пальцах, пытаясь что-нибудь придумать.
– Скольким кубинцам, работающим в доках Гаваны и имеющим опыт работы в море, мы можем доверять?
– Нужно проверить.
– Хотя бы примерно.
– Думаю, найдется человек пятнадцать или двадцать.
– Хорошо, – сказал президент. – Свяжитесь с ними. Попросите их пробраться на борт тех кораблей и узнать, какой из них везет бомбу.
– Бомбу должен обезвредить тот, кто знает, как это делать.
– Об этом мы позаботимся, когда найдем ее.
– У нас остается полтора дня, это не так много, – мрачно сказал Броган. – Лучше задуматься о том, как будем утрясать последствия.
– Приступайте к делу. Сообщайте мне обстановку каждые два часа. Подключите всех знакомых кубинцев.
– А как нам предупредить Кастро?
– Я разберусь с этим.
– Удачи, господин президент.
– Вам того же, Мартин.
Президент повесил трубку. Его сигара уже потухла. Он снова поджег ее, затем взял телефон и набрал номер Айры Хагена.

Молодой энергичный охранник не старше шестнадцати лет был страстно предан Фиделю Кастро и стремился всегда сохранять революционную бдительность. Он важно подошел к окну машины, перекинул через плечо винтовку и потребовал документы.
– Это должно было случиться, – проворчал Питт себе под нос.
Охранники на трех прошлых КПП лишь лениво махали Фигуэро, чтобы тот проезжал, едва завидев его лицензию таксиста. Они все были выходцами из обыкновенных крестьянских семей, выбравшими военную карьеру вместо работы на полях или заводах до конца жизни. И, как и солдаты любой другой армии мира, считали караульную службу утомительной, что в

конце концов приводило к полной потере бдительности, которая просыпалась в них лишь тогда, когда приезжало начальство для проверки.
Водитель вручил подростку лицензию.
– Лицензия действует только в пределах города Багамы. Что вы делаете здесь?
– Умер мой зять, – терпеливо объяснил Фигуэро. – Я ездил на его похороны.
Охранник наклонился и заглянул в открытое окно водителя.
– А кто остальные?
– Вы что, слепой? – огрызнулся Фигуэро. – Они военные, как и вы.
– Нам приказано быть начеку, потому что по округе разгуливает мужчина в украденной милицейской форме. Предполагают, что он империалистический шпион, высадившийся на берегу в ста милях к востоку отсюда.
– Если она одета в милицейскую форму, – Фигуэро указал назад на Джесси, – то вы будете подозревать ее в том, что эти империалисты-янки отправили к нам шпионить женщину?
– Я хочу проверить их документы, – настаивал охранник.
Джесси опустила заднее окно и высунула голову:
– Это майор Ирландской республиканской армии О'Хара, прибыл сюда на службу в качестве консультанта. Я капрал Лопес, его помощник. Заканчивайте ерунду. Пропускайте нас!
Охранник уставился на мистера Дирка.
– Если он майор, то почему я не вижу его звание?
Впервые Фигуэро заметил, что на военной форме Питта нет никаких знаков отличия. Он посмотрел на пассажира, с сомнением нахмурившись.
Питт сидел молча, не вмешиваясь в их разговор. Он медленно повернулся, взглянул в глаза охранника и дружелюбно улыбнулся. Затем сказал мягким, но авторитетным тоном:
– Узнайте имя и звание этого парня. Я хочу порекомендовать его начальству за внимательное выполнение служебных обязанностей. Генерал Рауль Кастро часто говорил мне, что Куба нуждается в таких солдатах.
Джесси перевела его слова и с облегчением увидела, как охранник выпрямился и улыбнулся.
Затем голос Питта стал холодным, а глаза превратились в льдинки.
– Теперь скажите ему, чтобы дал нам дорогу, либо я позабочусь о том, чтобы его отправили в Афганистан в качестве добровольца.
Казалось, что молодой охранник сжался, когда Джесси повторила ему слова своего спутника по-испански. Он потерянно стоял перед ними, не зная, что делать, но тут к ним подъехал длинный черный автомобиль и остановился сзади старого такси. Дирк определил, что это был семиместный лимузин «ЗИЛ» класса люкс, выпускаемый в России для высокопоставленных политиков и военных чиновников.
Водитель «ЗИЛа» нетерпеливо просигналил, а охранник словно застыл в нерешительности. Он повернулся и умоляюще посмотрел на другого охранника, но тот был занят проверкой документов на противоположной полосе. Водитель лимузина еще раз просигналил и прокричал в окно:
– Отъезжай в сторону и дай нам проехать!
Тогда в перепалку вступил Фигуэро и крикнул русским в ответ:
– Тупой руссо, заткнись и не воняй здесь! Ты уже всех достал!
Советский водитель распахнул дверь, выскочил из-за руля и оттолкнул охранника в сторону.
Его фигура напоминала кеглю для боулинга: он был большим, мускулистым и с маленькой головой. Судя по погонам, сержант. Мужчина свирепо уставился на Фигуэро.
– Идиот! – зарычал он. – Я сказал, сдвигай в сторону свою развалюху!
Кубинец потряс кулаком перед лицом русского.
– Я поеду тогда, когда мой земляк скажет об этом.
– Прошу вас, пожалуйста, – взмолилась Джесси, схватившись за плечо Фигуэро. – Нам не нужны проблемы.
– Благоразумие – не лучшая черта кубинцев, – проворчал Питт.
Он схватил винтовку, направив ее на русского, и приоткрыл дверь.
Джесси развернулась, осторожно выглянула в заднее окно на лимузин и вовремя заметила советского офицера и двух вооруженных телохранителей, выходящих с заднего сиденья, смеясь над потасовкой, возникшей возле такси. И тут у Джесси отвисла челюсть, и она ахнула.

Сзади к «Шевроле» подходил генерал Великов, выглядевший усталым и изможденным в чужой, плохо сидящей на нем военной форме. Прежде чем женщина успела предупредить Питта, он соскользнул с сиденья и стал обходить машину спереди.
Великов неотрывно смотрел на своего водителя и Фигуэро, лишь мельком заметив, что с другой стороны из машины вышел еще один кубинский солдат. Когда он подошел, обстановка накалилась до предела.
– Что происходит? – спросил он на безупречном испанском.
Но ответил ему не водитель, а тот, кого генерал совершенно не ожидал видеть.
– Ничего такого, чего бы мы не смогли уладить, как настоящие мужчины, – язвительно сказал Питт по-английски.
Великов на несколько долгих мгновений уставился на Питта, веселая улыбка медленно сползла с его губ, а лицо, как всегда, ничего не выражало. Единственный знак, что он узнал Дирка, промелькнул внезапной жесткостью в его холодных глазах.
– Нам обоим удалось спастись, не так ли? – ответил он.
– Везение. Я бы сказал, что нам повезло, – ровным голосом ответил Дирк.
– Поздравляю вас с успешным побегом с острова. Как это вам удалось?
– Благодаря самодельной лодке. А вам?
– Недалеко от базы был скрыт вертолет. К счастью, ваши друзья не обнаружили его.
– Недосмотр.
Краем глаза Великов взглянул на телохранителей, с раздражением заметив их расслабленность.
– Зачем вы прибыли на Кубу?
Питт сжал винтовку и направил ее в небо прямо над головой Великова, поигрывая пальцем на курке.
– Зачем вы спрашиваете, если сами когда-то установили тот факт, что я патологический лжец?
– Я же знаю, что вы лжете только ради какой-то цели. Вы бы не оказались на Кубе, если бы просто хотели выпить рому и позагорать на солнышке.
– И что теперь, генерал?
– Оглянитесь. Думаете, вам все сойдет с рук? Кубинцы не любят шпионов. Было бы мудро, если бы вы сложили оружие и стали под мою защиту.
– Нет, спасибо. Я уже был когда-то под «защитой» вашего человека. И его звали Фосс Глай. Он просто кайфовал, когда ему приходилось почесать кулаками чье-то тело. Рад сообщить, что больше он никому не причинит боль. Одна из его жертв выстрелила ему туда, где больнее всего.
– Мои парни легко пристрелят вас.

– Я же вижу, что они не понимают по-английски и даже не представляют, о чем мы говорим. Не пытайтесь предупредить их. Между нами сейчас происходит то, что обычно называют «мексиканской дуэлью»
[20]
. Стоит вам только в носу поковыряться, как я тут же выпущу в вас пулю.

Питт огляделся. Оба кубинских патрульных и советский водитель молча слушали их разговор на английском. Джесси сползла вниз с заднего сиденья «Шевроле», в боковое окно было видно лишь верх ее фуражки. Охранники Великова расслабленно стояли позади, рассматривая пейзаж вокруг, их пистолеты были надежно заткнуты в кобуру.
– Садитесь в машину, генерал. Вы поедете с нами.
Великов холодно посмотрел на него:
– А если откажусь?
Питт мрачно зыркнул в ответ:
– Тогда умрете первым. Затем умрут ваши охранники. После них – кубинские патрульные. Я готов убивать. А они нет. Прошу!
Советские охранники, не двигаясь с места, удивленно наблюдали, как Великов молча последовал жесту Питта и забрался на переднее сиденье автомобиля. Он мельком повернулся и с любопытством уставился на Джесси:
– Госпожа Лебарон?
– Да, генерал.

– Вы что, с этим безумцем?
– Да.
– Но почему?
Фигуэро только открыл рот, чтобы вмешаться, как Питт грубо оттолкнул советского водителя в сторону, твердо сжал руку дружелюбного кубинца и вытащил его из машины.
– Дальше ты не можешь пойти с нами, амиго. Скажи властям, что мы похитили тебя, а затем забрали твое такси. – Затем он передал винтовку Джесси в открытое окно и просунулся за руль. – Если генерал дернется, простреля ему голову.
Женщина кивнула и уткнула ствол винтовки в череп Великова.
Питт включил первую скорость и плавно тронулся, словно это была обычная воскресная поездка, глядя в зеркало заднего вида на людей, оставшихся на КПП. Он с радостью отметил, что они были в полном замешательстве и не знали, что делать. Затем водитель Великова и охранники, наконец, осознали, что произошло, подбежали к черному лимузину и бросились в погоню.
Питт резко остановился в стороне и выхватил винтовку у Джесси. Он несколько раз выстрелил в пару изоляторов, через которые тянулись телефонные провода, на вершине столба. Машина резко рванула с места, оставив после себя запах горелой резины и два конца оборванных проводов, упавших на дорогу.
– Так мы выиграем около получаса, – сказал он.
– Лимузин уже в сотне ярдов позади, они догоняют нас, – прозвучал высокий и дрожащий голос Джесси.
– Вам не уйти от них, – спокойно сказал Великов. – Мой водитель – лучший по езде на высоких скоростях, а в машине семилитровый двигатель мощностью 425 лошадиных сил.
Питт улыбнулся и уверенно произнес:
– Русские еще не выпускали автомобиля, способного обогнать пятьдесят седьмой «Шевроле».
Словно вбив эти слова в голову своего пленника, он вдавил в пол педаль газа, и старая машина напрягла каждую ржавую деталь, чтобы показать мощь, какой не знала уже тридцать лет.
Оказалось, что большая ревущая груда металла все еще может гнать. Она набрала скорость и мчала по дороге, устойчивый рык восьмицилиндрового двигателя означал, что она снова в деле.
Все внимание Питта было сосредоточено на вождении, он старался быть готовым к любым изменениям на дороге на два, даже три поворота вперед. «ЗИЛ» упорно мчал в дымовую завесу, вырывающуюся из выхлопной трубы «Шевроле». Дирк проехал несколько крутых поворотов при подъеме на лесистые холмы, не раз будучи на волосок от того, чтобы влететь в кювет.
Тормоза работали ужасно и выделяли много едкой вони и дыма, когда он давил на них. Накладки на тормозных колодках протерлись буквально до дыр, поэтому при торможении в колодках все время лязгал металл.
При девяноста милях в час передние колеса стали вилять так сильно, что вся машина непрерывно тряслась. Руль дрожал в руках Питта. Амортизаторы уже давно износились, поэтому автомобиль опасно заносило на поворотах, а колеса визжали, словно дикие индейки.
Великов неподвижно сидел на месте, уставившись вперед и побелевшими пальцами сжимая дверную ручку, будто готовясь выпрыгнуть из салона перед неизбежной аварией.
Джесси в ужасе закатывала глаза каждый раз, когда «Шевроле» входил в вираж или резко кренился на повороте дороги. Она уткнулась коленями в переднее сиденье, чтобы ее не бросало из стороны в сторону, и снова направила дуло винтовки в затылок Великова.
Если Питт и знал о том, какой страх испытывали его пассажиры, он не подавал виду.
Получасовая отсрочка – единственное, на что он мог надеяться, прежде чем кубинские патрульные смогут связаться с начальством и доложить о похищении советского генерала.
Первым признаком того, что кубинская армия приближается и готовит ловушку, станет вертолет. Когда и как далеко отсюда они успеют соорудить блокпост, можно было только гадать. После какого-то поворота он внезапно наткнется на танк или маленькую группу броневиков, и тогда поездка будет окончена. Только присутствие Великова могло сласти их от гибели.
Водитель «ЗИЛа» и вправду был далеко не новичком. Он отыгрывал дистанцию на поворотах, но отставал, когда приходилось мчать по прямой, где старый «Шевроле» имел заметное преимущество. Краем глаза Дирк заметил маленький дорожный знак, указывающий, что они

приближаются к портовому городу Карденас. Возле дороги все чаще начали появляться дома и магазины, машин стало больше.
Он посмотрел на спидометр. Стрелка колебалась возле цифры «85». Американец сбросил скорость до семидесяти, сохраняя расстояние от «ЗИЛа» и ныряя между машинами, одной рукой зажав клаксон. Когда автомобиль выскочил на центральную площадь Карденаса с высокой бронзовой статуей Колумба, их попытался остановить полицейский, напрасно махнув жезлом к обочине. К счастью, улицы были достаточно широкими, чтобы «Шевроле» мог объехать пешеходов и другие автомобили.
Город лежал в небольшом полукруглом заливе, и пока Питт видел справа море, он знал, что движется к Гаване. Каким-то образом ему удавалось оставаться на главной дороге, и менее чем через десять минут они проехали центр города и снова выехали на окраину.
Во время погони по улицам города «ЗИЛ» приблизился к ним на расстояние пятидесяти ярдов. Один из охранников высунул из окна пистолет и выстрелил.
– Они стреляют в нас! – прокричала Джесси.
– Он целится не в нас, а в колеса, – ответил Питт.
– Вас уже почти догнали, – впервые за все пятьдесят миль раскрыл рот Великов. – Сдавайтесь. Вам не уйти.
– Я остановлюсь только тогда, когда мне прострелят голову, – хладнокровно сказал Дирк.
Великов не ожидал такого ответа. Если бы все американцы были такими, как Питт, подумал генерал, то для Советского Союза настали бы тяжкие времена. Великов всегда гордился своим умением управлять людьми, но Дирк был единственным, кого он никогда не смог бы себе подчинить.
Они пролетели над выбоиной в дорожном покрытии и тяжело приземлились на другой стороне. Глушитель оторвался, и внезапный шум выхлопа заставил всех содрогнуться – звук был поистине оглушающим. Глаза начали слезиться от дыма, салон машины превратился в паровую баню из-за сочетания тепла от двигателя с влажной и жаркой погодой. Дно автомобиля накалилось так сильно, что подошва ботинок Питта начала плавиться. Из-за шума и жары водитель чувствовал себя кочегаром.
Теперь «Шевроле» и вправду превращался в груду металлолома на колесах. Зубья шестерен коробки передач откалывались до основания, словно в знак протеста против высоких оборотов. Из двигателя начали доноситься странные постукивающие звуки. Но машина все еще неслась вперед с монотонным ревом, словно знала, что это ее последняя поездка.
Дирк осторожно сбавил скорость и позволил русскому водителю подобраться к ним на расстояние трех корпусов автомобиля. Питт вилял по дороге, стараясь не дать русским точно прицелиться в колеса. Он убрал ногу с педали газа, когда «ЗИЛ» был уже в двадцати футах от заднего бампера «Шевроле».
И тут Питт Внезапно ударил по тормозам.
Сержант за рулем «ЗИЛа» был хорош, но не настолько, чтобы успеть среагировать на такую уловку и избежать столкновения. Он вывернул руль влево, и ему почти удалось объехать «Шевроле», но было слишком мало времени и пространства для маневра. Лимузин врезался им в зад, визжа металлом и разбрасывая осколки стекла, смяв радиатор о двигатель и развернувшись вокруг своей оси.
Потерявший управление «ЗИЛ» теперь представлял собой три тонны шикарного погнутого металлолома. Он задел боком дерево, пролетел дальше по дороге на скорости восемьдесят миль в час и врезался в стоявший у обочины брошенный, давно вышедший из строя старый автобус. Из машины вырвалось оранжевое пламя, она жутко прокувыркалась еще сотню ярдов по дороге и наконец завалилась на крышу. Все четыре колеса еще долгое время продолжали крутиться в воздухе. Русские оказались в ловушке внутри перевернутой машины, без единого шанса на спасение из оранжевого пламени, от которого поднималось густое облако черного дыма.
Старина «Шевроле» с покореженным задом продолжал катиться из последних своих механических сил. Из-под капота валил дым, лилось масло, вторая передача отказала вместе с тормозами, а раздробленный задний бампер терся об асфальт, оставляя за собой струю искр. Любой мог напасть на их след, идя за шлейфом дыма. Петля затягивалась. На расстоянии мили, может быть, даже за следующим поворотом, уже мог поджидать блокпост. Питт был уверен, что с минуты на минуту из-за верхушек деревьев возле дороги вылетит вертолет. Пришло время

бросить машину в кювете. Полагаться на удачу дальше бессмысленно. Словно бандиту, убегающему от полицейского отряда, ему нужно было сменить транспорт.
Когда они подъезжали к окраинам города Матансас, скорость машины снизилась до пятидесяти миль в час. Водитель заметил вдали завод по производству удобрений и свернул на стоянку. Врезавшись в огромное дерево, чтобы остановить машину без тормозов, Дирк огляделся вокруг и, не заметив никого, заглушил двигатель. Треск горящего металла и шипение пара сменились оглушающим гулом выхлопов.
– Что у тебя дальше по плану? – спросила Джесси. Она понемногу приходила в себя. – Надеюсь, у тебя все-таки есть какой-то план.

– Ловкому Плуту
[21]
далеко до меня в этом деле, – с ободряющей улыбкой сказал Питт. – Сиди на месте. Если наш друг генерал пошевелится, убей его.

Он прошел через стоянку. Ему повезло, был будний день, и она оказалась забита автомобилями рабочих. Воздух в округе на несколько миль вокруг пропитала тошнотворная вонь с завода. Он остановился рядом с главными воротами, в которые выезжал поток грузовиков с сульфатом аммония, хлоридом калия и навозом, а им навстречу катили грузовики с обработанными удобрениями в бумажных мешках. У мистера Дирка появилась идея. Он непринужденно прошелся вниз по грунтовой дороге, ведущей к шоссе. Выждав пятнадцать минут, он увидел, как к заводу ему навстречу свернул грузовик российского производства, перевозящий сырой навоз. Питт вышел на середину дороги и помахал, чтобы машина остановилась.
Кроме водителя, в кабине никого не было. Кубинец вопросительно выглянул из окна. Питт жестом предложил ему выйти и энергично указал под грузовик. Заинтересовавшись, водитель вышел из автомобиля и присел рядом с Питтом, тот пристально уставился на полуось колеса. Не понимая, что там увидел незнакомец, водитель только собирался повернуться к нему, но Дирк вдруг резко ударил его по затылку.
Мужчина обмяк, и Питт подхватил его за плечо. Он затащил бессознательного кубинца в кабину грузовика и торопливо залез следом. Двигатель был не заглушен, поэтому Дирк включил передачу и подъехал к дереву, послужившему тормозом для «Шевроле».
– Всем подниматься на борт, – сказал он, выпрыгивая из кабины.
Джесси с отвращением отпрянула:
– Боже, что там?
– Навоз.
– Вы рассчитываете, что я соглашусь барахтаться в навозе? – возразил Великов.
– Не только барахтаться, – ответил Питт, – вы целиком туда залезете.
Он забрал у Джесси винтовку и бесцеремонно двинул Великова по почкам.
– Вперед, генерал. Благодаря вам множество врагов КГБ оказалось по уши в дерьме. Теперь ваша очередь.
Великов бросил на американца свирепый взгляд, затем забрался в кузов грузовика. Джесси неохотно подошла помочь Питту, снимающему одежду с водителя. Она была на несколько размеров мала, поэтому пришлось оставить рубаху нараспашку и не застегивать ширинку, чтобы влезть в джинсы. Он быстро натянул свою военную форму на кубинца и затащил его в кузов к остальным. Затем вернул винтовку Джесси. Дама знала, что ей делать, поэтому без напоминаний снова приставила дуло к голове Великова. Дирк нашел лопату на борту кузова и начал закапывать их.
Джесси зажимала себе рот и едва сдерживалась, чтобы ее не вырвало.
– Невыносимо.
– Скажи спасибо, что это все от лошадей и крупного рогатого скота, а не из городской канализации.
– Тебе легко говорить, сам-то за рулем будешь.
Закопав спутников так, чтобы их было не видно, но они могли дышать, Питт вернулся в кабину и выехал на шоссе. Перед поворотом он остановился, пропуская колонну военного транспорта, движущуюся к разбитому «ЗИЛу», и рассматривая три военных вертолета над головой.

Мужчина подождал, затем свернул налево на шоссе. Он уже собирался въехать в черту города Матансас, когда впереди показался блокпост, возле которого стоял броневик и около пятидесяти мрачных и сосредоточенных солдат.
Дирк остановил машину и взял в руки документы водителя. Его план сработал лучше, чем он ожидал. Патрульные даже не стали подходить к ужасно пахнущему грузовику. Они махнули ему проезжать, радуясь, что он не стал тянуть время и сразу же уехал, позволяя им снова вдохнуть свежий воздух.
Спустя полтора часа солнце опустилось на запад и замерцали фонари Гаваны. Питт въехал в город и свернул на шоссе Виа Бланка. Если не обращать внимания на вонь из кузова, он чувствовал, что их грузовик был совершенно неприметен в шумной и оживленной пробке во время наступившего часа пик. Вечером при въезде в город он чувствовал себя еще в большей безопасности.
Без паспорта и денег ему оставалось лишь попытаться связаться с американской дипломатической миссией в посольстве Швейцарии. Передать им Джесси и скрываться до тех пор, пока дипломатический курьер из Вашингтона не перешлет его паспорт и разрешение на въезд в страну. А после того, как он официально получит статус туриста, можно спокойно отправиться на поиски сокровищ Ла Дорада.
Великов тоже не казался такой уж большой проблемой. Однако живым генерал был опасен. Питт решил, что пленника нужно пристрелить в пустынном переулке. Случайные прохожие просто приняли бы грохот выстрела за выхлоп грузовика.
Питт свернул на узкую пустынную дорогу, вдоль нее располагались ряды заброшенных складов возле территории порта. Затем он остановил автомобиль. Не заглушив двигатель, мужчина подошел к кузову. Вскарабкавшись на стенку кузова, он увидел голову и руки Джесси, торчащие из кучи навоза. Из маленькой раны на ее виске сочилась кровь, а правый глаз отек и стал фиолетовым. От Великова и кубинца остались лишь пустые ямки в навозе, где он их закапывал.
Они пропали.
Питт вытащил Джесси из навоза и вытер ее щеки. Она раскрыла глаза и уставилась на него, а через мгновение медленно повела головой из стороны в сторону.
– Прости, я все испортила.
– Что случилось? – спросил он.
– Водитель очнулся и напал на меня. Я не могла позвать тебя на помощь, потому что боялась, что это вызовет подозрения и нас остановит полиция. Мы боролись с ним за винтовку, и она потерялась где-то в куче навоза возле стены. Потом генерал меня схватил, а водитель начал бить. Я потеряла сознание.
Вдруг она о чем-то вспомнила и лихорадочно оглянулась:
– Где они?
– Наверное, выпрыгнули из грузовика, – ответил Дирк. – Ты помнишь, где или как давно это произошло?
Джесси задумалась.
– Думаю, на въезде в город. Я помню звуки плотного движения машин.
– Получается, меньше двадцати минут назад.
Он помог ей добраться до борта кузова и осторожно опустил на землю.
– Лучше оставить грузовик здесь и взять такси.
– Я никуда не пойду, пока от меня так несет, – сказала она. – И взгляни на себя. Ты нелепо выглядишь.
Питт пожал плечами:
– Ой, брось, меня никто не станет арестовывать за непристойный вид. Шорты-то на мне.
– Мы все равно не сможем взять такси, – раздраженно сказала она. – У нас нет кубинских песо.
– Американская дипломатическая миссия при посольстве Швейцарии позаботится о нас. Ты знаешь, где она находится?
– Эта организация называется Секцией интересов США. В Вашингтоне есть такая же кубинская Секция интересов. Здание расположено на набережной Малекон.
– Тогда до темноты мы будем прятаться. Может быть, нам удастся найти место, где можно будет тебя вымыть. Великов объявит за нами настоящую охоту по городу. Скорее всего, они

начнут следить за посольством, так что мы должны подумать, как туда пробраться незаметно. У тебя есть силы, чтобы идти?
– Знаешь что, – болезненно улыбнулась она, – ты уже достал меня с этим вопросом.

Айра Хаген спустился по трапу самолета и вошел в терминал международного аэропорта имени Хосе Марти. Он был готов к хлопотам с таможенниками, но они лишь мельком взглянули на его дипломатический паспорт и провели агента через обычную процедуру таможенного контроля с минимальными формальностями. Когда он вошел в зал выдачи багажа, его окликнул мужчина в полосатом костюме:
– Мистер Хаген?
– Да, это я.
– Том Кларк, начальник Секции интересов США. Дуглас Оутс лично предупредил меня о вашем приезде.
Айра внимательно рассмотрел Кларка. Дипломат был хорошо подтянут в свои тридцать пять или около того, с загорелым лицом, усиками, как у Эррола Флинна, редеющими рыжими волосами, аккуратно зачесанными вперед, чтобы скрыть залысины на лбу, голубыми глазами и кривым носом, который неоднократно был сломан. Он схватил руку Хагена и крепко пожал.
– Не думаю, что вам тут часто приходится приветствовать американцев, – сказал агент.
– Их очень мало с тех пор, как президент Рейган ввел запрет на посещение острова туристам и бизнесменам.
– Я полагаю, вы уже осведомлены о причине моего визита.
– Давайте лучше обсудим это в машине, – сказал Кларк, кивая в сторону неприметной полноватой женщины, сидевшей недалеко от них с маленьким чемоданчиком на коленях. Хаген издалека распознал в ней агента со спрятанным диктофоном, записывающим каждое их слово.
Спустя почти час ему наконец выдали чемодан, и они подошли к машине Кларка, седану «Линкольн» с водителем. С неба срывался легкий дождь, но дипломат предусмотрительно взял с собой зонт. Водитель положил чемодан в багажник, и они отправились к посольству Швейцарии, где находилась Секция интересов США.
Хаген уже бывал на Кубе во время медового месяца за несколько лет до революции, и ему показалось, что Гавана с тех пор почти не изменилась. Здания пастельных цветов, окруженные пальмовыми аллеями, хоть и казались поблекшими, но он их такими и запомнил. Поездка вызывала ностальгию. Улицы кишели автомобилями 1950-х годов, пробуждающими в нем старые воспоминания, – он замечал автомобили марок «Кайзер», «Студебекер», «Пэкард», «Хадсон» и даже один или два «Эдсела». Они терялись среди новых машин «Фиат» из Италии и «Лада» из России.
Город процветал, но в нем не было показной роскоши, как во времена Батисты. Пропали нищие и проститутки, а на смену трущобам пришла суровая невзрачность, всегда бывшая отличительной чертой коммунистических стран. Марксизм – бородавка на заднице человечества, сделал для себя вывод Хаген.
Он повернулся к Кларку:
– Сколько вы проработали дипломатом?
– Нисколько, – ответил тот. – Я из другой конторы.
– ЦРУ?
Мужчина кивнул:
– Если вам угодно.
– А как же ваши слова о Дугласе Оутсе?
– Это для той подслушивающей женщины в аэропорту. О вашей миссии мне сообщил Мартин Броган.
– Что вы думаете о том, где находится взрывное устройство и как его обезвредить?
Кларк мрачно улыбнулся:
– Давайте будем называть его ядерной бомбой. Нет никаких сомнений, что это и есть ядерная бомба малой мощности, которой будет достаточно, чтобы сровнять с землей половину Гаваны и вызвать пожар, который сожжет дотла хлипкие домишки, от центра до пригородов. И нет, мы еще не обнаружили ее. Наша секретная команда из двадцати человек обыскивает доки, те три корабля пока что тоже под вопросом. Еще ничего не прояснилось. С таким же успехом можно

попробовать найти иголку в стоге сена. До праздничного парада осталось меньше восемнадцати часов. Нам понадобится целая армия из двух тысяч искателей, чтобы найти бомбу вовремя. И что самое плохое, наша крошечная команда вынуждена вести поиски скрытно от кубинских и русских служб безопасности. Как мне представляется, детонация неизбежна.
– Если бы я только мог связаться с Кастро и передать ему предупреждение президента…
– Фидель ни с кем не станет говорить, – сказал Кларк. – Даже самые приближенные к нему наши люди из кубинского правительства, пятеро из которых занимают должности высшего уровня, не могут с ним связаться. Кажется, ваше задание выглядит еще более безнадежным, чем мое.
– Вы собираетесь эвакуировать своих людей?
Глаза мужчины печально опустились.
– Нет. Мы будем выполнять задание до конца.
Хаген молчал, водитель свернул на набережную Малекон и проехал к зданию бывшего посольства США, теперь официально занятому швейцарским посольством. Два охранника в швейцарской армейской форме распахнули перед ними высокие металлические ворота. Внезапно такси, движущееся сразу за лимузином, не дожидаясь сигнала, рвануло следом и проехало в ворота, прежде чем пораженные охранники успели среагировать и закрыть их. Из такси выпрыгнули женщина в милицейской форме и мужчина в лохмотьях. Охранники сразу же пришли в себя и подбежали к незнакомцу, тот встретил их в полубоксерской-полудзюдоистской стойке. Они остановились, расстегивая кобуру от пистолетов. Задержки хватило, чтобы женщина успела открыть заднюю дверь «Линкольна» и забраться внутрь.
– Американцы или швейцарцы? – спросила она.
– Американцы, – ответил Кларк, сраженный отвратительным ароматом, наполнившим салон автомобиля. – Что вам нужно?
Но вместо ответа она начала истерично смеяться.
– Боже мой, выглядит так, словно я спрашиваю насчет сыра – американский или швейцарский!
Шофер наконец оправился от потрясения, выпрыгнул из машины и схватил ее за талию.
– Подождите! – вмешался Хаген, увидев синяки на лице женщины. – Что происходит?
– Я из Америки, – выпалила она, приходя в себя. – Меня зовут Джесси Лебарон. Пожалуйста, помогите мне.
– Господи, – пробормотал агент. – Вы случайно не жена Рэймонда Лебарона?
– Да, именно. – Она повернулась к дикой схватке, разворачивающейся перед посольством. – Остановите их. Там Дирк Питт, директор специальных программ НУПИ.
– Я разберусь, – сказал Кларк.
Когда он успел вмешаться, Питт уже положил одного охранника и боролся со вторым. Кубинский таксист яростно прыгал рядом с ними, размахивая руками и требуя заплатить за проезд. В потасовку влезли еще несколько полицейских в штатском. Они внезапно появились со стороны улицы за воротами и принялись требовать, чтобы Питт и Джесси были переданы им. Не обращая внимания на полицейских, Кларк разнял дерущихся и дал денег таксисту. Затем повел Дирка к «Линкольну».
– Как вы здесь оказались, черт возьми? – спросил Хаген. – Президент думал, что вы либо погибли, либо вас арестовали…
– Не сейчас, – прервал их Кларк. – Нам лучше уйти, пока полицейские не забыли о неприкосновенности посольства и не начали зверeть.
Он впопыхах затолкал их в дверь и повел по коридору к американской части здания. Питту показали гостевую комнату, где он мог бы принять душ и побриться. Один из сотрудников посольства, походивший на Дирка размерами, одолжил ему свою одежду. Униформу Джесси выкинули в мусор, и она с облегчением выкупалась, чтобы избавиться, наконец, от отвратительного запаха. Врач швейцарского посольства тщательно обследовал ее, потом обработал порезы и ушибы. Он порекомендовал даме хорошо питаться и несколько часов отдохнуть, прежде чем их допросят служащие американской Секции интересов.
Питта сопроводили в небольшой конференц-зал. Когда он вошел, Хаген и Кларк поднялись со своих мест и официально представились. Предложив ему кресло, они расселись поудобнее вокруг тяжелого соснового стола ручной работы.
– У нас нет времени для долгих разговоров, – без предисловий начал Кларк. – Два дня назад мои начальники из Лэнгли сообщили о том, что вы планируете секретную атаку на Кайо-Санта-

Мария. Они доверили мне, в случае если операция провалится, устранять последствия здесь, в Гаване. Я не знал об успехе операции, пока мистер Хаген…
– Айра, – поправил его Хаген.
– …пока Айра не показал мне сверхсекретный документ, раздобытый на разрушенной базе острова. Кроме того, агент передал указания Мартина Брогана и просьбу президента разыскать вас и госпожу Лебарон. Мне было приказано немедленно сообщить им, если вас поймают и арестуют.
– Или убьют, – добавил Питт.
– И в таком случае тоже, – признал Кларк.
– Тогда вы знаете, почему мы с Джесси оторвались от группы и направились к Кубе.
– Да. Она должна передать срочное сообщение президента лично Кастро.
Питт расслабился и откинулся в кресле.
– Прекрасно. Значит, я свое дело сделал. Был бы очень вам признателен, если бы вы организовали мне обратный рейс в Вашингтон через несколько дней, а я пока займусь кое-какими личными делами.
Кларк и Хаген переглянулись, словно не хотели встречаться с Питтом взглядами.
– Простите, если мы помешаем вашим планам, – сказал Кларк. – Но у нас на руках чрезвычайная ситуация, а ваш морской опыт может оказаться полезным.
– Вряд ли я принесу вам пользу. Я полностью измотан.
– Можете уделить нам еще пару минут, чтобы мы объяснили вам, с чем мы имеем дело?
– Я слушаю.
Кларк довольно кивнул:
– Отлично. Айра прибыл сюда прямо из кабинета президента. Так что он сможет объяснить ситуацию лучше, чем я.
Он повернулся к Хагену:
– Вам слово.
Агент снял пальто, вытащил платок из заднего кармана и вытер со лба капельки пота.
– В общем, наше положение таково, Дирк. Вы не возражаете, если я буду называть вас Дирк?
– Что вы, это же мое имя.
Хаген отлично разбирался в людях, и тот, кто сидел сейчас перед ним, ему определенно нравился. Питт не был похож на человека, которого легко можно провести. Наоборот, своим видом он внушал доверие. Хаген выложил все карты на стол, рассказав о русском сценарии убийства братьев Кастро и о намерении русских взять Кубу под контроль. Не вдаваясь в подробности, он вкратце объяснил Питту, каким образом ядерную взрывчатку провезли на остров и когда примерно планируется произвести взрыв.
Когда Хаген закончил, Кларк обрисовал план операции по поиску бомбы. У них не оставалось времени, чтобы переправить на Кубу команду высококвалифицированных саперов, учитывая, что сами кубинцы не позволили бы им и шагу ступить в городе. В их расположении было всего двадцать человек и самые примитивные приборы для обнаружения излучения. На Кларке лежала ужасная ответственность за управление поисками, и он без труда объяснил Питту всю тщетность его усилий. Наконец он остановился.
• – Понимаете меня, Дирк?
– Да… – медленно произнес мужчина. – Понимаю. Спасибо.
– У вас есть вопросы?
– Есть несколько, но одно интересует меня сильнее всего. Что случится со всеми нами, если мы не найдем и не обезвредим бомбу?
– Думаю, вы и так знаете ответ, – сказал Кларк.
– Да, но я хочу услышать его от вас.
Человек из ЦРУ в этот момент напоминал лицом скорбящего на похоронах.
– Мы все умрем, – коротко сказал он.
– Вы поможете нам? – спросил Хаген.
Питт посмотрел на Кларка:
– Сколько осталось времени?
– Грубо говоря, шестнадцать часов.

Он поднялся с кресла и начал расхаживать из стороны в сторону, напрягая интуицию, чтобы отсеять лишнюю информацию. Хаген и Кларк около минуты молча наблюдали за ним, затем Дирк произнес:
– Мне нужна карта портового района.
Один из помощников Кларка в мгновение ока принес карту.
Питт разложил ее на столе и внимательно вгляделся.
– Вы сказали, что не можете предупредить кубинцев? – спросил он, изучая расположение доков в бухте.
– Нет, – ответил Хаген. – В их правительстве сплошь и рядом советские агенты. Если мы попытаемся предупредить их, они не поверят нам и только помешают нашей операции.
– А что Кастро?
– У меня задание пробраться к нему и предупредить, – сказал Хаген.
– Значит, всю вину собираются свалить на Соединенные Штаты.
– Советская пропаганда сделает все для этого.
– Можете дать мне карандаш, пожалуйста?
Выполнив его просьбу, Кларк тихо уселся, наблюдая, как американец рисует круг на карте.
– Я думаю, что корабль с бомбой находится в доке на губе Антарес.
Кларк поднял брови в удивлении:
– С чего вы взяли?
– Это самое очевидное место, отсюда можно причинить наибольший ущерб от взрыва. Губа тянется едва ли не до самого сердца города.
– Логично, – согласился собеседник. – Два подозреваемых корабля вошли в док там. Третий находится по ту сторону залива.
– Можете зачитать список прибывающих судов?
Человек из ЦРУ взглянул на страницу документа о прибытии кораблей.
– Два из них принадлежат торговому флоту Советского Союза. Третий ходит под панамской регистрацией и является собственностью корпорации, которой управляют кубинские изгнанники, оппозиционеры Кастро.
– Последний корабль – фальшивка, сфабрикованная КГБ, – сказал Хаген. – Они будут утверждать, что кубинские изгнанники – рука ЦРУ, чтобы объявить нас виновниками катастрофы. И ни одна страна в мире не поверит в нашу непричастность.
– Звучит убедительно, – сказал Кларк. – Вряд ли они стали бы перевозить бомбу на своих кораблях.
– Да, но тогда зачем бесцельно уничтожать оба других судна и их груз? – спросил Питт.
– Признаю, тут что-то не сходится.
– Как называются корабли и что они везут?
Кларк открыл другую страницу документа и зачитал текст:
– «Озеро Зайсан», советское торговое судно, перевозит военные припасы и оборудование. «Озеро Байкал», нефтяной танкер грузоподъемностью двести тысяч тонн. Липовое кубинское судно называется «Эми Бигелоу», сухогруз, на борту у него двадцать пять тысяч тонн нитрата аммония.
Питт, словно загипнотизированный, уставился в потолок.
– Нефтяной танкер – это тот, который пришвартован на другой стороне залива?
– Да, возле завода по переработке нефти.
– Он уже выгружал что-нибудь?
Кларк покачал головой:
– Возле двух грузовых кораблей не было замечено никакой активности, и танкер тоже не разгружен – он по-прежнему сидит в воде по самую ватерлинию.
Дирк снова сел и холодным, жестким взглядом оглядел собеседников.
– Джентльмены, вас обвели вокруг пальца.
Кларк мрачно посмотрел на него:
– Что вы имеете в виду?
– Вы переоценили талант русских играть на публику и недооценили их хитрость, – сказал Питт. – Ни на одном из этих кораблей нет ядерной бомбы. Для того, что они планируют сделать, она им и не нужна.

Генерал-полковник Виктор Колчак, командующий пятнадцатитысячным советским контингентом, расположенным на кубинской земле, и глава всех военных советников, вышел из-за стола и тепло обнял Великова.
– Генерал, вы не представляете, как я рад видеть вас живым.
– Взаимно, генерал-полковник, – сказал Великов, обнимая его в ответ.
– Присаживайтесь, нам нужно многое обсудить. Кто бы ни стоял за уничтожением нашей островной базы, он заплатит сполна. Президент Антонов уверяет, что он просто так это безобразие не оставит.
– Никто не обрадовался бы этому сильнее меня, – сказал Великов. – Но нам срочно нужно кое-что обсудить.
– Что думаете насчет рюмочки водки?
– Обойдусь без спиртного, – резко ответил генерал. – Операция «Ром и кола» должна начаться завтра в десять тридцать утра. Все готово?
Колчак налил себе небольшую рюмку водки.
– Советские чиновники и наши кубинские друзья незаметно покидают город малыми группами. Большая часть моих военных подразделений уже ушли, якобы для того, чтобы провести массовые маневры в сорока милях отсюда. К рассвету все наши сотрудники, оборудование и важные документы будут без лишнего шума эвакуированы.
– Оставьте кого-нибудь здесь, – вскользь вставил Великов.
Колчак поглядел на него сквозь стекло очков без оправы, словно бабушка, услышавшая от внука плохое слово.
– Кого оставить?
Генерал ответил ему насмешливым взглядом.
– Пятьдесят советских гражданских с женами и семьями и две сотни солдат из ваших подразделений.
– Вы понимаете, о чем говорите?
– Безусловно. Мы не сможем обвинить ЦРУ в смерти сотен тысяч людей, если и сами не понесем потери. Русские должны погибнуть вместе с кубинцами. И только тогда мы пожнем все плоды пропаганды, которая поможет нам как следует расчистить дорогу для нового правительства.
– Я не могу позволить себе просто выбросить на ветер жизни двухсот пятидесяти наших соотечественников.

> – Почему-то совесть не стала тревожить вашего отца, когда он обезвреживал немецкие минные поля, посылая на них ничего не подозревающих солдат
> [22]
> .

– Тогда была война.
– Сменился лишь враг, – равнодушно сказал Великов. – Мы находимся в состоянии войны с Соединенными Штатами с 1945 года. Цена людских жизней – ничто, если нам удастся взять под контроль Западное полушарие. Споры бессмысленны. Вы должны выполнить свой долг.
– Я не нуждаюсь в том, чтобы КГБ читал мне лекции о моем долге перед Родиной, – беззлобно ответил мужчина.
Генерал пожал плечами:
– Каждый из нас занимается своим делом. Вернемся к операции «Ром и кола». После взрыва ваши войска вернутся в город, окажут медицинскую помощь пострадавшим и проведут спасательные операции. Мои люди проследят, чтобы власть перешла в наши руки. Кроме того, я соберу иностранных журналистов, чтобы весь мир увидел отважных советских солдат, помогающих раненым уцелевшим людям.
– Как военный, я должен сказать, что это гнуснейшая операция. Не могу поверить, что товарищ Антонов согласился на такое.
– У него были для этого веские причины, и я, в частности, не ставлю их под сомнение.
Колчак прислонился к краю стола, поникнув плечами.
– Составлю список тех, кто останется в городе.
– Спасибо, генерал-полковник.

– Остальное подготовлено, полагаю?
Великов кивнул.
– Мы с вами будем сопровождать братьев Кастро на парадную трибуну. У меня с собой будет карманный радиопередатчик, он детонирует взрывчатку на первом корабле. Когда Кастро начнет свою длинную, как всегда, речь, мы непринужденно выйдем к поджидающему нас автомобилю. После трго как мы отъедем на безопасное расстояние – у нас будет около получаса, чтобы отдалиться на пятнадцать миль, – я нажму на кнопку передатчика, и произойдет взрыв.
– А как мы объясним наше чудесное спасение? – язвительно спросил Колчак.
– Сначала нас объявят мертвыми или пропавшими. Спустя какое-то время найдут среди раненых.
– И как мы будем ранены?
– Достаточно сильно, чтобы выглядело убедительно. Рваная форма, немного крови и несколько поддельных ран, скрытых под повязками.
– Как два хулигана, нашкодивших в гримерной театра.
– Не самая подходящая метафора.
Генерал-полковник повернулся, с грустью выглянул в окно штаб-квартиры на оживленные улицы Гаваны и вымученно произнес:
– Не могу поверить, что завтра в это же время весь город превратится в дымящиеся развалины, где будут царить страдание и смерть.
Поздним вечером президент сидел за рабочим столом. Снова все путалось, черное было невозможно отличить от белого. Должность главы правительства требовала постоянно идти на риск. Победы над конгрессом были подпорчены их поправками к законопроектам, его внешнюю политику активно критиковали мировые лидеры, пока от первоначальных предложений не оставалась лишь самая малая часть. Теперь он пытался спасти жизнь человеку, который на протяжении тридцати лет считал США врагом номер один. Он задумался, какую важность для человечества будут иметь эти события лет через двести.
В кабинет вошел Дэн Фосетт с большой чашкой кофе и бутербродами.
– Овальный кабинет никогда не спит, – с наигранной бодростью сказал он. – Ваше любимое блюдо – тунец с беконом.
Он поставил тарелку перед президентом и налил кофе.
– Может, я могу вам чем-нибудь помочь?
– Нет, спасибо, Дэн. Только отредактируй мою речь перед завтрашней пресс-конференцией.
– Мне не терпится увидеть лица журналистов, когда вы объявите о существовании лунной колонии, а затем представите Штейнмеца и его людей. Я посмотрел несколько видеороликов, снятых ими во время проведения лунных экспериментов. Потрясающее зрелище.
Глава государства отложил бутерброд в сторону и задумчиво хлебнул кофе.
– Мир сошел с ума.
Фосетт замер, надкусив бутерброд.
– Простите?
– Только подумай, как это будет нелепо. Я собираюсь оповестить мир о величайшем современном достижении человечества, а в то же время Гавана будет стерта с лица земли.
– Были еще какие-нибудь сообщения от Брогана с тех пор, как Питт и Джесси очутились в Секции интересов США?
– За последний час ничего не было. Он тоже не смыкает глаз в своем кабинете.
– Каким же все-таки чудом им удалось выжить?
– Еще и преодолеть двести миль по вражеской территории. Я и сам ума не приложу.
Зазвонил телефон прямой связи с Лэнгли.
– Да.
– На связи Мартин Броган. Из Гаваны сообщают, что ни на одном корабле до сих пор не было замечено никакого радиоактивного излучения.
– Наши люди пробирались на борт кораблей?
– Никак нет. Суда находятся под хорошей охраной. Наши люди лишь проезжали мимо двух кораблей, стоящих в доках. Еще одно судно, нефтяной танкер, пришвартовано в заливе. Они приближались к нему на небольшой лодке.
– Может быть, бомбу уже успели выгрузить и спрятать в городе?

– За кораблями ведется строгая слежка со времени их прибытия в гавань. Груз еще не выгружали.
– Что, если излучение не проникает сквозь стальной корпус кораблей?
– Специалисты из Лос-Анджелеса уверяют меня, что такое возможно. Проблема в том, что наши люди в Гаване не являются профессиональными специалистами по вопросам радиации. К тому же дело усложняется тем, что у них есть только купленные счетчики Гейгера, которые не настолько чувствительны, чтобы уловить радиоизлучение.
– Почему мы не можем отправить туда квалифицированных специалистов с нужными приборами? – удивился президент.
– Одно дело – отправить на Кубу одного человека с дипломатической миссией и небольшим чемоданчиком, я намекаю на вашего друга Хагена, и совсем другое дело – переправить целую команду с пятьюстами фунтами электронного оборудования. Если бы у нас было больше времени, мы бы смогли что-нибудь придумать. С большой долей вероятности защитные системы Кубы засекут наши попытки тайно высадиться на остров на катерах, лодках или парашютах. Лучше всего было бы пробраться туда на корабле, но нужен как минимум месяц подготовки.
– Звучит так, будто у нас какая-то серьезная неизвестная болезнь и никто не знает, как ее вылечить.
– Получается, что так, господин президент, – сказал Броган. – Все, что мы можем, – сидеть и ждать…
– Ну уж нет, я так не могу. Во имя человечества мы должны что-то сделать. Нельзя позволить всем тем людям умереть. – Он сокрушенно замолчал. – Боже, не могу поверить, что русские и вправду взорвут в городе ядерную бомбу. Разве Антонов не понимает, что еще глубже погружает нас в трясину, из которой не выбраться?
– Поверьте, господин президент, наши специалисты смоделировали на компьютерах все возможные варианты. Выхода нет. Мы ничего не добьемся, если по радио попросим кубинцев эвакуироваться из города. Они проигнорируют любое наше предупреждение.
– Есть надежда, что Айра Хаген успеет встретиться с Кастро.
– Вы действительно думаете, что Фидель примет слова агента всерьез? Слабо верится. Он подумает, что это какой-то заговор, чтобы подорвать его авторитет. Прошу прощения, но мы должны подумать в первую очередь о себе и о том, как нам выйти из данной ситуации, потому что саму катастрофу уже никак не предотвратить.
Президент не стал слушать дальше. Его лицо выражало мрачное отчаяние. «В то время как мы создаем на Луне свою колонию, подумал он, – все жители мира по-прежнему продолжают убивать друг друга по глупейшим причинам».
– Завтра утром, перед тем как объявить о лунной колонии, я соберу совещание, – сказал глава государства упавшим голосом. – Мы должны разработать план, чтобы защититься от советских и кубинских обвинений и исправить наше положение, насколько возможно.

Покинуть посольство Швейцарии оказалось делом нехитрым. Двадцать лет назад под посольством был вырыт тоннель. Он проходил на глубине более ста футов под городскими улицами, гораздо ниже всех канализационных систем, где могли рыскать кубинские патрульные в поисках Дирка. Стены тоннеля были гидроизолированными, но все равно что-то просачивалось, так что беззвучные насосы постоянно откачивали воду.
Кларк вместе с Питтом спустился в тоннель по длинной лестнице, затем провел его через проход под двумя городскими кварталами, заканчивавшийся колодцем с вертикальной лестницей. Поднявшись наверх, они оказались в примерочной женского магазина одежды. Магазин закрылся шесть часов назад, и рольставни на окнах были опущены, надежно скрывая помещение магазина от чужих взглядов. В кладовой сидели трое уставших и изможденных мужчин, которые никак не показали, что знакомы с Кларком.
– Ни к чему называть настоящие имена, – сказал человек из ЦРУ. – Это Мэнни, Мо и Джек.
Мэнни, огромный негр с глубокими морщинами на лице, одетый в старую и выцветшую зеленую футболку и штаны цвета хаки, зажег сигарету и посмотрел на Питта уставшим отрешенным взглядом. Он был похож на того, кто пережил самые страшные тяготы жизни и никогда не тешил себя иллюзиями.

Мо сквозь очки всматривался в русский разговорник. Он походил на ученого – отрешенное выражение лица, непослушные волосы, аккуратная стриженая бородка. Мужчина молча кивнул и чуть улыбнулся.
Джек был типичным латиноамериканцем из фильмов 1930-х годов – блестящие карие глаза, крепкое телосложение, блестящие белые зубы, пышные усы. Для полноты картины ему не хватало лишь барабана бонго. Он был единственным, кто поздоровался вслух:
– Привет, Томас. Пришел приободрить бойцов?
– Джентльмены, это… м-м-м… Сэм. У него есть новые идеи насчет поисков.
– И ради этого ты вытащил нас из доков? – возмутился Мэнни. – У нас и так мало времени, чтобы тратить его на всякие бредовые теории.
– Ты все так же близок к находке бомбы, как и двадцать четыре часа назад, – терпеливо сказал Кларк. – Так что лучше послушай, что он скажет.
– Да пошел ты! – ответил негр. – Как только мы нашли способ пробраться на борт одного из торговых кораблей, ты останавливаешь нас.
– Можете обыскать хоть каждый дюйм этих судов, полутоатонную ядерную бомбу вы там не найдете, – сказал Питт.

Мэнни повернулся к нему, оглядывая с головы до ног, словно лайнбекер [23], оценивающий лайнбекера другой команды.

– Ладно, умник, и где же спрятана наша бомба?
– Три бомбы, – поправил его Дирк. – И ни одна из них не ядерная.
В комнате повисла тишина. Все, кроме Кларка, с недоверием смотрели на него.
Питт вытащил из-под рубашки карту и развернул ее. Он позаимствовал у манекена несколько булавок и приколол ими карту к стене. Кажущееся равнодушие агентов ЦРУ его не смущало. Он знал, что на самом деле они наблюдательны, осторожны и рассудительны. Он не сомневался в их навыках и в том, что в них есть упорство людей, не принимающих поражения.
– «Эми Бигелоу» – первое звено в цепи уничтожения. Ее груз – двадцать пять тысяч тонн нитрата аммония…
– Это просто азотное удобрение, – перебил Мэнни.
– …которое также является химическим веществом с высокой летучестью, – продолжил американец. – Если такое количество нитрата аммония взорвется, сила взрыва будет намного больше, чем у тех бомб, что упали на Хиросиму и Нагасаки. Их сбрасывали с воздуха, и большая часть разрушительной силы рассеялась в атмосфере. Когда «Эми Бигелоу» взорвется на уровне земли, взрывная волна пронесется по Гаване ураганом кипящей лавы. «Озеро Зайсан», в декларации которого указано, что корабль везет военные припасы, скорее всего, забит боеприпасами по самую ватерлинию. Когда ударная волна от взрыва на «Эми Бигелоу» зацепит корабль, боеприпасы сдетонируют и сыграют свою роль в разрушительном кошмаре. Далее, вдобавок к всеобщей разрухе, воспламенится нефть на корабле «Озеро Байкал». А если огонь перекинется на резервуары с горючим, нефтеперерабатывающие и химические заводы и фабрики с любыми летучими веществами, то пожар может бушевать несколько дней.
По лицам агентов невозможно было понять их реакцию на рассказ Питта. Но на самом деле они были ошеломлены немыслимым ужасом преисподней, ждущей их, если все это окажется правдой.
Мо посмотрел на Кларка:
– А с ним не поспоришь.
– Согласен. В Лэнгли неправильно расшифровали намерение Советского Союза. Можно достигнуть того же самого результата, и не прибегая к ядерному террору.
Мэнни встал и сжал плечи Питта громадными каменными руками:
– Парень, я тебя недооценил. Ты действительно разбираешься в этом дерьме.
Джек впервые открыл рот:
– Невозможно успеть разгрузить корабли до начала завтрашнего праздника.
– Но их можно переместить, – подсказал Дирк.
Негр на мгновение задумался.

– Торговые суда мы успеем убрать из гавани, но я уверен, что у нас не получится даже сдвинуть танкер с места. Даже если бы у нас был буксир, нам бы удалось лишь развернуть танкер к каналу.
– Каждая лишняя миля между кораблями и гаванью может спасти сотни тысяч жизней, – сказал Питт.
– И даст нам дополнительное время, чтобы найти подрывника, – добавил Мо.
– Будет намного лучше, если мы найдем его до того, как оттащим корабли в открытое море.
– Но если нет, – мрачно пробормотал Мэнни, – то мы все идем на самоубийство.
– В таком случае твоей жене не придется тратить деньги на похороны, – саркастически улыбнулся Джек. – Потому что хоронить будет нечего.
Мо с сомнением поглядел на остальных:
– У нас не хватает людей.
– Сколько корабельных механиков вы можете подключить? – спросил Питт.
Мо окинул комнату взглядом.
– Мэнни когда-то был старшим механиком.
Он обратился к нему:
– Кого ты еще можешь назвать?
– Энрико мог бы совладать с машинным отделением. И Гектор, когда трезвый.
– Уже трое, – сказал Питт. – Что с матросами?
– Пятнадцать человек, не считая Мо и Джека. С ними семнадцать, – ответил Кларк.
– Всего двадцать, и я двадцать первый, – подытожил Дирк. – Лоцманы есть?
– Все эти ублюдки под колпаком у Кастро, – фыркнул Мэнни. – Придется управлять кораблями своими силами.
– Постойте-ка минутку, – вмешался Мо. – Даже если мы пройдем через охранников, присматривающих за доками, нам нужно думать, что делать с экипажем кораблей.
Питт повернулся к Кларку:
– Если ваши люди устранят охранников, я беру на себя экипаж.
– Я лично поведу нашу боевую группу, – ответил Кларк. – Но мне просто интересно, как вы собираетесь выполнить свою часть плана.
– Уже все сделано, – широко улыбнулся Питт. – Корабли пусты. Могу поспорить, что экипаж незаметно эвакуировался в безопасное место, где их не зацепит взрыв.
– Думаю, Советы постарались бы сохранить жизни своих людей, – сказал Мо. – Но я уверен, что на иностранный экипаж «Эми Бигелоу» им наплевать.
– Конечно, но, с другой стороны, они не стали бы рисковать. Вдруг какой-нибудь любопытный член экипажа наткнется на детонирующее устройство.
Джек ненадолго задумался, потом сказал:
– Оказывается, все просто, как дважды два. Парень отлично соображает.
Теперь Мэнни смотрел на Питта с уважением:
– Ты из нашего агентства?
– Нет, я работаю в НУПИ.
– Вот дела, меня обставил любитель, – вздохнул негр. – Кажется, пора на пенсию.
– Как ты считаешь, сколько человек стоит на охране кораблей? – спросил Кларк.
Мэнни вынул из кармана грязный платок и, прежде чем ответить, громко высморкался.
– Возле «Бигелоу» крутится около десятка человек. Столько же возле «Зайсана». Рядом с нефтяным танкером пришвартован небольшой патрульный катер. Думаю, на нем может быть не более шести-семи.
Кларк начал расхаживать по комнате из стороны в сторону.
– Тогда поступим так. Собирайте людей. Моя команда устранит охранников и будет прикрывать операцию. Мэнни, ты с парнями уводишь «Эми Бигелоу». Мо, на тебе «Озеро Зайсан». Джек, буксир – это по твоей части. Главное, чтобы никто не поднял тревогу во время операции. Осталось шесть часов до захода солнца. Не будем терять ни минуты. – Он остановился и осмотрелся. – Вопросы есть?
Мо поднял руку:
– После того как мы переместим корабли в открытое море, что делать дальше?
– Найди на корабле моторный катер, прыгай в него и, пока не рвануло, убирайся оттуда так быстро и далеко, как только сможешь.

Все молчали. Каждый понимал, что шансы выжить практически равны нулю.
– Я хотел бы пойти с Мэнни, – сказал Питт. – Я неплохо справляюсь со штурвалом.
Негр поднялся на ноги и так хлопнул Дирка по спине, что у того на секунду сбилось дыхание.
– Мне бы у тебя учиться и учиться.
Питт серьезно взглянул на него:
– Будем надеяться, что мы проживем достаточно, чтобы ты преуспел в этом.
«Эми Бигелоу» была пришвартована у длинного причала, недавно построенного советскими инженерами. В нескольких сотнях ярдов от нее, по другую сторону канала, виднелся кремовый корпус темного и пустынного корабля «Озеро Зайсан». Огни города блестели на черной воде гавани. С гор спустились облака, прошли над городом и уползли в море.
С бульвара Десампарадос свернул русский автомобиль, сопровождаемый двумя тяжелыми военными грузовиками. Конвой медленно проехал по территории порта и остановился возле трапа «Эми Бигелоу». Из караульной будки показался часовой и осторожно подошел к машине.
– У вас есть разрешение на въезд? – спросил он.
Кларк, одетый в униформу кубинского полковника, высокомерно посмотрел на часового.
– Позови начальника караула, – резко приказал он. – И впредь говори «сэр», когда обращаешься к офицеру.
Увидев знак отличия на военной форме Кларка под желтоватым натриевым фонарем набережной, часовой выпрямился по стойке «смирно» и отдал честь:
– Так точно, сэр. Я позвоню ему.
Он прибежал назад в караульную и схватил рацию. Кларк беспокойно заерзал на сиденье. Важно было, чтобы хитрость сработала, иначе весь план мог полететь в тартарары. Если начнется перестрелка, сигнал тревоги поднимет на ноги все военные гарнизоны города. Кроме того, русские могли бы почувствовать, что их загнали в угол, и произвести взрыв раньше намеченного.
Из двери соседнего склада вышел капитан, на мгновение остановился, чтобы рассмотреть машины, затем подошел к первому автомобилю со стороны пассажирского сиденья и обратился к Кларку:
– Капитан Роберто Аррас, – представился он, отдавая честь. – Чем могу помочь, сэр?
– Полковник Эрнесто Перес, – ответил Кларк. – Мне приказано сменить вас и ваших людей на посту.
Аррас выглядел озадаченным.
– У меня приказ охранять корабли до завтрашнего полудня.
– Обстоятельства изменились, – отрезал Кларк. – Собирайте ваших солдат и возвращайтесь в казармы.
– Если вы не возражаете, полковник, я должен позвонить моему командиру и услышать от него подтверждение.
– А он, в свою очередь, должен будет позвонить генералу Мелене, а тот уже спит. – Фальшивый полковник холодно уставился на него, прищурив глаза. – Доклад о вашем неповиновении вряд ли поможет вам получить звание майора.
– Да будет вам, сэр, я же не отказываюсь повиноваться старшим по званию.
– Тогда советую вам не забывать, что и я тоже старше вас по званию.
– Так точно, полковник. Я… я не забываю. – Он отступил. – Сейчас соберу солдат.
– Выполняйте.
Спустя десять минут двадцать четыре солдата Арраса выстроились в линию и приготовились к отъезду. Кубинцы охотно выполняли смену караула. Каждый из них обрадовался такой новости и с нетерпением ждал возвращения в казармы для ночного сна. Казалось, что капитан не обратил внимания на то, что люди полковника старались держаться в тени грузовиков.
– Это все ваши солдаты? – спросил Кларк.
– Да, сэр. Я пересчитывал.
– А те, которые стоят возле следующего корабля?
– Прошу прощения, полковник. Я оставил часовых на трапе, пока ваши солдаты не займут позиции. Когда будем уезжать, мы их подберем.
– Хорошо, капитан. Задний грузовик пуст. Приказывайте солдатам забираться в него. Сами берите мою машину. Позже я пришлю в ваш штаб помощника, он заберет ее.
– Спасибо за услугу, сэр.

Во время разговора Кларк не убирал руку с крошечного пистолета 25-го калибра с глушителем, засунутого в карман брюк, но вытаскивать его не пришлось. Кубинцы уже перелезали через борт грузовика под руководством сержанта. Фальшивый полковник уступил сиденье Аррасу и непринужденно зашагал к грузовику, где сидели Питт и кубинские моряки.
Автомобили развернулись и уехали, но вдруг на территорию порта мимо них свернула еще одна военная машина с русским офицером. Он высунулся из окна заднего сиденья и подозрительно нахмурился:
– Что здесь происходит?
Кларк медленно подошел к машине и обогнул ее спереди, убедившись, что внутри находятся только офицер и его водитель.
– Смена караула.
– Я не слышал о таком приказе.
– Приказ отдавал лично генерал Великов, – сказал мужчина, останавливаясь в двух футах от задней двери. Теперь он видел, что русский тоже был полковником.
– Я только что прибыл из штаба генерала для проверки несения службы. Он мне ничего не говорил о смене караула. – Полковник потянулся к ручке двери, намереваясь выйти из машины. – Здесь какая-то ошибка.
– Нет никакой ошибки, – сказал Кларк.
Он прижал дверь коленом и внезапно выстрелил полковнику между глаз. Затем хладнокровно выпустил две пули в затылок водителю.
Несколько минут спустя машина подкатилась к спуску между причалами и исчезла в черной воде.

Мэнни пошел впереди, ведя за собой Питта и четверых кубинских моряков торгового флота. Пробежав по трапу на верхнюю палубу «Эми Бигелоу», они разделились. Дирк поднялся по лестнице на среднюю палубу, остальные направились вниз по трапу в машинное отделение. В рулевой рубке было темно, и Питт не стал включать свет. За следующие полчаса он ознакомился с электронным оборудованием управления кораблем и системой связи, подсвечивая себе фонариком и запоминая расположение всех рычагов и переключателей.
Он поднял трубку корабельного телефона и позвонил в машинное отделение. Прошла целая минута, прежде чем Мэнни ответил:
– Что тебе надо, черт возьми?
– Просто проверяю, – сказал Питт. – Я готов, жду вас.
– Тебе придется долго ждать, мистер.
Прежде чем собеседник ответил ему, в рубку вошел Кларк.
– Ты говоришь с Мэнни? – спросил он. – Скажи, пусть немедленно поднимается сюда.
Питт передал ему неожиданную команду Кларка и тут же был послан по известному адресу, затем связь прекратилась.
Через минуту негр, пропахший потом и маслом, ворвался в дверь рубки.
– Говори быстрее, – бросил он Кларку. – У меня проблема.
– У Мо кое-что похуже.
– Я уже знаю. Не может запустить двигатели.
– Твои хоть запускаются?
– А с чего бы им не запускаться?
– Советский экипаж кувалдами отбил все вентили на «Озере Зайсан», – напряженно сказал Кларк. – Мо говорит, что на ремонт уйдет не меньше двух недель.
– Придется Джеку отбуксировать в море и его, – решительно сказал Питт.
Мэнни плюнул через двери рубки.
– Тогда он точно не успеет оттащить танкер. Русские не слепые. Они просекут наш план, как только взойдет солнце.
Кларк медленно кивнул в знак согласия.
– Боюсь, что он прав.
– Что ты предлагаешь? – спросил Питт у напарника.
– Если бы на этой посудине были дизельные двигатели, я бы запустил их за два часа. Но вместо этого у нее паровые турбины.
– Сколько времени тебе понадобится?

Мэнни опустил взгляд в пол палубы, проворачивая в уме длинные и сложные подсчеты.
– Мы начинаем работу с мертвой точки. Для начала запустим аварийный дизельный генератор и разожжем горелки в котлах, чтобы подогреть топливо. Нужно очистить трубопроводы от конденсата, разжечь котлы и запустить вспомогательный двигатель. Затем придется подождать, пока давление пара станет достаточно сильным, чтобы можно было включить турбины. Это займет в лучшем случае четыре часа… если все будет в порядке.
– Четыре часа? – ошеломленно переспросил Кларк.
– Тогда мы не успеем убрать «Эми Бигелоу» из Гавани до рассвета, – сказал Питт.
– Все безнадежно, – с усталой уверенностью в голосе сказал начальник Секции интересов США.
– Нет, не безнадежно, – твердо сказал Дирк. – Если мы вытащим из гавани хотя бы один корабль, жертв будет на треть меньше.
– И мы все погибнем, – добавил Кларк. – Нам оттуда не выбраться. Два часа назад я расценивал наши шансы выжить как пятьдесят на пятьдесят. Но теперь, когда твой старый знакомый Великов заметит пар от одного из этих кораблей, уходящий за горизонт, я так не думаю. И не будем забывать, что на дне залива отдыхает советский полковник, рано или поздно его хватятся, и весь полк придет сюда его искать.
– И еще тот начальник караула, – сказал Мэнни. – Он быстро поумнеет, когда получит втык за самовольный уход с поста без надлежащего приказа.
Снаружи понемногу усиливался гул тяжелых дизельных двигателей, затем послышались три приглушенных сигнала судового колокола.
Питт выглянул в окно ходового мостика.
– Приближается Джек на буксире.
Он развернулся и посмотрел на огни города. Они напомнили ему огромную шкатулку с драгоценностями. Дирк задумался о детях, которые отправились в кровати, с нетерпением ожидая завтрашнего праздника. Он думал о том, сколько из них могут больше не проснуться.
– Надежда все еще есть, – наконец сказал он. Затем кратко изложил свои мысли о том, как сделать разрушения минимальными и спасти большую часть Гаваны. Закончив, Дирк перевел взгляд с негра на Кларка. – Ну, как по-вашему, это осуществимо?
– Осуществимо? – оцепенел начальник. – Чтобы я с тремя парнями сдерживал половину кубинской армии в течение трех часов? Это все равно что подписать себе смертный приговор.
– Мэнни?
Негр не сводил глаз с Питта, пытаясь разглядеть что-нибудь на его обветренном лице, едва различимом в свете тусклых фонарей пристани. Зачем американец рискует жизнью ради людей, готовых пристрелить его без предупреждения? Он знал, что никогда не найдет ответ на этот вопрос в темной рулевой рубке «Эми Бигелоу», поэтому просто пожал плечами, заканчивая разговор.
– Мы теряем время, – сказал он, затем развернулся и направился обратно в машинное отделение судна.
У главных ворот охотничьего домика Кастро на холмах к юго-востоку от города остановился длинный черный лимузин. На переднем бампере развевались два флага: один Советского Союза, а другой свидетельствовал о том, что в машине находится военный офицер высшего ранга.
Дом для посетителей за окруженным забором поместьем являлся штаб-квартирой для элитных телохранителей Кастро. К машине медленно подошел мужчина в шитой на заказ униформе без знаков отличия. Он посмотрел на затемненный силуэт массивного советского офицера, сидевшего на заднем сиденье, и проверил документы, протянутые в окно.
– Генерал-полковник Колчак, вам не обязательно представляться мне. – Плавным движением руки он отдал честь. – Хуан Фернандес, начальник службы безопасности Фиделя.
– Вы когда-нибудь спите?
– Я сова, – сказал Фернандес. – Что вас привело сюда в такой час?
– Непредвиденные обстоятельства.
Мужчина подождал дальнейших объяснений, но их не последовало. Он почувствовал неловкость. Хуан понимал, что советского военного высшего ранга может поднять на ноги в три тридцать утра лишь действительно критическая ситуация. Поэтому не знал, как ему поступить.

– Мне очень жаль, сэр, но Фидель отдал строгий приказ никому не беспокоить его.
– Я уважаю пожелания президента Кастро. Тем не менее я должен поговорить с Раулем. Пожалуйста, передайте ему, что я прибыл сюда в срочном порядке, чтобы поговорить с ним лицом к лицу.
Фернандес на мгновение обдумал его слова и затем кивнул:
– Я позвоню его помощнику и передам, что вы ждете.
– Спасибо.
Начальник службы безопасности махнул рукой человеку в доме для посетителей, и ворота автоматически открылись. Лимузин проехал около двух миль по извилистой дорожке между холмов. Наконец автомобиль подъехал к большой вилле, отделанной в испанском стиле, возвышающейся над темными холмами, усеянными далекими огоньками.
Водитель вышел из машины и подошел к двери заднего сиденья. Под ногами хрустел гравий. Не открывая двери, он простоял рядом с машиной около пяти минут, непринужденно разглядывая охранников, патрулирующих территорию. Наконец начальник штаба Рауля Кастро вышел из дома, зевая во весь рот.
– Генерал-полковник, какая приятная неожиданность, – без особого энтузиазма произнес он. – Пожалуйста, входите. Рауль подойдет к вам.
Советский офицер молча вытащил свое грузное тело из машины и прошел вслед за помощником по широкой террасе в вестибюль домика. Он вытер лицо платком и высморкался. Водитель шел за ними, отставая на несколько шагов. Помощник Кастро отошел в сторону и указал рукой в сторону зала трофеев:
– Располагайтесь поудобнее. Я принесу кофе.
Оставшись в одиночестве, двое мужчин молча стояли спиной к открытой двери и разглядывали кабаньи головы на стенах и десятки чучел разных птиц, расставленных по всей комнате.
Вскоре в зал вошел Рауль Кастро в пижаме и богато украшенном шелковом халате. Когда гости повернулись к нему, он замер на полпути, от неожиданности и удивления сдвинув брови.
– Кто вы такие, черт побери?
– Меня зовут Айра Хаген, и я пришел передать вам важнейшее сообщение от президента Соединенных Штатов.
Агент замолк и кивнул водителю, тот снял фуражку, и длинные волосы рассыпались по плечам.
– Прошу разрешения представить вам госпожу Джесси Лебарон. Она пережила суровые испытания, чтобы доставить вам личный ответ президента по предложению вашего брата касательно американско-кубинского договора о дружбе.
На мгновение в комнате повисла такая мертвая тишина, что Хаген мог расслышать тиканье старинных напольных часов у дальней стены. Рауль перевел темные глаза с Хагена на Джесси и принялся внимательно разглядывать ее.
– Джесси Лебарон мертва, – потрясенно сказал он тихим голосом.
– Я выжила после крушения дирижабля и пыток генерала Петра Великова. – Ее голос звучал спокойно и твердо. – У нас с собой есть задокументированное доказательство того, что он намерен убить вас и Фиделя завтра утром во время празднования Дня знаний.
Прямота ее слов и уверенный тон произвели на Рауля впечатление.
Кастро немного призадумался, затем кивнул:
– Я разбужу брата, чтобы он выслушал вас.

Великов наблюдал, как картотеку из его кабинета заталкивают на ручную тележку и спускают вниз на лифте в огнестойкий подвал советского посольства. В захламленную комнату вошел второй по старшинству после Великова офицер КГБ, сбросил с кресла стопку документов и уселся.
– Жалко будет сжигать все бумаги, – устало сказал он.
– Потом из пепла восстанет новое здание, лучше прежнего, – хитро улыбаясь, сказал Великов. – Это будет великодушным подарком от кубинского правительства.
Зазвонил телефон, и генерал незамедлительно ответил:
– Что там?
Из трубки донесся голос секретаря:
– Майор Борщев хочет поговорить с вами.
– Соедините.

– Генерал?
– Да, Борщев, в чем дело?
– Капитан береговой охраны самовольно оставил свой пост и вместе с солдатами вернулся на базу за пределами города.
– Они что, оставили корабли без охраны?
– Ну… не совсем.
– Так они покинули пост или нет?
– Он утверждает, что ему было приказано передать охрану постов другому подразделению под командованием полковника Эрнесто Переса.
– Я не отдавал такого приказа.
– Я в курсе, генерал. Если бы вы отдали такой приказ, я бы, безусловно, об этом знал.
– Кто такой Перес и из какой он воинской части?
– Мои сотрудники пробили его по всем базам данных кубинских военных. Такого офицера не существует.
– Я лично послал полковника Микояна проверить посты возле кораблей. Свяжитесь с ним и спросите, что за безобразие там происходит.
– Я уже полчаса как пытаюсь связаться с ним, – сказал майор. – Он не отвечает.
Зазвонил телефонный аппарат другой линии, и Великов поставил Борщева на удержание.
– Кто на линии? – рявкнул он.
– Хуан Фернандес. Хочу сообщить, что генерал-полковник Колчак только что прибыл на встречу с Раулем Кастро.
– Не может быть!
– Я лично пропустил его через ворота.
Новый поворот событий еще сильнее ошеломил Великова. Его лицо перекосилось от гнева, дыхание стало вырываться с громким шипением. За последние тридцать шесть часов ему удалось поспать всего часа четыре, поэтому мозг начало заволакивать туманом.
– Вы еще здесь, генерал? – тревожно прервал тишину Фернандес.
– Да, да. Слушайте меня. Пойдите к дому и выясните, что делают Кастро и Колчак. Подслушайте их разговор и через два часа доложите мне.
Не дожидаясь ответа, он переключился на другую линию:
– Майор Борщев, поднимайте подразделение и отправляйтесь к докам. Лично поведите солдат. Проверьте, что это за Перес и кто его люди, затем доложите мне, как только что-то выяснится.
Затем Великов позвонил секретарше:
– Соедините меня со штабом генерал-полковника Колчака.
Его заместитель, выпрямившись в кресле, с любопытством наблюдал за ним. Он никогда не видел, чтобы генерал так нервничал.
– Что-то не так?
– Пока не знаю, – пробормотал мужчина.
Вдруг из трубки послышался знакомый голос Колчака:
– Как идут дела у ГРУ и КГБ?
Звонящий остолбенел на несколько мгновений, затем спросил:
– Где вы?
– Где я? – переспросил генерал-полковник. – В своем штабе. Как и вы, перебираю секретные документы и перемещаю оборудование. А вы думали, где я?
– Мне только что доложили, что вы приехали к охотничьему поместью Кастро на встречу с Раулем.
– К сожалению, я еще не научился присутствовать в двух местах одновременно, – невозмутимо сказал Колчак. – По-моему, вашим агентам начинают чудиться призраки.
– Самое странное, что сообщение пришло из надежного источника.
– Операции «Ром и кола» что-нибудь угрожает?
– Нет, все идет по плану.
– Отлично. Значит, полагаю, все пройдет гладко.
– Да, – старательно подавляя внезапный приступ страха и неуверенности, солгал Великов. – Ситуация под контролем.

Буксир «Писто» назывался так в честь испанского блюда из тушеного красного перца, цукини и помидоров. Красные полосы ржавчины на обшивке бортов и зеленоватые наплывы медянки на давно не чищенных латунных деталях делали название особенно уместным. Тем не менее, несмотря на запущенный внешний вид судна, большой дизельный двигатель мощностью в три тысячи лошадиных сил, вибрирующий внутри, был чистым и блестящим, как отполированная бронзовая скульптура.
Вцепившись руками в большое рулевое колесо из тикового дерева, Джек всматривался в гигантский корпус корабля, маячившего в темноте за запотевшим окном. Корабль казался таким же зловещим и мрачным, как и два других груженных смертью судна, пришвартованные в доках. Ходовые огни были выключены, и только патрульный катер, огибавший корпус танкера длиной тысяча сто футов и его стошестидесятифутовый нос, предупреждал остальные суда, чтобы держались отсюда подальше.
Капитан остановил «Писто» рядом с танкером «Озеро Байкал» и осторожно приблизился к тросу кормового якоря. На патрульном катере сразу же заметили странные маневры и подплыли к буксиру. Трое мужчин спрыгнули с мостика и подбежали к установленному на носу катера пулемету. Джек позвонил в машинное отделение, чтобы передать команду «Стоп машина!», что на самом деле было сделано напоказ, потому что волна под носом буксира уже превратилась в мелкую рябь.
Молодой лейтенант с бородкой высунулся из рулевой рубки патрульного катера и произнес в громкоговоритель:
– Вы находитесь в зоне с ограниченным доступом. Вам запрещено здесь находиться. Немедленно убирайтесь!
Джек сложил руки рупором и прокричал:
– У меня сели генераторы, а дизель сдох. Можете отбуксировать меня?
Мужчина раздраженно покачал головой:
– Это военное судно. Мы не можем вас отбуксировать.
– Могу я подняться к вам на борт и позвонить своему начальнику? Он пришлет буксир.
– А что не так с аварийным источником питания?
– Он не работает, – беспомощно пожал плечами Джек. – Его уже никак не отремонтировать. Я жду своей очереди.
Два судна сошлись так близко, что почти соприкасались бортами. Лейтенант отложил громкоговоритель и сиплым голосом ответил:
– Я не могу вам этого позволить.
– Тогда мне придется простоять здесь до утра, – раздраженно ответил Джек.
Собеседник сердито махнул рукой и сдался:
– Ладно, поднимайтесь на борт и звоните.
Джек спустился по лестнице на палубу и перепрыгнул через четырехфутовый зазор между суднами. С ленивым безразличием осмотревшись по сторонам, он отметил про себя трех расслабленных матросов у пулемета, покуривающего сигарету помощника возле руля катера и уставшего лейтенанта. Он знал, что на катере должен быть еще один матрос – судовой механик.
Лейтенант подошел к нему:
– Поторопитесь. Вы мешаете военной операции.
– Простите, – мягко сказал Джек, – но я же не виноват в проблеме с судном.
Он подался вперед, будто хотел пожать руку лейтенанту, и внезапно выпустил в его сердце две пули из бесшумного пистолета. Затем спокойно расстрелял рулевого.
Трое матросов возле пулемета судорожно изогнулись и упали на палубу, пронзенные стрелами, выпущенными экипажем Джека из арбалета, а инженер даже не успел почувствовать боль от пули, впившейся ему в голову. Он упал на дизельный двигатель катера, безжизненно раскинув руки, сжав в них тряпку и гаечный ключ.
Джек вместе со своими людьми оттащил тела вниз и спешно вытащил все пробки из спускных отверстий и забортные клапаны. Затем они вернулись на буксир, не обращая внимания на тонущий патрульный катер, который ушел в темноту вместе с приливом.
Трапа на танкере не оказалось, поэтому пришлось перебросить через перила пару шлюпочных якорей. Джек и двое его матросов вскарабкались через борт и затем достали переносной ацетиленовый генератор и сварочный резак.

Спустя сорок пять минут якорные цепи были перерезаны, и маленький «Писто», словно муравей, пытающийся сдвинуть слона, уткнул тяжелый тросовый кранец в огромную корму «Озера Байкал». Дюйм за дюймом, на первый взгляд почти незаметно, затем ярд за ярдом буксир начал выталкивать танкер к середине залива, подальше от нефтеперерабатывающего завода.
Питт смотрел на лениво отдаляющийся силуэт танкера «Озеро Байкал» через ночной бинокль. К счастью, отлив сыграл им на руку, унося гигантское судно подальше от сердца города.
Он перерыл все трюмы в поисках чего-нибудь похожего на детонирующее устройство, но удалось найти лишь дыхательный аппарат. В итоге мужчина сделал вывод, что детонатор должен находиться где-то под мешками нитрата аммония в одном из средних грузовых трюмов. Спустя почти два часа он поднялся на верхнюю палубу и облегченно вдохнул прохладный морской ветерок.
Когда на его часах было 4.30, «Писто» повернул назад к докам. Буксир подплыл прямо к судну с боеприпасами. Джек подошел к нему задним ходом, чтобы люди Мо схватились за буксировочный трос, закрепленный на большом брашпиле на корме буксира, и наскоро обмотали им кнехты корабля «Озеро Зайсан». Моряки отдали швартовые, но как только «Писто» приготовился буксировать корабль, на пристань с ревом выехал военный конвой из четырех грузовиков.
Питт бросился вниз по трапу и сломя голову побежал к докам. Остановившись напротив кормы, он спрятался за подъемным краном. Затем сорвал толстый, пропитанный маслом трос со швартовной тумбы и сбросил в воду. Времени, чтобы отдать концы, уже не оставалось. Из грузовиков повыпрыгивали вооруженные до зубов солдаты и принялись разбиваться на группы. Дирк помчался по трапу назад и запустил электрическую лебедку, с ее помощью они втащили трап на палубу, чтобы предотвратить нападение с пристани.
Питт схватил трубку и позвонил в машинное отделение.
– Мэнни, они здесь, – коротко сказал он.
– Воздух уже разрежен, и я достаточно растопил котел, чтобы сдвинуть корабль с места.
– Отличная работа, дружище. Ты смог сделать это на полтора часа раньше, чем мы думали.
– Тогда самое время сваливать отсюда.
Питт подскочил к машинному телеграфу и переключил рукоятку в положение «Приготовить машину». Потом развернул штурвал, чтобы корма отошла от пристани, и затем переключил рукоятку в положение «Самый малый назад».
Мэнни переключил режим, и Дирк почувствовал тихую вибрацию двигателя под ногами.
Внезапно Кларк с тревогой начал осознавать, что вражеские солдаты значительно превосходили числом его маленькую группку людей и теперь любой путь к побегу оказался отрезан. Кроме того, он стал понимать, что им придется иметь дело не против обычных кубинских солдат, а против элитных военных подразделений советской пехоты. В лучшем случае им удастся выиграть всего несколько минут, но и этого времени может хватить, чтобы корабли успели уйти подальше от доков.
Он пошарил рукой в холщовой сумке за поясом и достал гранату. Выступив из тени, он зашвырнул ее в грузовик, стоявший позади других. Прозвучал глухой взрыв, затем полыхнула яркая вспышка пламени от разорвавшегося топливного бака. Грузовик словно разорвался изнутри, и солдаты разлетелись по доку, как горящие кегли.
Начальник Секции интересов США пробежал мимо ошеломленных и испуганных русских, перепрыгивая через кричащих раненых, которые катались по земле, отчаянно пытаясь потушить огонь, пожирающий одежды. Через мгновение прогремели взрывы после еще трех точных бросков в остальные грузовики, эхом отражаясь по всему заливу.
Над крышами складов взвились новые языки пламени и клубы дыма. Пехотинцы, не задумываясь, бросали автомобили и старались спастись из этого ада. Но некоторые все же решались ответить и начали стрелять в темноту во все, что им смутно напоминало человеческий силуэт. Звуки канонады смешивались со звоном бьющегося стекла на окнах складов.
Маленькая группка Кларка из шести бойцов не спешила открывать огонь. Пули, выпущенные в их сторону, прошли высоко над головами. Пока они выжидали, Кларк смешался с беснующимися солдатами, которые совершенно не ожидали увидеть человека в униформе кубинского офицера, и начал на чистом русском материть всех вокруг и призывать пехотинцев оцепить причал.

– Строиться! Строиться! – разгоряченно кричал он. – Они уходят. Живей, придурки, предатели сейчас сбегут!

Внезапно он лицом к лицу столкнулся с Борщевым. Советский майор удивленно поднял брови, Кларк моментально схватил его за руку и сбросил с причала в воду. К счастью, из-за всеобщей паники падения никто не заметил.

– За мной! – закричал он и побежал к доку, окруженному двумя складами. Поодиночке и группами по четыре или пять человек советские пехотинцы двинулись за ним. Пригнувшись и грамотно, зигзагами, передвигаясь по пристани, они все дальше уходили от пылающих языков пламени.

Казалось, что они смогли оправиться от шока и были полны решимости отомстить невидимому врагу. Но они не догадывались, что, сбежав от одного кошмара, тут же попадут в другой. Никто даже не подумал усомниться в приказах Кларка. Не слыша возражений от своего командира, сержанты приказали солдатам следовать за офицером в кубинской форме, который, судя по всему, собирался повести их в атаку.

Когда пехотинцы бросились в проулок между складами, Кларк рухнул на землю, будто его зацепило пулей. На самом деле это был знак людям Кларка открывать огонь. Пули полетели в русских пехотинцев со всех сторон. Многие из них получили ранения в ноги. Попасть в их силуэты на фоне горящих грузовиков было не сложно. Те, кому повезло выжить после первых шквальных выстрелов, открыли огонь в ответ. Стоял оглушительный стрекот автоматных очередей, пули с глухим стуком врезались в деревянные стены и человеческую плоть либо летели дальше и рикошетили, разрезая ночь визгами.

Начальник Секции интересов США попытался рывком перекатиться за упаковочный ящик и спрятаться за ним, но в бедро врезалась пуля, затем еще одна зацепила оба запястья.

Разбитые, но сражающиеся до конца, советские пехотинцы начали отступать. Они тщетно попытались покинуть территорию порта и укрыться за бетонной стеной на главном бульваре, но двое бойцов Кларка шквальным огнем перекрыли дорогу.

Он сам лежал за ящиком, из простреленных рук сочилась кровь, мужчина чувствовал, как жизнь выходит из него, но не мог ничего поделать. Его руки свисали, как сломанные сучья деревьев, он не чувствовал своих пальцев. Когда черная пелена начала застилать его глаза, раненый изо всех сил заставил себя подползти к краю причала и посмотреть на гавань.

Очертания двух грузовых кораблей на фоне огней противоположного берега были последним зрелищем, которое он увидел. Слегка покачиваясь, они отдалялись от доков и разворачивались к выходу из гавани.

Пока на пристани бушевала битва, маленький «Писто» взял «Озеро Зайсан» на буксир и начал толкать к выходу из гавани кормой вперед. С огромным трудом преодолевая расстояние, буксир взбивал массивным гребным винтом маслянистую воду, поднимая брызги пены.

Огромное судно водоизмещением в двадцать тысяч тонн пришло в движение, на его непропорциональном корпусе играли оранжевые блики. Выйдя из доков, Джек по широкой дуге развернул корабль с боеприпасами на 180 градусов, чтобы «Озеро Зайсан» двигалось к выходу из гавани носом вперед. После этого можно было отсоединить буксировочный трос и смотать его на брашпиль [24].

В рулевой рубке «Эми Бигелоу» Питт крутил штурвал, надеясь, что это может чем-то помочь. Он напрягся и едва дышал. Носовой швартов [25] все еще был надежно закреплен. Он туго натянулся и поскрипывал от чудовищного напряжения – но не рвался. Словно пес, натянувший поводок, «Эми Бигелоу» слегка приподняла нос, увеличивая нагрузку на швартовый трос. Трос выдержал и это – но швартовый кнехт не устоял и с оглушительным треском вырвался из стены дока.

По кораблю волной пробежала дрожь, и он мало-помалу начал отступать назад в гавань. Питт повернул штурвал, и нос корабля медленно развернулся боком к отдаляющимся докам. Вибрация от двигателя стала ровнее, и вскоре судно начало бесшумно скользить по воде, оставляя за кормой легкий дымок из трубы.
Едва ли не всю береговую линию охватил огонь, пламя горящих грузовиков отбрасывало жуткие мерцающие блики на стены рулевой рубки. Весь экипаж судна, кроме Мэнни, поднялся из машинного отделения и собрался на носу. Теперь, когда у Питта появилось пространство для маневров, он выкрутил штурвал направо и нажал на телеграфе «Малый вперед». Негр выполнил его команду, судно «Эми Бигелоу» перестало идти задним ходом и медленно поползло вперед.

Когда темный корпус корабля «Озеро Зайсан» выровнялся по траверзу
[26]
, звезды на востоке начинали тускнеть. К носу корабля подошел буксир, и Дирк передал в машинное отделение команду «Стоп машина!». Экипаж «Писто» забросил наверх направляющий конец, привязанный к ровному ряду других, более мощных канатов. Мужчина с мостика наблюдал, как их затаскивали на борт. Затем буксировочный трос был поднят и жестко закреплен на передней лебедке.

То же самое проделали и на корме дрейфующего «Озера Зайсан», подняв на борт левую якорную цепь. После того как лебедка затащила цепь наверх, ее звенья в нескольких местах приковали к кораблю. Таким образом была установлена двусторонняя связь. Три судна скрепили вместе, «Эми Бигелоу» – посередине.
Джек подал на «Писто» звуковой сигнал, и буксир начал идти малым ходом вперед, выбирая провисающую длину троса. Питт стоял на крыле мостика и смотрел на корму. Когда один из людей Мэнни сообщил, что буксирная цепь на корме натянута туго, Дирк легко дернул паровой свисток и повернул рычаг телеграфа на «Полный вперед».
Последний этап его плана был выполнен. Нефтяной танкер остался позади, дрейфуя напротив нефтехранилищ на другом берегу гавани, но в целой миле от густонаселенной части города. Два других корабля и их смертоносный груз вырвались в открытое море, буксир помог «Эми Бигелоу» набрать скорость и оттащить подальше весь караван кораблей.
Позади них в голубое утреннее небо поднимался огромный столб дыма и пламени. Кларку удалось выиграть для них достаточно времени и подарить шанс на успех, но это стоило ему жизни.
Питт не оглядывался назад. Его взгляд, словно магнитом, был прикован к огням маяка над серыми стенами мрачной крепости Эль-Морро, защищающей вход в бухту Гаваны. До нее оставалось всего три мили, но казалось, будто все тридцать.
Жребий брошен. Негр увеличил мощность на втором двигателе, и два винта принялись сильнее взрезать воду. «Эми Бигелоу» набирала скорость. Сперва с двух узлов до трех, потом с трех до четырех. Судно на всех парах мчалось к каналу, где стоял маяк, напоминая собой породистого клейдесдальского тяжеловоза, рвущегося к победе на соревнованиях.
Казалось, всего сорок минут отделяло их от благополучного возвращения. Но ничего не предвещало того немыслимого события, какое ожидало их впереди.
Майор Борщев уклонился от горящих обломков, которые с шипением падали в воду. Проплывая под причалом, он слышал грохот стрельбы из автоматов и видел, как в небо поднималось пламя. Грязная вода между доками была прохладной, пахло дохлой рыбой и дизельным топливом. Когда подозрительный кубинский полковник столкнул его вниз, он наглотался воды и долго пытался отплеваться.
Пришлось проплыть где-то около мили, прежде чем мужчина нашел лестницу и поднялся на пустой пирс. Выплюнув изо рта отвратительное месиво, советский майор двинулся к горящим грузовикам.
Пристань была завалена почерневшими и тлеющими телами. Стрельба прекратилась, как только оставшиеся в живых люди Кларка решили уйти на небольшом моторном катере. Борщев осторожно прошел по месту сражения. Выжили лишь двое раненых солдат, укрывшихся за погрузчиком, все остальные были мертвы. Весь его отряд был уничтожен.
Обезумев от гнева, Борщев, шатаясь, начал ходить среди тел, пока не наткнулся на Кларка. Он перевернул агента ЦРУ на спину и посмотрел в его безжизненные глаза.

– Кто ты такой? – затряс он труп. – На кого работаешь?
Но все ответы умерли вместе с ним.
Майор перехватил обмякшее тело ремнем и подтащил к краю пирса. Затем столкнул в воду.
– Как тебе? – безумно прокричал он.
Борщев еще минут десять бесцельно бродил по кровавому полю битвы, пока не пришел в себя. Он, наконец, понял, что должен доложить о случившемся Великову. Единственная рация осталась внутри горящего грузовика, поэтому русский начал лихорадочно бегать взад-вперед по набережной в поисках телефона.
На стене одного из зданий он заметил надпись: «Комната отдыха для работников портового склада». Майор без долгих раздумий выбил дверь ударом плеча. Пошарив рукой по стене, нашел выключатель и включил свет. Все помещение оказалось заставлено старыми грязными диванами. На столиках лежали шахматные доски и домино, у стены стоял маленький холодильник. Со стен на него смотрели плакаты с портретами Кастро, Че Гевары, гордо курящего сигару, и нахмурившегося Ленина.
Борщев вошел в кабинет начальника и схватил телефон на столе. Несколько попыток дозвониться оказались безуспешными – то сбои на линии, то никто не брал трубку. Наконец он дозвонился до оператора, проклиная устаревшие телефонные системы Кубы.
Облака над восточными холмами постепенно окрашивались в оранжевый цвет, и сирены пожарных машин начали приближаться к набережной, когда ему все-таки удалось связаться с советским посольством.

На крыле мостика сторожевого корабля типа «Горностай», построенного в России, глядя в бинокль, стоял капитан Мануэль Пиньон. Старший помощник разбудил его вскоре после боя и пожара, вспыхнувшего в районе доков для торговых судов. Даже с биноклем видно было немногое, потому что его судно было пришвартовано в военно-морском порту в дальней части канала, и обзор загораживали здания.
– Разве мы не должны узнать, что там происходит? – спросил старпом.
– Полиция и пожарные сами разберутся, – ответил Пиньон.
– По-моему, я слышал выстрелы.
– Может, на складе загорелись боеприпасы. Лучше будем держаться подальше от пожарных катеров. – Он передал бинокль старпому: – Понаблюдайте за ними. Я возвращаюсь в постель.
Капитан уже собирался войти в каюту, когда в проходе его догнал старпом.
– Сэр, вам лучше вернуться на мостик. Два корабля пытаются покинуть бухту.
– Без разрешения?
– Да, сэр.
– Может быть, собираются перешвартоваться.
Старпом покачал головой:
– Они движутся в направлении главного канала.
Пиньон вздохнул:
– Наверно, боги против того, чтобы я хоть немного поспал.
Старший помощник язвительно улыбнулся:
– Настоящий коммунист не верит в богов.
– Скажите это моей седой матери.
Снова поднявшись на крыло мостика, Пиньон зевнул и уставился в утренний туман. Два корабля на буксире собирались через канал Энтрада выйти в открытое море.
– Что за черт… – Он сфокусировал бинокль. – Ни флага, ни навигационных огней, ни дозорных на мостике.
– Кроме того, они не отвечают на наши радиосигналы с требованием сообщить их намерения. Похоже на то, что просто пытаются сбежать.
– Контрреволюционные подонки пытаются улизнуть в Соединенные Штаты, – прорычал Пиньон. – Да, точно. Иного и быть не может.
– Мне отдавать приказ отдать швартовы и сняться с якоря?
– Да, немедленно. Мы станем у них перед носом и преградим путь.
Не успел он договорить, как рука старпома потянулась к кнопке сирены, которая тут же начала пищать на всех боевых постах.

Десять минут спустя тридцатилетнее судно, списанное советским военно-морским флотом после того, как его заменили более современной моделью, уже двигалось через канал. Матросы повернули четырехдюймовые орудия навстречу стремительно приближающимся призрачным кораблям.
Питт заметил мерцающий сигнальный фонарь на сторожевом корабле. У него был соблазн включить радио, но еще раньше было решено не отвечать на сообщения представителей порта или охраны, в случае если тем удастся настроиться на их частоту. Питт слабо знал азбуку Морзе, но понял, что от них требуют немедленно остановиться и представиться.
Краем глаза он поглядывал на «Писто», потому что должен был повторять каждый маневр Джека. Дирк позвонил в машинное отделение и предупредил Мэнни, что их курс перекрыло сторожевое судно, но не стал убирать рычаг телеграфа с указателя «Полный вперед».
Они подошли так близко, что легко можно было разглядеть кубинский военно-морской флаг, неподвижный при легком бризе. Сигнальный фонарь взмыл вверх и снова опустился. Данный сигнал означал: «Немедленно остановитесь, иначе мы откроем огонь».
На корме «Писто» появились двое мужчин и начали торопливо разматывать трос. В это же время буксир потерял скорость, резко свернул направо и остановился. Затем из рулевой рубки вышел Джек и через рупор приветствовал сторожевой корабль:
– Катитесь с дороги в задницу ламантину. Вы что, не видите, что у меня суда на буксире?
Пиньон не отреагировал на оскорбление. От капитана буксира он ничего другого и не ожидал.
– Вы собираетесь незаконно выйти в море. Я послал за досмотровой командой.
– Будь я проклят, если позволю сосункам из военно-морского флота хоть шаг ступить на моем корабле!
– Тогда вы погибнете, – весело ответил капитан.
Теперь он сомневался, что это и на самом деле могла быть массовая попытка диссидентов сбежать, но нужно было до конца разобраться в мотиве странных действий буксира и неосвещенных судов, прикрепленных к нему.
Он перегнулся через перила мостика и приказал остановить двигатель и спустить шлюпку. Повернувшись к незнакомым кораблям, мужчина застыл в ужасе.
Слишком поздно. При сумрачном свете он не мог увидеть, что корабль, шедший за буксиром, не прикреплен к нему. Он по-прежнему был на ходу и мчал к фрегату на скорости не менее восьми узлов. Несколько секунд он с изумлением смотрел на корабль, но затем опомнился.
– Полный вперед! – прокричал Пиньон. – Открыть огонь!
Следом за его командой последовал оглушительный взрыв, из стволов орудий вырвались снаряды, врезались в нос и надстройку «Эми Бигелоу» и разорвались в объятьях пламени и покореженной стали. Левую сторону рулевой рубки снесло напрочь, словно по ней проехались катком. Осколки и обломки разлетелись в стороны, как дробь из ружья. Питт упал на пол и из чистого упрямства продолжал крепко сжимать штурвал. Ему посчастливилось отделаться лишь несколькими порезами и ушибом бедра.
Второй залп пришелся в штурманскую рубку и разрезал переднюю мачту пополам. Верхняя половина упала набок, повисла на высоте ста футов на проводах, затем они порвались, и мачта упала в воду. Дымоход разнесло вдребезги, возле правого якоря разорвался снаряд, рассеяв тучу ржавых осколков, словно шрапнель.
Но третьего залпа не последовало.
Пиньон неподвижно стоял, крепко сжав перила мостика. Он смотрел, как грозный черный нос «Эми Бигелоу» тяжело завис над фрегатом. По побледневшему лицу и испуганным глазам можно было с уверенностью сказать, что он не сомневался, что его корабль через мгновение ждет гибель.
Винты фрегата стали ожесточенно кромсать воду, но были не в силах сдвинуть корабль так быстро. «Эми Бигелоу» подошла слишком близко, чтобы промахнуться, а в намерениях Питта никто не сомневался. Он срезал угол и выровнял нос судна, направив его точно в середину фрегата. Экипаж, который в это время находился на палубе корабля и мог видеть приближающуюся катастрофу, остолбенел от ужаса, затем, придя в себя, рассыпался в разные стороны.
Шестидесятифутовый нос «Эми Бигелоу» врезался прямо в кормовую башню фрегата, рассекая обшивку судна и проникая в корпус почти на двадцать футов. Корабль Пиньона мог бы пережить столкновение и успеть добраться до берега, но нос «Эми Бигелоу» с ужасным

скрежетом ломающейся стали появился из дыры. После чего поднялся ее обросший ракушками киль. Он на мгновение завис, затем рухнул вниз, разламывая фрегат на две части и погружая днище его кормы под воду.
Море тотчас поглотило оторванную корму, проникая сквозь сломанные переборки и затапливая открытые отсеки. Обреченный корпус фрегата окатило огромной стеной воды, и он быстро стал уходить в глубину. Но долго продлиться его смертельным мукам было не суждено. К тому времени, когда «Озеро Зайсан» на буксире подошло к месту столкновения, фрегат исчез, оставив после себя лишь нескольких несчастных членов экипажа, пытающихся удержаться на воде.

– Вы попали в ловушку? – прозвучал в трубке раздраженный и резкий голос Великова.
Борщев нервничал. Ему было тяжело признать, что из сорока солдат осталось всего три выживших, причем он – единственный, на ком не осталось даже царапины.
– Неизвестный отряд – не менее двухсот кубинцев – открыл по нам огонь из тяжелых орудий, прежде чем мы успели выбраться из грузовиков.
– Вы точно уверены, что это были кубинцы?
– Кто еще мог такое задумать и осуществить? Их командир был одет в кубинскую военную форму.
– Перес?
– Не могу сказать. Нужно время, чтобы опознать его.
– Может быть, это халатность зеленых, неопытных солдат, которые открыли огонь из-за тупости или паники?
– Точно уж не из-за тупости. Я могу узнать опытных бойцов с первого взгляда. Они знали, что мы заявимся, и отлично спланировали засаду.
Сначала лицо Великова ничего не выражало, затем он покраснел. Перед глазами снова пронеслись картины бойни на Кайо-Санта-Мария. Ему едва удавалось сдерживать ярость.
– Для чего они это сделали?
– Хотели сдержать нас, чтобы завладеть кораблями.
Ответ Борщева ошарашил генерала. По телу пробежали мурашки. Вопросы сами посыпались из его уст:
– Операция «Ром и кола» сорвалась? Или корабли еще пришвартованы к докам?
– Нет, «Озеро Зайсан» утащил буксир. «Эми Бигелоу» ушла своим ходом. Я потерял их из виду, когда они скрылись за мысом. Чуть позже я услышал что-то похожее на звуки выстрелов корабельной артиллерии в районе входного канала.
Великов тоже слышал грохот орудий. Он настороженно уставился в стену, подозревая, что все его хитрые планы рушит какой-то определенный круг людей. Он не мог поверить, что разведывательные подразделения, подчиняющиеся Кастро, были способны на такое. Только длинная рука американцев и их Центральное разведывательное управление могли уничтожить базу на Кайо-Санта-Мария и испортить его план по прекращению режима Кастро. Лишь один человек мог устроить утечку информации.
Дирк Питт.
На напряженном лице Великова заиграли желваки. Грязь в мутной воде оседала, все постепенно прояснялось. Времени осталось немного, но теперь он точно знал, что нужно делать.
– Корабли еще в гавани? – резко спросил он Борщева.
– Если они пытаются сбежать в море, то, полагаю, плывут сейчас где-то в пределах канала Энтрада.
– Найдите адмирала Щеколдина и скажите ему, что я хочу, чтобы он остановил суда и вернул в бухту.
– Я думал, что все советские военные корабли ушли в море.
– Адмирал и его флагман должен отбыть в море после 8.00. Передайте мою просьбу лично и подчеркните ее важность.
Перед тем как майор успел ответить, Великов бросил трубку и бегом бросился к главному входу посольства, не обращая внимания на сотрудников, занятых подготовкой к эвакуации. Он выбежал во двор посольства к лимузину, оттолкнул в сторону шофера, ожидающего советского посла, чтобы отвезти его в безопасное место.

Повернув ключ зажигания, он тут же включил передачу, как только двигатель завелся. Задние колеса яростно взвизгнули и резко завертелись, и через несколько секунд машина выскочила со двора посольства на улицу.
Проехав два квартала, Великов остановился.
Дорогу преграждал военный блокпост. На широком бульваре стояли две бронированные машины и группа кубинских солдат. К машине подошел офицер и посветил в окно фонариком:
– Ваши документы, пожалуйста.
– Я генерал Петр Великов из советской военной миссии. Я ужасно тороплюсь к штаб-квартире генерал-полковника Колчака. Отойдите в сторону и дайте проехать!
Офицер несколько секунд рассматривал лицо Великова, словно наслаждаясь моментом. Выключив фонарик, он жестом приказал двум солдатам садиться на заднее сиденье. Затем обошел машину и забрался на сиденье рядом с водителем.
– Мы ждали вас, генерал, – сказал мужчина холодным, но вежливым тоном. – Пожалуйста, следуйте моим указаниям и сверните налево на следующем перекрестке.

Питт держал руки на штурвале, слегка расставив ноги и подавшись вперед, чтобы получше рассмотреть маяк, мимо которого они медленно проплывали. Мозг, мышцы, каждый его нерв – все было сосредоточено на том, чтобы убрать корабль как можно дальше от густонаселенного города до того, как нитрат аммония взорвется.
Серо-зеленая вода окрасилась в изумрудный цвет, и корабль начал слегка раскачиваться, когда волны, накатывающие с моря, стали врезаться в корпус. Разбитый нос «Эми Бигелоу» немного черпал воду, но механизмы пока реагировали на повороты штурвала, и судно все еще могло двигаться по следам буксира.
Тело болело от усталости. Силой воли Дирк заставлял себя держаться на ногах. Кровь из ран, полученных после обстрела из пушек фрегата, запеклась на лице и превратилась в бурые полосы. На потоки пота и прилипающую к телу одежду он уже и вовсе не обращал внимания. На секунду закрыв глаза, мужчина представил себя сидящим под теплым душем в своем ангаре с бутылкой джина «Бомбей». Боже, как он устал!
Сквозь разбитые окна мостика долетел внезапный порыв ветра, и Питт снова открыл глаза. Он всмотрелся в побережье по левому и правому бортам. Скрытые огневые позиции в гавани не напоминали о себе, патрульных или воздушных судов тоже не было видно. Несмотря на битву с военным фрегатом, тревогу до сих пор никто не поднял. Беспорядок на постах и недостаток ума и сообразительности у кубинских сил безопасности работали им на пользу.
Спящий город все еще виднелся позади, будто двигался вслед за кормой судна. Солнце взошло, и теперь корабли можно было заметить с побережья невооруженным глазом.
«Еще несколько минут, всего несколько минут», – снова и снова повторял себе Дирк.

Великову приказали остановиться в тихом углу Кафедральной площади, в старом районе Гаваны. Затем его провели в ветхое здание с пыльными и потрескавшимися окнами, мимо витрин с поблекшими плакатами кинозвезд 1940-х годов, глядящими в камеру из-за стойки бара.
Некогда процветающий бар, популярный у американских богачей и знаменитостей, теперь «Ленивец Джо» превратился в затрапезную грязную забегаловку, давным-давно позабытую всеми, кроме немногих стариков, заставших его лучшие дни. За грязной стойкой заброшенного бара сидели четверо.
Внутри было темно и воняло дезинфицирующими средствами и какой-то гнилью. Генерал не узнал хозяев, пока не прошел до середины комнаты по пыльному полу. Затем он остановился, не веря своим глазам, и внезапная тошнота подступила к горлу.
Между незнакомым толстяком и Раулем Кастро сидела Джесси Лебарон. Четвертый из сидевших у стойки бара зловеще уставился на Великова.
– Доброе утро, генерал, – сказал Фидель Кастро. – Я рад, что вы смогли к нам присоединиться.

Питт услышал гул воздушного судна. Он отпустил штурвал и шагнул к двери крыла мостика. С севера, двигаясь вдоль берега, к ним приближались два боевых вертолета. Дирк обернулся и окинул взглядом гавань. По каналу на всех парах мчался серый военный корабль, поднимая носом большую волну. Теперь это был тонкий как карандаш советский эсминец, носовые

орудия его смотрели в сторону едва ползущих кораблей смерти. Началась погоня, в которой никто не мог выйти победителем.
Джек вышел на палубу буксира и посмотрел на покореженные обломки того, что еще недавно было капитанским мостиком «Эми Бигелоу». Его поразило то, что тот, кто там находился, был все еще жив и сохранил способность управлять штурвалом. Он поднял руку к уху и подождал, пока Питт понимающе махнет в ответ. Затем перевел взгляд на одного из матросов, спешащего к корме торгового судна, и передал тот же сигнал Мо на борту «Озера Зайсан». После этого вернулся внутрь рубки и подошел к радиоприемнику:
– «Писто» на линии. Как слышно? Прием.
– Отчетливо и громко, – ответил Питт.
– Мне точно так же, – добавил Мо.
– Кажется, пришло время закрепить штурвалы и покинуть корабли, – сказал Джек.
– Ну и слава богу, – фыркнул Мо. – Пусть треклятые дырявые ведра плывут сами по себе.
– Мы сможем оставить двигатели работать на полную мощность, – сказал Питт. – Что с «Писто»?
– Я задержусь здесь еще на пару минут, чтобы убедиться, что корабли не свернут назад к берегу, – ответил Джек.
– Лучше не медлить. Люди Кастро уже стучат в наши двери.
– Я их вижу, – сказал собеседник. – Удачи. Конец связи.
Питт закрепил штурвал так, чтобы корабль шел ровно, прямым курсом, и позвонил Мэнни. Обычно несговорчивого главного механика упрашивать не пришлось. За три минуты его люди прикрепили к шлюпбалке корабля моторную лодку. Передвинув лодку за борт, они начали медленно спускать ее на воду, и как раз в этот миг Питт перемахнул через перила и приземлился возле них.
– Чуть не забыли про тебя! – прокричал Мэнни.
– Я связался с эсминцем по радио и сказал им держаться от нас подальше, иначе мы взорвем боеприпасы.
Перед тем как негр успел ответить, послышался оглушительный гул. Через несколько секунд в пятидесяти ярдах перед «Писто» в воду упал снаряд.
– Кажется, они не купились на твою разводку, – хмыкнул Мэнни.

> Он завел мотор и, как только лодка опустилась в воду, включил нужную передачу, подстраиваясь под скорость корабля. Когда отсоединились шлюпочные тали
> [27]
> , в борт врезалась волна, едва не затопив ее. Покинутая всеми «Эми Бигелоу» понеслась вперед в последний рейс, навстречу своей гибели.

Мэнни повернулся и увидел, что Мо и его экипаж спускают лодку с «Озера Зайсан». Волны подхватили ее и ударили о металлический борт с такой силой, что она накренилась вправо и вода хлынула внутрь, наполовину затопив лодку и мотор.
– Надо им помочь, – сказал Питт.
– Ты прав, – согласился негр.
Они еще не развернулись, как Джек, оценив обстановку, прокричал в рупор:
– Не задерживайтесь! Я подберу их, как только отвяжу лодку. Позаботьтесь о себе, идите к берегу!
Питт занял место за рулем моторной лодки вместо матроса, который повредил пальцы о канат шлюпбалки. Он взял курс на высокие здания, видневшиеся на побережье Малекон, и до упора вдавил рычаг двигателя.
Мэнни оглянулся назад, на буксир и дрейфующую моторную лодку с экипажем Мо. Его лицо побледнело, когда эсминец выстрелил вновь и возле «Писто» поднялись две одинаковых водных колонны. На верхнюю надстройку судна обрушилась стена воды, но буксир преодолел ее и поплыл дальше.
Охваченный страхом, Мо отвернулся в сторону, стараясь не показывать своих чувств. Он понимал, что видит своих друзей в последний раз.

Дирк прикинул расстояние между отступающими кораблями и берегом. Они все еще находились слишком близко к Гаване, взрыв мог разрушить значительную ее часть, мрачно подумал Питт. Слишком близко.

– Президент Антонов согласился принять ваш план по моему уничтожению? – спросил Фидель Кастро.
Великов стоял перед ним, скрестив руки. Никто не предлагал ему присесть. Он смотрел на Кастро с холодным презрением.
– Я высокопоставленный офицер Советского Союза. И требую, чтобы ко мне относились должным образом.
Сердитые черные глаза Рауля Кастро внезапно сверкнули.
– Это Куба. Вы ничего не можете здесь требовать. Для нас вы всего лишь подонок из КГБ.
– Хватит, Рауль, хватит, – прервал брата Фидель. Затем перевел взгляд на Великова: – Я изучил ваши документы. Так что «Ром и кола» больше не является секретной операцией.
Генерал театрально взмахнул рукой:
– Я все знаю об этой операции. Очередная гнилая попытка ЦРУ подорвать дружбу между Кубой и Советским Союзом.
– Если это так, то почему вы меня не предупредили?
– На это не было времени.
– Но вы нашли время, чтобы вывезти из города советских граждан! – рявкнул Рауль. – Куда вы так спешили сегодня утром?
Великов смерил его высокомерным взглядом:
– Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы. Мне стоит напомнить вам о моей дипломатической неприкосновенности? Вы не имеете права допрашивать меня.
– Как вы собираетесь сдетонировать взрывчатку? – спокойно спросил Кастро.
Великов молчал. Уголки его губ изогнулись в легкой улыбке, когда послышался отдаленный грохот тяжелой артиллерии. Фидель и Рауль молча переглянулись.
Джесси вздрогнула, напряжение в небольшом помещении бара возрастало. На мгновение она подумала, что если бы была мужчиной, то уже давно выбила бы из генерала всю правду. Внезапно женщина почувствовала слабость. Ей хотелось кричать оттого, что драгоценное время уходит впустую.
– Пожалуйста, расскажите им все, что они хотят знать, – взмолилась она. – Вы не можете просто стоять здесь и позволить тысячам детей погибнуть ради бессмысленных политических игр!
Великов не стал спорить. Он просто пропустил ее слова мимо ушей.
– Я был бы рад прихлопнуть его, – сказал Хаген.
– Не стоит марать руки, – сказал Фидель. – Мои специалисты по допросам с пристрастием уже ждут его.
– Вы не посмеете! – яростно прошипел генерал.
– Должен предупредить вас, что, если вы не поможете предотвратить взрыв, вас будут пытать. Только не обычными инъекциями, как пытают политических заключенных в психбольницах России, а самыми отвратительными истязаниями, которые вам придется переносить каждый день и каждую ночь. А наши лучшие медики будут следить за тем, чтоб вы не умерли. Ни один кошмар не сравнится с тем, что вам предстоит испытать. Вы будете кричать, пока у вас хватит сил. А затем, когда вы превратитесь в немой, глухой и слепой овощ, вас переправят в трущобы где-то в Северной Африке и бросят там выживать или умирать. Вряд ли там кто-нибудь станет спасать или даже жалеть покалеченного нищего в грязи. Вы превратитесь в того, кого русские обычно называют «никто».
Великов едва заметно пошатнулся.
– Вы напрасно сотрясаете воздух. Вы мертвы. И я мертв. Мы все мертвы.
– Ошибаетесь. Те самые люди, которых вы пытаетесь обвинить, вывели корабли с боеприпасами и нитратом аммония из гавани. В эту минуту агенты ЦРУ направляют их в открытое море, где взрыв может убить только рыбу.
Пленник сразу же ухватился за свою последнюю возможность:
– Нет, сеньор президент, ошибаетесь. Звуки пушек, которые мы слышали несколько минут назад, говорят о том, что советский флот остановил смертоносные корабли и возвращает

обратно в гавань. Даже если они взорвутся до того, как вы выйдете на трибуну, чтобы произнести торжественную речь, результат будет тот же.
– Вы лжете, – напряженно сказал Фидель.
– Эра великого отца революции закончена, – тихо и язвительно сказал Великов. – Я буду рад погибнуть за свое Отечество. А готовы ли вы пожертвовать жизнью ради Кубы? Может быть, когда вы были молоды и терять вам было нечего, вы и были готовы, но теперь вы обласканы всеми и слишком привыкли к тому, что другие выполняют за вас всю грязную работу. У вас в руках все блага, и вы не хотите их терять. Но все кончено. Завтра от вас останется только фотография на стене, а президентское кресло займет новый президент. Тот, чья преданность Кремлю будет глубочайшей и неподдельной.
Великов отступил на несколько шагов назад и достал из кармана маленький прибор.
Хаген узнал его с первого взгляда.
– Электронный передатчик. Он может послать сигнал на взрыв прямо отсюда.
– О боже! – отчаянно закричала Джесси. – Он же сделает это, он нажмет на кнопку!
– Не пытайтесь позвать охранников, – сказал Великов. – Они не успеют прийти на помощь.
Фидель смотрел на него холодными черными глазами.
– Запомните, что я вам сказал.
Великов презрительно сморщился:
– Вы действительно думаете, что я буду кричать в агонии в одной из ваших грязных тюрем?
– Отдайте мне передатчик, и мы разрешим вам покинуть Кубу целым и невредимым.
– Чтобы в Москве прослыть трусом и предателем? Ну уж нет.
– Трагедия будет на вашей совести, – сказал Фидель со смесью гнева и страха в голосе. – Вы знаете, что вас ждет, если вы нажмете на кнопку и выживете.
– Вряд ли, – усмехнулся Великов. – Это здание находится не дальше пятисот ярдов от канала гавани. От нас ничего не останется.
Мужчина замолчал, его напряженное лицо застыло, как у каменной статуи. Затем он сказал:
– Прощайте, сеньор президент.
– Ах ты, сволочь… – Хаген рывком перепрыгнул через стол с невероятной ловкостью, совершенно неожиданной для такого массивного человека, и был уже в нескольких дюймах от пленника, но в эту секунду генерал нажал на кнопку передатчика.
«Эми Бигелоу» взорвалась.

Через долю секунды раздался взрыв и на судне «Озеро Зайсан». Взрывчатое сочетание грузов на двух кораблях подняло в тропическое небо на высоту пяти тысяч футов гигантскую тучу горящих обломков и дыма. В море образовался огромный водоворот, гигантский гейзер ошалевшей воды и пара выстрелил в клубы дыма, затем разлетелся в стороны.
Яркие красно-белые блики мелькнули на воде с ослепляющей силой десяти солнц с последующим громовым хлопком обрушившихся вниз водных столбов.
Питт навсегда запомнил, как раздался очередной взрыв и маленький доблестный «Писто» взлетел в воздух на высоту двухсот футов, разваливаясь на части. Он ошеломленно смотрел, как покореженные обломки кораблика вместе с Джеком и его экипажем шлепаются в воду огненным градом.
Мо и его спутники просто исчезли в море вместе с дрейфующей лодкой.
Ослепительная двойная вспышка взрыва – в небе разорвались два вертолета. Чайки в пределах двух миль упали в воду, сбитые взрывной волной. Гребной винт «Озера Зайсан», неистово крутясь, пролетел над морем и врезался в командную рубку советского эсминца, кромсая моряков на капитанском мостике. Погнутые куски стали, заклепки, звенья цепей и части палубы влетели в город, пробивая стены и крыши, словно снаряды. Телефонные столбы и фонари гнулись и ломались.
Сотни людей погибли прямо в постели во время сна. Многих постигла ужасная участь – их искромсало осколками стекла или раздавило насмерть провалившимся потолком. Рабочих и других людей, спешащих по делам ранним утром, взрывной волной сбивало с ног и разбивало о здания.
Взрывная волна прокатилась по городу с силой вдвое больше, чем у мощнейшего урагана, ровняя с землей деревянные постройки вблизи берега, словно они были сделаны из бумаги, разбивая витрины, разнося на осколки тысячи окон и швыряя автомобили в стены зданий.

Потом гавань оглушил чудовищный взрыв «Озера Байкал».
Сначала пламя выстрелило из его корпуса, как огонь из реактивного двигателя. Затем весь нефтяной танкер превратился в громадный огненный шар. Пылающая нефть хлынула на причальные сооружения и запустила цепную реакцию взрывов из горючих грузов, находящихся на причале. Раскаленный металл попадал в резервуары с нефтью и бензином на восточном берегу гавани, после чего они поочередно взрывались, словно фейерверк, извергая над городом огромные тучи черного дыма.
Взорвался завод по переработке нефти, затем одно из химических предприятий, послышались взрывы на лакокрасочной фабрике и заводе по производству удобрений. Два грузовика, один из которых направлялся к морю, а другой ему навстречу, столкнулись и загорелись. Горящий обломок металлического корпуса разрушенного танкера отлетел в одну из десяти железнодорожных цистерн со сжиженным пропаном, и они взлетели вверх одна за другой, будто шутихи.
Взрыв… еще один… за ним следующий.
Четыре мили набережной превратились в кромешный ад. Город скрылся под слоем сажи и пепла, словно прошел черный снегопад. Из всех портовых грузчиков, работающих в эту смену, выжило лишь несколько человек. К счастью, большинство фабрик и химических заводов были почти безлюдны. Жертв было бы гораздо больше, если бы этот день не считался национальным праздником.
Худшая часть кошмара в гавани была окончена, но остальной части города еще только предстояло его пережить.
Огромная водяная стена пятидесяти футов высотой вырвалась из водоворота и помчалась к берегу. Питт и другие с ним сидевшие в моторной лодке люди в ужасе смотрели, как зелено-белая гора понеслась прямо на них. Они уже не боялись, просто сидели и ждали, пока их маленькая и хрупкая моторная лодка превратится в груду обломков и вода станет им могилой.
Стена набережной Малекон была всего в тридцати ярдах, когда их лодку настигла горизонтальная водная масса. Гребень свернулся и обрушился прямо перед ними. Мэнни и еще трое мужчин вывалились из лодки, и Питт увидел, как их бросает между волнами, словно сорванные крыши домов в вихре смерча. Стена все приближалась, но волна подняла лодку и перебросила ее на широкий бульвар.
Питт схватился за штурвал с такой силой, что тот оторвался от корпуса лодки, а сам Дирк выпал наружу. Едва подумав, что это конец, он усилием воли глубоко вдохнул воздух и задержал дыхание перед тем, как приземлиться в море. Будто во сне, он посмотрел вниз сквозь необыкновенно чистую беснующуюся воду и увидел, как невидимая гигантская рука переворачивает автомобили.
Находясь в самой гуще бурлящего хаоса, Питт чувствовал необычайную отстраненность. Это казалось смешным – вот так нелепо утонуть прямо на улице города. Он все еще упорно цеплялся за жизнь, но перестал вести бессмысленную борьбу со стихией и тратить драгоценный кислород. Он обмяк и тщетно попытался всмотреться сквозь пену, но его мозг почему-то работал поразительно ясно. Питт понимал, что если волна врежется в бетонное здание, то тонны воды сделают из него пюре с той же вероятностью, с какой выпавший из самолета арбуз, разбившись о землю, превратился бы в красно-зеленое месиво.
Его страх многократно усилился, когда он увидел, как лодка разбилась о второй этаж многоквартирного здания, где проживали советские техники. По стене пошли трещины, словно она была не крепче яичной скорлупы. Дизельный двигатель с четырьмя цилиндрами влетел в разбитое окно и упал в подъезде. По счастливой случайности волна понесла Питта по узкому переулку, словно бревно по стремнине. Поток сгребал все на пути и превращал в огромную массу обломков. Но, врезаясь в здания, которые оказались достаточно прочными, чтобы выдержать натиск, волна наконец начала затихать. Через несколько секунд вал достиг пика и затем начал отступать, унося вслед за собой человеческие тела и обломки назад к морю.
Когда мозгам Питта стало не хватать кислорода, он увидел звезды. Чувства одно за другим переставали реагировать на происходящее. Мужчина ощутил, как плечо резко ткнулось обо что-то неподвижное. Он протянул руку, пытаясь ухватиться, но волна понесла его вперед. Оказавшись на ровной поверхности, утопающий снова попытался задержаться, и в этот раз ему удалось мертвой хваткой вцепиться во что-то, оказавшееся вывеской ювелирного магазина.

Все его мысли и чувства притупились и отступили куда-то, как будто в нем выключили электричество. В голове слышался лишь стук барабанов, перед глазами темнота закрывала звезды. Он двигался, только полагаясь на инстинкты, но вскоре и интуиция покинула его. Волна достигла пределов и начала спадать обратно в море. Но Питту было все равно, он уже терял сознание. Каким-то образом его мозгу удалось отправить последнюю команду телу. Рука неуклюже зацепилась за вывеску и металлическую конструкцию, на которой та крепилась, и Питт повис на ней.

Затем его легкие не выдержали, и он начал терять сознание.

Громкий гул взрывов эхом отзывался далеко в горах и на море. Над городом пропал солнечный свет, он скрылся за невероятно густой пеленой черного дыма. Вся гавань была охвачена огнем – доки, корабли, резервуары и три квадратных мили залитой маслом воды горели оранжево-голубым пламенем, освещая мрак.

Переполошенный город задрожал от потрясения и, пошатываясь, поднялся на ноги. Сирены стали перекрикивать треск пожара. Огромная волна вернулась в Мексиканский залив, волоча за собой массу разломанного мусора и тел.

Выжившие, отделавшиеся потрясением и травмами, высыпали на улицы, как растерянные овцы, поражаясь чудовищным разрушениям вокруг и пытаясь понять, как это произошло. У некоторых шок был настолько силен, что они не чувствовали боли от полученных ран. Многие столпились возле автобусной остановки, куда прилетел оторванный штурвал «Эми Бигелоу», расплющив четыре машины и нескольких людей, ожидавших своего рейса.

Кусок передней мачты «Озера Зайсан» позже обнаружили застрявшим в газоне футбольного стадиона Гаваны. Брашпиль весом в одну тонну приземлился в крыло университетской клиники и придавил собой три единственных пустых кровати в палате на сорок человек. Спустя некоторое время об этом говорили как об одном из ста чудес, произошедших в тот день. Великое благо для католической церкви и небольшой удар по марксизму.

Из пожарных и полицейских, прибывших на набережную, начали формироваться спасательные отряды. Вместе с милицией явились воинские подразделения. Поначалу всюду царили всеобщий хаос и паника. Вместо спасательных операций военные начали занимать оборонительные сооружения, ошибочно решив, что в город вторглись военные силы Соединенных Штатов. Куда ни глянь, всюду были раненые, некоторые кричали от боли, большинство ковыляло подальше от пылающей гавани.

Вместе с ударной волной затихло и землетрясение. Потолок «Ленивца Джо» обвалился внутрь, но стены устояли. В баре был полный беспорядок. Деревянные балки, штукатурка, перевернутая мебель и разбитые бутылки валялись под толстым слоем пыли. Раздвижные двери сорвались с петель и угрожающе повисли над телохранителями Кастро, лежащими под небольшой горкой кирпичей на полу.

Айра Хаген с трудом поднялся на ноги и встряхнул головой, пытаясь прогнать из нее звон контузии. Протерев глаза от пыли, он оперся рукой о стену. Затем посмотрел наверх сквозь зияющую дыру в потолке и увидел, что на стенах второго этажа все еще висят фотографии. Сначала агент подумал о Джесси. Она лежала, свернувшись под уцелевшим столом в центре комнаты. Хаген опустился на колени и перевернул ее.

Она лежала неподвижно, безжизненно распластавшись под покрывалом белой штукатурки, но крови или серьезных ран заметно не было. Женщина приоткрыла глаза и застонала. Айра облегченно улыбнулся, снял пальто, свернул его и подоткнул ей под голову.

Она вдруг привстала, на удивление крепко схватила его за запястье и уставилась на него.

– Дирк мертв, – прошептала она.

– Может быть, выжил, – попытался ее утешить Хаген, хоть и без особого оптимизма в голосе.

– Он мертв, – повторила она.

– Не двигайтесь, – попросил агент. – Просто полежите, пока я посмотрю, что с Кастро.

Затем он поднялся и, пошатываясь, побрел на поиски через развалины. Откуда-то слева послышался кашель. Хаген перелез через кучу камней и наткнулся на барную стойку.

На приподнятый край стойки обеими руками опирался потрясенный и ошарашенный Рауль Кастро, откашливая пыль. Из носа сочилась кровь, а на подбородке виднелся неприятный порез. Хаген поражался тому, как сильно их разбросало друг от друга, ведь до взрыва все сидели совсем рядом. Он поднял упавший стул и помог ему присесть.

– Сэр, вы в порядке? – спросил Айра.

Рауль кивнул, превозмогая боль.
– Я в порядке. А мой брат? Где Фидель?
– Посидите. Я разыщу его.
Хаген снова начал рыскать по развалинам, пока не нашел Фиделя Кастро. Кубинский правитель, скрючившись, лежал на боку, опираясь на руку. Хаген зачарованно уставился на сцену, разыгрывающуюся перед ним на полу.
Глаза Кастро уставились на приподнятое вверх лицо всего лишь в футе впереди. Генерал Великов пластом лежал на спине, его ноги придавила большая балка. На лице читалась смесь непокорности и испуга. Он смотрел на Кастро с болью в глазах, словно понимая, что проиграл. Внешне по кубинскому правителю было невозможно определить, что он чувствует. Осыпанный штукатуркой, он выглядел как мраморная статуя. Его лицо казалось настолько жестким, будто он надел маску, а взгляд был чрезвычайно сосредоточенным, почти безжалостным.
– Мы живы, генерал, – торжественно произнес он. – Мы оба живы.
– Мы все должны были погибнуть, – промямлил Великов сквозь стиснутые зубы.
– Дирку Питту и остальным как-то удалось справиться с вашим флотом и увести корабли в море, – объяснил Хаген. – Разрушительная сила взрыва оказалась в десять раз слабее, чем если бы корабли остались в гавани.
– Вы проиграли, – сказал Кастро. – Куба остается в руках кубинцев.
– Мы подошли так близко… – покорно склонил голову Великов. – А теперь вы выместите всю ненависть на мне.
– Вы умрете за каждого моего соотечественника, которого убили, – с могильным холодом в голосе пообещал Кастро. – Даже если вам придется пережить тысячу смертей или сто тысяч. Вы будете страдать за каждого из них.
Генерал криво усмехнулся. Казалось, будто у него совершенно не было нервов.
– Не сейчас, так в другой раз кто-то другой обязательно убьет вас, Фидель. Я уверен. Я был одним из тех, кто разработал еще пять запасных операций, на случай если эта провалится.

Эврика! Ла Дорада

8 ноября 1989 года

Вашингтон

Мартин Броган опаздывал на утреннее совещание. Когда он вошел в кабинет, президент и остальные люди, собравшиеся вокруг большого овального стола, выжидающе подняли на него глаза.
– Корабли взорваны на четыре часа раньше, чем было запланировано, – сообщил он, все еще оставаясь на ногах.
Его слова были встречены напряженным молчанием. Все находящиеся в кабинете знали о невероятном плане Советов по устранению Кастро, поэтому восприняли новость скорее как неизбежную трагедию, а не шокирующую катастрофу.
– Каковы жертвы по последним сообщениям? – спросил Дуглас Оутс.
– Пока что рано говорить, – ответил директор ЦРУ. – Вся гавань в огне. Количество смертей вполне может исчисляться тысячами. Однако разрушения оказались и близко не такими серьезными, как мы предполагали. Похоже, наши агенты в Гаване смогли захватить два корабля и увести из гавани, прежде чем они взорвались.
Пока остальные слушали его в задумчивой тишине, Броган с самого начала зачитал доклады, полученные от Секции интересов США в Гаване. В них упоминались подробности плана по отводу кораблей из гавани и отрывочные сведения о начале операции. Прежде чем он закончил, вошел один из его помощников и передал новый доклад. Броган молча просмотрел его, затем зачитал первую строчку:

– Фидель и Рауль Кастро живы. – Он запнулся и посмотрел на президента: – Ваш человек, Айра Хаген, говорит, что находится в непосредственном контакте с ними и братья готовы принять любую нашу помощь по устранению последствий катастрофы. Они нуждаются в медицинском персонале и медикаментах, пожарном оборудовании, еде и одежде, а также в патологоанатомах и специалистах по бальзамированию.
Президент перевел взгляд на генерала Клейтона Меткалфа, председателя Комитета начальников штабов:
– Генерал?
– После вашего ночного звонка я предупредил авиационное транспортное командование. Мы можем начать отправлять самолеты на Кубу, как только люди и нужное оборудование прибудут на аэродромы и будут погружены на борт.
– Все передвижения американской военной авиации должны быть согласованы с кубинцами. В противном случае они могут открыть огонь из зенитных орудий, – заметил министр обороны Симмонс.
– Я позабочусь о том, чтобы открыть линию связи с их министерством иностранных дел, – сказал госсекретарь Оутс.
– Лучше сообщить Кастро, что вся наша помощь будет отправлена под эгидой Красного Креста, – добавил Дэн Фосетт. – Мы же не хотим напугать его, чтобы он захлопнул двери.
– Об этом тоже не стоит забывать, – сказал президент.
– С одной стороны, пытаться извлечь выгоду из ужасного несчастья – почти преступление, – размышлял Оутс. – Тем не менее мы не можем отрицать, что эта возможность будто ниспослана нам с небес, чтобы наладить отношения с Кубой и излечить революционную лихорадку на всем Американском континенте.
– Интересно, увлекался ли Кастро когда-нибудь личностью Симона Боливара? – спросил президент, ни к кому конкретно не обращаясь.
– Великий Освободитель Южной Америки был одним из идолов Кастро, – ответил Броган. – А почему вы спрашиваете?
– Тогда он, возможно, наконец прислушается к одной из цитат Боливара.
– Какой именно, господин президент?
Глава государства пристально поглядел на собеседников и затем ответил.
– «Тот, кто служит революции, пытается вспахать море».

Хаос медленно утихал, и, как только население Гаваны оправилось от шока, начались спасательные работы. В городе было объявлено чрезвычайное положение. Военные вместе с подразделениями милиции и медработниками разбирали завалы, укладывая выживших в кареты «Скорой помощи», а мертвых в грузовики.
В монастыре Санта-Клара, основанном в 1643 году, расположился временный госпиталь, который мгновенно стал переполненным. Все палаты и даже коридоры университетской клиники вскоре были битком набиты ранеными. Красивый старый президентский дворец, где теперь находился Музей революции, превратился в морг.
По улицам рассеянно бродили раненые люди, истекающие кровью. Они безнадежно пытались найти близких. Часы на вершине здания на Кафедральной площади в районе старой Гаваны застыли на 6.21. Некоторые жители, покинувшие свои дома во время взрывов, начали возвращаться назад. Те, у кого не осталось дома, бродили по улицам среди обгоревших трупов, держа в руках сумки с вещами, которые удалось спасти.
Все пожарные подразделения на ближайшую сотню миль были стянуты в город и тщетно пытались потушить огонь, расползавшийся по всему побережью. Когда взорвались баллоны с газообразным хлором, к риску сгореть заживо добавилась опасность отравиться ядовитым газом. Два раза сотням пожарных пришлось бегом бежать в укрытия, когда ветер менял направление и швырял раскаленное пламя им в лица.
Несмотря на то что спасательные операции были в самом разгаре, Фидель Кастро решил устроить чистку в рядах предавших его государственных чиновников и высших армейских офицеров. Облавой взялся руководить сам Рауль Кастро. Большинство предателей уже покинули город, будучи предупрежденными Великовым и агентами советского КГБ о начале операции «Ром и кола». Аресты проводились один за другим, каждый был потрясен, узнав, что

братья Кастро все еще живы. Под усиленной охраной изменников сотнями вывозили в секретную тюрьму где-то далеко в горах, и с тех пор их больше никто не видел.
В два часа дня в международном аэропорту Гаваны приземлились первые грузовые самолеты ВВС США. Вскоре в небе показался постоянный поток прибывающих самолетов. Фидель Кастро решил лично поприветствовать добровольцев, врачей и медсестер. Под его пристальным взглядом кубинские комитеты помощи жертвам принимали поставки и сотрудничали с американцами.
Ранним вечером из-за задымленного горизонта показались суда береговой охраны и пожарные суда, прибывающие из порта Майами. Из Техаса были доставлены бульдозеры, тяжелая техника и специалисты по ликвидации нефтяных пожаров, которые, не теряя времени, отправились к пылающим обломкам и бросились тушить огонь.
Несмотря на прошлые политические разногласия между Соединенными Штатами Америки и Кубой, казалось, что все были рады возможности поработать вместе и встретить опасность плечом к плечу.

Поздним вечером адмирал Сэндекер и Эл Джордино спустились по трапу самолета НУПИ. Водитель грузовика, нагруженного постельным бельем и военными раскладными койками, согласился довезти их до распределительного склада, где Джордино нашел брошенный «Фиат» и, коротнув провода зажигания, запустил двигатель.
Вскоре вместо заката их лица озарило огромное море пламени, видневшееся за лобовым стеклом в гигантской туче дыма.
После около часового виляния по городским дорогам и подсказанным полицией запутанным окольным маршрутам, чтобы объехать улицы, которые были завалены обломками или по которым ездили спасательные машины, они в конце концов добрались до посольства Швейцарии.
– Работы у нас будет по горло, – произнес Сэндекер, глядя на разрушенные здания и усыпанный обломками широкий бульвар Малекон.
Джордино кивнул:
– Наверное, его никогда не найдут.
– Тем не менее мы обязаны хотя бы попробовать.
– Да, – вздохнул Эл. – Мы в долгу перед Дирком.
Развернувшись, они прошли в разгромленный вход посольства и направились в серверную Секции интересов США.
Комната была забита корреспондентами. Они ожидали своей очереди, чтобы передать новости о произошедшей трагедии. Сэндекер протиснулся сквозь толпу журналистов и подошел к крупному мужчине, диктующему сообщение радисту. Когда тот закончил, адмирал коснулся его руки:
– Вы Айра Хаген?
– Да, это я. – Хриплый голос звучал под стать усталому виду.
– Так и думал, – сказал Сэндекер. – Президент отлично описал вас.
Агент улыбнулся и похлопал себя по выступающему животу:
– Меня нетрудно отыскать в толпе. – Затем он замолчал и странно посмотрел на Сэндекера: – Вы сказали, президент…
– У меня была встреча с ним в Белом доме четыре часа назад. Меня зовут Джеймс Сэндекер, а это Эл Джордино. Мы из НУПИ.
– А, адмирал, слышал о вас. Чему обязан?
– Мы друзья Дирка Питта и Джесси Лебарон.
Мужчина на мгновение прикрыл глаза, затем внимательно посмотрел на Сэндекера:
– Госпожа Лебарон – чертовски удачливая женщина. После взрыва она осталась целехонькой, если не считать нескольких небольших порезов и ушибов. Сейчас помогает детям в госпитале, который находится в старом соборе. Но боюсь, что если вы ищете Питта, то это пустая трата времени. Он был за штурвалом «Эми Бигелоу», когда корабль взорвался.
Джордино внезапно почувствовал укол в сердце.
– Не осталось никаких шансов, что он мог выбраться?
– Из тех парней, что вступили в бой с русскими на причале, когда корабли отходили в море, выжили только двое. Весь экипаж обоих кораблей и буксира пропал без вести. Остается лишь

маленькая надежда, что кому-нибудь из них удалось покинуть суда вовремя. К тому же, даже если их не убило взрывом, они, скорее всего, утонули под волнами.
Эл разочарованно сжал кулаки. Он повернулся и уставился в сторону, чтобы никто не видел слез, выступивших у него на глазах.
Сэндекер печально покачал головой:
– Мы бы хотели еще поискать в госпиталях.
– Боюсь, это прозвучит жестоко, адмирал, но вам лучше искать его в моргах.
– Будем искать и там.
– Я попрошу швейцарцев выдать вам пропуск дипломата, чтобы вы могли свободно перемещаться по городу.
– Спасибо.
Айра снова посмотрел на них с состраданием:
– Помните, что ваш друг Питт пожертвовал своей жизнью ради спасения сотен тысяч других людей.
Сэндекер поднял голову и с неожиданной гордостью во взгляде посмотрел на агента:
– Если бы вы знали его, мистер Хаген, вас бы это совсем не удивило.

Не горя особым оптимизмом, Сэндекер и Джордино отправились по госпиталям в поисках Дирка. Они осмотрели все больницы, переступая через бесчисленных раненых, которые рядами лежали на полу, обходя медсестер, пытающихся оказать им помощь, и проходя мимо утомленных врачей в операционных. Множество раз им приходилось останавливаться и помогать переносить носилки с ранеными, прежде чем продолжить поиски.
Среди живых Питта не было.
Тогда они обыскали все временные морги и несколько грузовиков с трупами, сложенными в кузов в четыре или пять слоев. Небольшой отряд специалистов по бальзамированию работал беспрерывно, чтобы не дать распространиться инфекциям. Мертвые лежали повсюду, как дрова, с окоченевшими лицами, уставившись в потолок пустыми глазами. Некоторые были до такой степени обожжены или изуродованы, что опознать их было невозможно, поэтому позже их пришлось хоронить в братских могилах на кладбище Колон.
В одном из моргов изнуренный дежурный показал им останки человеческого тела, найденные в море. Это точно был не Питт, а с Мэнни они никогда не были знакомы, чтобы опознать его.
Над пострадавшим от катастрофы городом поднялось утреннее солнце. Большинство выживших уже были найдены и доставлены в госпитали, мертвые – в морги. Улицы города патрулировали солдаты с оружием наготове, чтобы предотвратить мародерство. В районе набережной все еще бушевало пламя, но пожарные справлялись все лучше. Небо до сих пор закрывала огромная черная туча, и вскоре от пилотов начали приходить сообщения, что восточные ветры донесут ее до Мехико.
Пресытившись кошмарными картинами, которые им пришлось наблюдать в ту ночь, Сэндекер и Джордино с облегчением вышли навстречу дневному свету. Миновав три квартала от Кафедральной площади, они остановились на улице, доверху заваленной обломками. Остальную часть пути к временному детскому госпиталю, где пребывала Джесси, пришлось преодолеть пешком.
В это время госпожа Лебарон утешала маленькую хныкающую девочку, на чью тонкую коричневую ногу врач накладывал гипс. Заметив вошедших адмирала и Джордино, она бессознательно перевела взгляд с одного на другого, но произошедшие события настолько ее истощили, что она опустила голову, не узнав их.
– Джесси, – тихо позвал Сэндекер. – Я Джим Сэндекер, а это Эл Джордино.
Она снова посмотрела на них несколько секунд, затем начала вспоминать:
– Адмирал. Эл. О, слава богу, вы здесь!
Она что-то прошептала на ухо девочке, затем встала, обняла их обоих и разрыдалась.
Врач кивнул Сэндекеру:
– Она работала без перерыва двадцать часов подряд. Пусть отдохнет.
Они взяли ее под руки, вывели наружу и аккуратно опустили на ступеньки собора.
Джордино сел перед Джесси и посмотрел на нее. Она все еще была одета в военную форму. Только теперь камуфляж был заляпан кровью. Волосы Джесси были влажными от пота и спутанными, а глаза покраснели от дыма.

– Я так рада, что вы нашли меня, – наконец сказала она. – Вы только что прилетели?
– Вчера вечером, – ответил Джордино. – Все это время мы искали Дирка.
Отсутствующим взглядом она вперилась в облако дыма.
– Его больше нет, – отрешенно сказала она.
– Фальшивая монета всегда возвращается, – рассеянно пробормотал Джордино.
– Никого больше не осталось – ни моего мужа, ни Дирка, ни других. – Ее голос оборвался.
– Тут поблизости есть кофейня? – спросил Сэндекер, поворачивая разговор в другое русло. – Думаю, нам всем было бы полезно выпить по чашечке чего-нибудь горячего.
Джесси слабо кивнула в сторону входа в собор.
– Бедная женщина, чьи дети тяжело пострадали после взрыва, делает кофе для волонтеров.
– Я схожу за ним, – сказал Джордино.
Он поднялся и исчез внутри.
Несколько секунд вдова миллионера и адмирал сидели молча, слушая стон сирен и глядя, как переливается пламя вдали.
– Когда мы вернемся в Вашингтон, – прервал молчание Сэндекер, – я помогу вам всем, чем смогу…
– Вы очень добры, адмирал, но я справлюсь. – Она запнулась. – Только есть кое-что… Как вы думаете, тело Рэймонда смогут найти и переправить домой для погребения?
– Уверен, после всего, что вы совершили, Кастро сделает для вас все.
– Не понимаю, почему мы впутались во все это ради этого сокровища.
– Ла Дорады?
Джесси незаметно перевела взгляд на группу людей, идущих в их направлении.
– Мужчины сходили по ней с ума в течение почти пятисот лет, большинство из них погибали из-за жажды владеть ею. Глупо… глупо терять жизнь ради статуи.
– Она до сих пор считается величайшим сокровищем из всех. Джесси устало закрыла глаза.
– Хвала небесам, она спрятана. Кто знает, сколько еще людей убили бы за нее.
– Дирк никогда бы не полез за деньгами по чужим костям, – сказал Сэндекер. – Я слишком хорошо его знаю. Он всегда ввязывался в приключения, только чтобы разгадать загадку, а не ради выгоды.
Джесси не ответила. Она открыла глаза и в конце концов обратила внимание на приближающуюся компанию. Ей было плохо видно этих людей. Один из них показался семи футов ростом, насколько было видно за пеленой желтого дыма. Остальные выглядели совсем невысокими. Они что-то пели, но женщина не могла разобрать мелодию.
Вернулся Джордино, держа в руках небольшой поднос с тремя чашками кофе. Он остановился и несколько долгих мгновений всматривался в людей, которые шли через заваленную обломками площадь.
Шедший посередине оказался далеко не семи футов ростом, а обычным высоким мужчиной с маленьким мальчиком на плечах. Ребенок выглядел перепуганным и плотно сжимал руки вокруг лба мужчины, закрывая ему верхнюю часть лица. В одной мускулистой руке мужчина баюкал маленькую девочку, а второй сжимал ладонь еще одной девочки не старше пяти лет. Следом шли десять или одиннадцать других детей. Было похоже, что они пели на ломаном английском языке. Рядом с ними бежали три собаки и подвывали в качестве аккомпанемента.
Сэндекер с любопытством посмотрел на Джордино. Широкогрудый итальянец сморгнул накатившуюся от дыма слезу и с интересом уставился на эту странную и трогательную картину.
Изможденный до крайней степени мужчина напоминал привидение. От его одежды остались одни лохмотья, он заметно прихрамывал. Глаза ввалились, а на тощем лице запеклись потеки крови. Тем не менее он неустанно запевал вместе с детьми, оглашая округу низким раскатистым голосом.
– Я должна возвращаться к работе, – сказала Джесси, с трудом поднимаясь на ноги. – Нужно помочь тем детям.
Теперь дети были достаточно близко, чтобы Джордино смог расслышать слова песни.
– «Я Янки Дудл Денди. Янки Дудл, действуй сейчас или никогда…»
Эл широко раскрыл рот и недоуменно вытаращил глаза. Он оцепенел. Затем, выбросив чашки через плечо, словно сумасшедший, сбежал вниз по ступенькам собора.
– Это он! – прокричал Джордино.
– «Истинный племянник дяди Сэма, ведь четвертого июля мать меня родила».

– Что такое? – крикнул ему Сэндекер. – О чем ты?
Джесси вскочила на ноги, внезапно позабыв о мучительной усталости, и побежала следом за Джордино.
– Он вернулся! – сквозь слезы прокричала она.
Затем со ступенек сбежал и адмирал.
Дети запнулись на припеве и прижались к мужчине, испугавшись троих человек, бегущих к ним с криками. Они цеплялись за него, как за родного отца. Собаки стали плотнее друг к другу и залаяли еще громче.
Джордино остановился в двух шагах от них, пытаясь подобрать слова. Несколько секунд он лишь стоял и восторженно улыбался. Наконец он взял себя в руки.
– С возвращением, Лазарь.
Питт лукаво усмехнулся:
– Надо же, приятель. У тебя случайно в кармане не завалялась бутылочка сухого мартини?

Шесть часов спустя Дирк спал мертвецким сном в пустом помещении кафедрального собора. Он отказывался заходить внутрь, пока не передал детей врачам и не накормил собак, пришедших с ним. После этого настоял на том, чтобы и Джесси взяла перерыв.
Они лежали в нескольких футах друг от друга на двойных одеялах, служивших им подстилками на жестком кафельном полу. Верный Джордино сидел в плетеном кресле у входа в комнату и оберегал их сон, постоянно шикая на забредавших детей, чтобы те не шумели.
При виде Сэндекера, сопровождаемого кубинскими военными, Эл насторожился. Среди них был Хаген, постаревший и гораздо сильнее уставший, чем во время их прошлой встречи почти двадцать часов назад. Джордино сразу узнал человека, шедшего рядом с агентом прямо позади адмирала. Как только он поднялся на ноги, Сэндекер кивнул в сторону спящих.
– Разбуди их, – тихо сказал он.
Джесси застонала, отказываясь просыпаться. Пришлось несколько секунд трясти ее за плечо, чтобы она оторвалась ото сна. Все еще уставшая и полусонная, женщина присела и помотала головой, пытаясь прийти в себя.
Питт проснулся почти мгновенно, будто по звонку будильника. Он осмотрелся и присел, опершись на локоть, настороженно вглядываясь в мужчин, окруживших его.
– Дирк, – сказал Сэндекер. – Это президент Фидель Кастро, Во время объезда больниц с инспекцией ему сказали, что ты и Джесси находитесь здесь. Он хотел бы поговорить с вами.
До того как раненый успел что-либо ответить, Кастро вышел вперед, пожал ему руку и с неожиданной силой рывком поднял на ноги. Темно-карие глаза вождя встретились с пронзительно-зелеными глазами Дирка. Кастро был одет в аккуратно выглаженную униформу оливкового цвета с погонами Верховного главнокомандующего, резко контрастировавшую с одеждой Питта, так и не снявшего грязные лохмотья, в которых он пришел в собор.
– Значит, это и есть человек, одурачивший моих полицейских, а затем спасший город? – по-испански спросил Кастро.
Джесси перевела Питту, и тот отрицательно покачал головой:
– Я был всего лишь одним из выживших счастливчиков. Не меньше двадцати других парней погибли, пытаясь предотвратить трагедию.
– Если бы корабли взорвались, когда они еще находились в порту, вместо почти всей Гаваны осталась бы только выжженная земля. И она стала бы могилой для меня и еще полумиллиона человек. Куба – благодарная страна, и она желает чествовать вас, как Героя Революции.
– Та, что стоит рядом со мной, заслуживает этого не меньше, – пробормотал Питт.
Джесси резко посмотрела на него, не став переводить.
– Что он сказал? – спросил Кастро.
Женщина прокашлялась:
– Ах… он сказал, что это большая честь для него.
Затем Фидель попросил мистера Дирка рассказать, как им удалось захватить корабли.
– Расскажите мне, что вы видели, – вежливо попросил он. – Расскажите, как все происходило. С самого начала.
– Начиная с того момента, как мы покинули посольство Швейцарии? – спросил Питт, едва заметно прищурившись.
– Как пожелаете, – ответил Кастро, подыгрывая ему.

Пока мужчина рассказывал об отчаянной перестрелке на причале и о том, чего им стоило убрать «Эми Бигелоу» и «Озеро Зайсан» из гавани, кубинский правитель постоянно прерывал его шквалом вопросов. Казалось, что любопытство Кастро утолить невозможно. Рассказ раненого занял почти столько же времени, сколько и те события, о которых он поведал.
Питт рассказывал обо всем по порядку так прямо и бесстрастно, как мог, понимая, что ему никогда не удастся точно описать невероятную храбрость людей, бескорыстно отдавших свои жизни за людей из другой страны. Он поведал о том, как Кларк блестяще сдерживал противника, во много раз превосходящего его силами, как Мэнни и Мо вместе со своими экипажами трудились в моторных отсеках кораблей, чтобы раскочегарить двигатели, прекрасно сознавая, что те в любую минуту могут взорваться. Он рассказал, как Джек и его экипаж до последнего оставались на буксире, оттаскивая корабли смерти все дальше в море, пока не осталось слишком мало времени, чтобы спастись. Он всей душой желал, чтобы они все стояли сейчас рядом с ним, чтобы каждый мог рассказать свою историю. Питт задумался, о чем бы они могли рассказать, затем улыбнулся про себя, представляя рассказ Мэнни, перемешанный с отборными ругательствами.
Дирк закончил повествование на том, как его занесло в город верхом на гигантской приливной волне, после чего он вырубился, а позже пришел в сознание, вися вниз головой на вывеске ювелирного магазина. Он рассказал, как, бродя среди развалин, услышал плач маленькой девочки и как вытащил малышку вместе с ее братом из-под рухнувшего здания. После этого к нему потянулись и другие дети. Ночью спасатели отдали под его присмотр еще нескольких малышей. Когда стало понятно, что больше выживших на этой территории не осталось, полицейский отправил Питта в детский госпиталь, где он и встретил своих друзей.
Внезапно Питт замолчал и развел руки в стороны:
– Вот и весь рассказ.
Кастро внимательно посмотрел на него, скрывая во взгляде бурю эмоций. Затем шагнул вперед и обнял Дирка.
– Спасибо, – прошептал он срывающимся голосом. После этого поцеловал Джесси в обе щеки и пожал руку Хагену. – Куба в долгу перед вами. Мы этого не забудем.
Питт хитро посмотрел на Фиделя:
– Прошу прощения, можно мне попросить об одной услуге?
– Конечно, только скажите, что вы желаете, – не задумываясь, ответил Кастро.
Питт замялся, но потом сказал:
– У вас есть таксист по имени Эрберто Фигуэро. Если я смогу найти в Штатах отреставрированный «Шевроле» пятьдесят седьмого года выпуска и переправить автомобиль ему на Кубу, вы смогли бы принять доставку? Мы с Эрберто были бы вам премного благодарны.
– Само собой. Я лично прослежу, чтобы он получил ваш подарок.
– И еще кое-что, – сказал мужчина.
– Не искушай судьбу, – прошептал ему Сэндекер.
– Что вам угодно? – любезно спросил Кастро.
– Могу ли я попросить у вас лодку с краном?

Тела Мэнни и трех других членов его экипажа вскоре опознали. Кларка выловили из канала рыбаки. Останки тел отправили в Вашингтон для захоронения. Тела Джека, Мо и других так никогда и не нашли.
Через четыре дня после взрыва кораблей пожар в конце концов был потушен. Кое-где последние упрямые огоньки пламени не затухали до следующей недели. Только спустя шесть недель собрали тела всех погибших. Многих так и не удалось найти.
Кубинцы скрупулезно подсчитывали потери и со временем опубликовали полные списки. Количество погибших составило 732 человека, раненых – 3769. Еще 197 человек числились пропавшими без вести.
Президент убедил конгресс в необходимости принятия законопроекта по чрезвычайной помощи кубинцам в размере сорока пяти миллионов долларов, чтобы восстановить Гавану. Кроме того, в знак доброй воли глава государства снял с Кубы тридцатипятилетнее торговое эмбарго. В свою очередь, американцы снова могли легально курить лучшие гаванские сигары.

После того как русских депортировали на родину, их единственные представители в Кубе остались только в Секции интересов Советского Союза при польском посольстве. Вряд ли кто-то из кубинцев сильно расстроился из-за их отъезда.
Кастро не стал менять свои марксистские революционные взгляды, но стал более сговорчивым. Подписав соглашение о дружбе между Кубой и Америкой, он без колебаний принял приглашение президента посетить Белый дом и выступить перед конгрессом, хоть и немного поворчал, когда его попросили ограничить речь до двадцати минут.
На рассвете третьего дня после трагедии почти в самом центре гавани стало на якорь старое судно с потрескавшейся краской на корпусе. Пожарные катера и спасательные суда проплывали мимо корабля, будто он был сломавшимся на середине шоссе автомобилем. Это был широкий рабочий катер, около шестидесяти футов в длину, с небольшим деррик-краном на корме, нависшим над водой. Казалось, будто его экипажу совсем не было дела до суматохи, происходящей вокруг.
Почти все пламя на причале уже было потушено, но пожарные все еще заливали тысячами галлонов воды дымящиеся завалы внутри прибрежных складов. Несколько обуглившихся резервуаров для хранения нефти в районе гавани, не унимаясь, плевались пламенем, в воздухе стоял едкий дым горелой нефти и резины.
Питт стоял на выцветшей палубе рабочего катера и, прищуриваясь, вглядывался в окруженные желтым дымом обломки нефтяного танкера. От «Озера Байкал» осталась лишь выжженная надстройка на корме, нелепо и криво вздымающаяся над грязной водой. Он опустил взгляд на маленький наручный компас.
– Мы на месте? – спросил адмирал Сэндекер.
– Нужно проверить пеленги, – ответил Дирк.
Джордино высунул голову из окна рулевой рубки.
– Магнитометр сходит с ума. Прямо под нами лежит огромная масса металла.
Джесси сидела на крышке люка. На ней были серые шорты и бледно-голубая блузка, дама снова выглядела привлекательно.
Она с любопытством взглянула на Питта:
– Ты так и не рассказал мне, почему думаешь, что Рэймонд спрятал Ла Дораду на дне гавани, и откуда ты узнал, что ее нужно искать именно здесь.
– Глупо было не догадаться сразу, – объяснил Питт. – Твой муж все сказал верно, но я неправильно истолковал его слова. Я думал, он сказал: «Ищи на месте подмены», а на самом деле прозвучало: «Ищи на месте „Мэна“».
Джесси выглядела запутанной.
– Мэна?
– Вспомни Пёрл-Харбор, форт Аламо и Мэн. На этом месте или где-то рядом в 1898 году взорвался броненосный крейсер «Мэн», что положило начало испано-американской войне.
До Джесси понемногу начало доходить.
– Рэймонд сбросил статую туда, где лежит взорванный корабль?
– На место крушения корабля, – поправил ее Питт. – Остатки старого «Мэна» были подняты с глубины и отбуксированы в море, где их и затопили вместе с поднятым флагом в 1912 году.
– Но зачем Лебарон решил просто выбросить сокровище в воду?
– Все началось еще с тех времен, когда он и Ганс Кронберг, его партнер по компании, занимающейся подъемом затонувших кораблей, обнаружили «Циклоп» и достали из него Ла Дораду. Все должно было закончиться триумфом двух приятелей, которые вместе преодолели все трудности и сумели заполучить самое желанное сокровище в истории, затерянное в морских глубинах. Все шло к счастливому концу. Но сказке было не суждено сбыться. Рэймонд Лебарон влюбился в жену Кронберга.
Джесси посерьезнела, она начинала понимать.
– Хильда.
– Да. Хильда. У него было две причины избавиться от Ганса – сокровище и женщина. Каким-то образом ему удалось уговорить Ганса совершить погружение еще раз, после того как они подняли Ла Дораду. И тогда он перерезал воздушный шланг, оставив друга умирать ужасной смертью. Представляешь, как это, задохнуться под водой в таком стальном склепе, как «Циклоп»?
Джесси отвела взгляд:

– Не могу в это поверить.
– Ты видела останки Кронберга собственными глазами. Хильда – вот где была разгадка. Она поведала мне немало грязных историй. Мне лишь нужно было все сопоставить.
– Рэймонд не мог убить человека.
– Мог, и он это сделал. Порешив Ганса, он пошел еще дальше. Лебарон уклонился от налоговой службы – и кто будет его за это винить, если вспомнить, что в конце пятидесятых годов правительство США изымало более восьмидесяти процентов, когда прибыль составляла больше ста пятидесяти тысяч долларов. Также Рэймонд увильнул от крупного иска из Бразилии, причем люди, подавшие его, справедливо называли статую выкраденным национальным сокровищем. Он засел на дно и взял курс на Кубу. Твой любимый был тем еще хитрецом. Но теперь у него возникла новая головная боль – что делать с сокровищем. Кто мог себе позволить заплатить хотя бы долю от двадцати или пятидесяти миллионов долларов за произведение искусства? Кроме того, он боялся, чтобы о его сокровище не прознал Фульхенсио Батиста, диктатор Кубы. Являясь рэкетиром первой величины, он отобрал бы статую. Или если уж не Батиста, то многочисленные бандиты мафии, которых сам диктатор пригласил на Кубу после Второй мировой войны. Поэтому Рэймонд решил распилить Ла Дораду и продать ее по частям. К несчастью, он не подгадал со временем. Лебарон отплыл в Гавану на спасательном судне в тот же день, когда Кастро и повстанцы захватили город после свержения прогнившего режима Батисты. Революционеры немедленно перекрыли морские и воздушные пути сообщений, чтобы приспешники прежнего правителя не успели сбежать из страны с награбленными богатствами.
– А что Лебарон? – спросил Сэндекер. – Он все потерял?
– Не совсем. Он понял, что попал в ловушку и рано или поздно революционеры обыщут его спасательный корабль и найдут Ла Дораду. Ему оставалось лишь взять столько, сколько он мог унести, и ждать следующего самолета в Америку. Под покровом ночи мужчина выплыл в гавань на спасательном корабле, поставил статую на борт и столкнул ее в точности на том самом месте, где семьдесят лет назад взорвался крейсер «Мэн». Естественно, он планировал вернуться и забрать ее, после того как все успокоится, но Кастро не стал играть по правилам Лебарона. Вскоре счастливый союз между Кубой и Америкой распался, и ему так и не удалось вернуться, чтобы вытащить из морских глубин трехтонное бесценное сокровище, что пришлось бы делать прямо на глазах у солдат Кастро.
– Какую часть статуи он забрал с собой? – спросила Джесси.
– Хильда сказала, он извлек из Ла Дорады рубиновое сердце. После того как Рэймонд тайком провез его домой, он распилил его, огранил и продал камни через брокеров. С тех пор у него было достаточно рычагов, чтобы достичь вершин финансовых успехов вместе с Хильдой. После этого для Рэймонда Лебарона все пошло как по маслу.
Долгое время стояла мертвая тишина, каждый обдумывал его слова, представляя, как тридцать лет назад доведенный до отчаяния Лебарон сбрасывал за борт золотую женщину.
– Ла Дорада, – нарушил тишину Сэндекер. – При ее весе она должна была глубоко войти в мягкий ил на дне гавани.
– Адмирал прав, – сказал Эл. – Если Лебарон думал, что найти ее снова будет легко, то крупно ошибался.
– Согласен, меня это тоже беспокоит, – произнес Питт. – Он должен был знать о том, что военные инженеры срезали надстройки и верхние палубы «Мэна» и только сотни тонн обломков остались лежать глубоко в песке, из-за чего их почти невозможно найти. Даже самые современные, самые дорогие металлодетекторы не смогли бы там ничего найти.
– Значит, статуя будет лежать на дне вечно, – сказал Сэндекер. – Если только когда-нибудь кто-то не придет сюда и не пероет половину бухты, чтобы вытащить ее.
– А может, и нет, – проговорил Дирк, задумавшись о чем-то своем. – Рэймонд Лебарон был предусмотрительным человеком. И не стоит забывать, что миллионер был профессионалом по подъему затонувших судов. Я уверен, он знал, что делает.
– К чему ты клонишь? – спросил адмирал.
– Он действительно спустил статую за борт. Но могу поспорить, что он не сталкивал ее, а очень медленно опускал ногами вниз, чтобы оставить ее на дне в стоячем положении.
Джордино уставился в воду.
– Может быть, – медленно произнес он. – Может быть. Она была высокой?
– Около восьми футов вместе с основанием.

– Три тонны золота тридцать лет валялись на морском дне… – присвистнул Сэндекер. – Возможно, пара ног еще торчит из песка.
Питт легко улыбнулся:
– Вскоре узнаем, когда мы с Элом спустимся вниз и поищем.
Будто по команде наступила тишина, и они вгляделись в грязную и укрытую пеплом воду за бортом. Где-то в зловещих зеленых глубинах их ждала Ла Дорада.

Дирк надел полное водолазное снаряжение и смотрел, как из глубины на поверхность поднимаются пузырьки. Он перевел взгляд на часы. Джордино пробыл под водой на глубине сорока футов почти пятьдесят минут. Питт снова принялся рассматривать пузырьки, отмечая, что теперь они постепенно начали вертеться по кругу. Он знал, что у Джордино осталось достаточно воздуха для еще одного 360-градусного прохода вокруг спускаемого троса, привязанного к буйку в тридцати ярдах от их судна.
Небольшой экипаж из кубинцев, нанятых Сэндекером, вел себя тихо. Питт окинул взглядом палубу и увидел, что они выстроились у борта рядом с адмиралом и, словно загипнотизированные, уставились на блики на воде.
Дйрк повернулся к Джесси, которая стояла рядом с ним. Последние пять минут она стояла молча, не двигаясь. Ее лицо выглядело крайне сосредоточенным, а глаза блестели. Женщина с нетерпением ждала, когда на палубе окажется легендарная Ла Дорада. Вдруг она крикнула:
– Смотрите!
В воде среди пузырьков показался темный силуэт, и возле буйка на поверхность вынырнула голова их друга. Джордино перевернулся на спину и легонько погреб ластами к лестнице. Закинув на корабль грузовой пояс и сдвоенный воздушный баллон, он забрался на палубу. Затем Эл снял маску и сплюнул.
– Как все прошло? – спросил Питт.
– Нормально, – ответил мужчина. – Я сделал восемь кругов вокруг базовой точки, где привязан спускаемый трос. Дальше трех футов ничего не видно. Может быть, нам даже немного повезло. На дне в основном песок и грязь, так что там не слишком-то и мягко. Вряд ли статуя могла войти в песок вместе с головой.
– Какая сила течения?
– Около одного узла. Переживешь.
– Есть сложности?
– На дне торчит несколько ржавых обломков, так что следи, чтобы не зацепиться тросом.
Сэндекер подошел к Питту сзади и напоследок проверил его амуницию. Дирк стал на краю борта и сунул в рот мундштук регулятора подачи воздуха.
Джесси мягко пожала ему руку через рукавицу водолазного костюма.
– Удачи, – сказала она.
Он подмигнул Джесси через маску и шагнул вперед. Как только водолаз попал под поверхность зеленой воды, то сразу заметил яркие блики, исходившие от внезапно зарезвившихся пузырьков. Он поплыл к буйку и начал опускать спускаемый трос. Желтый нейлоновый канат исчез из виду во мраке в нескольких футах внизу.
Питт осторожно и не торопясь начал опускаться вслед за тросом. Вскоре он остановился, чтобы продуть уши. Спустя минуту его рука уткнулась в неожиданно поднявшееся ему навстречу дно. Мужчина снова остановился, чтобы настроить компенсатор плавучести, сверить время, по компасу определить направление и посмотреть на измеритель давления. Затем ухватился за оттяжку, которую Джордино прикрепил к спускаемому тросу, и поплыл вдоль радиуса.
Проплыв около двадцати четырех футов, Дирк нащупал рукой узел на тросе, его сделал Джордино, чтобы пометить место, где он остановился. Продвинувшись еще немного, водолаз заметил в грязи оранжевый кол, означавший начальную точку следующего круга поисков. Затем прошел еще шесть футов, крепко сжимая натянутый трос и внимательно осматриваясь вокруг на три фута – насколько позволяла видимость.
Вода в том месте казалась безжизненной и пахла химикатами. Дирк обогнул бывшую колонию морских обитателей, расплющенных от перепада давления после взрыва на нефтяном танкере, тельца рыбешек легко покачивались вместе с волнами, словно листья на ветру. Он потел в своем водолазном костюме на палубе корабля под солнцем, пот катился по телу и здесь, на

глубине сорока футов. Питт слышал, как на поверхности по гавани плавают спасательные суда, слышал шум выхлопных труб и вибрацию гребных винтов, далеко разносившуюся по воде. Ярд за ярдом мужчина осматривал дно пустынной гавани, пока не прошел полный круг. Воткнув в песок кол на новом месте, он двинулся обходить круг в противоположном направлении.
Водолазы часто испытывают одиночество, когда приходится плыть по подводной пустыне, не видя дальше протянутой руки. В такие минуты настоящий мир в пятидесяти футах вверху перестает существовать. Они ощущают беззаботную отрешенность и равнодушие к неизвестности, их восприятие искажается, и люди начинают фантазировать.
Однако Питт ничего этого не чувствовал, может быть, у него только лишь немного играло воображение. Он был опьянен охотой за сокровищами и так увлечен поисками драгоценной статуи, которая в его представлении блестела золотом и ярким зеленым цветом, что едва не проплыл мимо расплывчатого силуэта, возникшего во мгле справа.
Тут же начав быстро грести ластами, он поплыл к привлекшему внимание предмету. Силуэт с округлыми очертаниями частично уходил в землю. Из ила торчали две ноги, покрытые слизью и морской растительностью, которая колыхалась в струях подводного течения.
Сотни раз Питт задумывался, что он почувствует, когда встретится с золотой женщиной. Оказалось – страх. Тот страх, когда не веришь самому себе, когда опасаешься, что это на самом деле лишь плод воображения и поискам никогда не будет конца.
Медленно и осторожно он вытер слизь перчаткой. Крошечные остатки водорослей и ила соскользнули вниз, подняв небольшое облако пыли, заслонившее статую. В жуткой тишине Дирк ждал, пока пыль растворится в водном мраке.
Он приблизился еще и всплыл наверх, немного оторвавшись от дна, и замер, когда его лицо было всего лишь в нескольких дюймах от загадочного предмета. Водолаз внимательно всматривался сквозь стекло маски, во рту внезапно пересохло, сердце колотилось в груди, словно отбивая барабанную дробь в ритме калипсо.
В ответ на него уставилась пара изумрудно-зеленых глаз, полных выражения вечной меланхолии.
Питт нашел Ла Дораду.

Эпилог

4 января 1990 года

Вашингтон

Заявление президента о существовании колонии Джерси и подвигах Эли Штейнмеца и остальных лунных колонистов воодушевило всю страну и стало мировой сенсацией.
Целую неделю каждый вечер по телевизору крутили захватывающие кадры лунной поверхности, которые не удавалось сделать во время прошлых полетов на Луну «Аполлона». Борьбу астронавтов за выживание во время строительства пригодного для жизни убежища тоже показывали во всех впечатляющих подробностях.
Штейнмеца и остальных мгновенно возвели в ранг героев. Их чествовали по всей стране, заваливали приглашениями на телевизионные ток-шоу и устроили для них торжественный парад в Нью-Йорке.
Радость из-за триумфа лунных колонистов была проявлением старомодного патриотизма, но такое событие оказало гораздо более глубокое влияние. Теперь все понимали, что есть веские доказательства того, что человек может не только выжить во время коротких показных вылетов из атмосферы Земли, но и постоянно жить в космосе далеко от родной планеты.
Президент выглядел жизнерадостным во время частной вечеринки, которую он организовал в честь «внутреннего ядра» и колонистов. Его отношение к людям, придумавшим и построившим

лунную базу, значительно изменилось со времени их первой встречи. Он протянул бокал шампанского Хадсону, рассеянно уставившемуся в одну точку, словно в зале было тихо и безлюдно.
– Вы весь мыслями в космосе, Лео?
Мужчина перевел взгляд на президента и кивнул.
– Прошу прощения. У меня бывает такая привычка, уходить в себя во время вечеринок.
– Наверное, строите планы по основанию новой базы на Луне?
Хадсон криво усмехнулся:
– На самом деле я думал о Марсе.
– Значит, вы планируете расширять проект «Колония Джерси»?
– Он является только началом новых начал.
– Конгресс прислушается к настроениям страны и проголосует за выделение средств на развитие колонии. Но чтобы соорудить такую же базу на Марсе, нужны огромные деньги.
– Если это сделаем не мы, то дело останется нашим потомкам.
– У нового проекта уже есть название?
Хадсон покачал головой:
– Я об этом еще не задумывался.
– Мне всегда было интересно, – сказал президент, – почему вы решили назвать колонию Джерси именно так?
– А вы не догадываетесь?
– Ну, есть штат Нью-Джерси, остров Джерси на побережье Франции, свитера джерси…
– Кроме того, это также и порода коров.
– Что?

> – Вспомните детскую песенку-потешку: «Послушайте сказочку, вы, шалуны, – корова подпрыгнула выше луны»
> [28]
> .

Президент на секунду отвел взгляд, а затем разразился смехом. Отсмеявшись, он сказал:
– Господи, весьма утонченная ирония – назвать величайшее открытие человечества именем коровы из стихов «Матушки Гусыни».

– Она воистину прекрасна, – сказала Джесси.
– Да, великолепна, – согласился Питт. – Я никогда не устану смотреть на нее.
Они восхищенно глядели на Ла Дораду, которая теперь стояла в центральном зале восточного здания Национальной галереи искусств Вашингтона. Гладкое золотое тело и полированная изумрудная голова блестели под лучами солнца, заглядывающими в окно. Зрелище было прекрасное. Неизвестный индейский скульптур наградил свое творение неотразимой красотой и изяществом. Она стояла в расслабленной позе, слегка выставив одну ногу вперед, слегка согнув руки в локтях и разведя их в стороны.
Ее постамент из розового кварца возвышался на массивной пятифутовой подставке из бразильского розового дерева. Вместо пропавшего рубинового сердца в грудь вставили новое, сделанное из стекла малинового цвета, почти неотличимое от оригинала.
Множество людей восхищенно взирало на статую. Очередь растянулась далеко за пределы галереи, примерно на четверть мили. Ажиотаж вокруг Ла Дорады даже превзошел предыдущий рекорд посещаемости после появления в галерее сокровищ из гробницы Тутанхамона.
Все уважаемые лица столицы приходили сюда оказать статуе свое почтение. Президент вместе с женой и Хильдой Кронберг-Лебарон присутствовал на открытии выставки. Преисполненная достоинства пожилая леди Хильда с живыми, блестящими глазами сидела в инвалидном кресле и лучезарно улыбалась, когда президент упомянул двух дорогих ей когда-то мужчин в своей короткой речи. Когда глава государства помог даме подняться с кресла, чтобы она прикоснулась к статуе, по ее лицу покатились слезы.
– Странно, – прошептала Джесси. – Все началось с крушения «Циклопа» и закончилось крушением «Мэна».

– Так только для нас, – отстраненно сказал Питт. – Для нее все началось четыреста лет назад в бразильских джунглях.
– Трудно представить, что такая красота стала причиной такого количества смертей.
Но Питт не слушал, поэтому ничего не ответил.
Она пытливо посмотрела на него. Мужчина пристально вглядывался в статую, мыслями находясь где-то в другом месте, в другом времени.

– Чем богаче сокровище, тем слаще удовольствие
[29]
, - процитировала она.

Дирк медленно повернулся и посмотрел на нее. Джесси одной фразой вырвала его из мира грез.
– Извини, – сказал он.
Она не смогла удержаться от улыбки.
– Ну и когда ты собираешься туда отправиться?
– Куда?
– На поиски затерянного города Ла Дорада.
– Это не к спеху, – ответил Питт, внезапно рассмеявшись. – Он же никуда не денется.

Примечания

1

Помощник игрока в гольф.

2

Участок с травой средней длины, занимающий большую часть игрового поля между ти и грином (так называется участок возле лунки).

3

Площадка на поле, откуда начинается игра на каждой лунке.

4

Катящийся удар, выполняемый на грине.

5

Клюшка, предназначенная для совершения патта.

6

Плавник, препятствующий сносу виндсерфа ветром.

7

Все исторические неточности остаются на совести автора.
(Прим, ред.)

8

Жест, означающий победу

9

Стойка в носовой части кораблей 1 и 2 ранга для подъема флага.

10

Парная тумба с общим основанием на палубе судна, служащая для крепления тросов.

11

Битва при Литтл-Бигхорне (25–26 июня 1876 г.) – сражение, в котором полк армии США потерпел катастрофический разгром от союза индейских племен.

12

’Финеас Тейлор Барнум (1810–1891) – американский шоумен, крупнейший антрепренер своего времени. Прославился как мастер хитроумных обманов и мистификаций.

13

Операция в заливе Свиней – неудачная попытка США осуществить на Кубе военный переворот, произведенная в 1961 году.

14

Сражение японских и американских войск за военную базу США на атолле Уэйк, начавшееся 8 декабря 1941 года, одновременно с атакой на Пёрл-Харбор, и завершившееся 23 декабря победой японцев.

15

Бак Роджерс – популярнейший персонаж американской бульварной литературы, комиксов, радиопостановок и телесериалов; могучий и бесстрашный герой космических приключений в XXV веке.

16

Шутливый философский принцип, приписываемый капитану Эдварду А. Мерфи: «Если неприятность возможна, то она обязательно случится». Аналог русского выражения «закон подлости».

17

УЭЗП – управление энергией шаттла в зоне посадки, процесс сохранения скорости и высоты.

18

Герой одноименного американского мультфильма, обладающий необычным светящимся красным носом, которым он осветил путь Санта-Клаусу во время пурги.

19

Нарушение газодинамической устойчивости работы авиационного турбореактивного двигателя.

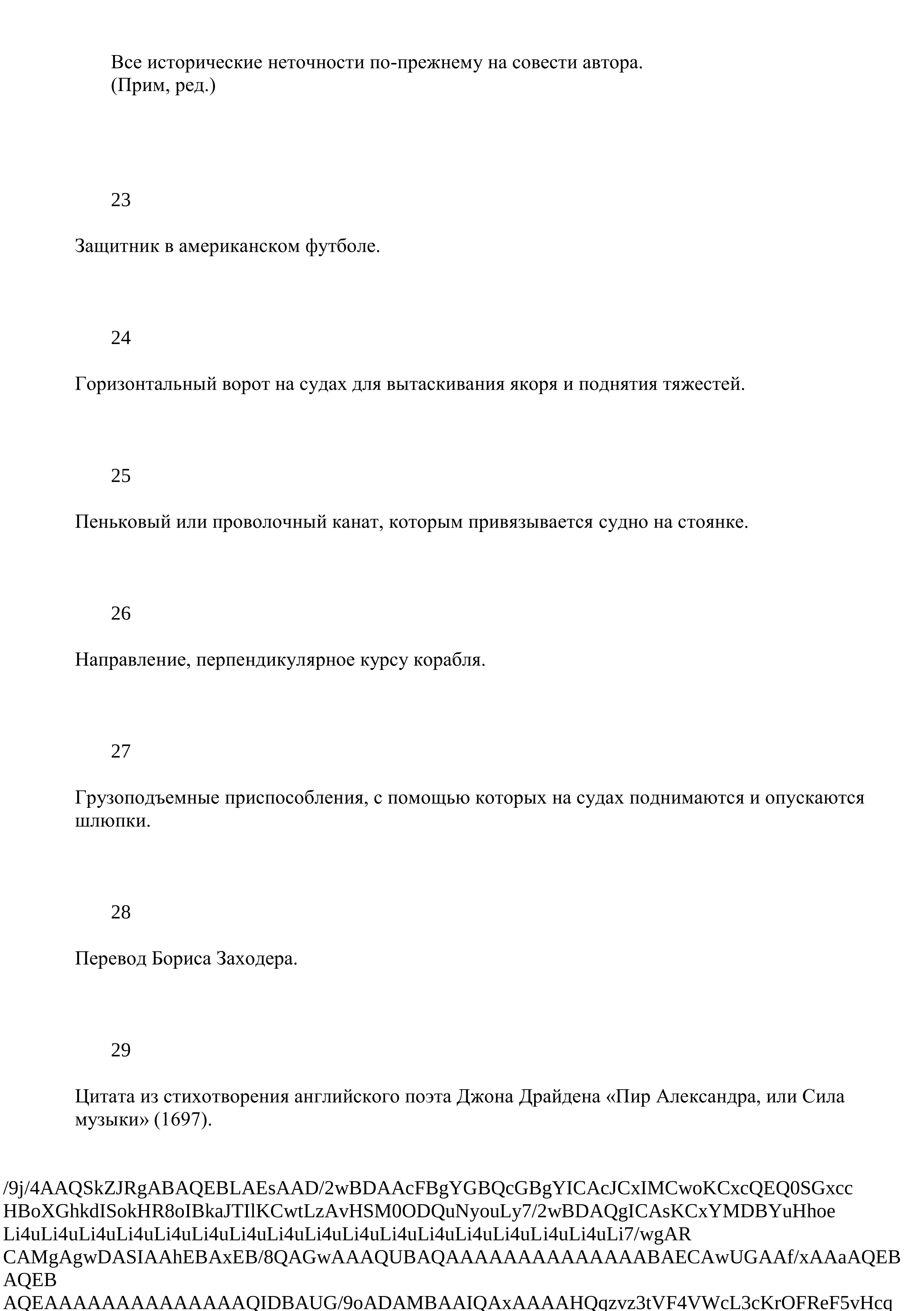
20

Конфликт между тремя противниками, где каждый держит на мушке двух других.

21

Карманный воришка в романе Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (1838).

22

Все исторические неточности по-прежнему на совести автора.
(Прим, ред.)

23

Защитник в американском футболе.

24

Горизонтальный ворот на судах для вытаскивания якоря и поднятия тяжестей.

25

Пеньковый или проволочный канат, которым привязывается судно на стоянке.

26

Направление, перпендикулярное курсу корабля.

27

Грузоподъемные приспособления, с помощью которых на судах поднимаются и опускаются шлюпки.

28

Перевод Бориса Заходера.

29

Цитата из стихотворения английского поэта Джона Драйдена «Пир Александра, или Сила музыки» (1697).

/9j/4AAQSkZJRgABAQEBLAEsAAD/2wBDAAcFBgYGBQcGBgYICAcJCxIMCwoKCxcQEQ0SGxcc
HBoXGhkdISokHR8oIBkaJTIlKCwtLzAvHSM0ODQuNyouLy7/2wBDAQgICAsKCxYMDBYuHhoe
Li4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi4uLi7/wgAR
CAMgAgwDASIAAhEBAxEB/8QAGwAAAQUBAQAAAAAAAAAAAAAAAABAECAwUGAAf/xAAaAQEB
AQEB
AQEAAAAAAAAAAAAAAAQIDBAUG/9oADAMBAAIQAxAAAAHQqzvz3tVF4VWcL3cKrOFReF5vHcq

U 7m9HLyU9qJCqnU9qJCqnU5ESFVEp6N45yIPanCqiDkTjnN4e1FOc1B7e45zeHNRTnNRHtRVV
W8K3lF5vC8nI/lSVGvbTuVIbypTuXoZwJWpNwZML0aE/QuF4IqpkifHKOSKgZA5aywqVB0J1
gJjmOAoxwzA1qRxI4d1TtjFDXRxBTQixzwyxWCzEj4Hw9sT6c6tLqZr2ZK5FGo5qryoiLynO
j5VTlHLGoqdw7mLFVKU7pkJtgwq+tO0qjSRQaeOwKCwsYyhupkisuQ5orpDupoBcsQGombJU
WkdVvWKajaDTRFaBou1Op7dmazM6+HUr7Qc3FzGogkqoeQVVHbyrGY0nSGasz+1JmKnLaujV
HN7lXk5F5OJHcmTEkZa5VSRnOS1y90R87qc16SRc7rXNVyRO5yqx/RE5H1zX9JC5H2uY7pI3
tktRrkkje2S1GPQa9rxzn5TedMlNqEEZUVerple3leZLGvPRyNZLGvO5EayRlLIxTmPYO5UE
XlOfC6Xu7hys4XuQesfHcsg1JUSHpGitkcDuljVzFaI57hGdGKqtJWIhzuccyZEhWWFXtThH
K9HZbVSdc424p6z05TSR6bMF6Vvj6tZK8gfKhC2dKi5Wixqqo5vWKjXyqrER3IizL3ZjWyNt
evJDGvbT1XpI4CF2HQDG9ZvLGAzErOf570utvwjOc5zZOWmIyGbsYKyy3mGRkkcnLIyKWbYZ
1XPNPtMXtemIY3t464G1oOstK0TOds+jPfF5rPWPqN7swctp/Rxta+/wXPeknw4nXPocnnOo
53UJTXnDUEM8Gb0kTtTumil7lSxruWEfGsq81wr4nCJ3EiMU6eGSytxG6xXrz6HOkXlZkWo9
F9mHwcnh7SzjTpWY23C9uTbSpTO9bEUH5ZLG5ssiT1GmTCIsvp8XabPH+XpewTj+TRFZZ1e7
ng7Sr+hx9Dd0Hzt0gtbWe2j73Bb3r577G7LJ+H05zZZHXezgZnNfnfL2zu68w9O9HKWNe8HZ
ZYXHNThyxqKjeCnJ2UTZoamXuiJHJUruWSGVktUuP2dB6pssxpazz2O8ik1kZWy89ve4RMXr
Mp6B7OWLSJ2u2sfXWvkzGirz1JldNiu+bZb2v6YpZWQa67gJV8kkpbmt3c4IaB9Dl6bm9J5/
4tVh2hqvUzW/wO83yv8AH7Gh+f6cprc+z18tdgSLDND34xXCBxSw8ukrmvEhmjH9ywzu6nLH
JDHJwvNcNRVFexx0sb7K7D7DL+vJtmRTlrocdqeOonp3Gm0txlNZTXUtj1zRgXFZvoupxewz
lkkc/no+I0FL6noIOQdnJY4MvbWjsM9pvMZU29VLnRLYD3ctbjrC0529yeqy/Hplt3htz6/P
fZjS5vwenK6Gh1nv865n0TM+fpHeZQxvRREieUssanJGtOdG47uWCHR9Cx9yzcvSMaiWkq1u
YkkM2pU5LaYf1z0bE7rNZzW6LP2d3exyL5pJ59vMR6M7iN7PPtuU22M7wfUZs/q0iyieNkCa
f0P286dtwnn1kB9Vm/RW7HJ3eLa0GhoeNgZHlPTD/TMfrefOPM6ii5d8dusVtPb57vK6vKeL
vQavM6r18byk0FH4O+aFhM+lw3VcXX/O6kywySoOTASuRSNzFEc2RYJkYSPjSOWJ1SIiCmBx
3MOOfB9Dn6NEJZeLXnVpPlfoc97ovM93491oAFp0X0b4/H0Mzl9U9M0RmdK9/P1GjFznj1F6
DhNruMjmi8vUrPW2M9GeuM2T6+fpucNyvj2FUFXP0OOwa5vyfRNm7DHenKbPE6fvz1WessR5
et3a4VnfG/p80RLTemD2ecjxys8vZHx8Mc9tcrHjVTg3myYINlNaZyzTIjTWVC8iEHmgnCUe
jIbZY2iZIXyNfC+p42RyxLBJbNPCuY+YaXUkRqkHRrKrXsVDBSblzeaRywIpMCNiKXn1KkIw
c6vPOZNAj3skI4CAan580oY1tBQ7i0BBrAOulYsvN7hJY55R+ewnrLKHeYWA13TUmow3om+I
lfYS8OlbGPle691VNa4zLW2gvPUMlFNvVxLRafOAUWfnpz1qqIq8xL7OV88OnrXm0l959oQ+
t46Kr6Cm9WNO4QLpm3vsNveVglWDz9BzgRNauB54c5dIOaUxQFR3aV2CP687jTeaelYVYV/n
MdDEkx+moTHG9saW0z6cemjhSbjmDudKQ+CXDoHMtMgkG1mjrLOp9qfe4LecucMJNF5+tMPW
ej+/hNCOvz+1tn77IbZSwPb9LhLs8NpPJ1KsAZ/LqvymgxHtzod7UT+eFqPDw3DZVtnoJnbv
D9w/qeS0u+U7Rx/J1U0AijKO8w3RS3CL7sXF1jdn49DHVlhxtPmb+h9qw2uJ2XLnAnCefrYU
N1Tbo2T1ma93HVYv1ek54x9oEb16ptfN/QuEhlHk8vQeVkytY5IVXN3miprWs9sI9A8+9A48
6zJW+a3u80hA3mDSRE432J2OI9fP0LFeiZDEqzAH97uBjK7wbpslp6b6PL0evNE+b1VpME04
gSWwDC7HL+/O0l6XxmMIgxpkkJtLg9xjvVz2GS3uBlZrs3Z6WM8RXj1Q0lvT+6WmkwSTO1bT
3Hn0ZSXVHNjZ3S5r28fRmOl8GsNO4H3apfTPL/WnAFiu8PpISKTMeK6K2zCJiucqDYBe/M2h
oTudAvKyc1cRAfgsB9aZpSwjUvsz6JX4trOhrau163XDhneW0FXZA+qegshb83cytHl4qusO
jPUdmJ7ZrCqqy8URrhMaW3pbTUzsIF/68XGUvQeNoCA4fbn0SQQv5m8rQ39J9CT6/M7DlisJ
4Hz9brMX+e1YKS9z/u5emQkBfP1nc5YUf0sXO+EXxV6jP49UVxcoLuiqVpMVzkwjQvo8wC7W
PfOdB7Lz+jQxVOl8gVJqvNyHomE3/p4slqyvL1y0d7TezLdtidrzYeV9R6Jtpq248PQJl1Fi
AGxV+pQQabCe/nqdDk73zdl61j4wR7q6sn6BhNt6ecSQW3m3gopY/pc9VaZrXeDWWpbul9Oi
9NRazjmmksK7juxzeoy+6zN31F7eXo+P2S+K+d68gHpJmLJy6IiSSmqG7mkhiZu24jo2csBZ
1H0edtfUG74Z8yu6Mzvq00+bXyddVh9TnnOTVZ62whLqi+fQvF6So9HOm11TL0ms8y9Fbwee
36VHpzpW5UjOpNDWaDA3EaheOvNr+1pPbyt4qKfOtVS6Wg5VmmobHN6ypLHjvP53cU/t41nq
GDv+Vos9po+qsKnkgKGxJNTj9LmvN2gz+izvu5engED/ADdqIjN0xB3RK0Z+jXzyZoEiR7k7
3dJmQjAPfi21+O2HkZWm2uK9GbQaZJ12UFXa+KwRlxSxvgktlaRHiKwabToyxx7gn0W1wckw
8c+6xpYqTvAMJmKHEqRE0jJRSSHi7Y5oooLjHKiNsgmoVw5+Q7pwS1ymqyPWOoLyi9vL0kM+
H5vUDpht13SzA7ZFg1RCOVQVF2OjkoWautL76PA3a4TXeToRjNFPjXnZpdf9DhZ7bzy/8vXQ
cwfxdUlBm6DHxD8zSq4joMjcFiRl18nUY2QHJDa03SaTheaI2uM2IHkCyeZWlaropREcQPNU
43QxJMHNqECyDrMYAZkWEsWafkrbO+rk0clfVy3AgRng7OGZE1Z8JNlI4SVRJ1NgN/QtEEPT
lIWwC9YZEr7I5IuUqRHc3RBrtJEdHEPQEaNhtBogkEJ05hLIQZxVRtOixYR1K3ImGCQ1jS9B
+LgRkoxqxyzD4or4Tt5EQ0KnMcSByECD5ITIGfPXqfIAXI5RwqOh6awOVR6me+SWLlfKhFNJ
c2U1DNNaQcIjhZVq02tBFiZZNWt6ruSs7mndXP3bF9emY4qtTa6krk5VJa93WWq1rMJz6iS2
0aCPE5VORuWaCi5Tn00mllFANBZNY+rMeISJiKyXcsRXARYyVk9HiDxFnJWTyFjwR22aVxEF
Cwx1YqBKFDQNLZAJYLQB0pbwma5nyV7FsHV00GxV6lgTVOg5oTKsUr5wtlfxYqCgcldxYOAc

FurXFkwaEsG1rqsxxmpZsr1lO4OOrPqyaDWA9Vgte2DXhJZYx10odGIwsFBaGtGjq0YA6DOB
YWigIpjgUQ9AHBzQ0DZq15YjDNlxSL30/MkjEO5VOa5BOc0XukVi8hyt45O5FTuO7uO7uO7u
FTlE7uO7uO7uO7uO7uO7piHriIrOPlKvrJlQGQNSwUV9h4/OuaNDA8dOc1VcjnEfOaK7n0xs
iDUckR8ipzm8qq1RXs4RFQVFanKiicqHcqHcvCc61KiXdFbmCj9Fz8ZNLeuzYeVDlTju7ju7
ju6wCdFY5GzX5HY42yrYfKBTE1ZYOrTkkKrLXUGmiYj6S1izqsVVz0V7OpzeYPmGeTsa0ejE
GdySL3ccqcLyOG89oiqqtdzhqOaKj0E5bKw3TCO7c7AHrHh1qTDejLAW9ZVJDbVIipyd3cd3
cSaMKGy0qgWrM+KdJZI0sMpbOdK5zOXpU4LWFLJ3AQQQHZgTTFe1pre6EXlO7kF5vDOVEXu4
V8fCoqC9zhO5F5U4c3uOXuF9N869wtxOi43GqBwlbm30B49wGFGms5yqta6okc07u45UnLEC
0l1KVhQsvTwuJ3pJcsLhSxnQMlIUOOUhYDVAbfEpQz3r7Mol/QTTO7pVVHCKiCJ3HKnJ3con
dxJH3C8nCua4Zy8d3KqKqln7H4n61qSwlwc94+hDk7Z9CpzKvDIaJD7MwKUNECPZL3LyJz7M
mMfn9TkdJA/SDLM8XoNFKPKKfTulq7EMgNIpBrLum0EJRGzLrNlm7O8ufNeOFx0ZyGAkxnpt
mJr9nRaxju52OiIqHSRqTQmBid3HL3C9ynPbytdzjt/gbrpneZ8uv3Ko6uKtJLrRsW8qyRYo
BiRsXuXoRVUL9IyPoNknjXqeMShePKOCkjlI1cSayWApGaMQanPrCkwedT1FnnunMecGTWdI
7Mj3MixPmrKMB1k3D2MsVrZ5WzY0BJG+eR5Xc+rUlYuly/snjo0mFU0uX9j8dXu5ROTkVWuX
uXhVZxtLLzvQds29VcD9YH0w+XVsgPOsha3lXonKj2Epu7tyWBwgAS5ofT5yag0NZqd866aC
tubYiqMsuADK3G659eFnd/RtSzuJsyjI0pdzimarMrHJH0tisN7ZntRmXlrLm7DWa9zXY6d3
NPYfHvYfHDuTk9k8c9k8aW9ovWPJ07TN3Z5De1npx5RYj3a5pW3haZH2DzYq7Gq9WspBczDU
wfqPl+Whm2Pk5p4836yvk1gA5PTBKG21kGVycezBjH7wkBkHXjk7OmPzt0Zr7K8ZZs6Em155
kbK+UDeRCKirZBnLeiKvu3GdYnVzQWRZrTgFTPAZKCncq81yexeOexeOL3dyeyeNey+NnrHl
Hq2ODNB516Avn3pvmXpqVHn3pObM1rMlris2Pmfsa+Q+t+Q+sHkyKielYzeednpXk3rPkx3r
PkvrR5Mk8AdbUHptlE7kzq25gm8FA+h5y58+gOHU43H28C6AeGtLIJPLKGRBmiQ2c1V9TpYE
8/doy1otDGtygc5CgnNklhz2oilxypwvIh7Vh8chsuykB7d5TYHFtSY7jvR/OODfRfLeHese
S8X8NPw7dYRC/nzLjXR5PjeYVnHqXmDOO9S8tUVUQ7d4Xj1yjuCiokqLPUz7bsFKugvq0Qsw
m5OqbMWwe6yGozsx47ZeUejLgAU6xTGprHRS8MljFmiKnisb6zr3y5VUdYzu47u4XrnSFEXa
wmEXax1kWbBsZBdhlCJU47ucSQyxCovCpyHd3CLJEL3cd3cKaFfHo9/HnlHyF/XWWmj8yJRx
eSvbJzq1++YdsGRKFCVWZ3pWRSw+NVOVRLCYQRLLtgvE8TFmpIkZLFKlhnWMRUs7l4TTU/tJ
Whakas4faVdQNPMyoX0oEtnmb7tTCpaV0R9LysbK0aj2nJyondx3Kh3conKqpv8AD+lpb5aa
urqaVtg0CDSsMCIjTwVxXTlc5y4BJiAz1qruofjVkySBVzGhiK81XokzmiMTllkikliGlilz
fKliq3jReyeXeo0o8AQE8o1CMJYx89z5jV4iIUrmdJp8zYBpH06qMpCAsZkYN0rCJy8NVVGu
e8jc5RdrjdmnVWkxtWIs1dZXQFiSsexZbm0z2l3yrmyjrqqStCxs4evLrSPq7dIeVk05kiyr
FO2IFkesSsfLmRLOs1ju7rF7uN36D4pKvsYmL1EOiGt8XH1ZcFlcOMzUezlq7CuaWV7ppKEQ
rgJlhGVsV9GUaaWvKp8ijJHSET5nEW/w9sh9DvGVixtnQWU9fZ1cCP7pSjoE1nUZixk1mqrz
7rn0z624NgOirGy37UfjbZIpc6cyWJW89AbiVsgBs11jFrK7UgWbgdJiT025CvrKTO73FcdA
m0tpNY1u1yOjSoxs2SJtr15iWdfbU6wrL8JBNq4WICW50VbeQNZITahmKZoIynfcKVcxXGlx
GgrbmiJv5VywxlegzOKlinFcGaTO7XeJi30KUDCApqeti7Or8zPaLHRz0bjcvRqO5qqvNGQi
MSLWa55MnTmG09oBsqf1AJhqsxJr87jYAe5zarZQyT2ByFoQnzQUsExkXZBXCVGlqirkfCmm
jqrZVjl5a0gxACo1MRmyToweYuzsxE17kFipo+kF2ma9Rl8fcaFYSXUpXo9SALvlFDNJjoAy
6p86ZeZ4yXRvDK59ZGurVsIgWWEwMZcvhBH3z1U0s9BtsULXZhQx2QGq5Qb+Gp1mR1dZ2HiE
5rSW7zFnm6KrsabUWyqbnFvtBmdaDBG0NE1ZUthaNnxVfFMrIhgi5ePEp0gFtYXBYjxlcpuc
muVWxhln2uG3UuXyu8y/TlS9ZBytta3cWKYFl5XVD4l6Vk5ZFwzc+jRXwDuGE1koZC95AVzZ
N4aHZLISTOWuWvMTx90AloDjtYZWzpvT8pXTQ1eA2NnvOLt7oaWDPWQeVhqc9dZ119TvNVWN
TeayS2GK6xCOza5CxVqKy6GQOaQtQNu7DHp4GWIJsmXT52M3nS3V7HJrFRT6jK75BDXtUsZ3
IOrz5Yp5NIs3kbKaOChWtIoyCrK5trFYDIYGBvltWtZZVFlFiRUlk0djnozVqLcbzj6fZ53F
LtqzSkRuR2IGIRBFMXLJKhEMRYgwmCaKqXbRAC3KC0GiGRIEY02No4VY1dSWGmPBMfndPiLK
82KPNO0sVypUVWyyTH+nYXXOZSSdZGQjpeWXkaFIHNQD9JKsfQjCwZQ9gMBYBLyj7jBWcuyZ
SapYbEmIuPOdFio2dA2BA60yJdzpsbqtZ841k1IzPlLvNTVu+srs6u7TMXllmwg1XD1u5rNm
2mTLl1DY3EkgEU1a17TVptRU6Orapsq4yNJfUudV2hj1tyMkI50PQC5oux1zsdS+DXPLY3SZ
XO7VwhKvRKxb8SujgsCFiuVjpXSRqWSuGsYaNaJsbKiFm9Bij8gei1ATrMylwyWNm8rDEa8W
qR1XYwgDLmmOsbTZS5K90HWYk+1qaecNXy6rR4fPHo+Xi1Blhn1mbbehV8+sjxyVNHUYdCWF
ezQ51mbG1NsozZKUNgAnB9vlfVtc/P2xVesBVJsGOpRgZ9jqi1ooSNUmkRdcZJLKsFdHMGCr
FTj6y2k1Az1aYU+/AqbTg2PniGlu6+1zVlURYV4EIWOKBp4x+rzNmHiPjGAzDkGcmNlHjOqh
LKCUJOzvpWNFUdxnemRa2spLk4WTUSw21R2UFiARVK9CitS3jUD2/wA23SeaWLa7fPqScXOy
bWptrGZ6+opY0kZLb77O3y0+B9U8/SrVOCWwykRYltWqCKr5dXNlyw54U6W9lnLaq2zkmKai
vMzYCUDrs1AXoSvrdFqGyMllrKk4QopDuQdRVmrQEhBdllWGqpwQbBszpZBtxU3GLCGRLoGY
ONYr+sJQOOHLDQ5pyR1aTa51NVZV83Nb19lYFSWFfKrHkS620o5lUKFpnGXFQiObwURXKbgN
JOXusyKmC2xtKAkvdDhSE1cOZiLuoEq6sc4WsR2daSH2dM81zKJlWMQIySVpAspA5KrNV2Ly

UV8YXAxBJhWlvJWvguKJ1QtkaBXtdyGIBGHV7h1ltgri4Ao9UGV8vNKcO+imqfUAmgszeWvm
KU6usZEybNLAUK3vFj3d5vvd3cd3cd3cd3cd3cd3cd3cdf0B15WEIsN52ihDlu+peyU4eFQ7
iplnY8ivhvKG+oJZ0uYK6a8yYGI1ZRhuYPmpkItBny23FVsiEl1rGTIYomhe7s+ju7ju7ju7
ju7ju7ju7ju7ju7jpp+9n5YRIICSRYTUz1NnuNoC6hK7Ri2OdD1VrXw+dIAyGSjLogCcKlEz
WoVENLGhJzkC3sFH0aKwxkwZVM4f0PE3RcTlAkhcwpgFatYWtfaVoDeZLfjdditfc1OaMqNZ
hb0M1ONHBHFdZTU7+lIpJIRg9TYjn1qhrb+nuZy6a2GDJYAD55i5CqX2RVN5nrL6qQfOi4TI
ieOtcW9eNGWhdbZljkNFOlLZUCamgpLqj1KhCoeemdLCWlfYVqt7lRHFzARxE6glESFcUe4Z
O6ABSz4zd7PCkMHM1lWPiiNUes1hXFFlwYM1dqI0q3lSlSwuInGsiz//xAAzEAACAgIBAwMC
BQQDAAMBAQABAgADBBESBRMhEBQxICIjMjM0QQYVJDA1NkBCQ1AWcP/aAAgBAQABBQL/AP
00 etmXjo7OiJXk0Ws7rWiutiGxFdrEFjsEVMqix7LEqrNqCpHWxLLqq3luTTUyWI9fvcXdliV1
1XV3S2+qk12V2r6Pl0I9NtdwsyaanR1dUtSyVW12jup3KrFtS3KorZGV1F9XCvKosZ2Cr3ql
p/irKouNtiVh7ErjsEVrq1pBDDvO8qtS1P8AyUfvc79mlPOzNLO2DyrfLDHL42jqGe2sVxxz
czytIJbpp/wr0tyWxbe9R00jWwYP+T6j+xp5Bcj97j09r1x/3eDDy/uGNSMemomx+nAKmbzO
VU9b1P5fE/a+Q/VNe2dedeSmTXgzpnMYvUd9nJW8HK/av/kYNP6WN+MvTP2n/kVEVnVXVRoc
F5lE5lFZuCl7sau61sLHjIrEKOSVrWERa1StK5Zj0WlEVF4J3HRXWrGpqJRS/qqKrIipOC84
iIkRFScF5pWlcSmpK1UKoqrArxqK2liLYsXFx0Z0Vw6K8Khh207YAUJWlYrrVF/8h9T/AKh/
4dTQhE1Pth1/rPqP9J+gwepg9TB9A/0D/WPRJ3eDdO5Pk8ZdwpPT7jkZx9TB6n6D/qPqDCfo
J9QZv6D9G/o367nz9Hz9W4pnVkNVmJnVlbcj8PPzO4Oj4/YxzAZv13b4uA3eCsI+gj
/QPQ/QfTXp/OS9lMF+0vylpqwrLL6lG4LLamN7IKcu3KyPT5lmxWjEQMrRh6D0MEva6md46L
2abIIyWX0IhDFKclnUWWzK6h2RT3eEe1ymYmVbl5HUdVWmW7jv2CC22d2yLawTmxbcmcbBoqin
/QPQ/QfTXp/OS9lMF+0vylpqwrLL6lG4LLamN7IKcu3KyPT5lmxWjEQMrRh6D0MEva6md46L
2abIIyWX0IhDFKclnUWWzK6h2RT3e1yhPFBe0a66YmVbl5HUdVWmW7jv2CC22d2yLawKlbJ
r1X6B9Rg9SYD67l4DYyfhyw2WtijjhVzJKm3Kc2X4OP7XG5eiCZLeRz1YpQ02i6o/PpuLMjR
xwgE7o4BjtX7lMJR831vZGRDXQpsy7D5Ez5W0qEKcvLe6f0+use/7sdNq2TW7qqyb5yyK
Xxcg2IL1rJ+4Q+nk/wCG+oPkn1Bh9H80Wr+HvzF6Vy/9bPHFcP8AdP8ANctsZ7H2rzoXjSS9VjN
Tg2fiOPPxN+iiZM6jexfF7iv/HT35VP6Vy/9bPHFcP8AdP8ANctsZ7H2rzoXjSS9VjN
P0Op0o6kahtJnT25YJPn03D67+gj11CPUQ+PS4n26+B4mL5xbWVrSfQCfkr6rbqin
H41+dV2FGY7BmvEr+cuwhsGn3eZj3zZrSdW9QcMuEf8ALb5uPGcIyu8ltKp0ByVbnh
2hH2HQl2ufQ/0cv9eArphU8+ve3ny7/qdFGCxY1CRb5GfkW/f/9UBMcmxb45U27MfN4y
EEv3w6l9+Zn1BKCZrzjsLKOPPppfl7Fwnew3A2fevvTKcHm0RpYtVyNIUcpoyKVo+D
6ajkv2kE/nonjDb9PcsR9ZY7QT50pQ+VxS0K/WzWT6qB6pPC95jkdBr60ZbvShKwHyN
Tg2fiOPPxN+iiZM6jexfF7iv/HT35VP6Vy/9bPHFcP8AdP8ANctsZ7H2rzoXjSS9VjN
GJjX1ZfSaHSkW0RrJh28lYzQnxFYa3v03qb9dQzzpXeWEmFSAtw3n7kbi4e2hN8X
Q3cpbxPmDxX1mzVXTE7eAPnPTVj7EYFSrd2jjK/EusVQnkSyAzXmcfLjIwsc6pGu3Ql
7fjZ1YZcal1uz7OFfQ6O3j5f7YkhW/U6J+6+zb8hl9d+AvJRVzY9Z36Gob7a0kHrqmnp
mvUDXxow8ATWpuMgBuAeehYOZWPbg4RkWIWhKXjyeBE1dsepTSxnbj+hMXaQdDTVS9+2H
zd4p6m3Gvp3ocSreXkcYdTHFqvOpreuNPHbl3aXM3s5zM9KuLg+6OjVxGwM8mkOBNPlk0jyZ
vmwcNVF23fxNtyjnLrapjqZ8Cu/LJzTdgSE4fRmBUVwZbMgSbxAsY1EvWNMgGqpGl5zy0Yq
ihEmhNxoVEKSoeScwIZR3+ZpPlhAgIEBUkGUlrpcOJcc79kGb2JBk4ZyChsQkw7fKmxkH1
U4wxN7Yg5VQBK6h2QeMHhuwAx3Wx1jjmDNkNYdGPkqo7MBjutR7s7+6GrEP2OPyLTLW2
TcPbcVSHIDPI7ekdzbfA9U5eyqBumoaRbsm7JCkCSCvKYDYXB5B0hpjTJbNrKBhnh5/lmW
Gm+xDCy2sIa5Fpt2NMQpeTYN7ceeN1oPS5tcXjHtOMecT8Kb7xMa8rUnqdJBmeU3fslLFhD
wkNVK5ynKYuFmWP+WcM2OlOoWDK7RE2Q1fX7kLIYVyMaeC4OG0Q1tIUb2O5ki9UVVpYz6mF
fmMyq3r6bgOTeu3HanwxNjKP4YIW5ygJZHUN6/qIHl3ZZ9ZyYWqWBqGjLOo3+r4K5Xn+0
aTgw9Gw7nmN5HCWIdBG8Y8I7dWNhFJeYxVCjqnS9HPUkGF3vX4/KqNVRLWjVvz8Wjh61oWN
NFhxHk7/9HBuDP8yKWc0mMc2Whmk8nTMHVgq05MgWqTn6ZdaiC3UxRKxFAEXmrpRsRi8W
kWTmfufS8Fh6VaW8HgGa2tFAYc5T7RgVVUFR3XNcoaKqkHFNNqfDvKdnZyG5qdEpTVSkKMhb
rkRLbRwdlZxi1f8Ah2zZsLMrcZ3yxHDTpeDc1ZxxJT+7wa7EU7xv0B8FXyqGZc9DtOCJbVZk
NYb1G0nqnpSjnh7TMF6eAsxJ1uOjb0Ckp7I7NSVsP4nTeLKhJWZbdbPWxrvjSRf9Dp+aBfvL
hu0zR3mJIqTxDOuNK7dqqhVUovdJTNxjxYSGpl1hQFR+0vp3r/mH+3T2sk3RoYUbWDxhkhD
YRaBI48KWNIXrZtYDM5SRMmiXeDe3wa7Vwo1aE4JHEtm8UpZ/Xr/8X7RbB2QKNaEE+XPGt8
/orY2yoz0iSbNgdCBy6DGpI1S+t0/pJzPVGaD8zgzYfTOQDpsSpaMKqsjMQZEmxaH8cnqNt
mx+n5OSD0S/V+FlY06kdBULmzc47ox78lh0W/V3S8qgLbPPdP+gn+grKA3y5Kg13QHBgwJEq
9tASaRnbz6FYLMg1lSBnKO1qzSMlWrD+wuwp4eHNJpdN3U2m1KrCnI1q9Iu3Hp6u+I0YvGu
j5yq5rGBk9e2hmXhQ5QozuN5dW3FHLNKeaOkgV3JalxTgcTPH9XuSt5f1ZgVsrnnAQTsx7rl
MIhNnxGu0EtuSSZJNIdFSsqIrdkfSh5Wty30lhhjxsR3FxLj7azLa5xgDy2JMllrbsLMWvF
B3x3duuyv79vMkMsfuvRtvcqiV3LKoVDN8F7K83kmyyvxltsP9kdBPYjKeTmpmN1VNbgW3kI
H07yI2qEd1pxKv/rnUVh3VzqTdYKJFEVJkOdxPn9hJXYsRddLFsbKuvUZhl7vLqgGcVuNuXGh
bRX0s5ixfnNh6WSoFBdSxpT7zbsujZWxDlJxs3nXcMrAJT5g+MM95ytIJbpp/wr0tyWxbe9R
OD5uFdDy4xXOTg5XsYdPM5oPQMZuOxIQI7mvqxdWSnG5nHrd0GbzZCgA1YVA8awTwn7lbcqk
FC4fGZfpqTIdSw9iWJKj44gaW+o5vcIMpGHeG1mX0X0FLYxhbY7a5yrVyV9uG6VqVIT0d0F
cD8XHOwQdH8e0Q+cfuB1MN8qDNmCgeSOBlNOYBBmbvsHmgQTqhVOahWo3aVlVN17bEQSpRN
UJfZVOVx6KqWwnw3zR0RsKVWbrgmWgsO7jp/UDn3TM0Oin6CX+lpGrn+4MFqxcZr4iAqCVtG
Ix5r3xDJWXfPP69AHaGi5/T7juGjpvNBiBMzJcuagy1xPsq5HQMKWblNYA7U/wIQf7ZvZiF
P0Op0o6kahtJnT25YJPn03D67+gj11CPUQ+PS4n26+B4mL5xbWVrSfQCfkr6rbqin
hNa9As4TjQffJrBqX1Xvk4xrZQvq6W19lRPBVLJzOfbHZMAyoBnhS3lYoqrmqYRUXBBpPoj

p+coE5Gdbci49Ft7f2rPhoux7bW8t+JR2SrvZwqszL2PucgSvqFmkdrK2LM+I/dRgBB49B8C
Mo1rysz/ANPZ31A/i9J1799b4S9xz6k/EdOxmvvuijzXMy38R2Nj0VkELtMdu7jOv3VqFDtz
nUby9nSsUZFpbU355Sumuq1RMljy6hf26sWlsi+tK8erkYWj0122GVzMuVTbbbc1T2dvp9nG
+1dRRK5kfr5ZPLonjMezUvVL67Plf0/EyQxxOEPRK2pupsptxrHrhLKcexkybIB6KfAjncMQ
7nUP0QyA5xHd6T/yDCE8Rd+HWS1luJT7TGZtyszfFOpuBRgY3PCDeTudMf8ADI82H8DkFVyS
2GnZwuXozH0rP2zqD8snodegW3DGaAwHc3wTqdn4aY/boitxNp5jejV5OV+4yj56L+8YRvEJ
JKHVewBlt/iRH1V1ennQq6jjkgs4xW7mOTNmbnIweiE7zvNS6Y5fHu9J/fnyb7eUz7CW6Rj8
ntfcMUTKOqeoO0wKRXgEFIAhmA/DKK/dkkcs0n2wXctEJnM8QYBGOqToR9s/S149PPyxJ9Na
ifOSdVZu7MnPThigx5hMLMM+JSfOUfx8oNY3Tq2ovOSsFq2sYPyH7TlDlQCBD+nZ9+MoBbIX
WPuY/wCyJ9ANwgQibAlY89S8VbXlmgdzpH/I5bcK7rfbpVXZfeiLTWw3GlI85Xl6E91mn56i
nDKM5FYrdxMvzbnb7VY83/m1ygA18RfnKOsYHY1MLxga3GAIPj0pXzmMvPp473U7R3ahPG+m
OeTfNI85n7m+81QZ9ojZ9rTovmN5K+a2JByte2nzWAvayAvcy7NU/MKBK/5M/gR/hB5UTqQ/
C8TN/U6R46hkW9x837z0autHsgj6lAAF/wBw6bje3f3DTIHuJ2RCJ0tuWP1H7LriSo+bgCQN
CGD82UP8bwDxIPT/ADhn0bzFG2rEzbtJ0NPFR+7LTt5LeVxn7eQyjafOUB7vK8zpNFV2U/T8
GYmMMWx/lR+CTMj9tB+nd9mMCQ2Xb3bek0d7MuM0PTZ18Sw+IpnURuliXe9dtjBK25DlYOTY
79t20ZsA/wAt4pzr2rqTNyVnvcqHLyIDbaR5PS7CLerKeL648dSo88UHXo5n8ttsYuBHP3dN
b7TD8OxMXey3GnqTfZgJ2un1n7uqr90Mqc2UV/OWB7vL+ei/u3aOZs7QntALMnxjxBuvOb7c
y0CIrO2FjjDxmhYmbhhJ9R89RP8Aj7WZZZ2Wt7D2wgqDGDesV+Vb75INzKmYS+SlNNVWqdBa
d5NfayJUxRste9jcpwBmF9stU788RucfNe95KGq1fumKxpsuEblF3FEyG41Ze7MlgFUeBlDn
iQjz0pi1CeGyj/kZhnR/3T75eYBNfhDerzrE8GNkV005mfzlOBlXHFxacSPYSQTB4hgHKEbl
n2jzFAnUx+B+aZPizpQ3nZVXatxfzNoTHc0PcgMTy2RaOfS6+9n3TZlJnU00w+R5mC3LH6nT
7a3HyODjzEuVx2wRwVYWRRiXe5y+r0c6xYVNTLZViXaHGuyNVqVcDZ1B9WdMXv8AUbz5Gwa1
BUl1JnTbeOUF02Z+5yFLTpSiq4miaomVkKia408zrI/b7E0hqUgB7DGJ2v3enxND0BUyzRVN
bE6kfwQfuyixt6Qf8/rVU3pk+9dbmG3cov8Aw68uxAnRFC5DyzjKtTO12srIVRTkCdNtCWZN
dd9eZi241mPlvVKsulwHqAN9CDNzu4OjV8MIN56lgGk12PWac2vil1JmRl1119EX8HKsnQ0C
5V+tJqIZ1FOGU1x5VWDkpV1yrUFzZLc0zlIObTr3tOsRzldRfXacDlkqVx/mf/UfmELsahg9
N/b9oDeRK2+7qf6KkzIO36Rv3+SouqsGjiW6jKqthZBqyM2i+1v7QZjYNlFljeZWdTIx78mf
2ef2gxOm2VRWYVuyWrd0pGj9Ny1nscuL03MaV9KUQMtdbNBbL+n498fpWUsOBmCJ0zLaIvbx
G6W1jVdPfGa1iYJW25m44yh/Z5/aCJjZXj2dJ5H+zLP7Os/syGCd4/doH2GwzuMIb4I24SgD/
/wALxCdz+AdQmbm4I24PkRCd9Q32Q2jkfqdL2Mxm0/VKeNykI/dTfEk0Wd3FdorEw/P8ExWO
uc5RmM23HcD6ndndbXdML+WMO9De1adww3NO7OcDmMxgg8jzNkTbAG08ef3GwzuMIbDBYYXM
2TP/AKR85J/Aj/p/MM3PPprxBGAj+IJWPu6p6+jqXfqdL17+382XV38Z080MCrHzgvxtYfcoC
wqSYmyU0A03ACQutMIdSsEzY02x6DyDrTePRdaK7jLqCAajeY03qKI2yS1gO/uAEKgwxRFEd
RrztQPPblWl6n2gn5qY3oNkeNEanH1s1pdbQTOl9ywhuFybRFfXacDlkqVx/mf/UfmELsahg9
dS4glhG0Kwzxp9bRvJ1NiErzB8CNBrlPt2/5U1san8PrihHLRmtR9Ag/doiceavxiBYTqfw0
TzB8cvDa5XOEwuaILMt2UANMc8sJ/meNjRh1Br05aLMAr+Yo2UZQctc65v7fmT+3ZkrxM6uC
1jWfEK15FV/TMhD7PKi4eYJh+7qPIGGwb/lIGVo7CaijhOQ0Tuag+2V+FJ5QbgKoNjTtyhgZ
FHLQc7gBMUrG4xxAvKKYWKm75WKVJZ/LbixW3GYT4OX33Q4Gcx/t+bBgZqzC79KFoTy9AeM2
Nb5QNDuaM4xfMr/NYxWdwid4kd0mFjuedI52bjO9pXs5Acmh2xJ0rAxQ0bfLlqNNHXzN/c+w
eDaC+drtwZptCch6H4URZqMpETwCxMP3RgRF+P4Hz/O9KTtU8z+d6nPwthndOzfLHM88fM5D
Zg+BDApIHmPyMAO1XRt+6Wqd/dvWpoGH5EQARhG+U2SPtLbEMqG5/wDG5PRATPgN+XR1X9w3
uWeAYg8aPF1OgPJ+PGm8eiw/F29geUhG435l8nQEbzDuJuL4hG4RK978RofBUb9GHog8Gamh
A4ErMJ4vW4B3H+WcRSplgGviMwlbDY+NyxhKmhJngwsCa2nmHjp18p5HjXgRjyZRtTC02J41
GPgNogjTfL/CEb3oIZk7EUzn5fYZ281n08adhuthDOW4zQEEfzsSxuRU79CZvyvmEzlqbndA
hZI1jbWzcS5Y9448xK3813qTdYNkxXldolls3qB/C2gw2wtOepXesa1YbNHulQtu4LAZz893
jO+OLWgjnO4BO6IbOU5RbdFrV1zm4LRs2KAzbm4LI+R+HvyHi2rGtG+U5QXAg2DZac4tojOC
eUDATuDXMGcpz4zuCc9zuRidnkJvRTkZs72TF5Tkdh9r95PmeSDsAn7vuILagbyOXEsRNkxu
QQt9x5cbNqd/em2HIgM002w+l2d+QOR1s7PIT5b7oCdq3IDlvnxTZ5fdJi8iCxEB2RyMLee
f26clSTPuK2ErGP3aaFtEP8AcuynkTzs8gpaabR8F7UQ+5phyMbVGxkY3
H3NO/dUT3WOWGVTo5GMZ7mgAZNLHv409xrR3VE9xxaqkxsjGzhXsqKGM6mhTC5Ga6Ic24e
L8YRsmnXuMN7ii+HJMo+RQwOBL9jg+5o0+RQwNRj9cxRchKY3H3NO+TM4+lsaW6NKhCGSee
NPcUaGTGTCRSgTYGGEGHuTTTL9fkPnJTM2tJwWyn5vEqKJ7x+zAJCbRNHL/AI6eb1TcjnBdhaNc
91RDkY5+g8d+Nuw5sUzQiAnUEJsvfvGCNuEnpJHRBJkgaKzWXCIhKVcN6ElHHqatMcbMMqFc
2UVODlCe0vntWH1H+1xxcSLMVAjLF9R9BNu5MiyMlmPNcjzqXVTuN+ah1WGmHlpkmmMFnD3c
cxhRj4tfKjMVyrdyycIup5nECKUncbbibaWbwJeFvwxcurbRhmHCm6EMNQ9fmZt56xzaWq0V
vbAZyyAxl1/qxaudiCZzm7Jpb2uLlXV23jjBWOWQZmdin2tyUwLKGDLrRbYmapanJfqB/8A

N4164eJyhRQCyqLLLWUW28R3FpsVibV8N6j6UXkavwCuWxpptFCs1lhUa9Nw/i1RUYjZC/YY
CywqXDeZy1AymWV+p8n/AMBP0iH0J2B6YlPdapjvjcDhnlfZpVx0JOXLQFH6pyUVP9GF9qWW
h4SZqD13EP3XoI7bg3Nz7TE5ieIzzmd1vNDZE8eg+rf1aHH/AG4OGf7Y3T8mu+ylRWiViMh1
S3ZLLY8FRMcLWclTy19QGzkNwUKwAEPyID6EbFY1AeQC2QqIGRS1pM5Tl4J9K6rrY+NfUP8A
2UJzuQcR1FmQKOaNi5dC1ZtrCqys1HI0cjqShu8FGWSW/wDh9NJ42ri2FcaqxaHs3AJryJvU
+YNLCRCwnOFpuKrNExbmjYS1ikUor5GpjZFofqGMAf49DDrf+osSv0a8fV0398H3Mmr3NC5C
UUdR6qbUxnKSt6qk6vfZQsCfhM+1+upOa5uaLU9fAgM3O5uM2zEpteJ060z2VFUUdutR4yNm
soxCp5Qssx3AHUcM47em/Wqm25k6RZPYXH/Yfrxm4ZCoblptJmZ2Ow5LGpXZlK1zJxb7p2re
IVhVcByb4+gSmjlL8V66teg+CPTfomLc0TErQocVY2QdG1jA7hXu4VjMs5fIsThN18msAYuW
mMouoysd8a/ifRa1irTyxsRba8xcPGK6ceg8n05Eqa3Uf6Pj6MPJft0v3cjqlzM2NXV3GpuU
rl/YOp7jXI65GVyrJ1D9NCbPTcUBc2pLsY7V4plnxKaXueimvGV7izZC84uMxVMdRBSFHwr/
AHV5N4onub4cy5kHZvSx6KK2LOUZq2bKsaDLtjuCynwOZmP1DKpsy2TMXiw9Cdw+PotyHtT/
AFeNTp1wV0Vg+VQQtyFRTdkotzM5LfdWK3D0DhYjIfU/M6XT3bTcoDNs9YxSjqfAMcweTjoK
KjB8gLsHUZtQ2qIbfFXJ5noVvCzaAPZt/TkZuKvKaMxzTWUzu1Xx01fkfTm9HvxMb07Z4UdG
vuw/9eBlLbM6u1Wy04on3Q1eRWNvxEaMx0foE6dQ646YOPxWtKXzGpyKDXDv06bROYpybLEr
KXBoCsEtrYPluUmLmIi351pDOzn17NmipHqsQczZWddyX4+PXjp9sD79UXkw+f6g/wCJmvHI
zpn/AAP1D51B9FHUWC8gVPaeNU+7UvEaO8J+nGTuX4uhVZYFr9wiFhzaz7VsB3VQWNakLn2I
IjahZe7U6syy/KqU8O4PWulnKYUrxKlPES2rauvFvSs8pX+LXenBzc0LMZU32emp/P8AUH/F
evTP+BmH0zJzKvROi570ROmZLYcxcV8g+n9mzaseK7Kasi9mOHkBPZ5DC5rucx+kZeRj/wBm
y5/ZcqZHSMyjHmF+6yLHpqzSZxgnjuXY5KrVxF9pArb73rLzjqbKW3ZNlkHoKniYbGVYarBW
ogWa9CJn1cT6Lvlj+LMqoFT4gEGwPX+f6g/4n16b/wADP6Y/46dFx1syOhZduYcv91j/APWc
amzJu6hfXTVOj09/qHSOonNu6rj+2z50vHr6b03Jvtyrqnet2qTrXTCCJh/9Z9Lv+sxTpmzG
vfIdWyIZWvNm51y3ViVitsP4IsZFQbOTUqh/Ix6HvajGqqHETXqzqIjBoZbl0pL8trVlVNV+
N7WpIftnfWZVOoDor8em5/P9Qf8AE+vTP+Bn9Mf8dqZ/+J/TO/
WtVnWq606h0jqXsdlP901HRb+XVOAnNU+7UvEaO8J+nGTuX4uhVZYFr9wiFhzaz7VsB3VQWNakLn2I
IjahZe7U6syy/KqU8O4PWulnKYUrxKlPES2rauvFvSs8pX+LXenBzc0LMZU32emp/P8AUH/F
evTP+BmH0zJzKvROi570ROmZLYcxcV8g+n9mzaseK7Kasi9mOHkBPZ5DC5rucx+kZeRj/wBm
y5/ZcqZHSMyjHmF+6yLHpqzSZxgnjuXY5KrVxF9pArb73rLzjqbKW3ZNlkHoKniYbGVYarBW
ogWa9CJn1cT6Lvlj+LMqoFT4gEGwPX+f6g/4n16b/wADP6Y/46dFx1syOhZduYcv91j/APWc
amzJu6hfXTVOj09/qHSOonNu6rj+2z50vHr6b03Jvtyrqnet2qTrXTCCJh/9Z9Lv+sxTpmzG
vfIdWyIZWvNm51y3ViVitsP4IsZFQbOTUqh/Ix6HvajGqqHETXqzqIjBoZbl0pL8trVlVNV+
N7WpIftnfWZVOoDor8em5/P9Qf8AE+vTP+Bn9Mf8dqZ/+J/TO/

bOXcK6GEv401NSyvuLXj9mCsl7e6sfIs5pdOSuSpMdWSvi3LiVlx+9/kiNimvpjeCJvUxco0
32GWsFllncLCBSxdCk3p6LPCtv1LzlC8LQt6GxRAs4zjOMw8Q5N6WY1C5OXhS/M7gsvbk+TZ
YCCJxaBLDK0etCXM1bEo3FTeTb5OEOcVlWVKbXdTo1x98zyUgXpFbkID5PmA7G4yI0OHXPak
SnHPIy92AybrRLrGeIDLFG8VRdiZlRruhPph3s1Tk7rTbUj3F+QgqU2FvSptStgYD6M33cpv
0Z1SNYx9AJxnGcZ0lV5KOK25Mza6rmup4N06upa+pOrnHHPHL+LbeA9zcGRhcBuWHWdf9kwi
vFbORpX7HUCWN97KoVFtsatG244EsOCcSO4ggsVpub9BETiLHImRbL33CXgK6TTDphnW01lM
NL6IxVtecXpr2is1Yz5N3dY+iypSCXKzmWD+hMNvlwfUCBZxi1lmqVcam63I1ktl2llsSe1H
Lk1VuQft6f8Aosv25LE3aHDB3sfF3jMuBMo6e/Zwgaoj6Rqu5U+KtMFtj2hwljW9x6qg9acA
y1Wav1SKLw9lr1JO6JzJmNWW9LFmQEIvoqnHjCoMDeenDgeu1bvNG1tx9OyMCilmxRj4St1J
rhY7Qn0+SgipsN4haGNZCSYoh/Jr0URVgrlICQ/ZX1DIMewx7nsDAyz7rrF2MFtM5Pbux+4n
tLJRT21ZuCs3PKqHK0kgDu8Md0VHP22MOeXSXUXCymoL3Lia6wtpNl11cuyRYpsUQZP3e+hy
Ml16beLqjuNYZkOsyNQtFqZXoq523FgOq1imilFsx7RtJVYUcNyLHzYZ2nMeggL4az7WNmix
O2bzrc4zjAsf8sEUyvzFRoKGMzSxxytuQBjCoXU2GWs4rT0xhwyrPjFpW1PbvLt0y5+UxaLG
OPU/eKagKGAqTRa3aO1yV+KahTSKHqrBXIqNSQ0CXUDZw0IpwVMGOosQ1YWLjZ4qye7bfk2Z
ZEvyA8JjjcxrPuCmtOGpnstlGFzeV0lbOEWoa46naLRU4wAQrLqtRCNGaM1tuE4QrFXxYZVX
3n/tl0R64jeA8qf7rcheeRuulO7k25DsxvouE+Jh0Jcq4GIjquBy6i5soxKFrnUsera4+Mwx
2opipZxSi3YrdJjjKCU25BlR3XU1awLZbb2yq0Wst7AGHiI62wM4ncWDs42Phrb1TJysTHtH
YvxpmZB4BmBGQYH7k6XgNXY7ryJpDZ1NrJVyS7IFtb11/cywVbnCducBpn1Hfc4wCWHQHmBj
OXgDlGcM10psNdqXK6V4yLBoDyJVsnHx0rXq11d1n3VZTXViW6eZy1idOQ31jD3Gy8at6TTd
jr7eyMMdZUz+6px6WXJBI7gGTj3JXZvFa9ACFZolnlneylKdy2pGTnLSuiTohpRSvM2N1PLr
QVVWtMm3ct5IQqPHUrOlYfbjJPxEYMwve9rMbJHmuvu1sjqOQYK4E5rC4jWajgPPKkNOUZtK
pGuaid1Y9rvKh4uH2yrKtpRsukEZqQv3TXZ23e7WH0sgWWULal1eVUbMizeS5M6Qg9vbtUs6
XbzrsVVzH6eyUogybCa3tzESvuhgi1PX23Sf5Up5lW5Gzvc2qts7mXcWppYe4sdalsIEZvtt
XvS5jeel0cbXl3xkiESzGnT8H7LfL2sJdqOZzOrLO5ZhVaVaiFzqamhZ1apmZeTCFjoQaYPU
UhIEaz7vQDc4CJ+W0fZWhYcZj1d968DFRcchq2qDHqDPVgYd4qZsxWFlm7N7qvXmf6cvBl7k
1bIK2MssvyGlrcLWvrsd+JddtK0sqJPcCMnBrLOVN9OTWcejeZXdV1BGqerHZtMBzs3kRgBD
i23YtNZxqMXK5IxlkyfLWkAYa8m34YmHzY/IGw7e+1VfHOGWw6FrTJtLzNYKCZWdr901N6nd
M7zmE7+jUHiIdLe3jHs4jmsbJDZB1xoPZY9RsF2Nl1ZiZFFllloUWBrC1dd8ZLFCWOj/AN37
1V2UzOz2MeR9UoYrj4jbWrtTm2LkOsOjKdKKc2IUcPhU8rqsmluR4V8/bg7apQiW16ariDfd
xlmS0sfc4lms76v7jJRKrbeNd4RbbNimV0Ndm5PTKu7bVdhz+4r28u3uWNKDpBxniM24dfQI
ZuDZhaWSv57ZM4h1oftZOQ+qQrmdGRvdZVbtkpiVzExbfc308Y1BaW41VVdVBeWKK5Sj2S7G
4pOm4tbyrEJJUKEULLv8iuhlQ8EZhmdi9FDnMyLa8rD67ynuEdM7Fx7Dbjh7Uprx8a5tRrlI
ayZV0a7zz3E1TQjnYt+z3Q422g1VW1BWbxh2D3Fq7nXbfvWlRQ9bbcabHOhsGHUcoYPXp2Eh
rz6fb5XohmzpoPkOFmZaUVOUPmJUbIlddBr4c1xaHTGppW+5OR4LLz3mWoBLKfuVOFio1l+T
hNU3TEFde/tWyXEmJy4ui11hgy5ycnxGvrN9fOwUIq0gVLRcGsVff5mQfwxbwjuCLL5daXKB
nfGr4NZb+Fh8u2zLXWeXLgRSKXjJZMVGW5W5pkfj5lqR2VTf+rjQc5Z+RuIMM6bjd+2sbnVM
flV68odai8iNvvlMWtr2f8mklSXICWrx+lpYwPhLrWzLDSFDHRufxT8YCA5ebztuStuKMQGR
uOpyMzw4CEyplWW2cowWL+Wws1WKDXMasU43ILMqsy0lZY7k00tZKK6qBZsswZpWPF+2Wsq7
kblS8ZW3OynYiEp0+hNZOVezOQ7S38+N+YGXn8Njsxp0tf8ADqQUrewC5lHb+j59K0IXf3Nf
yemzhULhHvAinIFltZtRStFORY+Uaq0pS4+bfm19EFt4u6k3EBZKmO6lEuTU8Bcu1rAa+EX8
rVsQoXSj7bKVZlQAVZCWVO6ocl9TIeuN5bCs7sIjFOV1dgld3jiHjYhrgqUhaO4FqCipTGce
0Vh3rEXlboy382ONsEmURw2J5hlNnlWBNl33Pp0YFW9BEBB28WqxVLiqzn4WtiBUlZt7gGM7
tVVRVxWpELV7lqcWyLAppDWW04iocjIe29mBWjVDpdFcNBqZVoViqorL48Cm27mzt9vDjPyS
s8oeFV2Rkm2w81rrR7VfFrYYyePMtYVv3dAsvIuN02hnS9CvNjEtPLu8Wa/8HGs/yr4fm39T
E1tiJk6M2Jsyio3XABbPArscb5S2vuj6cnJs4/c5w0V4+QtdXTybhk/k6clgQrxjL5ey1C+W
ssv6dH6nRSb8zItZb66q+W0orUxXK28qxLNWLwRBa821k9x3X3oq/KzJ7rtYMkSjl2bHLqbN
VZC92gFUxjavGvntSVe24bYKs46hHGVoVvIqrx62XgpG7bI+SBMQ8rnRrJ7bUzKnrfDqPbsQ
zIH3HU87wQFo7nK/IsIgEEtK8rqQ0ZSp9U2sBIHdfifuncaJlWpKsy2of3K+f3G+HNuJsybH
VkDF8dGPYWHFqlaCtUYqxsYn3ts93ZPc2R7GeWfiItKqZX+HCxMSwqCxLeNmfxwWGtSgP3By
CXJLWkwsTN79Ld2LWOFfbXZrUw4tZmKBjEZziNnWmNc7AzjGpVj7audhIv2oEALIDAgnETiP
R6Uce0rntK57Sv8A8WLw9siCvJD9zEv0uLQVXGp7XAVoOp4lR5Y+hhRqkbFy6/xs2peyn58p
qwStZhPt8ejTKLTbbmoKhkP7a7hWmXXVXXlXDjbgqrLhv94rC5FdRSmqtfa4ejXjENf/APh1
38avc2c1tK1e52htPZqu7aDKcXjMcSu/hUx5M9pav3Ldyu01qDo3WG202HtV5BWtchksa4bO
S7T3Ox33Ld+zha5ssXKdWrtVAuS4tbLcquTYoTI4zu/f/wCI1fd+Wb5Gz8nFgG3McVvXxXZ4
bycqtY11rTExudd3iV3bZmJn8VgRnWVsDLCqypgYe00yXYWVs7SkY7rYKSD9q9xpXbseAl2R
oGyydyydyydyydyyB3iO0XmbbEeAPuio7ZfNviJY7yuteFdHNglCrk9mWwkzZnPUa8Am6wnF

c9xhZ26KQ6qfP2k6rMZLObL9qJzRivLkZrkNHTjylNm3bRDowxkffbultDiWUCU4odRkELy7
krrqYlF0p2bz+ELyIreT81jcvYm5Cmw4MHJQ9rid5td1otnGe4cp5Mb5+gfNc5eVsBX/AOdV
nK6z81+mUPZba5WuvEywLs3KCS68mM24QDO2satJquLVEr4S5naYq9qWffZWCh1ZXYl5eZDK
hxWN9vYo7llLq1jgsniONxmZINlMbH71h1v3dXPKNSyq7uXNYqUC37VG6xX4p0tRP3s40/AH
mpFS9ybrqmWS2VRh22yqvFDvRwmQoVfoor3G+fXRgBERft46iDlMnxZWfucEnY9tRj8XzE5G
jw6XO6sfUzxAYFlJIY/nPiBgqVMq12uVehhMmoc6aiH2xUYxujYd3L/6AxMQ6j6lLhB/cUa6
rJR8zKqxYxoW8t3Iq/co0HMtJ3ttEtDBranQVo34qXW3iV2efdk12Au1kCkzj4lbduo+qV6g
8muvkEAhrBi08CK1n5pxAilXiWE2OUK9nw1XEEzY9GM8RT53K9crq2ayxMhZjc2HM77e52Fl
mpjEqykCK/Af/8QALREAAgIABAYCAgIBBQAAAAAAAAECEQMQEiEVIDAxQVEyQBMiQmEEUFJx
0fD/2gAIAQMBAT8B/wBGvkvOyy87zvK8rzvp1sUVtRRQlQkJFbFZ0UadqKGihIraihKhR+3Y
9vo31pH5JeUK27ed9Vk3QuxJ6Ykbyithqs2Vmu5OVbIRFDlbpER4ivsRkpD26mIR3PnLJk7b
0o8CyXcVyd5x7mJ8sniRWxHuQP5EVsRdvqYiNO1EVWS7ie95LJ7RshsMRHuYnyLpWYcdiPcg
PQmfJVEjHT1MUiPK6TZFbCyZPTVMuBri+x5I9yaeon4iQ7Ee5Ar9iMNyT8dTFELfKfahdhDF
ux/tI0ISyXcnPSQ9kELuRPJh9zEdzF054ls8GtxZqTG1KWaxPZqUSGWrSKfsUqG3JiVI16UR
ZrUSOLQ8Z+EQh5fQssvLbPboPlorLbKyy+bySdKyMnJ7jJy0kbe7PJa5Hi/7T8siLErJYlbI
/JMg7PI45MulZ+X+iMtTIk5KPcWLErl8mJ8TDF7PnK8rq2RXl54zpUQjsUVRiPTEw4lFF0my
F9zyMn8CBRExe44ELoi+TyYnxMMxHS0ogqyxPjWcTF3kLPG8EO2c/jQispfHcUoIi7ImL3PA
9kzD78s+xhqhw3sQyco3ufkgatQifcWTJ7iyZLedDGzwS+BCNiVCMXub1sKCXKyfxI9iEt6JDbrYgspN1SI
9mShYpTiflfoSk3bJRsWuB+WXo3SIKspJ+BWSc32NWIfu+5Exe4uZk+xAao7qxfVxe4nzXRK
UmRJK0XJEZX9Rycew233F92+hYnlfJeV8tl5FoFtFo1I1I1Fo1ItGpGpGpFlo1Gp
GpGpFlotFostFlostFotGr61l5WWL6Vl9Gzvk8lt9HdkY2UV0VtyaRddKyKSNVc98tFZWauv
dCd9Siiiihiedjk+lJCe3T1GoQxyyrKs76bXQjGxqiTKyjIu87E8rycfpxJyyZeV8izX1LGU
0IcTvyWai/sULY1C519Z5NZrkorpb/RXNXQW7GX9CRFGnOiijTzVZVdaslkxbM1F5LkofLYq
7lJ9ioruN3065GWLJfbrKitxZJiysbsLzo0vvkxcrfLXKkxZM
XPw/GOH4xw/GOH4xw/GOH4xw/GOH4xw/GOH4xw7GOHYxw/GOH4xw/GOH4xw/GOH4xw/GOH4x
w/GOH4xw/GOHY5w7HOHY5w7GOH4xw/GOH4xw/GOH4xw/G6ONFyVI/HLz32FhuqfseFO5UOE5
dycW6oUJ7f0Thqkmfjl/z/0aHfYjhyVatx4U35MWEpQpEoSttDw8R/8A6v6ND/b++lrl7NcvZ
rl7NcvZrl7NcvZrl7NcvZql7NcvZrl7NcvZrl7NcvZrl7NcvZrl7NcvZrl
7HOXs1y9muXs1y9muXs1y9muXscpe+Ri6F/V//8QALBEAAgIBAgUEAgMBAAMAAAAAA
AAECEQMSIQQQQEzFRICIwMkBBIzNhcUJQgf/aAAgBAgEBPwH/ANNpZT7FFM0vsU+Wl9xxkv0a
XdDEm+xpd0UymKL7FM0tdyjS7er3JmrezX7Tq+RqTAsclsyU9SolNae5k6q9yq4vSJ1H7W8eX9RfYmc
u+4nSZr3bIzq2ZPc5CklZHJ1ZfJ5TSvxJ3bRC4bQ3G9LzUvMiKcUVdAU5JZCnXYU3N1JQrCdTK2Ky
WGT1KVGXJFR6eP8AAj/piwa332bYxUpyubQpKWavmhrwHpXKNNGhGqXdsdHRj1
S7kEpRFwatuijurjahHQT3XKVNPnhQDMxmOHLIvrKVNhf8+kV/Dj0+kYjx+QiQWcV/
WYzN/UQk+xHUVH7FlFyrU9hrz4cBrJafDv6OAoNE2EfUprKsBvV0HZjadoSBmoWYMq
vhxuCrXpzA2e0MTK1ByzvUmaybyqLlCvAIkRGUn7x9Ui7khY7vOKrdGXo7FZaSi4Jh1w
CXhFKZFXc8L2gR8C9hnGKjSy4ZSbZrfZfRQqNyCnLehOxm0kBGm0IE9ZdakgOeSyKJcnOVP
+GSNctnE9yDOYFi1+4w5Q9K2X5mZQp4NqSiNi+lO7iXo8mbydMqJwOCxl/ehsRjHS7I1mh
NmOc0MUhBrZDRM3zM7E2pBndvpckZk/GC2wKKbJbkgqKbJbPXYjSlx0nYsIHm9lC1qNvN
7JUrMUVuxyyh6fgZlnlbhM4/AIuwU3RrVtKyhSozpQyRllZLBkrQyRKdHCjhkmoplcjJpOPGc
RjTcZKT/d5O40iX6cmbfWklLkqOVT5u+44A1OkkcbIr9c3GoaPb7EqO9Eu3u2kmcbdxbapKn5r
NGY2KVbNkTStFU3qaMshTJI1PpWjEjb1XxotpUl+GZVlYN+RtJU0o10PSa0UiuXpIqs4Ft
NGxMaoqeSmaZjhIjAbuTllAQhEDWIhSDZMpsPl1/DLEy3lwuS7Dkh/q4ROTFFGj9i0rH8eprd
NnxM6bKjVdGKmE7tMOtS+WoMUuHfH0dBTVB1mIvxuSKWuOHiO4v/wvSHcprRhEVDRV/CUsNJzAi
qn//u/e7tvpeXMSp9TORrXOiLOuhIimy9KaI48jJRmfMLeFGW4yiP0fM5PBLAckGVGlxeKLqfT
SHLIqi5HKjyWa6yYd5LM7SNZFTVXb5HWnrmF1UVrH5kbl1VUH/AHZnZ3R0m7ZDTkMAnq0M+
khRLIy57uGl8pYIxKJ2xDkqjnVZ/P+x5MZpLlMHo6Kj+vUaqKiaf7ZqE/bxxG60CT8x1ghFgUo
Tjc1nEj1H9M0Pj/nA5ykc3sN/7QN+8pXvbG6e3t4ZL5D2QaGkTGKy4ABPfL8ORFK1ik6nlUU3d
NqhW3kdyS4fN9Cj6mbBH3tt3GmVHy0bMQYqNYd0JmlZLiMMtcHcBe5ukWJkmVaBQqHo6CRKQ
OUX4rSyEj3R3plQn4dWvpOJzJgGIJeIFzGNfGldHJsHymTsm7W6Cpy3S3a8j8rkPd9yILm6Yj
SVMjJOcFw8kk1w4Ijy7SX8pYTJnNklIVuRbanqKGkxTTVRwRY0kqUl9gJ4SuQxsKxR1SQp5GJ9
cVZvTuy4I52Y3anX5k1DIrmP02T8LH1SWUxzlB5ZZ0UV1E5bm3E5RrlWKqZnqSN0ruHTC7jqAE7e
1yQGuSSPrGyHT4Kg7E3LcGxXmUL6KM0u6a1YtCzaD5mk6Tg1qEFNQQIuNj3yrN4qXXBeB8f3XHN
5U2FWb6OM2w69NlJWaHiN6jB5gTXzFXubJbCXFVR4w5dDkmbYQ79Dh+r3fzYgCHjX1ceHkRjyWi
4qg/NtNuTmbKK8JWkUtHSG2tYWZvLQp24ClHN1s6Mn9hJxDCbWSt9ymQe9f6PDC7xEMD5NHsZ
Ok4zQ3RDnSJNUXycS4kvKg8XPrYKpBkxlR93Ye7Uz7j1lyKcfm4YaWtpZFpdTt0Ikp5T6f07T
ma8s+SJYk92aPTHyJZ5GtVf1Wu9hLtEjsq2Mmd57PX7VzY0pJH8tkY9Er9NnXyH9vcFtv5B8Ns
8V6rSWt22yt5WtoVRyrU79Db8UpOeJ7jvcv1p6l3ZJqn+LQAnYjw7WAIz33sUJcnZW9mIz
6kX9yhNdS5M7l0rdStE8Wfr5uWDwGqEb9GlqrqbPR8i6xplQjJvvsWlMrL1aFpzLh3xqy4efJj
dx1nYxGnHcVvlTblVcbKrwTy9XU4RKy8BAiGnrG7DZe9CtDTu8nCF21iUTUWjm7Lr5gkunsVTSyPF
lAKD4sqvqbXOwA7JyxMafXo3Xec7QB8fs3DbsFK+vVvZa+6GKXDJTG3yuN7D1NlvRUm1PeS0aVF
jxd1BctFB6X48UBUKFnSHLyr0kwJUH2QkjNjbJ7Ud57G1WW/oxfsD2M9q6fG2Y1tnbxlNxHZXcfh6
l0Y3CunX7SiDE9u1fkalTrCUlgqTSKxhYt1N+oTNEMj1FdiUP6ZrBVTGuIgnKNqVrzX7zRa6sPWP
ysfq2qi2r9JOQaFEy0qe3rEdLuTIxq5VtkTw/zIH2IqHKJQ3CXryNbxAP2dbqEfmWoLuFiPgTF
MR2vt6fI3tJQQqoDu+IySrtNHeMFDxgkAM4iNjJP8SPTpBRy8j/y51pT2xGm4bR3KXR69YgSPjT8
CsmL0uaxbv7dh2HJ9XgEJVlwkkEG3bHb

h+DQ/Bofg0S8Cg/H41c6K/CSs0lL4a5rk/wErdDWnYnKiy/lv8C9O5knKVNmnV2P+/JfKivn
02hrahRS7DXxWWWWWIa50V8WN/ojFahor4dJQxCXK/wIT33F25S29LkJ2JF8pRK50V6E/kTa
Nb9TIR5LnX5dCLGJ+qivyLGUP89Pm/RfxMtGz+V836r9aJOkd0KO4l88Rl87LLL9TdGrX6F8
V8nze5XN/FQ7exb/AGXJ9hKvwXyfwtlFcq/Asvm0PlQkV6kMsfNRTJKvgsRRQh+iihL0ZL/R
FT5IZSG75xG9vW+S9detEv8AOW5uyvlrlXyssv0UUV8F+hcn8tfFq3rnXpiy/wAKvVp91879
Tf4V/AxO/U/i6sTqxOrE6sTqxOrE6qOrE6sTqxOrE6sTqxOrE6sTqxOrE6sTqxOrE6sTqxOr
E6sTqxOrE6sTqxOrE6sTqxOrE6sfhRZZZsItFl8rLQu5ZaL+KiikUUUUUVypFFFFFFFFFFF
CSKRSKKKKKKNvQh/BV/i/wD/xABFEAABAwIEAwQGCAYBAwQCAwABAAIRAyEQEjFBIlFhEyAy
cQRCUnKBkSMwM5KhscHRFDRAYnPhgkNQogU18PEkk1Nwsv/aAAgBAQAGPwL/APtAsc/ibrwl
Go4w0XlZWP4tY0Re4w0aoPYZad02mTxO0TaZPG7QIvd4Rqgxj5cehRqPMNGpXal3BEyg9hlp
0TGvdBf4euGVz+LkBK7Rp4eajtD90o1HmGjUo9m6Y6ICo6C7SyzU3ZhiWOecw14Si6mZAMLI
98GJ0KD2EFp0KdlM5TB80XU3ZgDCNOeICY6IPYZaUWPfDhrYoObodE9+cZWGCTsgxr+I6SCJ
Rc7QLti7g5wpWWm+fgUC8xJhDOYzGB5ovdoLldsXRTiZQcNCs1DI5mhLrQVnpnM3n/S+l/8A
H8lX9wqhWcfs28IVOgwAknM4ExYKr6M8AQc7QDsV6LkfldxXidl6P2lUP4XaNhVANXDKPMr0
VvJjv0VNh0fUaP1/RfwB8NN0n3dlTHK34qs5jWkDhYS6II/2mVOYv5qs1323ZhGlw/dKr
uqKlRrjtAheixyf+SfJlz3ZJ2Zjj6Ea7qruleKXeygap4zeOWBcdld6JzQOZZXZ0twNpu7XyX8S8cT9PLugDco
J/v/AKBP8lunEJ/aWkygdIRaPCPxQqOH0tu0DQ4LI5oDRywv9Z179lIT+iirPf80CKQ41ygmSr3MtI
+q47o6J/+Q/kE/yR5omZVWPaUcynu0gYUWnWJ/pnLXRahUQNSwJtNpu7XyX8S8cT9PLugDco
UmdB8VSgeDhQ+UL80I9W3cLkWz4jCq1/+KqezqtCg+dEHDQ41bIKj74wdU2piFVqvPCLlRdE
J/v/AKBP8lunEJ/aWkygdIRaPCPxQqOH0Ldev9O5RqVwpjT6rQFdGmfV08u6BFhus0WzFye3
orahZtJT6U6iR3AOqYzkJKpN3IkqnU+BQWqHNtsX2lNBVH3wiUKYOtypcOJ/EV04Tm/NP/AMn6
BO8kDkF04CiLL7IfeX2bQu0DQ4LI5oDRywv9Z179lIT+iirPf80M9Z/OMyOYmQmG+U692q/mF
Wq/8cHi0BAi6a7uW9VFzvs89/JaFFg1RbyRBCcw7jF5GGkaqPvhCDZqGbwzJ8k74Tj1Tv
f/QJ3lg/zVR1anmIPNE+jjI8bTqpb8Qveuizl3b3b/USVfHqr49U5Oi+FB/NgBTQCoMyEOllA
wJTKekmUzm7iwa/mis0W5JlTmMJOgTqzrt1Udl8ivsj95fYn5r6r6r6Ngb+KBcOICD1TXscXg6J
zTS343VOpHhdKcPWfYo1iOKpp5Jy5p5p3mn/5P0Cf5FWTvNVfPB8CxMymjmmtG9jjI+qnuT3XL
NgxvNgTmt8SHMDUq5kG2IbMbrsxtDQmsGj5Gm2Kv8vPVEm0lLIqxxbIE7BA8OOBsHOFdRQ3Wo
8VX5oBkkEWLlAupTH9IODvNDvczkczvhqmNFsxgDkmsb4Qg4hOsdU73/wBAqnulNDgnxzxVX
3sD0TCTxO2VG+/chTH3XI+WFH3Asw0ddX0QQQO4scDOg3QeRbNnxczmFbZaLKZ4sGNRA
2sqdL2RGId7JXh0WXRVKU/3DBzoGqe4mwRcd0/0l23C3B2bRCNE6Oad/k/QJ46FdE+1lUHVS
U5x3WTNZoRqbMb37d++Fu85F7yA3RSFR90Ix423C1UlwDuS7O/F0UPVGBHVZnfLmiRboq
58kHNveRCDkXuZ8VTze3J7lQH2Vm2bur22801236YOPVGmzfUhZRqUykPVGBHVZnfLmiRboq
jf7k/wAlmcYZzKIc7L5rhcB1DlBeQOay0n5qnPkvacVlPjdd2NlCvhbC/wBBblbTc88mhS+jU
6DKbL7Cr90rI5jmlvMYGt6OJadWjZXY4HyQy3U3hM7uKo8HNVKrW8Aen4uKyVwgjQ
nO0sJU9hVn3SrUKp6Zs9o0hrZFyINKa59CrY65VI354ORVfy9X7X7
qj+HqObyyyIHPSqhzRoWFRT9HrNPDvNHPLqvr5er91dpVgZQuDYV4b8H5GMX/A/d
WWpQqNDt8qytY9xPstlVK/l6LjPMU04e7a/AbK1X7HJRHWoVbaySLXrNRC6F4mhp5u5bKJ5n
P1U9+Fr/AFlWW4Hhde8fFKaCxFqn4bxrEryKJL8PJDPRB9+i0yTPjNq7Phdue5fy/Dwsbk1+
hCLgoBCQu0uCPwOcdHPW9tqvMzAVXqXbV1eF/VaypnbTQV9y5EjD71IeUrjRW/Yqcu31
MJwJsRn8kEDxn+JGN8j4LXYKU6Uj4zcHzP1V1Dz5T3iKzLvFZWhE87XWSaqU3Ulmce1VLuqG0nb
w6Kmd9EB801TY+aoLDQM2m0W1lsN9py+2pysYcLacnYBMY70Z9/Lt/Ke9FZV1jLeKy/i7n8YXqY
LPEfwRe+0K1qfsrM1N9py+2pysYcLacnYBMY70Z9/Lt/Ke9FZV1jLeKy/i7n8YXqYdqDh

ZBu4w1JKn1hqrKDg8dUKQOu6yU25nea+x/8AIJrazHNvg9vRBZ+QuEYMLxlZajQ5vOLoG55F
eLhAWR3ib9TTPVX0Qn2VS+P5LTBrPZXZbkygHeAXKspweZhoWY6lQbTsiqbjrEFWUrtBMuXZ
7N180alQfRs25lQMXupiM2owyjQLKLOd+SZSbvvyQp0hDRi2rEVGnUYvedlOY9Am5tVHt2U4
1C3VNGqPunA03if0wd5Ixbqn9Vqg6nVcHEetojSqCHBdnNj1R/8Akpjmzrcd6FOFPzQJurEK
n8fywlOeTIaZkIuNy5Bp8bruxLio9tV63IiFLR8kTmnkn0dxxYROqc4+qEXHUqk3cjMe6Sdl
JCdGjbKrX/4hR3S7kExoVJ51qNlRsg8G4KDhocal903nCPuFTGFyn+6VDteSLYK0TPdCbX3b
r5IH5IkIxqqT+bQe7dEqUyeaiBI5LhOypfH8sIZeLLsgTA1X8Q/ws08+4GncplM+r1VOkd23
+KqU3C4MIJs+tbBjJiyfzXmoHdK8ScYN008yTjCnAD2im0x0CZl/6dvguQwb/bbGppqmn4Lt
D7MLwJzW6sweOimyc8wDOiumeQVVuvCoRIfmMX6YUPcGM9y6p+a0aBugRGmypfH8lYw4rPPk
OaaAZc86ptJvharYnoICDTo534YH++6NuqCbU9oJom8WUD4po/u709Vc2wp/H81OEK2GU+qE
HbAlyfT5jCd0+k7cSMag6puVoleFiiG+YVc+WD/IrKXZgVUjaMGe6E+dMplDs7jmgzcqEyny
AGMIdyn7y00N0CNIVMzz/JOM22TGyYAT96kW7mZVHTfUFduTLosF4Qm5x4eSkEhQVlOrSgQd
WohWx6YaryKvGDehOMnGs+ddFWrf8RhUb1nCm4nfGrrqmrJVZmbl0UdgPmVWDXSx0Rg/yKM6
IwLKyZ7qqE7hBrz/AKRM2Gib7LOIrXGCgumAG6Z5qy0HJZt/NcMGVumP3Uzi7rZNY1/E5WqL
7T8AvtPwQJcSpJk9Asp0cqbh5YBU3dIV8OmDx0WbdWCqM+Kvh0we7eE1o3uqf93FhTqcxBRC
uqdQakYVfNNhH3DhbCp7pQtKMNMYM90IU/mjTBzHmg1gknQKPXd4itcdUOSjZWwZI3USmttb
dZQr67KR4jsr81kPiarq6awbBFo2smM7NhyiJhSabPuqOxZ91PY0eS5JrhqHJ0eYXNBwCNJ2
9x3bpzOS6ptQ6aFThEK2qA3KFMa+FCn6rRCsndL4FPpbgzhU80wDkj7hxEp/uldQnB2DMzgD
lCyUb9VJZlHtPXDxVN3HG2ElQowlM81ZN8lTB0v+SfTcNDqsv4yojNyTHHTcKcHOmw2VOdjn
KlSoVOpzEKVEXTRM5bIn1X+FX0KzyQNigKtjzVoIWoVk4g/R0h8yu3Zq3xKVmGyNOp4RouFw
OGVpk6q2yYTscyjAtOhEJ1MnQ4Ae0MuD/NN6LtH2EQvtAvGF9HdxsE8cmo3RuoTJaDwjZHI0
d23fZ5oEq/JUp6/kmVh5FBzNQrMneVxk6INOrU4jxbI0yeM2VQ75MLKya3qixmp35KKnzWWe
F6NKppz5LK8W2cN1lPEzkrvh3IrhqN+8pdVb8CslGcu5Wfd7lB0RrUb0uXsqWlEP4XKO0Z81
DHS5VPSKhu8/gE9zz4phOM3yWV8Xu2ddcPhCa9uoum1BoQn1DpKkackA5pEcl63yXrKlPhBm
E/3Sumynngz3RhfvQXK1lOEFM81B4pTTvCpfH8k+lzRmxGyyu0XaNvum5jZ1irVwxvkv5kfd
Qcz0kGNsvct6Q1g91fzI+6v5kfdXD6UPuoZ3Bx3RpvaHN5FZqFSP7XL7OfIr7By+zDfMqa9W
ejUKbbNGgxzMPZP6aLhDX+RX8u9XaGD+4oejscAcsSpf6XJ91B7PShb+3Epn0mSOi/mR91W9
J/8AFGh/EAnZ2XRS/wBLv7n+1/Nf+H+1/Nf+H+1/Nf8Ah/tfzX/h/tZ+1zGI0hP90olGXb4M
v6owgdy2InC2uDPNBC+26pRvP5YdoBwvutoWVslS5sTyTS7xCxXRWOF9V0VsL4GFZQVrjZdc
bdy2F10VsLq+ikaLhV+6JT/dOGuFP3QjjfC2AJGEKykqn7y1Q8lS+P5YFuhbcKVqA4Ij5KD4
X2XTAkBXUbYSAtVESF0RIUK+i6Kwwk9yTqr6KFZSe51w4lw6LReWMLywqG/gKJU/PCn7owt3
LY6dymIUWLkM4t0VJ+glHCR4HaLMF4I6ypa5B/rb9y2F10QjRHG2F+5or96Fe+P92MYW7tR3
MQs7v/tOaGgNOykKl7sdy3cg4AqFHJOyUCJ6hfYn5hfY/iF9jI5SEO0BDxrOBpVdPyX0Q7Rv
TVfy9T7qkUHj4Lj9Hdl6YQoWZBQLYSVqjGF0XK2GUi6zKyCiTOEjRWUSuJTsrKDgHbHGMJ0G
ESoKDKVIuHmpNL8QvsfxCnsvxCLK1ItG11KthdT3c2ygWKjfCTorHC6v8lb4q2F1ZSMIN3cl
Iw0QDrqdkTsoC5xurrVWX64Dkv1RjVQ4YTsiBhdT+CgW6Y8WFsLq2MOUg4gHAkYc8bYNJULo
tFmi+F9MLryV8NFI1RnCIU4dFlhTvhG2HCFK4hYI9VDdMOIKZHkumMYydcLqd1O6vjZDp3TO
qjbCyuun1HEpwuF4rIKNcNL4QvNFdeS0XVHmrrRWVmoyrYSpKmFZSiVphO2EqVLsNMIQMriM
Y5dV1XXuWw07miGEz3o181Za3UoXUBZgtoX6qBeFOMLVXXIrXCVeyMYa/DCO4WjHWythGNse
ivhlU92e5Kvjf6gC8/P2kXRUiJE/FeI/NAceo0+CHiHn8FGbloUHQ/SbfBbj8FOoj9/2Wj4n
ktdeZ8v3U8Wk28grh89R0UT+PWEIzHyRPFpvb2keLQxqhAqRA0Hl/tR+vl+6EEmeqdIqRfUe
f+lHXc9T+ydGYmNvij4t9R5rLP49YVg+TyHQITm0m/kjfTkfP9lpU+RUzAC3+fn+yGYP21HV
C+vXojAcfIeaIOcXOvxUTvzQMVIiTHwW/wCXsoEHXS6ktqRPI9P9P9qSbefQKLz8/a/ZaVAOqa
J1jfy/dN8Z00Xrab2UZt4seo/dTFTTZHbXpz/ZTqeLVERVOwYuGbRaPkT4h0kn/p/KIn8e
sK2c66fFHxfG3tKJmzPTuzUDqyfmZaBeFOMQBUyPEO/f+m69ztanh2XHPQBAZ

DbnddPJdnFkSBoi6b92e9EjREeF/Nye4XraA8lxuJ7hYdRphZtkB2sDotKjlLWNZ5rtAZ5xh
pgXN8OM/0F1f6i+uOYjgbqhAk7BSSCfyT2v9UIwLoTCyXGGUaqN/qH1SLN/NZgddWqNu8HDZ
CpSaIOpOy4qhPkuGn8SuKtHkuCm5x5uXE5rRyWs4jNocBBR+uBzXO3L67I21SpxFQ08PtSrA
CN1mgSdwrFDxEbov2XGOHkiGi3RT34C7BujBfzQcW2Oi075adCuFrW9Vx1SfJcLB8Vfu8DC5
S+mQP62mzm6EAAqbx6rxKh951RFOo17WnhaeSzGh9HvBXCFlDbLs2NvuU1rh8VI8HfY4jdF9
UZGG5cU+o77MbHdWEd6+GvcholX4R1TS98zyX2QJ6rhIHksxl1M6grt6I+jOo5d3h0+rDbW7
pM9/0f3wg3dPZtFigapyxaTunUqLcrTq47qMz46FU6Z9ddnTfGbVBNdlE5VG/wBQKnpFXh5b
ldnTEN72vc4WErjc1vTdTd56qLfDDSf0WuGWEQ9uYHWUKjB9C/Tp3stJhcei+krUmu9mVbL9
76yw79N/JwRdo5dm+LhfSszho3XRHImCJgWM7pz3tNuiDoZHNccOYiWgwte+172kDT6jwwOq
+mefIL6Kj8SjdcJJOElpQhtkIFii6LAXUBvnKNguXnZOoVi1zHcjonUX6jTqrjCXFAFlvNQG
dj6Ps1ur/NdkygHPaNSVIa4eWMTjktrKlwgfUz3GVGnzVjlTqdoCA9IJa1wsn5KX0LT4tUYt
vBFkATw9ApBytHPdcB+oFRw8k+mTHVFp593K1eEGpzV0HAcS4iB5K4VlAWV7RC7Kg0A7lfau
RY4gymFjoI15o5XDtNlxGSpaSCF2jnnNpPJODnZgeeylrQAdldcLXH4Jhp1jk9gr+IByv0c1
RhcqD3Gsdo3Tp9X1w7Jxs7RW1WbdQdUGNqOyDldScz+doUtpj/knGrqVlDmqHd6/hFyozAKJ
XbD1te5ARaL1PW6LVaLVQui5qFxAqea1TbcW6LgA2eWN7rouuA7RmY9dE9jAMrR+anvn0h9W
mQNhjn9VD0ptWmGkEx9YKdUw8aHmgJD2HSU12USBELU3Xh+eG/3sIUd3K0w6pxPPIbKXNnqS
s9MxHqE6ok1IjbdS0W2V8O2d/wAU7N4XLKb8gEbQeWAXDoUGh90RUZfYhAsgAqXGe5OVXGMF
ZfX/ADwIO5Tcri6odyrHuRIHU4P82/nhM/DBv+N36/Uz3BTrcTecLOwsqN3XEw0zzYuD0hrv
esrsJW/fps5uXaH17oicoKdEuOglFx1KjZXbEq6Cy5Zf+Sgji5ph+8iNMIbxFOqB/F7PchcT
lMT54kYgTDh4SpjiFnDDVXPef5t/PuN/xu/XA1aOTKDFzj2vZgWnKTfD+MGXssubXB+XwsEu
cbAY/wARwSBOTfCWujyQY1naOOgi6D/SXUPRh/e9E+iekUa0bU6l0W1QWuGoIjBvpFPs8jub
l9pQ/wD2Lx0P/wBiNZ/Z9m3k7Bmyp0vgg2RiC68bLtp9ZAbotpeIau5LPq4GVnaQoC/JQbDl
hZXELRXVh3c40xEaqo4+HLdSNCo77/Nv59xv+N364VP8h/IYGvW+woDO5elVKhMZ+EeyFX98
/mj/AInfqm0aQlzkP/T/AEU/Rt+0f7bsKTT4WnM74L0ljj4XSz3VVpRwzLfLB3ptVv0pbm/Y
J1aq6XH8EKlNxa5u4QrhoHpTLT15K4R/xP8A1xH+JuEqgI0hpTyOcYwFocm6qdnIO3RbBsX6
HDJsUGi7igbnL4is4VtOa0k8z3rYeLMeiLMoDcKb3NEwrLidA5BAQYWYad9/m38+43/G79cK
n+Q/kMKXoA+1qfSVv2XpOQyJCr/5Hfmj/id+qdUptmvU+0cPUb0x9M9M9Z30TFSqE8JOV3kq
XpQGnC5NHMrKNC4DH0lmwLT+a9IaNM6P+J/64j/E3Ei+bUIPLbO3xjpKb6LT+1fqhMF2WJRJ
nLM5dkS3wKN0W/8AU5og6KI4CsuncstVwj5rNnTPZwgCSuMEE9NFkp0mgDaVBBZ5KRxSuJC0j
qo7No8gi091/m38+43/G79cKn+Q/kE70mt9h6OMxT67/AFyvSPeCr/5D+IM24J
3HJS0HsX+E8umHofoO4b2jx1OGQ3cW5T7wXIhduy9g/98atZ1g934BVqw9Z0hH/E/wDXEf4n
oANDYHzwa/kUGU3a8YlZTqMH+kkSdGjmjX9ZJfzvV2btIcPrSpUf9Q/gsw1KbdzRFrUFf4W
LTGHCQpDjl5LhCnAvw4rjnjJHdNBvpdFpMXLl/7j6N81/wC4+jfNfNjfNfN9Cb6RSe/KRwe/KRwl
Ck54dLc1lVoPqBr82a5Q/wDTVRKmcTmqv54ekdpUY248RhVIqHxWZZw248RhVlAZ3FVXb
9Lexr9HSY+ITPR6lRhYNHXdNiFWqDwa8TNDRsUlb9fOaSBYw6fG7XZFhAd18sFUe1HXTsDScw
rs2ZMOas3pjmej0t0y5wX8D6B9nGUu6LWUWGqzP2T+HNfdf3YCn2rM/ZN4c18NZwp+j1fGLNP
MIVh8cKVBrhkahlEc01tN9RjR11TKtzVY7BozJ8hzwEVyK5HzkQc9NjQUx/gKdCIXlDnqkCDqEgs
e+fVCLNRqPqPwgyPhT8P+F7o6/XUPhr+jX9nO/7NRk1ehikelWi2cD6IQ/7ZcR7FbLjFuz2HOf
JGqhzXfAIOoZb3qJ2uhgeB/dc6V/h6qF7uRUpLjBlrOyB7YSEP5Kz4/dgfVTvWOY/F/Kqn+Hm
j6NQPb2cSPM4wBf6gPIEO0/oA4jDj+YQdPlBTTodFLjRhcwTHhXTSo8mFhl76ADPXMkwW9xgY
5LM3xKO5cd7VdURIlcRwzbd3MTkpDVyysoggaueyH0enKpC2+OoaRy9oaneueH0enHPKv5dnwC4aTVPCyt8o+y
6dyN04OF8J7zi0TlEnvgAaqOSJpkO6Ih5ynqozWKp331RvbZDMmte7gOoRy6oWvRW+vyXa+sEDhn
Gm/euVbCDqtL4Th1QC07wqVB9H+agDhOe2o4SpdBPVZe1aO5Sp2ez8hOe2o4SpdBPVZe1aO5Sp2ez8Ztu
4S1xWViHNQdf6PN7IlZAVmaoABq+zyWbLPNOoTcrocoOsPUQd3MoY4rXcEAVqaSUaqQ
tGBWi6YxC37rKQvJUARgyANFkqossPWKF6stUX+SzvQWuzRBuYOfIpShMF+1zh0XiXjeyAnSRQCCtrA
jq1d3WRGb8Vmc/yupdZ3Z3yw8mj1w4hE3kbXmyqEbJhV1sWFqVop2Urjs
V4+7T6AohQuSI9HF9My4zO5mnJlJMe7cQBTBkVGbQ9Yn3mGSQy5rEQsBvTK7Oe5TdVwgQT0XfwV
lygzzUN4qcI/ZZmvdHJZB3ZBzhmDzbxXMr3N/n2dAMYjPJU/SJePBBm6ZRw0vHlhAJgPsDvQTzw
6wbZAhGkGuzBuaYsuM5lYLq5U/R3umuU/J6j6+/cL3eBEfRsNuaAyEt
3byK4hb+7VSS35rbuSoKnuTrjouOdyhBu5bhsW6PNqSK9ylTBTnunt2hBkD6rJGmqBh4Jd7zdQiT
50CpGi3M/LmgL0jOfpH0hPxKaybd0SFH9E9mWTCLJM8kXbhd1UuHzIcsI/ILT5q3cmUFm6qww
t8VwlZsY3wt3Mq54QtPl3XOpEX1lcdY87WTqFeq/Ps6dVwkWFgQnOqHMHiI2hV2h/SLZW0wAqo
lxBbBJQ37tSq7QD8VoVcwtSHtXEPi+Md+rzLVm9rC5XHwAwlG3d
h2oXQgrWGrO5pg/iiwDK0bDCRqsp0OGPP8AoGVKbfENStAPJeFZC52Uvfjwqy5tgWgRZqbkgZ3xshqd0E
/Bc1wH4K7UZ1C7FpsE7llU4WxW2vZm8bpZm8bp0ADaBqqgyjNzwK3Nxsmk3t32K85NQJUVkQdA
LP2oDsugCFN1ckk84RaL9ea8ALvJcujVfuXKEIVWNJQqOGYm3zm6zu30ROHVddcTP8AQMY7Y4mo

PFTP4Jj+VihFNz87ssBOqgPadsycapzO2vCnMW/GVkpyG7nmmtHxKPZUyMxiTumtUleaCyfi
nA3dzR9pDr3NFZwK8C0Wy8BwyOHiIEp4a0vq6D91xj+Iq/8Aisxo02H+0KGXPs7I2wdV2Bju
VKbPEDPwTATYWVjwiwwhvzxj+hzvswL6Et/Rdk85KnI7+SiVXv6qIB6o5HwTrCktc74rhpEr
iaIWhKsgXaN9UI1XrM7w7Kd04vsFMWRMWKyxLt+inl3MswiXHh5rtHGTsOStcIyIXE2yum02
77rI2zem6s1ylymbIxhTbueI9xrvV0KtuiThAUBCVbT6vXuimNNSUKfaMEbSpzcftNsVlcc4
1a/RCSiwaLRCy+xKfLdTZcLFdzlmfcpzFk2C6K1yi9/gGyOyk3cdFAbwrkUxxfM7SpGBHLCc
OJoKtIVnLO42HLdcNErhbdfZFXkIQVH4otO6c07HuGkdW6KZX5lNo0W67qeSv3bo9zmVy71T
Mbcua4WADkiDAUg+cLLmJH5KX6lcIgJvRBAD4SvGg4GDg0A6tRugLnyXZsEINboN1dNp04NU
6nZgRfBcPbc6AoLD0PNNL2kZRZdqz/kFmF+SlwK6IkG3d1V+5PhPyV02LCIR6oHEOCEeE6L6
aGUztuVVexjWNpjK2NSjsO5MqdVfuQFJ7waNShaegVn02T/bmTs1RlpuGwvH/wAgFne7Meqc
xeaPmp5FOUzfkncsKXlgCauV52UZfii92gT6lds2kMXCS13rFvrH2YWWsyfSB4GeqOqzGu59
RuuXwhSEXSYadk4MHkF02CDnht/NBgaIvYJrKcDotcA86K2HE0FWthwaqYg7pgI1QLXAmIjk
mtkTKMEeS0QaNUDV46vLknksyQLKSe5dDCMLY37znxohmUBgPmVnAbm8lDzbTRW2CccHM5oj
mreJbKESm9E0dVOZQYA95DOZjQJ/kp0m46Dn5lAQWv1Ywa+ZTAx1OkwizAJK8QcPdhQ20lZw
pcXD4hQ/O4dSpptLT5rtH6q1P5lF7WnI3WBoobdo0dzXCQuIK4Vioes3qpruSGQ8RKbHE52r
1Gc5tRGxTX3vc4ByKso1WikIFNc3fVQFJ+q0Wi21CfbS6ljHO+CmrVZm9ibqcophZXugctzj
8EE/OcoAsV4SrsI815J1TIUJDmwh9JEc1k7RpPmswOZGnW+fRVKuvL9PzRi5OruaNKJlZokg
6LRR+qswnndANojrdeMj4LM8mOWi7Ok0Seeql9h+arfw7XNzmcsWX0dUt5kKKnxeFwOkY9m2
82hdnSueal1X5I032GodyTqQc0NFzKqUsjnDW3JQcLK+is3CykaKCVY97MoTaYMEr7RitlUg
jCF2VNud6dVquho1hOHozAGjVx2Qp0RJ6I5mD54ZqlbsxMC0rO/0l7vJqB43x7RWSlbiGhhZ
n+kBx5B5QL67aY8yU4j0wnnDE+nx1HObZxsp/hHT/c5D/wDCpAbyf9omqylB9nUL0jPSbwXp
nQOUdlTHxUPsbJxESAjP/wBJ3Hx7ItqaO30urhDX4LheocwHqF/tH0moYbEo+kekNIoM8DUJ
YA4CA4ahVAHjLsRusg/FSDC4gg2n4iv4ivHQBRm1WSoY/VW0Am6a64Cb9J4hBV+9HcMYXw/t
UNwbU5IOyG6l7sygCMIGsKAPM81T9Da/R01OgQ9FZFJtfiIOyaKDQGuMM/v/ALj0TL+J0N/V
yL2WbOVvVR4WMuXdVN+gTmPbWJaYtATTkhrhPEndmDAE8Lyh6+Y2kgrs6tKmKGbK7KIQr1X8
RPDsIlN7GuGxqu17bg9lPObOXbFMHZiKl/EVbToodb4yrar6HLnndFx9JdfkE9rXlzmlCDPV
AZyPJawCrpz6h4GjiKFvoGngbz6oMG2BCPrs6rhOBr1ozZbAo9lm5krrzTHumyimGuaBxXuE
zMNk3mOaktjvdVDhiQAtV48NYCJVsMgJheKfJEmYTSwNgaFZnBOqN1DVX9Lr8WTQc3IU60H0
isczz7ARex4qtP0TOaeeyLYGTyTGZS3KN0APNcJgoy8k66IU3DQIsqNAqc2BMQtqU2gAczCZ
cml2kp1RuV7hrzQdTFOfJMLWU3Fkwslu19lAOEOGqsdNllpFsnnzXa07DxDpzXaz9q38VQJO
UOERKEtMBTtshTzOHur+AoOmk29V/MpzsvCBA7uZhhCt6SJOwKa2OHVQNFbZNbFlV7NzA2II
f6yPPRZQpcES1oYeijMbLiW6uFwuWV4XCJaroEbdzxISuQU7LRWY+CfVFlmqHMfNQMobtAUD
icOeiMERMZVlrWbmzKu8Pl5sPJUml3DTbZVeclB39tk+g7XZObEVG7c12guH2A68k9zXwZ1V
6Qc3+5A03gxyWZ+aOSOTwoBCs0TGo5ptRhJpuURlK4A6W+tKvlc4eIckS2mASmVSx3ZgWeNk
6jSM2hNJEFrYvzTHb00RMBNDbkWkqo5p4tBZS1gjUoAsyEWIPdDnabBa9E7ny5LtPkFmmM0c
XJGm34rzWd3A8aA7rOYko5Zy9ETmKndDYrmrD8VdxleNcTz3tE3WVEapwV0aNOwbOYoNHE7Y
ck/tXt+Cc6nZh9VOpfZmNE8FzW0kcmiEEko21Xkg5pg81k9Ip39pqcWPcATMBXJUTi21yohF
kGo7kNAnCs0to1PwKy5gstutlLLdRZRUb8WqWkEI1KTRTqHUgLjbb29k4MhZajhm5qnfxGNE
GDZWiNkSQJN8NcIChvaZRyQYC628KC43uVxlSDefknayeaY11wXXXBwSsweA3obLs6jB74Vt
MIiykEjyXgnqjBKv+H1G6FlHNfsuzeYZqTzVQtDoI8R3KqMfUzO6KzT8kSW+ruqg7WGTACmo
92XoNVTixlQLq4RdEu2Uo2UbLNGHaVeI+qzmi9wufwUMHxUnVG0tbqOadRdxZRwk8lm6bI0q
nhdbyXMbJ76Dyx7DFtwg30psH226LMHAtKmn9G4+zosz3Q3QBNpsbYIPC1v3IGqIZJdHEYUw
CiSJWbJb8UXTF9gpIKlruqo++MB6MzRt3eaAIuoF1G8I6q6mFp3JrU5c7nyTmAQNsYUTjCFK
kOJ2hUE4Z9GTEoObmu3Upzqoqkn2RKz5Y5XUjUaXRRc4w0aowLYaqWxZMad7J45IHnuuiy6I
tCOR2XkVnbcs1Qe24CsuI2TqjTZTMzyTi2VnbBcy8bKnNPI2mJdGhwIdJafwUsKmVrCDW3KL
COJEaQFlKyNGqeybaSrEHmuhUIEbXTXcxKcR671fRWARKK1CdK3xzO8DFbZOeSXPboe6cPCS
pcySeS+zejAIA9YrIxvCNCvatBRMZgPCRpCd2ruIp2duVrLfFZihTpD6NupUYkO1Kpu1ATwP
BmQ4hl6KJkLMQGqY01CLR6qGV3CfEuyYdXI2lS0Ivf8AguFuYJ0w2yGl/wAUy19Si12ilpsv
ZKuVpDeazBhLkHaOKPNclw7bqIKI56oZiTGidw8I3UNaJ5oc20/0TSfVbKytQG6uj5LTCMeW
YrIDvJUeIwg8DhP4d4TqtVkAQZYYSDcbIVPRHNc0+Km6yB7PK7dpKDXm/wCaFMWYsrRHcuA1
fxDp0hvVOLrLNTg+Sgyswv1dssw1/NF2xuhRp+LforHzUASui9lrfxUCMqyyRHJZQU1pMP0Ph
dlU+BUZvkuO6sLLI6nlIFiFBlBjiJXA4/BZfSGjNzVnAhSw/NA5ynG4RbBlX0Th/bCf7uEBB
FbKLdxtOnAAEoTspCLDoUQde5MtX2jVLpCuTfdcM/NSudQrKwAv6LiqVARrKDnk1Q7QlcAlq
4UZN0dymg2krPXMU27HVyzBsUhZrUQpbOZ2ylzfkpbzBXudkWU3S469FDdNzzRTD/AHQhxfRj
bmVleMrU0NloCL9XFcSFfMZ5F1lLhHJZnaol0QszNkCBJAUAJrRSc92vDsuLVTlMINiZTqbS
W5Vw5TBiYWojoEQ+3I81ZtlU6hPncYWnSt/mhP4Kwaz5p8Z4Ay4diaz5p8Tp3UYZh4u8Ay7diFncnVKn

2TTDQn1S0W2XaON3Eo0aALnp4qxJNgE1g0aEI+aiz0RU9HMInsnSoo0Az+6FLnuyqllJdOvR
cN1Ls2bqUxoiHLjpfJQ0EDzUfopTjOWm3xOKytbwNENC0+PJZHUs10MlQNCE8fKES8Q4DfdR
Dc6a0EF25COZwbvKDJl0bLPPTyQdmReRdZScpV5uFOaOqDjdEsqtlw3QYFKeXOB5dEJOmBe3
SMNFny8J3WeYlakq6sMM0XcjCytxDGtykBSLOUHueInzUarLNk6dHbLh4RliAjETESiGhvnC
0Z8loz5KYaspgeSlSZQu5botbus2vmgeS0atGrZXQYTwjYKROBLdSuSgLMphHbyUbYZNuia7
XKMAYCFhZbKSrLKTA6LJqOqm63WrkS0Zp9pfZUvkV4KfyRFoOq1OEmVutSgwaBSO6OiAM2Wr
lq5au/omueaQ+lgl7ZsvSh2beFhLQbquXMpy3LBDAFSjsrsuMvEVTJbTvUIcXt2XpLmZGtzj
KXtmAmgMb2bhI5GyzuDXMcx0ecJz/og7tNXtnbD0c9pTpni1Gt1RpsyyWN03QexrRkOU5dxz
Q816Q0tpgh30eVt0PTQ1uTLdv93JUXMY0vqSS4iV6R6S5jSWRDYsqQc1ni2bCcGtb9I88UaX
0Ro02Myt1zNnMg8MGTsu0yHyXaloNF0ZAf7v/hT28nFUYYyM0VMzdVDnUmtm+dsyvTGlgEMJ
AN4VcuAM05afiqVbI1xYHHLHiuvSHHswbXe2QLqqXBvgdtbT/snZGkxzZzcUqo8wTUblKfTg
Q+JTGuo0zlEAmUKMCAZlPZ2bHNdrmTa0NlogDYIBtNgaJ4R1XZGkx7ZzcUomAOgVOnAhmia/
K2WsyhPbAIeIMoFOqEAF3JClAAmT1XZPY2ozYO2RexrQCILIsmllFjMpm26qgtaW1DmjkUO0
pMqObo4qo50EvEKmz1aZkJ1QgAuM2VMta0Cno3ZXosd5qpUc1rzUEGU5mVgaW5YGypZYHZzC
qfRU8tTVt0XCmwWiP6McRWi4IUDUoNaSepVk05W/JXY0fBH6JkBQymJXIdE1znHTdZMsHmoO
vJCBgcxvyTmgGdk0T8wtF4VY/AKJjoCpzmyDjn+8rGFwOzRzXEFsg7h+SysMrxu+a8bvmvG7
5rxu+a8bvmvG75rxFeI5V4j81eo4fFSXn5qB80bw1QbdU25KDYglcVBn3VwsaPgtFqtVdy1J
Ugq5JKLsvDzQl91DmwUWC5AlAsvIssrXcUZiP0RLjEa3ToEX4ST+aID9MM2yhFot1WYOzK7S
PgrELNcNKg1R8QvtQpLpXaP+zGw3XaZIHJViSf2RLokbg6oGnpEoImLpp7MEhNc4xyUqyMiC
LLjCytEBW+SuFGOWfq4kBNpgSJmVlaNd0SQcg25pgzdByC24QmVHne6hpHc3VyoaCVC0WVg1
VzdNPLVP3CaYyRdpV80zOZDLFxdCm97suzQiMu3yUQUG5tFutFNmhA81xCw1QYLMHJGlVsRv
spZXWRzjCyTE2RvsiJgbqCo6o9VE3QOUIWUAwEA2nPUp7ssXUuYGN5uXY0gCT6xW3n3z592U
FKhu6Zl9VNyAidStTKNFv3kPNDcLM0ac1lfqO/qhJlQid1fdErTN8FB+SgDTxORyneJRPaOc
1ovCzgn4lQ1wI1Mogu4+iyE3whZnOhm6LS05DuE5rqMOmGlccMKhjYbGs6rorqJwB0QlSrXU
E4kOaLrsnvOVtkDursGbmpdjJwzHuScLhZVog+Z+GinVANhEkrg8J3WXJYb8kYCHNZo+XcjA
2tgFw1IQ9cDkgKoiNyiDEKXIua3L0TuaBndOG02aoAX/xAAqEAEAAgICAQMEAwEBAQEBAAAB
ABEhMUFRYRBxgZGhsfAgwdHh8TBAUP/aAAgBAQABPyH+T6XLj/E/gfwPRfQ/k+l+j6Ho/wDx
PS/Q9L/+N+pPb0YTjHo+nHrx/DiL/B/+R/Ant6k4/hxD04zGHp7x9feP/wACMfVjCVGMIRjC
Fep1CPofwM+jj0M+jj0O4xx6BGMIEYwgSowhiJz6HrcJx/8AFhXqynqyw0LK+0pZC1LxMwtK
IUnzKjxtdEKSWwcyqXfWnNbmFKrU5rcX2htVdEbACwqv6k6MeNSqX7fKjhtdwgrqDyh4nDct
cz3qAArLI7o3X/KUIPo1MsMN2j8x7lig2/pK1bas9eKYQlfaZQMMJn5l8Wkux3gmbigczku8
aV0mfAhNXPKv0flOCMGkuL4DYuo+kY6ztdkTQkGVY9500R8YszG4obWuIkVmDk51FrZCKGlm
K/tK8ABhcsH1DiW1xFso7OiUx0LeotNhZECAck0nPuQvfMFPRhqX/E9BjHOfQeIsYQYs+9l+
46jEtUgbs2swC0QXcvvvUSycyDqPZhaWqsHsmyRTo68zbCt94CeFFBM+SHYMAxqt3k5P1T6RF
bm7+ETe7ChFqY/RB0Lgdcj6zDYCl25w+1QsWMdT9p39Op1P2D2uJ7HJ7JXdpuFFvUuYr0J0/
VqYPgnDebKN7lbjXJRPUfd19YRIBDrMFWSTGb9CMaOg4Ix9ZY+bP7n6fpG4RPWG8K9S00aFv
PiWG3JPMcguoaAVLwyzpQxUz3eYUNhW1dRrQddnvP3faZHwfrr8a95+s6l7jXxK9fP8AEoGY
/wBMfU1L/jfo3CE5jc49WCRIQSgKTmGToKDqUOu5bw6iiChTnUOi2Xhfy3nRC1hC5az9pbNh
dBuoQdK30ygQMpplI1CzdHcKHHggAJVq5YaK+Rn6zUxTggCotZ4wku4uYkUirHEPAwmLnPoN
E+aiVXWOXucc+Rrr0dTbENocAzlcvcDYNi3KoIRHY5MtLxZMMooKg6IRLJasJ7nS80NQ1EpW
2pWLTP34GkHjI0HvuH1zmOHuEwFSPMesunFQiqCg6iBSW7Moyvuj+B6v8A5jqJPb03H0CPoM
wKmUYTU36BKolegZeI+hLxE9A5lkfQOfRxCELS3CExHRN+hCOfQIQZx6
BMCJ6HrXrSswofQxK6iP4XMeiiKmfRSLEcx1GrhrHp5juUzDcueY4IJcv0aiLywiwOejg4
cROCaPr/AKhlGFrKFxf6oLfH9xZlQ1GRkfRi4M6jL9NoZPS5bWWI9dJmYbQuKKiwBuQtB9Mm
e4HPoMMO2DfvFmczWYNkbNehiDlbMUuyBB9kIj91vK0jNFdulHEEmmcIHmYH9Qo
g0VGimVeorLx0VcHMC5WYQuri8zNzY/MYDXpZcFcwQXUfGoElNQ7mhBMqSHOPSoEHo+eYu
zzmqCUGQMPfuFYtg5aCrUU8QlfqUFVOaU8TNxdG4GyBZcytEumOoGL9H2mmfXV4gVuPDMuP
RviUmUAuWUWz2io2/rERH1IzYOt+Dm5aS08y0k8Ho9zZ3M+DxHcuuIHDc1S0yuGYA0RO
cTxBiLB1M2OBsUOX/kDy6rAEJ2eUlqSkrxEJvHoYct7c+JSi9/nBvjsd6ZNtaXKi+Kn9wdm3ysa
Ci26qoAoEXgx5ltods34IBw3Xady55m+ycpHLBcnxHQfGypln3JfXw3GETqMsm5xKXIj6H1s
ZrEQRUy5aOo2pUxx8w6jlUFDk/MAro5NRG40dQNYs+uYraqC5pUPmooIBDkf6+JRxzFuBdw8
0IaO2LJdnW5VnPqnxAPffpCJL+kwIsy4KwCakLZ8SuvEwEQrhhCK7n3l1slGPQdiE0YlCAto
ejuGje7GZkQ2yvFy/wCEbrV1aRjMJj+075O3sf8AYDmX4pgzvt3DnximGUubS2vmC3NlhXx
K4UQII8K3Ga2XGK+ILogbNTARbbm42T31KINMUu5uAR1zeSHoI4lcwtL+YdmrazMMBh/d4l
21vhE8+5+TNi1vz/AMy53MGYFMkyQoW26vEQIN9z3mOjmh3DpRMfzKou00l3XmFm4XURYVp7

R0RTRwJm2L9oOUP2n9ZW5ubSiaTPDm5qxbbXtCLXnL9ZmpUvAMsrMGvDqGw5d/3N5FmC8oB4
P6Jhx/dGrDUKvYfiVM25eJaHruCW+EtxnD7oWHoY94CsxXKqXWpSXeJcqJDG5dlS11EINZ5m
8MyYbVDHvAOM4/JBamUzmFqNeYTp/wBMbZU7XFdwu/tR2zTo1fbyxZm8y6XgsowCqv8AEg4D
IeC5TzU78QUhbcvcLUCyA4g7QJnCbFTnnH/kdtD+n5qVDG4UcQut+wxweBd+ePxFJqbVBYvm
GgLzmWe6/eG4LhQVco7s4lpSFvqoqsBvcNmSMV5/iZy8k1DbIL9YBoVh+IcbwfDZKKu3iCum
Yyso98/3HLUuvQCtx3TNo6gi3rQTeJcvcygqubmW4LgURyeIoYVR4/MA7FnaS6CUO5/QWNS9
avCOBVV+P+orMRuXM3L1NL3kvqcyUB7v/Y0aoK6r/k273lSBTgw0Wd5C55S/rFMHvgxOqASp
Blo/l/qVRqzX5iG9nPUcYCrj0CWekM4l1gd1BYcL8yytYpz7zKbjyil7mPoiva4I8erJVP1j
gdbag+VhbB3r6SzYbbxK4W85YxDCH0hXiNCW5b6/1HpiWvxjzxMjLXHoHMRPMFtIQ3BZKOWD
ZiXTAaG4lQcTXMHRLWZhMTjMc6I6RvH5lEIUwiyvIf6irrbHhomcArzcVs3/AIQU2yxxF9Ze
w0iim2oKf6pNf1KP3kfEzYI0uOgNTek+lf8AszT8w3CFNXZ+IYtfKMw19xOZnyU3V9T+4UVb
nDb3LsVauJXHZYjrEohm5JeGGxTc29f6RENXglFNKK5oD7uD6QChMM/1CBa6E1PKGC1pwypW
vys87ZcXiCFP6PaX9WCrtsJ7rp4eoAESh4zhN3qVWdIzrUv25l1mYisuzz6DVXMNzecTFxqY
IRlvUKPiWalmm4HLqNzGVX+CJuEccXzKNWycaZ7ksgqUChw85yxHgWrYxFm+JtY4l/L8Tsj6
XFflm14Av3f6hG1y6S5juXNrUta729ahtiUrWZmp+sdgjyt/EMYOxdWmIPtx36BEYtiVwmXx
jMbubscpBb5gzmZQrImmG8JF1P8AvMFtb95QpvT8f37yqXF/lKdEs7JQ5bvHz3nDQ95dYsba
SMsisCDoTLGPeLSyixPqjytPJp94VGbpt+Jke3P2TM3qVVWbiawFkLj4hHCEdBM/eGdxWWXE
pJgHwEGzyloqySobp9URokr1CSu+xK17y0gk10QUVdwwf8VBuhhZ5HVzFrvm6i/sQwxuafxi
Mnky9j/2dXVX9fYItyKOWDT3+1BawjnOohIOA7lQeT35jcxuCrjC2WolkVdvEAVW9cMqwHGN
q+0pu0/fiL/U8oXvoaOkcWWSGm/pHmmFgubtHoCn2IBLUeTTHsrZT8zrOPY/7G252a941b21
AqMAaNWgc/7VLcrvjzDv26Sr2v4iwSjhQ8knuRhhHefoRLjTRiHi94GKZvwS/iptxkgyHmLK
lS81L4I4qJB3LLqfIRoo1xDO5SwLT1/c3Y3jEHknfdL3qZicIrPLrL6T2VJ6BvMBtXo3Bud+
Q/WBqQHxDm9RRQvB1KbZof37Sl1owxSerWHhlijEIO+qUy5bj2ghA4WH4e84/wB72gn+f/IE
92oNMKVtGGvmWVTLxKqbT6CFZtTVhKoGRrWPiK4a5qWhYYHQQHdCDwTZfH5hVoTXDFZ0W1Pu
8Plf0Q0xV5xCDyIxycPxCdTOmnCbZz4EYu+dfEV2QUtRK3uXs+st5oZ1zBWzMq136RL4eM9y
mBm52MwM2bIjRFgtdQaq9TCEzfIV+Yb5QqUNXKv2MTb2rXfMJmzzrc1YAJWZkW/qE4WIpiO/
EYpol8ZPvUzEd4lh9RDZ9yCxuOuZaWlzP2iosTFZ3KkGhrl/9gp41XfMbmpY5mG7c3s/pBCq
+19RrKx5xiERY6Pr/UxgZSMm3cxKl3mpuaq5kF/Y5gOP1gY2/ObXK23slbWVfcttvLMLfusS
hUG1GDcaopbUo8L+JQ6wjAbWFfaHbml7LuPyWz5cf7EheYqtsG8suyPHC8AL2l18xUBlLjUd
6xBkcTzgEe86h60l23mUyZU5nVqZLV3Dd1WlZlDQW94GxgcJLgdX2i+yt9yKa/iMf7KZ94Fo
pj0vhhcrW2NtFR/37wyjFF+X/k3xBr/ZU5nPEp7P/sty5IVpAFjzCZpLloxzloiDkP8AambE
auvMVtMDQLbl00o2aqXNk1lWIH2y9QbuIX3xMR3DgQUFpQdspK5PLzGw7nObBMZ6+cCP7LFw
JZevg/yVuXCp88c4m+txqMpu8g4qhs2ShJsUyeUpylvysM6twd9QlNa1FKQX0xQ1Fxe1MyL5
hltLZfqcxuHbcH6Sz2mxLjTrvcIKdSxjYSKsEtU3JfvL7YaKouEybuR/UwcxKXeYlDmbXs7J
qZ9oZX4+bXDw+UtQwdeg8+8pOpIVfiWONEeUUnmXnk56KKRO90DIjuKs6KbFfScVD3Xv3MIp
IHiEBtcBSR49yjL8SsAulijJDV1QuX47y2O94vaccWWDGjzuy43avfCJ30F8IituJY2mkp4l
+8PvOM8S/APvzG5iptq468B0j2KJQQ3tkmN/fwoCztcEX5T/AOpmAp3MHsREcyjfXMy0UGpk
KXK1b7JTayOA+JV4mJXMBIplAhayFVNy1tmEqj+5aGMeJ1nvLT4njvqDra6lDDHiP8E10ulx
ZJqM5YuhiYtxhobj7MuazMq2bSiVAoBZmy9FQRVbi1qaPMtYZfklyoBghz4JWsZQJc1MzLUZ
1A5s1rc7IDIyttm+43zGcMbSsBF8XFHe40ZioFpazyzVZmN3Av8AZzV/E8twDpu4XiZJ1Kem
KyZjoVLD+ZhblGpdBDsiA8xEuQKnsxsGTzLdI3c4oOOOoUYYil1BYqUZdyq7pSLzuNqAVKB5
j7Z9mbMU/wBomfu4mTuVMzTvMRxFyHBHnMz1x8o3gqnIX7S1riA+Jd8BBmGomtPpa1HE3LXd
RUamZqofv030SzePFYuFj/aJo+q5Zd1KtVEXik4b5l45lncpuORU0g7uMnS5TRfEq15RsF3u
N8zlch1LRxG9QhYdkbMN0c+JSyqtfkm04H3j7XUTQ9keRifdHHDgKIue6P7pZ8Rs5Y4nUu8F
aZP3iArVkUm0Ky26j3bdF9S4pZFYuKtsa0qXIPHB7s9XFakRXanuS28fmBwHgZjXhoIQD57R
EabLZcrjp8vpMQqeJbKO1EqZ9m8d5RJZZT22DcfUZbRzPoH9y0afq57gwFKY4GZHVS3hjf3O
2CYry1meJqLib88CU2whDmWte8BIuxczFZukxED3WopyDPU3TnbG4KBcU4/ZieCNuyO3
iZgZGD8TEU6iwZd+poCcCGpOQlSDS0u4ZuKzUiXFPsR/1MrA9jl7hKCuPugawTl7JjeLo69o
rxGr8f8AUsWy8MeDkXG5nkbjnzAMV2nr6xnOBdZxjpi4i4/wAlQWRSAPtO447hdsoHhB37w7
Sj4mjfpk/qZxokfC/MKw+ZhjgP5Zaa36s99Ojgi6+bJcvoeE5qDgmTH5sMMHtTS3g6VXBrTD24lqMbzQ
tp3ctGkrMKq8KQL/AF/6lDGHfmY+L8QplCi1OMTZeTF+EXSDEep+nmXR0Ven5gKo9iCy3qzB
lszcDo3dkDKfQQTjVWQgR1YoIPO5M4lEadTN1NrJWLyTjG4iwlxznLCGBxMuYS044dVFVR9v
tDJeTqcWx28wWz93isILN9ygFb213NMM+eOIbTVf46jqjEMUQ7JuIdGIt6pfF0RIF58QNhHl
uMDSGLzBy5fMMQAijB8ZYyeBVuiBQ+BzHnjT6UEUH+S/KZFMOpXQ6h3VSt86eY4bWFccmY21
56OWCM+oXtlmRxKs3KvAE3Ph7iGq3BaTQFaq+0tMC8DqXC+VWu4Ytss/6gqS3Nr4lzbGKu6b
e4Mvj+r0VCJse3CQorSDP5/iW7BV7aiIOKW/MRTAb2tZaeImlef9nwS9IMXeL3D3Upk45+0N

LXxLpk1LT33Di+pTwomG2piGDzOZPMBMc/WVOAmA4n6flM17i28LguNjmBsVmD8E2gzHnr4l
xcxOG4XeAGPeCy3gD7S9xuxrrL+ZxpiiLrLq06ZmyYB+H+pyZUlSBdFWOd8xcrS17mNK+QOY
NZR1nuEP7gt2Svilxy5wu73A/YG4VNnDfd/qLszMM6javEp0zH+8+XEtaq3XgldzYu98fFTu
+3zLCgT71B0jEgoL2IfwMqTuiUv0xGXYS2NWxowblH9EXUbVhATWiYvBmXZekYP6VAoC+vNf
9hYxj6owurMl1WYd2XddTuK8+Io2T2o9IsBGa/8AE+X0FvXaDEnvMTEqrBljL+lCzzsjs+85
33ntlgWbF5/5iOzGZmXz2yqjvmfryJYtlLrhcEHm/b3jgCr2MQpTW76mXALL2dfeNHY0Stsq
XLFfMRhW0A4gKCZfaaUC3m4LzjqXHV0ShdDvMGciWd7IfWv6iVPMpoZJwO0TXMen7fb9qcsg
H3YbtaWr2f5MN34LltPGM9wQ5bP1mNWp9/SIXZhRuPK00Tmr6zhsrz3DeXdzEHf8S91GkxGf
0nwuAYLHr1/VLr7JgHSse8Eq/II/tmIfpUwWRW9ziKJUAhFd9yjib8cIPXhxCgAbdC4GkDf6
pn0/6QWqwReJci/F20yt0f7QacFe/mVoV1jBxEabIKOShTvmJkwb9n/JZ6wmaAX14goG2zcQ
U4bu5RRoYTjRlxuOthpLDcqx2gr8+oYXE+/hqJjAKFO9RkoEe+YPsl/0toBGkQZr4hv25low
KVlEoGTPcOq/Edf1CwGcPeLKYxHdqP8Ai4P/AGXGcQizEahfWbMS2stDM8o/7A1lfBkhoj3/
ADMniGkbxfSUr9AwSvNcF95ma18yqPyfEB5AfEOtwOFkDFPT1DKg2y1n9YSqgF5iF8MOptlY
alUq/MF2gY3Gwuv6SrX2kRCIW1ldEDP5RHaaeBADeBcxBX7Ec/1Ddt5lac4gvZjxEb0F+0tc
LiDAX1OUAE4jfVT0wtftnCpJnRuWUKV3Eq6wDw/rLaccd5Zc6irGYgcAI4cwS1Kb+yESmoDC
tEsw4WCsg7yIJZhf3/cJqU3uVECxMyVEIGFYdynxD8j/AFLd5RDQ0ezmXuHX2lN9AF8OJeXN
DeZYHIkmh5xFwATZ9oEwL5P9o9Mavs3iAC39IQg3/lDuwEVl3MeQGtbihti9MtYcj8ReEFe8
pgiYhQLYodqX9v195a9PQc9QobGPsERDAoncHIxmaH5zOBWgf6lfY1lwS+6rg92JXVZVd+0e
nDpMEz1vm8XGIbDSTAXT0zKr3ce9WqK6qy8hEst6LBme/wB3xF7u90lEa0rqWyL32R2plD4n
Aq1RqvKUTCqbY/JF3uYj2dOIp3Lyxw3B2lh7zPjMctfCAJKluXPAyEPo/wBRd6eoqtOQ8Jua
ZajWL6w7tysPieYXXzr7VFLkB8kvaVtziUKRMjmR76Y79kRkbeMAHiVi5bB+lQFywRyqNNiM
mP6paviz7w4nttfMxhjJ/SpQV8/0gtoV7I7V9BzMljkLvr4jVxBGMwQTvtG5WiGTZUABXbf0
j++YyzhNHZo/uXKVFbSotoXMnp+6UWALpxUROjsRKiuHxKErM2cK5i2ayX7/APkzlND7xEoF
I5mAHnpmL0PdJeQA/Qw5vyxMyJHcpBvGOV1TylFBFjEpp/L1L7ipeLNRWsLeTuHF9JzO8Sz1
XxjfUxVihhcSlvozh5HIx4CRronJlCElrGkWKHuwDaA8VFcu+3qd/axeb1molT9J/iZH/wAl
4la3iQ1Ltkn7zxMqoNViqhGg1j+iHK4DbL1NqNfM8FTXuAXxLKCnr+Je4+8H/YHlYf4DqIC3
2lXmmWHJizLoHvKXAlQOu+4Iqmo5Nb4hNnEFrPA0Y3OJw5+cspHaq/XL0L+QcMrdUZu2FQg5
iNuudRnw15EmMZPELnKgK7Nk7I+9E+DP5qDNM51FG0VbalaNZHhH/srRUmhmylTc2ybZUpzL
rsjhlzePMVK7AO/f93HhPpmWh7ROqLOcXtxFtrY7cf7GE70uzuBQ6lCV/CVI/CgKxuKcyrWA
ioMSwR6yYk4VI/jX3qeOI8D6S7q1FQDE+8DhdyycDUmamVXugBXAQqWFyrPmKyZfMQR+7OfH
1Wup3y3PxFSpSy9NFKv6xAwa7mQ9sbcQcDjgqAyW3zFK4HbiIGDUFkKXcEDGCOXdoRgvHUwr
bmxcL+97S7jdLjEpG2sTKy/2zSnftdS/twjuxODdz7gW5JcCzD3OJQDkUCFA4HJ7xlNrB+SI
srHmUJa5UXkyzCttnqbDbI4SrnrrxEtHF7w3MtDa7mR5eIZi7z+PaHDxDVfM0iXWjHFpfZ+I
FkFhOZZPlfBj/Ydsi4eYMKuUb/5mE7s7mTCfSGo+YSsPjDNeWNnm/wDp5m3hxHzGkLM+ohsp
niO+dzWsDoE/3942/sJqG5TzNTKSMpmtcxdc6suUFzjHMeayhbIt7RPNUvQMzA32fSWAHUTB
OFjHmP1sK/Y1H2mEtajN8Soo1KcyjuWQCBV0bjfp4Lgup7rLftLNCOXMISz/AFgz
m62+UUzSUHp4iBFiMO4O65iNKUGjEFg+hxdj1AZ/W5Yt+e/+pes2233gWBpY7rmM7uglo1Oq
LP1uXsM/77jV+r7xCwG6cH7yoA7VV+fQAEQ2/lPrEcE9my/X04ZkHZytwXD/AGwFKVeCBV66
i/HMafZDL4lxV/vuIcky3dB/qVsDWvPLK7PL/wByByyoWXEbI3UIALB2sn6P+4Osx
Of8A3Po2SOcXAdMQpVrgd6QDvJLEzk2mTV95mt/+Ep6sdxxJpRxuXzRzniYJ+gl0UyO4Vk+I6
MrZgVlxFO0vywJvcrIN2jM/egNZVn8vpNja5jbstsIwkUMOso6XP+hFzKw7KahjbmQrDOdlg
vUdBf1aYfDctLvaNyWaCIQ48GFVWKvmOo88byzzzLD2m1evzmA5G4iZuMLqPAS
l7cQNhKtl1u8czO7NzhzFhWNxo3vmOVEtVtC5L0lB7iPKmgmVC/iKqsDLtkIW4hcR5cYPpFo
OZs7X/cWX/Q1M0U1DWt3M8MaMIp4hycy64hxEUZ+IXFghb7SjsTT5/xHLFDzLIjfshH6toR1
ViFZdx95iWIYdA8yplw/F9L74/yOUr2VBnv0gSO2TRFXECTmDHGirztPMglWVgmpb+0WzU8B
cx0oIaCWniCodRbNcS4oMQuHbhkV1xBZ5Lf
mE0Mwu68pdu89Rr8dQ26gxqxnlMM5VTaz7StiuYXlsw4gObYZBpb7SwN+8xtnUGRxEQxiByy
zxFOhIJsylBHnUw7vxM876gW5jNP7StRI1OKZd/EewDcB0xzF3vrxAmHxFBdvSKhaDYHcxDp
gncC/GvaACykjVnN7Iiiw+0vuswoXtUbJwgfBQpVXGjOAInwuChwIqbNkWHhzExepfBUKURv
iUVrfMRe8eEoYoCsxH0i1XzELLLKM+SAv7XPkws1i2osB3NC6YFRqA+MYY2gBhmg5iKFRrA9
4Rt/d4hdtFVXMcAL0yZNm3svqKlEUMb9KFn7mwcTKNp+Ipjc2hwA4W3V9
Y13+17y3T/bzFcPtf7TVbg9p8RKFzcPBXz7IpS/cxO/66PfKqRlClpUZ+rFrW75nWeLmT/K
BpSla8wTg7l2+L3n74hLxYGDOv8AiYax/cVeamDt1FaVUvpscTlITllltyHtHzTjZMqBm
FtXnGIhbcVxNkv8ACVBlcxuDljByeK3LccwybUwT+yYS/SCgN6WZeA2zM18QDNjxAHOoayYG
6jnV5jchGsN2gF+svRf7Kolw0bJmHKolwYhuBSgd+KbxLacTDNWFMwFuKhl
V8oy2c75mSo0jxshnUWxR47DKW3L0uLyxWEBZPgQ

NpZ+Iyg+kzAyhZoOpXRVa6g/2CU0ysbgfYQZa757hXVVzP8AembW/wAoTHNzNZi5bRGailzL
5BWqhS3ETlXKPZpuBTYPUVLFsyUWfdFAfKMgA3GKlhujoi37dkGEKmV/M0Bd8SgRg+0CsXqN
37lKJb+JgWJxF6YP5SixabiMrY6mWohkVEMsu5a8/WBzdTPCqbTNC9eJQW+k6FHQTIClBRhl
lMKgTpwqVox1F6KXmAhaXg8y4vogWjqGY90v1dLlrL+YLg+5DwQ+JQqfM2yZj7lUzAMORtJR
xKaqPHU3IfOJgCpa2C8+YA9Ago7EuISqBeFrxKWR8iQ1cUYkCBcOCBvBWRaeJQKN8Q01jiBb
5grARRyjocL1FwRhawp1n+xuuPdly5Yv7QncxQuMzNiUwMVL9hnuDhaTnmnMKFQbd4WBhmCq
xFBrnc51LKJifCorieaConBRLBDRxLG84zG5uiKLoOO5lxXphTG3bCaxbpgaezUqmTJCPJuX
d17oqbC9Q2LofRK1UuBeusXQ0gg9MtzmCoCajWYKziNMsuY/EJWFEBhL9pmS2mypibrrE4G8
EO5/HUQd8TEmqmbpB5H2lo0z2gZOcS4piK6YrGSziMMuYO7Hc3Nq5mICOVRF0TEI0yi7TTML
g8ouzLI5OeozAlGqCLjaYJekdCYvAmZb1DCoIeEvN8EoIUb1iIFlUQN8QGTPZMB4c7RiDS+H
/ZVtudMY4W8pAtkmrYSwP9RS0xySnJHN6iivhTOJ2EO8rJRziZRj2Yd0fGJQcrlCbURp5PMT
wO5UZyufeAFnPBNasdTvmLRcN3zwYIchNqrqOmUwNvEp2JyqajRCz2g8zK7aPSCMtcSi8wCt
YTQosS5+pAu0ABZhGWbqr0jbIwahNDVTExcyq7z4Ccq5iDUeV3A7OpQeZpMeZThbgAy9iLI6
4PMdplV8Q50zftKnvA+5mJbxKcvQSwrYq6tCzF8ErUWMuabZrdBBBaUoW7a+JZFVjaXdm8UY
WFYjoXVEtuW/MvlhkNuLTs8xMsyqzTL4Z2xRnwN54y8y5CpYytldiEwzSLUH4xLwpluXHwO4
Gq8BKnQB2ykqDuq7ZuolL8ve63aqDUnfJ4tvGI2loOCqpV9iNUWb1LdnZLrhYb6Cw8Z3Fglv
ysbdXGR4BnWr6uXO8GW5MDjHKLYOVBYDgDBC5GEsremK8SpUUScVGd/SdhvV7rZqMgii1qtz
X9ZpAl1kWlfHZGBXbu3NGOTuKXdYhYhefGSWTRLypR8HmGCrXdJ064uMRn8unDxiVK5jFvLR
68xzZA8y5ws+J1YN2HkcZwS1LzTDs+3iAi+5C4Wma3lnSG6bu7QtxfLLEXodNodeZT0EzayK
rzFgpgORXsHmJWOasauGIbNuAQuYvuty4ibDe3lxArMmyXgXjG4lo4KBXLVsXNWWX4SzZALQ
reSF/GZQpYtZvk3iMs15e1v6kwelWwC/hgyzAEarcXgwdxaN7kUq2mMB3MKhyDZnH6TB3i8X
utmqlutDsWwNsdhGAadFO5/X0mINwpOQkyQ84ZVdYdZ5ZZJDlbrV9XBYBS9OvtuHydy+Sx1j
iOebdWy9vBBgaChZXQceJcbnJmxkMM1kA1/wi7b79P8ACM0deQ0ZAY7H0irFd/tdiUzcK7ps
K01rAhAvAQAcW65qZ7idhwmcZanmIvksZIldj9Zs4e6bx7KxKaGNWqinVeUuHLRyE8qVKwNe
HXBGMAAUCvGG63ibC2+GcUW5RMGpak55ZVc3KgVlTdVutRrAdKAAUMQAtzG9F5OvCOawbKLy
VfR95SHLzYF+zWxiwNvFoNqxQVqZ7EoUcW2DGIbznHTcrzABMNWXQ8WtwpahW0cre8Xpnv7d
ea6vKc+q4cUA1jxFK0SlWKTdbzMuexXD6AOYQF4pwBzTXumwxeUv3uM0jzBeWcVGPPRhdGau
MbrrqxWLhDPQAhOa+FzAXGV22221rIlAvdYvpZmNOZa0sZI4zkfrHLPdpjh0goZTYscdAHmL
1YFsMcgaf6m0q8tijvwi9z+4zyvSQqArzYzisY3AckJaZqvdwgq0Ayps5K1uYIBQIANZ+6FO
wtfIK4FsBq8mQs8lbi6fnpvPsjUFXsV7VSMy4LlE7K5YfrHodcDHgVyQ90BldGt1vURQDbgZ
UQvbBCu5q13N1eVXL6t1LWvDrJSRbRpKAorSDgFaaXI6gegUGDpVXy1CUBzyA1nFVWWFgp1Y
F1vitpLCF0KFha19X2mgF8N9LhU8odWvDXklBYVlwKXK+UfvgMl6zZi/EaZgosW7eY+iGXJq
v4kqA916V/8ANb4D/wDIbb/Bj6zlExkj7RumjjDDPnwI6+EWVdxjKWAw/PEcHSU+oO4heJ1n
wldwrjEpjTv1rxPMvR/C1X3qYPTZR1x67eM5Zcv+Ln/8l4H4JRpPLKCK1HkmG0PI/KIb8Png
D+iy+m8NW+rOHfV49Fqz1OQYi1FEeyudPrmE3dkseg+YxT6K9Px62nMuo7jWrQVd579VSL7H
/wBdGXg9G3qRE2V/HFef5khYdkDjXLv9irqAEjwFja4+Vw7ZgJielyBrJ8st19Pk03OyEAFe
XUOko3L2zPcvycQfpArF1feZSvK/QXwPeUdfEsl/xv0uNVFujr0uZslPPpUqY/hXp8TI0FzC
nHFpjk3zwgunzHmZXVcyjVDeNS7qV/8AHKFZ+HftAMMBgCZKh08sDtpGqiSDamhh0D7kuS28
KcQAZS7l3M4GNwD4s4Ih8vKGTUTtrbIbSczY+kLZYFJ/hCY7hhsjL4YrcydIJ3Ll+lv/AMFW
j+JuViVjMTnibbHPDfrUrUvQ8yj47o+fbxBQmr/ZFxYJ4iuoeTWVmSF5uo4LwC8EpbE9LHHD
z/FKKiXdlMv4gDR7DR9Yq4jyvJlu93ZexLbghwpEvea0EvMzIRu9ai00MVvAajokxkr3myp4
mF2lDbj+oYTJmET6StL/AIj6JZczfo3zmFf/AAc/wr2YsiNZKY9C/T4ix6ueefFRdzAyxs5f
LxEBUexOS7xBlRLCnBDkq14jqXy1xKWioba5hlsL7nTQrTP8AXg/hjJS0vMOFbkEeN7gwubw
szcvFzsyn4F3KWwkDkb1pCzHUb2PtjmVR5FQY9hqTFhXAoKxhhYgzi9wsAcQKWc3HMUZqXGX
/JW4gUKN1z6qxd/Hq+gy3MqHoQZ1BH8fSBC+GmJb6BlRdHem4gtONG5QC2cdM02rxkg4W8lD
snCkErXe48px/Fi2LRAsfvKj4KMpRD4R5gczK4j+SI232jqvDAqBjtGlv9QC+dnN6xxRUQSt
rPmXPo7quiLBzK9S7l4lwmLvU36Mf/nxdNdxDGb/AJs8W0DgasMuN4Dkcf3MOANHuYbO39z9
IGthygdobKpJcO+2KumKZVgPnLB2teJTl5nH8bIELe8fdmJ/UAygsGMn48RyzDaZsNcGjCCw
Uy1Mi0+8tv7S2NonZXggDWiFi9InON3nKdeDmgOA5hFz7P19Tk2Y9GDMXM93ouPSvSq3/GsV
L0hn1zr0LUBXF5f4noTNqBrBUtjV1ZE7lDdoHI3UbN5IHjqKDB/rUzMWu/fmDSDCm6iK8r7m
eRDazfZojqr1Of5WHjdlYBnj36Ux6lhfPUWJ/wCI1VVVEk3M6d3WJWJr2uDwix/xKql3pUQ3
SoaPLsi/WU6ag6ViDnyQQeEOUUBye3U1OdThicvUvjieJ3jUNWMYN18TYvIPOvV+p/G/VDWA
rOY+tSioYlfcy4NsFoQOxOHFRG5ryh4tg4PaBlMHM4AjoYcR/GKlUvrcKxYoWXX2l3dukNhG
ZuVlzK07Qq/4C2O8kq+mlxyxCDhEDMbu6jA3gMzL33XjEmcFzasGvPLoDP2it69Ge3y8RScL
oRmJbyNqQ3Ki8kBUOInTl/8ASUACPVxQstW1B6Sxm90Ghdg4cMqtQPRpYt4Ihllmtoaobm0H
ambUGJX+w0fdLHoiQUUF8vHrQ0rsov6y9dtWb/gen0nm4NlcysK88y7dQgu6qZaWgEMrK21d

56hhyi02tTLKBHcZiNEFg88wALA8jh34pSV5948HnYZ+HU1qrhxWIuF736QnE1knLbbN3PZ5
2ECsY6MY3SUYtM3R7D8RVhA8szbklmosciV8c+jDnaVLqWeWUREtcT5lMoPoymDzDuUtn1Id
tFWmYKkiv9IttJhvMtK+SDWpw1HxHu5iigDHZ3N8QPRnOECXSZshQHuWQpoy3T48Syq8eiZI
tcwKoR6Zz6Erxqr+EaguuGeIVfcSs9zPfzL71K7ek2RFQ3HhmBr455gtjdbusSmeHN8To3g0
J7zwiBwMdFH+49ffbUXky2UcdypmZV5j6bLA9oZcE1KZUVTzKhN9swVZ1dMClzB1LEgSC1cE
PU534S29I20UOVu6lqpg1Aa2WhJQuDoBeDMoph5FiPgbJZskQxibV7i83sxPVQqABi4l1w8z
NVRuzOoUmHGTbw9iF65viUNlera2uZWajqGDLefj1S57UeWXJCq7xfjx/HjXpcMsN+JZmXVI
w0zCSHsGsLUI/ewwZg5NpUUwCRvr+GofA+U3sU6piVe/LFik8+rpzCVCFG+oeY6z7rtiYF7w
vZ0zl1SzCXCjPJiDXosXiwP7m3qCnzKqZZyGF2q7hwNZnNFSzzcTMo8tcQEKTCy+8BkTPKS6
Nef4CZ1Tjz1Q8XT1LhafZFYmSFguCX4hc0W9EB/ZlGyBGre/BKL31olKT9p09AXq3XaeXHU/
S9wemUq9Zy+vzKpFo7Zy29NR002dk3LgolOSVxhgVqgY4Gxg+IPaXr+k3CfJA7E7MkXFB5sn
ASz+Iu6IfaCsdvtx9o0OzuCDuBg7Y6rJxL3AOpCnwBNiBCEwGKI8VVwSGj2ncIB0VTqUsxLr
uLGcBFXuN4Igwb3bfoP0gLqURiE7PiZ8KGrWIaIEZT1vr+kkq+JfcR0xhlYLOJvSYmYdQIZB
xKwnL/QRr1/S9wZQuvLCzyfHn9fWqbVFR/EqtmYuwSyzo8fE4mPJf+jHc3MZtdbg+lXMQEhe
UL8islfSOzmjK/GZfM5P4hhMEKwHpUgJRq01/U/8lP8AxkuHDd3Yv0yymTv2hEctfCUlS6x1
Cg4lzxDgzK3M3G5PUxKd3i5Sujvx7fMQsvaOYkazngmQse/MMVvan0K0oFupzg3xUWgtuyDW
qvMymcNoCUTSIy+OBZYfREaSoUHJiHWtjzBefMQWtsl/vDQH0MUuPQaqdz9p0/g1Vb/1/gkY
/rS6Xg/eoh1Ra4ocEwI1/en7vuLbqo8eWXB3sv2onMP8cFl/kMNo6rp/n1lFU+pMk1AoNuuw
4PtFBfSDo8RfRWcUPYjRyPwftcRpB8z9/wB+v912RK5JVR2tZfncqUbofBKaxDZnE69Ns1RW
0eP/AGF7HtHfSBgLcv8AJFyjqGEcg9RCvAgr6jCByblIx5qYdPclEwJRGoG2w++EWLcEs/gS
eEPl9EkERTuWLOZsB2Qb1ubZ2jYfSMgz8+lrg/fP2nSX6/ve/VIFjDnXmMx+mj7frqFT79K4
Z+w7T933BXqBnKcf2Z3CZNgRvff74mGD5Ax/2WXpfxbP7+sLQgEt8GH9b/qNXj0VwgfP/E53
R+uf7n7/ALk9P3XZ61AL4mM/1HYwzXCOybpdVbcp/UN4L3hqG1ugemCWgss5mcrmf+QgJ4S+
XT6Jn9pruWXwDFVSnH8AMDPniPzF+8HcW0l6NR6lvuu/Q0pOCBA43DuEorl0w1auaAPIidB4
gjJPZCzxrQxQMk+PVYT9Z09biu39X1SOQNby8H9yx+7A6OCfvemfoe0/d9xSssF9djO8993t
6UGx+wHv6XItUfgfsMSi2r6MDehAcJ/TMRNiej8PRejf3fpB1p/YvE/b9y1x6fuOybVFPocz
d0bgfc+JcjWBPTgUFzlFKl8vl0QmwvLM9GkF1tbggNMllkQlCFaTUbPyi9rK1YehWTfNczuT
2yhEjo3KPpbnE/nmX93otgy8cRqMntC18BxMJhsiCgxF6S+vOI6L5ltmqjw+8/W/7P1v+z9L
/sBC74t3fHzFv+YK5T+pdA0FViBj6Qm7VHPg/H09BRVqpthlWli4mqtjEGjgyvhFwKsNjDxM
wWXErfdRNXO/MtVeX8ME1N3zBiFbUAw/b8TEtGgguz63F9+V+4/yJaqUhF1TKAL5EniA8Ro/
sP7YDAOGyCM0bDlwnDTlvivRBFoYMrOIlVrMCsA7PS1aeD8B7ylOiq/mNS8DyxlzlNLDhJFZ
ZOyeQEZACmXmGAXnX/UWiJPL4mpeSGdaiA3kpE9JMJWGSLAIpbMzmARbBxLqjEpKtMkWLiIw
dy5sssUdWdRt2hYzyf59Ldn7vT9v2/8AooopFHXqEYKGMbmKu3pLv+XtAM2+mZpxPIy1lbg8
EaUunmVaXmkSjUVwkMKZ1sBzM6AYGyYlFedkBGg50qPi+02eB95X/P8A9INO3icmV7iU7MSl
SHpALaU3HN7kjLWrtm4r8QOgEZmVjMSLOA0dk3NXbMjJVCI4uHW5cj6W7Mbr+QyyPkhcja2I
AlglvPoUvEJ5yJWH+HFPqrouMvTm6x1OY60PnML4mMTb0GtS849OIQrllUcelQoeoIGKao+/
cFQ1ypcTgezOHLxu5f8A5Ujh5wNRTo1LhR0wqK/XDPsR1Ej7bItzc4lJQ1qFZ7xILbUy5m+j
ZMdGYbNbCXKYPHULDcr1Fu6naPv6XLga3/G8LYT7ESkO1qwDnwZ4f7EHFH8QqH2EiKgdMcS3
NyGYsYT+qf4YptqNXR0M6ZivMr2JxM14/gWiPYD+A036GHEzqEB7wCtpuUoJsNMHSDgQywhq
vz1HE05Jn+IMJe8w47lTjegIdKmGIWPo90qxvupZ3LsjMzV/9IZMR9MtVHyl0loH5mRK31Bh
eGY7tW0magfaClRtjonfGYG5jCA4bOWU8/5Owq4P3qEauoYhuJXSIer0FYt5xxKGjTNy4sfY
EwsoAufnYZ0n8CXXiC1MYIl1DsqGGVHczM0npxVZ9LwHX8D+cN6kZe+j+43AQzh5CYgjPKnf
v4idR7G4AXKl8luJkw+JKD/WIJG7bOZlLys17/6wqUGI/C1LoVl3lWQsYzDqFW+j4lMPfBLx
bTGMzlMwBAavmGbJeIaAoDnzMxA84itKlxn6vWmVLvUzJ1zK1aYDoik+kDgNF8x4ZmrlobtB
onsxjnyj0A4A2uglMXoKz7/aIji7la/Qr8seNT7P+wK0TslcWW6lY8zJsPLO15lRJUr+G4Ve
deqNzM4lrdx6NJX2P/ZeU+Ew+9QEMzQ5M+HSW2KDMLyq5ygTOQU9M2R4ExNDGoUdxmHl3CSe
1zvPCbUxDMXZmdoBqaF4jknHFSwbG3B4gd8JUb3XDmUd+sSp7kwRsmBohiadRK7HSX/4RisT
XcfmD39Vc9RSC3HHUetyPtAAIPJgUqAMsVcGWrgPEfLW2cx3Ms1MqGTccOIKLLflgZc+MSou
dhG21vag5NG0C8MxlOo+EIObYjgxKgeqhV856r0N7qVHLAlWSh/qNqWTi4aZUOdLw1/jENy6
PCIQ00DnhfLxEURFvD6MpiBd11HiUpaxlDFUqx+oiVFvjiW1MlDMeIK+4TBRS7YL7SyW3MhQ
vxGH03OEhlqC4mhI20sVidwks4s3ftBWF3cshpJYLzGdT7QK7YmWAR8x24U/lYeQU8XmDcO6
YLHT+Bh3v4Oj4gGAieh8e0a30v4DQ/LKpEByZjOYRr0A7neh7n7iGfo1uPhNbjviP0xWmJiM
V6BLDqNv2VMTPMtj2lIa3qdJ4ndwkFA2vcYjzM+wjxCq1GHQfJuJLiwRZjgjuEINw3CsASG2
NNHcB3cHcbseHELTiUcCtNxQ6YNMmniVRU+ZsvBMKbairYJceI5GdTcIbL4luTJqo4utt/AW
Fj7RJap8QdE1I+//ACMA3KwVTekYDWFo0k1x3sU4tiVR3mc2ofdv/I2DqqHUVm4jjmIl2wCx
BctOmId40a37ej2egr0mKj6FQg9RiS4qg48f+ytM3viG0fi45+WPUB6vD4CWsL4Mjo/mjVlM

deggArcKPB2TRBJoBKU5EY1l+kRFq37CITYeJ94iALe40ncwaEKcj5m4gxRl+aWNSuioveU2
rrqbDndx42PC9fF4PS/ONA2M6zNKGXxFwd+KnNbek9owMYWVPqzb1dfdlmp6d0o1LPWxtm9e
oVNC9/5V9oW2XMI2fMDlfMY9k4x+kHU68EQwj3Agt3ean3RMJKPKVDBkqAQtCG0L4wQwhKVj
VQ+pcLPMD9onHEMUgOViG3esoLXkExAS7+lvUqWlnGXiV3/LlQHFB51GV9xLIDADuKImV/pA
Xc4n/U1D0eIOQX3MhUK6IwaDMROy2Uo5xAW7ZQ1PCJc1CAzNLnFTRlMrG4e7Gu5l0qOMJbk2
aRpjScJbk/dQLAilSgUImPrLwcMht1GjgDrTNgjytxBHzrzCrEXVYme7Mpyyx+xZiruoNtQ1
LLXiModmsMMdfdoBl3UejOyWB14gUlRpLru9RcHSUzF4zFGBceIjZvk/hCK6LjP5l8vHdzGE
Ek6hJOaOVK4DLMSOFUPvMy3deTl9o7opna351Mcp42pe3Qe47UPEwC9TYkzd47kA+xNBpl4g
QvBLI7W54oZo9kvzwcpx6a+Kl7gYNYJcX+K1KnMCuJt/kcZaFOY9VOdQCt1L1NAZnw493sNd
pmi0fQgN5jD9ZXvbz02czKgdCIyTPkjgFbNxcCr2ceYq2cutJzAtt1bBLY6INUyse0AwbCDg
+y4mImxDcKEGTvqcUKJBEHcs4nBz8RxiTJeobiT25nT/AJmkVO0e2Yo0iPmbPEL6iwTtNV5M
1dyA4f7LkloolS3K7Ye8UOGepkoaXBlfqRrAFoBIPrCNSOd/sFrNDO3BPyOEbXbMlMu9M+gy
3r1AnSzzRfpz49C46OJko3l5gdsLpuLSll8Q7XMS54KVtp94kIdPeIy8lrMGH3KpnABjOYKx
ejxOUvQYhTejUpSC4GiIHi5I6BXBcxFwxKMrMRs8XXlmhTVLApDQ+iYddVjmHoNoDvNRCdhQ
mqJhmSiwCLIToNwg62pwg+G5cGnDMa7yehH1vJyfmK7L2h412xFVkluGHqVOoZKtF+8KsGZU
WzHk0PEtLVmV9wqj7RtmtEavqSuNy6HDAXexLs3PofdhggEpzieeO8+g254iVU9ExuvQxi0+
CIR6ugRcdHw3zK0ttNtZ+Gfe33CQf7xK1E7TOoFfyVMgCDD9EeUtiOCe2ImCLQXFWcBZ9oSt
5/MtWGGCG0fa4ngNRyz2E5ggdYP5hvFoHlmCyfJuPU9AO1w7346lsHu7SgpBMSkXMINr3Aid
4cCfeade4YYFD5tCL/hajDfu2MRPrCZS05gLj24MSEQ1XWJ0bEGgljEOW2O5Y37YtK1ywVDF
9EuVp5UpoRcsytPpfguIDiWG0qp1xF1LstYVmGN09c9DeZyCAQfRMN1ZKLSm47qWaNykSGlM
wkqSvPExBB4gJS3WVVc1ghoi9cHuxvcw4oqYzxmPRyEasDd8Mem14uHTV0IJe09TDVblzLDH
2lNB97ITrWZtEepvQ4zSmFo9JY6OfM7DnLceTb1Mwa0DtICFVS9Q5y0Fgb4jtzgGMrHEVuIS
1LJxGKqKeWvySuuxiyYsXPOV+u5gjdrP6iGsV5QWhY9mNiZLqbel7gRAmAbSzoBFmyFhUEMs
u+5h3gef5ZAm0om8rgMsCV4WAn9f+Tsl2WrYRGjrYqgNm5uchaaPaYxyorLp/iAHcgALgwe0
xOZXo1ZhWF/Vw1qWqDsrg8MzoCqK5SA5DogUIyHH/YalM3cuh0nwDdL9f5BfEgydY/uBijlz
FSeosvzLpKeb97+0AlB4nEB/8sWjV/cUvzLv07jVBln4lkTqdyjhLs39SLiAvLcuGObNg1cQ
VHc4feLQV8DxO0gPzNp0L/VLqqPXN8TAaDtxP6hhcZxKDdQsk3SXF37xdht6iXd+gUBK1pkZ
RFSUFVfiDWEZzKDnG8syZjUGQaI9JULFS+YIut04lU2vH1ig3DKfMtBsuILwFTB5ZIz6rDu6
I4BaLIBhTjKVoB2zvfrm43ysL6JG9jnskiJeBjmEUj8tZiCVq1fcvDZkRxvYKBbrw9gP/ZQO
Fz1OV8/tz+mdgWGPQIw0EBGlrm8O4VTHQJ/UAV5s/wDGYkhw5V9pduEDW5TFKmv8Jeb5ewPc
pG4Nv6Jv0OGZRRUSP1CWKzPo8kqptcx6grJYNUEB68zKBNoy4Tsh8BiiXuKtxsbtqcCBh2ci
3NGCUGXiGaomXjW4HqGUDWfYmgJnCM4EttH0LnzBTjG1j0i6Jjjh7wje1XdNw/qI0eswd5QK
vrBnshg/dcF2vsQ44TPI8zaBe4mPSqjPMzcFC6lNZx1i5hF90q4qtKMqjTo4e44uUKJUdMpe
2srbgwc8J4jkjo/EzjIGHdB+SgX8xH/JlrClcXAG/DiQSqKdXkYY2McuB0LsrP3lCQdrYipt
9NoLYLkWhapPL/iLg5PfLeCo6JvVcQ0o50IBUIeB9IFji7b9oOX1Jg4DywUHb/aWFEd0b+82
Slrt/wBl/Lx7JrEUBlE7ZtohMtdzIsiblw673MBr5hwL5EyOK17QO0feWJcpYa1A+mmVtc6g
tmILaSzo+o/5AcMRwPxKAtJyHtMptSGiIMagfaXQnjUDzFCiVYy/5C0Gt3eoZeYpD5BP6zR6
VVH+wGacKD6Q2uIHEiVtlYI+ko+GCE3cHJ/uGFcrnI6iUH42V+InQsI8PZX3gW3LgAAOB4+J
9D1zjI5Z5UXmckExbiCAzt5PCVszcAKh8VyiF7s92WRdvdGcXvNAotwTJVZ6f+ZfO2BfoEd8
2XU4GlKEGomdjwZgpO+UtSXicXfJAYl1Ey4oN66e4kEZUF7itnCguN0CACqOmZstUviVHdtD
Fl8y2AhU3qxENUQBGA5JYDELQbogVFvM18TU+qNI2XA+8QXUGyCqTLywGbdwRrTgWCCfZgmh
w6Lg7m3iXql6HidkV8qmIzRBgC4VYho9sfaEU+Cso34P3l4F8C9c/mDr0T7mHmKuyrr4JRVt
rfyxYyFgMIZJ7KgzOZPI+YAbvg2L7McAxpS+pBC2KmA4QpMtlcdCDx69+50s1KDni5QaKDRX
OPeBrnRUEoePJLrP2VBay8rYIJsy4g+9y5y5ULOeIWBkZ4YjBeaqv5gB4im4gVFeS40cWE0E
qNFb85MGoJWLcIWbgMF6cqiWheGYBhVAVuMPMBrRtGvaJbOGOUZlWu0iNEC1NtMrCpKJf3lk
Hj5XLcAOHZ9Y5SK1cv8ADBEWM2Yh0M99wOMsf/UzoYlTiTlfZHqXo4n4AQq3tA7EbZWLrcFA
bGIjLIaYI2FqDmu5mmmVVfjiZIvWJoHYz3DXee5ItdLvBwfY+ZlwEuKeP3iAwlin99QViYDZ
i9YZ/v1lnqKHqBskKf8A1AYNAiWZnEEUhJVckwwads2X7mxbI2xvlyhFlyAz9lRuU4jWoBEC
sHV+8CUEGjdxb6fgp88RzNikQQJ4+Q1++YFYRK/gJYNCNppGIFTnZmXhDXgu4aabXZmb3HCq
uH0LpPxe0I2mmaihtQ7zNtw0qrcvzHFWA8wuIbl8RaYhgH/JZfKmIw1r8vHvDch+UceYhW21
LlBloPmUM+zzOgmuMQD5kS2FvHmKdjw6iNDzDeQZgQxO2kZb+JeTj7oOKqW+8TWp2G4a3Duo
1sG4JSlIdTKr+oj8DBofLLtC4FUfHbo6CLRNZVfZM5RZ4TPGrrzCth/pV9biqmn+0aa8mlUO
WF6aFb73Fe7XsdnxmcI6x2YeNemjjf8AcsXu1Mn1hECLOAzmIX4S5CuEsUYJjhm7ScfAHN9M
JmoSgSNqcJNUWYI+yMH0mCoBMKWheDN83+ZmTYA3GAtwXp7cx1/7twmlhMsoajAbHNdSuOvc
WZ5BywzBGIzJ8SoXmb9DZyzAYVWTz8S/pWrHHzL0rXgNyzqVAj9EJraXa8fuYVrJ+UVC+GPl
Ct4LKcEoCo2xageDtiF8mYTF8kxNU8Zg0aL8f0jdZvAqVGFHHr8VG29SDcjcvcsWFW0cZlPK2

VzKg5g2dpa0OiV8TSWgNKWFuOH1mZMbaqW+p5Ne0cCXFNqVrxDnS0MO9ZIJTU2uEzjSL2NsG
GYjqc1MqogO0JzUQqpSZK69XK234iRdbATUHkPMuxO3rsnO94zETaleSYTbJe1RzCHKz2UeZ
7danv8CERULynPyjcBUw8XCcOOhEqDHhamcHWo5JQzbiDbontlNpjLqXtTDdj+JtC1GsqmGV
s/vMmCrOVlRYvlJYhUkshVyZHszGrp7LiLumdbCYuvb+Mwo43XL8QCtgfWXsO8x1Vg9S/wDI
UML+szFQI9cRptC+ESLfoqm0t3M6ovgVwVGuVIsb1pcMm78rEM/BBbrwxbg3JWGsfeZ+y6Nd
F/mbB+0ARGenkgzWMPb7Qi7wBQr/ANlADTpoT8y77CWAFMUNzTqZQ1EaX8xHRgXsurM+jwea
j5dviFaSo6jL0mE/16cgqo6qtJXSLgX7PiUoW+GBCEUIm8OZ6sVKnS+PJ3BPhcy9ziHeJBsY
msR7nxLWAAMxgIG8sELx2TTnhKX2mermlcti2obYFlh9SXOSAkUXeYg97xhGSNB0Qc+uULqF
nNYMr15/sh0Zdb4Pwj4gW7ZvkgpWbaCNRduJxgPemUCjg3cQwveKtEe5UoG1DjGJ1BHhI+lV
9pXDpHQhm0pBsFN1A7uo5YigX1czRqsRdvQcsSK7eB/qLYqNtnq4aaqr0eYO7bdONXwdygoD
flBwhODomnAyylg8wxBI6lzed78wSc8vBKxZ2cEoPgczYy3XUsRrfmW79xc9QCTkB57hbVuM
fEE1luXG2GC0n1iFB0hdqJ7TZ8HvCi7A2eI6CzjtLg3DJNOFk3DQL1UeuSK3B1AIUag5gmVh
UqSVcqSuXHt1NByrPvHU2rRTGqF0uOAANIzlrPEPBtAfMLhyg5I2V7X/AJKenSUN1x3Qqwll
q1pi7U2ukNAg9sei4PmTt6lPVOUPMkdBtPUaRJW8BLk2+lGnmBMNvIR9IoKSL6P9jVvYNeIL
xGqNvcPfWyX7zLiKyvJ8ShFVBPLivtHHLyVv/EqGGuWVjvk2UeZ7l2RFZbhUIqvfE5FB14lD
DkzuWApGCPjZVF+7P9RaiVwHQMPBMJFJNlX4PzEELzSATMrUvYJ5sBV6rgltBw3AvZWQyAsW
8s7Qahh7Qj6C9picxuU5lC2+4lGMMrm5my5p5lEzhxBvau+O59QLO4JzO+JbNvRYJ84A3UrZ
TkMYUi3TLHDf3sbBCJ+0U6IhstLFNgIwt6cQOH9Iw/MwQr73EKZ2qZ9rbz9pimGx5jHYRXvE
YRw9vUYXstRM1BYeUAUorxcuwXrubYHQZvzDO1rXUqRXZtlmyr+p8dM2ndiSu3s3lhyM+rz8
wwAV9Zre8Wc4C7alB3GMwIUAi/P8EFSrWrcT+Ytn6TDteqmK13ywo4kUexmeGEzdPh/2VhZT
Y/EA3gEp1Uy26bbmF2q7g6uC5qHkbKjv5lWRXxMZUt2lpuLgSM5u4Zdj4ZlF5GCaYxRxLTE8
kLYTQzRA+qODhgDfvK1aAl1C7QPGUeuTjGI4jQ0WmZYiW43pylbuB/0gPjfeWix1Yqh+hGo9
SrLB6FKx0BNAoJnlvzAPp4OdR0QH3yx88q5Qb6e4YdD1FuEPeU/f5YHEDmdYuYZH4o5x/KT9
qxHOnYO4DWBjrjTAX0Epy6CuJtfOx1OYzEozFAfBF+xM1qEspUkMLB4aHcbhlJ71RtjKq+Xl
FqKdTPfuGoPj3L3SwSL3FOAq8wtLVv3lXBcLS6wbH3Zb34iztkHMGrjUM6D2jjQ8xUdDZkPi
UQuqG7hZWdL1ESy8ZxNZX7ohb2s1l7i8I9RoY4OHLK8D2XcbbgcbYKh6K1ArC1/yIUPYXKLa
A5Q4WKgxH/RHQ5T6y0Fj8LOUBrlgbDQEz4eDEJp+Ue0oq/PPAzODF34EyAgN9EsK6qvYgzag
NQDKhC37URGnf8KlHjEo/LAw4vNcFRPQazaF3LTCle7UQvDr8d/iZYCBT+2amuyqIGmkuaw9
JVj4nDBnl4qAsdOtTQeWZGXulqmpsLFHalrkW5HUrW7DAsucWheiody7yj8n5pCuGvhBLpEd
LwEePeYOYFd9+8LgpEukONKpabo6I6aH4nXHG3MVa3H5oNBNxfUxQqkamboYdIP/ADDmDQQl
VOUA1ifMILb6ksfBvPEwa4FmfrDNiOln6w0u327zMNBV4P8AsoLAbvt7YPOU41Vx6waSwFPt
VOQm5wp8sGwMuf8AEzQT4aZtS1SB/MZgFsdRDohe1Fxagsr7TAABYJxS1urXmDFi5l2AVnTP
Y88MojT63ANUq1lUzNpVsxzW9ocyqrvZxJSlqkdPv7zMCWRuCT23yTDXPe3+xT/d/stC32f9
iMid0zLYWBk+LOc1Fb4iG8fZl+FK22JrWYwCL2VMNfZj/wAxi3H0ziNdEazGrES2l/eABQYq
pk8xZir+EDAUauLEueLoiJst78xW0oPA1HN8ZrrPc3kWvhKHgqAdPllsw+8Ut54ibelRBKof
EUtjBrQM2VxFecAsbWMW9jzNo+64hb9SF75TM+00X6HmC0h7L/Y5aBWG5ZxUdEAN2vuxtsdT
Rn651D8xyBnx58xcW8FQPcXb17TNebnhhFDPdJOZ/wCpP/Un/qf/AIiSDyDoY1GIAOwmklHh
rEFvgmq6dnMc3X9yo5EB0PmWU12vF8MwAW6ELZ+sFnQVWUt8M0QKbY4aYtqxnqFlr+IZaSh7
NCTc2jXIepV8z7FCz3CAM5uuPeUhCsZRrh1zDAIE+VUXKQe7CtXUxeg02ybqNFC6CiUr15mp
WlFYbVl9x8oGePrFq0qMNv6Psnh+feX8w6pW6pYIGKzwnWv8hRcqG0r7MMHBv8CycCC5ejPY
TA6jPiBTEALWjsaP/wCIv1xorwwo95YaHqFdsg7KjYXr6wfWonO73Wx7Uoi3HskuhYDwVVQE
TgA1hS7u5aonvFVwk3jXwEThW2Ntt5nC/bsFVe9wpV6flMSXTcRMFppFGJsG35gENbsfQk5r
PgnUX3yLL5YRZBO67CWq0VZuvNOY51PrwePpLno0GWugDSablw5dudyoL3Y3x9HMWIQ71Xw+
Jg5BBo3eMwFLZhze7mHGoswK6zK1UXWNGN7/APxq/kcTAtvXWY1Puwud1ViYOZzF1OrleSWn
MRTlnsqJ+4BUWWu0tW5Gsk2Yx2pWUN/MvAxjhLzTO3PUztV9urgqA8X1zmbEFZcjAsxhkp3U
pNVm9k1Zmsj5iDgeU04sOW4Eubiuob0msWniPYxB1NJa+hS5jCBXdktegp/6Sf8ApJ/6SW/7
katt8x5uJq5uFdYTaOYB7pkkp08obwbqkte4g39pvHpxqFUtuV5vOPiY56A7gAenjDdfbzGX
gHtOxnkfWU/0S3ewJZkc7j3mOnJBVlsi3L+ur/sA8oCQKxsPtEVZk5OfiOpVFPGLpAPIVt1V
S9WnK9RU4qzTKO2ZBuVrKfiYBAcMJ8wVAjlxBwB8ioAuZyXLi2Es7lw08bs2dEA2Y1qDG7/i
cRj91AIVpDVuJyjUqPhUBq9mbzGtXV9RQ1h1BBwsX/IziXTo5iL3K4qNq2c8x94ol0AHdsQb
c8SqFb0i2i57BMVXiJavpFFrdwFgqn8axS3xMRW4ht5/WFUyBzzGvAtU6hQ+yW0sFN9C4ics
G4Dr2gdMKjO8T2KN7ygcxl3GXUdam8ItyPmF2/WFlj8yvNMwSdvvC7wYPmUdj4istLLuVXmv
J1DKY3crxKJSKa8waehTk/7CZK8ErqLJIjr7ruI7Rw+IWDhk3UwOEXgu8RbGd78QBwPPBm4qZ
kYuHQD1PtDYepw6lC6yuyfaXdyoU4JxWo09ofkaHceuplMrB4M+Y7xzQmWuhWBClO5VRWkf
aOKD3lTyNlawBnIsHTtoEMOUAzAG8Wb6QrUJijvtUR9SAr4jvH2/h4IIy1wbzH5TApJkthm+
5zCNOvE1cGMyy6vKruGytnkh0lC3eJY8KHshvaWepXmiJ1v3hXWviJzVghv6uFFFiIHlObc

75+8pPVdywZHOdGOMT/SJX4wliV1I3TMvDKbn38zRY+SDyZswWN2RGT+kCVobfEuGMmMn3iL
VUN3tg6gLbziFiooa7PaGhsJqzxK13HJR/UA1jtWmAXhmXpe3UChFFW76gV30JSnDNPEU2q9
X0S17cPaAAExOgmDSu6laWD5IfdYH/ZUC0NiNSzucLf1EDXCGCaCYvR6XnJgIlV79AgU2wCU
Hllo4on2cy1MKi2lpaGEXBljmpl6bjv2g7BnnRGzM0KLB2uEcfXFZmRLSLpiqL1wJXsSXcy/
MsKczBq8Er3a4949j45iv3WfpGlXNuAp6tttdQtFj5Y6aGhj2nVxGu09/m5bat++KgM0tnVT
FFLwDzCq4Xc//9oADAMBAAIAAwAAABCbaYKZL7TKR4h5iZyzRxCzghSTgycTBppNBBywANos
VJAdZKRtzYdC7UolKe25PPLPOTgQDo/9gBxRq0Et3CZ7nTVN0LWZVT1TtE/TeyihNRnx4RPQ
sQfQRyFtrXQHBPsM9tPjSSRSQ4OOSDoDTDKZoBvRHFIY61nbn49a9mCzOT5lV8/DgjszwP6X
lIRN6v0Xboi1Pd2kFxNB2V5MnY1GiBXbwACHvM/ioJWa78oVAWEJfzTmPsxEb98/7lhlSjjH
5t1Rmbxu/NdUEP2oPIjyltxgY429TQerJ60Jtn38BKwi4N3OPfADvi21ibA1vuLWMXKPWxIW
MiS4qwMoULtKGfXU/kzALaBvvx6+/fKEmlxw9qQ82/WFgWsFhvgeQTJl0FvYV55Rkx4i5d8O
7N50gMsC97xLTC06NbbuADAFiH0uMmZIYWu9onZGo72ZYBWW5F/1bbzut90LkAMlGYg/43F+
oeOLPDIuqdKW82r1BffGuJ3NnPbFItYeN5N/UCB8Iy1N2Sqivdh2cOECc/HlE3iIjsHwmukc
jh8geEWQGtU/H/U7qzwOT9RA3nDRl9mB6teXgq0XvuADY3O8HYtkjhWpqkRsu34Pa9E2s2oA
omeOn35bg6itv/rCxaJFqSfuilOW0gm1OWjN48XYUYysQ0Xn0XI+P2MhkrEd4mCK/mlO+41Q
X/xE4DLU08Fx2FTX56zVcPJrbR1H5vEPUgZDoszq6rhw4TYCqByF5gaxZm2tNkX8yl1PXZmX
V11DAzmUUFEEkEEEEGcITOaf9hLoRBZlSwiSWkUUXfkP8EEEEPv3GssDoOLjywTBWW3nWiBC
BsiB/wBGZNBr4fCT18IbbAeGSy1BVRxUk80Yre4DThBVAIUBwhJEFwZ8uCENZR1dp5oIchaO
rN01zEv8LCVFc18fnPKL1NZJJtFkwQpi+U04AVNXmUX6H+jrmN+eud0wvYo5QUI8clD/AAPW
oVLFhm1lhl6UYeWQLJGcNaaZLEIYH6XJzN8bLTKbOLBGFvpT3PSBWTYAbRZFIfXSVXsXCmLy
fMhZhn2IQoVVdSbbzbSQQaX/APk1a5zkgPf2wSBVGjk6H/8Ab/k/hNRFxhxll9V+eX+sDOHf
DjzwpuV3jVkv0YL8E0Rd1d4vTeUDBm8XIdH3Z5l1tBjNkAY3QEQEgE4Eb+yI8vAy8JsA50UK
FxKjvP8A94cCIOOOJKF4yZ5VrHnhZ95eOEVMMLbihM7bBAFdAOHED+rwe4IzuROqXLuhEHBc
hmb9Hc5cWZPCIEWN115FRUwxtJMn5NIZqW/COAR41R7ZojDz56igi8bBGYjmJRDPbsGBQIxL
D66dLSIVTZEk2Ym8H80kVALCFiKwEChkQtuBbOJjje+hM4amxmwu6xn+CPI+OD8JEeoFGecr
OIsdIO6lwxM2eTjp6HFnIE0wVr1KLONH1aYVMAAckwHwRS+xA9MGYI5FGWaQEIKMOH4JzZSH
1EeIq2H7+0GLM7SiY8/7dJYFBP0R5FXLEm9TDX5CG70myAD45LrZVF7uAMJFBoGESaISapq0
PAVfQQQQQQQQU9ft3wQcwbD4oJKkQQQQQQQQQS44xGeM0/x5K/Csvjgnu7/+t5gF/r63ep5C
NNphGJFIC3oEzUP/APwwRDCe0efJSAjSj//EACcRAAMAAQQDAAIDAAMBAAAAAAABESEQMWGR
IEFRMHFAgcGh0eFQ/9oACAEDAQE/EP8A40CaapVKVES0pRJYQ9mRKX4NpbjSWlKiFllQkexU
JJaVCaEjc/BNapfseMLC0ml7E2U/ZVRidGLBVL6U1BJJRDVaE0SHtSHSBs0iqSE1bZFicvcu
oxNN/wArdyjgfG7v88GyClQndL41FulEqwJWKMQWmiogq/JuQlVFkd5MShtZZRVjYl5is1tr
k0kSvQ3nGiWBWJkTAtqtCwauReFQ+kglTX1+B7orCFwQ3k9ISh8IZF0g7gxqtM6foRt2PYW2
mgWYkMNMm41kKtj82k/C90MbUE2Jxs2eiVSz8y5MHCj1+ja0fIlPrFS4l21nR9yhWN5sqj1X
4HuhLBosG66PQFyQ8NDYMJ4l+xMwbaF54jNp9CTQ+yGjYRt3E7txaXyWj3Q2UbYJELgaL9CQ
fBtwYCM2nETWB4MhJjdiN1/ZZPR9x4cW0VUjZovwNpNNiNrAlcBZQ3KZjHoWw2k6MbiYFY9x
Vvo1R/R7eIm28lGzADWCyxDedyBvdjGbatGVJDF+AcEmQ9slCeMDS0JL0PRz0TgnzSCcETEk
iiDRGBhJDREkid8IJ4meeiwCVoiSmXpCVUhobXsTzolcvYZYhHdDmqyngS0SXobbYsohDE/Q
+Brchu9ixjZW2imnkhqicw9fRsg+lvr0NsCUUFD4C3kH6HnBEX2QohjhgwKMFIIWUfrIiZvc
T3GzQVNCRZPczW/BUqER1dhLerG0kMnKeFphEPAzSfQlJo2UL0G3R7oWoJE0eDa+mM1gcOj2
GXAJsE9PY2f0IOrjPwNZSFrpCVr3KMxsEuBGUsOBiTYoNGJaNum5MiD50pmJ8IwdPYJ0KEJk
UsN7Nn9C0kWwIc+G8qvguX2bkeB7H6Eo3sYIJMiwBF1bEseLI94NbBI1/QbmTaN1DxQtyhE5
Q8KPuzNf0LawM4LSlNxiEbClTZkpZ3MIm5BbDyhOH+yGNIsGB3RfbRPSo2xsNiiCeGq2SbQa
psUF90YBIhKUg21LYLuTP6NvihxnibIOaoeBjDGm2tGiLwnhgb0QxN1wuf0YNH4NHrGFmB6P
wCwyaNQRuSG49IS+T+nqjOdORpUrGdSm0WNEii0aLpuQohlL4U5E6JwTKyjwUUFumCwomIwY
nYqIHCoqIKQJobTE0VCQhlRBUNoSQuRteiogbW4mNq0TMLImioqOY5jkOQj6cxyHMchyEfTm
OQ5CfpzEfTkOQ5CfpzHMcxP05ifpzEfTmOY5iPv8Wog4Ibf0j6bxqv4O2ovJ5NjEVyGpuJ8J
R9n8BuKjeSEtM3gaLxdYlBko1Q/ekFQz2f50YMWtIhNoXNQ39F4OEK+xjbHllEkQ1RQnfzN2
wPajbbrExi8JXkpuQSLYrQyo0zcKNw+UhB/ioqhigTKXwZUNCUQ88CQdPIyWxR6Z7kIJjR5e
Dvn8BvOi8MPIzRoKCpUamUO2QwSg2kP5KaOBq7Hs/I0mReD2M3I0077Yr3QsoxRIz2KyDQjo
3BumGB/wnuLAQalozeDJS7BaUwY0HQmtFj+E1R0eSIMko2eBo6NaSjSQ3nUl538yCIoc3Q8q
j1QWjRYgkIS8XREbYaa3F+GaN0QxqOj/AHYymbq6LA86EhIng8CuAkcHgNtiX4WOlFouRENg
kkQQWmhIPfwQWtOdfX4W4qJmsjU2Ee70ycHcBpsZMWdCIRjCeKdDIxYErTRdGYt/LOxRxo0
JWYIp7CUFolpBoc8clGVlptkWSCxkXiyiWR6IHtapMyG5rXWqZ7Iw0hM2CUawImBEMCVMvCJ
jRspdEZCdDqDVMSPYQhaIWEYBlt+Chwx9cEWjV7Eh7C4G3sJRaXQlGXOk0p70QOJ5HoaxgaD
JjJCae4vQdj0LX4N4IIbRUifFonvwYvgm1sM3aOI+nxoTEbFGhMLD8MEpB4KN2jZdGNOi203

IJFlkXGuQg4XsYtWSRiRQkWvsq6vjSmGRLWHvwT0xlEg6WPDdfBRlkJRD38iQ76196PRZGxf
gbLEtLqxzEsm7ztzVoyM9ixo1NU/Xg2JXkceKYEghsmzyhxLs4F2cC7OJdnEuziXYvkuzgXZ
xLs412P4rsSPS7OBdnEuziXZxLs4F2cC7OJdnEuziXZwLs4F2Nzwl2JXpdnEuxJ9LsXzXZwL
s4F2cS7OJdnGu/wpf04/0Tsp/wCEo3N7P1tn/wAPgDTSzwkv7q9/6WmntfNk3/W0Ge1Hnp/6
Jp7/ANrv/wAbDWmy/wC0/wDM8EkrgntwsXO9zv7FS3u2ztiTv59ESJCt5sj/AK2/5Qmj9I8+
t+/X6dEfen+f99b+h5ThrjLq/wAu/wDQprw7f6wn9++0N7w4bfF/v9fi5HZyOzkdj+rs+zds
X0dnI7OR2cjs5HY/o7PXXYvs7OZ2czs5HZyOzkdnI7OR2cjs5HZzOxfKbsX3di+zsX0dnI7O
R2cjs5HZyOz63fgw18mNMlbiz+JqkFpfL//EACkRAQACAQQBAQkBAQEAAAAAAAAEAESEQMUFR
YSAwcYGRobHB0fDh8UD/2gAIAQIBAT8QrStK0rStK0rStK0r2dek9CNWOdom2My11WZsY3iK
IbYgXURAU3iIIwxQFF+JwjfUCNMdoXLaBubmNo3VW0S0G5ZgIooUxRuRGwblsY3lBaQC3+9/
qrStKifBr6BDGuNv76yuxuPzSoM+B15WDSdv2v5hpTp+Ob+dzA+2398onXd4gfCr6RCOnitx
IjuCB2fkfxEPcJygv3glTf8AyNovP7v8QmVvC6G351+pQCZtfnX6mB93sRtlxAqGLgEChR+9
w9FeriGrLjLjCOjoxy1xL+UfYRzGGhoR1ZXor0K0JUrStA1qUKLOY/AE/wCzg5y9xJUqV6H1
Glb6QXtA+bK2pRcti6Of8jwuD6+YS/DUwPMdGDkxEvO5WfWECBx5mY+HBzFbcLXjaPwOpSOS
UnD+90pBsihaQiEvR1xrZaJUFztLT3x027v7+50GZnEXB7iEGkTMIyolGltZgHNL7EayKcwM
xfCfebnwjoSLb7pSN8KB3+NHWtBxpmtFLo/7MycsNo6c4lKPKKjcM/GYFk2iEqdbZnvB+IFy
4I0Zda+Yhf2uYiCoYPhPxwsU3g3BxyfuWUPdLAwcQ0OtcaY0auZtShvbSouzAoSMUTa8/DMs
nw+UZpubJ2gEyaLi4E2fZ+4DoAjFnmNtqYzbeM5Rwf39tEx+OeEsapxFiWeYSmDxHJKiGlSm
pfcprS1T7X8ytENtCImJijYRLmbDqXcMQVwyf30h7YRVbBjcRVBMLhADswxQmfyyihhNPdPi
JcdD9doImYXHRqbyhcxMQq4pQzBdRbUaz0y2LMulX7oIKvdmMexzMpk98qdgc3EvUEEi29Hn
8R1Ue64qm3ll8rb6sRPJGIuvuhqFc5uv5tLkM+UFXg90M/6IVKOZY7TGoalQGbQupmO0IjUz
EamZTKdBviNzmNwyxhcbNGYXKblplmGCO8zGrgssarGUa7z423zMlxHTNfV8I6Hg+rFgdmJq
jLmAxNpfcLbTApHKz9Xv9IJhj/JWMTbU/vlFcn3/AOQqMVDbiA0qKUGG5SmCxCj9D8wDyM57
2lFwSWlAqFbfzEuWKmMdEqFw2CHHHE2Pd+WWOzK87vv76RVSrpvL7HbERv1OrgqfG3xiHowQu
4zauAFmDMoTY+8CxgC7Sr4QSvBKAIkGL/bT7ZBQF4h3jHvP1MqWMbtW8XAxtEYjaHiZGpj8E
Nl4/LDLtH99JbrbiO0uL2y/vrEsc5lh2mwY767h2wTYlgIb28SxXtiJszMKmyXI7wbXGYtEA
Uc/5KQkJRxX2guO2efwS6v5llwQfmYIlRCMTcVBZSgbERsf28plbEUiAe/8AkbsA/H9Tskwj
zEUxRekEsCgyw+ZRJlhWkotbr7f8iqzmAFtoyDxF8r8SvoY7lkswUNzJPmH6oA/r3wrNhgli
IgLLIhgCnc+XXN8g38MTBMqbEUl3KZTBHciwbPZDwhqmxBibxL7E2VVUYzBwQaYsS8e8ygj/
AGIFuWIRBvLI1DTrv9TNA9+PtALY6EUMVHGY8JsQJTMtk9zSRkKxRekEsCgyw+ZRJlhWkotbr7f8iqzmAFtoyDxF8r8SvoY7lkswUNzJPmH6oA/r3wrNhgliIgLLIhgCnc+XXN8g38MTBMqbEUl3KZTBHciwbPZDwhqmxBibxL7E2VVUYzBwQaYsS8e8ygj/AGIFuWIRBvLI1DTrv9TNA9+PtALY6EUMVHGY8JsQJTMtk9zSRkKx

IXxMQXSwCTAriDnEDmswCUmZYxxEjcKN1mAfcTdOos4gBgGLOdxfXUA1ELuoq8zKBRMMhL3M
8OoAESsnP+LYMoquIKa3/gYX9yhOJgoMQa1uDSIBuJw0Qc43LEaqATWZhiqIklEAzbxFnGYB
EOallzMmquA0nAMxVbZljiAEaMke24rxUOhiOMh/gyZj+JdalQ1CowMx2uOrg/cZVO5kzGqb
hXzKDdV5EstEam8y6U7UFwWZvM4ABZ6gQmGi0baMw8wNYIrjddivIKKO4uosBV7ArFm3mLRZ
KqG2jMceJdQFrYFQzZSxOSBgF2kTkHl1cse9Q4IdVKOmnMoGHp4MXVGzfcpV0ltyaBrsFT5j
K3IEwbw5NMWWBLZId1xmQWFhpdXQXzK6VwXu60L06hCwTHXdUdWS8aropsRyPhh+IpcGEcLQ
JZkRpuPzURqgLKB3HgCGajasoVhgIFsbB4lQsWKpVeQXVmoTNApwbBTPsxE7OhrSxlVfmJZH
b1GrpBgEwAuBY2IqOFJqpZkacxVphBwkwNWR5AP5hiPhF2KmTQLWjMcSM3LECqrzZxzBRYBb
hv6i2jYIDdKCInURcxBgdxjX1HBgNXE1s0FoLWjOoGeqChbWKvNmKuVqHaksSzDmWyoQeQom
A6rJvoMKkCBppqwvMxW4i8TkGVqtzjxLLxBi3EGyX5gFCxgZiYF6IBSYB7l3PE2xAXMIDuOT
s16/nQiVmTIx6FGAPmDX+hUDQDVsazTFvsQGiqIWWGjcScHF2C9i8eYWG/Drfld4+oCa35uJ
H3+IBTYW+gQnhA9WA+o1PgorMebBXTmEA3u/4iDH8a0FwxsBskH/AESY+AMsLo5J9pwBxKA4
SNtPJ7nzYCoXlY+Sb+jXDGMlpnPmNriaBUXCqSohKMC3AHzAGHmLsbmdX/Yl6P8Am4FlCJBR
2Bv1EdC5RVgkOC3UX44cNDQ9ojwLiCLI5QAAEtfEanVXCn2Wcw0NGsDRVcVquKgtKRaow+Ky
zBDdORoXMtyrCVqJiTAdumn4X8TGIcYKUp9wlGsMpwWh1e42N6ZgkCbVeGzL0QoQp6FSmufU
rY+yt6N2iGrcxUBuC6OnpzHs8EaWn/kjbgfMW6B7rnwe5S4AIBVE1sH/AAKG9xGXUbFEHMWj
MU3eJecago3BhdxVniK7rcL9oRsg7cRbMfJC8Qt5uUC1o3Qov0TidoAeYBAwWgaJjeLzW9/C
4oivhFmr6mabp3Ypr2QR8pbLsPcuPuELF9BHzMZxTnGvkCfNyzkWdVWeagxdzYC6F8W/cSnR
4xW35iStU1itv5VjEagaE2+2EESipXqmagQ1olECSkcxtYergNootgvmWNaa62GvwS3F1u7G
a9y9Ce43CNFxPPCG6lF+iFjjdx2vLK2bdvJe/heYiHiLQBkCcrywNkh8na8sEyPRyDYeosEJ
FCba1KFDqi3DfdkBKEPQaDxLkdpbYIdrMCNrKjovXxAmWnUVPAhsabL+YBWQSviLGqlCuyFt
vwg17ELhgXD0PJ3GuC1wdjNCdLTxV1AKgC4GiNJyIqza9vmUIZcO1tfueOYtNPEXMsjRjuZJ
eSW2wGoeIzFYlGGMOoXZygJSmY0KTMKOcBB6lGXmAaOZYcktpCHlmTEveb+YVSiUYZGo4Yfm
VWGM4CyFgMRaLWY4t1EF18MAUqoMWFXMQr6JTR+IhqWxcIwajk5mBiqj69RNjUcmrviF9L1L
QYtLuOwYIt6zEoPeEYxkRf7Ji/BgFijjcCU7icC/McOYVcagrFQbhGxzGbosiApx3OAxxFbj
NjALePExKSswWZMcRA/qU8QxzX3Ck3iFXqmMcjHkEarMyUmIicmA/hiY2LAbK43KUG05gimB
mTS5YiX4YT5jMNzR/EsUNeuIxwQtDMeBt7lBZucC6jGlrOJQt1dR5S1EZcRBhx1EEuq6ihlq
IyTELFmpguuZTJ/7OIsgqH8Tm9eowI2wmVEa1fP1KmXvjUdHDJ4xRnqEslMchflpy5q4Ilqp
Q6qTRlxjXi6j5+SxV1Z8r8IQzFxtRXzMOAEQ4+yUK5lDEHHVTkCMoNVECYl5012yl8TYF8kG
gOuZq3EXcXC3F2e6gNME6glazlnaLjXY62QKqvmAOVhzMQMxKVyc+IbM0G2Wv0zIB7l1A2MS
sqDmWtOPM78nMCN7OGGi6j9wxwcoJRyREpApZ9ENcgkRNPMbFG9cR1t3wQ7wFxh4jh1nVQTd
y8dSwsMGzuLiUPpgdcwvq77riHtd81FoKz1EWAgB83DMKtiSh9kBfUAYbYGR8QK4EELh36sL
PmFKiK1KZ4LrJuVdXAxOMmWeppMTIoNn4Lea6i7OQA/5XfqoiJqCWuOLYV1T5gTmzhhxfAfm
FYdwNcREf5lbPh3GLrfmU3EiANSxfLoghcAVp4iu89Qst5WNWGGXqDuWsGYRIaLNVK0mC37g
ClNysuLc41XcdAKeu4FaDMBCsvbCnRk4jF1iHUr5luFrxGseHHUVwMVxSrKNrBlWDffiPaKS
BNWLrlhcGGBKD8QBTmUwaIOc5HTLdrELXCn8QR1ecXEUq7/MeJiHy0qMCWDzMImY1MwI5UH5
mZQLfuMYJ4h4lGxC4T+HzxHw9v0moV8qjAC4WKfCsSrdou8nPpQe4aveiDmNcQDqo3VUDRsv
HUOsp46jG6SI+UTct36iXUx11LB2lOtLBMlCMzebj7FQBbnzLFymFjpLm4hZDJRuK16QIK54
iLnfcLedcQ4Ec2b8xX2hlXUpKGeKgjKN+I4hwYM7Ww+l+GO+3p6hyMiAXTyRmC4utOg5/iZJ
TuW0K5KicBUQiwVTZMFFA4FhTh9YuEHxWPSjO3epfJPsEawOF1ntaxBnWtTiaVqZGigNcOAV
YGVL6giDlLL8/uULaHLfxGWqPMcZbjPBvQxGtV0R04VlCHTjiC8oJRUw+V8J3MIDIYH15gp4
KGfOprxooBKD3bf/ALOByRrRjq4xW6IcGRgWI5eHVwQxqqWZ9dQu+BhiPJ8Q2vXAZY3hcNFQ
xqoJRc17rleblnZvWIuZnZat4PlqNAAoAqru1KPnqYLOqFOzVV9RpRN2zoCsK8vAzGWSuVoD
wjXw+JuKMMOT3/1RerJ0Yu6r/sxBSkNp751/5FAYdjKv/eIEtXglnm9ykkDbPHcypqNSrMIX
jM5ADxBLC4/cF2g7hRzcAjYJLF1mU4TUE5q4EobZdrRjBbVVBBQ+CJsoW9ThBcFdBvmAC8xo
Qy9okyK68zFTb3EHOXBrA/SzLqhpSouiZ2opdDo6IGJ0HIt+WMMHLvcAjRkMbtqONvloF1Ye
XPzBhNJOGseo/N9wrIw1E1AQzMwa79wNospb7H4Ik5KWVVVXmNwSlC0Mcd/UuahaBvo8P9zC
yYmMbIurDKbinjzMFrFw4Q0XT2/gl8NmC0VcXmu8y+pMSIvs4KWVF41fdKYwwpNAHGifDcW2
rP4lRpdvPEIFm4QmQxMLRXEfX9dwRw79+40aya0Jtz8zwk15ljDWhxWDZ8L/AIldQSK57x1y
YleZKby3s8vjRASz64FP3gzFYD7QXIpAoNXs88/Ec4dqXJduTPU4oL8flcsvKQFfIX8kvSNd
Sga0a9EA7AYikYymr/UyinL2JcVW5Q/Er9o40VvEdsNeyrllbADAS4whujv8TSOYcH0cynCS
vqoYXd3LBQzCsNHLAXRBApuKdjk6lNuiC4SjidYzauS/qGPIo1d4QF8xArvwTWvlCuqiuH+L
GKP4Be5nEYCzbP1OHyQbQqgY3D8M+6j26RotvrqVWiuSUE48SwISmxIFHvHzMLLiF577Lyai
jFvOLyNvEsEO1eM0/NnzFQPUpQJfPiVbVk6jbx8RhNtwzqIMhv8A8/MQYvO2V69F67gwQU7m
bHiCq6hx5X58TcYNLkC/2faIqnfBFTZuNS+YCyNQo6PiKBlyANvQ0YlogHHmkGQ4JkgAo8Bz
BRZKDQzOWbdHmo0UFyd8cK/iWJm2+M3M3deuGYFhn7SnzJq80XNXo99ROqFdmUxAsJWBIWba

zTfOfSflj4AlLGPX1DAGsFt476mQAFvgA/UvKWeJSNdzPmFJWeu5bb556il/Eqa+UxXt6JVo
wS8WJXxCA7Yth6IG60vMtxU/uAbubL0GLXkMlQIEdLWsdTtxHcpKg1cmGHsiNf8AfcIaK6W0
EeALfVWJ2ylCnL8Poj0GoEqm/RRawh3fDPMeVt+Y5S7eYmQz2dRV1ZjzF58EDvj8ypMDDODT
7T6lOuNIyPnQ/MbQ1Cl4PJ9QDoh2rFI/iav7dtEshm7J3LQm8gy/eA3BQ1jUXzxZwLU/PD5g
MKbNcKPyh8w3R5Wsd/gLlAgpCgYQzfcIkfrveDy8vuKLyQC6vo7j3d2R1AMsy1V56jx6BnSY
gHFsY1V41LIsG8TM2UHorn20fMVTySAIUJ+iGc/QMrpKqFeBQ21mZ2Y2QYpb475S81cRcG92
HxZDGi69OIKoAKgBSKc1dUNwYSxQE08W0Re1uvqD1tzYtrFTKY5lgBlJkycy9TLzEuQeeCWo
OjEKBM27igYhkc1XMb8Eoi8wOAz3HQYedwOIOYABtNwWgadxxZJEw4mi53cKWcN9staYYLql
AU1VieD7Ao4z+8RGxzC7YNlnbqqbY5zclhA4v2n4ZfLMTZ535fgO5mjTwQCvD+41i4rEsFq1
FehcGidj8pBjWEsltofSLspFtgr/AJ3K6hbbgCzCL+O5SHbGuNsYEraNla/CQYtqs1KmxR9Q
AMrv3OGvtnB+Uj8Q4l2c+7qpeHel4D+z6QCqo9a211dks5FKXsHn/wB4goL2MClJ+jiCBY28
Jcy3VnctIrIoMlZbrFmM3jiLLa7SVas4x9xlDR3LXMVrsuAGRCsOmPLdfEMIKa5OWcXn4IKi
sAVOrRpuEGO84zV9yrVQvxBJVSa2btOx5cxnin/tyt4QMi2Xf+oxtVjNwLETdu/PuDfKjixy
8dS82omEZr3nbweYmKgNVLmWvBzDZa6I2FVvjiMKIDxLBS9DmYQLOGPWg6iAjxxFCqmAwvqB
ct8RVK2Vm+JbK+XiYTzzMRwrLPB+oxrt5YAmY8QysngguFTGGX4lcsQHaw90j55gBmHcCXJX
lHq0BaoBjiAgqstv9zZLcM2n9Mn1AbCnUajDzD0nSBibBiZwdonL6xUvJUS1YWP5QQi7g7cv
4gERtQo3XPnr1GFS10cAJnNXfEFbAR3apzy0PqXocJ1K5u9IqOMvEQ0LI60PtI6o27m3+g+4
qtM332vQh8RqBXFyT8n8IElTewwrxv8AEVQ0OdZ/vGplaIQ5DZfwn1BFdu45nDLl1OKzxW/+
YACCRW2nPfj9SwusNL3iS4syvLiUnwaSmqcH/dQ0brc0H0U+ViFWigmMWLH7joMLW+eGJpUo
L4gt4s0c4YoQ5S+IBqKC4CisHi6jSySZhERRCkaRBmnFOcMrqBZRoDYveNMDBygA8YMV61DF4
y0ZH5iG4csG2UjUOKrcGuDpfMGDDPfMxwPXlmLX6QQBM1VRUhWVfJYrgRcCdaB9w2xt/Eomf
C+4CzgN3GpxXAQUIoqN2lDYc+ZWF9PMO8CEUWxyxsS99IdchKs14hHcbdI+c+MwavOmo+dxc
K9I0glt9VKnpXJTydxipCGSacdm/iIMAr8kUZBYOyFoiLhlondsNY4AZpqPq36JS5D5AWj8T
Q6J2dRUcwWqcK+qjJBVFrW2vh/7MDTjV4Nx8ZfiEwc3a9zd8HiazbeOko8wMYTeWrvvqMlQH
dcAxuuIoQisY0B8wSGzhQj/VnzNmBKylauzp/EIUARSzNLX2nxxHCcRWf9BfqOl/xuIhxCC9
rXFBaKvsMXKCtSygcejxDTFLlOGmJbUMTwott8H8znVAYOH5we4bM1ErikLgCLSlYPPT1mWJ
LlcmdwS2p1muCXFgG30ymA4NvB8wSAV5pDHmFhGqdNjAg7kbU+myj5GMn9yOhA8IteuKOLr8
4jtottYdE+H9xKDa3mpY0TjMsUpfWopQnXNrjGmII1xXMdO3uAyHDZ3MK9sMA6/MChX0kW0y
hmFIWsL4VmV9TFEw8+IQbE7iAZVcdQcnrXSO8A5iPkLxHqUrb1DawKu2tQA5JXJbeeeIj2Ub
pNQ+0so1mqP7PiZYTaN3/VVBhSS7WKug70Y8yzilalLwWvH6iJuq7ezDc6dnfmWzVKDu4GSm
LNFB/wA4iHrQattQLrTfJ1GEZtsIKuKLS0BKUfhghdk2ML47qG/FPHgY/IZwDwg5cHqMxYVD
eC6dA2Hz4hshbKAdImfxEmiVSlnm4LFSmgJd8XB4ogpX7KPxBAlKuwqoMcjFaAEjbWmvj3Bx
C7sH7niq76mL40LTI668V8xRKxTDHBTnuEhKYOAH1xBvdQbou0Zukx8zA4lrsavzb6IQFuln
SYMOTYRE697lWAKtqnesQAWGV5goQaxY8o72N9F6dhE9wWtVFXojYXVUGKM+4JPGIUF7xdzN
QbBTALZ+mN4UkDhtVvyEsQH/AFMIClVjcBsTRicSkY1LO4gFLLasLwyOKY0SLOOoUpT/ABG1
njhlTlrGoji7u5jYuDMMAN9R8OHiVCNONxEMeMzSPZzHaNG5QpLSKtbRrwal+KUAvDSVkbuU
NIb1+4toDW6h0ZZvoFPzLLbkpp6+OoS4IIKb+WOPmLgBlrUedYz/ADLUTeo9bM8dwQWKDSsF
9mZcETkC8tPunxPwblAP4jBbZvFbgaGrplh/NS9hYNVq+O8s+4ugz2FcGON3S/MIbY3Cz/aP
3BlDeLIjiIc2HfxVwWS+xMgo12v4h8mRiMW2s2fhFXKYaIMfcdn59UCiXg6fmA6hyGa8DPiv
mNqMSnVTfigN5w/i/mGQ7jO5CuH34gGQtgABMU958kSgq2vkDrRTiW15MWW2r3RaviCmKTgK
CNpK4ZrhGtMNbFiu69a+4JY6LcXyf7hxi1jEpCDeUwPtzKmtfINuDPOT8yjEGObIWwqsxx0i
lpC7Y8C9dcuCz6gqpZCUkd/MZ+KoXkEt/BMFSkvMqG94ucwPIlV7NwdNEn3EDS0WRyHZl6d1
3KFLWnHiWCqHyk2xSuIwVDaKgGWAg0JKi5fpK35jWpmHXMtLcXQy631DORW04lTgDrmDpQ
vwjEloJKa4/9gao08xjn/Jms0Fr/dn5hUYGxhfNXx3BKp4YCpl+2dl0VWHvvcJvCNGYroQW
AzMH8xZotR9ERE4uCbOR+ITfCh01rOEfjZQ7V2Q7XZ0yXgKD4h7Ql/vqGyrk0/qUSr1q
SiyyEXg80MCzBomtzZ3ZgImWcqZfLbBBMm6g2hZ3xEJBuV9T+YIKytTHQ7dRFC2yrk0/qUS6r
aNOP+O4UnzBSMxHDGaeqlP1cJYbcOb6jD16166PiAGaFj2LfwUfLLG3eekJF0Fro3jzBYAgD
8vjFbjSg8mxlhxasoNwaz1SH5RDeAB2x7fOeZ6Kt6Fh4uAHYO6LFQd3dTPRZ9rHQfvHiImuj
iqDp4r6lCch9EfSviXFotJu5ZnQ5gluqrC5gakDRDRpEblDBOyNBEvirm43uPNMpWK2QQADTZuBJtwW2
jgPZD1HzQwlzYz2AfyROApQsp/IfIxUBjOqs2PG4QlqslXXG98RaPqNAD6Gk+SBrgs6qXil
zm1U6awhNldTyP6QLsRcPUQUFPIhlW2UuPPoqi6ynh8TOLBVtD+3+y+uYNCxZsCn1YRe8Yr0ly
okF6VdNVRREjwQ80v7EdZQpxfMU6FeUyzT3BFMmxZgsj3b5RHk41xUhGp0AstOMdwNJcvCg
sa/PxDNeVnmYFCIEBizS+mPWtAQUG696o+8AeVGg+WXyKRHPlfaxjwRZ8RjgAiq7v8ARAbB
FHIKxXOfqWqGzbF76gwAdWaEoqfVbXkT+YjEIXlHxzdxw4NDp3fF9RfLj2B1ZDURcgKR+os
GSParaXwTSANGUP5bZekb1jFug/N9xhSt4b5jSH1vfuVBXsWo14XFXKSNOPJLGhM4uGcBtvc

xnddrLFQDqZnGOMRQKsbbilZRBTw/UVUUU9/mK6u+0sEJrJwygZbgr1CBNbTxAyBjOOodot7
vj3BeJapSCMyvg9golntP1Ax+dxNIYCl71vzExQiz9jOVlLXUXEr7z9zTk6MnVRZH3XyDGJj
DbbFeeYh6I92dAF2X49EqCyPP2FVn1o/KgrvUPvGDcye5YdeZU5BDUZsKmyuI+mBDgji6MFL
Eu0vI8tREjNtFfWJhIYDcu2m/wAcSrYlAAfC4oykNIKwlZKIEXyD2ByQilq5c7gPk4XMZEVY
nVmD5YvNwZ9Wlay5c+ZYBYwlP1FSY5E23hifiXBCDTdalqlL89vRg/7xG/y3/ZKU1Bb2KXus
vsIAgW53DdMeOYIc+mQGGhVHzzAMIQYz0FYlUEN/1oPNOexpcY2/cqwQiir1YUfMINMlq8ms
vmXENGv9UyIjw/0yl0UAXH1DdTw1R8bfBB6RpjYdcXtz6i5bLoJkFSXAXfmiXAA1YNygqtwB
p84i3l1eZUZBwDiDQNuwjcbXrEaB4zALpxcQQA9+ZQ0cKcy6Wgarcz5VNudkAQ0c3CtqaV28
zE0DqHVmt5mgSvB3mUzAbVWkKEArK3CU66NxRNSCbFOnUt7TWLiJeVXEfbW3BqZt5cx422oY
yoZ9OG9PmVAefxDSMK+auYm12JqZmDLvggINpepSPysYEUtZeo5RU3fUx9sllxocuruKKKFt
yhkEd+JSMCEwTXdwix1FAhTzuZSY3XEsDBfMCUkTcHdQGq7ittquZfA1cKQ1p1Gq2iVR/cJb
Bfc1xLz6iS9qOLmAmirCIh04zHEHNB3DsXSzpjywKbCwIIoXxf7l6ZcXWD3HcV8XeHzHu9fM
C2/wRQQQq+VSjdMwrsxNBCaCGBdtiM8OV4I14VtfLBL3uIKKvWYEwS/OGP0y97hdDRcJFWRe
sy1YK5jXpMaVliMm8wiqHJEuUhMl9yikXg4lFA+iy31Y03ABrR3M5fowWAXaYHcFLO+ztluA
rolzLGAnPJ9Qw2tv+ZRfAi7qMvLlZ3CbKba1VSwDKlU6iPi71fERmSsq6mUrJnm4yXCQK87A
x7IdOdN531UzRlnxKA2cZxANZtlNTEW+b3E2N3EbQtMkPRmLo3tVCH3UswPNr9ywwXasYod5
bhTgc6gVC+9GaVWa7gBRo2hzBqhEeLj3LochNqBahs0Caq25TRE0hM4SPzHeXqLcNPnUobZ7
CDAL0VMNnDfMVCG3nSPKF5zTni+2PYsF7gIrG9MBTDNYQ7Vr1HU5Vu2XCrYlyuhq81ENl2+o
UHVYDiCwDk+YJqry5IutpoBwvmMIHQOq6lXC8sHbmmzPUR+5WqWePErJgZbWzxzHABloE1R5
4z+4IodiV29Xo4AjCwy7rED8KzyMnIXVNc08sp1Tqtws8cdYhBDlUN68+CPMYRuys04Atz1q
AxiHKOVe1zLiRDkl5FqDzAtaZv53iUuAco6pcQVcKIidhuV9KRarK/KN/BCoGHY8wLkGSPcO
oAXKmWBgrvcdwfa2jf5fEJUYhXWd6eKYsbdhoXuw9y5FxFLL73VeIpJY0CebyauP2UV0hgHx
BouWDqEgKXEPqFtkz8eJgbW0CvZuX/ta7aOdC4mitvNW3OYm1RwQbxin1Fsyni1osgBuB2MH
EBJqlFEBtf4+YZqkVRveGh1uNHjavr1/qLIiZ+ohcIDuGEjFizUpgYdTxPnPE5A904Nrh3E0
rti+6ZAQNFJji5crqy2DHvdwY2CtsWsHn/ty0IV0jFPUAC0cV4SqxuzqZnqvwrqAe2UpgSti
gMNHGOSDArK9CK5/cpb6gckn+pfIvB0BVuK1OiUL5OH/ALEbAHCoyIG2+YSrlGomxpixau45
UDeXLENgN8BEgAjs7mNUtluP7VoPhv8AcJBGQtL/ALUTK1bqi1XrEGli91jAE0K2eYBnbbNq
FdRGuU5K84gdN2wWOD+Jk4lpwOhoI4Ar+/f9PoO5UAcgx4AmeJnGVolAtZKXi5VfXAsnkVaV
dZ6rMsZEBvYWFNd6j4xYKw9j6WMzw63LWUFAdERmvPh/3A+fDbnJfthDzHMVkBfrzZg7i9E1
3A77MA0rFrPDK+wqA74ul9/0lJbFuPkTR7CciYqvDf8AZB4hTh1B5FcPoIQuW2Wg6OoSwIiL
vb15312sFTdleVMHzHBVF1a/CwnTeW0PkC/AxQot0UOTJ8xs5PO9RxXNVFBqZENlVXOhhQ0w
gCx4q0iuqzdDXpJbjSOLevlT8jFe1ByTMYZXfDW3cEKE4e4Kuz1a0t3XyyqRULQXq9huZoC
OAEttTuWL4sGuC+jGRSy6FiemLmC9kpdTSD1n+JhazBxm9/H5m1xzC7U6+YcB+O49txhjNgr
HyQLwb+QMYcRBCsEQJRDxk+oDxrUVuxrx+YlgJCTry7TH3KYAbsiPVwuBVAHNkGFg2xK2Mq4
NRQKFwrApTk6gDhrYm46i0qGWvsdwWpNLDkx+E6+JfrwrJduO4wS62ipCtMvUYwocKq+okFU
Lxhz+vliIk8ZDlff8MDixnq3Lt1+eIIEGpiArFSuYVozbEHfx8wJ17nLzP49dyx1KHHwRbqZ
cGJf3nqOtby4AYdPmL3SJ3mX02X8wEjnUa9oK7qupeYYvabsHGiH/CLYHk7rX3LRuHg2HoFL
8dwABQAGARegCKUSkquGKWQRMxuw436mcWMWhK3YOBFd/r7hVALXH2F8HzA7fWzn4C4TVcvy
k5WLwFJymwuIcyQAj8D9RUAp2RbOacZiKZgtmsfaj7gACs6Hr58zNJY6z0W/ZvqWQijgdrzk
Q9x7cC9PMt2cGwzMTbLhltFTYNOA19x0JWE7275iOPlctxkU1fncC2icgPsEQqCCF6IY4sXP
VopSmSOXVxhlhz0FMC8TCUhhgP8AzSyhrAQ+5UTpyK4HY9x7guYu5/MPRtRTwWsPMVZJOnPB
PtLuBgc1vOFlOiA9RSqWNodQhTJ3FG4mxvcWvKFsCVbyr1GApRWDnGb+JSiGpIICrad/rMUv
doBbzzzBePADc6jgF5iPKsqgXn0bhsmLQLbgd3f8y5BwFVeD0UQ1gK83noPWn28x3fGl1A03
LCrnNqJjLB+UhMChl0rX00n1CIhRZBmnwPqCDAWAtJhWzDi+oyD0LrQ3b6/649/UnTTwdY+0
StM5/cS7DM0thlMegh0KBCKClHVrL8i9o5fywCqX2vK8gh8TMNBQpp9ywHB5plf9RyGaxRlT
Zd5uKzM4voNRrLtrCvQdwcoAENCf2WM5ZJeiNRVF3KkDYvF4ajWiIeqt8BuNQqNYEDn6anni
Gqp1pjZf2/iBakK4DajwyfMyYKkg7V3+ZXE1HDYI/YRgF5rwlkd04XRBNx4jzLqPPpRUZmtS
7oLsjkTchnnlLSAWHOZhmyY7IRK3Gdy8MFhztEFUWChc2481B7FlFBLqjx+ZsAMQbZZgooXj
CYlGbvYv1SvbCBJyzLyu2zxDCkqRabByZjp7mtwEuVz/ALKGZcjpTVzTYl3ErJ4+IgrP5jwP
13CU5DdHR5SVVkb5ZXGQaLS8cQttAcBd51zrLcbC1OjO+T+4E1X3ys665dQrFTUUDk4fu5nI
AYvGPq9f1BtFITHd8K+ajZCmnUAdMcIYSIBHK6GyWKaBQaa0/KPxGUZn7CJvfAO+ZnVULy5J
8YfER7hbRsTvoZTmg6lBmz1f4lbQFCl0FuOEqHQupciNQqRT+CUiA4LKmF77zAurAv21dSrC
ksaA1GwujQ6liu0bxxB4EbC7jamAvtCcaUaxQp/Ep7YyjILbC3eJWMWqbttlhZHPMDsX0hBe
DE3gI9bIKwKKUcSwGVmpXNQHqyufMMlEjOW/2SvizGNIKeMxULwUMDn4gdFZeyC+UZznC+Mn
4Q+Je6A8laISw1yRWjIrRlKG4cqFZdhX9wzbalpVR/iGRKvWD6xmM60JlqbUe8Ziah+aUM5K
/OUJ6wIb6xTccKBLdGlz07iy11d49xAsML6QU2AjtCz8kSFgYVsWVXEr3D09WeZQLd0sJdqr

79hlYMRa9wtAfMDIrc+4pw3uKhXsP1MCS3FdkCoWOjzcBWYrPRlTXGIEQU808pmr89QQqQBV
Zcdwu1YqnMwkrsNOX/u4Kem0Jx4vwb+IG55GaXKvBl+IhvB9rlHa5mWwtvyykBC7f3CVei3U
fEhIscm3XH1Acxw21uDPBfqEoFBxUCy1YwGlZ3s/MLaloWXGLDzaPRFil0Qyzg+Eh44pelMn
xkjTBRKC2VnI3B3Ol7u2uUKi1dXDd4RKlWr3KIspMLWyWpAG02xRu22TAgnS/EXBwPNh/qIe
IObOgdHUfbrKRKo8xE4sqpqC8EXkr9TLRhiAoCPZKZqAvPUuyBzTKfC0wzl+qiru0Xg/thxq
+pMfmprpaC0S5EqAqZXSwIgJF2rP4/CNSCnX9Q9mzpxAWLI8MHMKtwArgrXX+oXY7bCGJ4QQ
X8mcTNQ0nmVQC1YJlUAl1lFCmypQXm+zq4ELSeuBtXUDMIOVn6m2o8C+EE0/AC1zS5BVK2ec
VAdd4RQF+8sCKjgBy9TiOV9B/EcMtzjolvRtzElOBb8xlDcYfyzBo5IVDe9VB5ILxfEOw0uW
oodt4APQJfMKkArppV/qBGVxto55hOoLf6N809wvXDeSdvwS2PmyVlwPMHmBZzn8QO0Ol9tX
UNc6WzFlByegf6mVpoME3Zx13CED0XQTdnNY+Y0hO0BwZ231Ga+YKOFN58MsAMKBrjF7pGBn
VbDjWh/qKHJ2b2fuELCg5af6IRMChzdg6xybzCXUlIXeR35zxMGTB8kKKQ6e/MbpabD+JZsU
YevMeqSVfEHmqVNHJnszBEer20Xx3BTxapSseZgzYlsywIV1VEQyV3g8dw8g7TccYc4O5SaA
Gs6lM0jNm8DNcFQFnAonLhkc1kdEG3g6jEPRdRWvdl5s+fiCi+wuQfTBJwdQrIIX0lGNHMuy
VHoyZJd5jELEXh8yzVDACfMNVcXpbLvZnzK6848IL5NzztFaphERZVcyz6VmBl/4l1ioRLv+
IMuPs4TExFKd6V+YLi2JWJq+Kx7liBrhQ9tcXE9osTGWHzT4uPu0eDcqpFbzRzLISpWljCAo
q91DRXRDco9MUNqvmXAvnMTQvXamj7jag0yDd6wobF+ahLRJxOe1hsc2ig0UYev3FQNQgz1X
T3zBXYBUVeMz55hg0nzdQgQui3piGghWTfcqjoMBf3K43C6+/wDQxmxdbu8+W/3AY+hre/Ix
RvI1bBvj5QZuQyDaxXGsRiArXyu8H9QW4HEKeWOOX5iVQoKKcgo9O+5Rppi93SH4YK5gXHy0
dwyAzKeTx/qaAFHkyP1M2F4Dm/UoGVGbIlMU9j4hgpeNEK4mLdv/AIRBZzReASsX8ZlQQFTY
rErBTvGT6+0rwvBbiZcByLuIGCtjTGAWnWJTkDHvA/LAGHelCjDot/EYCJdu7fwQMtu+GXoC
y1i8j5RfqNLaL0Vh5IewCnnJGYoR9j+QYGNLWYRJAEGErXuEIikZdSpcXs4uLaDV7sqUC8jS
ZLlQWo6vFRXpezODKFcTnTYvNPEM60La2Gq9H5nYKXXMoo1s+EEbtzPCmH7fqGxB0P1/UouU
G1PEc3WNb4Dxl+XmKwHGcyic3DqEDN85jXO1srqApAVfBFRTYHXmBFxi+HdcxqKt21zCswae
DWGuZldjRORHD0u/MwSWFRV5trFQaFRBV0Fr8BCkEICbbbgZBO8VR5cPN73Lsjql7bz4iVhC
kcv3Tj5mIDlEoalRzfEvBXZtTaofj9oegoRm051zakTHWooMtpy2xsjKKzj6gBcYGX8QHlLW
gakD4lbOAaGIGq16lOlU0MWf+QtAPcrOPZZ8wTmgQuuYoIywqy9n/eIE8q7HnTjB+PMAyZMH
jqOf2ZpolUJNhcClJgv26uGjzBWPUuLDciNr5EiGCzLtnj4f3BAvUqKjus5qr+JajmMG76ZX
YqsRC9lsdHm4Sr0NZ0HiXykavNBv8/iMiYS7tP8AcDsurVBR+oIMVr9KY0YbW6MP4X6gK0vo
q8VuKBRMh4P/ACOTIh2Dr7X3KwFwwlBbLxjBHLALEu8n5nCG390ZV4yVcACzOTuUY0cobO5W
BCBXOUMqLQyg1qojPLLAV+1QUpQtB1UO2oAlY5rf8xlv832vht+fqG0bdnF5By+oGMTDpfBw
/PbHBybYInZdzqaJ2Silh4SCgmatpe/ErahFD1DRK2lYYV0jiPYoHTTccS5WwL0dyjWAGIpl
L6xcVyqDLImhuvMo0OGtjh9RsOCA/wDcsipaXQAUpr9/EcyoiZFZW05v9S2s7w2atXT2V1Eq
HZ5HGZeUo4KwTHULCxjnFoYiKBI1rR/xzAVnHgPmNQtXBqo/zpvenuHQu7p2A47PwhQSMji8
GDXD8xLIBby7yfJ4uWYstya1+ElkY6TS/DXHhJYhMCur3j+0VraKBugNdNZigoUAWZ28Mzxj
iw/MdnZFSw8EfBDt0rPG5sZKShFH0BTvfUQaMD9p8Hfh8QHwq0c7uyKHNMXbwRPk+JRniw33
PXj6gNSMAp8bmC2tq1c5nZjRdZff6ZWIRXZfK1zWd+I1kbHzVFgaxsH7YZwR3wSZlSB4Ep/c
qblBDAaTV8QJvilqFUK4a4T5UPuCFG3uUHnnh/MAkCA6qJ0ocMOD/ERQeC0xMQ/Yc4yBUqjo
gG6z+I0FsATnClZ4CtF2S5ifcqbP7mkBl2nQTGWnZCDLwtN6lebqjhUyJpbuZmnRDKeZuyv7
iK2tcviaEeJQAIYvUYjQM/qYoq9jMSzYdcLGq4Ua8QVmlkBIDXoOjnGcfMN4QKPuzcdZZua/
5xCW3ZZyypPsv1ABUildf3Na0omwyDvfH9zHdhFMNe66t0TIii88r6K+I1AvQyqcS8yhIabp
Vwoc9/MDCmA33V+JWEhGE1e+/i5TUpsfxLEz2O8DNHtI24lEgBmmsL6xg5gqlrjG+x15JYMP
OxA3WnnP4nL3fUI6T86nQ1l8Tp7Nn0xwzFbqe1uLimWswB8Wq/mC9STwOLvG2XGawE3PVncU
l1CqjsDde6jFiwfOJ+fymFx6QEHJHAnSWnSc9HjntEEThCz2I09gopb+zPxUwHRihvdLCLsU
swcg43EIEc+ivgt+kNMgw3SsUeLiL4pe8r+CFbZyhg5cLlKoG8nU48AuMn8DBNjhvm+2c8XD
kDf7Iol/MRcIHjuRvXuPCTYUK8+ZitSQhXlXD+4arC3en5ioYGzv+Z2wDAVy8qEayg2DjKYm
WchMGV9y92GKbe0QqoE459zXVRq3dJpC6XiotMWN8JFmeVnqU4pvceVsfuAKp4OZThVrxLfo
ZXA6jMGwWOUa6Eqg499RlAc8HMQVQY9zN6MpKahRYhoNOhpvAcPqDFU7dts6lzqrdfzy8WZe
xfYRJ7F2yI1WfMo2ExWrqyFqa4b5pvmr6lgx2JWWn4a/MFUNhpPwfFS4KvZYLcWWAFJV9rlQ
vScX1FTVqaadQYRtL+oykAlibr+io54B7VCKIVih6g5eBY2d1ACAUPsozUcjtjd+fD53HgPU
Ho5+x9wRQmwF9Xf4in07wH7hI5uD+BX8RMIZNa/+upVvoCqDyzJAHSCpEbUF/iLqTKEt9a+E
9R0cKQH5K/iEx4FgJ9jUJP8AnCLP4gXeZcLGjG1X5ipoAtGjo4kyyAQp7PvNuztNXMwcx2gK
qGCXYnVy1IbKzf3EB3eUk8wKIqRshZZzacv2VbEZlqxQeOEQHsdyMhqDbDEHApRqQRbzARFd
uvzB6J/IgyhSjbL/ADiLkUlWnSJZpJWIGrvCFYcguYZoW/SCk8tRSthcTKBhhYuKWdT2MRov
yzEEFHTUJdNBm+o8YaXgaPELm1y9gFZbr2hIGC7Pegj2YEEB2/cr4lrTglOL4IJBy7g60GmK
4B7w/MKoKkGx8keHm2tOMKohjzrzLbkgLy3afmGNHsyjT8lPu4mYhsHLGBQbaTMOziOGm+Aw
hCheNA/7Me6iZo1KYtK98w6QCljqPBonyirGRTm8SlAZu7hFkVWmL4g5atiqitSw3kqJUB0U

ZmAqUOS5QDmzfMwio5kW+718wmGhWzzLxbf8wotUMM/iCDDzOua8SxSR9xSEhV5lL1bXuFQ1
n5VExsGXiNeHqV7v2QiYhqm78xM8CD6im2eHqbJBcuZlK1muXuBSKFldwQ7brTER1X3UdgVf
nYaSXdXV0eZmO6FhluLqMZbIjXg/iSnKilsE2Xgmmq3LXDMjdqb43crDFkpmWwzhoNdL35gq
goYAXBLCm8TNZHNjVeYJ1WC6bJo9kiIUe0crSuROT6gQJBnLluV2Ko7qr8csZcDRoIxCJeWV
ofF/ISgDKFpQvePiVpgt6V/Mc0c2hoq9/wDdQBjFVoTdt938o7BchOCwIKOxmzxBKqZ8QTQL
sXPx1Epc8OopSjsWr+Y62Xm815mTZ20RqFoOk1E8CNOT8kIKTOl2PUYKLSum5na24TSeIW6s
NeWWlEd8vhmxtLXUdWbTqduGAQszxf8A7AN7OndyhygoUsITGjl8TgN7xzCAIMDAOycYLiQ/
JC2XAgxaRjFXBuS6mYcBdsPUVaFtqo5i0AVj4TIG4U6OZmmWV99TNNy4cSpWlYtzCjapHxEZ
dwAMSnF1OYBAChMXeFTRZC7T6g3jKmlnEx8zrqB0yX1jTFK0l6Df2QyW8nEcpu2OyYCY4qAD
sc3AViPFy4HZcQRg0wrZGg9gZ/4jRBN5bzKShxlM3AtjK8gFoMnVTR6VWaHa9/mXsthbFecx
NmoOCLZ+mAuRyO4ScUq28MfEB49t/H9JEzw5aSXIZbsVnFFfzGJDNXXbxAWMrzXP4dzBKKwo
L5TH9Nau5fzdnJnibgDWX5jAEIcvNe5YpBoziq5hoO2sXn9Rl5GiFsPfctWGdavuUawBxmWg
EfLNSnDIAdzXzmLLLh3Kq6G2VIttZYnFiiinRAkdcDUJYe5uNlgnX6mQKqq7xGwpxDaK8VWZ
VURvlZfmEtDTXmAEgOWmY9W15dS7DL6BlwKXa7u5sPmHcQjUlXWTxHCU9578RsK9TFMdnkjz
uVRNFtuChLrvc7iu0mLNVTjmWS6oqQxByr/gsGsS2tpeoBfzItA2ZY2CEYazHuEwP+WoHJIZ
UlkVe1ufiLirTxAkVFUy0e+O4tWA9yzNXM3vE4HqLlDeJ3LaUbFLhcdLcOIyGFiqy9T4CyKA
OGP+Ise03Q4EE3Ejpv6QBFrizRySZ9xekOhTjz1MoFnV4E4f7m0gxYA8t36uIoA9f0Qg2rdB
+9ypkRr2TJXiIQBLFAh0ijaGcbuN5A3TfIvfkgCeVQ5fRuaqotZl/uZWFcU3mCtdBSmZY2pp
8pxcrxtLc/8AGXMhydeExwsvqXISPro7YVkIqqF9ZhsERKuK8QdhBWIZLfI6OoMlFx2mhDYf
1AsU0Il2zOjboi7csIWyd6cwgKm2YAFGmj6iP5NFvNwPT5mcINrghwttUeXdwq2A23zBEQYO
Hp8x2q97hIiSt3Z3MocK8JiTLSaZcHg8bXxHic+eYhzFyNEY9zle5rCuSm8hauIG7rURdVzw
SUcz5IasbqIzpUGMaPJLhBtq2vibgs46Zni3KjqNBwwU2zlXiYoZruFKz3NII7UwxFBRLTcn
qA1MgVp1cJRSBniXDkMw1yZVXtlQ1MskTToDLwPCuDxGjs0LGj3/ALlA6gKXbuJKQ2puFENM
lQRdWEXny8TSKNLp+Yk0BtdW+PuKmA0lQRTCuHUvmIh05CgtxXEylexYXHow5zuKy3CLXjzF
UVGXTqV1wQUXSwUlBaDjzDzfghRbzEgyVltJRA0N6IBXCk9PMFzFCCceUSuvAv8AcTaAYxq+
YtADdsV/caPgimdgMkC78vUyUo4hgR5jz48ywVW2XZ1GQXNcI5s1Z0RV3Q5ceiYeBuy1IFhY
HqNslur0RqI73vuEVYpkiKbGyH0B8JVGDIvrzM1DGIsp7MblSIqxTzEvKlXr1c2YNcK8MCbw
qUS19pcS2B+pa80CNQgNrllxp3gDUCIwVxz3UOvd/aFbJb7gWKW4rsfiYHnS3CYzkspi/cIt
XCDMh/MpbAMJEvyq661+8QDbN2rgjCGjDACLWzrklXBVxHBxOJAqFy1DbAXAdhxE8w9vwMtV
2fTeagsTBWAPH/spuSIIDzruXfG+ivMVAA4uwPNQJNZZhea3C0K02vF8OZeUXs27zhCXQH8w
rmPcNAaEP+qIDcFXm4hdDZ27OoyAoYB/P/dxkaKsnwS+vEMYA43fqFe1jaR6xwxgVVesHiuo
CMDN5V/EAppLqjNvcfYFs14jImau8eo8QyGoWIyKrSpdSvbnQ4KY3FgAzf5xCo44dHfuXdbV
RCGOFP8A3cGCEopNEHoISFAR1Ok3ZHYtWlHEIKlWoucBbTYSgDgoePUcA8rlooByfzzEFgzL
2QI0KbHqolsODO5dmoYW1gVVl1fEI6SsmjFl6g0TCqeX1AlAXJUYaswPcoJjRSVAQht4EtR0
xcQDcy+Ic0YNY4lITRee4UbXzUH24SqfPNwWACklC+5mweovcsJgwbhwdGBWxruPBEvAROAF
GwP+6iR8kS6mda6UHN/ipm4LLRvneoSNZjjJ4uBA4N2v9ykikgVEH1HykIWMJ169y6YrSN38
8y4GlMna8HuWethK4gky7Bw8a8x1ubns6g5IKBKx/MBor1ZT3uBbSzm1Vi+5QY5bvL7lpCmc
tdwtWQHX2MG8iTVovXyzXCu0MRMegyMQS6ADnJ8dQBnc3Wj+piYZ4OJQFQdrI0sI40ognkeV
XDUoueV8QAixtefvmKoFYKyeHzNOroDx3NaDp6hUS3ADKQSv1zqVVAh5qb+HMBSWLQPMRNxW
GPiYrEN+DmmEKAqpcRQZ4V/uViWpk4qCKVHjEDaxdcsFxXbI8RV45MVBdgV5hEMT3uM1Vrb
xXULCSmmJRY5qKhVHJUup5Wr7gLkKzKbCnUMKNlupwK9oDSNkWtmLL9A2tD4dn3OJimoeq4f
JAYubPfzfJUGWkIygIgE2ybmWBWrv6eYaioyuR4uO7arVimObpqp9cQoQPP6L+YXcPN1AzVW
/N+JesGbEovyxbpAmSvzE5EMrffEV4iUbyv1KaWla0AjGxhh75xHJYkatkNuoBy+ZUFAODHu
WLEKgaLJgQ1tjJAXZSH3D1bWAcHYRZus3TUyzgEP9xotQZDQEpBpvJ5lGd6uHxLZA5g0ouFR
wf3Ei8LpfzGG3ZPEogbLbTEGMpVmIYc3f4jXhsf1NQBtV1LChoWVjs71DDQ2baYxBCWFpr3A
FIFCuotvFgmw6uXW6rniBu/RiXL3GVSLuAsYYY2qdMXVQ08zJOOd4iSNxqjNHZXfcNOjwcxq
oKMy0iYVu5ZlVn5i+4lgdR12iXi4VZi26OIIpcnUOpR2ZwQcgwyDMAqBqAqrMYhNcpRYjDRk
1xCyuiJVltCSDW4FBUzWraCmBNxkauYqE0oYSuyIV1AUEAF07ncG7aVKwcA4Wo41ycJUR2Aq
HUPWFbAEVQry45lyd6gNxgiMEFICMuTGQNXUUyICq1ggWL2syvruqIGQy5ZTLXziD0VDZjxB
NWkD9+i81cxXRdrAzBRLVZuPU24OQGyXwWdRVDq90CRAspYwiCQAEHIiY6ILRaiVhVnA0rK2
QDhoASir+jFVuIAWhJaRNhVjXMw8lKAmBKA5RKUlCJIIFgTa9xXhos2NRlNl8dMHYs149noX
kauXgWhLDYFY4Xz5lxecAyAjh2F4iXWJaStJBKHJBcyq5CzRklBdcygwqpajhG1EoGAgoKC0
ssFFRM2Rqi2q3BFVl5l2biitxwIDAzMnBgQQAwazs9TeKXYFCS6Cm88xIaQVo20u6Ni0zVFt
ToabAKhepdl6A6FmjJrmOL1bCoS7CUriK0LzIKD2FOBa0Qo+uqAYQEzbYXYDIVUu0LrB1xA/
PXDzDwcGmoy9SKVxcBQqvPEErzNobvdBwzESpwDPEC8lWTsIaKCMF42JXVpEWFhHgHNYiVjs
MHIIJutKiSLwYCLNAN2MFAGKHVCmeBuuIjn3Qk0Fl5MssFjY3ZAizktQtUlVQK2SslqOmOZd

8XLPsGrm3dgNBZYC0AbzCINRxsAlS9BWo2TC4wjALEhJomCFWA2O4viLmaQUQJvZRVVuFbkw
nkUqyw0VtjtrhREQV6IB57ieVki4ggCBg5mT1ICcQUqs1hSIpJHlEBszjuCDtdugllpW6g1F
C7KrdrNCMqpacQwG2Hcx2B4RoqW4Ky+FLALpg7n+kV7Lcka2wjdIAReK6rdXcAlK06aLUKqm
WY0opFgZi27Su0wcULt5cOBSqlQpmhiCAAMt1GmHaXTWArXVTFtBCmuBywhEg4XSatMCoITY
QMAwe09gULpqOB6usC7gbNxFVpaOdZFo68RyNF70oUGbbbcWtLJrKxWpXy7lRNkTgESZBjm2
GhJyQWILQhcR2zzUpSCBBVRoV1m5RYdHDGcbjyqJiDGSxEsWRJ4lVqqwqoKrDqDAUowmqsyU
7rE0iuJW0V8BdczErAVzLAzLDi6iC4tjvuTVyNpHvX0ttpotFyrBGhhSIAmgQGx1FxEQGhUX
RByDojIsygiynCMgMRihkVyjYwLrVahQNtVltVKRLA5lDCwjam2m1sJqWy+qm1UJSwDOiV4x
Dwl8oUC1bF2XapYVtbaXlKSlBSiq8QYAJVcwa7UpzlAdQCYFloDvCups45Rd3fACoEsYve8b
jcXhVK1dSqNsVxL0DmEAkY2m2eI3qAUNuFWByF8S20m4KwESXAViUCwEQCKVstrbmmC+RYHJ
QywgVUpCgDVmw3luNjKWpVTexwIiqldBqljdKoIpL1LSJWBggQgUaqhpOsxqCppE2kUNUIKp
cHhgrCGy9ZkVHksFXUqm+6T5kXVwgkERayrZRG+CWpi6Orwp2bbcorpllWya7WhbLWijbCZo
ABXOc7jo0USxVKJpdEQCK0qBxAQUgrqXkYNvmC4CnVYjIVBGgLstKjTWGJGzaDYpHVIq0QIt
IgEBLY0BlgBAAFEDRa1o7i3kAlSoyMttPiGDYYcGV4oXjiZKhXjqFhrI8yjORXioxTf3jxKx
cJiKV14mWIdKtjFChG2vxELqqjerK9xC92T5iiUHz/gFcf8Ay1xGYtADBWpUrF//AJBv/B/9
dmiwD2sTf7xdIwz86jfKTbeLZtqOMYTuHCtLy5hHiG8PiwZfZLpgB0kxKIrTBn4iLJWs33LK
UM6gwscnVagdqg2dzI28BgjgFi3faWOw+pX/AG4npK5XTzUUiaNS8VaYyHP+KRqbAawylIW3
4iWat7mW2LBaqawG8VCYspTFbX+otVJnxLZMEyc2vcWwu4vv/BFZaBW8f444/zxqb/wvHWM
H/6EFLvT7iJEF0x/EKYFW8x9wEoDV0H2IDu5dz9BF4cOgD+2WUxCyEbuwzSg+DEUlq3cEhFN
hzcyACnBMU48kQ3bUYrCWdnCzW4GLzDRgvVr/MpvyGeuZRxjHcbXUqw4MD0yvTFcn1LEt6l2
ArTjzAuB9wwaTeHMxi6mDAe0JspPOIHaFizAzZ7c1MN0UdM93cAyBdpS/qLm/wAS3m2X9f8A
3T1KhbBr7AtfcOi8KQ+zvBcURl5IdP8A8GS7yK68/wD2dguOFdHjzHtZQMhUAIaMkPB/uLlX
zIdhhN5JgawWmBqEOLGEtnjMpVkNWVcCcxNj9EGzHlHyl/8AJaRmWoOtwqT5xKWG/gj2jwDn
4jXNl4eyU5cRArhBdH4ho62y6fM834iCUAGbzmZHxcK5IbuO1Et4iHSMQ6hL1U+fUNKaY5y5
ZjrjFxanPrcMJnQ8EEN5+Yp3ogFOIop84m4qtTTmVll8YlXAwtyqhZ+alH41Ck4QlMY0/QbW
dOoNV+Bipi6SMj9fvMJ6WlYUmM4uPNJPAg4ZXtio0t6j0qp0pFHqNf8A4KtBAPbaLoAxSUFc
EJ6sTfZUGLpNAysLetQty1EX3XL5lLntn8S+9HI21cXHoWGOvDcRXb286/bCtutrQ3Q+My4x
NKPtNzHTe5z7bi1aqvkq7IABVyE4qzpcQjW7q7lkdipVX6dwFLXzAS3R4nqPCxAHh44YZqVf
M0EowLbNbnE+MV3Fe4vuVc/4XLS75lq3/i5e956lvcARwGDqIm4fEqgYbr+YCmfibAor8wVL
FdvEqwKtR1cGqpBAAGbxWeOeGAJf4gI2ZILTcYxsf5Q59StZAIZdOPpfia4YGBf0qoBVHhQ4
LqZwrCWtbV+qgCOBdh6JZiG28OuM6lgMF2MAKinTKsmv8AKDCxRz6dmP/kiElmDa8HzBg3di
LLsvBqcpenBeNBr9SpXaFA6XvggJ/wCdggjJMHqUL0ruWgDH2a/6vmE2ib9mf3LlsAKwtv2w
URSlpzabllS+C3nuYlUVR+SMF2KUeBcOyMVe4BEKm1NEzQLc1s/MzehLxDWlDrBUFMjUvZVL
ncotmsQM71zKlthjdwIw56gSpXTKfH/wsMBRWCU/5CYTuE319wOwDJ6NHxD1TuDa4WYxRuUb
F9wFXVX9TI/qY21R1zBBCNGhQAFBvG7lliSzFTIG7Jd9gQOTqDhicdBO+sp9RwDTqNrt0fS1
C90dThROba9TYwFtZcNvhmXW+cVeNZlSCQNbt/MJvDGp7lJCbVvHlGGUoHnXSy+IlP8AhEAq
6CFU201jG/8AOLaqGzX0H5jtbAuK8jLUbNPERpALrefqJoCzfYxHZFPAEtjbk005IbrFsb7x
KaB8BUPUvJrar/cRAsKbY8YqOc+vCfiMG2QqXi658xUuDYXp6jKjcWo46j6i2r1rEIapRTOL
3BIs2vJXh8w1iABRZXOY9jB+IlJw7mwXiYGoW6Yq8S/dy3X/AMEMFYUaeYcnglQVStVm+OpW
LjbGzrUas5hemoYpO5bv8VLc6fM2bIo5De87itcQXfqWBX5lLtLWUB64NoieovlTgNb5Uu7O
i4jEWuyVm16xA/sWYWyJxTu+ZQCtm6bv8PnR9wYBJoaezxC0FaUre/rELPgMaldsRpA
MHWOYlVyXHPp/wDOU4wdrCOgEPEv61GAMIyMVqpzHEkMUkUGcM18qhQyXgJ1lViN4FHDmIXc
nRjeWFJf5ivnkrPuH4q3mXKtEOBUL9RRyq8qsEuL4jJy5StMvAfMO5eHYPNa+YjC2YIwYy1u
PT5uKjxFS5M0fqF7YvWIYeohglxbAox/8nupo/x5cSnPwThcIUCS2uPEbHnEv1Hf6jl3LM3B
xcogm6z4lAq/mmUaeGwAUSsadAs/OkQWYduglJj5hNBOcxcKCVoa81HQZ63PNf8AMVAiA23k
o0wDGC7Ne97LKl61NrjzXkliQKszhhSXSioBS+mPjGhBujx/jP8AkwwgOx/uLrFLWBbRbKs4
TgKTqv7gmjwpmohyO7hhUTYwNOLhUILywaAi9sAJVKozLBY8OY57Bau5Q9NRkYN4jbKwB09Z
FF008vqVMNZUz1eZ97dCs4iFWcaV+tSjhLJpilpmbwl1rdPdvxGmkPBcvqU1dQIA4ukxKDek
xTeJdIPAYp9VPVpLP8LP+GxKa4bhKaFN6e5UK5YzjxBFbeXb86h7hbpzxBpkhd1xFt/iFlFM
tjr/ABBbgmuY1LXhgW5jahlU+4tULD5qvevuOK2kEA5Leh/Ub7i+EiCWrS1XPzD+nrYHB+4p
B6cQF74fqOotRS7wRPmz7lhsjGy0b2OPiOVqq3ylWcEFEvG97s6mKiVVQ+M5ix0cLhQ+ricz
LOJnELsiFXGupujgxUaZhYaKhSuItipXFMmpUJzxAKwWW8wYN7XINS0oo2swy2K2YH4tv8A
KE54KCr1g/MDU0aYwvanSbje612qKDMoSZWW/wBy0gDBAfImHGClCvXM1agUzeeeVqxgLoarErVxVEVS5tdYN
UFqNE0HiNmNezmu/p5IqCllmVE6nBSqpwZZzxiWWBSui7qVKRYVswMOHYp5dEATVN4gvIwMc
6bkwK8ZlLMu1SsagHcFaaOajuL4+/mAPOjjUSqEAWbeX56gLoarErVxVEVS5tdYN
wsd8LxKJM4NkJHWQeyCcJ4NEESv+uNH5Hfhpvbv6lgKGQlHntoi3saPK3XQi98oVWa7O5pbw

E1gAHGau/wBpHsLHQd2q0xjn8zuVAJpQoHuj3LbEiK0uMQLAoF3hfnGYCtmgJ14itTPU+Ybo
LiN5u+ZjTMHKo9EbM1S316itMqYKxMhBdR0jjcFitcTVUxFaVgCUSSDSA89wMpZBS51/1QmU
PA1vpuDOx0jgB4IDPDKtHwTLd5alv8iLIVyYau7h7ktmLXUC+lKOOd2fMJoWKKAMuPzMewSD
bfLzUtahS2HWIOYljj88SkdJ23wM8NMeaNiw+j3DrIrGoFpjUCI5MZKwMFKI5IvPiDzVyj7i
m4wuxFt+UBaiRtuauEtFKPO/qXtZBbR5PiI3V3U5ljgUGV0CnasauoJwYWx4/ueQjeLmalm/
zBuFLscQawy6lE7bYoM/MFh00RhriudkRaiupyBL7/iXAWcUQyKwDd1w+T9VGmmiAsLLPi/z
3D8yItAYfGvkjRUPOsX0VcYk5pGYPm3zHCoifyorbt6zKB1jRYct/wAY9wZh1QF8ZYfl+5Wi
kZNOWNeIc50YUUXnH/cxC4uvLMFrV6gClo86lWEbM3HKXDa3d/MQ6XTyQSzeRYrtgq22rXqL
wWsPMMAze0lBakviDUfmHLWXK0q3iWCw1X+AdSuq4ofXUryG1dD5rn+pdkOAlfMCaVrfiuIP
rG8eYIKc2m19wtIpHVHHklLSa1jwLBANW8Y/URsutCPkjNsrtBA05N5lLnLZKxfjfPUfNTWV
/UFRRtlGwYyXAbo8Q75RvbLB+q1mIqMlMEZrxFBSA3cIHbFCUZW/iKIeGghVlOviJ8cshqoe
yqWAuuOf8J0kAcsFAegicK2FJBoNGGVfaylirLIVZDI6vme6P8htxmALqMKd1/7OBAeeYQBy
bKui+M+5iJt5EQFnLEAUtXpuAJWxAFVXN/j8wsFCqc3ClI6X++Mb6FrRaS4gI0GWQDi+fXmA
BbyjwDG9bMYqCyNlHJPCZ1cAOSbQrgoqs9x76jB4wKsrxEyGeiqriuNdcQqQzkqUJyrqKWGw
mR9MErGJZTR1FoxVbyS1KV2mh6qE4S9ncIF0bePA+/4ZghwGB6qPd/kNkvEOSGQI0M0xBEBT
plm64i0KYOV4jiK0aOl0fEtLOzo5JhDpcNaiUdBZZEDBKt0RIGAmbuBjy3oOiDXCmT/7CTV6
ff3FjaNPIUn/AHcIWQi4y31LAN42MrCtVUXQW4J4Ittu4YgqkGlM/cZ1ajIwKGxZdLqF60Tc
UtSRcM7o3GxZA0tgCsAr5qZFDgKPiJwaCZBkri4G8alNmPgmQzbKuZdKQ4isnWSsBsHP+DLm
5ersRvZXirhPCuvYTFLymEKL7my63nHEByl/WYhSYWuGWbgYK8ATQcVRg3EtVuLV6lAVeV/E
chunVELkLvd8ypri+D74SaFqSIrnzhqcktKtTYaTLjiJShWW6L8a+ISRmMBr4hEkhmiC/ECC
zlYYPsxHs82of9x00/IEH8llPYOL5jWSmnlI419xbVruDZZSxdB5Cvi4rYU2D8lSqK5UnWFp
/BMICR151n3CvaSKmumZYWFRVywBNZI5efhLFn4brLKwGB2Zos58alwDKVv5loNHVambYYxn
qIW9nfqBLeExwe5cDnlDofzFcMKGwgPVhc8wvVxc3/kSQWhws2x/kJdRb7UcnR2H6PMvfJnm
JVqqOsj+YefCxVjg43DjOVpzAZWsswXvuJIULNUB6jiORcAovfxXuFCJvn/GAsC+ZhTQZG18
mKoqt8xoQoyulf48HO6K3cvFK/EUmUKCg+PMbrNXK8/fEaYIJZpCwO2ctBmjBqITW11YXevP
zLKYN6uAfD3HBzMJsjQWIB/aUFt0EN0taR/cy6ByLXtv5IpZQNWZ6tx+YKrm1PzC37ihczSl
PnUpVMHZmK21y37l44l22/iXe3WplnYvv2z+LgBIWEMcD4AEC92Io7jDp2jZyfiXMrCYDcSQ
Io0YjXgrsu8wkMHiU4goGzqaHCS+ffnxCDIN0jgOiDNbAOOl+bhvaAJunZDcXYY0jop/6Jc5
hbhfDzLSzvcow28i9xCgr4gMTyYPmL6/uCmHkvZ9S9Co8S9QPubkh/zcI4Q7OX8R6Hwcdjwx
gKP+YooAVfGI5lHQ4jVuQplhbLYYC0Lb0aIFxcs1tPEwFMWe4B4kDJZkPzLzrmWeiCowRQBa
dB5Y9gzIaAuK1Ql2ZJfRKRzAt1eKYfCj4jYiAaRNMAvjIuo6byg3a/uJ5f1pO15a1vfUQKm8
8ahkAbaA3MVNHrS5KbAcX6zGwcJyTmTdQZWk0bjo2YdCcmfELPi4DdFsqfFj5j6cyRdJVkVd
rG0sgEESlYypir/g9Qpb/wCzxErJsSUDGM5ZdrDuQQUANq/MHOUWcaXmAf4VXI3khK+PMsqh
bmoSEKXopmosJAFiwOB9DiUW5wG3KPy3xnxdv0gpuwPn8zLN0vkcn3A5UZS7dso6aPtdeowo
lher9wMqw0yxpmfJNzCllvohYZc4/iVdrXXE+FlIKbNQTTBUpUmI4qpnOGA0/wCLkkcJUB1U
cO7mLxA4m35dxmjOTZHUKwMyzdLgDC3ibW2lvHmaZRHIjzXx8ykMKibrH/blQFAN5/xgXBRm
X/hVSqtfRL/xWDEBQTJsFvmyLXOHMdaVvEUdGAvtzCCKBh1/geekVYOU4AysPtq6T3nuwHg3
QqjasdEEa2M6OZ4UHzGnRBBXaGN1SVkWJ6lY0h6uviI7SmYlMstXF3by50RrH37GA4HUHKh2
l3uMQqjVO1eBEv8AZe+JYFaUfyJ8f4CZqiq1dfMUTVNt9f4O3QsavHENJaN1AHU31a5fSIKF
C6K/iZVjOpkL8CmKp0NtwQKiCAtH6KcS4mMqrC8Ok1AQJJZoqz3cubVtnMJOuK4Oz7lnM4HB
2+IY9pfwaOhmlDAdMGEm42D+4YqHYWvxxB0TPCkDRWIVFlwBValSK+NxSDeww7MBtWglax/N
n3qPQ/I5Ke/8Fn+KsCm/OIuN9QPzLVeOHa9XMh6oOD1MelBo7JUI5NQl4S+Vx11Bor5xMKrv
XuWDGOExlGxuji4x/wDgxWSi7irtWO8xFQ6FkHZ8h/7mKDe8vNj3/jgbPmIHYUXhx8APN8CI
FM3qEWlDyw0jhybqs+EflAryeraXwNfCCepNW1avgafCeeqmQUNyzi4A4WD7MopkDvucxGLQ
HFgP6fUO6gcNHB9/4FDbShZt4/8Al6B2CgeHju7/AGjVD1eWckqM3MM2fMcBYQjK1j9IDANA
a8rDwqGCSxggsZrPspCvFuIVTyDqIAVqEqVzKueg+I14qFcJSbGROLcXHsl3Ti9/mEQYISxH
qJKaKJhbyR9lY8ELMC3iIUpenFBlBJAse/x/jV0ALWFgqwaPi3MJtty9nLmNzYdNfIygpLDb
PmVVrC6jAcnKArcW1i8YPvmVZE+/MsGkXLrA89xbzXuYGirx/kBmKUtuisxFpXmg7/xWXqk5
gG0/kaeK5lMBrsh4DwAHx/8AHBp8PEazxRmzaF12Y4LXUy1jY9lGuz0wFcF+oV3z+zVfqz6r
/DAe3QbD2/IicKAnIP7nYFJWaP2+sFLB7KmI8W5FFofSwhOBt/i6iegizMbJkpRsrPP+Wr0S
oGl9vn1/gQbBXs6lt1BrAlTwKYuQxRwx4qsQ6wnSK4/v4g3OpYKPwnEwtGztfllaA0fNw10w
jBVBbXioqYYOo8HmPqTYw7Dbmr1ESYDKcoHrjuPTqS50ZlhA0wuglVaTLh9gxoUYhbjK+dCN
B6yqlPT1F1N0nP7Qw4sQwCqSJYGVtk91NIN2XqVApmAz7EaCCF2NlSoCmkgmqqt6/wAFrh8x
yxWLi8TQWBssgBxJUKHR4R/0yOn6kf8AhoFqAyQdgboPwgGmhwBoZgm0IGelt0q/ZGphaEsK
Uw1Vq1Tm/wDCU1woOC3MRvYwKtWMzizQWUGV3mGP+zQGxHhhZmmq9hzi8abNOQ4G5qTlRQqr
21DDbomxyh7q/meStjr6YC35aoBbi1Euy43lGRw0VdJEnJcdmlIc2YeUJiKNVp0WHC597RrZ

txzACl+V+9S28cJBG78t8m87u4NJovZ18RkqADZpMrts+5f2Ifg7m5hRmlotMruPkVS8I/fU
QHwJfTjz/hKB1gWMr4N14aiYvIhxx/aa6YGgM7idQyFUKy/dRKGJIBwauMhFTYvkksihcsTZ
fI5h0HFtZye6RUKbXtjNGmOkYpQQfogaAPEyXnaDkCbwQqJQeIRBmBL+JbW1CuX+vCrIw/pA
9msx2yLtgX8PQPEG8OJc0MsrdZgAAuAKyVAEXqmVt0335iA2Krp5INSm6zWI9f53/lcUNfJ8
Faff/wANpXH/AMCgg1e/P+SIcL8w3HYHWrXR1cPMI95IOV714/1DPQCUDFc5+orZV8x/yCoB
a/4QWrpXX3LYUowii/csFyDs38QUqgtmNzloWxGke4upjxh47XxfP3HOVvwOg59RPSlqNZfK
749bt4wItEtPz+alsJgzBz8XKhWsSUzmvMR4OEOreNlH4iFEOLGRVj/xMftZHBx8IkZS4XuX
K3APDxL7pktycQnwtZgBUpaIjfgvxFRnZ45PiYNAXPQ6EEjfBUFNmZ2qN4aJRZAAfJ8Q60r1
TJ6ujXqIjXVqWf8AEDqaeAxVbcvcd6z8F9zx/wDAI35lQ4C9D6gobqIKgz7lZmUACV7pPv8A
waCfRGKIKDjBESFI0/8AwJgeSq3/AIxXmX6CGSJtocfP+DKJA309dzGSY8RJoADKyvZ/Uqc2
0prqsyrAd7sqohVAev8ACK8GIElBxluKUUI8+YORRvfUBea+YUpQUurzWoiILS7ICiqxjbKe
QB9QvVaiCqa6NRIcplWFp9WXvuWpYL+dD/McsLQ5UbltwNxeLRv3zCmUnKJadb/coo7eZT/U
JBWb+I4KiLLd1xKDU5u15YpgbKNss21gSUBHcu3kgj4S6Ku0mpRAKxGjAPiBvcRwi+Y4ODkp
nANOQgSATWOWNXFFfHqItuA2YVCV1rZN+yhVF8fuGSl854RsacMAAKCaXbfG+P8A5UEJdx7N
vniMvstVcgIQwaAIF9NZh6E0iD8CMgugr+Y8Er4ERo4+xtfMcA3EOffUb4ugK4HvUtKOS2fq
oGFKx5llavH1/isRsA8L/EFastKhOfeLJsy5YKxUWBVZQyXiuPmIUbL1VzaWibrhl5OP8ceY
rADndV/mVFvRUq+dRgFYbyX+I7ib0Lkutzboq5TR+Y5sK/LG5bnOoD0wyvZRf+4Z65lHdjY6
D3KCol5ByI31/Uf0ouuyswpSZfJ58S5FwWh1kNEAXlZ5Lh7cTfmFpIlgrGt0EqOrqzI9RzLJ
o6hbuJCpg/2hqbxxAZqWg8RMdju4V5BEggrAuZmUg5MHCKwRQdrV+Hn7lPAoFRav9RGqBwN+
LmNrKt2L1mUvIgQWSncd+Nf9uNHZaTiKOR0aH/6HmU11bm/CA7LWCoOiAh5UFqQb05hxAFDz
ANHcWhFyq/tiyHyonstT8TCJypCjYXzGMsBFNHyYGKigwCIfBLbSE2g4aXxEHy8D5MVEVtoe
GCUP3BlRXghRxYy7GkUbTOPPz/gRrva78dRKLvnUUsVyq3BKSlMOljMX0RUJbnqAuA/wbi23
X1KxdwKK3cagiT2/sXxEWlyrmORbT3CABBQmwrpVq3lo8wY0C0iuyOkeRyRGnMGS5RsAwFui
FDqtROxU58ND9EqsSL2mmu4toEpGJbE+ehlrXYBuaLDqjiJrTQvnqLBMZIg0LOI+ibW42C2d
9wAM9s3a03L2RAwyrIot+01EleXWIsFCkNXAoKDLFVK3PhvDxFYtU2U4zHhEXmIL2H5ILEF4
jUIgCjTprcsAo06ZjnUElnKL8DGRipDAcRp4a9JQGYcJLYtCOXkO4enlaYu0eWVYarHZ2ev3
MLO0v7AZVxV9JyMUPl8jKml+TX0j/hgBq6kj7XA76YtFQ4ymrg9pG9mBUKaUsNZ45gjGgzvM
LZTB1ASib3gjbx/hMUmcTXuA2ous4goyyyhmpUNeYPKlq8N8SrViquAOmTedwlQac8sz/n3Q
Bn5fxlz7P+gAPzMKlPHNWlvS74jrP5LN7zX4iJzSsBnLwvmrhV74Vr5i3z+SiVrvMSE+5KQs
ImWZgrmtK9yoGTnuA8ygsrIYFAmAIoeVCP3+oArktbYUsFwx1LobXgv/AL+oeXUu/OJLcoNZ
90/3K98Zlsp5ziFzVZIa9TldqlZMajWAMDlfvEQrYmAwQapbUJphVu8C81zBIAtGByh6yxq/
aoKXzFBGpf8AhVLpN0YL9fMQbF6WvSLAsR8Fj9pKPcgsKoljUMjGO0VXcyG/n9kYmRVar+0N
PV21aAO1oPLDmTFG0zRYUZt1hcpTUFzmo8qu3zLNoaf7I4OFhZfEPGp0GD8I59MdiJxUcTw6
qWFuQYqIsKETbDeMbx1uVgGPO5hNEtW5D1ZAGHdp5Du/cStNxudrHHMPhAu3l+Io2b4lMhSc
9wsYbCqaIfIzMA/JmElN4gWlVb02IYWQeCHbwbqavECBFsOxtsqZg2ZFGs3I+pa/+Zp8HMaw
CepwC4Lm0XdEeC26UB+2dKG0isJchi4wKe6aGW9XFEurTTZoZfuCL7Tw832hCyjYoJWoRMvT
ZzE6Si7u8S2xwCBj8uoVIIO71LIHQwXAlIc7cwl6RWXtgOuJd1StmPwGCK1YuC8MTtKi6ZmC
IYy69wQWVhMg9RhG0PgMH+CuSV/jiMPE/I6R9H4hWXgNJfcu+lObW3fP2S5bGxvxMQsAeCGM
jtlzTr8wri9r5d6dD1NV8fKGsfBCKWHmMZbtwi4hEtXiC0wvdGhPePyhAmOy4X/VF1tEUpfD
UudD1EKU7VGvR3xBKVnuZMFfMsU64uI4xFdFe4gCBq94mZsoPgFEsRasiAArpmCx40V/f7l6
HZXqPil9hHK6jhQW7qiOkKLTbkYtpVPu5V7VirOhsPahjiU2/wBqgze0lDefiYC+PU2cwq4h
iYwXuLADgb8wfcCJqjKfaQeL+fE39d5UPiK7shiicME7At46jFGxQXpjEgHbqWbHHLxKjt1C
HeYLxAV/4EZrs1XMaoGioS7U7ZTiBl05rbLV7tqm4ES2EDUD7U0Zp7+f88y8UHKsfmWiUJfR
KZmcIkjSlfubMZDtxmsbY5KcuUHGb9zLfe/CbNvmZniuq6P+IACgYrVK2BcHzuBjCJu3jOi/
QhQtRuLbxAjmGiMhQ8y2IuJawiFLaK3iyLjG7b5l3CM1yjtWRzb5jnRA9ZhNLTioju5Rw50x
dJUABmC4u+5nkLDEJaSEFpn9wfJHAaXFXKrhuyWYKiiqwbhHNcm4XdHwVxCkFMHJq6tdN8xr
dy5E8Km1Y4L8Lb+IUt/lZfx+IwcipAAfURIDkagFaxxEqYi/iJhQOHfmABQJHwv4SpT5q8PD
Geo40IbUiy4Iu4nQgPBIfrdY/mqVLv8ApxFbaFctQLIjNBmBTMQ0Bfm4KUCsWTOTIxDoAlhv
ZFwzGFbjJbgQdQNZIYBCqYmjKyuYEbebFH+PEbvZozie9Q242AzTXZn7ieZSFZaykEAHCbFd
C8J5w3MARiRTHYl4zUfmmcjQ+jm9RtVULwCh80wrUwNwMVaLFhiQDzWmfzCjtkzOaiKoEUay
4IUSCI4LRA+Pyl20lo43AnxVT8TTGeSVDIwS40j0wHCtC+o44/GX8S1c1xD7y/UTgwKGxe2j
kwQIqni6OmrzmWot5VDOmwz4ldx1u0ddw3DfHiNoSgoOc2QGta+g/wCYrnodXCUxXkhiQZnX
8SVhYnryFhCAH87mXryIA+YdgnZ/GKOH/wAFL1A2vGa/3BVOpRsoN3DrFuiLQLdI1utszuC2
gwbUW/mAGbOWjeCGcNW5OwdHmHcWBAtduczE1S6l8OV068GArrFF2GkgMKKBcBd5HO4ZQDsI
VBdhrUsLJfUDMw8wFqcMy/8AM3BHluULRFrZO2AlrLwVf6mQwPBHUAV3EU4NS+2uIW7DiZqN
td5aK/oxO6cqk/EWqb0seevxHYNKBDizsQ/BBd+2miAwDFIPNygVu4a8rq958nBNFGKWnxM6

A6YjOAsDXt0RJGmW/mnTVd1GLHtVXO+dH1GwQqFao3919y+RAvaCAHEW3Ry5c18wpofcApGh
gw2ZcWYHuAqcJxxhlZzjCfEJNi6Cgm0LTRbqOUDbBpVVfjx3B89MPEQWghbovNcvUQGrAwHq
HNr2sN7rwPEGuiXya/8AYJUlMu3LgqdxcSzY646jOgg1S2yTRaHy9QbCjGzuhTVLdFeZeEVN
aXqg40A63m4g090+tlTHv1F2El0AD2yyQJHa3ECgUEKry4lDGXYwBSszaaPJDI7WWCFt+ZfL
1DgcFS3Kprx6iTctfMKx28RM9sw5PLFGV0VtvP8ADKkcdrMiaCcBXNwBO+xgdQ1KssxOa6mO
WJUscOPMPNcTUIfYZOoBQrTbhzxNDqUOud4niHgiErhhkvz+Y/8ADtS1/wApMxcuWYxe1yqK
gy3iT4sfiO9dDHN9vin5hI449Eob2tzhw4mAXbs9IOS5f4oWMuk4msUD8wKr8TYgV/dWA8Eq
m9CPK8VbPOpYbvAvjv1Kg1UHlzK+wq57iNNYcCCAOc+5WBLoA06tlgV2WC72Mv0GDWkcA33n
XG4immpCjVh+Jgu6YxYG9EwqCHeqlwwCy8KIf5ApqL3XzEVbli26JBqduyLJruFpjnJjk1/E
pTGwVDTQh5UbGv8AtSt1GYGqEaKYMLXDFt6Ftr9R/wBaNnnuEwRYLDhlkqV3OjRSmqSNQ7gD
rUc52/qMreGp8xCrgxgvdZhd6g5aBr0n5nHGWmBbIx4TJ0EwiTcK0TMtP+cRk0jaruVMpZkI
ls06lIqVdbl+ai32Sw/lC/Uwb5gmWZWHC/CKbGHhqKBgV4lK/cEDXPUBOGUpnB2n0f3MBY0F
x4Q17MygzJT2hp+TkI3JGYzX/bidQwTlTHThAHhj+fxA2JhapyfMXYjk2LKghKoPUZC3OD6b
YKbzCqfPXxGugMGWImRIjHBxTTj7r8ykrgcS1LRxDv8A7uY70FDVdTKsZZ2GITDq8Pb0QCwE
p1iqJb2K9lNg+at+O4a0GUe9fzHfd4iLdZJrkii3SCT8kXwCoBN33BFMvi8Oe/4jHVQVb24m
QNoHFPf/AJFX6kfaZAGjH3LWBFXEZa+oB5RqPYe31CPvRn1D78fY68wgJLYtX/cqVeVfxG3B
6YEaO3ltfoogm7tl4DBtgYuDR3FANcK1e34g2+kNgOovF9nJmT0MBiCFptLQ1V3xGrDNh/EQ
mib9IJCI4ijVN7eSU5tT9QlkQA+tsah2cO5UY0lsuERdzYNdmWaibzOwiZMHmY3i5iqoleLA
17feQ+YUKIqoB0ZhQsDFn0efTZ2QXk3CF3WBtsMI64maSF0HtuNSYiBbTmZgt2iS5SdbvzMU
ngUgCBCyA3nJqVw5jHmGXRLAlvgl4QaDjMENVAwFi/mOcK+nlADNirkNzEYmTX2ZRkqBMb8+
DEuAAyFalGzeoHaKsopSuDXVzH7DOEX5ImdEhl/1CmLpWFcicMT4v2xYKagmaUs/Eu+GSFFJ
j7zFAaXniUFFfUoRvBHL+bs/MWlZejX6grWqIHkUVniVYiWKPy3cN6LdLfNsouN6foMIMHuI
IQsLOSpYYFjVj5zxLBIRMlGoQxbYcnDMqfcW43x4gdtHEe3apt0r4xLZDk8QD9LAwDmKtaCb
U5fEdUuD518ymadXEtUHjUK9cEGjz1zFKXZ3EyAFcsXe603cpbbTnzG5bmag7mP7zAaitEfg
3KWeGImo+Mo6TlBfLJ22HYbmAa0FP0S2+tYW/TDZnPAtwpy+ZbYOcEec7O4FlZuTSG+oaDnE
ifD/AFL06APNz8RGF7Oxl7M17YhqQ0LHxUqHdMLq9kGjAgHnEGHmR/xxKRsiz8xQCm8D7WoD
9VnDDtqUIQXgL7+4USk5c/P8xMwryy5a2tUHNdDCcxAnkFoVfRURuAToo3kuzXnZOC54tulT
j3qMdBcH08kDcMgALQ0UFtwOtt2FbihdGC2xVboOPUeEwzlS7HJCaGfJBiwxEYdvFxoDKWQF
ZQNRkIdVzKgH7gOsKURu4z46q8RJHQpU+kwxpr4wv7vZNwCoW8DjPiUwLSdS4NsfX+duLddn
ULdpIWr/ACnNQCoewo0KbYmAu8usrtbyvESDNh5zHdTIdRjRC7dUwygGZSJg0BRDIYDqGjtr
cYLXLuAG2KWEvLiOxRrtDMvpf8V5qLTUomuXllWMDBW9t0Hta8xBCz0CjIQAUttAZZbSGcgp
XHNXXMHrCxmJrkOOcxyPlFaegwQAnVB1wIt/kvo/9gtphV4RGgZJOrx/UzRn07fzESFSXQgC
ljA3zGkDJH2gC/aP5gwru2u5VuQKfOXd/rzDnMSG4jn2MI4XyYoVFwgLBvl+JWba4i/m6Rt5
qu1MVqA0puduTNuUMCJyaw52gKrimsKvmCGBnkrFxhINbB+0pyM27oFuXpXmE5Ap4t1tUlsF
IrEmaxgfqKJVALAwvLeoUiZshjnfNuD6iGBFaqlhCKneX8yvcFQ2j+IUtG8vcCqGOLJ54kAy
/fuzgfE3m+G4cGPL6E1dPiqx8kBdCoXGGvuoDVgDKnJ1mAt7YChpg94/MXm7ZHxYqUB52SxA
tAm5Sne+nB4Yw4YsHEB8qdMB70LnkzuAs2x7i23F3NhBxonbEbgNpGKZZvAeCWrVPnghVC3b
LkydcQC8IW2hOJUu55ihqmIwPmNTFQHIuHndq7XgPK0fMRjl0brareDUILAM0i4YSzWNeIhA
TYbOHDZrEvKUqgAlXQcQBe9cFD/cMCK0I1YQw8qgeXUeWQXk3+4dtRT53ATYwWzpYE0DpU/x
GDkYG2Nzeh2yo8tD4q1g4u3d7joDlLdCjnMwgmCgBgtC1d7MsQVauScr34uM4U4zsqNZWKIU
hyRBVhxogshCBbZWUscm82xLSVk2pRo1Rh4ZaCWZovJz3XHMYb4AUOHGb6mGLQQ221F70yA/
l+YYbABL+SVKsFfjabhYEsAGDM9lG2A+B+1hxDF0FlgNfE/mEYKlFrvERLBGf7OIm8WBjDLh
APglmd7E18kQg1vD4v8AiPrkuuy/3HVclTFGQYxgHy27pAmmUStGjxn8Sp6UsBbOaxKLOohd
U+dwgpLqKpEbrKe4rgQtV7ZQEaqqevMWinrEgA5Cs1K40LFRgGAWHilJzh9cxaAHdMKLLemW
xFdTfTfUdxWos4laVcWysWTFrOc+yI6r4ZmAY0HoC4b/AIku4VJbqFPxNgM1ra0x4h4tbAKe
ViZK1QHT1V3Kcdoi8QMr4ilKUNdr+swXV4hDptgA2H0SIF2D7lhJAF3uqfvuIzsdHY8PUNmG
ovwXBVFQqLRaGLLaPOql3oLoBC0gWFS8jffcJaqlCW3qluWKC5gBjul88EZEVAG056HZ1qNO
UnUhi+rfuupTG8DbprHhwcQK0VJCz1oy/MTjQuD21W73bkx1Dq1C6A2L8yu6MBsj2ZCoWOvE
fTD9xmcmq05rP8Qrln+gMsYYMDye8LDXLCqw5b2PJApBktXRwdUa6jk5LmeAGobecuJXaBe4
BvHPplM4p1HPLU3WVgO67jobvaXZvGmLcoI5VwVGk7kMWGUn4IZEPhFcW1N85w2SyzosQ4de
2zb2z+ZafdFFNqujX3Bo4GM3R7jho7FMxWB3vphK86jVyiUQFpbXUWMVQsEplL98RqZZo4YY
GbiC7XEY4QUdPUq+7lmRP4ISrNxMK7xCAVoPEbsas6j4pTRMW39QqzTuiKG3wH9Qwh30jCUu
qlqYVLp3BpDTcF8sJy4Bu0BPOUKLiKb0zskc+MsOh14WG14RrXmxVtXnHzEqNA4mH0tkIF5K
MPuDkRWMnncA4GANV2gGZsc1QtTriL6ZigXaNrWzXiEea5C3npr7ngqCx8I3UKfNZcgUbps7
ZbzZvR24VH0KHIUNGGLepSCwc7i9gFX5ruGxEXlEbDzRHjXMpQg2q52UPLH6tLUABAhKcJQU
iDNKB8EMAmrAsHLTKp6sDF8F58364mo+MRV0mrSz2VCggjdh+IauDF2B7rz3Fmgu6H82Rq58

TTus+OohdVb0A3vymzYTqmwXy5x4mInRUnj21t41LdxA+IE2eHEZTpAD8A6rLh3AsKtEVDlI
7RaNaBpfcSidaFe1cVUdlTl3NpMXV1V7h7jUti6KxcVjNWFjgLLjiqM0IFs7GlObyzJZ8Oiw
/UGGcKsFqHzDEOS8Pcv4ovglk08pKEAdQDIV6g2nxH11iKhW8QFqVpZd+CItGZHBGhFrg4hD
I1qMi0ebj57mK/8AMTKGFp+P9wWjYBw8B+ZTK4p09kMG2OFerIrC6+p2/iPpllA+pzWdgKlX
NwGG3J6g/tB+d1/3tAgEdky3lyUHJ6jEBnqG1F27Y5cXzESYV2AbwKHLwll9PZLVUel01eDC
bKruFRlZv8FVfLcRCPcpMDjB3+ZbYJqmrzQ2+gP3M5HAAKXS2H5lPVBWlBtb/niYwrLVwwUM
Z1AsqWyXAIcP1cNal2wEGgurNkswnvpBibcX8+ITKQ3nqqobqn7lGom9L1TJrlq4Xc/lTbb/
AMJfexOWFpYCg8R0WM2FQAwumJfAMQQxmlw8wBbw5gLRDeKx0xCBmSyNNAwuCgmGsANDhNw1
UEVMkXeDphA0bovDtx6zFu4HIt8154iTmAK5eTf7lvEu0DhecDzMu2MUMxR+v/YE4OY5eWOt
QJmy1u6/8h9A9oe/5jkqlh6ZWGn6v3AHsj61XO0sDywxoIhRcnS+c8VzHB5qpaeSsxhUWeKC
uDPH4gnZUrzga1WJUmPp7T9sxVkO96DjJkxXc2YcS34anHTyMdUt7O4bCNrplQiiLiAK9HmK
2OJagF/0CWLQjcKdpV/38ReE1tYJuxOBsuWn2jSfMBRA8YHxCAINB2sYbMAMXAnmvqWPP4hr
SWGL7L2ef/Y1CKoxFZGq+VxGPgSxS7MCzj6hgORLUvibqidKp/c1QvlLb+XAe0mHmfFo0roL
HynOYmU2rU0eNCVfPhC4+gqENX5/QlX/ANoGr/D9y1EYE0q0e9fQjzBOv1bYPUEW2WWr5sGS
Uv8AZA5sw58ShJQyGDAvJrEIKBaI4C8v/dSxjitrpKSpVQYApgDPluX/AMQELDKDzQ/iKb1q
u7m7DzrzALtCnZrK586lR5TvThQCX3l7h3qpQIM9fzi4kzih90TCv4zBXCQnXbaF+5kjGMWS
9tYEv+EJGCgwWxXIvjJLMAgYiwm+CmXJ2eCyVeay/iMXfqNPQ8bv4guowhB41v4gedcLWTJS
QXU0yXavSqO0XiBeI1hY18ExOYg8JUGkAt1UMuWtXUoN+V4P9Me0TR63YNr0/MCd9RhcMHrP
4lNtlvsfk2Y9sbrNVRLHdGd/1KVxC1UWva1H8RaMsZApgbqtn1LwRSV54z7nB1DyDL9xFU1k
BB0jPNhSR9DUAeUi3Y2emKO0lUrPk+3Eya91n4iu3maGWAh5dkQMGwyk3Yuuv9TAQjjy3BNz
Ls4hVaA4sjTYHLWCA0A6QWNZVCF+fqWYI8l8wsdGejUUNoKhY3fuCtibd5qhrdZcsOaqVAHa
XfTnMoHK5cadDeCte5RWp7I6CN2tg/e4g5pUlBDHOafiVBzF0gMB7S9+IhUi55KHzS/cdmy0
5sqv1DuIiO0pr5F+oKOC54FVXeX6mZGM9nyDg9JwxeC0QqhFPI/q9MwcWSGAClrl6tmFIZMe
Sn9YN3CBFcU9ReBTK1ZuiniJgolG+ozScJUEmbqAcp8/hCZO8aMBY8/je5mcoqkprDfesSm9
zSYiucLe+HJBCRKgqTedDTXqcpMbbd5VKp12QA7q65w7jndESLXXak1iEQU9ijhOAKLv4gmv
CRdxs5fWqlWS5MKDVozu0OfmX2Y5LaYDqM+ukhpxXJMY8nOBR/KVwMoFq46gsumLzjyI/MO2
ZmCpTOxgSsa30ZmDSKxg+XwfupeqgCTRCw7cHmpT7FxWLXK4a89VGEhCI5JhXgvXVTNScFcW
h5d86nI5wAK5rmvtcDQWzJitGQ1x/wBsYxAVsqrph+Y/5RAQemB65mx96icvKevR/cIuuxLy
9xeDmeCwvCu10lRWu9MYgJbVX3LxYh8ywTGjw+6i13rg7/wXxKJlgTQPTmUVFMqloQAAV+T4
OI+dMlpCVi2OfrEFEuCcWKoJwT5rnE2iNEEpL7dPfMEGTMpBNl5dGJVi3eZdDrnJW5eCSjAW
wvBrHHOpfaWgBAArStzcNO1XMfgPOt8fiHBVaG2o8RMq6qEGu2g3Y2dOZQ8ishOcd8mnqB2O
TagYA8+OIwiTNuP6lpQWG2P8hsBSJ9o5GYqjdw1YKNQEclpTGIUiwAz+Pjuv4lhR5EyE4oyf
iUN6C1kenHDAvRlKE2KvbXuBXlrSLEWRrfX1OADNrrwnHpnHdDVzye+qhsguVMcik6BrRmNX
3tbFE53kZieVwBRu1Qt/qZDtmASsr0d+YVYF078vl38xQvpFz5McR7imtXY+9QEhfB1KVQeC
JjK5WD8k5Xh2wDdFlChwlHduoII1yKvIqLax/wAS2NdBgFZeqKlkFSxOAMWebm9WyPauMXAS
dijBFU/f6gLNFGgQx4My1lTgsHjGIA7JbtjOi8cPuaC0orpzw+MPUSrtoKE7T4qOo1i/iEBb
G7dQsovKh8QpYIa09khUwuVP5RC/YqggAYo4vmJs5Mf4uWdZ9TDBs4eySV4snmCwVrbwQAA4C
rD7f9QZIM1fP3LMQXol4d9ZCmbVSBx25FpfXmEcMgsEEZot+AfIqhKdEqK83hV6Zb4/sagzu
gsLwO4/udGKWJwtTzPSSDBC3WnGYivTQnu09jUqqM1WUCQgQFOIDi0I4HdS5OFgNaGrmGKUE
ymLqUIPcD1/i7DXLH6F199Sh1hMFeKrcBGsGZyZF8GYenStANNcwRspyhu5hQ8sdE9284qVg
ECzk0jrIGPMobYeCdhWTNXyVKqi2stt2fv6htqNgFrTQusN8zhC1h8m32L9ENBzBge5vRqOl
e9fqoLv+LbX/AHEEwZAJ225mb6C8hXDABWjd3GXLaSr1M40AELli2xd0h4gziqzfpfwENq4t
VWOxa16zHYyq2LvJg+JRc14cy6yX++oLQvkbs8H1cp9QhSXsy1TC3oHyKvAJuo8xdvjWXOdn
3Hf2Fdr9Zv2kqcFJwHGfzXmVzQ6a1HM8JWwxCjEvhZk5+o4nIQSuYDPL9RW2QqjV/ENrY8Lx
LtpVZbFG9ES1RW0cSeX/ALmAB3nKJHnzZ8RdCHA/4Jak4b1KwIDGKPzcs2badqv5lzWgSOii
nONs0G88FquR0Vl7ergJd/fX/f6iiclwLVb9Z/cOKeIEnA2HH5jyzioODCfpCsvGAS2ywNPq
iUsMHDxkV5jKmQKBM5vnfjfqYEg7OE0VRX9CNK1Aa6ILKA5h3WMtLMlxaxrUtL/HqK2ikV3k
UHjcFhTKadnuVphYV46I2FVxs9vErAA/49SuYBZHPjcNRoIuJRy4rHmWNgNBSY15/qAeQ2ta
4WOJet9ocgF/ggRKYMqInMWZZfFblshGlufeo3qBEtC9i86eOYqjthoZL1dahqItnBVci1pz
F8AX6mDrJqLVnjv+9iFTLX4guDwo78MGADtllSsQOYGZAi0dEq80XOU1xEr2VcnLtTn8RoEt
DNpSl87fuAs2iKoc848XvEK8GLBZeV9FEyfmdn17h0DEAeFWfEyQQDQbH8QK1QPkuNl0lzb+
A/EPLAKOhBlUVby+5RWQpfiEO+ZKvuANfyo/khug3tLigseGZVQBl9Q4LcvHUS1EPoXpy/7h
AMksI149zPmAcF+hWfZ5j/ht6G4a8vnJ+YDjyiW/uFGeYsBWlCQp1xWBHRyNWO4jAtT8tQ+O
RrgXo8vNR0bq1dQAvTa53ZFA1fZ6Dh575Y6qhtBpFWdj3Kr9aNaGnBwDhjI9zPPJIbFw80Rze
zqFRqF0Ae4zYuEruicoNwhLZGzEKxwR4ystXe68X49Sq6yxwKdfIx7a5bgAcRIjSQ0Q6XrAi
m9XzBWcWLHoC5vEJcz8zZj+IOoXFjwfbmNSrVWKqh9cMBYC3dCqz4ADD1o+N6WACqhVmO/8A

cyHppxnoY5yexgrjcK1yBQ2cB/24Z7mictD/ANxFBMJ7MwoXbdLETUvhq+X47lEEVZk/piRu
0FXyNSh1dLfpAKw0sG89a4qZDJDoA2W9+JfgjYFdj69RyYkQVYf1iV1ErdFLN55leJXbBsZ/
iAmk8gOsfzFAdK463WDPHqME37Bd71158RUmt9pvng3Em5TexhmVUVK4aA/lhyNHKm4FqZK1
gIklQCGKgiFtCrc/7mslObkc0wgqq/iaALzTk9xADgaKcX5g1gOPXH9xa7Fh2nL8MMgQcCq0
fH8TP3LA1a7POvUxGTQ34fA0p6ev8oFDUdVrpxEHXI1UZubBaq+IWtdCqjOANd5YYWDby51c
tMvryhjJ7d/+RJiY0GhnNRJmyzAvSB1dX3MnNM+Vdrk+uY42FoD4SyvHMHil2bTlwef1NMcJ
yHf9Idw5UZ8oWIq3lnFf3Pc3GPMig6nOGLLI69zu5KA5e1jR7Z4oQoKrd9QYD0areVA0YCJR
GaVjk+IujxC1N26DyKD6jWTjuS6/qIdazNJx8PrjuPfDDavu3Pv+ouwhtoch5xcs5oLoquCo
RKgMgwOTvvMSihWtF617jo+wDXWV448y+uWBLF/t1C0CEl21GJTQOavEBIAbUJopqkfYjRbc
vXmGzQsiAqqdMNmZasz9moFNk2b/AJu45bQtAV3y63+ILxyA8BBrnMVErIK9Zl4B2ph5Ejwb
0Cx44PzMcKC5rkp+iB2pGIPy/EpcrsB3OZ0NwBANH7Jf4g7YzdRarbdd+5lhu9/Sw6Rg3d9v
U3nDhF/bDuWBaQrqUrK6L19SzcxnVr7iENtg9zquKxSj7TMaYzt2/wDcQb+BrGAG7th1uPls
ItyGk/y1CnlU8Qa3V5PMAoLxVwxbCqxcGG/UfhVYgt6xjLpoxzHyunhR5vNO64xLUDorf4ZU
YICOTkcao34hurYDJLeDZ7JQGFNOl3hMGP8Asxx2W0a8D1BRjgMvve6+44oRfEvbLodY/wBQ
XydGUTBRGRF5a5rcLPlKROXo/MqfCIUHTRfXBUUCJMEL94L93i84fMDBx8Y/STDG6XhZQrgM
HQO3mYomkKN5cHr1BVQlC7hlf4jKLCVZzRn9yh/ea/0Ga9wb7r9jGHLxFVitjWS0YvP6InAG
0p7b8FTCCiBtNaZ3nf4IRAwChwjq+plJIAxU18I6JgYe7KSwfZUDbBvOKhEllWA9rrfiNiS4
TOJzBJiM1OxtxWIqjrlSKA5vMJQJg2Vj5Mcagoga2gWHSerhJy6gbDp8y/3qXdK8q6HL9ykB
RLYYNL6rwxfuO1tPmCK+bBg7hQxhYSvNd6/MaxOxdqtv6PuP1zQDqkR0cPr/AIZdsYLjUrgY
TIZKsav+YQq5J+S/xLAocCfrUpUFJzQD6gFCPJtlICO3ayuoOwGAM3+vcPgwIqjZ6uCqpUWj
mz6x9yu4DDNPUNW9NZJYqCxqsW0vNF/MRAgaR4/yBo3BG7jRJHIyLfABRvfUQYdc6Nmn7nRJ
HwE+3OvfRHeLV2KVBftfiBAQLDTNOsIPUzCaHbvDh1hL8S2c1yhHL8/EKoABWrl6V7Wv/fmL
hjoPyana6L0NEqmfww6jlONRs63ea7ihwWLAa2a5gVdGvczea5x3mUxIoApd37ZdhoIBQ1XW
tdwNMGN0NOvBc4AHjP6Zx9r/AKH8kq8VZqlvdf37naAo4qGfJvprvwgbxQTKkt/AqHif0wVD
es/omP8AQMcaI1nKviJwRZbgGy+jvzLoEXs5Uq0OsSpEgFlF6GuPzBJ9o7BfqssKjEoRbffm
Eg1FPA01msxUGw0XW8XtuszETwhsAPefywcNMcKOfR5jE2K0sng37b7jMcNS8mlZ5fzFC7LA
cnD8iYHTBjizFn2ZxmKIqaBxSwiYf6M0m6oqlWD/ABGMELnWtnK02wceEUArB+2bmpABVIHs
t9w75skhd1s+px691yRT1vTpBr8fmLAQ4uoHC/LABAhsDwj1NSpA6MD+GF0k6sIFNQW3KPcY
B/aJdMG91G4EFUgwH4WGOwVvgxUAgXrPy/7i2dArg8wc+EgpV5hcaG6u2fbjxB2wNkba5/uM
3nw8/wCSFJboKBVQhWyGLqWbU6xGxh635j2PJMQHCm41RFGYSgAlOVvg8cQd4xBpgFKatq7q
JCriXK3N8qrAbEys2ZhYaqKxAJdHcm2QZBfKsyHaoBwQUdCij+pbQA6opGhKgIFGwKfxHh5w
IJOqFh6rUzmaa4Xd5zMNJXN/7iXWdH90eVy7y/uUuEcNDGrVaKHuuXzAlUEyOSuo/q0AtwGq
zxADaCm2nUBRU7DX/bidvALX5ltMrSkxXDfMWwVoqlGy8569REcAAHr98ylddKqY7ueTliK9
Peis9EVbFe5MYHL+JWJQ3Vk/cygHTa8t7u4GE8xkqqcxzUNWmTXvcc0Kiri69SyYUAKsdTCB
K1L+x/5jxrXnaetf8xqghRWBm4S3Fs5Iks/X+pQegWgrSYZzEBOmmFMAYgK1INXI3cBgCKFo
DoIyT3yRrg0wiiusQDYBvIy/UCVSeQf1ES0AC7Q7jagtUvg3nmIycAHFRcQVcLKgHwwIX73d
sTZYAA15psuOmlWFDSqup/4v+p/4v+p/4v8Ar/8AiZoqtV0lsnez3BVgxG0l2OE+45kGBi3k
HNEVyVhLEq+MO2HEYvxBOqWnZqswMNKQMBpTIH9y8xFs1gDYCFDiCUMUiVREwNOvUrBMEmda
6lTmjeZiALbo0SgsRGhgreoKzCKxnpmRyt2lyrgujUGdaVLXnJOSCaEsc9SvG4COAppxtBG6
sdQPBZT1GVOBvoIEENZxeYmuWZBnJxRV1q2CT11qrgABMcnLFRSLpQw5G9OCY4mxNQoC03gE
oi3MkN9S98YfZFiZhuoKcYvkJaBWBCtIjaxIDCkjgDIUlW7gZ6lWiCW1HyM7hIiyGSxz7DuC
7xoFG4JY5R0xNsczgAccFt+IXEUylo1hWNYOoAHpGWEGijVn/wDiUqZhCSo4SqNRCBjYBBgJ
VAB6jLrQnJUrNcuxj3huDMbrM2rkqIwBoG4AjmqoOOI6QiG9qryGJe3qy6ABGgXmZlXYewKl
TGWNo4pY4jwr+4Q4mQaPoOoS7iF2TJrfQRxGwHUEPAHevErXC9QpEFJkTEQkIqOmmPKKYGXd
Wr+Y+bxLsgpeBQqtsWAs+zd2BL5NStRKJp7C26u7u+YhmGl9DYKjWNFRC0hLNXfY57fMaqhJ
NWigV8kEZKal1aCBQA4qKHrZe1Gnxhr2x2pBEC5atXfmC9B3gKdhV7uLBbf/AI4KY03DHRKE
0wAVoepUicaD8goKtx1iozZdi7SOtGIzwKLlLChTODygDYrJpS7Lm7V//jCh6CrqvdQzWDlo
EOZYKA3snsiWI3MnvGdMGEUt15+eTxCH5UrBmBSxVUXes3mPjyJc+JmVDJB+ialpwAhiDRQr
8zcZKKNuim+twZCoqRyGLlFc8CqNu8tw+xZp0I7NecPi4oA4zwLvOoMGEqDQsADnuKZV4HyP
OKM8TZw5Ad3qt/ROBRiw1v8AOIcu7g3r3cQ6XqjR68R9VyH+QlWqR68R9VyH+QlWdM93qr15ZmM2WoQ6A48sW
l+mTTleqiPEAZmt39ajcLuuL/n+oBXEmqbpdnDr4mALA3C6L+v3GdAaLB95+IhtV9Ih/sM/6
L+Z/0X8z/pv5iaP/ABeYwGIALu5SNgbfx8wLlGUB2gQJRbs6ilWAvJbILr49ysIgdxEF/MqU
unIXw8X9r4le2Wmwrb80Q6qSPLFAcBk3yxbVa8AZ16/cPBVKiv4loB0A/UMqjs1LlgHuc0hS
pPDDOxNM1ETC8NDiqgywVOj8alJ3UABMNGS5ZrJhWk4pdRAEDAH/AGoOqCsWjts14xpV5ml
plsyfEDEkTIpghThGNjBsKpcZRZd5evmWbkicBSlHGLIGhmLoMcYA7uVRUPWPcfOKVW4e+5V
lZF2A58IBZt5VSXV614gu5Wn7Al8TuEfp+pXWIuanWkzEuFbGzHwxi1Nn+9leRzxf1KQ3jmO

NFnFvl/MPUE7sg01R8KrogQfbCqQfg+IASsSssVdqcJuo8QvG1k+891LdrKhp7jTT3SeHnxz
8PcBFNfgLcGhuFKCeNq2rHCVVZiaWnEWaM/liCsJDlyx8536l7Hqv0u3mXegwDzfj5gV8pbC
cWuX2ykwFRac6fTMnBouR9PMBoa4BoiuUWuuIQuSpwFiSVsZ0PExHLL7p/i/8G4ELRXFRYa5
Vdy1IUw0aLzH4gWZbrwxjMd026yYULXmph5YNC8vrMFhYq2qr4HFV+Y6CmgVCnrWF+AYUi6o
sGjDWUKFZwAQDL9fcL6qOrg16hA22wBExFSq+ooKQrmmV+JFw4fcv8k1QQ1R2HH6hrcVbRb9
JUxA/SqrxuIIQGxo/wC/mABWyDq4r4lGU7Ty3UL+QmejwdWQHVy6PGFbCOTg6ZfDCZoLzxTH
xMEfMlDa+hMX6ggwedLs914zjEJ9muDNkH8R2Wwrpaqy4Hj6iwSsjBSgv4jB2GrfCpUyipVL
VB9QD1ZQVR/3EGqvNFJ5dtfE1q2sRUofcs8MWNNYb4s78xJIXzP1uIxAQACreobkBzrqlkYC
qYpztTez/cU9xtFTl93UtWKaGGxccYCrUG+fqMIHE+YL/MGIwBvHOOpQUl4CnxzHTVwQCCB9
J4lbmZFh4/GpUYKuAAfxKRXsgR4N/NwUTpjFBdt64x7igMLgUtxFQlUfL3AAo06/zgwVatlv
xMRoK9D/ADUzGY4/uUMtMEFYK28y4jGC+4fUH5fMfBQbFs1fs48xdqFgPAepkJKjk6x/ECuh
TqutX86IeX9yGaJh00e6t+cfiIKjIF6/91LyhwhDofGvqZmYqspWFY7CTDxfcNZz8Opw6uwe
4M9VrwamYxbmk9yzYFjW/tfcVJEUWlf/AKmMS9CtmAh23AmLsJa+zg3SeQ5lsNK32EaPlK3G
IY1jBto6xbxiY0skWrSxeX0alnh3a7od/NQAYAqwZMHXuAjmuqBgHbRhc3uFE0iGTFSIOjcW
+XOGChrZy8l9/wBw3vV4oBftPmNM6OApmmBae5SgrFMKU34eXcuCYu9XxaoApI2UNucGz+pa
DBoDjGMRhgPQzMEyNFmoizFUUtoqZ8WgM0v/AJ+ZUhanIhf4of8AhiyWBwXH+0EmKtGCQoWU
lIzAq2jq4cXkK+BGDF3QaQ15fMsoSQ0TwTCEUIy/L/SvUfuLa4xK4gqG2MEtgR57nOJWy02O
Yr9pYiYSojVFrglAL2rgjQp30kCwbWW1RX/Zj2SOHKz+5XqDq6u438QkNMF8sDvQtZyPEpIo
vNPFD3ME/bT2DvEyralVYWX3VxEDUCZDzzjMsoRNZg6MZu7/ADGoeqbXeOI454Clb6INhjkT
UNQ/MTRQ+GVKbZZkE+V2xTKQi0v9ImGmmsrjIbBl8tsTAzI+A7vBEzvtLHsDqONIbEeiv5ey
cR4GrvZCAhiAwHoji8rpofowteoLywRaqECvuMosKNVRETX/ABHhN+GAG3yVjW8VA7zP /9k=